ПАДЕНИЕ ЗАПАДА

Адриан ГОЛДСУОРТИ

Медленная смерть
Римской империи

Адриан ГОЛДСУОРТИ

ПАДЕНИЕ ЗАПАДА

Медленная смерть
Римской империи

Адриан ГОЛДСУОРТИ

THE FALL OF THE WEST

The Slow Death of the Roman Superpower

Adrian GOLDSWORTHY

ПАДЕНИЕ ЗАПАДА

Медленная смерть Римской империи

Адриан ГОЛДСУОРТИ

АСТ
москва

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Г60

Серия «Страницы истории»

Adrian Goldsworthy
THE FALL OF THE WEST
THE SLOW DEATH OF THE ROMAN SUPERPOWER

Перевод с английского А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

First published by Weidefeld & Nicolson Ltd., London

Печатается с разрешения автора, издательства Weidefeld & Nicolson Ltd., an imprint of The Orion Publishing Group и литературного агентства Synopsis.

Голдсуорти, Адриан

Г60 Падение Запада. Медленная смерть Римской империи / Адриан Голдсуорти; пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семеновой. — Москва: АСТ, 2014. — 733, [3] с. — (Страницы истории).

ISBN 978-5-17-080843-4

Римская империя не пала в одночасье, под копьями варваров в 476 г. — окончательный коллапс знаменовал собой лишь финальную сцену многолетней трагедии.

По мнению Адриана Голдсуорти, первые признаки разложения империи появились уже при просвещенном правлении «императора-философа» Марка Аврелия.

Но почему процесс разрушения не остановился? И что послужило причиной гибели государства — бездарность императоров, смена религии, всесильная коррупция, страх позднеримских правителей перед социальными реформами?

В поисках ответов на эти вопросы Адриан Голдсуорти привлекает самые современные находки исследователей истории позднего Рима — свидетельства как документальные, так и археологические.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

© Adrian Goldsworthy, 2009
© Перевод. А.В. Короленков, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7
Введение. Большой вопрос 23

Часть первая

КРИЗИС? III век

Глава первая. Царство золота 49
Глава вторая. Тайна империи 87
Глава третья. Женщины империи 114
Глава четвертая. Царь царей 139
Глава пятая. Варвары 166
Глава шестая. Царица и «необходимый» император 198
Глава седьмая. Кризис 222

Часть вторая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ? IV век

Глава восьмая. Четверо — Диоклетиан и тетрархия 251
Глава девятая. Христиане 278
Глава десятая. Соперники 310
Глава одиннадцатая. Враги 328
Глава двенадцатая. Язычники 358
Глава тринадцатая. Готы 393
Глава четырнадцатая. Восток и Запад 424

Часть третья

КРАХ? V—VI века

Глава пятнадцатая. Варвары и римляне: военачальники и бунтовщики 455
Глава шестнадцатая. Сестра и Вечный город 478
Глава семнадцатая. Гунн 500
Глава восемнадцатая. Закат на границах империи 532
Глава девятнадцатая. Императоры, короли и вожди 563
Глава двадцатая. Запад и Восток 589
Глава двадцать первая. Взлет и падение 618

Заключение: Простой ответ 646
Эпилог: Даже еще более простая мораль 662

Хронология 674
Словарь 697
Библиография 709

ПРЕДИСЛОВИЕ

Римская империя пала; если в наши дни люди что-то и знают о ней, то именно это. Что касается истории Древнего Рима, то названный факт, несомненно, наиболее известен (как известен в качестве самого знаменитого римлянина Юлий Цезарь). Падение Рима памятно всем, поскольку империя просуществовала исключительно долго: в Италии и западных провинциях она продержалась более пяти сотен лет после смерти Цезаря, а в Константинополе императоры правили до XV века. Кроме того, Римская империя отличалась гигантскими размерами — ни одна держава в истории не контролировала все территории Средиземноморья — и оставила след во многих странах. Даже в наши дни ее памятники: Колизей и Пантеон в самом Риме, а также театры, акведуки, виллы и дороги, разбросанные по провинциям, — производят грандиозное впечатление. До XIX столетия ни одно государство не создавало столь густой сети дорог, пригодных к использованию в любую погоду; во многих странах такие сети появились только в XX веке. Римская империя зачастую воспринимается — особенно туристами, посещающими ее музеи и памятники — как весьма современное государство, чьи жители были искушены в житейских благах (застекленные окна, центральное отопление, бани и прочее). Из-за этого падение Рима становится чем-то еще более примечательным, особенно учитывая, что мир, воз-

никший на его руинах, был примитивен и по этой причине разительно отличался от империи. Представление о «Темных веках» прочно закрепилось в массовом сознании, хотя ученые уже давно отказались от этого термина.

Почему Рим пал? Этот вопрос остается одним из величайших в истории человечества. В англоязычном мире слово «fall» («падение», «крушение») неизбежно вызывает в памяти слово «decline» («упадок»), поскольку название монументального труда Эдуарда Гиббона прочно закрепилось в сознании широкого круга читателей. Ни одна книга по истории, созданная в XVIII веке, не выдержала столько переизданий вплоть до наших дней. На данную тему написано и великое множество других книг; в некоторых из них проводится более тонкий анализ, даже если никто не превзошел «Историю упадка и разрушения Римский империи» в литературном отношении. На склоне лет Гиббон верил — и не без удовольствия — что он стал историком и летописцем великой темы падения Рима не иначе как по воле судьбы, что в этом заключалось его предназначение. Он упоминал точный момент, когда озарение посетило его: «Это случилось в Риме, 15 октября 1764 года. Я сидел, размышляя, среди руин Капитолия, а босоногие монахи служили вечерню в храме Юпитера. И тут мне пришла в голову мысль написать историю упадка и гибели города»*.

Гиббон рассказывал эту историю в нескольких вариантах, и это заставляет нас предположить, что он приукрасил или даже сочинил свое «воспоминание». С другой стороны, трудно представить себе путешественника, одаренного воображением, у которого не возникли бы сходные мысли — так близко прошлое сходится с настоящим в центре Древнего Рима. «Босоногих монахов» уже не увидишь — они уступили место вездесущим торговцам-разносчикам, которые моментально реагируют на перемены погоды, предлагая то солнечные очки, то зонтики. Но даже толпы туристов, бре-

* The Autobiographies of Edward Gibbon / Ed. J. Murray. London, 1896. P. 302.

дущих по виа Сакра, помогают вообразить суматоху и шум, царившие в древнем городе: ведь некогда на каждой его пяди люди были столь же заняты и столь же деятельны, как в современном Риме.

Рим — не только музей, но и живое сообщество, столица современного государства и центр католицизма, распространенного во всем мире. Величественные памятники старины соседствуют с домами, офисами и ресторанами. Жители никогда не покидали Рим, хотя численность населения значительно сократилась в период после падения империи по сравнению с временами ее расцвета. Значительное число современных городов также выросло на месте римских поселений, что до сих пор заметно в планировке улиц, напоминающей решетку. Другие города, где некогда жили римляне, полностью исчезли; руины тех из них, что находятся в ныне необитаемых районах, являют собой самое романтическое зрелище. Падение Римской империи не означало, что жизнь на территориях, находившихся под ее контролем, прекратилась в одночасье. Общая обстановка, несомненно, изменилась; иногда перемены носили резкий и драматический характер, но в других случаях — куда более постепенный. Как давно стало ясно благодаря специалистам по истории «Темных веков», «века» эти были не вовсе «темными», хотя по всем стандартам, какие только можно себе вообразить, они оказывались достаточно «темны» в сравнении с периодом господства Рима. Многие институты — такие как власть и торговля — приобрели более локальный характер; мир во многом сделался более опасным, набеги и войны между соседними общинами превратились в реальные явления. Вскоре не осталось никого, кто, обладая достаточной суммой денег или надлежащими умениями, мог бы возводить величественные сооружения, такие как театры, акведуки или дороги; с течением времени стало трудно даже поддерживать в порядке те, что были уже построены. Вопросы о том, как, когда и почему «римская» эпоха сменилась Средневековьем, контуры которого начали обрисовываться в

течение следующих столетий, вызвали серьезные разногласия среди историков. Однако никто не сомневается, что перемены имели место.

Подобно всем образованным европейцам своего времени, Гиббон восхищался достижениями Римской империи в период ее расцвета. Это ни в коей мере не уменьшало его энтузиазм в отношении современного ему мира, и в особенности устройства его страны, где королевская власть была ограничена и ведущая роль принадлежала аристократии. Гиббон знал, что и его родина, и соседние с ней страны, расположенные за Ла-Маншем, обязаны своим происхождением племенам варваров, поделившим между собой Римскую империю. Итак, в свое время из хаоса и разрушения произошло нечто благое, и, с точки зрения Гиббона, развитие мира — или по крайней мере западного мира — в конечном итоге пошло по правильному пути. Это смешанное отношение к падению Рима остается главной причиной его очарования. Оно служит своеобразным предостережением для смертных. Императоры, выстроившие величественные арки на форуме, сошли в мир иной, подобно простолюдинам. В конце концов и их империя — столь богатая, могущественная, усовершенствованная и абсолютно уверенная в своих силах — встретила конец, и ее памятники превратились в руины.

Многие более молодые государства неоднократно обращались к образам Рима, поскольку они напоминали о высотах власти и цивилизации. Судьба Римской империи интересует всех. Обитатели современных могущественных держав обычно видят в ней напоминание о том, что все проходит и что поэтому следует быть скромнее, предостережение против самодовольства и порочности. Все прочие — в особенности те, кого возмущает власть окружающих — склонны утешаться слабой надеждой на то, что нынешняя власть в конце концов падет. С Римской империей сравнивают многие страны. Сто лет назад чаще всего с ней сопоставляли Британию, затем, пожалуй, Францию, а также другие вели-

кие империи того времени. В наши дни на ум неизбежно приходят Соединенные Штаты Америки.

Формы подобного сравнения различаются между собой; то же можно сказать о его тоне. В недавние годы Роберт Харрис, автор романов-бестселлеров, немало писал на римские темы, открыто поясняя, что для него это способ комментировать жизнь в современной Америке. Би-би-си представило зрителям цикл передач под названием «Варвары» (их вел бывший участник комического телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона» Терри Джонс), в которых говорилось, что римская пропаганда очерняла репутацию других народов. Передачи получились в высшей степени увлекательными, несмотря на то что упомянутая идея носила несколько натянутый характер: несомненно, греки бы чрезвычайно удивились, узнав, что их сочли варварами, тем более что именно они впервые изобрели этот термин для характеристики всего остального мира. В интервью, данные в те дни, когда шли передачи, Джонс дал понять, что в них проводилась прямая параллель с американской сверхдержавой, и подверг открытой критике войну с Ираком. Для многих критика в адрес Рима стала удобным способом осуждения американской политики и культуры. Разумеется, это неизбежно вредило их представлениям и о том, и о другом*.

Критика, чуждающаяся подробностей и менее резкая, стала еще более распространенным явлением. На определенного рода встречах, узнав, что я историк-античник, кто-нибудь неизменно произносит: «Америка — это Рим наших дней». Зачастую за этим следует самодовольное «конечно, американцы этого не видят». Это по крайней мере несправедливо, поскольку американцы с момента возникновения

* То же самое мы видим в книге, изданной по материалам сериала: *Jones T., Ereira. A.* Terry Jones' Barbarians. New York, 2006; в качестве примера сравнения Древнего Рима с современной Америкой, предпринятого Р. Харрисом, см. его статью о пиратской войне 68 г. до н.э., опубликованную в ряде изданий, а также on-line: http://www.nytimes.com/2006/09/30/opinion/30harris.html.

своего общества сравнивали его с римским. Создавая новую страну, ее отцы-основатели лелеяли вполне осознанную надежду сделать ее столь же мощной, как и Римская республика, и уберечь от гибели, которая в конце концов постигла Рим. В те дни различные системы университетского образования имели целью дать американцам более разносторонние знания, нежели те, которые получали студенты в Британии. Множество инженеров и врачей в Америке тогда слушали один-два курса истории или даже классических языков — факт, совершенно невозможный по ту сторону Атлантики! Здесь лежит одна из причин того, почему аналогии с Римом остаются исключительно распространенными в США и регулярно звучат из уст политиков, а также журналистов, политических комментаторов и представителей широкой общественности. Обычно они начинаются с предположения, как США, будучи единственной сверхдержавой, оставшейся в нашем мире, господствуют в нем, обладая властью, непревзойденной со времен расцвета Римской империи.

Летом 2001 года я принял участие в двухдневном семинаре, организованном Центром бюджетного планирования и прогнозов, профинансированном правительством США через управление всесторонней оценки программ. Шестерых историков привезли в отличный отель в Вашингтоне. (При этом один из старших и уважаемых членов группы заметил: «Очевидно, они не понимают, в каких условиях работают академические ученые».) Затем мы делали доклады и обсуждали ряд великих держав в истории человечества с точки зрения «большой стратегии». Наша встреча представляла собой лишь малую часть целого ряда семинаров и конференций, целью которых было дать лучшее понимание будущего отношений между США и Китаем, чья мощь неуклонно растет. Беседы и дискуссии были чрезвычайно увлекательны и доставили нам немалое удовольствие: в академических кругах конференции со столь широким охватом материала — речь шла о Франции времен Первой империи,

Германии периода Первой и Второй мировых войн и военно-морской политике Великобритании в начале XX века — явление крайне редкое. Тем больше бросался в глаза тот факт, что среди нас двое из шести исследователей были приглашены, дабы высказаться о различных периодах римской истории.

Обращаясь к аудитории, которая действительно с интересом слушает то, что он говорит, историк испытывает поистине странное чувство. В университетском обиходе большинство специалистов, как правило, думает о том, что они скажут, комментируя доклад. Тема также представляет собой лишь в буквальном смысле «академический» интерес, а то, что мы тем не менее волнуемся и испытываем энтузиазм, связано лишь с надеждой обнаружить правду. Мысль, что кто-то может попытаться выстроить свою политику на основе нашего анализа, пусть и со всевозможными поправками, требует от нас скромности. В результате ум естественным образом фокусируется на том, что никогда не входит в центр нашего внимания на сугубо академических собраниях. Добиться правды в размышлениях на избранную тему оказывается еще более важно. Вместе с тем мысль о том, что правительственная служба искренне стремится извлечь урок из исторического материала, в высшей степени вдохновляет. Опять-таки вероятность подобных явлений куда выше в США, нежели в Великобритании.

Многие считают, что между историей Рима и современного мира существует очевидное сходство. В интервью, призванных разрекламировать написанную мной биографию Юлия Цезаря, замечания и вопросы на эту тему звучали исключительно часто. Так было во всех странах, но прежде всего в США. Однако выводы, которые делали люди из этих усмотренных ими параллелей, чрезвычайно сильно различались между собой и, что неизбежно, напрямую зависели от их политических убеждений. Из истории всегда легко было извлекать уроки, однако слишком часто прошлое используется для оправдания современных идей. Едва вы

взглянете пристальнее на Римскую империю, как тотчас увидите массу отличий от любого современного государства, в том числе от Соединенных Штатов. Это, разумеется, не означает, что на уроках прошлого бесполезно учиться, но делать это надо, проявляя значительное прилежание и осторожность.

Предлагаемая книга — не труд о современной Америке и ее месте в мире: другие могут написать об этом значительно лучше. Это история падения Римской империи, западная часть которой прекратила свое существование, а восточная в конечном итоге превратилась в жалкое подобие самой себя. Моя цель — понять исторические события как таковые, с учетом того контекста, в котором они происходили. Историки далеко не всегда оказываются лучшими предсказателями. Всего через несколько месяцев после семинара, о котором я упоминал выше, 11 сентября произошло нападение террористов. Думается, что отчет о ряде конференций теперь пылится где-то, поскольку насущные нужды коренным образом изменились. Разумеется, глядя на нас, никто бы не сказал, что мы ожидаем участия Америки и ее союзников в двух крупнейших конфликтах на земном шаре. Я, например, никогда не думал, что британские войска вернутся в Афганистан, оказавшись тем самым по другую сторону старинного северо-западного рубежа*.

В этой книге идет речь о Римской империи, давно исчезнувшей; технологии и культура в тогдашнем мире чрезвычайно отличались от современных. Чтобы понять, почему пал Рим, надо понять тогдашний мир — без этого у нас ничего не получится; если же мы станем заполнять страницу за страницей отсылками к событиям наших дней, то это нам мало поможет. По меньшей мере странным кажется читать исследования истории Рима, где описаны «страх и трепет», порожденные вторжением в Британию римских войск

* Автор отсылает читателя к событиям англо-афганских войн XIX в. — *Примеч. пер.*

в 43 году*. Еще более странно выглядит ситуация, когда по ходу обсуждения проблем жизни римской провинции периода упадка ведется критика в адрес Буша, Блэра и войны в Ираке**.

Падение Римской империи совершилось не вдруг — то была часть очень медленного процесса. В связи с этим нам не стоит преувеличивать значение текущих событий современности и их вероятного влияния на судьбу стран в длительной исторической перспективе. К примеру, в Британии последнего десятилетия царила очевидная депрессия. Министров, которые изо всех сил цеплялись за власть, обвиняли в некомпетентности, коррупции и явном двуличии; поначалу они все отрицали, но в итоге приносили свои извинения — и считали, что этого достаточно. Бюрократия продолжает расти; нормативных документов становится все больше и больше, тогда как эффективность государственных институтов слабеет; из этого следует, что они не способны справиться даже с элементарными задачами. Кроме того, число чиновников растет, а численность вооруженных сил сокращается, и это как раз тогда, когда последние оказались вовлечены в масштабные военные конфликты. Как легко было бы провести параллели с Римской империей IV века! Самоуверенный тон постановлений, выходящих в огромном количестве, несомненно, напоминает о законах Позд-

---

* А. Голдсуорти использует выражение «Shock and awe» — название операции по вторжению американских и британских войск в Ирак в 2003 г. — *Примеч. пер.*

** О «страхе и трепете» см.: *Mattingly D.* An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire, 54 BC — AD 409. London, 2006. P. 123. Кампания Септимия Севера в Каледонии в начале III в. н.э. на с. 124 названа «войной с терроризмом» (war on terror). Более конкретное сопоставление римского империализма с нынешней войной в Ираке можно найти в книге Н. Фолкнера: *Faulkner N.* The Decline and Fall of Roman Britain. 2nd ed. Stroud, 2004. P. 15—16. Я не видел книги этого автора, но, судя по всему, он распространяется там на те же темы, какие рассматривал в исследовании о римской Британии (*Faulkner N.* Rome: The Empire of the Eagles, 753 BC — 476 AD. Harlow, 2008).

ней империи, равно как и тот факт, что они не выполняются, а цели, ради которых их издали, остаются недостижимыми. Но подобные сравнения вряд ли помогут нам провести анализ происшедшего в Римской империи; предприняв их, автор только потешил бы сам себя. Понять историю — вот что важнее всего.

Лишь в конце нашего исследования будет разумно провести некоторые параллели и даже извлечь уроки для настоящего. Некоторые из них будут в большей мере иметь отношение к человеческой природе, нежели к конкретной политической стратегии. Я не претендую на исключительную оригинальность или глубину этих соображений. Это не означает, что они лишены какой-либо важности и не относятся к созданным людьми институтам, будь то сообщества или государства. Мы по-прежнему должны быть благодарны за то, что многие составляющие «римского опыта» не нашли отчетливого отражения в событиях сегодняшнего дня. Общественной жизни на Западе не свойственно насилие, и соперничество политических группировок в западных демократиях не приводит ко взрывам в форме гражданских войн.

Однако, вероятно, существует один урок, который нам стоит извлечь из нашей повседневности. Почти каждый вечер на наших телеэкранах появляются мрачные картины насилия в Ираке и других зонах военных конфликтов. Всего несколько дней назад произошел особенно отвратительный инцидент: согласно первым сообщениям с места события, две молодые женщины с синдромом Дауна были задействованы для того, чтобы пронести в толпу бомбы. Устройства имели дистанционное управление; взорвавшись, вместе с прочими жертвами они уничтожили и тех, кто их нес. При нападениях, во время которых погибают и сами бомбисты, установить впоследствии точные факты неизбежно оказывается трудно. Однако, как обычно происходит, жертвами оказались по большей части обычные мирные жители, никоим образом не связанные с правительством, Соединен-

ными Штатами или их союзниками. Ужасающие происшествия такого рода должны напоминать нам о том, что некоторые люди способны убивать своих ближних.

Внимание средств массовой информации с неизбежностью сосредоточивается на подобных жестокостях. В конце концов, это новости, чего нельзя сказать о повседневных событиях мирной жизни. Но нам не следует забывать, что насилие и обыденность сосуществуют меж собой. Как правило, бомбисты-самоубийцы, минометчики и прочие — словом, те, кто планирует нападение — выбирают заполненные народом рыночные площади, куда люди приходят за продуктами и другими товарами первой необходимости. Всего в нескольких кварталах от места нападения повседневная жизнь во многом продолжает течь по заведенному порядку. Взрослые ходят на работу, дети — в школу; люди готовят, едят, спят в своих постелях и делают прочие обыкновенные вещи — например, женятся. Жизнь продолжается, поскольку иного действительно не дано. Кое-кто уезжает, но для многих это невозможно. Насилие значительно затрудняет все вышєназванное, и страх подвергнуться ему поражает значительно больше людей, нежели взрыв бомбы. Но все же жизнь продолжается. Весьма полезно помнить это, когда мы рассматриваем крах власти в Риме, окончание императорского правления и вторжение варваров. Вероятно, тогда мы будем в меньшей степени изумлены, узнав, что некоторые стороны римской культуры, как оказалось, продолжали существовать, а чужеземная оккупация не привела к уничтожению всех существовавших общин или бегству их жителей.

Завершив книгу о Цезаре, я счел логичным перейти к такому проекту, как попытка рассмотреть падение Римской империи. Отчасти это было отступлением, поскольку прежде я по большей части изучал более ранние периоды истории Рима (и соответственно писал о них). Даже по прошествии нескольких лет работы над этой книгой я по-прежнему

не чувствую, что являюсь настоящим специалистом в этой области. Однако я надеюсь, что благодаря этому мое видение обрело перспективу, которую утратили некоторые профессионалы. Возможность написать эту книгу появилась у меня благодаря работам многих других исследователей. Лет двадцать назад или около того, на памяти прошлого поколения, возникла мода на литературу по позднему Риму; вследствие этого в наши дни она необозрима и включает в себя ряд наиболее впечатляющих своим новаторством и оригинальностью исследований, когда-либо созданных исследователями античности. По этой причине новички, впервые приступившие к работе в данной области, могут «поживиться», обратившись ко множеству исследований, касающихся почти всех граней истории упомянутых столетий. Прежде всего я должен признать свой долг перед этими историками и археологами; многие из их работ упоминаются в сносках и библиографическом списке. В то же время главная причина, заставившая меня написать эту книгу, заключалась в том, что меня не удовлетворяло немалое количество выводов и предположений, сделанных в этих работах. Общепринятого объяснения причин падения Западной Римской империи в V веке не существует. Любопытно, что слово «падение» непопулярно у значительного числа ученых, исследующих этот период; многие предпочитают вместо этого говорить о таких вещах, как «трансформация» (они принимают факт изменения, но рассматривают его в ином, скажем, более мягком свете). Несколько голосов прозвучало против подобного изображения в радужных красках, однако любой намек на упадок по-прежнему расценивается как ересь. В особенности распространено мнение о стабильности империи в IV веке; ее, пожалуй, считают даже более могущественной, нежели в годы правления Августа или Адриана. Мне просто не верится в это, и я надеюсь показать, что подобные утверждения не выдерживают никакой критики в свете исторических свидетельств (не говоря уж о том, что они противоречат здравому смыслу). Кроме того, причины

падения римской державы заслуживают объяснения, и, как ни странно, существует тенденция игнорировать наиважнейший фактор, связанный с этой проблемой.

Автор академического исследования суммировал и перечислил бы все аргументы из основных работ, где обсуждалась данная тема. Подобные материалы необходимы историкам как воздух; это главный инструмент, которым они пользуются в своем ремесле. На всех остальных подобное чтение нагоняет смертельную скуку. В основном тексте моей книги вы лишь изредка встретите конкретные имена ученых; отсылки к их работам можно будет потом найти в сносках в конце издания. Подавляющее большинство читателей проигнорирует их (и будет право), однако я привожу их там, дабы помочь любому, кто захочет прочесть побольше или проследить, каким путем я пришел к представленному в книге выводу. Эти отсылки, равно как и библиография, не являются исчерпывающими. В основном в них содержатся лишь работы на английском языке; тут я поступил в чем-то нечестно, однако причина заключается в том, что многие тексты на иностранных языках окажутся доступны лишь немногим читателям, посещающим хорошие университетские библиотеки*.

Во II веке нашей эры Римская империя представляла собой государство, чье господство в известном на тот момент мире носило подавляющий характер, и мне представ-

---

* Непонятно, зачем в таком случае автор ссылается на специализированные издания по истории Древнего мира, которые также имеются далеко не во всех библиотеках. Вне всякого сомнения, главное для автора — не доступность используемых им работ для широкого круга читателей, а то, что они написаны на английском языке. В своей более специальной книге «Римская армия в войне», рассчитанной прежде всего на специалистов, А. Голдсуорти также ограничивается преимущественно англоязычной литературой — к сожалению, нежелание утомлять себя чтением иноязычных текстов (вообще-то обязательное условие работы любого антиковеда) характерно для многих современных англосаксонских ученых, подчас весьма уважаемых. — *Примеч. пер.*

ляется вполне резонным именовать ее сверхдержавой своего времени. Термин этот употребляется в книге лишь в самом общем своем значении. Я не собираюсь давать определения таким понятиям, как «сверхдержава», «держава» или даже «империя». Столь строгое разграничение значений — частое явление, но, мне кажется, малопоучительное. Я помню, как на семинаре, о котором писал выше, один ученый, перед работами которого я преклоняюсь, прямо заявил, что Британская империя — на самом деле никакая не империя. Несомненно, он имел в виду, что она не обладала всеми характеристиками, свойственными другим империям, но трудно сказать, чем полезно такое строгое определение. Не нужно навешивать подобные искусственные ярлыки, чтобы показать, что к концу VI века сила, благосостояние и размеры Римской империи значительно сократились.

Равным образом в моей книге не нашли применения современные понятия «Византия» и «византийский»; императоры, правившие из Константинополя, именуются римскими, даже если их власть более не распространялась на Италию и на сам Рим — ведь таковыми они считали сами себя*! В настоящее время горячо обсуждается правомерность употребления таких терминов, как «германский» и «племя». Я пользовался ими за неимением лучших. Равным образом мне было удобно иногда применять термин «варварский». Однако не следует интерпретировать ни одно из этих понятий слишком однозначно.

События, затронутые в моей книге, происходили на протяжении более чем четырех столетий, поэтому я даже не надеялся описать всю историю соответствующего периода с одинаковым вниманием к подробностям. Каждую из глав можно было бы с легкостью развернуть в повествование, равное по объему всей книге. Опять-таки в конце книги содержатся ссылки на более подробные исследования. Я стремился к тому, чтобы весь текст представлял собой связное

* В русской традиции византийцев называют на греческий лад ромеями, что и означает римлян. — *Примеч. пер.*

повествование, хотя иногда мне было удобнее сосредоточиться на событиях в одной области, прежде чем переходить к происшествиям, имевшим место где бы то ни было еще. Некоторые темы — такие, как религия, юриспруденция и общества на периферии империи — освещены очень кратко с целью экономии места (не оттого, что подобные темы не имеют значения в целом! Просто они не столь важны при анализе медленного «гниения» римской державы). Весьма значительная часть сохранившихся источников написана христианскими авторами, так что эта книга могла с легкостью превратиться в историю церкви упомянутого периода. Но опять-таки, хотя само по себе это было бы интересно, тем самым я отступил бы от выбранной нами темы. Необходимо было постоянно фокусировать взгляд на факторах и событиях, которые в конце концов привели к падению империи, и именно эту историю я пытаюсь поведать в этой книге. И это, без сомнения, история как об упадке, так и о падении.

Прежде чем переходить к дальнейшему повествованию, я обязан поблагодарить тех, кто помог мне написать эту книгу и терпеливо выслушивал мои соображения. Некоторые также прочли различные варианты рукописи и сделали множество полезных замечаний. С особенным удовольствием я приношу свою благодарность Джеффри Грейтрексу, который, несмотря на значительную учебную нагрузку и интенсивную исследовательскую деятельность, выкроил время для чтения всех глав. Он указал мне на множество работ, которые мне в противном случае не удалось бы разыскать. Также мне оказали любезность Кевин Пауэлл и Перри Грей, прочитавшие текст. Оба прокомментировали его на свой лад, и мне остается лишь пожалеть о том, что из-за недостатка места мне было трудно включить в книгу некоторые их суждения. Опять-таки Йен Хьюз прочел и высказал свои замечания относительно самых первых набросков каждой главы; вероятно, он с удовольствием перенесся во вре-

мена, которые так нравятся ему. Наконец, я должен поблагодарить мою мать, Эверил Голдсуорти, ранее читавшую в корректуре практически все мои книги; она уже немного устала от того, что, когда я приношу благодарности семье и друзьям, ее имя остается неупомянутым. Я признателен всем, кого назвал: без их помощи книга получилась бы намного хуже.

Я бы также хотел поблагодарить сотрудников издательства «Орион паблишинг» и в особенности моего редактора Кейт Лау за все их усилия по превращению «голого» текста в готовую книгу. Равным образом я обязан Айлин Смит и работникам издательства Йельского университета как за ту работу, которую они прежде проделали над моим «Цезарем», так и за дальнейшие усилия, связанные с данной книгой. Наконец, я должен поблагодарить своего агента Джорджину Кэпел, создавшую мне условия, при которых я смог должным образом проработать такую большую тему.

ВВЕДЕНИЕ. БОЛЬШОЙ ВОПРОС

Упадок Рима стал естественным и неизбежным следствием его безграничного величия. В благосостоянии коренятся предпосылки упадка; чем шире велись завоевания, тем чаще происходили разрушения; как только случайность или время подточили искусственно созданную опору гигантского здания, оно рухнуло под своей собственной тяжестью. История его разрушения проста и наглядна, и вместо того чтобы задаваться вопросом, *почему* Римская империя пала, мы скорее должны удивляться тому, что она просуществовала так долго.

*Эдуард Гиббон**

В 476 году последнего в истории римского императора, правившего из Италии, низложили в городе Равенне. Подросток Ромул Августул был марионеткой в руках своего отца, командующего армией империи. Армия эта не представляла собой особенно грозной силы, однако и территории, которые нужно было контролировать, составляли далеко не всю империю. На Востоке правил другой император, пребывавший в Константинополе; он не признавал претендента на престол в Италии. Военачальники германского происхождения разделили на королевства большую часть территорий провинций, принадлежавших Западной империи, — Галлии, Испании и Северной Африки. Теперь, когда офицер варварского происхождения по имени Одоакр убил отца Ромула и низложил самого императора, та же участь должна была постигнуть Италию. Сам парнишка не представлял собой важной персоны, и его не стоило убивать — он получил разрешение прожить остаток жизни в «отставке» в комфортных условиях. Можно усмотреть горькую иронию

---

* *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 3. London, 1781. Ch. 38. Цитируемый фрагмент находится на с. 509 второго тома Penguin Classic edition. 1995. Гиббон переиздавался неоднократно, и постраничная разбивка текста в разных изданиях весьма различается.

в том, что ему дали имя Ромула в честь мифического основателя Рима и прозвали Августулом — «маленьким Августом» — в честь Августа, первого римского императора.

Называть 476 год в качестве даты гибели Римской империи на Западе стало общепринятым. Если это так, то получается, что пять столетий правления императоров завершились в одночасье. Современники, похоже, не восприняли это событие как нечто чрезвычайно важное; возможно, оно прошло незамеченным для большинства подданных империи. Ромул Августул был всего лишь последней фигурой в ряду марионеточных императоров, которыми манипулировали могущественные военачальники. Примерно в конце IV века империя раскололась на восточную и западную половины, каждой из которых правил свой собственный император. Восток оставался силен, но Запад ослабел, поскольку его богатство и мощь истощились в результате потрясений, следовавших одно за другим. К 476 году Западной империи не требовалось многого, чтобы пасть. В следующем столетии деятели Восточной Римской империи предприняли попытку восстановить свою власть над утраченными территориями, заняв Италию, Африку и часть Испании. Однако в конце концов у них не хватило мощи и воли, чтобы удержать их.

Восточная часть империи — современные ученые именуют ее Византийской империей, однако сами жители называли ее Римской — к концу VI века представляла собой мощное государство. Однако оно не являлось сверхдержавой, и его богатство и военная мощь выглядели лишь как слабое подобие объединенной империи в дни ее расцвета, когда не существовало ни одного врага или соперника, способного даже отдаленно сравниться с ней. Времена, когда императоры правили большей частью известного тогдашним людям мира, стали всего лишь далеким воспоминанием. К 600 году мир весьма изменился. Державы, которая бы заняла место Рима, так и не появилось; вместо этого возникло множество небольших королевств и народов. Средневековый мир обрел свои очертания.

Существует множество теорий, направленных на объяснение того, почему изменения в мире приняли именно такой характер; при этом согласие в данном вопросе практически отсутствует. Многие оспаривают значимость 476 года даже как исторической вехи. Одни доказывают, что империя пала еще раньше, а другие (приводя в чем-то странные аргументы) — что она продолжала существовать и далее. Обсуждаются не только причины падения Рима, но и длительность этого процесса. Некоторые, как Гиббон, считают, что он уходит корнями в глубь истории империи; итогом стал медленный упадок, длившийся несколько веков. Другие говорят о меньшем временно́м отрезке, хотя практически никто не пытается доказать, что процесс занял времени меньше, чем жизни нескольких поколений. Споры идут с неослабевающим накалом, и каждая эпоха дает ответ исходя из собственных пристрастий и предубеждений. Падение Римской империи остается одной из самых больших загадок истории.

Империи, существовавшие не столь давно, расцветали и погибали значительно быстрее. «Тысячелетний Рейх» Гитлера и его союзница, имперская Япония, добились внушительного успеха, достигнув вершины своей мощи в 1942 году. Три года спустя они пали, утонув в крови, превратившись в руины; их могуществу пришел конец. Вторая мировая война также ускорила гибель многих империй, просуществовавших значительно дольше, — тех, чье влияние на остальной мир было более глубоким, хотя и не столь явным. Истощенная и обедневшая в результате войны, Британия с наибольшей готовностью признала такое явление, как «ветер перемен»*, и в течение всего лишь нескольких десятилетий отказалась от своих имперских владений. Она вела вой-

* «Ветер перемен» (wind of change) — утвердившийся в англоязычной политической литературе термин, характеризующий нарастание национально-освободительного движения в странах Африки, освобождение их от колониального гнета, в том числе британского, укрепление независимости и суверенитета молодых африканских государств. — *Примеч. пер.*

ны, чтобы нанести поражение группировкам, намеревавшимся взять власть силой, однако неизбежность признания независимости никогда не обсуждалась всерьез. Другие страны противостояли переменам более упорно, но все попытки удержать за собой колониальные владения в конце концов потерпели неудачу.

Великие державы XVIII и XIX столетий утратили свою силу, однако их наследие остается актуальным и по сей день. Границы вновь возникших независимых стран пролегли в соответствии с решениями имперских чиновников; при необходимости раздела территорий происходящее приобретало драматический характер (при этом менее взвешенные решения принимались по большей части в Азии и Африке). В значительной части стран мира английский, испанский или французский используется как второй язык; также на нем весьма часто ведутся государственные дела и обучение. Юридическая и политическая системы также сформированы по европейским моделям; по иронии судьбы римское право распространилось, таким образом, куда шире, нежели власть Римской империи. Практически повсеместно сложилась ситуация, когда контроль перешел к элите туземного происхождения, получившей европейское образование; зачастую новые правители учились именно в метрополиях. Как правило, о новых режимах можно сказать лишь то, что широкие слои населения не стали жить хуже с момента обретения независимости, но новые правители слишком часто обнаруживают большую склонность к коррупции и эксплуататорские замашки, нежели их предшественники. Бывшие колонии теперь составляют основную часть беднейших стран мира.

Советская Россия, унаследовавшая владения и многие амбиции своей предшественницы, России царской, пережила западноевропейские империи и в течение более чем полувека представляла собой одну из двух сверхдержав, господствовавших в мире. В конце концов Россия рухнула под собственной тяжестью. Это произошло настолько не-

ожиданно, что изумило даже ее противников по «холодной войне». Решение судьбы многих областей на границах России остается делом будущего, однако в ряде районов уже пролилось немало крови. В результате падения Советской России Соединенные Штаты Америки остались единственной сверхдержавой в мире, однако ситуация, вероятно, изменится, если сбудутся предсказания относительно роста мощи Китая. (Мысль о том, что равную силу сможет обрести Евросоюз, представляет собой чистейшую фантазию; периодические предположения, будто он объединится с марксистским Китаем и образует противовес США, вызывают беспокойство, однако эта возможность вряд ли реальна.)

Америка, которая сама некогда была колонией, обрела независимость, восстав против Британии. Она осваивала свои западные территории, однако никогда не проявляла значительного интереса к тому, чтобы завладеть заморскими землями; при этом она создавала свои базы по всему миру. Даже в этой ситуации «холодная война» привела к открытым войнам в Корее и Вьетнаме, а также к неявной поддержке участников боевых действий во многих других странах. В настоящее время значительные контингенты войск США и их союзников находятся в Афганистане и Ираке. В обоих случаях эти действия предполагались в качестве временной меры; операции должны были продолжаться до тех пор, пока поддерживаемые Америкой правительства не смогут существовать самостоятельно, без открытой военной помощи. Противники Америки частенько называют ее «империей», хотя по большей части это остается всего лишь риторикой. Однако США — сильнейшая страна мира, с которой не может сравниться никто, и в этом смысле занятая ею позиция соответствует позиции Римской империи. И все же опыт других современных империй, имеющий совершенно иной характер, должен предостеречь нас от чрезмерного увлечения этой аналогией. Прежде всего нам следует проанализировать опыт Рима.

* * *

В том, что первый том «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона вышел в начале 1776 года, всего за несколько месяцев до подписания Декларации Независимости, заметна некая ирония судьбы. Гиббон был членом парламента и присутствовал на его осенней сессии, выразив молчаливую поддержку плану правительства направить дополнительные военные силы против восставших жителей колонии. Ко времени завершения им титанического труда Британия проиграла войну. То была серьезная неудача, однако она казалась временной; дни расцвета империи были еще впереди. Молодая Америка была крохотной по сравнению с сегодняшней, ибо массовое освоение земель, лежащих в направлении западного побережья, еще не произошло; никто не догадывался о значении этого грядущего события; правда, первые попытки уже делались, хотя и наобум. В жизни мира в следующем столетии Америке была суждена не слишком заметная роль*.

В XIX веке сравнения величия Британской империи с величием Рима стали звучать все чаще и чаще. Для Гиббона и его современников параллель между ними не носила слишком необычного характера, но существовал ряд причин, вследствие которых он предпочел рассмотреть именно Рим, а не какую-либо иную великую империю древности. Первая была проста: достаточно вспомнить вклад Рима в мировую историю — прежде всего в историю Запада. Римская империя оказалась наибольшей из всех империй Древнего мира и просуществовала гораздо дольше, нежели какая-либо из них; что немаловажно, некогда она включала в себя родину Гиббона, как и значительную часть территорий Западной Европы. В период ее существования возникло христианство, ставшее впоследствии государственной религией; благодаря этому сформировалась католическая церковь и в Риме появился папа. В юности Гиббон испытал

* *Porter R.* Gibbon: Making History. New York, 1988. P. 101, 161.

влияние католицизма (впоследствии отец отослал его в кальвинистскую Швейцарию, дабы тот в конечном итоге стал протестантом). Все же благодаря католицизму латынь — а в некоторой степени и греческий — уцелели как языки, а это сделало возможным открытие греческой и римской литературы в эпоху Ренессанса. Люди вроде Гиббона уверенно владели обоими языками; в его дни на этом зиждилось образование. Достижениями греков восхищались, однако упадок Афин уже был описан Фукидидом и Ксенофонтом. Громадная империя Александра рухнула сразу после его смерти. Сведения о более ранних империях — Персии, Вавилоне, Египте — приходилось черпать в основном из греческих источников и Библии. Целое поколение отделяло Гиббона от того времени, когда Шампольон расшифровал Розеттский камень; достоверные сведения о наиболее древних цивилизациях почти отсутствовали*.

Кроме того, Европа времен Просвещения испытывала особую нужду в исследованиях по истории Рима. Лишь теперь уверенность в том, что образование и культура вновь достигли уровня, присущего им в эпоху классики, и даже превзошли его, стала повсеместной. Однако Западная Римская империя пала примерно за тринадцать столетий до того, как Гиббон начал писать свой труд, и даже то, что оставалось от Восточной империи, исчезло с лица земли тремя веками ранее. При взгляде в прошлое Средневековье являло собой весьма бледную картину невежества и предрассудков, составлявшую разительный контраст с явным рационализмом и утонченностью греко-римского мира. Подобные представления нередки и в наши дни. Одно из недавних изданий, посвященное переходу от античности к Средним векам, имело подзаголовок: «Возвышение Веры и падение Разума»**.

Долгое время человеческая раса — в особенности ее часть, населяющая Западную Европу — скорее регрессиро-

---

* Сведения общего характера см. в работе: *Brandon P.* The Decline and Fall of British Empire 1781—1997. London, 2007.

** *Freeman C.* The Closing of the Western Mind: The Rise of Faith and the Fall of Reason. New York, 2002.

вала, нежели развивалась, и понимание того, как и почему это происходило, было чрезвычайно важно для понимания современного мира. Поздней империи тем не менее при всем почтении к классике уделялось лишь незначительное внимание — в первую очередь из-за того, что все великие писатели Греции и Рима жили в более ранние периоды. Предпочитая времена упадка империи периодам ее возвышения и расцвета, Гиббон в каком-то смысле вступал на terra incognita*. Он создал масштабную, оригинальную и продуманную концепцию. Его эрудиция остается непревзойденной, и во многих отношениях «Упадок и разрушение» можно рассматривать как первое «современное» историческое сочинение на английском языке, посвященное Древнему миру, хотя на самом деле в дальнейшем академический стиль пошел по иному пути развития. Также книга Гиббона с самого начала была признана одним из величайших произведений английской литературы**.

Вопрос

И после XVIII столетия мир не оставался неизменным; то же самое можно сказать и об отношении как к прошлому, так и к будущему. Однако увлечение эпохой падения Рима не ослабевало. Хотя связь с Римом, пожалуй, перестала быть такой тесной и очевидной, как раньше, его влияние на современный мир — и в особенности на западную культуру — оставалось столь же значительным. Играло свою роль и простое любопытство: как случилось, что мощное государство, чье процветание длилось так долго, все же пало — или было уничтожено, а на его месте возникли куда менее развитые культуры. Судьба Рима служила примером того, что сила и успех в конце концов оказываются чем-то преходящим и что цивилизация не гарантирует успех. Не случайно в одной из своих наиболее знаменитых речей, произнесенной в 1940 году, Уин-

* Неизвестная земля (*лат.*).

** Более подробный анализ см.: Porter (1988). P. 67—93.

стон Черчилль предрек, что поражение Британии приведет к наступлению новых «Темных веков» — аналогия тем более уместная, что многие полагали, будто Римская империя в V веке пала под ударами варваров-германцев.

Каждое следующее поколение вновь обращалось к тайне падения Рима. Возникло множество теорий; недавно один немецкий исследователь насчитал более двухсот. Часто историки проводили очевидные параллели с проблемами своего времени и своей страны, но существует минимум одно бросающееся в глаза отличие между опытом Рима и гибелью великих империй XX столетия. Такие державы, как Британия и Франция, уже переживали упадок, истощенные мировыми войнами и их экономическими последствиями, однако они также столкнулись с сильным давлением, возникшим в результате борьбы за независимость в колониях. Сомнительно, что у них хватило бы сил и воли бесконечно противостоять этому давлению, в особенности с того времени, как колонии начали получать поддержку со стороны двух новых сверхдержав. Америка сражалась во Второй мировой войне не для того, чтобы сохранить Британскую империю и ее систему торговли, а Советский Союз активно поддерживал марксистов-революционеров, стремившихся завоевать независимость.

Мы не найдем и следа подобного желания освободиться от владычества империи в римских провинциях. Население Испании вовсе не стремилось создать независимое испанское государство; в Греции и Каппадокии также не возникло освободительных движений. В римский период просто не было людей, равных Ганди или Неру, Вашингтону или Боливару, Кениате или Мугабе. Даже еврейское население империи, которое несколько раз восставало в I и II веках, в IV столетии, кажется, больше не стремилось иметь свое собственное государство. Люди хотели быть римлянами, и свобода у них ассоциировалась с принадлежностью к империи, а не с независимостью от нее — и это несмотря на тот факт, что имперские правители не избирались и фактически обла-

дали неограниченной властью. В любом случае власть в бывших римских провинциях в конце концов — порою в одночасье — перешла к новым чужеземным завоевателям. Поразительно, что даже они обычно хотели стать частью Рима и наслаждаться его богатством, а не разрушать государство. Великий парадокс падения Римской империи заключается в том, что она прекратила существование не потому, что люди, населявшие ее — и, более того, жившие за пределами, — перестали верить в нее или желать, чтобы ее существование продолжалось.

Да, римляне хотели, чтобы империя существовала, и большинство не представляло себе мир без нее, но все-таки они понимали, что государство столкнулось с серьезными проблемами. Большинство было склонно винить в этом упадок нравов: империя переживала трудные времена, поскольку людям недоставало virtus*, присущей прежним поколениям, сделавшим Рим великим. То был традиционный — и в особенности характерный для римлян — способ мышления. Часто присутствовала и религиозная составляющая. Язычники возлагали вину за происходящее на христиан, упрекая их в том, что те презрели старых богов, которые направляли и оберегали Рим. Христиане обвиняли язычников за приверженность старым, ошибочным верованиям, а некоторые начали связывать гибель Рима с гибелью мира. Блаженный Августин создал монументальный труд, «О граде Божием», дабы объяснить христианам, что в конце времен падут все государства, созданные людьми, включая Рим. Господь же создаст новое, вечное царство, в которое войдут все христиане. Это должно было не заставить их разочароваться в империи или попытаться ускорить ее гибель, но убедить, что впереди их ждет лучший мир. Некоторые светские историки — в основном писавшие по-гречески и жившие в восточной половине империи уже после того, как Запад пал — критиковали отдельных императоров за конкретные военные или политические решения, имевшие, по

* Virtus (*лат.*) — комплекс добродетелей римского гражданина, главной из которых была воинская доблесть. — *Примеч. пер.*

их мнению, весьма отдаленные последствия. Однако ни в одной из дошедших до нашего времени книг древности не содержится логичного анализа того, почему империя, в 200 году занимавшая основную часть известных на тот момент территорий, к 500 году сократилась до малого участка своих прежних владений и утратила свою былую мощь.

Гиббон, чья «История» имеет по преимуществу повествовательный характер, был слишком тонким исследователем, чтобы объяснять падение империи одной-единственной причиной. Будучи жителем страны, где по-прежнему сохранялось мрачное воспоминание о гражданской войне (битва при Куллодене состоялась всего за тридцать лет до выхода в свет первого тома «Упадка и разрушения»*), он привлек внимание к такому распространенному явлению, как внутренние конфликты в империи и готовность римских армий сражаться друг с другом, поддерживая боровшихся между собой претендентов на престол. С присущей англиканам подозрительностью по отношению к папству он осуждал принятие христианства Константином и его последователями, поскольку считал, что оно подорвало старинную римскую virtus и в конце концов стало причиной отказа значительного числа людей от общественной жизни и ухода их в монастыри. Тот факт, что он сам перешел в католицизм в дни своего студенчества в Оксфорде, значительно обострял это отношение. Отец Гиббона забрал сына из университета и отослал его в кальвинистскую Швейцарию для полного перевоспитания. В итоге ощущение упадка нравов, отражавшее как настроение, присущее его источникам, так и ситуацию в современной ему культуре, проходит красной нитью через описание, созданное Гиббоном. Причина окончательного падения Рима состояла в том, что его жители более не заслуживали успеха. В какой-то момент, перечислив множество проблем, с которыми столкнулась империя, Гиббон намекает, что, пожалуй, стоит удивляться не тому,

* Битва при Куллодене (1746) между английскими и шотландскими войсками произошла во время последнего восстания якобитов (1745—1746) — сторонников династии Стюартов. — *Примеч. пер.*

что империя потерпела крах, но тому, что она просуществовала столь долго.

Впоследствии многие другие историки рассматривали этот вопрос. Одни считали, что крах империи был обусловлен внутренними причинами, стал результатом ее внутренних неудач и упадка. Другие предпочитали акцентировать факты нападений со стороны гуннов, и в особенности германских племен, проложивших путь через границы и «выкроивших» себе королевства в западных провинциях. Как эмоционально выразился один французский ученый, «Римская империя не умерла — ее убили». Роль германцев в особенности подчеркивалась в XIX веке, когда был силен дух германского национализма. Римские тексты, где первобытная доблесть германских воинов противопоставлялась роскоши жизни римлян времен упадка, принимались за чистую монету. Существовало мнение, что империя должна была погибнуть, дабы власть перешла к племенам, которые затем смогли создать страны современной Европы. Другие рассматривали случившееся буквально с расистских позиций и видели основную ошибку Рима, приведшую к гибели, в том, что он позволил войти на свою территорию слишком значительному числу варваров-германцев. Воззрения каждой эпохи на гибель Рима обычно становились отражением предубеждений. Иногда бывало модно объяснять случившееся социальными проблемами и напряженностью в классовых отношениях, часто в сочетании с экономическими факторами. Некоторым мир Поздней империи казался чрезвычайно унылым местом, где из обремененного непосильными налогами крестьянства «выжимали» средства для постоянно увеличивавшихся расходов на армию; настал момент, когда напряжение оказалось слишком велико, и вся система рухнула. Альтернативные теории указывали на военные неудачи или на убыль населения. Другие отражали различные современные интересы и предполагали, что изменения окружающей среды и климата — вероятно, усилившиеся за счет развития сельского хозяйства и промышленности империи — были главной причиной сокращения выработки

сельскохозяйственных продуктов и в конечном итоге привели к экономической катастрофе*.

За последние несколько десятилетий самая суть споров академического сообщества по данному вопросу изменилась, и тому имеется несколько причин. Одна, распространенная на Западе в наши дни, когда современные империи пали, состоит в изменении отношения к империям вообще: более они не рассматриваются как нечто положительное по своей сути. Напротив, публика, или по крайней мере представители среднего класса и академических кругов, бросились в другую крайность. Вместо того чтобы видеть в империях носителей порядка и прогресса, несших мир, просвещение, науку, медицину и христианство в менее цивилизованные уголки мира, их стали считать не более чем жестокими эксплуататорами туземных народов. И если империи автоматически воспринимаются как нечто плохое, то их также удобно считать неэффективными. В недавних исследованиях Римской империи I—II веков делается усиленный акцент на недостаток контроля и планирования со стороны центра, примитивность экономики, отсутствие развитых технологий и упрощенческий подход к таким сферам, как география или военная стратегия. Подчеркивается уже не явная умудренность и искушенность, а примитивизм**.

Любопытно, что в отношении к Поздней империи существует тенденция к другой крайности. Долгое время в академических кругах было немодно изучать Позднюю империю и предпочтение отдавалось более ранним временам. Основной причиной был недостаток хороших источников (в особенности подробных нарративных исторических сочинений, заслуживающих доверия), которые относились бы к III веку,

---

* *Piganiol A.* L'Empire chrétien (325—395). Paris, 1947. P. 222; обстоятельный обзор различных теорий, связанных с падением Рима, см.: *Ward-Perkins B.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005. P. 1—10, 169—183; *Heather P.* The Fall of Roman Empire: A New History. London, 2005. P. XI—XVI, 431—459.

** *Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 B.C. — A.D. 337). New York, 1992, *Isaac B.* The Limits of Empire. 2nd ed. Oxford, 1992.

значительной части IV века и всему V веку. От этих времен уцелело много текстов, но они мало затрагивают политические или военные события: большая часть имеет отношение к религии (по преимуществу, хотя и не исключительно, христианской), философии или юриспруденции. Представляя собой незначительную ценность для исследования великих событий тех лет, они, однако, содержат важные материалы по различным вопросам социальной, культурной и интеллектуальной истории (соответствующие направления стали куда популярнее у ученых последнего поколения). В результате изучение Поздней империи пережило настоящий бум. Появились исключительно важные исследования, на многое удалось пролить свет, и нужно по всей справедливости отметить, что теперь нам известно значительно больше о целом ряде аспектов жизни империи того времени.

Однако вместе с тем произошло нечто странное. Поначалу у историков существовало ощущение, что тот, кто решает заниматься поздним периодом, должен обосновать свой выбор. Многим не нравилась мысль об упадке империи; они подчеркивали жизнеспособность и силу римского государства в IV и даже V веках. В особенности легко это удавалось тем, кто изучал культуру и религию: в этих сферах не произошло катастрофы, равной по масштабу и соотносимой по времени с гибелью Западной империи. Переоценка произошедшего в течение столетий после падения Рима также явилась особенно благодатной почвой для исследователей, работавших в недавние годы. Два названные направления оказали друг на друга положительное влияние; они вдохновляли и питали друг друга. Ученые, в отличие от широкой публики, долгое время были недовольны термином «Темные века»; теперь вместо него применительно к периоду с V по X века используется понятие «Раннее Средневековье». В настоящее время история Средневековья активно изучается в университетах, что делает упомянутую связь направлений привлекательной и вместе с тем поучительной. В то же время повсеместно вышли из употребления термины «Поздняя

Римская империя» и «позднеримский период»; вместо него вошел в обиход термин «Поздняя античность», благодаря которому подчеркивается обоснованность, важность, а также обособленность исследований этого периода.

Названия могут играть немаловажную роль, так как они создают своего рода широкие интеллектуальные рамки, в которые и помещаются конкретные исследования. Во многих отношениях перечисленные тенденции носили позитивный характер. Источники, которыми мы все-таки располагаем по данному периоду, использовались куда более творчески. Однако неизбежно возник и ряд проблем. Смещение фокуса внимания на общество, культуру, религию и даже на деятельность правительства и законы подчас приводит к созданию статичной картины; подчеркиваются не перемены, а непрерывность чего-либо. Такие события, как войны и революции, и поведение и решения конкретных императоров и министров не обязательно фиксируются, но было бы в высшей степени неразумным считать их незначительными. Многим исследователям Поздней античности, как мне кажется, весьма трудно представить себе, будто что-то переживало упадок; вместо этого они предпочитают видеть в происшедшем изменения и трансформации. В ходе постепенного — и ни в коем случае не болезненного — процесса мир Римской империи превратился в средневековый мир. К примеру, один ученый, исследующий правительства Западной империи, делает следующий вывод: «Необходимо с определенностью отметить... что Римская империя не «пала» в V веке, но трансформировалась в нечто новое»*.

Основой для такого заключения стал прежде всего тот факт, что некоторые характерные особенности римского правительства, в том числе особые титулы и ранги, продолжали встречаться при дворах германских королей. Если наблюдается устойчивое отсутствие моды на представление об упадке, то отсюда, вероятно, неизбежно, что идея крушения

* *Barnwell P.* Emperor, Prefects and Kings: The Roman West, 395—565. London, 1992. P. 174.

также оказывается под спудом. Даже если допускается, что падение все-таки имело место, оно зачастую оценивается как весьма маловажное событие. Среди тех, кто исследует Позднюю античность, существует тенденция почти исключительно положительных оценок всех особенностей того времени. Такие институты, как армия и правительство, изображаются весьма эффективно действовавшими — даже более эффективно, нежели в годы Ранней империи, — а проблемы (какими бы они ни были) рассматриваются как неизбежные в условиях Древнего мира и не представлявшие собой чего-то свойственного лишь позднему периоду. Равным образом малейшим признакам непрерывности приписывается глубокое значение, а сами они считаются имевшими повсеместный характер. К примеру, тот факт, что римское название должности чиновника продолжало использоваться при дворе германского короля, вовсе не обязательно означает, что соответствующее лицо выполняло те же самые функции, не говоря уже о том, что оно выполняло их хорошо. Равным образом обнаружение стилуса (письменной принадлежности наподобие пера) во время раскопок поселения конца V века в Британии не может считаться доказательством широкого распространения грамотности в послеримский период. Распространение этой логики на наше время привело бы к тому, что сохранение в Индии институтов империи и английского языка как одного из рабочих языков ее правительства на самом деле означало бы, что Индия по-прежнему остается частью Британской империи. То-то удивились бы местные жители!

Но звучали и мнения несогласных. Недавно в свет вышли две популярные книги, где выдающиеся специалисты по Поздней античности — любопытно, что оба они из Оксфорда — подвергли сомнению точку зрения, ставшую ортодоксальной. Брайан Уорд-Перкинс в «Падении Рима» (2005) прежде всего подчеркивает, что представление о мирной трансформации Римской империи в варварское королевство просто-напросто противоречит историческим свидетельствам, не говоря уж о самой несложной логике. Что еще

важнее, он показал с использованием археологических данных, насколько масштабный характер носили перемены, вызванные падением Рима. Многие из них касались повседневной жизни рядового населения, которое, к примеру, теперь жило в домах, крытых соломой, а не черепицей, и пользовалось простой глиняной посудой местного производства, а не импортными сосудами более тонкой работы. Упадок материальной культуры носил столь резкий характер, что Уорд-Перкинс считает справедливым говорить о «конце цивилизации». Питера Хизера в «Падении Римской империи» (2005) более интересует то, как произошло крушение Западной империи, нежели его последствия. По большей части его книга носит нарративный характер; это связано с ощущением автора, что теория мирного завершения существования империи «распространилась столь широко... лишь потому, что детальный исторический анализ не применялся в течение десятилетий». Он начинает свое повествование с 376 года и описывает события вплоть до низложения Ромула Августула; подобно Уорду-Перкинсу, он считает «конец существования империи важнейшим событием». Империя IV века предстает в его изложении мощным, полным энергии государством, гибель которого не была неизбежной. Однако новые угрозы, спровоцированные народами извне, такими как гунны и готы, обернулись испытанием, которое отчасти из-за ошибок конкретных лиц, а отчасти по случайности не удалось должным образом преодолеть*.

Обе эти книги очень хороши (каждая — на свой лад), но обе страдают некоторой ограниченностью, которой можно было бы избежать. Ни в той, ни в другой авторы не пытаются связать империю IV века с империей более раннего периода. И все же эту связь необходимо установить, если перед нами стоит задача составить более полное представление о том, какой была Римская империя, и обнаружить, отчего она в конечном итоге пала. В исследованиях Поздней античности подчеркивается мощь империи IV века. Конечно, это

* *Heather P.* The Fall of the Roman Empire // Oxford Historian. № 4 (May 2006). P. 17—20, здесь цит. p. 18—19.

верно, поскольку Рим этого периода был сильнее, нежели какой бы то ни было народ или нация в тогдашнем мире. Однако он отличался куда меньшей стабильностью и меньшим могуществом, нежели империя II века. Понимание того, как и почему произошли соответствующие изменения, — вот ключ к осознанию того, почему Поздняя империя была такой, какой она была. Проще говоря, империя в 200 году была сильнее, нежели в 300 году, — хотя, вероятно, в 250 году она была еще слабее. К 400 году ее силы вновь уменьшились, а к 500 году на Западе она исчезла; на землях Восточного Средиземноморья от нее осталось лишь «охвостье». Для объяснения этих сдвигов необходимо привлечь длительную историческую перспективу.

Большинство историков, считавших концепцию упадка «немодной», делали акцент на давлении, которое оказывалось на империю извне. Лишь недавно некоторые задались вопросом: каковы были истинные масштабы угрозы, созданной племенами, обитавшими за пределами Римской империи? Несмотря на это, многие продолжают считать, что конфедерации, созданные к концу III века, были куда более грозными врагами, нежели варварские племена, противостоявшие Ранней империи. Несомненно, представление о том, что Сасанидская Персия, сменившая парфян в начале III века, действовала куда более энергично и агрессивно и представляла собой куда большую опасность, нежели ее предшественники, является своего рода догматом. Его повторяли так часто, что никто, по-видимому, не сомневается в его истинности. Вера в то, что угрозы в адрес империи возросли, весьма удобна для тех, кто желает рассматривать значительные институциональные перемены в империи как разумный ответ на новую ситуацию. Но удобство и частое повторение ничего не прибавляют к правде, и все упомянутое следует поставить под вопрос*.

* Обсуждение того, представляли ли племена, обитавшие в Европе, угрозу для Римской империи, см. в книге: *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West 376—568. Cambridge, 2007.

Начиная с III века гражданские войны стали распространенным явлением. После 217 года насчитывается лишь несколько десятилетий, когда не шла жестокая борьба за власть в Римской империи. Некоторые ее проявления представляли собой местные бунты, быстро подавлявшиеся и почти не сопровождавшиеся настоящими сражениями. Другие заканчивались лишь через несколько лет, и здесь дело можно было решить не иначе как одним или несколькими более крупными сражениями или осадами. У нас нет сведений о том, сколько погибало римских воинов или сколько людей пострадало в ходе борьбы, но общая цифра должна быть значительной. Правда, неприятности могли и не затрагивать напрямую тех, кто жил в провинции вдали от смуты, если они не были связаны с видными деятелями проигравшей стороны. Я не хочу сказать, что подобные вещи имели небольшое значение. Гражданские войны стали фактом жизни Рима, и всякому, кто достигал совершеннолетия, суждено было оказаться их свидетелем, даже если он не принимал в них непосредственного участия.

Хотя большинство историков отмечает, что начиная с III века в Римской империи участились внутренние конфликты, они, как ни странно, весьма редко задерживаются на них, чтобы рассмотреть те или иные их подробности. А.Х.М. Джонс создал колоссальный труд о Поздней империи, на который неизменно ссылаются и по сей день, более чем через сорок лет после его выхода в свет. В нем содержится следующее любопытное утверждение: «Диоклетиан способствовал сохранению мира в течение двадцати лет; исключением стали лишь два восстания»*. Он не придает никакого значения тому, что одно из этих восстаний продолжалось большую часть десятилетия и что оба были подавлены с использованием значительной военной силы. В любом случае до этого Диоклетиан вел (и выиграл) еще одну гражданскую войну, чтобы стать императором. Несомненно, по тогдашним меркам его правление было благополучным, но стабильность в им-

* *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284—602. Vol. 2. Oxford, 1964. P. 1033.

перии при нем носила ограниченный характер и оказалась недолговечной; далее последовал период особенно масштабных военных действий. Показательно, что Джонс посвящает гражданским войнам и внутренним конфликтам лишь один абзац в главе, где рассматриваются причины падения Рима. Его отношение к проблеме характерно: гражданские войны и узурпации просто воспринимаются как часть «нормального ландшафта» позднеримской истории. Одна из причин подобного пренебрежения может состоять в том, что большинство исследователей жило и работало в странах, где гражданские войны ушли в далекое прошлое. Для них была естественна мысль, что внешние угрозы всегда должны представлять собой более серьезную опасность. Вдобавок фокус внимания на общественных институтах и культуре не позволяет подробно затрагивать гражданские войны, которые оказывают на подобные вещи небольшое влияние — а то и вовсе никакого. Действительно, мало кто специально анализирует, как эта реальность повлияла на отношения между императорами и их подданными на всех уровнях.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы более пристально взглянуть как на внутри-, так и на внешнеполитические проблемы, стоявшие перед Римской империей. Мы начнем, подобно Гиббону, со 180 года, когда империя, казалось, по-прежнему пребывала в зените расцвета и еще незаметны были признаки упадка, обернувшегося хаосом в середине III века. Затем мы рассмотрим империю, восстановленную Диоклетианом и Константином, процессы, приведшие к ее разделению на восточную и западную половины в IV веке, и крушение Запада в V веке. Завершим мы книгу рассказом о предпринятой в VI веке безуспешной попытке Восточной империи вновь занять утраченные территории. Гиббон пошел гораздо дальше, вплоть до падения Константинополя под ударами турок в XV веке. Это тема по-своему любопытная, но слишком обширная, чтобы мы смогли адекватно рассмотреть ее здесь. К концу VI века мир навсегда перестал быть тем, чем он являлся на момент начала нашего повествования, и изменения носили глубокий харак-

тер. Восточная Римская империя была сильна, однако не обладала всесокрушающей мощью и влиянием единой Римской империи. Наша книга — о том, как все это произошло. В центре нашего рассмотрения окажется история конкретных мужчин и женщин, группировок, народов и племен, живших в упомянутые столетия: ведь судьба тогдашнего мира сложилась из их судеб. Пересказывая ее, мы попытаемся оценить — с помощью наиболее заслуживающих доверия теорий — почему все случилось именно так, а не иначе.

Источники

Рассматривая данную тему, мы имеем ряд значительных преимуществ по сравнению с Гиббоном. Собиратели древностей уже предприняли некоторые усилия, чтобы собрать и каталогизировать письменные источники, дошедшие до нас от Древнего мира, и описать то, что сохранилось от древних поселений и городов. Однако систематические археологические раскопки стали проводиться лишь с начала XIX века, и технологии сбора и интерпретации данных с тех пор стали куда более совершенными. Постоянно обнаруживаются новые остатки поселений, а относительно тех, что уже известны, делаются новые выводы, что прибавляет дополнительные сведения к банку информации относительно того или иного района и исторического периода. Из этого следует, что современная тенденция состоит в уменьшении площади раскопок и одновременном увеличении их тщательности. Учитывая, что многие римские общины занимали обширные территории, в наше время полностью раскопанное поселение — большая редкость. Равным образом, как правило, возможности позволяют развернуть полномасштабную работу лишь на небольших участках раскопок. Это означает, что общая картина жизни сельского или городского населения в провинциях обычно основывается на крохотном образчике того, что сохранилось до наших дней; что-то могло быть утрачено, что-то — еще не открыто, но этот факт игнорируется. Также необходимо принимать во внимание, что

подавляющее большинство археологических данных неоднозначно. Все находки требуют интерпретации, в особенности если необходимы более обширные выводы. Любое исследование по истории античного мира будет неполным без рассмотрения данных археологии, но впечатления, возникающие на основе последних, должны корректироваться в связи с новыми открытиями или изменениями в интерпретации уже известных сведений.

В распоряжении Гиббона находилась основная масса источников, сохранившихся со времен античности. С тех пор было сделано несколько открытий — к примеру, письма Марка Корнелия Фронтона, относящиеся к самому началу рассматриваемого периода. Напротив, «поэмы Оссиана» — имитацию героических поэм, якобы дошедших до нас от обитавших в Шотландии племен каледонцев, которые сражались против Рима и упоминались в «Упадке и разрушении», — давно признали мистификацией, относящейся к XVIII веку. Однако находки подлинных текстов и фрагментов других авторов не оказали существенного влияния на общую картину временного распределения нарративных источников и их применимости. Источники по III веку исключительно скудны; в основном они представляют собой лишь краткие изложения, эпитомы более ранних историй, которые сами по себе по большей части кратки и малодостоверны. Существует также подборка биографий императоров, известная под названием «Писатели истории августов» и представленная как труд шести авторов конца III — начала IV века. Теперь большинство исследователей полагает, что ее написал один-единственный автор, представитель следующего поколения (а может, живший еще позже). Несмотря на то что в его работе полно вымысла и путаницы, автор тем не менее включил в нее некоторую достоверную информацию. Однако то, что нам вообще приходится использовать этот труд, свидетельствует о скудости источников по данному периоду*.

* *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1. London, 1776. Ch. 6. N. 13—14.

Мы располагаем трудами двух историков, чьи повествования представляют собой детальный — и в основном достоверный — отчет о происходивших событиях. Аммиан Марцеллин затрагивает часть IV века, Прокопий — часть VI века. Оба были свидетелями части описанных ими происшествий. То же в какой-то мере справедливо относительно Диона Кассия и Геродиана, который писал о начале периода. Кроме их сочинений, мы опираемся в основном на фрагменты и краткие обобщения. Как мы видели, основная масса письменных источников этого периода попросту не затрагивает главные политические события или войны. Некоторые (сюда относятся многие панегирики) все-таки адресованы императорам и упоминают современные проблемы и события, но в столь стилизованной и риторической форме, что из них трудно извлечь информацию. Мнение, будто они содержат зашифрованные сведения, не лишено вероятности, однако легко заводит нас слишком далеко. Чрезвычайно важно помнить, что мы располагаем лишь мельчайшей частицей той литературы, что некогда существовала. Значительная часть Аммиановой истории утрачена; от многих других авторов и их трудов уцелели лишь названия. Несомненно, было и много таких, чьи имена даже не упоминаются в дошедших до нас текстах. По большей части труды дошли до нас в виде рукописей, хранившихся в церковных библиотеках. Это неизбежно означало, что у христианских текстов было куда больше шансов уцелеть и что литературные достоинства имели при этом большее значение, нежели их историческая ценность. И еще большую роль играла случайность.

Все это справедливо и для других документов — по большей части написанных на папирусе, но иногда на табличках для письма или черепках. Сохранность их также преимущественно была делом случая. Их продолжают находить в местах, где условия благоприятствовали ей, и иногда в значительных количествах; находки могут включать в себя такие сведения, как результаты переписи. Подобная инфор-

мация в высшей степени полезна, однако ее никогда не бывает достаточно, чтобы статистически достоверно оценить численность населения, возрастной диапазон и общий уровень благосостояния — данные справедливы лишь в отношении конкретного места и времени. Все исследования Древнего мира приходится проводить без опоры на статистику. Это не означает, что подкрепить или доказать беспочвенность некоторых теорий относительно падения Римской империи невозможно. Просто мы не можем сказать, сыграло ли в нем свою роль значительное уменьшение численности населения. Равным образом мы не можем оценить состояние экономики того или иного избранного нами периода или проследить подлинное влияние девальвации валюты в III веке на случившееся. Имеющиеся в нашем распоряжении источники намекают на некоторые тенденции, но разные исследователи будут интерпретировать их поразному.

В истории Римской империи III века и более поздних времен есть и немало фактов, нам просто неизвестных. В той или иной степени это справедливо почти для всей древней истории. Однако, задавая вопросы, нам следует быть осторожными: не стоит склоняться к мысли, будто источники облегчат нам ответы на них. К тому же тот очевидный факт, что столь значительное количество греческих и римских текстов не дошло до нас, и впрямь свидетельствует, что переход от римского мира к средневековому сопровождался многими радикальными переменами. Большинство произведений было утрачено, а не спрятано «под сукно» или уничтожено церковниками. Уровень образованности в средневековом мире сделался куда ниже, нежели в предшествовавшем ему мире классическом — в особенности в Западной Европе. Все это вовсе не свидетельствует о «трансформации». Крушение Римской империи было масштабным событием, даже если оно заняло немало времени и не может быть «приписано» к конкретной дате. Это становится абсолютно ясно, когда мы рассматриваем империю в дни ее расцвета.

Часть первая

КРИЗИС?
III век

Глава первая

ЦАРСТВО ЗОЛОТА

> Помышляй почаще о той быстроте, с которой проносится и уходит все, что существует или становится. Ибо и естество, подобно реке в непрерывном течении, и действия в постоянных превращениях, и причины в тысячах разворотов, даже и то, что близко, ничуть не устойчиво, а беспредельность как прошлого, так и будущего — зияние, в котором все исчезает. Ну не глуп ли тот, кто при всем том надувается или дергается или вопит, словно велик этот срок и надолго эта досада.
>
> *Марк Аврелий. К самому себе. V. 23*

Марк Аврелий умер ночью 17 марта 180 года. Шестнадцатый римский император не дожил всего пяти недель до своего пятьдесят девятого дня рождения. Он правил огромной империей примерно два десятилетия. Позднее поползли слухи о грязной игре (что случается всегда, когда умирает любой император): врачи якобы ускорили смерть Марка Аврелия в угоду его сыну и наследнику Коммоду. Это в высшей степени невероятно, и во многих отношениях удивительно скорее то, что он прожил так долго. Не будучи физически крепким человеком, он перегружал себя работой во время своего царствования, неспокойного из-за войн и эпидемий. Но позднейшие поколения вспоминали его как идеального императора, и сенатор Дион Кассий, писавший в следующем столетии, описывал его правление как «царство золота». Примечательные «Размышления» Марка — похожий на дневник сборник философских мыслей, не предназначавшийся для публикации, рисует нам человека, обладавшего глубоким чувством долга и движимого самым искренним желанием править подобающим образом. Это обусловливалось не стремлением добиться соответствующей репутации — «творя добро, слыть дурным — царственно», но потому, что так поступать правильно и лучше для

Карта № 1. Римская империя в конце II в. н.э.
Границы провинций
Административные центры провинций
Лагеря легионов
Лагеря легионов и центры провинций
БЕЛЬГИКА Провинции
ПАРФИЯ Другие страны/народы
НИЖНЯЯ БРИТАНИЯ
Эбурак
Дэва
Иска Силур
ВЕРХНЯЯ БРИТАНИЯ
Лондиний
Ветера
Бонна
Могонциак
Альбис
БЕЛЬГИКА
Дурокорторум
ЛУГДУНСКАЯ ГАЛЛИЯ
МАРКОМАННЫ
КВАДЫ
Аргентorат
Рейн
Кастра Регина
Дунай
Аквинк
Лауриак
Виндобона
Карнунт
Бригетион
АКВИТАНИЯ
РЕЦИЯ
НОРИК
Бурдигала
Лугдун
КОТТИЕВЫ АЛЬПЫ
ПРИБРЕЖНЫЕ АЛЬПЫ
ДАЛМАЦИЯ
VII Сдвоенный легион
НАРБОНСКАЯ ГАЛЛИЯ
Нарбон
Салоны
ИСПАНИЯ ТАРРАКОНСКАЯ
ЛУЗИТАНИЯ
Тарракон
ИТАЛИЯ
Рим
Альбан
Эмерита Августа
САРДИНИЯ И КОРСИКА
Кордуба
БЕТИКА
Каралис
Тингис
СИЦИЛИЯ
Цезарея
Карфаген
Сиракузы
МАВРЕТАНИЯ ТИНГИТАНСКАЯ
МАВРЕТАНИЯ ЦЕЗАРЕЯ
АФРИКА
Ламбесис
НУМИДИЯ
1 ГЕРМАНИЯ
2 НИЖНЯЯ ГЕРМАНИЯ
3 АЛЬПЫ АТРЕКТИАНСКИЕ И ПЕННИНСКИЕ
4 ВЕРХНЯЯ ПАННОНИЯ
5 НИЖНЯЯ ПАННОНИЯ
0 500 км
0 300 мили
ЯЗЫГИ
Потаисса
Апулум
РОКСОЛАНЫ
ДАКИЯ
Сингидун
Сармизегетуза
Виминаций
ВЕРХНЯЯ МЕЗИЯ
Дунай
ДОБРУДЖА
Дуросторум
Новы
ВИФИНИЯ И ПОНТ
НИЖНЯЯ МЕЗИЯ
Амастрис
ФРАКИЯ
Сатала
МАКЕДОНИЯ
Перинф
Никомедия
Фессалоника
ГАЛАТИЯ
КАППАДОКИЯ
АРМЕНИЯ
ЭПИР
Анкира
Мелитена
Пергам
Никополь
АЗИЯ
Цезарея (Мазака)
Самосата
АХАЯ
Коринф
Эфес
Тарс
Резена
КИЛИКИЯ
Антиохия
Мира
Сингара
ЛИКИЯ И ПАМФИЛИЯ
КИПР
КЕЛЕСИРИЯ 2 легиона
Рафанеи
Паф
КРИТ И КИРЕНА
Гортина
СИРИЯ ФИНИКИЙСКАЯ
Капаркотна
Тир
Цезарея
Евфрат
СИРИЯ ПАЛЕСТИНСКАЯ
Бостра
Элиа Капитолина
ПАРФИЯ
Кирена
АРАВИЯ
Александрия/ Никополь
ЕГИПЕТ

всех. Мертвому репутация ни к чему, и самому Марку, подобно всем и всему, предстоит умереть: «В скором времени будешь никто и нигде, как Адриан, как Август»*. Постоянное возвращение к мысли о необходимости принять смерть без всяких сантиментов показывает, что Марк Аврелий так никогда и не смог себя вполне убедить в этом. Из его частных писем мы видим, как тяжело переживал он потерю друзей и родственников. Однако перемены составляют суть этого мира, и даже те историки, которые отрицают, что Римская империя когда-либо клонилась к упадку и наконец пала, описывают происходившие сдвиги. Прежде чем рассмотреть этот процесс, обратимся к миру самого Марка Аврелия**.

Люди, воспитанные подобно Марку Аврелию, знали, что земля круглая. Первыми это поняли греческие философы, но в течение столетий римляне также говорили о мире как о шаре или о сфере (orbis). Философы обычно утверждали, что звезды и планеты вращаются скорее вокруг Земли, нежели вокруг Солнца, хотя время от времени звучали и намеки на обратное. Изучение ночного неба считалось почтенным делом во многих культурах Древнего мира — отчасти потому, что в людях глубоко укоренилась вера в астрологию. Об императоре Адриане говорили, будто он способен предсказывать события до мелочей, включая день и час собственной смерти. Мир был круглым, но знали только о трех континентах — Европе, Азии и Африке, а ясные представления о протяженности двух последних отсутствовали. Землю окружал огромный океан, в который врезались лишь немногие острова вроде Британии. В центре континентов находилось Средизем-

* Обе цитаты — из того же сочинения Марка Аврелия (VII. 36; VIII. 5. Перевод А.К. Гаврилова).

** Самая последняя и наиболее основательная биография Марка Аврелия — *Birley A.* Marcus Aurelius A Biography. New Haven, 1987. О потере детей см.: Fronto. Epist. ad M. Caes. IV. 11; V. 19 (34); V. 45 (60); M. Aur. I. 8; VIII. 49; IX. 40; X. 34; XI. 34. Birley (1987). P. 106—108.

ное, срединное море. Это было сердце мира и Римской империи*.

Во времена Марка Аврелия империя простиралась от атлантического побережья до Рейна и Дуная и от рек Форт и Клайд на севере Британии до Евфрата в Сирии. Это была огромная территория — куда больше половины известного тогда мира, где обитала основная масса населявших ойкумену людей — особенно внушительная, если учесть, что в ту эпоху не существовало более быстрых видов транспорта, чем корабль, который мог плыть по морю под парусами, и лошадь, способная скакать по суше галопом. Примерно 3000 миль отделяло крайнюю восточную точку империи от крайней северной, и тем не менее известно, что люди совершали путешествия на эти расстояния. В 1878 году был обнаружен могильный камень близ того места, где находился римский форт Арбея в Саут-Шилдсе, возвышающемся над устьем Тайна. Он воздвигнут в память Регины («царицы»), тридцатилетней «вольноотпущенницы и жены» «Барата из народа пальмирского». Пальмира представляла собой богатый оазис и город в Сирии; вероятно, Барат был купцом — и, судя по размеру и качеству этого памятника, преуспевающим. Его супруга происходила из местных жителей: она была британкой из племени катавеллаунов, которое жило к северу от Темзы. Первоначально Регина являлась его рабыней, но он даровал ей свободу и женился на ней — случай не столь уж редкий. На могильном камне она изображена сидящей, одетой в пышный наряд римской матроны, с браслетом на запястье и ожерельем на шее; волосы пышно убраны в духе тогдашней моды. Муж (так по крайней мере кажется) по-настоящему любил супругу. Большая часть надписи выполнена на латинском языке, однако последняя строка написана затейливыми буквами на родном наречии купца и

* Об астрологических занятиях Адриана см.: SHA. Adr. 16. 7. О новаторском анализе истории Средиземноморья, затрагивающем многие вопросы, обсуждаемые в этой главе, см.: *Holden P., Purcell N.* The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History. Oxford, 2000.

звучит просто: «Регина, вольноотпущенница Барата, увы!» (RIB. 1065; ср. RIB. 1171).

Ни Барат, ни Регина не являлись римскими гражданами, однако своим браком и присутствием в Северной Британии они были целиком обязаны империи. То же можно сказать о памятнике, выполненном в римском стиле, и о надписи, большею частью сделанной на латинском. Мир, в котором они жили, представлял собой римский мир, хотя, конечно, не исключительно римский. Каждый из них с гордостью отождествлял себя с одним из независимых когда-то народов. Барат говорил на родном для него семитском наречии, а Регина, вероятно, на кельтском языке своего народа. Латинский язык был общим только для западных провинций, на востоке же главным средством общения и языком культуры оставался греческий. В разных уголках империи продолжали говорить на множестве местных языков и диалектов. Существовали другие различия — в религии, обычаях, культуре, и в то же время — удивительное дело! — империя являла собой совокупность подобий, повторявшихся в каждой провинции. Большие общественные здания — базилики, храмы, театры, цирки, амфитеатры, акведуки — одинаково выглядели и в Африке, и в Галлии, и в Испании, и в Сирии.

Однако это единство представляло собой нечто большее, чем сходство архитектурного стиля и инженерной техники. Повсюду люди одевались в духе римской моды, распространившейся весьма широко. Адриан был первым императором, носившим бороду, что выражало его приверженность этому греческому обычаю, хотя некоторые говорили, будто он хотел таким образом скрыть недостатки кожи. Многие стали подражать ему. Равным образом женщины обезьянничали, перенимая прически императорских жен и дочерей, которые могли увидеть на распространенных в провинциях портретах последних. Примерно такие же прически воспроизведены и на скульптурах из Рейнланда, и на погребальных портретах из Египта. Эти раскрашенные портреты украшали собою гробы, в которых лежали тела, мумифицированные по древнему обычаю этой страны. То, что человек становился римляни-

ном, редко подразумевало, если подразумевало вообще, полный отказ от местных традиций*.

Римская империя возникла в результате завоеваний, которые зачастую сопровождались немалым кровопролитием. Юлий Цезарь, как говорили, уничтожил миллион человек, когда покорял Галлию в 58—50 годах до н.э., и еще больше людей продал в рабство. Это было исключением, и названные цифры, вероятно, преувеличены. Но в своем стремлении к победе римляне действовали беспощадно, и цена для побежденных могла оказаться ужасающей. Римский историк Тацит вкладывает в уста одного из племенных вождей утверждение о том, что римляне, «создав пустыню, говорят, будто принесли мир». Лишь немногие провинции были созданы без какой-либо борьбы, и Цезарь сам сознавал, что для галлов вполне естественно сражаться за свою свободу, даже если считал, что лишение их таковой вполне соответствует интересам Рима. Однако в Галлии, как и в других странах, всегда имелись общины и вожди, которые оказывали радушный прием легионам, ища защиты от враждебных соседей или стремясь добиться преимущества перед соперниками. Племя иценов во главе со знаменитой царицей Боудиккой приветствовало римских завоевателей в 43 году и восстало только в 60 году, когда царская семья подверглась дурному обращению. Легионы при подавлении восстания действовали эффективно и жестоко, как и в любой другой войне, и мятеж иценов закончился полным поражением, которое дорого обошлось им**.

---

* Хорошо иллюстрированную коллекцию портретов мумифицированных можно найти в каталоге выставки Британского музея: *Walker S., Bierbrier M.* Ancient faces: Mummy Portraits from Poman Egypt. London, 1997.

** Слова вождя взяты из: Tac. Agr. 30. 6 (перевод А.С. Бобовича под ред. М.Е. Сергеенко). См. также: Plut. Caes. 15. Дискуссию см.: *Goldsuorthy A.* Caesar. A Life of Colossus. New Haven; London, 2006. P. 335. О спорах по поводу восстаний см.: *Dyson S.* Native Revolt Patterns in the Roman Empire // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. II. 3. Berlin; New York, 1975. P. 138—175.

Выступления случались и спустя поколение после завоевания, но уж после этого в большинстве покоренных стран они происходили крайне редко. Ко II веку подавляющее большинство населения провинций вряд ли помышляло о какой-либо борьбе за независимость. Отчасти это объясняется сознанием ужасающей мощи легионов, но армия была не настолько велика, чтобы держать всю империю в кулаке, и в большинстве ее уголков никогда не видели солдат, не говоря уже о целых отрядах. Значительное число людей жило достаточно хорошо под властью римлян, чтобы стремиться к ее сохранению. Римляне не хотели захватывать пустыню, они нуждались в мирных и богатых провинциях. В определенные периоды практиковалось масштабное поселение римских и италийских колонистов в общинах на завоеванной территории, но колонисты никогда не составляли большинства по отношению к местному населению. Провинции не оказались бы умиротворены и не стали бы платить требуемые налоги без согласия на то самих провинциалов.

Те, кто извлекал выгоду из такого положения дел, по преимуществу являлись местными аристократами, многие из которых сохраняли свои земельные владения, богатства и общественный статус. По большей части местным общинам предоставили самим решать свои дела, поскольку центральное правительство не имело ни желания, ни возможности вмешиваться в них. Был введен ряд законов, особенно относившихся к тем случаям, когда дело касалось римских граждан или регулирования отношений с другими общинами. Обычно эти общины представляли собой города, управлявшие прилегавшей к ним территорией. Многие из них существовали еще до римского завоевания, но там, где они отсутствовали, их, как правило, создавали римляне. Культура империи была изначально городской, и у местных аристократов существовал стимул становиться магистратами и членами городских советов. Это обеспечивало им престиж, власть, а иногда и шансы сделать карьеру на более высоком, имперском уровне. Многим из них даровали рим-

ское гражданство, но римляне всегда были щедры в этом отношении и распространяли его и на множество менее богатых провинциалов. В середине I века апостол Павел, еврей из города Тарс в Малой Азии, являлся римским гражданином, хотя нет свидетельств, что он говорил по-латински. Его семья могла дать ему хорошее образование, однако относилась к числу скорее зажиточных, чем богатых. Не только отдельные люди, но формально и целые города могли становиться римскими городами или колониями с конституцией по образцу Рима.

Большинство провинций являлись искусственным творением империи, включая в себя различные племена, народы и города, которые до римского завоевания не составляли административного целого. Принадлежность к племени или городу по-прежнему вызывала у людей гордость. Павел хвалился тем, что он — гражданин Тарса, «большого города», как и Рим. Во II столетии города в большинстве своем процветали и энергично соперничали с соседями, стремясь превзойти их блеском и престижем. Большие публичные сооружения воздвигались как осязаемые символы значительности города. От них осталось немногое, однако сегодня такие памятники — значительная часть того, что напоминает нам о римской эпохе. От магистратов ждали, что они будут вкладывать немало денег из собственных средств, когда они заведовали возведением этих зданий, напоминая об этом в больших надписях, делавшихся на них по окончании строительства. Иногда тщеславие перехлестывало через край. В начале II века Плиния Младшего послали наместником в провинцию Вифиния и Понт (нынешняя северная Турция), и там он обнаружил, что Никомедия израсходовала более 3 миллионов сестерциев на строительство акведука, который так и не был закончен. Соседняя с ней Никея потратила 10 миллионов на театр, который уже дал трещины. Эти огромные суммы — легионеры получали всего 1200 сестерциев в год — говорят о том, на какие щедрые траты шли процветающие города. Большинство строек завершалось более ус-

пешно. У местных обычаев и ритуалов всегда имелись особенности, но поразительно, насколько единообразно выглядела общественная жизнь разных областей империи*.

Какими бы ужасами ни сопровождалось римское завоевание, учтем, что если поначалу римляне и производили опустошения**, то вскоре ситуация менялась. Знаменитый Pax Romana, или «римский мир», был реальностью, и нам не следует забывать, какую редкость вообще представлял собой продолжительный мир в эпоху древности. До прихода римлян война и набеги были обычным делом, а в некоторых краях и повсеместным. Племена, народы, города, царства и вожди часто боролись друг с другом, и во многих случаях насилие и гражданские войны приводили к разорению. Это касалось и так называемых варварских племен, и греческого мира — демократические Афины проводили крайне агрессивную внешнюю политику. Однако римляне положили всему этому конец. Рим, если так можно выразиться, оказался самым удачливым империалистом античного мира, но совершенно очевидно, что это государство было не только экспансионистским. Ошибочно видеть в покоренных народах лишь простые жертвы, а не таких же агрессоров. Римляне обладали уникальным талантом «абсорбировать» другие народы и убеждать провинции, что лучше проявлять лояльность по отношению к Риму, нежели сопротивляться ему. Это и стало в конце концов основой, на которой зиждилась империя. К 180 году невозможно было себе представить мир без Рима, а тем более вспомнить, когда такой мир вообще существовал.

В провинциях, конечно, не обходилось без насилия. В определенных районах империи и в определенное время активность бандитов представляла собой серьезную проблему

---

* Деян. 21. 39. Plin. Iun. Epist. X. 37; 39; О дискуссиях по поводу общественной жизни и аристократическом патронаже см.: *Veyne P.* Bread and Circuses. Historical Sociology and Political Pluralism. London, 1990.

** Автор намекает на слова Тацита, вложенные в уста британского вождя, цитировавшиеся выше. — *Примеч. пер.*

и иногда приобретала социально-политическую окраску. Пираты и разбойники стали традиционными персонажами греческой и римской художественной литературы. Это показывает, что они завладели воображением публики, но отсюда не следует, что их можно было запросто встретить в повседневной жизни. Однако во многих источниках упоминается и о других формах насилия, организованного или случайного, — землевладельцев по отношению к арендаторам или какой-либо группы лиц по отношению к слабым и беззащитным. Но следует проявлять некоторую осторожность, поскольку преступления, особенно связанные с насилием, привлекают непомерное внимание средств массовой информации и сегодня, во многом просто потому, что никто не хочет сообщать или узнавать об обычных бессобытийных днях. На местном уровне отсутствовала организованная полицейская сила, и преступления в империи случались, но то же можно сказать и о других больших государствах. Крупные восстания были редкостью. Иудея восставала при Нероне (66—73), а затем при Адриане (132—135), а еврейское население в Египте, на Кипре и в некоторых других провинциях бунтовало при Траяне (115—117). В каждом случае борьба оказывалась жестокой и кровавой, но в конце концов римляне беспощадно подавляли восстания*.

Евреи с их сильным национальным чувством, которое еще более обостряли их религия и традиции, толкавшие их на сопротивление завоевателям, представляли особое явление. Еврейские общины были рассеяны по городам империи, но многие из них находились и за ее пределами, в Парфянском царстве. Парфия являлась единственной крупной независимой державой на границах империи; ее власти подчинялись территории современных Ирака и Ирана. Римляне проявляли по отношению к парфянам уважение, немыслимое в отношениях с другими народами, но никогда не

* О некоторых дискуссиях общего характера см.: *Woolf G.* Roman Race // War and Society in the Roman World / Ed. J. Rich, G. Shipley. London; New York, 1993. P. 171—194.

вели себя с ними как с равными. В подходящей боевой обстановке парфянская кавалерия являла собой страшную силу и в прошлом не раз наносила поражение римской армии, хотя конфликты неизменно заканчивались договорами в пользу Рима*. Однако мощь Парфии не стоит преувеличивать — империя смогла остановить ее дальнейший рост. Траян предпринял крупное вторжение на ее территорию и разграбил парфянскую столицу Ктесифон. О том же, чтобы парфянская армия когда-либо угрожала городу Риму, не шло и речи. Между Парфией и Римом лежало Армянское царство, цеплявшееся за свою хрупкую независимость. В культурном отношении оно имело больше общего с Парфией, и его престол нередко занимали представители парфянской царской фамилии. Однако римляне настаивали на том, что только они могут даровать легитимность новому армянскому монарху.

Траян попытался присоединить значительную часть Парфии, но ему помешали бесчисленные восстания на только что покоренных территориях и собственное подорванное здоровье. Его преемник Адриан оставил новые провинции, и Парфия отчасти вернула себе былое могущество. На других участках границы Рим имел дело с куда менее сильными контрагентами. Подавляющее большинство их составляли племена, политически разобщенные и зачастую враждовавшие друг с другом. Иногда появлялся какой-либо харизматический вождь, объединявший на какое-то время несколько племен, но его власть редко переходила к наследнику. Значительная часть римской армии стояла на границе или рядом с нею, для предотвращения любых возникавших уг-

* В действительности войны между Римом и Парфией не раз заканчивались удачно для последней: в 53 году до н.э. парфяне разгромили при Каррах и Синнаке армию Красса, в 36 году до н.э. отразили нашествие Антония (в обоих случаях римлянам взять реванш не удалось), а в 66 году н.э. Нерону после капитуляции его армии при Рандее пришлось короновать на царство в Армении парфянского ставленника Тиридата. — *Примеч. пер.*

роз. Это уже само по себе говорит о том, что серьезные восстания в большинстве внутренних провинций считались немыслимыми. Греческий оратор Элий Аристид, писавший во II веке, сравнивал римского воина со стеной, которая защищает город*.

«Самые почтенные люди»: правители империи

Девятисотая годовщина основания Рима формально праздновалась в 148 году, когда Марку Аврелию было десять лет. (Нам никогда не узнать, существовал ли Ромул и действительно ли город основали в 753 году до н.э., но традиционная дата, по-видимому, в целом правильна.) Цари правили Римом до 509 года до н.э., когда последнего из них изгнали и возникла республика. При новой системе выборные магистраты занимали высшие исполнительные должности, руководя в мирное и военное время. Им давал указания сенат — совет, в состав которого входили бывшие магистраты. Эту систему поддерживали, чтобы предотвратить захват высшей власти каким-либо одним лицом или группой таковых. Долгое время она действовала исправно, обеспечивая Риму внутреннюю стабильность, вызывавшую зависть у греческих наблюдателей, поскольку эллинские полисы терзали перевороты и внутренняя борьба. К III веку до н.э. Римская республика распространила свой контроль на Италийский полуостров**, а к середине следующего столетия господствовала уже во всем Средиземноморье. Однако в римской политике все больше возрастал элемент насилия. В 88 году до н.э. римская армия двинулась на столицу, начав первую из гражданских войн, которым суждено было разорвать республику на части. Наконец в 31 году до н.э. усыновленный Юлием Цезарем Октавиан победил своего по-

* Ael. Aristid. Rom. orat. 79—84.

** В действительности римляне установили контроль над Апеннинским полуостровом лишь в 265 году до н.э. (по крайней мере официально), когда они захватили этрусский город Вольсинии. — *Примеч. пер.*

следнего соперника, Марка Антония. Рим вновь стал монархией, хотя Октавиан старательно избегал слова «царь» — Цезаря убили потому, что, как утверждалось, он жаждал обрести этот титул*.

Октавиан возвестил о восстановлении республики, но в течение своего долгого правления создал систему, которая принципиально изменила баланс власти в государстве. Он и его наследники приняли титул imperator, от которого пошло современное слово «император». В латинском языке оно означает «полководец», и победоносных военачальников обычно провозглашали императорами их воины. Теперь это слово приобрело новое значение, поскольку армию контролировал Октавиан. Солдаты приносили клятву верности ему, а не своим командирам, и от него же получали жалованье и награды, в том числе земельные участки или деньги после выхода в отставку. Он также осуществлял постоянный контроль над большинством провинций, заведовал государственными финансами, следил за назначением на высшие посты и мог издавать законы. Положение императора не определялось конституцией, и каждое из этих полномочий было вручено лично Октавиану. Официально он являлся принцепсом (princeps), первым должностным лицом и главным слугой государства. Позднее ему также даровали титул Августа, достоинство которого помогло вытеснить память о запятнавшем себя кровью «революционере», который рвался к власти, не выбирая средств. Это имя и фамильное имя Цезаря оказались отныне тесно связаны с высшей властью, и их принимали последующие императоры, даже не принадлежавшие к числу его родственников. Принципат, как называют его современные историки, представлял собой скрытую монархию, и мало кто заблуждался на сей счет. На грекоязычном Востоке принцепса с самого начала называли басилевсом — царем. В конечном счете власть императора покоилась на вооруженной силе. Когда Адриан покри-

* Напрямую Цезарь об этом, по-видимому, не заявлял, но многие его действия позволяли сделать такой вывод. — *Примеч. пер.*

тиковал за употребление редкого слова одного сенатора, известного своим ораторским искусством, тот смиренно согласился, к немалому удивлению друзей. Потом он очень упрекал их и спрашивал, как он мог не признать «самым ученым среди всех того, кто командует тридцатью легионами»*.

В действительности император был не просто «первым среди равных»: его персона имела куда большее значение. Однако хорошие императоры не выставляли свою власть напоказ и проявляли уважение к подданным, особенно к сенатской аристократии. Сенат состоял примерно из шестисот человек, но получение сенаторского ранга распространяло этот статус на несколько следующих поколений, так что число его обладателей оказывалось несколько выше**. Сенатор должен был происходить из свободнорожденных и располагать состоянием в миллион сестерциев. Основная их часть имела гораздо больше; львиная доля их собственности существовала в форме земельных владений, иногда разбросанных по всей империи, хотя требовалось, чтобы каждый обладал хоть какой-то землей в Италии.

Старые почтенные фамилии, занимавшие господствующее положение при республике, по большей части угасли, став жертвами гражданских войн I века до н.э. или чисток, которые проводили императоры, опасавшиеся за свою власть. Сыграла свою роль и естественная убыль, ибо прирост населения среди аристократии был мал, а детская смертность достигала исключительно высокого уровня. Марк Аврелий и его жена Фаустина имели необычно много детей — четырнадцать, но восемь умерли во младенчестве и в детстве. Одни семьи сохранялись благодаря усыновлению; другие, выдавая дочь замуж, объединяли богатство и свое

* См.: SHA. Adrian. 15. 13 (пер. С.П. Кондратьева). Подробно о формировании принципата см.: *Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939.

** Разумеется, дети сенаторов не могли заседать в сенате, но на них распространялись привилегии и ограничения, связанные с принадлежностью к сенаторскому сословию. — *Примеч. пер.*

наследие с богатством и наследием другого рода, но многие полностью вымирали. Патрицианские семейства, старейшая римская аристократия, угасли почти все во времена правления Августа и его династии. Позднее императоры жаловали патрицианское достоинство другим сенаторам как высшую почесть. Цезарь и Август ввели многих италийцев в сенат. Клавдий добавил к ним немало людей из Галлии, а по прошествии определенного времени появились сенаторы практически из всех провинций империи. Все они были римскими гражданами, некоторые — потомками римских и италийских колонистов, но другие происходили из римской провинциальной аристократии, будучи людьми, чьи предки, возможно, сражались против Рима. Со временем такая же ситуация сложилась и с императорами: Траян и Адриан происходили из Испании, как и семья Марка Аврелия, тогда как Антонин Пий был родом из Галлии.

Сенат сохранял свой старинный авторитет, но лишь немногие из его членов могли похвастаться несколькими поколениями предков-сенаторов. Свободные выборы ушли в прошлое вместе с республикой, но сами магистратуры по-прежнему оставались важными и престижными. В дополнение к этому в имперской системе управления появились новые должности. Большинство делало карьеру, связанную как с традиционными, так с и имперскими постами, совмещая гражданскую и военную сферы деятельности. Двое ежегодно избиравшихся консулов являлись высшими магистратами республики. Консулат по-прежнему означал высшую почесть, однако считалось нормальным, чтобы оба его обладателя оставляли должность через два-три месяца после вступления в нее и их заменяли другие, так что обычно оказывалось по восемь консулов ежегодно, всех их назначал император. Более престижным считалось быть одним из консулов, с правления которых начинался год, еще лучше — занимать эту должность два или даже три раза, а предпочтительнее всего — оказаться коллегой самого императора. Рядом провинций управляли сенатские проконсулы, назначе-

ние которых по-прежнему являлось прерогативой сената, но трудно представить, чтобы удачливые кандидаты не пользовались милостью принцепса. Провинции, где размещались значительные военные силы, контролировались представителями императора или легатами. Этих людей тщательно отбирали из числа сенаторов, и такое командование представляло собой вершину их карьеры.

Следующую за сенаторами ступень в обществе занимало сословие всадников (ordo equester) — название, сохранившееся с более ранних времен, когда те, чье состояние оказывалось достаточным для приобретения коня, служили в римской армии в качестве кавалеристов. Обычно предполагалось, что всадники должны быть свободнорожденными и обладать состоянием по меньшей мере в четыреста тысяч сестерциев. Опять-таки многие имели гораздо больше. Всадники были куда многочисленнее сенаторов. Как отмечал в начале I века греческий географ Страбон, результаты ценза выявили, что только в испанском городе Гадесе (нынешний Кадис) насчитывалось пятьсот всадников. Это был исключительный случай — даже в Италии только Патавий (нынешняя Падуя) мог похвастаться таким же большим их числом, хотя, по-видимому, речь шла об одном проценте от его населения. Во всей империи, возможно, насчитывалось десять тысяч всадников, но не исключено, что и намного больше. Во времена республики им были доступны лишь немногие важные должности*, однако Август изменил такое положение и создал для них немало административных и военных постов. Всадники управляли менее крупными провинциями, как, например, Египтом, где (уникальный случай!) легионами командовали также представители всаднического сословия. В общей сложности существовало до

* Имеются в виду должности, составлявшие так называемый cursus honorum (путь почестей), карьеру сенатора. В эпоху классической республики она включала магистратуры квестора, претора и консула, почетной, но не обязательной для достижения консулата была должность эдила. — *Примеч. пер.*

шестисот всаднических должностей, подавляющее большинство — в армии, тогда как сенаторских — всего лишь немногим более ста*.

Всадники были важными людьми, некоторые выполняли весьма серьезные обязанности и обладали немалым влиянием, однако они не представляли собой цельную группу, связанную общими интересами. Сенатор должен был знать всех остальных сенаторов — хотя бы у кого какая репутация и кто из какой фамилии происходит, и иногда можно было говорить о мнении сената, но никоим образом — о мнении всадничества. Более крупную и менее спаянную группу образовывал класс куриалов — местных аристократов, исполнявших обязанности магистратов в городах империи и входивших в состав городских советов. Их богатство и влияние зависели от положения и размеров их родных общин, однако известно, что в Коме на севере Италии человек должен был обладать состоянием, оценивавшимся в сто тысяч сестерциев, чтобы его могли избрать на должность, — четверть того, что требовалось иметь всаднику, и одна десятая — сенатору. И опять-таки не подлежит сомнению, что многие из них имели гораздо больше. Как представляется, для всадников было обычным участие в местных городских советах**.

Богатые владели роскошными городскими домами — то, что сохранилось в Помпеях и Геркуланум, позволяет составить представление об их размерах и великолепии, причем следует иметь в виду, что оба этих города не были особенно богатыми или выдающимися. Однако наиболее ярко богатство элиты проявилось в роскошных виллах, располагавшихся в сельской местности. Землевладение считалось единственным источником богатства, заслуживающим подлинного уважения, а сельское хозяйство — одним из лучших и надежных способов помещения средств для получения прибыли.

---

* Strabo. Geogr. III. 5. 3 (C 169), см. также: *MacMullen R.* Roman Social Relations. 50 B.C. to A.D. 284. London; New Haven, 1974. P. 89, 183. N. 1.

** См.: MacMullen, 1974. P. 90—91.

Кроме того, сельская вилла представляла собой прекрасное место для проведения досуга, обеспечивая мир и покой — в отличие от суетной городской жизни, а также возможности для охоты. Траян, Адриан и Марк Аврелий, как и многие сенаторы, были страстными охотниками. Адриан получил по меньшей мере одно ранение во время охоты и воздвиг памятник любимому коню, которого завалил вепрь*. Существовали также и более спокойные и более интеллектуальные занятия.

Представители римской элиты получали отличное образование и много времени посвящали литературе и философии. Все сенаторы владели минимум двумя языками — греческим как истинно образованные люди и латинским как языком для ведения официальных дел. Марк Аврелий писал свои «Размышления» на греческом как более подходящем для выражения абстрактных философских идей. Владение ораторским искусством было весьма важно для карьеры на общественном поприще, даже если речи в большинстве своем носили формальный характер и являлись обычными панегириками в честь императоров. Чистота языка, стиля и выражений входили в число обязательных требований и зачастую оказывались важнее, чем содержание. Писатели предпочитали обращаться к далекому прошлому и не затрагивать современную политическую жизнь. Движение второй софистики (первая достигла расцвета в V веке до н.э., в период наивысшего могущества демократических Афин) жило памятью о прошлом независимых греческих городов. Эпоха империи стала подлинной кульминацией славы древности. Большинство литературных произведений того времени не особенно увлечет современного читателя. Однако важно иметь в виду, что образованному человеку, как предполагалось, вменялось в обязанность участие в этом движении. Подлинная культура была доступна только очень богатым людям, у которых хватало досуга и возможностей для получения образования. Их образованность закрепляла за ними положение наверху социальной лестницы.

---

* Об Адриане и охоте см.: SHA. Hadrian. 26. 3.

Император нуждался в состоятельных классах для помощи в управлении государством. Сенаторы, в частности, представляли среду, в которой он существовал, и их отношение к нему налагало отпечаток на то, как его изображали в позднейших исторических трудах. Литература создавалась главным образом аристократией и для аристократии. Важно было проявлять уважение к аристократам, и те императоры, не делавшие этого, после кончины подвергались поношению. Адриан был мудрым и способным человеком, но имел склонность слишком выставлять напоказ свои таланты, наслаждаясь демонстрацией превосходства над другими. В итоге он утратил популярность, хотя его правление оказалось в высшей степени успешным, и лишь с большой неохотой сенат согласился на обожествление этого принцепса после смерти. Однако в Риме на протяжении второго столетия правило немало хороших императоров, которые серьезно относились к своему делу и принимали решения к общему благу. Состоятельные люди были вполне удовлетворены. Римское право имело долгую традицию защиты богачей и аристократов от жестоких наказаний, которые полагались для представителей социальных низов. То же продолжалось и в эпоху принципата, и постепенно право стало различать две группы, honestiores, «почтенных», и humiliores, «людей низкого звания»*.

«Люди низкого звания»: бедняки и все остальные

Даже если учесть всех сенаторов, всадников и куриалов, то все равно элита Рима составляла ничтожную часть населения империи. Заслуживающих доверия цифр по данному

* SHA. Hadrian. 15. 11—13. Ясное и панорамное представление об Адриане и периоде его правления — см.: *Danzinger D., Purcell N.* Hadrian's Empire. When Rome ruled the world. London, 2005; о дискуссиях по поводу социального статуса см.: *Garnsey P.* Social Statusand legal Privilegyin the Roman Empire. Oxford, 1970; о терминах honestiores, humiliores и их синонимах см. особенно с. 221—223.

вопросу для какого-либо периода нет, поскольку количественные данные, приводимые в источниках, расплывчаты, иногда противоречивы и зачастую сильно преувеличены. Применительно к численности населения I века обычно речь идет о 50—70 миллионах человек, многие ученые принимают компромиссную цифру в 60 миллионов. Первоначально такие цифры появились в новаторском труде немецкого исследователя XIX века Карла Юлиуса Белоха, который попытался систематизировать данные о плотности населения в античном мире. Однако, несмотря на всю методичность, его труд неизбежно содержал множество допущений. То же можно сказать и о более современных исследованиях, в которых в качестве инструмента используются таблицы продолжительности жизни, где она представлена на основе сравнительного анализа возраста людей обоих полов в современных обществах. В них достаточно убедительно показано, что рождаемость и смертность были высоки, как практически в любом обществе до 1800 года. Но некоторые предпочитают применительно к Древнему миру предельно жесткие оценки, утверждая, что продолжительность жизни была столь же низкой, как во времена неолита.

Надежная статистика отсутствует. Возраст, указываемый на могильных плитах, не обязательно соответствует действительности — числа, кратные пяти, попадаются подозрительно часто, невероятным представляется и число людей, доживших до столетнего возраста в африканских провинциях. Более важно, что до нашего времени сохранилось лишь незначительное меньшинство могильных камней; их недостаточно, чтобы отвести им приоритет в качестве источника информации. Данные переписи из Египта опять-таки являются лишь крохотным фрагментом от общего массива имевшихся сведений; они представляли ситуацию только в этой стране. Согласно исследованиям, тридцать пять процентов тех, о ком мы имеем сообщения, не достигли пятнадцатилетнего возраста, но вопрос, можно ли сделать на этом основании вывод, что наличие меньшего по сравнению с этим

числа молодых совершеннолетних людей обусловливалось высокой смертностью, остается открытым. Гораздо более вероятно, что люди, достигшие восемнадцати лет, предпочитали покинуть свою деревню или хотели избежать переписи и следовавшего за ней налогообложения. В отсутствие статистических данных нам приходится довольствоваться догадками. Вероятно, разумнее всего было бы предполагать наиболее неблагоприятные из возможных условий; по крайней мере в высшей степени маловероятно, что цифры были ниже предлагаемых. Они могут быть выше — не исключено, что весьма значительно. Я подозреваю (правда, лишь подозреваю), что цифра будет постепенно увеличиваться по мере накопления археологических свидетельств о численности и размерах поселений в провинциях*.

Какой бы ни была общая численность населения, большинство его жило в сельской местности, в усадьбах и деревнях. Некоторые города отличались особо крупными размерами. Вероятно, численность населения Рима приближалась к миллиону. Александрия была вполовину меньше, однако если суммировать численность населения ее, Антиохии и Карфагена, то мы, вероятно, получим еще один миллион. В нескольких городах проживало население сто тысяч человек, хотя большинство было гораздо меньше и их население насчитывало десятки тысяч или даже тысячи человек. Люди часто жили в тесноте (прежде всего это касалось Рима), в особенности бедные. Многоэтажные инсулы (многоквартирные дома) часто имели дефекты постройки и могли рух-

* Хорошим введением в проблему демографии является работа: *Frier B.* Roman Demography // Life, Death and Entertainment in the Roman Empire. Ed. D. Potter, D. Mattingly. 1999; см. также: *Beloch K.* Die Bevölkerung de Griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886; *Bagnall R., Frier B.* The Demography of Roman Egypt. Cambridge, 1994; *Parkin T.* Demography and Roman Society. Baltimore, 1992, *Schiedel W.* Measuring Sex, Age, and Death in the Roman Empire: Exploration in Ancient Demography. Portsmouth, 1996, и *Rathbone D.*, Villages, Land and Population in Graeco-Roman Egypt // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 36. 1990. P. 103—142.

нуть в любой момент. Существовала постоянная угроза пожаров. Даже если не учитывать эти опасности, жилищные условия были стесненными, а само жилье дорого, удобства отсутствовали. Самые бедные не могли оплачивать его и жили в маленьких городах, в лачугах, стоявших на голой местности или даже на кладбищах. В условиях подобной скученности легко распространялись болезни.

Часть исследователей полагают, что численность населения древних городов поддерживалась за счет постоянного притока иммигрантов, так как нездоровые условия жизни приводили к тому, что смертность превышала рождаемость (или, если использовать клинический термин, города являлись сетевыми потребителями людей). Гигиенические условия улучшали общественные бани, однако использование одной и той же воды столь значительным количеством людей также служило причиной распространения ряда болезней. В римских городах имелись общественные туалеты, а также система стоков и канализация (подобным могли похвастаться лишь немногие поселения до- и послеримского периода), но все же могло быть и так, что они не вполне обеспечивали нужды города. Даже такая насущная необходимость, как устранение мертвых тел, составляла проблему в столь крупном и тесно населенном городе, как Рим. Историки, стремящиеся нарисовать мрачную картину тогдашней жизни, обожают пересказывать случай, когда обед императора Веспасиана прервала собака с человеческой рукой в пасти. Но не следует забывать, что это расценили как ужасное знамение, а не как нечто повседневное*.

Условия в городах могли быть ужасны. Однако здесь имелся шанс раздобыть работу. Одна из причин возведения такого количества великих памятников состояла как раз в необходимости обеспечить занятость бедняков. Кроме того, в Риме имелся список горожан, в соответствии с которым

* См.: *Scheidel W.* Germs for Rome // Rome the Cosmopolis. Ed. C. Edwards, G. Woolf. Cambridge, 2003. P. 158—176, где дана весьма унылая картина жилищных условий; Sueton. Vesp. 5.

производились раздачи хлеба; здесь проходили большие праздники, устраивались развлечения. Большой цирк (Circus Maximus) мог вместить примерно двести—двести пятьдесят человек, а Колизей — по крайней мере пятьдесят тысяч. Даже в наши дни найдется немного спортивных сооружений, способных принять столько зрителей. В сельской местности не было ничего подобного, хотя было бы ошибочным считать, что между городом и деревней пролегала непреодолимая черта — большинство деревень располагалось в непосредственной близости от городов. Огромный амфитеатр в Дугге, в Тунисе, имел больше мест, нежели нужно было для горожан, а это означает, что немало зрителей специально приезжали посмотреть игры.

Условия жизни бедняков в сельской местности отличались от условий жизни в городе, однако, вероятно, жизнь деревенской бедноты также являла собой весьма безрадостную картину. Нам известно, как богатые землевладельцы или их люди тревожили своих соседей, наводили на них страх (в особенности на тех, что были победнее), как грабили их, когда власти находились слишком далеко или не желали вмешиваться. Очевидно, истории о злоупотреблениях властью — во многом напоминающие рассказы о нападениях разбойников или пиратов — имели куда больше шансов быть записанными и потому присутствуют в наших источниках в отличие от описаний обыденного мирного существования. Та же проблема существует в отношении обычая оставлять нежеланных детей на помойках или на навозных кучах: это привлекает массу внимания авторов античных источников (и еще большее — современных исследователей). Этих младенцев часто подбирали, чтобы вырастить и продать в рабство; в Египте они, бывало, получали несчастливое имя Копрос (навоз). Вероятно, источники (среди них немало христианских рукописей) преувеличивают частотность подобных случаев, подавая их в соответствующем моралистическом тоне; были и случаи, когда «Копрос» становилось гордым фамильным именем и передавалось последу-

ющим поколениям, после того как найденыш выбивался в люди*.

Рабство было неотъемлемой частью жизни Римской империи, да и, по правде говоря, любого древнего общества. Требований отменить его никогда не выдвигалось, хотя во II веке некоторые императоры издали законы, призванные смягчить ряд наиболее жестоких обычаев, таких как кастрацию мальчиков-рабов с целью продажи их за бóльшую цену в качестве евнухов. Какую часть всего населения составляли рабы, опять-таки неизвестно. Рабы в качестве домашней челяди использовались повсюду — мы уже встречались с женой Барата Региной, — а численность слуг в больших домах легко могла доходить до нескольких сотен. В качестве основной рабочей силы рабы использовались редко; исключение составлял труд в крупных италийских поместьях, а также более сложные и трудные задачи, такие как работа на рудниках. Домашняя челядь часто жила в лучших условиях, нежели свободные бедняки, и имела хорошие шансы получить волю. Для рабов (и рабынь) также обычным делом было ведение бизнеса в свою пользу; в конечном итоге они освобождались, внеся заранее оговоренную сумму выкупа из полученных средств. Но в конечном итоге рабы все-таки оставались собственностью и страдали от жестких ограничений в правах. Обычной практикой являлось применение пыток к рабам, если их владельца подозревали в преступлениях, хотя в других случаях считалось, что их свидетельство против хозяина не имеет веса**.

В наши дни видение римского мира, демонстрируемое многими специалистами, отличается упрощенностью: со-

---

* *Pomeroy S.* Coprynyms and the Exposure of Infants in Egypt // Images of Women in Antiquity / Ed. A. Cameron, A. Kuhrt. London; Canberra, 1983. P. 207—222, а также: Parkin (1992). P. 91—133.

** О роли рабов и вольноотпущенников в деловой сфере см.: *Zwale W.* Callistus' Case: Some Legal aspects of Roman Business Activities // The Transformation of Economic Life under Roman Empire / Ed. L. De Blois, J. Rich. Amsterdam, 2002. P. 116—127.

гласно ему, по одну сторону находятся богатые — сенаторы, всадники и в крайнем случае также класс куриалов; по другую — бедные, то есть все остальные, причем рабы образуют отдельную группу, занимающую низшее положение. В значительной степени эта картина есть следствие снобизма письменных источников, которые практически все создавались представителями элиты для элиты же. Различия среди широких слоев населения были незаметны для тех, кто смотрел на них «сверху». Сенатор вполне мог быть в десять раз богаче магистрата в маленьком городке, но это не значит, что последний был бедняком. Если следовать этой логике, то получилось бы, что всякий, кто получает в наши дни меньше, чем директор-менеджер транснациональной корпорации, живет в крайней бедности.

Конечно, в империи не наблюдалось ничего даже отдаленно напоминающего средний класс в Британии в эпоху правления королевы Виктории или в более поздние времена. Даже всадническое сословие не образовывало группы, интересы и позиции представителей которой гармонировали бы друг с другом, так что это не должно нас удивлять. Равным образом все источники (наравне с простой логикой) свидетельствуют, что значительная часть населения империи обладала вполне сносным доходом и пусть и не очень большой, но собственностью. В каждой деревне были жители побогаче и победнее; в городах различия в статусе и богатстве были еще значительнее. Респектабельность не всегда обеспечивалась одними деньгами (фигура богатого вольноотпущенника широко встречалась в литературе и неоднократно высмеивалась), однако преуспевающие вольноотпущенники, очевидно, играли важную роль во многих общинах. Характерно, что города поощряли учителей открывать школы. Дети представителей элиты получали образование дома (к ним специально приходили наставники), тогда как эти общественные школы обслуживали менее состоятельное население. Умение писать и читать было досто-

янием отнюдь не только высших слоев, хотя научиться правильно и бегло говорить по-латыни и по-гречески (чего ожидали от сенатора) удавалось лишь немногим из тех, кто не принадлежал к элите*.

Общество имело много более сложную структуру, чем это часто считается, и возможность для социальной мобильности сохранялась всегда. Существовали также тесные связи между индивидуумами на всех уровнях. Для сенаторов было важно иметь как можно больше клиентов, отдельных людей и целых общин, обязанных им за прежние благодеяния и ожидавших новых. Назначение на посты в правительстве и армии в огромной степени зависело от патроната, и влияние имело значение практически во всех сторонах жизни. Рекомендательные письма — наиболее распространенный вид текста, дошедший до нашего времени от грекоримского мира. Он имел хождение на всех уровнях, начиная от сенатора и заканчивая всяким, кто умел писать и заявить о том, что есть связи с каким-либо влиятельным лицом. Вот выдержка из письма, составленного кавалерийским офицером, который командовал гарнизоном в Виндоланде на севере Британии в начале II века:

> *«Бригоний просил меня, мой господин, чтобы я представил его тебе. Поэтому я бы просил тебя, мой господин, чтобы ты, если соблаговолишь, помочь ему в том, о чем он тебя попросил. Я прошу тебя, чтобы ты оказал любезность и рекомендовал его Аннию Эквестеру, центуриону, командующему в этих краях, в Лугувалии... Мы оба — и он, и я — будем чрезвычайно обязаны тебе...»***

---

* См., например, дискуссию по поводу стихов, которые писали центурионы: *Adams J.* The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // JRS. Vol. 89. 1999. P. 109—134, особо см. с. 125—134; см. также: Horat. Sat. I. 6. 72—74 и Sueton. Gramm. 24.

** The Vindolanda Tablets (Tabulae Vindolandenses II) / Ed. A. Bowman, J. Thomas. London, 1994, 250.

Высшим источником патроната являлся император. Считалось, что всякому, кто способен влиять на императора, оказывают внимание люди, добивающиеся покровительства. Люди пользовались влиянием на всех уровнях, если только имели связи с кем-либо из наиболее высокопоставленных лиц. Восприятие этой системы как совершенно нормальной нашло отражение в письме Плиния Младшего, адресованном наместнику провинции (начало II века): «Ты командуешь очень большим войском: поэтому у тебя широкая возможность оказывать покровительство и ты в течение долгого времени мог выдвигать своих друзей. Оглянись на моих, на немногих!»*

Человек нуждался в могущественных покровителях, если хотел, чтобы его собственные клиенты были довольны и не добивались продвижения наверх с помощью кого-либо другого. Естественно, такая система неизбежно способствовала протежированию независимо от личных способностей человека, но даже при современной системе выборов, основанной на более объективных научных принципах, успеха добивается определенное число не слишком компетентных лиц. Однако если человек постоянно рекомендовал клиентов, которые оказывались не в состоянии должным образом справляться со своими обязанностями, в дальнейшем его просьбы такого рода имели куда меньше шансов на удовлетворение. Оказание помощи способному человеку приносило выгоду и самому патрону, поскольку протеже занимал теперь более подходящее положение для того, чтобы отплатить за покровительство. В целом эта система функционировала вполне успешно и казалась римлянам настолько же естественной, насколько кажется чуждой нам. В современном мире обычно предпочитают скрывать факты протежирования и рекомендаций, даже от своих.

Во многом то же самое можно сказать об экономической системе империи. Вокруг нее кипят жаркие научные споры,

* Plin. Epist. II. 13. 1—3 (пер. М.Е. Сергеенко). О патронате в целом см.: *Saller P.* Personal Patronage under the early Empire. Cambridge, 1982.

во многом все по той причине, о которой уже шла речь: отсутствуют необходимые статистические данные. Все согласны с тем, что она представляла собой не то же самое, что современная рыночная экономика, но по остальным вопросам согласия нет. Верно отмечено, что во всей империи использовалась единая денежная система — за немногими исключениями вроде Египта. В сущности, все золотые монеты, имевшие хождение в империи, чеканились в Риме — как и большинство серебряных. На каждой из них помещалось изображение головы Цезаря. Большое количество товаров могло перевозиться на довольно значительные расстояния. Сельскохозяйственная продукция преобладала, и «фабрики» — или, скорее, мастерские, — производившие керамику, металлические изделия, текстиль и прочее, всегда были предприятиями достаточно скромного масштаба. Обычно считается, что существовало множество маленьких мастерских, работавших по соседству друг с другом, а не единая промышленная система. Однако мы совсем мало знаем о тех, кто владел ими и извлекал основную часть прибыли из деятельности этих предприятий, и следует проявлять большую осторожность при формулировании обобщающих выводов. Римляне не работали над развитием системы корпоративного права, сравнимого с тем, что начали разрабатывать в начале нового времени голландцы*.

---

* См.: *Greene K.* The Archaeology of the Roman Economy. London, 1986, и его же статью: Technology and Innovation in Context: The Roman Background to Medieval and Later Developments // Journal of Roman Archaeology. Vol. 7. 1994. P. 22—33 и *Lewit T.* Agricultural Production in the Roman Economy, A.D. 200—400. Oxford, 1991; см. также сборник «The Transformation of Economic Life under Roman Empire» под ред. Л. де Блуа и Дж. Рича, а также статьи в нем: *Jongman W.* The Roman Economy: From Cities to Empire. P. 28—47; *Drinkwater J.* Prologue and Epilogue: The Socio-Economic Effect of Rome's Arrival In and Departure From Gaul. P. 128—140, кроме того — *Termin P.* A Market Economy in the Early Roman Empire // JRS. Vol. 91. 2001. P. 169—181; о монетной системе см.: *Howgego C.* Coin Circulation and the Integration of the Roman Economy // Journal of Roman Archaeology. Vol. 7. 1994. P. 5—21.

Большие предметы легче и дешевле было перевозить водными путями — по рекам, каналам, а более всего по морю. Известные нам крушения торговых судов датируются гораздо чаще I—II веками, нежели каким-либо другим периодом римской истории. Существовали крупные корабли, в частности суда большого водоизмещения для перевозки зерна из Египта в Рим, но большинство из них были маленькими. В исследованиях опять-таки преобладает картина множества мелких фирм, а не крупных централизованных торговых объединений. Некоторые товары было перевозить легче, чем другие. Повсеместно, особенно в Европе, применялись бочки, но маловероятно, что от них могли остаться археологические следы. Керамические амфоры, использовавшиеся для хранения вина, масла, рыбного соуса и многих других жидкостей, напротив, дошли до нас в огромном количестве. Знаменитый Монте Тестаччо, искусственный холм в Риме, где находится великое множество осколков амфор, — один из наиболее ярких примеров, однако находки амфор и керамики вообще — распространенное явление для всей территории империи. Результаты крушения корабля с грузом амфор, как правило, можно наблюдать воочию.

Транспортировка грузов по суше представляла собою дело более трудное, но иногда другого выбора не существовало. Римляне по справедливости пользовались славой строителей чрезвычайно длинных и прямых дорог. Первоначально они возводились для военных целей, но со временем стали полезными коммуникациями для передвижения по ним гражданского транспорта в любое время года. Существует устойчивый миф о том, будто римляне так и не создали подходящей конской упряжи, что сильно ограничивало использование повозок для транспортировки тяжелых грузов. Колесный транспорт исправно функционирует на плоской или лишь слегка покатой поверхности. Италия же — страна столь гористая, что здесь предпочитали упряжки вьючных животных вроде мулов и использовали их в большом количестве. В прочих областях империи повозки и телеги были общерас-

пространенны, их тянули мулы, лошади (смотря кому что было доступно) и, если не требовалась быстрота передвижения, крупный рогатый скот. Верблюды играли важную роль в качестве вьючных и тягловых животных в Египте и некоторых восточных провинциях. Конструкция телег и повозок прекрасно соответствовала их назначению, и — опять-таки вопреки распространенным утверждениям историков техники — во всех отношениях была не менее продуманна, чем какие бы то ни было механизмы древности.

То же самое относится к большинству механизмов и инженерных сооружений. Римляне не додумались до ветряных мельниц, но водяные были обычным делом, начиная по крайней мере с I века, и значительно увеличили производительность. Сила воды активно применялась во многих отраслях. Существовали работавшие благодаря ей пилы для мрамора и других подобных материалов для строительства. В горном деле вода использовалась, чтобы сдвинуть землю и обнаружить залежи, затем произвести отсев и выделить элементы, содержащие руду, которые разбивались, в свою очередь, на кусочки гидравлическими молотами, — словом, для самых различных целей. Раскопки выявили следы масштабных горных работ в Испании и в Северном Уэльсе, превзошедших все, что было до XIX века. Некоторые из них проводились государством, нередко с участием армии, однако ясно, что имела место и эксплуатация принадлежавших государству залежей частными лицами по контракту. Анализ керна, взятого из полярного льда, выявил следы загрязнений, вызванных таким видом промышленной деятельности, как плавка. Масштабы ее для I века до н.э. — II века подчеркивают по контрасту малые размеры последней в предшествующие и последующие столетия, да и всякого периода до начала промышленной революции*.

---

* О мельницах см.: Greene (1986), Holden, Purcell (2000). P. 255—257; *Wilson A.* Machines, Power and the Ancient Economy // JRS. Vol. 92. 2002. P. 1—32; *Leveau P.* The Barbegal Water Mill and its Environment // Journal of Roman Archaeology. Vol. 9. 1996. P. 137—153.

Многие технологические достижения античного мира только теперь подтверждаются археологами. Римляне всегда стремились перенимать чужие открытия — бочка, как представляется, изобретение североевропейское. Большинство новаций в гидротехнике было придумано в Египте в III веке до н.э., но широкое распространение они получили лишь после того, как эта страна вошла в состав Римской империи. Такие территории, как Галлия, процветали еще до прихода римлян, сельскохозяйственное производство успешно развивалось, поселения росли, быт их жителей улучшался. Контакты и торговля со Средиземноморьем, вероятно, способствовали прогрессу на этих землях. Уже в доримскую эпоху в разных частях Европы существовала международная торговля, получили распространение горное дело и такие средства коммуникации, как дороги. Римское завоевание подстегнуло развитие, объединив все эти страны в огромное целое с более масштабным рынком. Большее число потребительских товаров стало доступно большему числу людей, и многие предметы вошли в обиход в самых разных уголках римской державы*.

Маловероятно, что кто-либо из жителей империи не знал о существовании всего этого. Это было очевидно также для людей, живших на ее границах и вне их пределов, таких как гараманты — племя, которое обитало в Сахаре, на территории современной Ливии. Раскопки, проведенные на месте их наиболее важного поселения, выявили наличие там в римский период керамики, стеклянной посуды, вина и масла в огромном количестве — гораздо большем, чем в прежние и последующие времена. Основную часть этих товаров должны были доставлять по суше с побережья Средиземного моря, преодолевая дистанции в 600—700 миль. По-видимому, гараманты путешествовали и на куда более внушительные расстояния, ведя торговлю с народами, живши-

* См.: *Wilson A.* Machines, Power and the Ancient Economy // JRS. Vol. 92. 2002. P. 1—32, особенно 17—29.

ми дальше к югу, и весьма возможно, что они использовали невольников в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве. Когда создавалась империя, римские и италийские торговцы шли впереди легионов практически повсюду, хотя о них редко упоминается в античной литературе. Это продолжалось и тогда, когда империя прекратила расширяться. Ирландия никогда не привлекала внимания римских военных, однако между ней и римлянами существовали активные торговые контакты. Другие торговцы из владений империи добирались до побережья Балтийского моря, чтобы приобрести здесь янтарь*.

Наибольшее впечатление производят торговые связи с Индией и Китаем. Каждый год в июле большое число купеческих судов покидало египетские порты на Красном море, ловя муссонные ветры, которые несли их прямо в богатую Индию. В число их грузов входили вино, стеклянные изделия, металлы и монета, текстиль и ладан из Аравии. В обратный путь они отправлялись в декабре или январе, пользуясь северо-восточным муссоном, который увлекал их домой. Они везли с собой парфюмерию, перец, драгоценные камни, слоновую кость, одежду из хлопка и шелка, которую сами индийцы получали из Китая. Некоторые моряки плыли еще дальше. Китайские хронисты в записях 166 года отмечают прибытие ко двору императора из династии Хань посольства, присланного Ан-Туном, царем страны Та-Чин. Та-Чином именовался Рим, а Ан-Туном, без сомнения, был Марк Аврелий Антонин. Вряд ли то был официальный визит; дары, поднесенные купцами — слоновую кость, рог носорога и черепаховый панцирь, — они приобрели по пути.

---

* См.: *Mattingly D.* Impact Beyond Empire: Rome and the Garamantes of the Sahara // The Transformation of Economic Life under Roman Empire / Ed. L. De Blois, J. Rich. Amsterdam, 2002. P. 184—203; *Liverani M.* The Garamantes: A Fresh Approach // Libyan Studies, Vol. 31. 2000. P. 17 ff.

Рим и Китай смутно знали о существовании друг друга, но из-за расстояния, разделявшего их, никакого прямого и специально организованного контакта между ними не существовало. Путешественники также покрывали огромные территории, перевозя товары по суше, по знаменитому Шелковому пути. Шелк, весьма востребованный товар в империи, по-видимому, был доступен в значительных количествах. То же касалось и перца. В I веке Плиний Старший упоминал об огромных суммах, которые римляне тратили на эти и другие предметы роскоши. Кажется маловероятным, что весь путь многие люди проделывали самостоятельно; торговлю контролировал целый ряд посредников. Сирийские мастерские ткали шелк иногда лучшего качества, нежели китайский; полупрозрачная газовая материя реэкспортировалась обратно на восток в значительных количествах. В Китае ходили устойчивые слухи о том, что у римлян есть свои собственные шелковичные черви, которые и дают сырье для этого превосходного материала, но в действительности монахи похитили нескольких червей и привезли их в Константинополь лишь в VI веке, положив начало производству шелка на Западе. Опять-таки римляне не организовывали специально эту торговлю с отдаленными территориями, но условия, сложившиеся в империи, значительно увеличили ее масштабы*.

Торговля процветала, и Плиний был убежден, что это способствовало общему благу: «Теперь широчайшие связи по всему миру установились благодаря властям Римской империи... уровень жизни улучшился благодаря взаимообмену благами и сотрудничеству в радости и мире, а также вследствие того, что блага, прежде недоступные, стали досягаемы для всех»**.

---

* О повторной обработке шелка см. у Плиния Старшего (Plin. Nat. Hist. VI. 54); дискуссию на эту тему см.: *Ferguson J.* China and Rome // Aufstieg und Niedergang der Rumishen Welt, II. 9. 2. P. 581—603, и *Young G.* Rome's Eastern Trade (2001), в особенности P. 27—89, 187—200.

** Plin. Nat. Hist. XIV. 2.

Император-философ

Когда Марк Аврелий стал императором (это произошло в 161 году), империя находилась в наивысшей точке своего развития. В ней царили благоденствие и стабильность и процветала утонченная культура, в которой греческие и латинские составляющие смешались с иными влияниями. Общество это не было совершенным: в нем было широко распространено рабство, и жизнь беднейших свободных граждан проходила в исключительно жалких условиях. Для современного сознания еще более шокирующим является тот факт, что римляне регулярно уничтожали людей для развлечения. И все же ни прежде, ни в течение длительного последующего периода мир не царил на столь обширных территориях Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Благосостояние стало куда более распространенным явлением. С точки зрения Гиббона, писавшего в 1770-х годах, идея была ясна:

> *«Если кого-то попросить определить тот период мировой истории, когда человечество наслаждалось наилучшими условиями существования, было счастливо и процветало, он бы без промедления назвал промежуток от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода [т.е. 96—180 гг.]. На громадной территории римской империи действовала абсолютная власть, власть добродетельная и мудрая. Четыре правившие один за другим императора обуздали силу войск, действуя твердо и вместе с тем осторожно; их характеры и власть, которой они обладали, не могли не внушать уважения. Нерва, Траян, Адриан и Антонин тщательно сохраняли формы гражданского правления; они создали образ свободы, коим наслаждались, и с удовольствием считали себя подотчетными слугами закона»**.

* *Gibbon E.* The Decline and Fall of the Roman Empire, Vol. I. London, 1776. P. 103; создавая этот фрагмент, автор, вероятно, вдохновлялся замечаниями Уильяма Робертсона, сделанными несколькими годами ранее и весьма напоминающими соображения Гиббона (см.: *Porter R.* Gibbon: Making History. New York, 1988. P. 135—136).

Эти соображения имели свои основания в то время, когда он писал (хотя Гиббон также сознавал преимущества, которыми отличалась в его дни жизнь в Британии и Европе). Римские императоры, упомянутые им — славные и способные люди, — пожалуй, как никто другой годились для того, чтобы занять наивысшую должность в империи. Все они пришли к власти в зрелом возрасте, рьяно трудились на своем посту и в конечном счете умерли в своей постели.

Правление Марка Аврелия было особенно трудным периодом. Оно началось с войны на востоке, вновь разгоревшейся в результате спора из-за Армении. Парфяне убили римского наместника, стерли с лица земли его армию и предпринимали рейды в глубь территории Сирии. Марк сделал соправителем своего сводного брата, дав ему титул цезаря, а себя именовал августом. Цезарь Луций Вер отправился, чтобы принять командование крупномасштабной военной операцией, хотя источники намекают на то, что он был лишь номинальной фигурой и войну вели его подчиненные. Римляне оттеснили интервентов, а затем продвинулись до Тигра, что привело к разграблению парфянской столицы Ктесифона и находившегося поблизости созданного в эллинистическую эпоху города Селевкии в 165 году. После этого царь парфян запросил мира. В конце 166 года Вер вернулся в Италию, и военные отряды, собранные со всех концов империи, также начали возвращаться домой, на места прежнего базирования.

С ними в империю пришла ужасная эпидемия; какая болезнь ее вызвала, нам в точности неизвестно, хотя предполагают, что это была или оспа, или бубонная чума. В течение трех десятилетий большая часть империи подвергалась периодическим опустошениям в результате очередных вспышек этой болезни; для 189 года существуют данные, будто в Риме каждый день умирало по две тысячи человек. Оценить общие потери невозможно — как мы уже говорили, не существует точных цифр численности населения до начала эпидемии. Конечно, современники видели в случившемся

ужасающую катастрофу. Высказывалось предположение, что скончалось десять процентов всего населения, причем в густонаселенных городах и местах базирования войск процент был выше, однако оно является лишь догадкой, хотя и вполне вероятной. Результаты переписи населения Египта свидетельствуют о резком сокращении численности жителей в этот период; часть общин полностью обезлюдели. Следы ужасающих потерь можно также обнаружить в сведениях о наборах в армию*.

В то время как империя зашаталась под этим ударом — и вероятно, именно по этой причине, — на дунайской границе возникли серьезные трудности. Начались они с вторжения в Паннонию шеститысячного войска германцев, принадлежавших к нескольким племенам. В конце концов его удалось отбить, но ощущение, будто Рим стал уязвим, вызвало новые нападения. Последовал ряд более кровопролитных кампаний, прежде всего против германского племени маркоманнов и квадов, а также против язигов, кочевников-сарматов. В 170 году германцы, учинившие набег, достигли Италии и атаковали город Аквилею; одновременно другая группа продвинулась так далеко, что достигла Греции. Источники сообщают об этих кампаниях весьма немного, но представляется, что римляне потерпели ряд поражений, прежде чем удача улыбнулась им и племена одно за другим оказались вынуждены заключить мир.

Затем в 175 году Марк столкнулся с неожиданной угрозой, когда ложное известие о его смерти побудило Авидия Кассия, правителя Сирии, объявить себя императором. Сыну Марка Коммоду было всего тринадцать лет, и его еще нельзя было всерьез считать наследником. Едва обнаружилась правда, как вспыхнуло восстание. Кассий и его сын

* См.: *Birley* (1987). P. 121—131, 140—152, и *Gilliam J.* The Plague Under Marcus Aurelius // American Journal of Philology. Vol. 82. 1961. P. 225—251; *Rathbone* (1990). P. 114—119, *Duncan-Jones R.* The Impact of the Antonine Plague // Journal of Roman Archaeology. Vol. 9. 1996. P. 108—136, Bagnall, Frier (1994). P. 173—178.

были убиты; правда, в остальном дело обошлось практически без пролития крови. Однако Марк покинул Дунай, дабы убедиться, что на востоке все благополучно. В 177 году на границе начались боевые действия, и на следующий год император уехал из Рима, чтобы принять командование. Он так и не вернулся назад. Шел слух о планировании аннексии двух новых провинций близ Дуная. Раскопки в Чехии в недавние годы подтвердили, что в тот период на данных территориях были созданы мощные военные базы. Затевалась новая кампания, когда Марк заболел и умер, вероятно, в Виндобоне (современная Вена)*.

Марк Аврелий был порядочный, умный человек, стремившийся сделать все, что от него зависело. Его «Размышления», пожалуй, не назовешь самым оригинальным или просто лучшим философским трудом из существующих на земле, однако, читая его, поражаешься, какие чувства испытывал правитель большей части известных на тот момент земель.

Скорбь по нему была чрезвычайной. Сенатор и историк Дион Кассий, чьи детство и юность пришлись на годы его правления, оставил мрачное замечание: после смерти Марка Аврелия «заканчивается золотой век нашей истории; на смену ему приходит век железа и ржавчины, ибо так сложились дела Рима в те времена»**.

---

* Дискуссию о трудностях восстановления хода событий во время этих кампаний см.: *Birley* (1987). P. 249—255; некоторые археологические данные упоминаются в: *Ratjár J.* Die Legionen Mark Aurels im Vormarsch // *Oexle J. (ed.)* Aus der Luft — Bilder unserer Geschichte (1997). P. 59—68.

** Dio Cass. LXXII. 36. 4.

Глава вторая

ТАЙНА ИМПЕРИИ

Ибо разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме.

*Сенатор, историк Тацит, начало II в.**

Когда Марк Аврелий скончался, ни у кого не возникло вопроса о том, кто унаследует престол. На тот момент Коммоду уже исполнилось восемнадцать; с 176 года он являлся соправителем отца. В каком-то смысле смерть Марка означала, что в Римской империи будет один император вместо двух. Впервые властителю Рима наследовал сын, появившийся на свет в годы правления отца, и Коммод хвастал, что «родился для порфиры». Все четыре последних императора были усыновлены своими предшественниками; каждый получил власть в зрелом возрасте и успел показать себя способным правителем. Это «хорошо срабатывало», однако никогда не воспринималось как сознательно продуманный план, поскольку ни у одного императора не было сына, который мог бы стать его преемником. Нерва, Траян и Адриан остались бездетны (Адриан, а возможно, также и Траян отдавали предпочтение мальчикам, а не женщинам); у Антонина Пия родилась дочь, но не было сыновей.

Коммод пережил отца лишь по счастливой случайности: несколько его братьев — и в том числе его близнец — умерли во младенчестве. Он был здоровым человеком и законным сыном своего отца, поэтому всем, кого касалась проблема престолонаследия, показалось бы странным, если бы император проигнорировал его и выбрал в качестве наследника

---

* Tac. Hist. I. 4 (пер. Г.С. Кнабе).

престола кого-то другого. Да и усыновленный наследник не чувствовал бы себя в безопасности при наличии очевидного соперника. Впоследствии, оглядываясь назад, многие римляне, не говоря уж о современных ученых, критиковали ошибку мудрого философа, не сумевшего распознать неадекватность сына. Однако эти упреки несправедливы. Да и как критики отнеслись бы к императору, который казнил бы свое собственное дитя, чтобы расчистить путь усыновленному наследнику*?

Судьбе было угодно, что в 180 году сын Марка был достаточно взрослым, чтобы взойти на престол, но все же слишком молодым и неопытным. Так сложилось, что молодые императоры Рима пользовались не слишком хорошей репутацией; из их числа лишь Нерон пришел к власти в более юном возрасте (ему исполнилось шестнадцать), нежели Коммод. Любому человеку, не говоря уж о неопытном юноше, было бы непросто устоять против искушений, сопряженных с практически абсолютной властью. При дворе, где почти каждый плутовал, дабы завоевать положение и влияние, правителю вряд ли стали бы сообщать неприятные истины и никто не попытался бы удержать его от неразумных поступков. В голливудских картинах Коммод с настойчивостью изображается настоящим чудовищем (новейший пример тому — фильм «Гладиатор»), и некоторые античные источники подтверждают это мнение, считая его исполненным пороков даже в детские годы. Дион Кассий, начавший карьеру сенатора при Коммоде, полагал, что император был «не злым от природы, но недалеким человеком», которого легко было сбить с верного пути. Проблема заключалась скорее не в том, как делать большую политику, но в необходимости откликаться на прошения и разбираться с теми или иными

* О хвастовстве Коммода, утверждавшего, что он «рожден для императорской порфиры», см.: Herodian. I. 5. 5—6; о любви Траяна к мальчикам см.: Dio Cass. LXVI. 7. 4 (автор замечает, что она никому не принесла вреда); о знаменитой любовной связи Адриана с Антиноем см.: Dio Cass. LXIX. 11. 3—4; SHA. Hadrian. 14. 5—8.

вопросами, предлагавшимися вниманию императора. Ему полагалось быть доступным и открытым для просьб, поступавших от отдельных граждан и общин, готовым дать указания, основанные на прецедентах и законах. Адриан, которому в одном из путешествий докучала некая женщина, резко заметил, что у него нет времени на то, чтобы возиться с ней. Ее вопль, прозвучавший в ответ: «Тогда перестань быть императором!» — немедленно заставил его остановиться и выслушать просьбу. Марка Аврелия вспоминали добрым словом за то, что он посвящал свое время любому делу, предложенному его вниманию. Совестливый император тратил немало времени, занимаясь подчас скучной работой*.

Коммода, однако, все это не интересовало. Через несколько месяцев он уехал с Дуная, вернулся в Рим и более никогда не покидал Италии, будучи сверх меры увлечен зрелищами в цирке и на арене. В своих владениях он устраивал состязания колесниц, однако не стеснялся демонстрировать другие навыки прямо в Колизее. Целыми днями люди смотрели, как он убивает животных копьем или стрелами из лука. Он также выступал в роли гладиатора, обычно пользуясь тупым оружием, но в некоторых схватках брал и боевое (хотя всегда предпринимались меры, чтобы император не пострадал). В то время как правитель развлекался играми, управление империей перешло в другие руки. При дворе появился ряд фаворитов, пользовавшихся мощным влиянием и властью; зачастую они успевали при этом обогатиться. Среди них вовсе не было сенаторов; некоторые происходили из сословия всадников, остальные были рабами и вольноотпущенниками императора. Одни отличались хорошими способностями, другие были до конца испорченными

* Если не считать «Гладиатора» (2000), то наиболее яркий образ Коммода на экране мы видим в фильме «Падение Римской империи» (1964); о роли этого императора см.: *Millar F.* The Emperor in the Roman World, 31 BC — AD 337. London; New York, 1977; об Адриане и обратившейся к нему просительнице см.: Dio Cass. LXIX. 6. 3; о Марке Аврелии и его справедливости: Dio Cass. LXXII. 6. 1—2; SHA. M. Antonin. 24. 1—3.

людьми, многие — чем-то средним. Однако система управления империей не функционировала в те дни должным образом. Обычная практика состояла в том, что любой человек, имевший доступ к императору, приобретал вес в зависимости от того, насколько мог влиять на его решения. Но подобная власть всегда была чревата опасностями, и многие фавориты Коммода, каждый в свой черед, теряли его расположение; другими пришлось пожертвовать в силу их непопулярности. Все были казнены. В отличие от отца юный император не сомневаясь подписывал смертные приговоры подданным и в том числе многим сенаторам и всадникам. С самого начала правления Коммода стали возникать заговоры, имевшие целью его убийство; также зазвучали ложные обвинения в подобных замыслах. Каждый случай порождал новую волну арестов и казней*.

С годами поведение императора становилось все более эксцентричным. Дион Кассий вспоминает случай, когда он обезглавил страуса на арене, а затем двинулся туда, где в качестве зрителей сидели сенаторы, «держа в левой руке голову [птицы], а правой поднимая окровавленный меч; и хотя он не произносил ни слова, он кивнул с усмешкой, давая понять, что обойдется с нами подобным же образом. И многие действительно погибли бы на месте от меча за то, что смеялись над ним (ибо смех пересилил наше негодование), если бы я не стал жевать лавровые листья, которые сорвал со своего венка, и не убедил своих соседей сделать то же самое, так что постоянное движение наших челюстей скрыло наш смех»**.

Однако не все находили чудачества Коммода столь же смешными (а его самого — столь беспокойным), как сенаторы. Часть римлян обожала гладиаторские бои и, вероятно, симпа-

* По поводу общих оценок правления Коммода и связанных с ним дискуссий см.: *Birley A.* Septimius Severus: the African Emperor. London, 1988. P. 57—62, 78—88; *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London, 2004. P. 85—93.

** Dio Cass. LXXIII. 21. 1—2.

тизировала императору, наряжавшемуся «точно амазонка, державшему меч в левой руке» или изображавшему Геркулеса в соответствующем костюме. Преторианская гвардия, бывшая главной военной силой в Риме, блаженствовала в условиях отсутствия дисциплины и полной свободы, дарованной ей*.

Но после двенадцати лет правления Коммода многих придворных утомила жизнь при столь капризном правителе, и наконец одна из попыток дворцового заговора увенчалась успехом. Главными действующими лицами в ней были управляющий Эклект, любовница Коммода Марция и Эмилий Лет, один из двух префектов, командовавших преторианской гвардией. Ходили слухи, будто Марция случайно обнаружила смертный приговор, куда входили эти три имени. Другая история утверждает, что 1 января 193 года Коммод собирался убить обоих консулов, а затем проследовать из гладиаторских казарм, одетый как для выступления на арене, принять консульскую должность и сделаться единственным консулом того года. Но накануне Нового года Марция добавила яд в пиво, предназначавшееся для императора. Когда после приступа рвоты стало ясно, что он приходит в себя, заговорщики отправили к нему силача, который задушил его. Цезарь, рожденный для порфиры, скончался в возрасте тридцати одного года; его правление продолжалось более двенадцати лет**.

Пертинакс — сын вольноотпущенника

Коммод не оставил наследника; в любом случае заговорщики не хотели бы восшествия на престол такого императора, который попытался бы отомстить за его смерть. Вместо этого они стали искать преемника из числа сенаторов. В ту

---

* Доказательства в пользу того, что отчасти пропаганда Коммода оказывалась успешной, см.: *Hekster O.* Commodus: An Emperor at the Crossroads. Amsterdam, 2002.

** Dio Cass. LXXIII. 22. 1—6; Herodian. I. 16. 1—17. 12; SHA. Commod. 17. 1—2.

ночь некоторые из участников заговора посетили дом шестидесятилетнего Публия Гельвия Пертинакса. Современники считали, что он не участвовал в заговоре, и многие историки с этим согласны. Для того нервозного времени было весьма показательно, что Пертинакс вначале послал человека взглянуть на тело императора, прежде чем согласился признать, что тот мертв. Убедившись в этом, он прямиком направился в лагерь преторианской гвардии. Лет выстроил солдат, и им объявили, что смерть Коммода наступила от естественных причин. Пертинакс посулил каждому из них по двенадцать тысяч сестерциев, если они признают его право на престол.

Лишь обеспечив таким образом лояльность преторианцев, Пертинакс обратился за одобрением к другим сенаторам. Ранним утром 1 января вестники созвали сенат на экстренное заседание. По иронии судьбы Пертинакс и его спутники, придя к зданию сената, увидели, что оно закрыто, и в течение некоторого времени никто не мог отыскать привратника, у которого хранились ключи. В результате верховный совет Рима поначалу собрался в расположенном поблизости Храме Согласия. Пертинакс произнес речь, в которой объявил, что не хотел принимать правление, ссылаясь на возраст и немощь. Считалось, что хороший император не должен жаждать власти; существовала долгая традиция притворных отказов. Сенаторы знали условия игры и настояли на том, чтобы он принял высшую должность. Практически все были рады смерти Коммода. Через несколько дней сенат издал почти истерический декрет, содержавший нападки в его адрес и повторявшееся несколько раз требование протащить тело на крюке для мяса по улицам и подвергнуть поруганию. Несомненно, многие из тех, кто благоденствовал при прежнем режиме, теперь осуждали его особенно яростно. Однако Пертинакс уже распорядился похоронить Коммода должным образом, несомненно, не желая раздражать преторианцев*.

* Dio Cass. LXXIV. 1. 1—5, Herodian. II. 1. 1—3. 11; SHA. Commod. 18. 1—20. 5, Pertinax. 4. 5—5. 6, о дискуссии см. в книге Энтони Берли: *Birley E.* The Roman Army. Papers 1929—1986. Amsterdam, 1988. P. 88—90, который доказывает, что Пертинакс участвовал в заговоре.

Пертинакс был уважаемым сенатором, но его карьера складывалась в высшей степени нестандартно; его происхождение представляло собой резкий контраст происхождению порфиророжденного. Отец его был вольноотпущенником, чрезвычайно преуспевшим благодаря торговле деревом в Северной Италии. Юный Пертинакс получил хорошее образование; третий десяток лет он почти целиком провел в должности школьного учителя. Устав от этого, он попросил патрона своего отца, чтобы тот достал ему офицерский чин и в конечном итоге стал префектом, командовавшим когортой пехотинцев. На эту должность назначались представители всаднического сословия, и Пертинакс в этот момент должен был войти в его ряды, если это не случилось прежде.

Учитель показал себя одаренным военным в жарких битвах в годы правления Марка Аврелия и сделал карьеру, приличествовавшую всаднику. В 175 году прямо на поле битвы император сделал Пертинакса сенатором (о чем было послано уведомление в сенат) и назначил его командиром легиона. По-видимому, он награждал таким образом и других всадников. Существует надпись, где перечисляются этапы карьеры некоего Марка Валерия Максимиана, командовавшего кавалерийским отрядом и «своей рукой убившего Валона, царя Нариста» в ходе кампании на Дунае. В награду за это он был сделан сенатором и получил по очереди командование несколькими легионами.

Марк Аврелий, судя по всему, активно продвигал по службе способных людей, но возможно, что результатом потерь от чумы и военных действий стал временный недостаток сенаторов подходящего возраста и способностей, не позволявший укомплектовать армию достаточным числом старших офицеров.

Пертинакс продолжал управлять несколькими провинциями, а позднее, по мере продолжения своей карьеры, занял некоторые гражданские посты, обычные для сенатора.

Если не считать временной опалы в начале правления Коммода, он продолжал процветать и оказался одним из немногих близких друзей Марка Аврелия, которые выжили в правление его сына. В 193 году его товарищи-сенаторы — в том числе и те, кто когда-то насмехался над ним как над сыном вольноотпущенника, — кажется, не высказали особых возражений против того, чтобы он стал императором. С самого начала Пертинакс стремился продемонстрировать разрыв с недавним прошлым и возвращение к стилю правления Марка Аврелия. Он устроил публичный аукцион, на котором распродал предметы роскоши из дворца Коммода, а также рабов обоего пола, удовлетворявших сексуальные потребности или извращенное чувство юмора покойного императора. Сплетники уверяли, будто Пертинакс тайно перекупил и держал кое-кого из них для себя.

Однако некоторые из этих попыток предать анафеме развращенность предшественника и его помощников вызывали досаду у тех, кто неплохо устроился при прежнем режиме. Особенно опасно было недовольство, нараставшее в рядах преторианцев: те возмущались усилением дисциплины и опасались, что со временем контроль над ними может стать еще жестче. Пертинакс был опытным воином и отчасти пользовался репутацией сторонника строгой дисциплины. Половину вознаграждения, обещанного преторианцам, им выплатили из средств, вырученных на аукционе, однако император допустил ошибку, похвалившись в публичном выступлении, что выплатил солдатам все, дав им столько же, сколько Марк Аврелий и Луций Вер при вступлении на престол. Это было неправдой, поскольку им выдали двадцать тысяч сестерциев на человека. В первые недели правления Пертинакса отдельные представители гвардии дважды пытались провозгласить нового императора. В обоих случаях порядок удалось быстро восстановить, но Пертинакс сдержал свое слово не казнить сенаторов и не покарал тех, кто был выдвинут гвардией. Однако он все же приказал

умертвить кое-кого из солдат, что только еще больше раздражило их товарищей*.

Утром 28 марта около 200—300 преторианцев двинулось из лагеря ко дворцу на Палатинском холме. То не была обычная смена караула, но дворцовая стража немедленно пропустила их, так как многие по-прежнему сохраняли добрую память о Коммоде. Эмилий Лет покрыл голову капюшоном и предпочел удалиться, не вступая в конфликт с мятежными войсками. Лишь вольноотпущенник Элект принял сторону императора. Пертинакс мог противопоставить бунтовщикам собственные силы, призвав equites singulares Augusti — кавалеристов, составлявших императорскую гвардию; они были целиком преданы императору вне зависимости от того, кто занимал этот пост, и квартировали поблизости, отдельно от преторианцев. Вместо этого Пертинакс предпочел встретиться с мятежниками, устыдить их и призвать вернуться к своим обязанностям. Дион Кассий счел это решение глупым, хотя и смелым. На миг гвардейцы замерли в благоговейном страхе, точно очарованные, но тут один из них нанес пожилому императору удар. Элект сразил двух солдат, прежде чем остальные изрубили его в куски. Пертинакс правил всего 87 дней**.

К этому времени Лет вернулся в лагерь и принял меры, чтобы взять преторианцев под контроль (некоторые даже обвиняли его в том, что он стоял за случившимся). Тут к нему обратился тесть Пертинакса, в то время занимавший престижный административный пост городского префекта и желавший, чтобы его провозгласили императором. Офицеры-преторианцы выразили готовность слушать, но вместе с тем их беспокоила возможность мести со стороны родственника погибшего императора. Двое из них отправились

---

* Dio Cass. LXXIV. 3. 1—2. 6, 5. 1—9. 1, Herodian. II. 4. 1—5. 1; SHA, Pertinax. 1. 1—4. 4; 5. 7—13. 8; Birley (1988). P. 63—67, 91—94; о карьере Валерия Максимиана см.: L'Année épigraphique. 1956. 124.

** Dio Cass. LXXIV. 9. 2—10. 3; Herodian. II. 5. 1—5. 9; SHA. Pertinax. 10. 8—11. 13.

на форум и подыскали альтернативного кандидата — человека, бывшего некогда консулом вместе с императором, Дидия Юлиана. Последний проследовал в лагерь преторианцев вместе со своими спутниками, но поначалу ему не разрешили войти внутрь. Стоя у ворот, он обратился к людям на валах, показывая на пальцах, сколько он собирается выплатить им в качестве вознаграждения. В конце концов его пропустили, и люди забегали между двумя «покупателями». Юлиан выиграл «соревнование», пообещав выдать каждому преторианцу по двадцать пять тысяч сестерциев. При этом мы должны помнить, что помимо выплат, рассчитанных на обеспечение лояльности войска, нужно было, вероятно, заплатить в десять раз больше центурионам, а офицерам, занимавшим высшие должности, — еще более крупные суммы. Если уж гвардейцы жили неплохо, то их командиры, а тем более два префекта претория наживали значительное богатство*.

Обеспечив поддержку императорской гвардии, Дидий Юлиан был должным порядком утвержден сенатом в качестве императора; специальный декрет обеспечил ему высшие полномочия. Он играл в сенате видную роль, и вполне заслуженно, однако на его репутацию легло пятно после того, как он столь откровенно выторговал императорскую власть. Когда он впервые появился на людях, толпа освистала его; в Большом цирке раздавались протестующие крики в его адрес. Сам Рим можно было контролировать силами преторианцев, однако это не касалось остальной империи. Когда распространилась новость о позорном «аукционе», наместники провинций, где были расквартированы наиболее сильные гарнизоны — Британии, Верхней Паннонии на

* Dio Cass. LXXIV. 11. 1—6; Herodian. VI. 1—14; SHA. Did. Iul. 2. 4—7, а также Birley (1988). P. 95—96, Potter (2004). P. 96—98; CAH. 2nd ed. Vol. XII. P. 2. К концу III в. одинаковые вознаграждения могли выдаваться всем воинам независимо от их звания, см.: *Duncan-Jones R.* Pay and Numbers in Diocletian's Army // Chiron. Bd. 8. 1978. P. 541—560, однако маловероятно, чтобы такое имело место в более раннее время.

Дунае, а также Сирии, — отказались признать Юлиана и потребовали трон для себя. Решение участи империи зависело от военной силы — до этого раза подобная ситуация возникла лишь в 68 году, когда смерть Нерона привела к гражданской войне*.

«Стена вокруг провинций»: римская армия

Римская армия представляла собой наиболее значительную и дисциплинированную военную силу в истории человечества, существовавшую до наступления современной эпохи, однако в сравнении с размерами империи она была не особенно велика. Ее ядро составляло тридцать легионов, куда набирали воинов из числа римских граждан; каждый состоял самое большее из пяти—пяти с половиной тысяч человек**. Легион делился на десять когорт, каждая из которых насчитывала по четыреста восемьдесят человек (исключение составляла первая когорта численностью восемьсот человек). Легионам были приданы вспомогательные войска (ауксилиарии), куда набирали в основном тех, кто не обладал римским гражданством. Организационной единицей этих войск являлись когорты, или алы, — такое название давалось кавалерийским соединениям той же численности. К концу II века ауксилиариев было, пожалуй, даже больше, чем легионеров. Кроме того, существовал флот, весьма активно патрулировавший морские пути и защищавший купеческие суда от пиратов. В Риме располагался гарнизон преторианцев — девять когорт по восемьсот человек каждая, что соответствовало мощному легиону — и singulares, а также полувоенные городские когорты и vigiles, выполнявшие функции пожарных, а в ночное время — и полицейских. Все перечисленные вооруженные силы империи насчитывали

* Dio Cass. LXXIV. 12. 1—14. 2, SHA. Did. Iul. 3. 1—4. 9.

** Во II в. н.э. штатная численность легиона с учетом приданной ему конницы могла доходить до 7000 воинов. Цифры, приведенные автором, относятся скорее к республиканской эпохе. — *Примеч. пер.*

примерно 350 000—375 000 человек, то есть со времен правления Августа они увеличились не более чем на десять—пятнадцать процентов. По крайней мере такова была их численность «на бумаге». В действительности (как часто случалось в истории человечества) многие соединения могли в разные моменты насчитывать и меньшее число воинов. Даже если мы примем наивысшее теоретически возможное число людей в военной форме и минимальные оценки численности населения империи, на одного солдата приходилось более ста тридцати местных жителей.

Обитателям многих областей империи редко доводилось видеть солдат, а уж об армии и говорить нечего. Подавляющее большинство войск было расквартировано близ границ на базах (где казармы строились из камня); вокруг каждого располагалось гражданское поселение. В восточных провинциях действовала иная модель: войска в Сирии, Иудее и Египте размещались в больших городах или около них, отчасти для того, чтобы держать под контролем местное население с его весьма переменчивыми настроениями. Армия была основным источником живой силы, доступным императору; по этой причине небольшие отряды были рассредоточены по провинциям, выполняя административные функции, действуя как полиция, регулируя движение транспорта и участвуя в инженерных работах. Имелись также фрументарии (frumentarii), то есть «хлебные люди» — войска, ответственные за ежедневное обеспечение солдат продовольствием в огромных масштабах. Сложная деятельность агентов, необходимая для выполнения этой работы, была шире, чем может показаться: они обеспечивали императора разведданными, шпионя за солдатами, а также и за штатскими*.

---

* См. добротные обобщающие книги о римской армии: *Webster G.* The Roman Imperial Army. London, 1985 (репринт с дополненной библиографией, 1998); *Le Bohec Y.* The Imperial Roman Army. London, 1994; *Parker H.* The Roman Legions. New York, 1928; *Goldsworthy A.* The Complete Roman Army. London, 2003; о фрументариях см.: *Austin N., Rankov*

И все же в целом армия жила своей жизнью, отдельной от жизни гражданского общества. И легионеры, набиравшиеся из граждан, и ауксилиарии, гражданами не являвшиеся, по существу, были профессионалами, чей срок службы составлял двадцать пять лет. Предпочтительнее были волонтеры, но при необходимости применялся и призыв. При Марке Аврелии во время кризиса, последовавшего за эпидемией чумы, в армию вербовали гладиаторов и других освобожденных рабов, но это являлось исключением. Однако призывы (о которых упоминают наши источники) иногда представляли собой не более чем вербовку. Легионер получал 1200 сестерциев в год, в отличие от преторианцев, чье жалованье составляло 4000 сестерциев в год, а срок службы — всего шестнадцать лет.

С конца I века плата оставалась неизменной, так что ее подлинный размер, вероятно, со временем уменьшался. Особенно щедрой она никогда не являлась и была сравнима с поденной платой сельскохозяйственного рабочего (правда, ее выплачивали гарантированно, из года в год). Сопоставим это с трудностями и риском, связанным с тяготами службы, в особенности в период войны! Даже соединения, дислоцированные в наиболее «мирных» провинциях, имели шанс принять участие в крупной кампании минимум один раз в течение двадцати пяти лет, в течение срока службы солдата. Но повсеместно войны велись значительно чаще. Даже служба в мирное время была сопряжена с риском. Реестры уцелевших солдат, ведшиеся в соединениях, упоминают тех, кто утонул, погиб от рук разбойников или скончался в лечебнице от той или другой болезни. В письмах выздоравливающих солдат из Египта упоминается удар метательным снарядом во время

B. Exploratio: Military and Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. London, 1995, особо см.: 136—137, 150—154; классическим исследованием об армии и политике является книга Дж. Кэмпбелла: *Campbell J.* The Emperor and the Roman Army. Oxford, 1984.

подавления восстания, равно как и сильное пищевое отравление*.

За исключением малых военных аванпостов, все соединения имели баню и лечебницу, что, вероятно, обеспечивало солдатам бóльшие возможности сохранить здоровье по сравнению с бедным гражданским населением. Пользование ими не было бесплатным: из жалованья солдата делались вычеты в качестве платы за пищу, одежду и военное снаряжение, не говоря уже о взносах в кассы для организации праздников и похорон (на эти средства товарищи погребали останки тех, кто умирал во время службы). Кроме того, солдат получал достаточно сбалансированное питание (вопреки распространенному мнению, будто легионеры были вегетарианцами, диета включала в себя мясо) и большую часть срока службы проживал в каменных казармах с черепичной кровлей, где на восемь человек приходилась пара комнат. Скученность, конечно, была, но была не больше, чем в инсулах в городах, — вообще говоря, в античном мúре немногие пользовались столь обширным интимным пространством, как мы в наши дни. Если солдат доживал до конца срока службы и нес ее с честью, его награждали.

Легионеры получали либо участок земли, либо денежную сумму, тогда как ауксилиариям даровалось римское гражданство. Однако и здесь людей подстерегали трудности. Согласно закону, солдатам запрещалось жениться, а существующие браки аннулировались при зачислении на службу. Очень многие игнорировали это: они брали жен (как правило, девушек «из местных») и создавали семьи. Дли-

* Об условиях службы в римской армии см.: *Davies R.* Service in the Roman Army Edinburgh, 1989; *Watson G.* The Roman Soldier. Ithaca (New York), 1969; *Alston R.* Soldier and Society in Roman Egypt. A Social History. London; New York, 1995; см. Davies (1989), p. 229—230 о письмах воинов, которые они писали в лазаретах: Tabulae Vindolandenses II 154, о рапорте по поводу численности когорты, где содержится список находившихся на излечении в лазарете; *Fink R.* Roman Military Records on Papyrus (1971) No. 63, for a return listing men killed by bandits and drowned.

тельное время неофициальные отношения, которые завязывали ауксилиарии, легализовались при выходе последних в отставку, причем «жены» и дети также получали гражданство. В середине II века это запретили. Легионерам было куда сложнее добиться признания «законными» своих детей и, таким образом, получить возможность передавать им наследство. Некоторые императоры издавали постановления, разрешавшие браки, однако сохранившиеся документы свидетельствуют, что отставным солдатам и их потомкам зачастую приходилось бороться, не жалея сил, чтобы получить реальную выгоду в соответствии с этими законами*.

Солдат, получивший образование, имел хорошие карьерные возможности, в особенности если у него были влиятельные друзья, способные обеспечить рекомендательным письмом. Сохранилось письмо, написанное солдатом, поступившим на службу легионером в Египте в 107 году; благодаря своим связям он быстро стал писарем. Он с радостью пишет отцу, что выполняет лишь легкие обязанности, тогда как те, кто был набран вместе с ним, трудятся на улице, разбивая камни. Трудно определить, сколько грамотных солдат было в армии, учитывая, что мы очень мало знаем о стандартах образованности среди широкого населения, но, вероятно, они составляли меньшинство. Армейская дисциплина была жесткой; часть офицеров имела право на применение телесных наказаний и смертной казни. Возможность выйти в увольнение являлась скорее привилегией, нежели правом, и добиться ее (как и многого другого) зачастую удавалось, лишь подкупив офицера.

После I века италийцы не проявляли особого энтузиазма относительно службы в легионах и предпочитали службу в соединениях, дислоцированных в Риме, поскольку условия там были менее жесткими, а плата более высокой. Некоторые, несомненно, шли служить из лучших побуждений —

* По поводу вопроса о браках военных см.: *Campbell J.* The Marriage of Soldiers Under the Empire // JRS. Vol. 68. 1978. P. 153—166; Alston (1995). P. 54—59.

такие люди воплощали в себе идеал военных теоретиков. Подобные «высококачественные» рекруты, вероятно, чаще всего встречались в auxilia, поскольку многие из них происходили из общин, где сохранялось восхищение военной доблестью. Зачастую сыновья солдат также поступали на службу, так как их детство часто проходило в местах базирования армии или поблизости от них; такие рекруты приветствовались в армии. Поскольку они не имели никакого законного статуса, место их рождения обозначалось как «в лагерях» (in castris). Но большинство рекрутов, в особенности легионеров, шло на службу оттого, что у них практически не было выбора, а в армии им предстояло получать пропитание, одежду и регулярное жалованье. Один император жаловался, что легионерами идут служить только бродяги. Примечательно также, что несение военной службы запрещалось лишь совершившим особо тяжкие преступления*.

Если многие солдаты в гражданской жизни оказывались неудачниками, тем сильнее должно было быть у них ощущение того, что их соединение — это родной дом. Каждый легион обладал своим номером (их последовательность не выдерживалась строго, так что существовало несколько Первых, Вторых и Третьих легионов) и названием, часто подкреплявшимся дополнительными титулами и почетными характеристиками. Вспомогательные войска также имели специальные наименования, и всем армейским соединениям было свойственно то, что в наши дни именуется чувством идентичности. Командиры часто инициировали соревнование между соединениями; временами соперничество приводило к дракам. «Честь полка» играла важную роль в том, чтобы соединение действовало эффективно; личная храбрость также поощрялась. Смелость, проявленная перед лицом товарищей, награждалась знаками отличия; воин пользовался особыми льготами, иногда

* О низком качестве рекрутов пишет Тацит (Tac. Ann. IV. 4); о дискуссиях по этому поводу см.: *Goldsworthy A.* The Roman Army at War, 100 BC — AD 200 Oxford, 1996. P. 28—30; Davies (1989). P. 3—30.

его продвигали по службе или выдавали ему денежную премию. Как и жалованье, все эти награды номинально присуждались императором вне зависимости от того, присутствовал ли он при этом лично или нет. Равным образом рекруты, поступавшие на армейскую службу, приносили присягу на верность императору и государству. Присяга регулярно «обновлялась». У каждого соединения также имелись imagines — изображения императора и его ближайших родственников, которые вместе со штандартами соединения хранились в святилище в здании штаба*.

Контроль над армией находился в руках императора; он предпринимал все усилия, чтобы напомнить солдатам об их верности ему лично. Когда правитель посещал базу или вел армию в сражение во время кампании, он обращался к соединению, именуя его «своим» легионом или «своей» когортой. Однако армейские соединения были буквально разбросаны по обширной территории, и большинство солдат никогда не видело главнокомандующего, так что повседневный контроль неизбежно должны были осуществлять другие лица. Высший командный состав набирался из сенаторов. Частью карьеры сенатора являлось исполнение им примерно в двадцатилетнем возрасте должности старшего трибуна и заместителя командующего легионом в течение некоторого срока, длившегося от года до трех лет. Позднее, в возрасте около тридцати лет, сенатор обычно становился командиром легиона (legatus legionis) на тот же срок. Наконец ему вверялась в управление провинция и ее армия; он становился legatus Augusti. Продолжением службы для привилегированной горстки сенаторов становилось повторное наместничество в одной из трех провинций, наиболее значимых с военной точки зрения. В каждой из них дислоцировалось три легиона и столько же вспомогательных соединений. Наместничество в любой провинции в среднем длилось три

* Об объединявшем воинов чувстве гордости см.: *MacMullen R.* The Legion as Society // Historia. Bd. 33. 1984. P. 440—456; Goldsworthy (1996). P. 252—257.

года, но бывали и исключения. Авидий Кассий пробыл в Сирии значительно больше, однако неудавшийся мятеж, поднятый им, свидетельствовал о потенциальной опасности, которую таило в себе столь долгосрочное командование.

Основу офицерского корпуса армии составляли всадники. Обычно послужной список всадника включал в себя назначение префектом когорты ауксилиариев. Затем в течение некоторого срока он служил в качестве одного из пяти младших всаднических трибунов (имевшихся в каждом легионе), а после этого назначался командующим кавалерийской *алой*. Те, кому сопутствовал успех, продвигались по службе, выполняя административные и финансовые функции в качестве имперских прокураторов; иногда им доставалась в управление одна из малых провинций. «Equites» также командовали соединениями в Риме; обычно преторианцев контролировали два префекта, обладавших равной властью. В провинциях, управлявшихся всадниками, не размещалось значительных сил, поскольку сенатор, командовавший легионом, не мог подчиняться всаднику. Египет составлял исключение: наместник этой провинции и командиры двух легионов являлись префектами из числа всадников. Никто из императоров ни за что не доверил бы другому сенатору контроль над землями, имевшими такое важное значение для обеспечения Рима хлебом*.

Центурионы составляли становой хребет армии. Это слово обозначало скорее целый слой офицеров, нежели конкретное звание. Более молодые командовали центуриями — шесть центурий составляли когорту, каждая из которых имела восемьдесят человек штатного состава (в рас-

* О моделях карьеры римских офицеров см. многочисленные статьи в: *Birley E.* The Roman Army. Papers 1929—1986. Amsterdam, 1988; *Devijver H.* The Equestrian Officers of the Roman Army. Vol. I. Amsterdam, 1989; vol. II. Stuttgart, 1992; *Breeze D., Dobson B.* Roman Officers and Frontiers. Stuttgart, 1993; *Saller R.P.* Promotion and Patronage in Equestrian Careers // JRS. Vol. 70. 1980. P. 44—63.

сматриваемый период до ста он не доходил). Один из шести старших центурионов командовал легионной когортой. Наиболее значительной из всех являлась должность центуриона-примипила (primus pilus), который командовал первой когортой и получал всадническое достоинство сразу же по уходе с этого поста. Все центурионы получали жалованье во много раз больше, чем рядовые воины, требовалось также, чтобы они обладали достаточным образованием. Некоторые достигали этой должности после службы в армии рядовыми, но ошибочно представлять их себе как аналог современных фельдфебелей, скорее речь идет о людях, назначавшихся на младшие командные и административные посты, прежде чем получить офицерский чин. Другие попадали на соответствующую должность сразу из штатских, не обладая каким-либо предварительным военным опытом. Пертинакс поначалу хотел стать центурионом именно таким образом, но его патрон не смог добиться для него назначения — хорошее свидетельство престижности этого поста. Равным образом показательно то, что некоторые всадники предпочитали становиться центурионами, вместо того чтобы делать более традиционную карьеру. Как мы видели, это был не единственный «средний класс» римского мира. Однако попадалось немало людей со средним уровнем доходов, получивших приличное образование, хотя и не овладевших языком в совершенстве, которое ожидалось от представителей высших слоев элиты. Весьма вероятно, что большинство центурионов назначалось напрямую и происходило именно из этого социального слоя*.

Рядовые чрезвычайно редко переходили из одного подразделения в другое и, как правило, проводили весь свой срок службы в одном и том же отряде. По-видимому, многие центурионы также оставались с одним и тем же соединением в течение длительного времени, хотя о некоторых нам известно, что они служили по очереди в нескольких легио-

* Goldsworthy (1996). P. 13—15, 30—32.

нах, причем для этого должны были перебираться из провинции в провинцию на большие расстояния. Пертинакс, за годы своей не вполне обычно сложившейся карьеры побывавший вначале офицером-всадником, а затем офицером-сенатором, служил во всех основных приграничных зонах империи, за исключением Северной Африки. Римляне ценили специалистов не столь высоко, как это принято в современных государствах, в особенности когда дело доходило до повышения в должности. Императоры также не склонны были поощрять слишком тесную связь между командирами и солдатами, которая могла бы возникнуть в результате долгосрочной совместной службы. Республика была уничтожена, и создание Августом принципата произошло в ходе войн между армиями, преданными своим полководцам больше, чем государству. В целом созданная им система работала вполне удовлетворительно, и лояльность армии сохранялась более чем на протяжении двух столетий. Лишь с прекращением существования династии возникала опасность, что легионы двинутся сражаться друг с другом. В подобных случаях инициатива мятежа исходила от правящей верхушки, прежде всего от наместников. Ключевую роль здесь играли и другие офицеры, в особенности центурионы*.

Император из Африки

Армия Верхней Паннонии стояла недалеко от Италии, и легат, управлявший этой провинцией, Луций Септимий Север, не упустил возможности, открывшейся ему. Прежде он служил под командованием Пертинакса и, не исключено, был причастен к заговору против Коммода. В особенности удобным оказалось то, что по соседству, в Нижней Мезии, дислоцировалось два легиона, которыми в то время коман-

* Дж. Кэмпбелл доказывает, что влияние центурионов было недостаточно велико само по себе, чтобы держать под контролем воинов (Campbell (1984). P. 106—109).

довал его брат. Север быстро двинулся в Италию; говорят, что он и его телохранители — вероятно, singulares правителя, вооруженные пиками кавалеристы, набранные из алы ауксилиариев во вверенной ему провинции — даже не снимали доспехов и так и спали в них во время кратких остановок. Серьезного сопротивления они не встретили, ведь у Юлиана не было настоящего войска. Отчаянная попытка обучить слонов, которые прежде участвовали в играх, нести на себе башенки и стрелков, как то полагалось в традиционных кампаниях, закончилась курьезной неудачей: животные отказались тащить непривычный груз. Дион Кассий и другие сенаторы пребывали в изумлении. В отчаянии Юлиан умертвил Лета и Марцию, но вскоре лишился даже поддержки преторианцев, купленной ранее. Покинутый всеми, он был убит во дворце одним из гвардейцев. По прибытии Север продемонстрировал собственную мощь, проведя свое войско парадом по Риму; сенат по всей форме провозгласил его императором. Преторианцы получили приказ арестовать убийц Пертинакса, а затем построиться без оружия и доспехов. Их окружили легионеры Севера, и тот обратился к ним с речью, где обвинил их в предательстве. Убийцы были казнены, а остальных с позором уволили со службы и запретили им приближаться к Риму ближе чем на сто миль. Воинов в новые преторианские когорты отбирали из числа служивших в легионах самого Севера*.

Претензии на трон двух других кандидатов по-прежнему оставались в силе. С легатом Британии, Децимом Клодием Альбином, Север заключил договор: он даровал ему титул цезаря и сделал его своим младшим коллегой. Затем его основные силы двинулись на восток, дабы сокрушить проконсула Сирии Гая Песценния Нигера. Север выиграл ряд сражений и одержал решающую победу при Иссе в 194 году — случилось так, что это произошло близ того места, где одер-

* Dio Cass. LXXVII. 14. 3—17. 6, LXXVII. 1. 1—2. 1, Herodian. II. 11. 7—14. 4; SHA. Did: Iul. VI. 1—8. 10, Sever. V. 1 — VI. 9, а также Birley (1988). P. 97—105 и Potter (2004). P. 101—103.

жал одну из своих побед над персами Александр Великий. Нигер пытался бежать и был убит. Север ни разу не присутствовал на поле боя, однако затем все же провел лично короткую кампанию против приграничных народов. Вернувшись в 195 году с востока, он предпринял провокационный шаг — назвал цезарем семилетнего сына, по-видимому, не посоветовавшись при этом с Альбином. Гражданская война возобновилась, завершившись через два года сражением близ Лугдуна (современный Лион во Франции), где находилась главная база британского легата. Дион Кассий уверяет, что в битве участвовали значительные силы — с каждой стороны на поле боя вышло не менее 150 000 человек (что равнялось большей части армии). Это очевидное преувеличение, но, быть может, Альбин самостоятельно предпринял значительное увеличение количества набираемых рекрутов с 193 года. Основные же силы регулярной армии подчинялись Северу. Но даже с учетом всех этих «но» битва была жестокой, и в какой-то момент сам Север лишился коня и едва избег смерти или плена. Ходили слухи, что новый префект претория нарочно медлил, не вступая в бой, надеясь, что оба предводителя погибнут. Однако в конце концов он провел мощную кавалерийскую атаку, благодаря которой битва была выиграна. После четырех лет беспорядков и гражданских войн в империи наконец вновь появился один правитель, чью власть никто не оспаривал*. Конфликт оказался куда глубже и продолжался куда дольше, чем то, что происходило в «год четырех императоров» после смерти Нерона**.

В послужном списке Севера до 193 года не было ничего исключительного — этим он напоминает Веспасиана, который выдвинулся, одержав победу в 69 году. Оба были сенато-

---

* Утверждение, будто в Лугдуне в бой вступило по 150 000 солдат с каждой стороны, см.: Dio Cass. LXXVI. 6. 1; рассказ о событиях и анализ гражданской войны см. у Birley (1988). P. 108—128.

** «Годом четырех императоров» историки называют 69 г. н.э., когда императорами успели побывать Сервий Сульпиций Гальба, Марк Сальвий Отон, Авл Вителлий и Тит Флавий Веспасиан. — *Примеч. пер.*

рами, оба сделали хорошую карьеру, однако сомнительно, что в иных условиях их сочли бы подходящими претендентами на императорский трон. Оба попросту оказались в должности легата и во главе значительной армии в тот момент, когда «свято место» в центре было пусто, а затем использовали обстоятельства наилучшим образом — даже если Север проявил при этом особую жестокость. Во многих отношениях Север представлял собой типичного для того периода сенатора. Он родился в Лептис-Магна (в современной Ливии), некогда основанной карфагенянами. Сам Карфаген пал в 146 году до н.э. под ударами римской армии, что стало кульминацией трех его масштабных конфликтов с Римом. Но несмотря на это, родным языком Севера был пунийский, и по-латыни он всегда говорил с легким провинциальным акцентом, произнося «ш» вместо «с», так что весьма возможно, что он называл себя «Шептимий Шевер». Дион Кассий пишет, что Север хотел продолжать образование, считая его недостаточным, но нужно учитывать исключительно высокие стандарты образования в среде римской элиты. Один источник VI века сообщает, что у Севера была темная кожа, но на единственном его цветном портрете, дошедшем до нас, он выглядит типичным жителем Средиземноморья. То, что Север происходил из Северной Африки, не делало его в меньшей степени римлянином, нежели Траяна и Адриана, родившихся в Испании. Отец его не был сенатором, однако в течение нескольких поколений представители его рода принимали участие в политике. В этот период из африканских провинций происходило немало сенаторов, в том числе и Клодий Альбин. Ничто не заставляет полагать, будто кому-то из этих людей был присущ особый «африканский» тип мышления*.

Выиграв войну, Север понимал, что само по себе это не гарантирует ему безопасности на длительное время. Он

* Birley (1988). P.8—56; источник VI в., утверждающий, что Север имел темную кожу. — Иоанн Малала, Хроники 12. 18 (291). Перевод опубликован в издании: *Jeffreys E., Jeffreys M. Scott R. et al.* The Chronicle of John Malalas: A Translation. Melbourne, 1986); см. Birley (1988). P. 36.

быстро выдвинул своих сыновей на важные позиции (хотя они были еще младенцами) для демонстрации, что они наследуют ему, а его смерть не ознаменуется новой вспышкой гражданских войн. Он также обратился к прошлому, дабы основанная им новая династия получила легитимность. Поначалу он подчеркивал свою преемственность по отношению к Пертинаксу, поскольку считал полезным, если он выступит в качестве свершителя справедливого возмездия за него. Однако затем предпринял неожиданный шаг — объявил, что был усыновлен Марком Аврелием, престиж которого был неизмеримо выше. Один из сенаторов саркастически поздравил его «с обретением отца». Большее беспокойство вызвал тот факт, что в результате произошла официальная реабилитация Коммода, ставшего теперь сводным братом императора. Это потрясло сенаторов, однако отношение к ним Севера неуклонно становилось все более суровым. В начале своего правления он объявил, что не желает казней среди сенаторов, но еще до конца гражданской войны многие из них были казнены по его приказу.

Негодование и страх также распространились вследствие власти, которую приобрел новый префект претория Плавтиан, другой уроженец Лептис-Магна. Недоброжелатели распускали слухи, будто в юности они с Севером состояли в любовной связи. Очевидно, император доверял ему, и тот благодаря Северу стал чрезвычайно влиятельным лицом, так что в свое время молва заговорила о том, что префект строит планы захватить трон для себя. В конце концов, после того как брат Севера на смертном одре признал Плавтиана виновным, последний был казнен. Не следовало допускать, чтобы столь значительная власть попадала в руки фаворитов, в особенности не принадлежавших к числу сенаторов, и Плавтиан, вознесшийся, а затем потерпевший крах, неизбежно увлек за собой и других. В те времена успех любого сенатора был сопряжен со значительными опасностями для него. Север мало времени проводил в сенате — большую часть своего правления он находился за пределами

Италии — и мало беспокоился о том, чтобы ублажать его членов или создавать у них ощущение безопасности*.

Император стремится укрепить свою власть. Он создал три новые легиона — I, II и III Парфянские (Parthica) — и разместил II Парфянский неподалеку от Рима, в Альбе. С момента создания принципата то был первый случай, когда местом постоянной дислокации легиона стала Италия. Теперь в распоряжении Севера находилась армия численностью приблизительно семнадцать тысяч человек, если считать увеличенные отряды гвардии. Исследователи нередко считают, что таким образом он создал стратегический резерв, необходимость которого, по-видимому, сделалась очевидна в ходе кровавых войн Марка Аврелия. На самом деле перед ним стояла куда более серьезная задача — справиться с мятежом, который в перспективе мог поднять наместник той или иной провинции. Поддержание лояльности армии имело жизненно важное значение для императора. Стремясь расположить к себе солдат, Север увеличил им жалованье и снял запрет на заключение браков. Создание новых легионов повлекло за собой появление новых офицерских должностей — к примеру, не менее 177 центурионских. Многие, вероятно, перешли на службу из других соединений, это означало, что они оказались обязаны Северу своим первым назначением или продвижением по службе. Войны, которые он вел за рубежом, также отчасти объяснялись его желанием привязать к себе армию. С 197 по 202 год Север воевал на Востоке: он повел армию вниз по Евфрату, чтобы разграбить столицу парфян Ктесифон и создать новую провинцию Месопотамия. С 208 по 211 год он находился в Британии, где возглавил несколько крупных кампаний против племен каледонцев на территории современной Шотландии**.

---

* 24. Dio Cass. LXXVI. 7. 1—8. 4; об «обретении отца» *см.*: Dio Cass. LXXVII. 9. 4; о Плавтиане см. Birley (1988). P. 137, 161—164.

** Об увеличении численности конной гвардии вдвое см. *Speidel M.* Riding for Caesar: The Roman Emperors' Horse Guard. Cambridge (Mass.), 1994. P. 56—64.

Кампании за рубежом приносили военную славу, лишенную неприятного привкуса, который она приобретала в случае побед над соотечественниками-римлянами. Арка Севера близ здания сената на форуме в Риме воздвигнута в память о его победах в войне против Парфии. То, что Север выбрал в качестве места действия две области, откуда его соперники начали гражданскую войну, не было простым совпадением. Несомненно, в этом имелась какая-то необходимость с военной точки зрения, так как и армии на обеих границах, и престиж Рима, несомненно, слабели, когда войска уходили, дабы сражаться и гибнуть в ходе внутренней борьбы. Кроме того, у воинов, бившихся друг против друга в междоусобных распрях, появлялась возможность сражаться бок о бок под началом общего командира. Наконец (и это важнее всего) Север получал возможность вознаградить и выдвинуть офицеров в каждой из областей, показав, что он доверяет им, и отправить в отставку или перевести в другое место всякого, в ком он сомневался. Не все шло гладко, так как в армии возникло некоторое напряжение, когда ей не удалось взять город Хатру, но в целом поставленные задачи удалось выполнить. Опять-таки реорганизация, проведенная Севером на Востоке, свидетельствует о его заботе о собственной безопасности. Он разделил Сирию на две провинции, разместив в одной один легион, а во второй — два. В Месопотамии были расквартированы вновь созданные I и III Парфянские легионы. Наместником провинции стал всадник, как в Египте, и командование обоими легионами также получили всадники. То же касалось III Парфянского легиона в Альбе. Преобразования завершились лишь через год-два после смерти Севера, когда Британию также разделили, но с того времени ни в одной провинции не размещалось (и следовательно, в распоряжение наместника не поступало) больше двух легионов*.

* О проблемах с Хатрой см.: Dio Cass. LXXVI. 11. 1—12. 5; о кампаниях в Месопотамии см. Birley (1988). P. 129—135, а также: *Kennedy D.* European soldiers and the Severan siege of Hatra // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. P. Freeman, D. Kennedy. Oxford, 1986. P. 397—

Септимий Север был хорошим правителем и делал все от него зависящее, дабы дела в империи шли лучше. Однако этот человек пришел к власти благодаря силе оружия и страшился, что кто-то последует его примеру; ощущение опасности диктовало его решения на всех уровнях. Все это не имело бы важного значения, если бы он основал династию, которая просуществовала бы, не прерываясь, длительное время. В последние годы жизни он сделал наследниками своих сыновей, Каракаллу и Гету, заповедав им править совместно. Это означало определенный риск, поскольку лишь в случае Марка Аврелия и Луция Вера два императора хорошо правили сообща. Север часто критиковал Марка за то, что тот сделал своим наследником Коммода и предпочел наследника «по крови» талантливому преемнику, однако и сам столкнулся с той же проблемой. Пока Каракалла и Гета были живы, они неизбежно представляли собой угрозу любому альтернативному кандидату на престол. Если бы наследником стал кто-то один, то другой неизбежно был бы для него потенциально опасен, в особенности учитывая тот факт, что братья презирали друг друга с детства. Как говорили, Север считал, что лучше будет отправить их воевать и при этом, возможно, приучить к сотрудничеству друг с другом, нежели оставить в Риме, где можно легко предаться порокам, однако его постигло разочарование. Ходили слухи, будто Каракалла, стремясь занять престол, даже пытался убить отца. В любом случае здоровье Севера было подорвано; многие годы его мучила подагра. 4 февраля 211 г. шестидесятипятилетний император скончался в Эбураке (современный Йорк), и его сыновья совместно наследовали престол. Утверждают, что напоследок он дал им простой совет: «Живите в согласии, обогащайте воинов, а всех прочих презирайте»*.

409, а также: *Campbell D.* What Happened at Hatra? The problems of the Severan Siege Operations // Ibid. P. 51—58. О Британии см.: Birley (1988). P. 177—187, *Todd M.* Roman Britain. 3rd ed. Oxford, 1999. P. 144—155.

* Dio Cass. LXXVII. 15. 2—4; 17. 4; Herodian. III. 14. 1—3; 15. 1—3; SHA. Sever. 19. 14.

Глава третья

ЖЕНЩИНЫ ИМПЕРИИ

Став преемником его* власти, Александр получил императорскую власть только по виду и названию, в действительности же ведение всех дел и государственное управление было всецело в руках женщин. Они пытались придать всему благоразумный и достóйный вид.

*Историк Геродиан, середина III века***

Братья оказались абсолютно не способны жить в согласии друг с другом. Заключив мир с каледонцами, они быстро покинули Британию. По пути в Рим между ними вспыхнула перебранка, а затем они попытались полностью игнорировать друг друга. Одно время они жили каждый в своем крыле дворца; все соединявшие их половины коридоры и проходы были заложены, чтобы они не могли встретиться случайно. Братья противостояли друг другу буквально во всем, вплоть до того, что «болели» за разные команды на состязаниях колесниц. Ходили слухи, что они всерьез рассматривали возможность разделить империю на две части, с тем чтобы Каракалла оставался в Риме и правил Западом, а Гета контролировал Восток из Александрии или Антиохии. Приграничная линия прошла бы по Боспору, и оба брата расположили бы на своих берегах легионы, чтобы удержать друг друга от агрессии***.

Никто и никогда не планировал разделить империю подобным образом, даже когда Антоний и Октавиан распределили провинции между собой за год до Акция. Но источник, сообщающий об этой истории, был создан всего несколько-

---

* Т.е. императора.

** Herodian. VI. 1. 1. Перевод Ю.К. Поплинского.

*** Dio Cass. LXXVIII. Herodian. IV. 1. 1—5; 3. 1—9.

ми десятилетиями позже описываемых событий, задолго до действительного разделения империи. Исполнению плана помешала мать императоров Юлия Домна, которая потребовала, чтобы сыновья объяснили ей, как, с их точки зрения, они смогут разделить ее саму. 26 декабря между ними и матерью произошла неофициальная встреча, где им предстояло заключить перемирие. Каракалла был другого мнения; по его приказу поблизости спрятался отряд верных ему преторианцев. Во время свидания эти люди ворвались в комнату и зарубили Гету мечами. Юлию Домну оставили обмыть тело; она была вся в крови, а потому даже не заметила, что сама ранена в руку*.

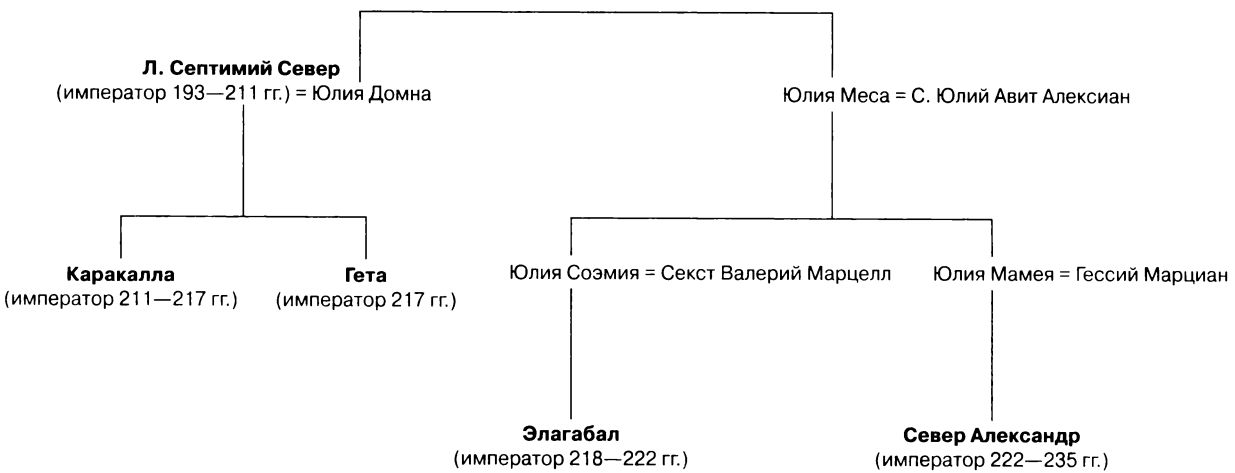
Быстро удалившись, Каракалла направился в лагерь преторианцев, где объяснил, что действовал в целях самозащиты, намекнув, таким образом, что его брат плел интриги против него. Гвардейцы с готовностью поверили этой истории и обещали свою поддержку. Труднее оказалось убедить легионеров II Парфянского легиона, расквартированного в соседней Альбе. Они не позволили Каракалле войти; ему пришлось обратиться к ним, стоя за укреплениями. Даже после этого солдаты ответили ему, что принесли клятву верности обоим братьям, а не одному из них. Убеждения Каракаллы, подкрепленные изрядной суммой денег, наконец возымели действие. Лишь обеспечив себе поддержку этих военных частей — единственных в Италии, — Каракалла наконец отправился в сенат и рассказал там ту же историю о «заговоре» своего брата. Сенаторы приветствовали его, поскольку у них практически не было выбора, тем более что Каракаллу сопровождали отряды гвардейцев в полном вооружении. Гета был формально осужден; его имя постановили стереть во всех надписях. Сохранившиеся надписи со всех территорий империи несут на себе признаки того, что имя младшего из братьев было удалено с них**.

---

* Dio Cass. LXXVIII. Herodian. IV. 4. 1—3.

** Dio Cass. LXXVIII. 3. 1—3; Herodian. IV. 4. 4—5; SHA. Caracalla. 2. 5—11; Geta. 6. 1—2.

Схема 1: Фамильное древо Септимия Севера

Каракалле было двадцать три года; придя к власти, он был старше и опытнее, нежели в свое время Коммод, но все же слишком молод для поста императора. Остается открытым вопрос, обладал ли Гета большими способностями, хотя позднейшие авторы любили противопоставлять его добродетели дурной натуре брата. В отличие от Коммода Каракалле не были свойственны ни леность, ни глупость. Однако он был непредсказуем, нетерпелив и обладал плохим характером. Почти сразу после смерти отца он приказал казнить нескольких членов императорской фамилии. За убийством брата последовала куда более тщательная и кровавая «чистка», в результате которой погибло много выдающихся сенаторов и всадников. На недавно раскопанном кладбище в Йорке археологи обнаружили скелеты людей, которых заковали в цепи, а затем казнили, но все же похоронили с некоторыми почестями. Судя по найденным фрагментам керамики, находка относится приблизительно к тому периоду, о котором идет речь, и более чем вероятно, что упомянутые люди были офицерами и чиновниками, убитыми по приказу Каракаллы. В оставшиеся годы его правления число жертв возросло. Сын Пертинакса, которого не тронули в 193 году — тогда он был слишком незначительной фигурой и вдобавок очень молод, — погиб теперь, поскольку не сумел удержаться от остроты насчет убийства Геты. Последнюю из оставшихся в живых дочерей Марка Аврелия также заподозрили в нелояльности и заставили совершить самоубийство, что, как сообщают, пожилая дама и сделала, сохраняя полное спокойствие и достоинство. Дион пишет, что в целом погибло около двадцати тысяч человек*.

Частые казни привели к тому, что сенаторы постоянно нервничали: какое настроение у императора? Каракалла не сумел — и, вероятно, не захотел — расположить их в свою пользу. В отношении римского населения ему это также не удалось, хотя оно вряд ли непосредственно ощутило на себе

* Dio Cass. LXXVIII. 3. 4; 1a — 5; Herodian. IV. 6. 1—5; SHA. Caracalla. 3. 2—5. 3; Geta. 6. 3—7, 6.

его гнев. Принцепс устраивал игры, проходившие с большим размахом, и даже принимал участие в состязаниях колесниц, хотя и не подражал Коммоду в его неуемном желании выступать на арене. Однако Каракалла утратил популярность, поскольку толпа сочла его слишком кровожадным, когда он смотрел на гладиаторские бои. Одного знаменитого гладиатора заставили сражаться в трех поединках подряд, и в третьем тот был убит, что выглядело не слишком честно. Начались работы по строительству банного комплекса, известного под именем Терм Каракаллы, громадные развалины которых можно видеть и по сей день. Это обеспечивало работой незанятых, а также приятное времяпрепровождение в будущем*.

Через год Каракалла покинул Рим и больше уже не возвращался в Италию. По натуре он был человеком неугомонным, и плохое здоровье не способствовало улучшению его характера. Во время путешествий император посетил множество храмов и святилищ божеств-целителей, следуя их предписаниям. Рассказывали всякие истории о том, как его мучили сны, в которых безмолвный призрак отца укорял его за убийство брата. В римском мире многие воспринимали сны всерьез; сохранились книги, в которых содержатся подробные толкования сновидений. Император оставался императором, где бы он ни находился, и просители следовали за ним, умоляя об аудиенции и надеясь на его милость или на разрешение спора. Сохранившиеся записи свидетельствуют, что Каракалла был действительно склонен давать краткие и спонтанные ответы просителям, как утверждают наши источники, и подтверждают, что во многих случаях его суждения по-прежнему были ясными и здравыми. Однако он далеко не всегда с энтузиазмом брался за эту скучную работу. Дион вспоминает, что его вместе с другими часто вызывали в императорский лагерь, когда Каракалла находился в Сирии, предупредив, что он желает видеть их на рассвете.

* Dio Cass. LXXVIII. 6. 1a — 2, 10. 1—11. 7, Herodian. IV. 7. 1, SHA. Caracalla. 4. 9—10, 9. 4—11; о гладиаторе, вынужденном сражаться трижды, см.: Dio Cass. LXXVIII. 6. 2.

То и дело случалось, что они ждали (хотя комнаты, где они могли бы расположиться, не было) в течение нескольких часов, и иногда в конце дня их отсылали обратно, поскольку Каракалла решал вообще не встречаться с ними*.

Малорослый, слабый здоровьем Каракалла стремился, чтобы в нем видели сурового и агрессивного «человека действия», в первую очередь солдата. Когда он говорил с преторианцами после убийства Геты, то сказал им: «Возрадуйтесь, товарищи, ибо ныне я могу оказать вам благоволение». В годы его правления жалованье воинам повысилось настолько, что финансистам империи оказалось нелегко справиться с ситуацией, учитывая увеличившиеся расходы. Во время кампаний император одевался как простой солдат и вел себя соответственно — вплоть до того, что собственными руками размалывал порцию зерна в муку, чтобы приготовить себе пищу. Это театральное представление, вероятно, устраивалось в основном для гвардейцев; на марше он иногда брался нести один из самых тяжелых преторианских штандартов. В ходе кампаний императоров обычно сопровождали избранные сенаторы, но Каракалла предпочитал общество офицеров — опять-таки в основном гвардейских. Он также обожал своих телохранителей, singulares Augusti, среди которых было много германцев. Часть их имела звание центурионов и всегда находилась при императоре. Каракалла называл их своими «львами». Дион также припоминает, что император приносил питье часовым, охранявшим его ставку. Другие римские полководцы (тут в первую очередь надо упомянуть Юлия Цезаря) также играли роль «товарища-солдата», но

* Dio Cass. LXXVIII. 15. 2—7; о вынужденных ждать важных посетителях см.: Dio Cass. LXXVIII. 17. 3—4; обсуждение стиля правления Каракаллы см.: *Potter D.* The Roman Empire at Bay. London, 2004. P. 140—146, где упоминается посещение им святилищ. См. также работу: *Fowden G.* Polytheist Religion and Philosophy // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 545—547; пример того, как Каракалла выслушивал просьбы, см. в SEG. XVII. 759; дискуссию см. в исследовании: *Williams W.* Caracalla and Rhetoricians: A Note of the *Cognitio de Cohairiensis* // Latomus. T. 33. 1974. P. 663—667.

Каракалла переходил в этом всякую меру (как и во многом другом). Здесь было нечто значительно большее, нежели признание того, что его власть полностью зиждется на контроле над армией. Он также бредил Александром Великим и, очевидно, желал, чтобы в нем видели подобие юного завоевателя, подчинившего себе столь значительную часть известных земель*.

В 213 году Каракалла провел кампанию на Рейне, а в последующие годы переместился на Дунай. На обеих приграничных территориях имелись признаки реорганизации и создания новых военных баз. Вероятно, именно во время этих кампаний он взял в привычку носить галльский плащ с капюшоном («каракаллу»), из-за чего и получил свое прозвище. В 215 году он отправился на Восток и пребывал там остаток жизни, пойдя по стопам своего героя Александра. Он создал новые соединения (а возможно, реорганизовал уже существовавшие легионы) по образцу древней македонской фаланги. В ту зиму, находясь в Александрии, Каракалла призвал молодых мужчин города собраться и построиться, объявив, что хочет призвать их на военную службу. Вместо этого приказал своим войскам перебить их, и эта резня так и не получила сколь-либо удовлетворительного объяснения. Он также предпринял серию кампаний против Парфии, расколотой гражданской войной между двумя братьями, претендовавшими на трон. Каракалла просил руки дочери одного из претендентов, наподобие Александра, женившегося на Роксане. Его предложение

* Dio Cass. LXXVIII. 7. 1—9. 1, 13. 1—2, Herodian. IV. 7. 4—7; «Возрадуйтесь, друзья-воины...» — Dio Cass. LXXVIII. 3. 1; Herod. IV. 7. 7 сообщает, что он нес штандарты легиона и говорит об их тяжести, но любопытно, что Светоний подчеркивает значительный вес преторианских штандартов (Suet., Gaius 43). О «львах» см.: Dio Cass. LXXIX. 5. 5—6. 2; об императоре в роли простого солдата см.: *Campbell J.* The Emperor and the Roman Army, 31 BC — AD 235. Oxford, 1984. P. 32—59, особо см. 51—55; дискуссию по поводу изменения стилей командования в целом см.: *Goldsworthy A.* In the Name of Rome. London, 2003.

отвергли, и некоторые считали, что это стало предлогом для войны*.

В начале 217 года значительные силы сосредоточились в Эдессе, готовясь к новому вторжению. 8 апреля Каракалла предпринял путешествие, дабы посетить святилище близ Карр — в 53 году до н.э. римляне потерпели здесь сокрушительное поражение от парфян, но теперь это поселение находилось в римской провинции и недавно получило статус колонии. Когда император остановился, чтобы отдохнуть с дороги, один из приближенных воинов, Юлий Марциал, заколол его. Убийца прежде служил в преторианских когортах, где добровольно продолжал службу, однако был разгневан на то, что Каракалла отказался сделать его центурионом. Через несколько минут сам Марциал был разорван на куски «львами» императора и умер прежде, нежели смог сообщить какие бы то ни было подробности заговора. Это сняло камень с души его организатора, Марка Опеллия Макрина, одного из двух префектов претория, который смог теперь сослаться на полное неведение. Каракалла по-прежнему был популярен у преторианцев, да и армия восприняла известие о его убийстве без энтузиазма. На самом деле Макрин незадолго до этого обнаружил, что кто-то направил императору сообщение о его нелояльности, и решил нанести удар прежде, чем сам будет осужден**.

Каракалла не оставил наследника. Брак его оказался неудачен, детей у него не было (все полагали, что в последние годы жизни болезнь сделала его импотентом). Он не указал преемника, в основном из-за того, что никому не доверял, но,

---

* О его кампаниях см.: Dio Cass. LXXVIII. 13. 3—15. 2. 18. 1—23. 2; LXXIX. 1. 1—3. 5; Herodian. IV. 7. 3—7, 8. 6—11. 9; SHA. Caracalla. 6. 1—6; дискуссию см. в работе: Potter (2004). P. 141—144; *Millar F.* The Roman Near East, 31 BC — AD 337. Cambridge (Mass.), 1993. P. 142—146, а также работу Б. Кэмпбелла: *Campbell B.* The Severan Dynasty // CAH 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 18—19.

** Dio Cass. LXXIX. 4. 1—6. 5; Herodian. IV. 12. 1—13. 8; SHA. Caracalla. 6. 5—7. 1.

учитывая его молодость, это и не казалось важным. В течение двух дней у империи не было императора, а Макрин выведывал мнение ведущих лиц империи. Затем он провозгласил себя новым правителем и принял все императорские титулы и полномочия, не дожидаясь такой формальности, как голосование сената. В прошлом армия выдвигала императоров (прошло всего двадцать лет с тех пор, как Север победил Клодия Альбина), но здесь было нечто иное. Макрин был не сенатором, а всадником, занявшим высокое положение благодаря преданности патронам и хорошему знанию законов. Префекты претория всегда выбирались из числа всадников, считалось: они не могут подняться до высшей должности. Даже Сеян, который в 31 году приблизился к тому, чтобы сместить императора Тиберия*, по очереди занимал государственные посты, включая консульский. В возрасте пятидесяти пяти лет Макрин «одним махом» достиг высшей власти. Несомненно, отсутствие поблизости сенаторов, которых можно было бы счесть подходящими претендентами на престол, облегчило положение Макрина. Наместниками Месопотамии с самого начала назначались всадники, а Каракалла никогда не имел привычки брать с собой в военный поход старших сенаторов. Те немногие, которые все-таки путешествовали с ним, пользовались его особым расположением. Недавнее разделение провинций на менее крупные единицы означало, что нигде в империи не оказалось правителя, контролировавшего бы столь же крупные силы, как те, что квартировали в Эдессе. Второй префект претория сослался на преклонный возраст и сделал уступку в пользу своего коллеги.

Сенат, получив известие о перевороте и узнав о смерти непопулярного и непредсказуемого Каракаллы, вздохнул с

* Сеян действительно был обвинен в заговоре против Тиберия и казнен (погибла и его семья), что, однако, не означает существования такого заговора в действительности; во всяком случае, историками высказывались обоснованные сомнения на сей счет. См.: *Парфенов В.Н.* Сеян: взлет и падение // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 65—88. — *Примеч. пер.*

облегчением. Бóльшее недовольство вызвала необходимость признать нового императора — так как сенаторам хотелось видеть на этом посту кого-то другого. Их беспокоило не его мавретанское происхождение и проколотое ухо (примечательно, что все изображения императора выполнены в весьма традиционном стиле и он имеет облик настоящего римлянина), а отсутствие необходимого социального ранга. Вдобавок Макрин и не подумал поспешить в Рим, завоевать их расположение. Хуже того, он назначил на высшие должности людей, подобно ему не отличавшихся знатным происхождением; среди прочих всадник стал городским префектом Рима, то есть фактически главой города в отсутствие императора. Макрин был склонен назначать на посты знакомых людей, в силу чего они в основном принадлежали к администрации империи, как и он сам. Каракалла интенсивно продвигал по службе тех, кому доверял, вне зависимости от их происхождения и вверил немалому числу всадников весьма ответственные посты (некоторых из них он перед этим быстро возвысил и ввел в сенат). Сенаторам это не нравилось, и они не испытывали большого энтузиазма в адрес нового режима, продолжавшего продвигать тех же самых людей. Макрин стал правителем, поскольку организовал убийство прежнего императора, мог контролировать войска на местах и, по крайней мере на тот момент, обеспечил себе лояльность армии в целом*.

Женщины из семьи Северов

В путешествиях Каракаллу по большей части сопровождала его мать. Во время правления Севера Юлия Домна играла важную общественную роль; тогда она получила такие титулы, как августа и «мать лагерей», и ездила с ним по всей империи. Умная и способная, она также немало трудилась

* Dio Cass. LXXIX. 11. 1—21. 5, Herodian. IV. 14. 1—15. 9, V. 1. 1—2. 6; SHA. Macrin. 2. 1—4; см. также: Potter (2004). P. 145—147.

«за сценой», дабы помочь мужу в выполнении сложной задачи управления империей. Подобным же образом трудилась и помогала Августу его жена, зловещая Ливия — Калигула называл ее «Улисс в юбке»: она занималась перепиской, давала советы, наблюдала за событиями. Несмотря на ужас, который вызвало у Юлии Домны убийство Геты, она продолжала оказывать сходную помощь старшему сыну. Когда его убили, она находилась в Антиохии, среди прочего будучи обязана вскрывать и читать письма к императору, чтобы «сортировать все полученное и не допускать отправки ему массы маловажных писем в то время, когда он находился во вражеской стране»*. По иронии судьбы известие с предостережением Каракаллы в отношении Макрина именно таким путем попало в Антиохию, тогда как другое, отправленное непосредственно префекту претория, и побудило его действовать. Новый император хорошо обращался с Юлией Домной, пока не обнаружил, что она интригует против него, после чего ее посадили под домашний арест. В знак протеста она отказалась от пищи и умерла; конец ускорила болезнь, которой она страдала длительное время, — быть может, рак груди. Ей, вероятно, еще не было пятидесяти лет**.

На этом все могло бы завершиться, поскольку оба сына Севера скончались и династия, казалось, прервалась. Но у Юлии Домны осталась сестра, Юлия Меса, обычно сопровождавшая ее и помогавшая в работе, а у нее было две дочери. Все три к тому моменту овдовели; обе дочери — Соэмия

---

* Dio Cass. LXXIX. 4. 3.

** Dio Cass. LXXVIII. 18. 2—3, LXXIX. 4. 2—3, 23. 1—24. 3; Herodian. IV. 13. 8; о Ливии как «Улиссе в юбке» (Ulixes stolatus) см.: Sueton. Gaius. 23; цитата взята из: Dio Cass. LXXIX. 4. 3; о Юлии Домне см. отличную работу Б. Левик: *Levick B.* Julia Domna: Syrian Empress. London; New York, 2007; а также Энтони Берли: *Birley A.* Septimius Severus: the African Emperor. London, 1988; 2nd ed. — 1999, passim, особо см. с. 191—192, в целом см.: *Turton G.* The Syrian Princesses: The Women Who Ruled the Roman World. London, 1974; в поздних источниках содержится вымышленная история об инцестуальной связи между Домной и Каракаллой: SHA. Caracalla. 10. 1—4, Aurel. Victor. De Caes. 21.

и Мамея — имели маленьких сыновей. После смерти сестры Меса отправилась в город, откуда происходила ее семья, в Эмесу, где, как рассказывали, ее очень раздражало то, что приходится жить не в императорском дворце. Эмеса (близ современного Хомса) находилась в провинции Сирия Финикия, которую занимал один-единственный легион, III Галльский, квартировавший на расстоянии одного дневного перехода к северу, в Рафанее. Происхождение города покрыто мраком, как и этнические корни его обитателей. Некоторые предполагают, что они были финикийцами, хотя свидетельств финикийского поселения нет. Основная часть населения говорила на арамейском, но практически все местные надписи выполнены на греческом, и официальное делопроизводство большею частью велось, по-видимому, на том же языке. Торговля во многом способствовала процветанию Эмесы, но особенно город был известен большим храмом бога Элагабала («LHGBL» по-арамейски), воплощением которого являлся черный камень конической формы. О нем говорили, что он упал с неба, и ассоциировали с Солнцем.

Четырнадцатилетний сын Соэмии был главным жрецом этого культа. Его звали Бассианом, но в истории он остался под именем божества, которому служил, — Элагабала, иногда передаваемым в искаженной и неточной позднейшей форме «Гелиогабал», которую использовали Гиббон и другие авторы. Прехорошенький мальчик, он производил особенное впечатление в жреческом облачении. В одном источнике IV века сообщается, что его дед был верховным жрецом, и возможно, что эта должность являлась наследственной в семействе. Предположение о том, что Юлия Домна и ее сестра принадлежали к правящей династии царей-жрецов, более спорно, чем это обычно утверждается. Их отец был римским гражданином, а сами они происходили из видной фамилии, пользовавшейся уважением в среде местной аристократии. Юлия Домна была женой сенатора (говорили, будто она привлекла внимание Севера тем, что ей, согласно гороскопу, предстояло стать супругой царя), а Меса и ее до-

чери — всадников, успешно делавших карьеру. Они были римлянами и притом людьми, известными в родных краях, обладавшими влиянием и фамильными связями в Эмесе и за ее пределами. И без того богатое, это семейство стало еще богаче благодаря тесным связям с династией Северов*.

Юный Элагабал часто принимал многочисленных паломников, посещавших знаменитый храм. В святилище приходил и кое-кто из III Галльского легиона, в особенности, вероятно, офицеры; мальчик производил на них сильное впечатление. Меса распространила слух, будто он является внебрачным сыном Каракаллы, поскольку многие считали, что император и Соэмия состояли в связи перед тем, как у нее родился ребенок. Как утверждали некоторые, между последним и Каракаллой можно было заметить внешнее сходство. Согласно римским законам, незаконнорожденный обладал лишь ограниченными правами, и прежде никто не утверждал, что бастард может унаследовать престол, но теперь так вопрос не ставился. Макрин по-прежнему не пользовался известностью, и хотя он отпустил длинную бороду, чтобы выглядеть, как Марк Аврелий, и назвал своего сына Антонином, у него не было связей с законной династией. К тому же в наследство от почившего предшественника ему достались серьезные трудности. Продолжалась война с Парфией, враги только ободрились, когда римские посланцы сообщили, что человек, начавший войну, мертв. Макрин не обладал полководческим опытом и, возможно, потерпел поражение еще до того, как боевые действия закончились и начались переговоры. Условия были не унизительными для римлян, однако им не удалось добиться крупного успеха, в котором отчаянно нуждался новый режим. Империя сохранила территориальную целостность, но парфянам полагалась значительная контрибуция. С учетом размеров жалованья солдатам, установленных Каракаллой, не-

* Dio Cass. LXXIX. 30. 2—4, Herodian. III. 2—5; о дискуссиях по данному поводу см.: Millar (1993). P. 119—120, 145, 300—309, Potter (2004). P. 148—150.

удачная кампания грозила обернуться расходами, непосильными для императорской казны. Макрин понимал, что его власть покоится на повиновении армии, и знал, что сокращение выплат до уровня, существовавшего при Севере, резко ослабит его популярность. Тогда он обещал платить опытным воинам по высшей ставке, а новобранцам — по прежней. Даже если в финансовом отношении такое решение имело смысл, то все равно оно заставляло воинов подозревать, что как только император почувствует себя увереннее, то сократит жалованье всем*.

16 мая юного Элагабала приняли в лагере III Галльского легиона, где воины провозгласили его императором. Он принял имя Антонина — позднее Марка Аврелия Антонина, — чтобы продемонстрировать свое предполагаемое родство с Каракаллой, который получил это имя от отца в результате включения в семью Марка Аврелия через «усыновление». Макрин в то время находился в Антиохии, однако у него под рукой было слишком мало войск, поскольку армия рассредоточилась для пребывания на зимних квартирах и некоторые части могли уже отправиться к месту своего назначения. Он прибыл в расположение II Парфянского легиона, однако не смог склонить солдат на свою сторону. Вскоре после его отъезда легион выступил в поддержку узурпатора. Наспех собранные отряды под командованием префекта претория отправились для блокирования Галльского легиона в Рафанее. Первая атака была отражена, несмотря на высокий боевой дух, продемонстрированный мавретанскими частями, которые образцово сражались за своего земляка. Однако когда Элагабал показался на стенах в императорских регалиях, а воины получили обещание, что каждый убивший кого-то из старших офицеров займет его пост, осаждающие перешли на его сторону. Макрину послали голову его префекта.

---

* Dio Cass. LXXIX. 28. 2—29. 2, Herodian. V. 3. 6—11, Aurel. Vict. De Caesar. 23; о дискуссиях по поводу армейского жалованья см.: *Watson G.* The Roman Soldier. London (1969). P. 90—91.

Возглавив армию, состоявшую в основном из гвардейских частей, Макрин встретился с армией врага, продвигавшейся вперед, возле Антиохии — вероятно, близ селения Иммы. Преторианцы храбро сражались и прорвали фронт противника, но четырнадцатилетний мальчик, его мать и бабка лично помогали воодушевлять войска, и гвардейцы отступили. Макрин пал духом и бежал с поля боя — непростительное преступление для римского полководца! Его преследовали и убили вместе с юным сыном, которого тот возвысил до ранга императора в надежде создать новую династию. Сомнительно, что та или другая армия при Иммах насчитывала более десяти тысяч человек (то есть они были значительно меньше, чем те, что сражались в период с 193 по 197 год). Почти столь же важен был факт, что на поле боя не присутствовали сенаторы и, очевидно, никто из них не сыграл существенной роли в происшедшем. Судьба империи решилась в незначительной стычке вдали от Рима, практически без участия сената*.

Мальчики-императоры

Когда известие о смерти Макрина достигло Рима, мало кто горевал о нем. Новый император прибыл в город лишь через несколько месяцев. Однако были отправлены его изображения в полном облачении верховного жреца. Будучи при вступлении на престол на два года моложе Нерона (тому было шестнадцать), Элагабал воспринимал свои обязанности жреца чрезвычайно серьезно, и его ощущение особых отношений с Богом могло лишь укрепиться благодаря внезапному возвышению. Склонный в поведении к театральности, он, очевидно, наслаждался ролью, которую император должен был в буквальном смысле слова играть на публике, и при этом не имел вкуса к «мирскому» труду адми-

* Dio Cass. 31. 4—41. 4, Herodian. V. 3. 12—5. 1; SHA. Macrin. 15. 1—2; Millar (1993). P. 144—147, Potter (2004). P. 148—152.

нистратора. Он мало чем отличался от номинального главы государства, а его мать, бабка и те или иные фавориты принимали решения «за сценой». Иногда их значение приобретало вполне публичный, притом весьма важный характер: обе женщины минимум однажды были допущены в сенат и, вероятно, посещали его и в других случаях. Единственной женщиной, с кем это случалось прежде, была мать Нерона Агриппина, хотя даже тогда она пряталась за занавесом. Сенаторам не нравилось это нарушение традиции; еще более раздражало продолжавшееся выдвижение фаворитов незнатного происхождения на высшие должности. Но главным образом их ненависть сосредоточилась на самом императоре, поведение которого становилось все более возмутительным*.

Большую часть своего правления Элагабал провел в Риме и его окрестностях. Главную заботу составляли развлечения. О его причудах рассказывали буквально дикие истории; при передаче из уст в уста их фантастичность, несомненно, возросла. Однако и Дион Кассий, и Геродиан были свидетелями его правления, и мы поступили бы опрометчиво, игнорируя их свидетельства, даже учитывая, что оба ненавидели императора. Вероятно, они выдали сплетни за подлинные факты, но подобные истории имели хождение — и им, несомненно, верили. Император, не достигший еще двадцати лет, успел жениться целых шесть раз, из них дважды — на одной и той же женщине. То была дева-весталка Аквилия Севера; ради нее он развелся с первой женой, очевидно, рассматривая союз с ней как священный, подобающий статусу жреца. Нарушение императором древнего запрета вызвало такую ярость, что даже он почувствовал, что совершил ошибку, и расторг брак. Странно, но когда после развода с третьей женой, происходившей из рода Марка Аврелия, он снова женился на Аквилии, это не вызвало про-

* Dio Cass. LXXX. 17, 2; SHA. Elagab. 4. 1—2, 15. 6. 18. 3: о появлении Агриппины в сенате см.: Tac. Ann. XIII. 5; дискуссию по этому вопросу см.: *Talbert R.* The Senate of Imperial Rome (1984). P. 162.

теста — в глазах римлян она утратила какой бы то ни было сакральный статус. (Любопытно, что его интерес к весталкам, быть может, разделял его предполагаемый отец Каракалла, о котором говорили, что он пытался изнасиловать одну из них и его остановила лишь его импотенция. Женщину впоследствии подвергли судебному преследованию за нарушение обета целомудрия; защищаясь, она заявила, что сам император может подтвердить — она сохранила невинность, несмотря на все его усилия. Все же ее подвергли традиционной казни — погребению заживо.)

Император не только часто менял жен, но и пользовался услугами проституток (правда, говорят, что никогда не встречался дважды с одной и той же). Он так же открыто заводил любовников-мужчин; подобно своему предшественнику Нерону, он, как сообщают, участвовал в брачной церемонии в качестве невесты и потом жил со своим «мужем». Ходили сплетни, что он спрашивал врачей, не могут ли они с помощью хирургии наделить его вагиной. Римляне неоднозначно относились к гомосексуальности, но, вопреки современным представлениям, ее всегда считали пороком. Если мужчина вступал в подобные связи, проявляя осмотрительность, осуждение бывало не столь сильным; тогда гомосексуализм находили извинительным и легко прощали его, если положительные черты характера перевешивали. Об императоре Траяне тоже говорили, что он чересчур увлекается мальчиками, однако никогда не поддавался излишне сильному влиянию фаворитов, и никто из них не мог убедить его принять неверное решение. Элагабал открыто хвастался любовниками и продвигал их. Рассказывали, что он назначил наместника в провинцию из-за огромных размеров его пениса. Поведение императора на публике шокировало всех (не исключено, он делал это намеренно); о том, что он вытворяет в частной жизни, ходили слухи один хуже другого.

Император продолжал играть активную роль в культе «своего» бога, что включало в себя танцы на людях, когда

поклонники божества доводили себя до исступления. В течение столетий римляне усвоили немало культов «чужих» божеств, но, как правило, в облагороженной форме. Новые ритуалы шокировали их, в особенности оттого, что император находился в центре происходившего и ожидал, что сенаторы также примут в нем участие. Все сенаторское сословие возненавидело его за это, хотя его сенаторы все же участвовали в богослужениях и самые честолюбивые делали это с большим энтузиазмом. Ежедневно с исключительным размахом происходили жертвоприношения животных; Дион Кассий полагал, что имели место и ритуальные убийства детей. Император-«тинейджер» превратил культ в нечто невиданное прежде, непосредственно связав его с собой и с империей. Отряды, подчинявшиеся ему, перевезли священный черный камень в Рим и установили его в храме Юпитера Капитолийского, сместив тем самым Юпитера с позиции верховного божества Рима. В 220 году солнечный бог «женился» на римской богине Минерве, и очень древнюю и почитаемую статую перенесли из ее храма, чтобы она в буквальном смысле соединилась с ним. Все общество — в особенности аристократия — вновь было возмущено, и год спустя бог «развелся» с «женой», поскольку она была слишком воинственной; вместо нее он «женился» на Астарте, изображение которой перевезли из Карфагена*.

Не будучи тираном, Элагабал являлся некомпетентным и, пожалуй, наименее способным императором из правителей Римом. То, что система управления империей продолжала функционировать, происходило в основном благодаря усилиям его бабки. Элагабал всегда был номинальной фигурой; вскоре он стал помехой. В ходе нескольких мятежей отдельные армейские соединения выдвигали альтернативных кандидатов на трон, но никому не удалось собрать достаточно сил для серьезной угрозы. Даже III Галльский легион, поначалу поддержавший Элагабала, потребовал сменить

* Dio Cass. LXXX. 11. 1—12, 2, Herodian. V. 6. 3—10, 7. 2; SHA. Elagab. 3. 4—5, 6. 78. 3; Potter (2004). P. 153—157.

императора и, по-видимому, был распущен, хотя и воссоздан впоследствии. Ловкость, деньги и связи Месы сделали Элагабала императором. Другой ее внук, Александр, сын Мамеи, был на пять лет младше своего двоюродного брата; в 218 году он был чересчур мал, чтобы быть реальным кандидатом на престол. Теперь он немного подрос и стал альтернативной фигурой, поэтому в 221 году Элагабала заставили его усыновить. Понимая, что это означает, император уничтожил всех, кто, как он чувствовал, питал расположение к Александру, однако его беспокоила широкая популярность мальчика, в том числе и у преторианцев. 11 марта 222 года его тринадцатилетний кузен исчез из поля зрения общественности, и гвардейцы взбунтовались, думая, что его убили. Элагабал отправился в лагерь преторианцев, чтобы успокоить их, но потерпел неудачу; ему не дали уйти. При появлении Месы и Александра император спрятался. Ночью преторианцы нашли его, забравшегося в корзину или коробку, и обезглавили. Его мать также была убита*.

Конец «золотого века»

Номинально в империи появился новый правитель, но в действительности контроль оставался в руках Месы; со смертью последней в 224 году он перешел к ее дочери Мамее. С самого начала были приняты меры, дабы избежать ошибок недавнего прошлого. Черный камень в соответствии с постановлением сената был отправлен в Эмесу. Сенаторам дали возможность играть более важную роль, с тем чтобы император прислушивался к их мнению; женщинам формально запретили посещать их собрания. Тех, кто нахо-

* Dio Cass. LXXX. 17. 2—21. 3, Herodian. V. 7. 1—8. 10; SHA. Elagab. 13. 1—17. 3; о мятежах, имевших место в годы его правления, см.: Dio Cass. LXXX. 17. 1—4; среди очень немногих биографий Элагабала очень удачной, с моей точки зрения, является: *Stuart Hay J.* The Amazing Emperor Heliogabalus. London, 1911; о роспуске III Галльского легиона см. ILS. 2657.

дился на периферии социальной жизни, предполагалось меньше использовать на высоких постах; назначать на посты наместников и командующих решили сенаторов. В действительности перемены носили поверхностный характер, и императорский двор, состоявший преимущественно из представителей всаднического сословия, по-прежнему сохранял огромное влияние. Александр правил тринадцать лет, и из-за десятилетий смут, которые начались после его смерти, этот период стал восприниматься лучше, нежели он был на самом деле. Император так и не смог избежать контроля со стороны бабушки и матери. Последняя прогнала жену, которую выбрала для сына, когда ей показалось, что та может влиять на податливого молодого человека. Это становилось все менее извинительным по мере взросления Александра. В течение всего его правления происходили мятежи в легионах, имели место провозглашения различных императоров, хотя никакого успеха, как и при Элагабале, они не добивались. Преторианцы в годы слабого правления Александра становились все менее дисциплинированными, и теперь едва ли возможно было взять их под контроль. Они убили префекта претория, выдающегося юриста Ульпиана. В 229 году император оказал Диону Кассию великую честь, назначив его консулом второй раз и к тому же сделав своим коллегой по этой должности. Однако он предупредил историка, чтобы тот не приезжал в Рим, поскольку не мог гарантировать его безопасность — Дион имел репутацию человека, непопулярного среди преторианцев*.

Александр провел несколько военных кампаний, однако в целом большого успеха не добился. В 235 году его вместе с матерью убили солдаты рейнской армии, поддержавшие узурпатора. Новым императором стал другой представитель

* Herodian. VI. 1. 4—10; Dio Cass. LXXX (LXXXI). 4. 2 (о военных мятежах); о преторианцах см.: Dio Cass. LXXX (LXXXI). 2. 2—3, 4. 2—5. 2; о дискуссиях по поводу правления Александра см.: *Syme R.* Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971. P. 146—162, Potter (2004). P. 158—166, Campbell (2005). P. 22—27.

всаднического сословия, Максимин Фракиец. Говорили, что он происходил из крестьянской семьи; мнение о нем можно выразить поговоркой «из грязи в князи». Как обычно, необходимо учитывать, что речь идет о пристрастном восприятии элиты, а также о враждебной пропаганде. В действительности же родители Максимина происходили из местной аристократии, и он делал карьеру, по преимуществу занимая должности, предназначенные для людей из сословия всадников, хотя вероятно также, что он до возвышения служил центурионом или младшим офицером*. По-видимому, Максимин гордился своей воинской удалью и силой; картину с изображением его битвы с врагом он отправил в сенат. Его имидж сильно отличался от имиджа Элагабала, и сенаторы почувствовали, что им придется признать власть Максимина. Он добыл ее благодаря поддержке местных войск; со временем в других областях появились новые претенденты на престол. Максимин одержал несколько побед, однако погиб через три года, убитый своими людьми**.

Эпоха Северов лучше засвидетельствована в источниках, чем последующие десятилетия, и это укрепляет ошибочное впечатление ее стабильности. В этот примечательный период казалось, будто реальная власть находится в руках четырех женщин из императорской фамилии. Юлия Домна, по-видимому, являлась наиболее способной из всех, и, несомненно, есть свидетельства ее выдающегося интеллекта. Она, да и другие, очевидно, отличались честолюбием и были преисполнены решимости удерживать власть, чего бы им это ни стоило. Кроме того, они — вероятно, за исключением Со-

* Некорректная формулировка: центурионы (или по крайней мере значительная их часть) сами относились к числу младших офицеров. — *Примеч. ред.*

** О Максимине в целом см. в книге Сайма: Syme (1971). P. 179—193; о «низком происхождении» Максимина см.: Herodian VI. 8. 1; SHA. Maximin. 2. 1—5. 1. 1—8 об убийстве Александра: Herodian. VI. 9; SHA. Maximin. 7; об изображениях Максимина см.: Campbell (1984). P. 68—69.

эмии — делали, по-видимому, все, что могли, во благо империи. Но даже несмотря на это, подобные явления шли вразрез с должным функционированием принципата (или по крайней мере как его функционирование должно было выглядеть внешне). Август и его преемники представляли собой в первую очередь военных диктаторов, однако тщательно создавали видимость управления империей в соответствии с принципом concordia (согласия) — прежде всего согласия с сенатом. В целом сенату следовало играть роль совещательного органа; сенаторы также занимали все важные посты в качестве магистратов и наместников. «Плохие» императоры не следовали этим принципам или не являли сенату должного уважения, но в период до кончины Марка Аврелия «хороших императоров» было все-таки больше, чем «плохих». Когда отдельные личности — в основном они принадлежали к всадническому сословию, но кое-кто, наподобие Пертинакса, происходил из более низких слоев — вливались в класс сенаторов, это не изменяло его сущности.

Каракалла, противоречивший всем и вся, не уважал сенат, хотя все-таки писал письма, побуждая его членов проявлять усердие и поощряя свободные дискуссии. Макрин ни разу не был в Риме, не посещал сенат и, вероятно, лично почти никого не знал. Элагабал шокировал сенаторов и (в душе) презирал их; что до его двоюродного брата, то даже если он пытался выказать уважение к сенаторам, это не производило должного впечатления, так как все понимали, что он не обладал реальным весом. В течение рассматриваемого периода ряд фаворитов сделал блестящую карьеру. Многие имели низкое происхождение, хотя нам следует опять-таки делать скидку на снобизм сенаторов. Диона Кассия в особенности шокировала карьера Публия Валерия Комазона, всадника, который, будучи командиром II Парфянского легиона, поддержал претензии Элагабала на власть. Он стал сенатором, затем консулом и трижды занимал престижный пост городского префекта. Рассказывали, что он был танцором — и, как едко замечает Дион, весьма средним, то есть

достаточно хорошим для Галлии, но не для Рима и его искушенной публики. (Вероятно, утверждение относительно его рода занятий не соответствовало истине, даже если его отец мог быть хозяином театральной труппы.) Еще худшим представлялся рост роли всадников, назначавшихся на ответственные посты, но не включавшихся формально в сенат. С точки зрения сенаторов, власть и влияние получали «не те люди»; относительно компетентности последних у них также существовали сомнения. В прошлом женщины из семей императоров и представители двора часто приобретали влияние, однако мудрые императоры всегда держали его в известных рамках. В общем этому принципу следовал и Септимий Север. Другие члены его фамилии (напоминая в этом Коммода) не сумели справиться с проблемой*.

В империи никогда более не удавалось поддерживать мир в течение двадцати лет, как это было с момента поражения Клодия Альбина до смерти Каракаллы. Военные мятежи и неудавшиеся попытки переворотов периодически случались в годы правления Элагабала и Александра, но ни одна из них не закончилась успехом до 235 года. С этого момента и до падения Западной Римской империи можно насчитать лишь несколько десятилетий, когда не полыхала масштабная гражданская война. Какой разительный контраст с первыми двумя столетиями принципата**! В то время гражданская война считалась невероятной. Теперь же для всех поколений римлян гражданские войны и узурпации стали нормальным явлением жизни. Природа конфликтов также коренным образом изменилась; то же можно сказать и о людях, добивавшихся высшей власти. Макрин и Максимин были всадниками, Элагабал — всего лишь мальчиком, объявленным незаконным сыном императора. Все эти люди выросли вдали от Рима и считались не вполне римлянами; по крайней мере такого мнения придерживалась аристократия.

---

* Dio Cass. LXXXX. 4. 1—2, 21. 2—3, *см. также:* Syme R. (1971). P. 142.

** Утверждение странное, если вспомнить кровопролитную гражданскую войну 68—69 гг. — *Примеч. пер.*

Невозможно даже представить себе, что пятьдесят лет назад кто-то из них мог бы стать императором. Как ранее утверждал Тацит, «разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им реально стать не только в Риме». Теперь казалось, что на высший пост может рассчитывать куда больше людей — до тех пор, пока они будут располагать войсками, готовыми сражаться за них. В целом население с самого начала принципата демонстрировало любовь к династиям. Для многих провинциалов не имело значения, кто добился высшей власти в Риме, пока этот «кто-то» отвечал на петиции, назначал относительно честных и способных наместников и не слишком повышал налоги. Предпочтение всегда отдавалось представителям одной и той же фамилии, носившим одно и то же имя. Когда Север самостоятельно принял имя Антонин, а Элагабала и Александра объявили сыновьями Каракаллы, политические преимущества фамильных связей оказались ослаблены.

Теперь императорами становились люди, не причастные к старой сенаторской элите. Значительно более многочисленное всадническое сословие по всей империи занимало все больший и больший процент ведущих должностей в армии и администрации. Изменилось и само представление о том, что значит быть римлянином. В 212 году Каракалла издал эдикт, гарантировавший гражданство практически всему свободному населению империи. Дион злобно замечает, что ему необходимо было пополнить казну, поэтому те подати, которые должны были выплачивать граждане (в частности, налог на наследство), распространили на значительное число людей. Историки додумались до того, что Каракалла, опять-таки подражая Александру Великому, стремился интегрировать в одно целое подданных, принадлежавших к разным расам. Сохранились фрагменты папируса, содержавшего, по-видимому, копию эдикта, но уцелевший текст состоит из общих мест. Император благодарил богов за то, что те сохранили его — непонятно, от последствий «заговора

Геты» или опасностей морского путешествия, — и призывал все население разделить его благодарность. В конце концов, мы не можем знать, что именно двигало импульсивным императором. В итоге повседневная жизнь большинства людей не претерпела достаточно серьезных изменений, хотя теперь они стали подчиняться другим законам. Все оставались членами своих и прежде существовавших общин, будь то город или деревня. Что неизбежно, при таком количестве новых граждан размер сборов уменьшился. Римская юридическая практика всегда имела тенденцию приберегать более тяжкие меры наказания для менее состоятельных людей, не обладавших достаточными связями. Теперь в законах систематически подчеркивалось различие между «более достойными» и «более низкими» людьми. Вместе с тем продолжали сглаживаться различия между Италией и провинциями*.

* Об эдикте Каракаллы см.: Dio Cass. LXXVIII. 9. 5; о его спасении при крушении корабля — SHA, Caracalla. 5. 8; дискуссию см. в работе: *Sherwin-White A.* The Roman Citizenship. Oxford, 1973. P. 275—287, 380—394; и Potter (2004). P. 138—139.

Глава четвертая

ЦАРЬ ЦАРЕЙ

> Я — почитающий Мазду божественный Шапур, царь царей ариан [т.е. персов] и не персов... Когда я первым установил власть над народами, цезарь Гордиан со всей Римской империи и наций готов и германцев собрал войско и выступил против Ассирии, против наций персидских и против нас. Великая битва произошла близ ассирийской границы в Мешике. Цезарь Гордиан был разгромлен, а римская армия уничтожена.
>
> *Персидский царь Шапур I,*
> *описание победы над римлянами в 244 году**

В марте 1920 года солдаты британской армии в Индии, находившиеся на берегах Евфрата в Сирии, наткнулись на по-настоящему замечательную археологическую находку. Несколько сипаев, орудовавших лопатами, чтобы установить пулемет, обнаружили храм, который в течение более чем шестнадцати веков скрывала земля. Командовавший ими офицер, некий капитан Мерфи, понял, что это римская постройка. Все четыре стены были богато украшены изображениями сцен жертвоприношений. По странной случайности на одной из фресок изображались воины — римские воины, какими они были примерно в 238 году. То были офицеры XII Пальмирской когорты, красовавшиеся на фоне своего штандарта (vexillum), красного знамени, свешивающегося с перекладины на верхушке высокого шеста. Впереди них командир, трибун Юлий Теренций — его имя четко написано на латинском рядом с ним. Он возлагает ладан на алтарь. Другой человек обозначен как «Темес, сын Мокима,

---

* Res Gestae Divi Saporis. 1—2, 6—8. Перевод на английский язык заимствован из: *Dodgeon M., Lieu S.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, AD 226—363. A Documentary History. London; New York, 1991. P. 34, 35—36. Полный текст издан и переведен в работе: *Maricq A.* Res Gestae Divi Saporis // Syria. T. 35. 1958. P. 245—260.

жрец», однако на сей раз по-гречески. Объектом почитания являются три изображения богов — или, возможно, императоров — и духи-хранители, или фортуны, двух городов, Пальмиры и Дура-Европос, где это все и было обнаружено.

О Дура-Европос мало известно из литературных источников, но все изменилось, когда начала осуществляться программа широкомасштабных раскопок в этом месте. К этому времени Сирия оказалась под контролем Франции, и группы французских и американских археологов пользовались поддержкой и защитой со стороны солдат Иностранного легиона, а также привлеченных для этого местных воинских частей. Это была подходящая экзотическая комбинация, если учитывать, что космополитизм был отличительной чертой данной приграничной общины. Дура-Европос была основана примерно в 300 году до н.э. как македонская колония, и в течение всей истории греческий, по-видимому, оставался главным языком в повседневной жизни ее обитателей. Однако надписи, граффити и папирусы показывают, что здесь постоянно имели хождение и другие языки, в том числе арамейский, пальмирский, парфянский и латинский. Парфяне владели городом в течение двух с половиною столетий, прежде чем он перешел в руки римлян в 165 году во время кампании Луция Вера. Только девяносто лет спустя Дура-Европос пала, атакованная врагом и оставленная навсегда*.

Условия в Дура-Европос таковы, что до нашего времени сохранилось то, что обычно не сохраняется, — деревянные щиты с красочным декором на них, боевые копья, мастерские и большое число документов, написанных на папирусе. Многие из них имеют отношение к XII Пальмирской когорте, благодаря чему последняя оказалась наиболее освещенным в источниках соединением римской армии. Как

* О Дура-Европос и ее открытии: *Hopkins C.* The Discovery of Dura Europos. New Haven; London, 1979; *James S.* Excavations at Dura-Europos 1928—1937: Final Report, VII, The Arms and Armour and Other Military Equipment. London, 2004. P. XXIII, 39; *Perkins A.* The Art of Dura Europos. Oxford, 1971; *Millar F.* The Roman Near East, 31 BC — AD 337. Cambridge (Mass.); London, 1993. P. 445—452, 467—471.

и всегда у бюрократов, темы очень рутинные. Здесь есть повседневные сообщения со списками лиц, годных к службе, — когорта состояла преимущественно из пехотинцев, но также и из некоторого числа всадников и даже наездников на верблюдах. В сообщениях упоминаются выбывшие, отправленные в увольнение или вернувшиеся к исполнению обязанностей. В других говорится о размещении лошадей для кавалеристов с указанием возраста каждой из них и ясным описанием масти животных.

Судя по всему, XII когорта представляла собой основную часть постоянного гарнизона. (Интересно, что парфяне в прошлом держали здесь отряд лучников, которых снабжали сами пальмирские союзники, чтобы удерживать город.) Другие воинские части, включая отряды легионеров, также часто бывали здесь. Солдаты пальмирской когорты являлись ауксилиариями, но действительное различие в статусе между этими войсками и легионами теперь уже было не так велико, как прежде. Практически все воины когорты являлись римскими гражданами. Среди их имен наиболее общее — «Марк Аврелий Антонин такой-то», показывающее, что они получили гражданство в соответствии с затронувшим все население эдиктом Каракаллы и стали носить имя этого императора. Некоторые из них происходили из Пальмиры, но многие и из других сирийских общин. В римской армии существовала тенденция при всякой возможности набирать рекрутов из местных жителей*.

Семья Юлия Теренция получила имя и гражданство от императоров более раннего времени. Как командир когорты Юлий имел всадническое достоинство. На упомянутом изображении он показан человеком высокого роста, хотя, возможно, это лишь отражение его статуса, с подстриженной бородой и волосами. Бросается в глаза разнообразие

* См.: The Excavations at Dura Europos: Final Report, V, Part 1, Papyri / Ed. A. Perkins New Haven (Conn.), 1959; *Fink R.* Roman Military Records on Papyrus. Cleveland, 1971. P. 18—86, 90—105, 125—136, etc., собрание текстов в издании: Dodgeon, Lieu (1991). P. 328—335.

причесок; почти все офицеры носят бороды. Один из них выделяется благодаря светлому цвету волос. У трибуна белый плащ, в отличие от более темных плащей оливкового оттенка, которые мы видим на остальных. Все они безоружны, хотя шлемы, панцири и щиты, конечно, применялись в боях; на них плотно облегающие штаны, обувь, скорее напоминающая закрытые туфли, чем сандалии, и белые туники с длинными рукавами. Края туник — красного цвета, у Теренция и офицеров в первом ряду — по две красные поперечные полосы на каждом рукаве. Они выглядят не совсем так, как классические римские воины, но такая униформа была обычной для того периода, и даже императоры подлаживались к этому стилю.

Офицеры, подобные Теренцию, обычно служили несколько лет на командных постах, прежде чем их переводили на следующую должность. Однако его карьера оказалась короткой. В 239 году римский форпост подвергся нападению, и Теренций был убит в бою. Потери оказались огромными, от общего состава когорты погибло тогда, по-видимому, порядка ста человек. Жена Теренция, Аврелия Аррия, сопровождала его и оставила трогательный знак памяти дорогого супруга. В тексте на греческом языке, аккуратно начертанном на стене дома (возможно, они находились там на постое), оплакивается «ее возлюбленный супруг», человек, «показавший свою смелость в кампаниях и доблесть на войне»*.

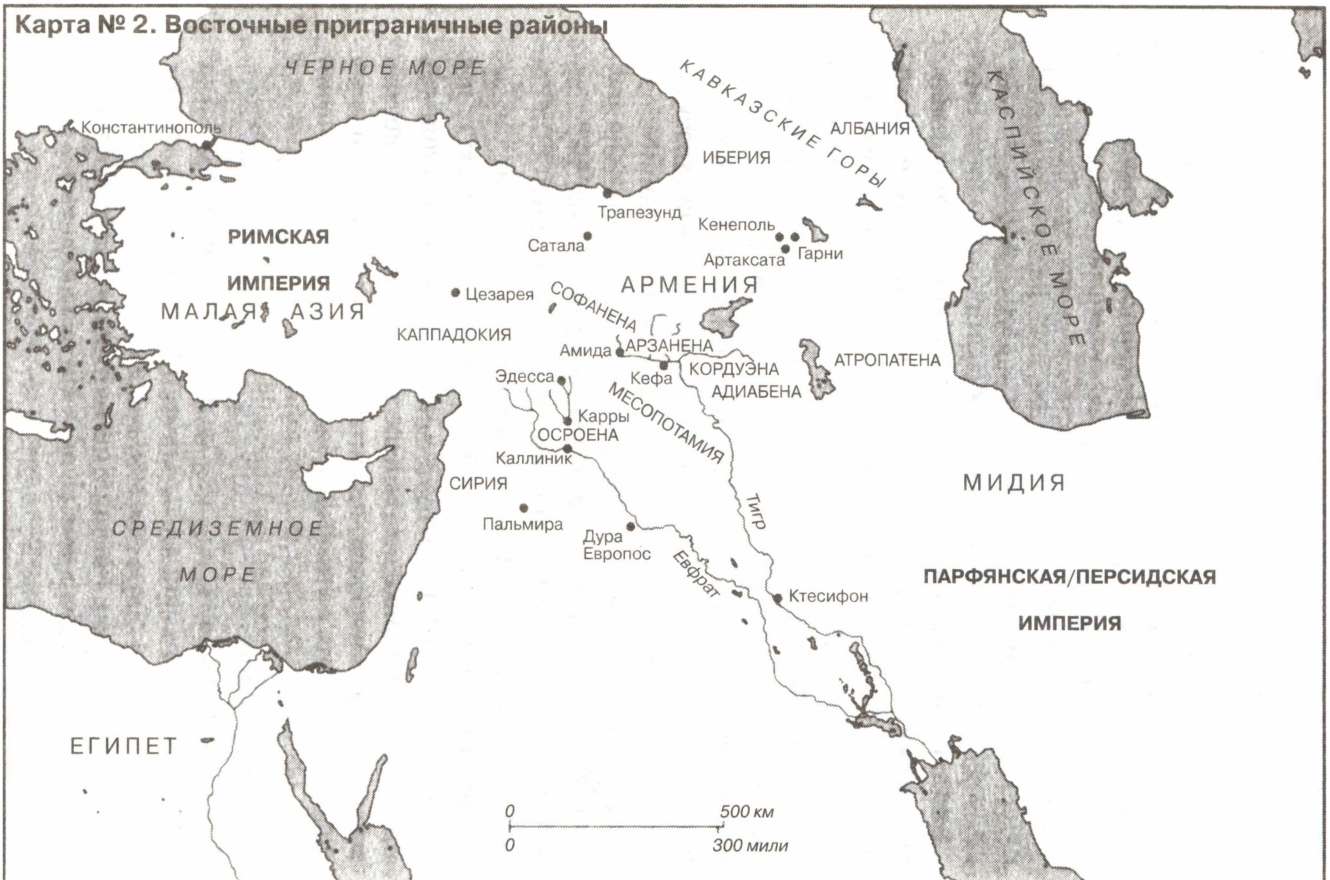
Персия: новый враг

Теренций погиб не от рук парфян — его убили солдаты новой династии Сасанидов. Парфия Аршакидов, по сути, являлась феодальным государством, где царь правил с опо-

* Эпитафия AE 1948, 124 (цитируется также в Dodgeon & Lieu (1991)) наряду с фрагментом надписи с упоминанием о нападении; фрагменты сообщений о силах, находившихся в Дура-Европос, см.: P. 328—331; в особенности см. P. 331, n. 4 относительно возможной связи между уменьшением их численности и нападением персов.

рой на знатные фамилии; они же обеспечивали его военной силой. Царь нуждался в знатных подданных, но они всегда представляли собой потенциальную угрозу, поскольку, чрезмерно усилившись, могли свергнуть его и возвести на трон соперника. Часто вспыхивали гражданские войны. Во II веке монархия также потерпела урон от серии поражений в войнах с Римом, теряя все большие и большие территории близ границ. Вполне вероятно, что убийство Каракаллы в 217 году предотвратило новые завоевания со стороны Рима. Хотя парфянский царь Артабан V заставил Макрина заплатить немалую сумму денег по условиям мира, ему не удалось дополнительно использовать преимущества, которые давала ему слабость Рима, так как возникли другие проблемы. Один из его братьев претендовал на трон; одновременно набирал силу мятеж, организованный знатью. К 224 году Артабан V потерпел поражение (пропаганда победителя утверждала, что он, победитель, убил его в рукопашной схватке). С его смертью пришел конец и Парфянской империи.

Победителем был Ардашир I, сын Папака и, вероятно, внук Сасана, хотя позднее имели хождение романтические истории о том, как этот род получил свое имя. Он был скорее перс, нежели парфянин, однако было бы ошибкой рассматривать его мятеж как кампанию, предпринятую националистами, дабы свергнуть «иностранцев», парфянских правителей. Ардашир был не более чем одним из местных аристократов — правда, вероятно, особо одаренным и честолюбивым. Ему потребовалось примерно десять лет, чтобы одолеть местных противников и стать полновластным царем своей родной провинции Персиды (современный Фарс). То, что ему удалось возвыситься подобным путем, свидетельствует о слабости центрального правительства, которой он и продолжал пользоваться, расширяя свою власть на соседние провинции. Римские источники считают его наследником Ахеменидов, древней персидской династии, разгромленной Александром Великим. По-гречески его имя звучало как «Артаксеркс». Однако в его внутренней пропаганде

Карта № 2. Восточные приграничные районы
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Константинополь
АЛБАНИЯ
ИБЕРИЯ
Трапезунд
Кенеполь
Гарни
Сатала
Артаксата
РИМСКАЯ
ИМПЕРИЯ
МАЛАЯ АЗИЯ
Цезарея
СОФАНЕНА
АРМЕНИЯ
КАППАДОКИЯ
Амида
АРЗАНЕНА
КОРДУЭНА
АТРОПАТЕНА
Эдесса
Кефа
АДИАБЕНА
МЕСОПОТАМИЯ
Карры
ОСРОЕНА
Каллиник
СИРИЯ
МИДИЯ
Тигр
СРЕДИЗЕМНОЕ
МОРЕ
Пальмира
Дура
Европос
Евфрат
Ктесифон
ПАРФЯНСКАЯ/ПЕРСИДСКАЯ
ИМПЕРИЯ
ЕГИПЕТ
0
500 км
0
300 мили

нет и следа этой связи; кроме того, насколько мы знаем, мало кто из персов имел глубокие сведения об этой эпохе прошлого своей страны.

Ардашир одержал победу, поскольку хорошо умел воевать и был энергичным лидером. Он исповедовал традиционную для Персии религию — зороастризм; на монументальном рельефе, воздвигнутом его сыном, бог Ахура-Мазда коронует победоносного Ардашира. Само по себе это представляло собой разрыв с традицией, поскольку в прошлом считалось неподобающим изображать бога в виде человека. На монументе земной царь повергает побежденного Артабана под копыта своего коня, тогда как его небесный двойник аналогичным образом сокрушает злого бога Ахримана. С самого начала своего существования новая династия заявляла о том, что ей покровительствуют боги, и поощряла строительство храмов, где поклонялись огню (огнепоклонничество составляло важнейшую часть зороастризма), но было бы ошибкой уподоблять их крестоносцам. Парфяне никогда не проявляли враждебности по отношению к зороастризму, и лишь впоследствии он развился в государственную религию, подавлявшую прочие верования. Ардашир был набожен, но проявлял терпимость по отношению к другим верам и идеям*.

Во многих отношениях новый режим весьма напоминал старый. Он по-прежнему носил феодальный характер, хотя власть царя и придворной администрации значительно уси-

* Об усилении Ардашира и Сасанидского государства см. в целом: The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). Cambridge, 1983, особ. см. P. 116—180; работу Р. Фрая: *Frye R.* The Sassanians // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge (2005). P. 461—480; *Herzfeld E.* Archaeological History of Iran. London, 1934; *Wiesehofer J.* Ancient Persia: From 550 BC to 650 AD. London, 1996; *Dignas B., Winter E.* Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rivals. Cambridge, 2007. P. 18—32, а также источники в Dodgeon, Lieu (1991). P. 9—33. В издании Р. Гиршмана (*Ghirshman R.* Arts of Mankind: Iran: Parthians and Sassanians. London, 1962) имеются хорошие фотографии монументов, воздвигнутых в честь побед Ардашира и Шапура I.

лилась. Причиной этому стал сильный характер Ардашира. Важно, что со временем знать и правившие областями царьки почти все оказались заменены представителями рода Сасанидов. Эти люди и их приближенные продолжали обеспечивать всем необходимым большую часть войск, из которых состояла армия, и царь не мог вести без них крупные кампании. Ардашира боялись и уважали. Вместе с тем этот узурпатор лишь недавно проложил себе дорогу к власти; немногие предположили бы, что его династии суждено просуществовать до VII века. Если бы он казался слаб, то возникла бы реальная опасность его смещения другим представителем знати. Ардашир должен был продолжать одерживать победы, чтобы показать силу, а также для того, чтобы награждать награбленным добром последователей. Вскоре он обратил взор на границу с Римом.

Усиление Сасанидов коренным образом изменило соотношение сил в приграничных территориях. Часть представителей рода Аршакидов удерживала власть в Армении; когда возникла угроза вторжения, они попытались заключить более тесный союз с Римом. Хатра, город в пустыне, который не удалось взять ни Траяну, ни Северу, отразил нападение персов в 229 г. и в какой-то момент принял римский гарнизон. Годом позже Ардашир атаковал римскую провинцию Месопотамия. Цель была чрезвычайно заманчива. Двадцатилетний представитель Северов, Александр, казался слабым; кроме того, он был «под башмаком» у матери. Хуже того, римские войска в этой провинции, как и в соседних, вовсе не находились в состоянии полной боевой готовности. За последние двадцать лет они неоднократно участвовали в гражданских войнах и боевых действиях в случаях нескольких узурпаций, окончившихся неудачей. Это, как и следовало ожидать, привело к ослаблению дисциплины и вместе с тем к ухудшению боевых качеств. Дион пишет, что солдаты в Сирии недавно убили наместника в ходе мятежа. Не встречая сопротивления, персы ворвались в Месопота-

мию и прошли по всей территории провинции (а возможно, побывали и за ее пределами)*.

Поначалу Александр пытался вступить в переговоры, к чему его побудили хвастливые заявления персидских послов о восстановлении Персидской империи в прежних границах, проходивших по берегу Средиземного моря. Ардашир не первым выдвигал подобные заявления — еще в 35 году об этом говорил парфянский царь во время беседы с императором Тиберием. И тогда и теперь то были лишь пустые угрозы, за которыми скрывались куда более скромные цели. Когда переговоры потерпели неудачу, Александр собрал значительные экспедиционные силы со всей империи и двинулся на восток. Поддержание боевого духа по-прежнему представляло сложности; с начала кампании произошел минимум один мятеж. Подробности дальнейших событий остаются неясны; быть может, персы уже успели отступить из римской провинции. Если же они продолжали оставаться там, то их немедленно изгнали. Римляне одержали несколько побед, но Александр преждевременно отступил, и персы нанесли сильнейший удар по другой римской колонии**.

В результате сложилась патовая ситуация; в течение нескольких лет ни та, ни другая сторона не предпринимала против врага крупномасштабных операций. Александр отправился в Рим отпраздновать триумф, а затем двинулся к Рейнской границе. Когда римские войска отступили, персидская

---

* Dio Cass. LXXX. 3. 1—4. 2, Herodian. VI. 2. 1—2; о присутствии в Хатре римских войск см.: AE. 1958. P. 239—240 (переведено в работе: Dodgeon, Lieu (1991). P. 33). Э. Уилер показывает, что замечание о слабости войска, входившего в восточные армии, представляло собой литературное клише (*Wheeler E.* The Laxity of the Syrian Legions // The Roman Army in the East. Ed. D. Kennedy. Ann Arbor (1996). P. 229—276). Однако это не означает, что в некоторые периоды и при некоторых обстоятельствах легионы, дислоцированные на востоке, на самом деле не могли проявлять низкие боевые качества.

** Herodian. VI. 2. 3—7, 3. 1—6. 3; SHA. Alex. Sev. 55. 1—3; о мятеже в армии см.: 6. 4; вопрос об амбициях персов см.: *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford (1992). P. 20—33, 50—53.

армия разбежалась; феодалы возвратились домой, и Ардашир остался лишь в обществе своих ближайших подвижников и профессиональных наемников. Все же царь, вероятно, был доволен, так как набеги дали немало добычи для награждения близких к нему представителей знати и их свиты. Он также стяжал славу в результате того, что одержал победы и не понес ни одного серьезного поражения. Укрепив свою власть и положение владыки, на тот момент он был удовлетворен.

Смерть императора

В 236 году Ардашир предпринял новое нападение на Месопотамию и захватил города Карру, Нисибис и Эдессу. Опять-таки он предпринял этот набег ради славы и добычи. Новый император Максимин был слишком занят ведением войн на западе, чтобы принять ответные меры. Он уже успел столкнуться и с усилением внутренней оппозиции. В условиях нехватки средств его представители получили приказ собирать налоги с особенной строгостью, что дополнительно уменьшило его популярность. В марте 238 года императорский прокуратор в Африке был убит без суда арендаторами нескольких землевладельцев, из которых он пытался «выжать» деньги. Последние быстро провозгласили императором проконсула провинции. Его звали Гордиан (полное его имя звучало как Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман); он был сенатором из хорошей фамилии, однако не отличался выдающимися способностями. Кроме того, он был очень стар — Геродиан сообщает, что ему было восемьдесят лет. Однако с ним в провинции находился его сын, который быстро сделался соправителем; свой двор они учредили в Карфагене. Когда новости достигли Рима, сенат возликовал и немедленно изъявил свою верность им, объявив Максимина врагом государства*.

* Herodian. VII. 5. 2 сообщает, что Гордиану было восемьдесят лет; обсуждение проблемы во всех деталях см.: *Syme R.* Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971. P. 163—178.

Однако сенаторы поторопились. Африка не являлась «военной» провинцией и не располагала значительным гарнизоном. В соседней Нумидии находился целый легион — III Августов — а также ауксилиарии. Наместник Нумидии также был сенатором, но он «имел зуб» на Гордиана и предпочел сохранить верность Максимину. Легион двинулся на Карфаген. Гордиан-младший выдвинул против него армию добровольцев, но крестьяне могли противопоставить должным образом вооруженным и обученным солдатам лишь энтузиазм. Армия потерпела поражение, ее командующий погиб. Его отец повесился, услышав новости*.

Восстание было подавлено в течение нескольких недель, но сенату было уже поздно менять свое решение. Возникла необходимость найти нового императора. Коллегия из двадцати консуляров получила задание избрать из числа сенаторов человека, подходящего для этого поста. Они выдвинули двоих из своих же товарищей, Бальбина и Пупиена (обоим было минимум за пятьдесят). В день их восшествия на престол начались волнения, и им пришлось взять еще одного коллегу, внука Гордиана — сына его дочери, а не недавно погибшего сына. Гордиану III исполнилось всего тринадцать лет, и беспорядки скорее всего были организованы самими сенаторами и ведущими представителями из всаднического сословия, находившимися на важных постах, которые надеялись получить власть, имея на престоле марионетку**.

К этому времени Максимин двинулся на Италию, однако столкнулся с трудностями при осаде Аквилеи. Именно здесь уставшие офицеры расправились с ним. Затем армия объявила о своей верности трем императорам, назначенным сенатом. Очень может быть, что именно их изображают три фигуры, принимающие дары Теренция и его людей на фресках в Дура-Европос. Однако с самого начала Бальбин и Пупиен не пользовались популярностью у преторианцев; через

---

* Наиболее полный рассказ о событиях см.: Herodian. VII. 4. 1—6. 9, 9. 1—10. 1; SHA, Три Гордиана: VII. 2—10. 8, 15. 1—16. 4.

** Herodian. VII. 10. 1—9.

пару месяцев гвардейцы убили обоих. И вновь у кормила власти империи оказался мальчик немногим старше десяти лет — или, скорее, люди, способные управлять им. Ведущую роль среди них играл префект претория Гай Тимесифей, выдавший за юного императора свою дочь. Хотя он, по-видимому, обладал некоторой компетентностью в вопросах правления, но в такой ситуации эффективное руководство государственной машиной было невозможно. Существовали также проблемы более общего характера (не последняя из них — все тот же недостаток средств, вынудивший Максимина прибегнуть к отчаянным мерам*.

Римская империя была разорена гражданскими войнами; ею вновь правил мальчишка. Соседи сочли ее слабой и уязвимой. Персы вновь напали и взяли Хатру в 240 году. К этому времени Ардашир скончался; ему наследовал его сын Шапур I, деливший власть с отцом в течение нескольких предшествовавших лет и уже показавший себя грозным воителем. Несмотря на это, к 243 году римляне отвоевали Карры, Нисибис и Эдессу. Затем армия двинулась на Ктесифон, бывший столицей парфян и по-прежнему остававшийся главной резиденцией правительства при новом режиме. Еще до ее прибытия Тимесифей скончался в силу естественных причин. В начале 244 года Шапур принял участие в сражении с римлянами неподалеку от города и провозгласил себя победителем. Римские источники отрицают поражение, но Гордиан, очевидно, не одержал победы, и вскоре армия начала отступать**.

Шапур одержал победу по меньшей мере в стратегическом плане; ему на руку также сыграла смерть девятнадцатилетнего Гордиана. Как он умер, остается неизвестным. Пер-

* Herodian. VIII. 6. 1—8. 8; см. также: *Potter D.* The Roman Empire at Bay, ad 180—395. London (2004). P. 169—171 и работу Дж. Дринкоутера: *Drinkwater J.* Maximinus to Diocletian and the «crisis» // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge (2005). P. 31—33.

** Источники см. в: Dodgeon, Lieu (1991). P. 34—45; см. также краткое изложение событий и их обсуждение в: Potter (2004). P. 217—236; Drinkwater (2005). P. 35—36.

сы заявили, что он пал от их рук; в некоторых римских источниках говорилось, что он получил рану, оказавшуюся смертельной. Согласно более спорной традиции, он был убит в результате заговора, во главе которого стояли два префекта претория. Несомненен факт, что армия потерпела поражение под руководством юного императора. Два новых префекта претория были близки к Тимесифею; кроме того, они были братьями (такое случилось в первый раз). Младшего из них, Филиппа (полное имя его было Марк Юлий Филипп), армия провозгласила императором. Его старший брат, возможно, был просто-напросто менее влиятельным лицом, но, вероятно, важнейшую роль сыграл тот факт, что Филипп имел сына, который должным порядком был сделан его соправителем. Итак, императором вновь стал всадник, причем, подобно Макрину, Филипп возвысился благодаря тому, что находился при императорском дворе. К тому времени ему было, вероятно, за сорок; он происходил из непримечательного городка в Южной Сирии, который впоследствии, не жалея расходов, перестроил и превратил в крупный город Филиппополис. Позднейшие историки дали ему прозвище Филиппа Араба, однако нет оснований полагать, что он не был римлянином, как говорится, по всем статьям.

Новые императоры всегда подвергались опасности быть свергнутыми другими претендентами, и Филипп хотел как можно скорее возвратиться в сердце империи. Он заключил мир с Шапуром, передав ему полмиллиона золотых монет и согласившись считать Армению персидской сферой влияния. Он не уступил персам никаких римских территорий, но персидский царь удержал за собой Хатру и добился некоторого влияния на приграничных землях. На монументе, возведенном в честь победы, он изображен верхом на коне, попирающем тело Гордиана, в то время как Филипп молит о пощаде. Этот успех значительно усилил его власть в собственной стране*.

* См.: Potter (2004). P. 236—241, Drinkwater (2005). P. 36—38; новейшей биографией Филиппа на английском языке является книга: *Zahran Y.* Philip the Arab: A Study in Prejudice. London, 2001. В грече-

Филипп возвратился в Европу. Позже он направил своего старшего брата назад в восточные провинции, даровав ему титул «правитель Востока» (rector Orientis), предвидя, что, несмотря на мир, отношения с Персией сложатся нелегкие. В 245—246 годах сам Филипп провел кампании на Дунае, проходившие в условиях масштабного вторжения племен, обитавших по ту сторону границы. Годом позже мы видим его в Риме, где он отпраздновал с величайшей пышностью тысячелетие основания города. Большинство наших источников враждебно настроены по отношению к нему, но, насколько мы можем судить, он делал все от него зависящее, чтобы править хорошо. В то время, однако, подобное встречалось довольно редко. Как и все императоры того периода, он отчаянно нуждался в деньгах, тем более что был склонен тратить помногу. Тяжелое налоговое бремя спровоцировало восстание в Сирии в 248 году; в конце того же года армия в Мезии на Дунае провозгласила другого императора. Узурпатор продержался недолго, поскольку его же собственные люди выступили против него и расправились с ним*.

Вскоре на дунайской границе вспыхнули новые волнения, вероятно, спровоцированные сокращением или отменой дани, выплачивавшейся племенам с целью сохранения мира. Филипп послал туда опытного сенатора Деция (полное его имя звучало как Гай Мессий Квинт Деций), дабы тот восстановил порядок. В 249 году дислоцированная в тех краях армия провозгласила Деция императором, и он немедленно двинул войска назад в Италию. Филипп потерпел поражение и погиб в бою близ Вероны; сразу же после этого его сын был убит. Деций вскоре вернулся на Дунай, где ему пришлось воевать с отрядами варваров, пересекавшими границу. С самого начала он понимал всю шаткость своего по-

ском тексте надписи Шапура упоминаются денарии — серебряные монеты, однако, согласно общему мнению, плата была внесена золотом. См.: Potter (2004). P. 237 (p. 634, n. 94).

* О деятельности Филиппа на Востоке и о назначении им его брата Приска «правителем Востока» см.: Dodgeon, Lieu (1991). P. 45—48.

ложения на троне. Вероятно, по этой причине одной из первых мер, принятых им, стал приказ всему населению империи принести жертвы, так сказать, в его пользу. Ритуал следовало совершить в конкретный день; за происходящим должны были следить местные чиновники. Вероятно, он не предполагал, что этот декрет вызовет кризис среди одной из групп населения империи — христиан*.

Внутренний враг?

Первой находкой в Дура-Европос стал храм; во время последовавших раскопок обнаружились и другие культовые учреждения. Как и в других общинах в империи, где жители исповедовали множество верований, здесь, по-видимому, благополучно сосуществовало немало различных культов. Декрет Деция содержал весьма неопределенное требование принести жертвы «божествам предков», дозволяя людям обратить свои молитвы к любым высшим силам — иными словами, каким тем будет угодно. По сравнению с обнаружением в Дура-Европос храмов более впечатляющим событием стало открытие там синагоги, датируемой III веком. Стены ее покрывали росписи на сюжеты из священных книг, включая Исход и прибытие в Ханаан. Само по себе это в высшей степени необычно, поскольку в тот период иудеи обычно не изображали людей. По стилю эти фрески очень напоминают изображение Теренция и его товарищей; в них виден отпечаток местных вкусов**.

---

* О Деции см.: Syme (1971). P. 194—203, Drinkwater (2005). P. 38—39, Potter (2004). P. 241—246; *Rives J.* The Decree of Decius and the Religion of Empire // JRS. Vol. 89. 1999. P. 135—154, где также проводится обсуждение эдикта о жертвоприношениях.

** О синагоге см.: Perkins (1971). P. 55—65; The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Sixth Season of Work, October 1932 — March 1933 / Ed. M. Rostovtzeff, A. Bellinger, C. Hopkins, C. Welles. 1936. P. 309—396; The Excavations at Dura-Europos: Final Report, VIII, Part 1: The Synagogue / A. Bellinger, F. Brown, A. Perkins, C. Welles. New Haven, 1956; The Dura Europos Synagogue: A Re-Evaluation (1932—1972) / Ed. J. Gutman. Missoula, 1973.

Примерно в то же время, когда в Дура-Европос была возведена синагога, местные христиане превратили несколько комнат в частном доме в баптистерий. Опять-таки его стены были расписаны в том же местном стиле — на этот раз сценами с участием Адама и Евы, Христа в облике Доброго Пастыря и Петра, идущего по воде. В отличие от изображений, принадлежащих к более поздней традиции, Христос показан безбородым. Еще одна плохо сохранившаяся сцена, вероятно, содержала фигуры женщин, идущих к пустой гробнице после Воскресения. Во многих отношениях это открытие было более удивительным, чем обнаружение синагоги, поскольку следы существования христианства почти отсутствуют в археологических находках, относящихся к периоду до IV века. Христиане не создавали монументов и не строили специальных зданий, предназначенных под храмы, поскольку группы верующих предпочитали встречаться в частных домах или где-то снаружи. Если бы не фрески, археологам оставалось бы только гадать, действительно ли данная комната служила баптистерием*.

Христиане не устраивали жертвоприношений, чем весьма отличались от основной части населения империи. Они также отрицали существование каких бы то ни было богов, кроме своего (что, на взгляд их современников, весьма напоминало атеизм). Иудеи придерживались сходной точки зрения; многие из тех, кто придерживался иных верований, считали их «ненормальными», но они по крайней мере представляли собой отдельный народ с традиционной религией. Долгое время в христианах видели одну из иудаистских сект, и широкие круги населения начали воспринимать их культ как нечто отличное от иудаизма, вероятно, не ранее конца I века. Христианство было новым явлением; среди христиан

* См. о баптистерии: Perkins (1971). P. 52—55 и The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Fifth Season of Work, October 1931 — March 1932 / Ed. M. Rostovtzeff. New Haven (1934). P. 259—289; а также: *Bradford Welles C.* The Excavations at Dura-Europos: Final Report, VIII, Part 2: The Christian Building. New Haven, 1967.

можно было найти представителей любой национальности, любого слоя общества. Это заставляло многих относиться к христианству особенно подозрительно, так как трудно было с уверенностью сказать, сколько приверженцев у этой веры. Критики христианства утверждали, что его принимали в основном незащищенные, бедные и необразованные люди, среди которых было много женщин и рабов — образованные люди считали их персонами по натуре нелогичными. Также ходили слухи об ужасных тайных ритуалах. Обряд причастия, во время которого говорится о вкушении плоти и крови, давал пищу для разговоров о каннибализме*.

Иисуса распяли приблизительно в 30 году, при императоре Тиберии. Хотя прежде всего его обвиняли в противостоянии власти Рима — он будто бы называл себя «Царь Иудейский», — римские чиновники не предпринимали попыток подавить движение его последователей. Однако в 64 году после пожара в самом центре Рима общественное мнение обратилось против Нерона, обвинив его в том, что он извлек выгоду из этого бедствия и, возможно, стал его главным виновником. В ответ император обвинил в поджоге христиан, надеясь, что эта непопулярная группа подойдет на роль «козлов отпущения». Многих арестовали и казнили; к некоторым применили такую меру наказания, как сожжение заживо. Предание гласит, что Петр и Павел погибли во время этих «чисток»: первого распяли, а второму отсекли голову, поскольку он был римским гражданином**.

Гонения Нерона на христиан происходили прежде всего в Риме, но непонятно, сколько они продолжались даже

---

* Литература по раннему христианству необозрима. Для начала порекомендуем: *Meeks W.* The First Urban Christians. The Social World of the Apostle Paul. New Haven; London, 1983; *Wilken R.* The Christians as the Romans Saw Them. New Haven; London, 1984; *Whittaker M.* Jews and Christians, Greco-Roman Views. Cambridge; New York, 1984; *Dodds E.* Pagan and Christian in an Age of Anxiety. Cambridge, 1965; *Lane Fox R.* Pagans and Christians. Harmondsworth, 1986, особ. P. 419—492.

** Tac. Ann. XV. 44.

в этом городе. Согласно выдвинутому принципу, принадлежность к числу христиан рассматривалась как преступление против государства, однако впоследствии власти не слишком активно преследовали церковь. В начале II века Плиний Младший занимал пост наместника Вифинии и Понта; он ездил из города в город по вверенной ему провинции, разбирал прошения и вершил суд. Однажды к нему привели арестованных, которых местные власти обвиняли в исповедании христианской веры. Проведя расследование, Плиний заключил, что дикие истории о преступлениях и девиантном поведении не имели под собой реальной почвы; наличествовали лишь «чрезмерные суеверия». Тех, кто отрицал свое исповедание христианства — даже если предполагалось, что они были христианами прежде, — были освобождены. От них потребовалось лишь совершить жертвоприношение и похулить имя Христово. Плиний дал подозреваемым три шанса избегнуть наказания таким образом. Тех, кто отказался, он казнил, полагая, что они вполне заслужили это в силу своей «непреклонной закоснелости и упрямства»*.

Император Траян одобрил действия Плиния, сочтя всю процедуру корректной. Преступление заключалось всего лишь в том, что на вопрос со стороны властей, христианин ли ты, человек отвечал «да». В прошлом (да и в будущем) верования не интересовали имперскую администрацию — в особенности если верующие хранили их в тайне. В конце II века христианский автор Тертуллиан, бывший также и юристом, отмечал, что ни одно преступление не преследуется столь нелогичным образом. Он также подчеркивал, что христиане были образцовыми гражданами, и прослеживал это на примерах представителей едва ли не всех социальных слоев. Отказ приносить жертвы свидетельствовал лишь об их честности, поскольку они не могли заставить себя выполнять ложный, по их понятиям, ритуал. Но они были вер-

* Plin. Epist. X. 96—97; см. также: *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary. Oxford, 1966. P. 691—712.

ными подданными империи, подчинялись всем прочим законам, платили налоги и молились за императора и за процветание государства*.

После Нерона гонения на христиан происходили редко и носили местный характер. Обычно они случались в неспокойные времена или в связи с различными бедствиями, когда толпа хотела выместить на ком-то свою злобу. Тертуллиан утверждал, что почти каждое несчастье вызывало крик: «Христиан — льву!» (Christianos ad leonem!) — слово «лев» употреблялось в единственном числе, совсем как «гунн» в годы Первой мировой войны. Совет Траяна Плинию был в высшей степени показателен, поскольку он подчеркивал, что наместник должен не выслеживать христиан, но лишь рассматривать дела тех, кого арестовали местные власти. Христианство не интересовало императоров, но они заботились о благополучии отдельных общин. При Марке Аврелии развернулись крупномасштабные гонения на христиан в Лугдуне (современный Лион), в Галлии; это произошло примерно в 177 году. Вполне вероятно, что таким образом нашла себе выход всеобщая нервозность, связанная с продолжавшимися вспышками чумы. Другой вывод, более очевидный, состоит в нехватке подходящих преступников, которых можно было бы использовать в качестве жертв на арене**.

Свидетельств о постоянных преследованиях в адрес приверженцев христианства немного. Юрист, вызвавшийся защищать арестованных, в ходе процесса был сам обвинен в том, что он христианин. Он признался в этом, присоединился к своим подзащитным и умер на арене. Позднее, когда известный врач подпал под подозрение, будто он вооду-

---

* Общую картину см. в: *Frend W.* Martyrdom and persecution in the Early Church. Oxford, 1965; *Barnes T.* Legislation Against the Early Christians // JRS. Vol. 58. 1968. P. 32—50; Tertull. Apol. 1. 4—2. 20, 8. 1—20, 10. 1—11, 30. 1—32. 337. 4—8.

** О кличе «Christianos ad leonem!» см.: Tertull. Apol. 40. 1—2; о гонениях в Лугдуне см.: Euseb. Eccles. hist. V. 1—63, а также: *Musurillo H.* Acts of the Christian Martyrs. Oxford, 1972. P. 62—85.

шевляет христиан перед смертью, его также арестовали и отправили на казнь. Иногда арест и казнь оказывались вызваны сугубо личными причинами. В еще одной подобной истории рассказывается о женщине, которая обратилась в христианскую веру и впоследствии развелась с мужем. Он, в свою очередь, выдвинул обвинение в суде против нее и проповедника, побудившего ее принять христианство. О многих было известно, что они христиане, но этот факт не становился предметом рассмотрения суда до возникновения очередного спора*.

В христианских историях о мучениках часто подчеркивается, какие усилия предпринимали окружающие для убеждения подозреваемых отречься от своей веры и получить свободу. Мы видим, что наместники тратили на это немало времени, используя в качестве средств убеждения как угрозы, так и доводы рассудка. Еще в одном случае мы читаем, как отец упрашивал свою дочь-христианку: «Пожалей мои седины... сжалься надо мной, своим отцом... подумай о ребенке, который не сможет жить, если ты умрешь. Оставь свою гордость!» Она отказалась и погибла на арене. Не все были столь непоколебимы. В другой истории говорится о человеке, который «отрекся сам и побудил еще нескольких к добровольному отречению. Наместник долго убеждал его и заставил поклясться именами богов и совершить жертвоприношения». Церковь почитала мучеников, но относительно тех, кто добровольно шел на казнь, существовали постоянные подозрения. Некоторые члены местных церковных общин, по-видимому, пережили наказание; согласно описаниям, они были в состоянии прийти к тем, кто ожидал суда и казни, и поддержать их. Складывается впечатление, что, как правило, власти преследовали цель арестовать нескольких ярких представителей христианства и тем устрашить остальных. Наместников и даже местных магист-

* Musurillo (1972), «The Martyrs of Lyons», 1—10, 49—53, «The Martyrdom of Saints Ptolemaeus and Lucius», 1—10, «The Martyrdom of Saint Marinus», 1—2.

ратов, по-видимому, куда больше заботили публичные зрелища, нежели верования, считавшиеся личным делом каждого.

Иногда рассказы о мучениках включают в себя ситуации, окрашенные мрачным юмором; примером может послужить следующий обмен репликами между наместником в Испании и представителем тамошней христианской общины:

Наместник: Ты епископ (episcopus es)?
Епископ: Да (sum).
Наместник: Ты был им (fuisti).*

Затем епископа сожгли заживо. Публичные казни (вне зависимости от того, какое преступление каралось таким образом) совершались с особой жестокостью, поскольку, согласно мнению властей, должны были послужить средством устрашения. Они также часто включались в число увеселений для публики во время празднеств. Не всех христиан подвергали смертной казни. Мужчин могли отправить на работу в принадлежавшие государству копи (условия труда в них были ужасны), женщин иногда посылали в бордели. В других случаях применялись штрафы или тюремное заключение — опять-таки в надежде вынудить осужденного отречься. Когда выносился смертный приговор, то часто он приводился в исполнение крайне жестокими методами даже по римским меркам. Во время казни толпа обычно испытывала откровенное удовольствие, и лишь изредка можно встретить признаки проявлений сочувствия с ее стороны. Так, примерно в 203 году двух молодых женщин казнили, отдав на растерзание разъяренной телке.

«Их раздели донага, обмотали сетью и в таком виде бросили на арену. Даже толпа пришла в ужас, когда увидела, что одна была совсем еще юной девушкой, а

* Musurillo (1972), «The Martyrdom of Saints Perpetua and Felicitas», 5. 2—4, «The Martyrdom of Polycarp», 4.

другая — женщиной, у которой капало молоко с грудей после деторождения. И тогда их вернули и одели в туники без поясов».

Судя по всему, толпа была счастлива видеть, как одетые женщины были затоптаны насмерть*.

Казни носили зрелищный характер; для тех, кто подвергался им, то была страшная участь, однако нужно также отметить, что до середины III века они происходили редко. В течение почти всего существования римского мира большинство его населения вполне допускало, что окружающие сами могут решать, какую религию им исповедовать. Многие из нехристиан все же почитали Иисуса как святого человека. Юлия Мамея призвала в Антиохию знаменитого христианского мыслителя Оригена, чтобы иметь возможность ознакомиться с его идеями при личной встрече. Ее сын, Александр Север, говорят, даже держал у себя в комнатах среди изображений богов и великих людей, которым он поклонялся, статую Иисуса. Мы легко забываем о том, что политеистический тип мышления позволял свободно включать в поле зрения новые божества, даже при том, что сами христиане настаивали, что поклонение Христу должно означать отрицание других богов. О Филиппе сообщают, что он симпатизировал христианам; в одном из поздних источников даже говорится, что он и сам верил в Христа**.

Преследования в адрес верующих носили локальный характер и, похоже, не замедлили распространение христианства. Как всегда в тех случаях, когда дело доходит до ста-

* Musurillo (1972), «The Martyrdom of Bishop Fructuosus and His Deacons, Augurius and Eulogius», 2. 8—9. На латинском диалог звучит даже еще более лаконично: *Aemilianus praeses Fructuosum dixit: Episcopus es? Fructuosus dixit: Sum. Aemilianus dixit: Fuisti, et iussit eos vivos ardere;* о двух женщинах из Африки: Musurillo (1972), «The Martyrdom of Saints Perpetua and Felicitas», 20. 1—4.

** Origen.; см. Euseb. Eccles. Hist. VI. 21. 3—4; 36. 3 о том, как он писал письма императору Филиппу; о Филиппе как о христианине см.: VI. 34. 1; об Александре Севере см.: SHA, Alex. 29. 2.

тистики, мы не имеем достоверных сведений о том, сколько человек исповедовало христианство в тот или иной конкретный период. Представляется, что это была в первую очередь городская религия, однако при этом мы должны учитывать, что лучше представляем себе жизнь города, а не деревни, так что это предположение может быть ошибкой. С самого начала существования христианства его адепты создавали огромное количество письменных текстов, из чего следует, что многие верующие были грамотны, а некоторые — хорошо образованны. Вероятно, среди них насчитывалось немало преуспевающих представителей «среднего класса», игравших важную роль в жизни местных общин. Среди сенаторского сословия христиане скорее всего были редкостью, но у нас нет четких доказательств.

Христианство оставалось вне закона, однако юридические санкции применялись к верующим очень редко; по большей части христиане жили нормальной жизнью и даже имели возможность исповедовать свою религию открыто (хотя бы в некоторых случаях). Эдикт Деция помешал им в этом; христиане отреагировали по-разному. Некоторые подкупили местных чиновников и приобрели свидетельство, не совершив жертвоприношения. Другие уступили и совершили жертвоприношение (иногда один из членов семьи делал это, чтобы защитить остальных). Некоторые могли отказаться от своей веры, учитывая императорский приказ. Куда больше христиан осталось верно своей религии, но то, как с ними поступили, зависело от решения местных магистратов и наместников провинций. Часть была казнена, еще больше — арестовано и наказано иными способами, однако информация в источниках слишком скудна, чтобы мы могли судить о числе пострадавших. Выдающийся теолог времен Александра Ориген, двумя десятилетиями ранее приглашенный Юлией Мамеей, стал одной из жертв случившегося: он умер в тюрьме. Эдикт Деция изменил представления о влиянии государства на верования граждан, а также сделал первоочередным вопросом официальное отношение к хрис-

тианам. Принятые им меры выдают человека, недавно взошедшего на трон и охваченного тревогой: его беспокоила возможность вторжений и появления узурпаторов, а также продолжавшиеся вспышки чумы и их последствия*.

Поражение и унижение

Правление Деция длилось меньше трех лет. Вероятно, он уже предпринял шаги по смягчению своего декрета о жертвоприношениях, когда в 251 году его убили варвары во время стычки на дунайской границе. В качестве его преемника армия выбрала Галла, сенатора, наместника Мезии. Нам известна по крайней мере одна попытка узурпации в Сирии, прежде чем в 253 году поднял восстание человек, которого Галл назначил вместо себя в Мезии. Когда враждующие армии встретились, они не стали сражаться, но после переговоров просто убили Галла и его сына. Победителя, Эмилиана, всего через несколько месяцев постигла та же судьба. Валериан (полное имя — Публий Лициний Валериан) также был видным сенатором и сразу же назначил своего сына соправителем-августом. Отец вскоре отправился на восточную границу, где нарастал кризис, оставив сына, Галлиена, решать проблемы на Западе**.

Шапур воспользовался преимуществами, которые давало ему ослабление римлян, чтобы вторгнуться в Армению. В какой-то момент он, по-видимому, организовал убийство армянского царя, а в 251 году начал полномасштабное вторжение и вытеснил оттуда его преемника, который отправился искать убежища у римлян. Шапур предпочел расценить это как нарушение клятвы, данной ему Филиппом, в том,

---

* См. работу Г. Кларка в «Кембриджской древней истории»: *Clarke G.* Third-century Christianity // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 625—637; о смерти Оригена в тюрьме как одном из последствий гонения Деция на христиан и литературу вопроса см.: Potter (2004). P. 209.

** *Drinkwater J.* Maximinus to Diocletian and the «Crisis» // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 38—44, Potter (2004). P. 241—257.

что он будет иметь в Армении полную свободу действий. Также важную роль сыграли сведения о том, что римляне заняты междоусобной борьбой. В 252 году он двинулся вверх по Евфрату и напал на Сирию. Римская армия потерпела поражение; атакующие заняли саму Антиохию, не говоря уж о менее крупных городах. Однако персы не собирались оставаться там. Они разграбили города, захватили пленников и убрались домой. Узники имели для персидского царя большое значение: он селил их в общинах, расположенных в глубине своей страны, где они могли участвовать в крупномасштабных работах по строительству и ирригации. Во время отхода персов римские войска и местное ополчение одержали несколько незначительных побед, но в конечном итоге это лишь ускорило отступление.

К тому моменту, как Валериан прибыл в Антиохию в 255 году, активность персов сократилась. Вскоре он столкнулся с иного рода проблемами: моря бороздили целые флотилии германских пиратов, совершавших набеги. Он двинул на борьбу с ними необходимые силы, что вновь оголило границу с Персией. Шапур предпринял ряд небольших вылазок, основная цель которых заключалась в захвате приграничных городов. Затем в 260 году персидский царь предпринял новое крупномасштабное вторжение. Вначале он нанес удар по Месопотамии. Нападению подверглись Карры и Эдесса. Валериан во главе большой армии устремился на врага. Сосредоточение столь значительных сил представляло собой опасность, так как приводило к повсеместному ослаблению обороны; хуже того, недавно произошло несколько вспышек чумы. Опять-таки мы не знаем, как развивались события. Быть может, имела место битва или просто маневры. Но доподлинно известно, что Валериан и его старшие офицеры попали в плен к персам, очевидно, в разгар переговоров. На некоторых памятниках, воздвигнутых в честь победы, Шапур изображается держащим императора за запястье. По его заявлениям, побежденных римлян насчитывалось семьдесят тысяч человек, но когда мы имеем дело с утверждениями

о численности врага, исходящими от персов (равно как и от римлян), необходимо относиться скептически. Персы совершали масштабные рейды по территориям Каппадокии, Сирии и даже Киликии. Возможно, Антиохия пала — уже во второй раз*.

К тому моменту, как Валериан попал в плен, Дура-Европос уже была покинута жителями. Вероятно, между 252 и 253 годами персы на короткое время оккупировали ее, прежде чем город вновь заняли римляне. Последние вскоре приняли меры по укреплению защитных сооружений: они возвели мощную земляную насыпь за главной стеной, уничтожив в ходе этой работы стоявшие поблизости дома. Несколькими годами позже персы напали вновь. Учитывая, что к востоку протекал Евфрат, а на севере и на юге находились глубокие русла высохших речек, главный удар неизбежно должен был обрушиться на западную стену. Первый натиск на главные ворота окончился неудачей. После тяжелого боя в кирпичной кладке осталось немало застрявших там наконечников стрел. Затем персы предприняли строительные работы: они соорудили насыпь, по которой можно было подвезти к стене осадную башню или подтащить таран. Они также рыли подземные туннели, чтобы проделать подкоп под укрепления. В ответ римляне позаботились о том, чтобы надстроить стену напротив ската, а также начали работы по устройству контрподкопов. Мастерство и инженерное искусство играло в ходе осад не меньшую роль, чем грубая сила.

Персы достигли некоторого успеха, когда обрушилась башня, откуда было удобно обстреливать людей, строивших насыпь. Однако вскоре после этого успеха римляне нанесли ответный удар: они прорыли туннели под насыпью, выстроенной осаждающими, в результате чего она более не могла выдерживать вес осадных машин. Персидские саперы к этому времени уже трудились над строительством еще одного

* Источники по истории этой кампании можно найти в издании: Dodgeon, Lieu (1991). P. 49—67.

туннеля; на этот раз они собирались разрушить башню и стену близ нее и пробить брешь в укреплениях. Римляне догадались, что они задумали, и выкопали ход, который в конце концов соединился с вражеским. Вероятно, в узких туннелях разыгралась ужасная рукопашная схватка. Здесь погибло не менее двадцати римских солдат и один перс; их останки были найдены землекопами. Недавно была предложена еще одна любопытная реконструкция. Согласно ей, персы знали о приближении римлян, отправившихся на вылазку, и приготовили им страшный сюрприз: они подожгли серу и смолу, которые давали ядовитый дым. Туннели располагались таким образом, что за счет сквозняков его быстро отнесло в подземный ход римлян, и солдаты задохнулись. Позднее тела римлян, вероятно, свалили в кучу во время строительства импровизированной баррикады, которая должна была послужить защитой от новых атак, пока персы готовились сжечь опоры и обрушить весь туннель. Неведомо для них защитники, столь же обеспокоенные, заделывали другой конец хода на тот случай, если персы попытаются пробраться по нему в город. Впоследствии персы обрушили главный туннель, но это не принесло ожидаемого результата. Мы не знаем, как персы наконец проникли в Дура-Европос: защитники могли сдаться, потеряв надежду отразить новое нападение, причиной мог послужить недостаток продовольствия или отсутствие надежды на освобождение. Персы еще ненадолго задержались здесь, однако затем покинули город, и его занесло песками. Вероятно, он отстоял слишком далеко от их основных баз, чтобы они стали удерживать его длительное время*.

---

* О последней осаде Дура-Европос см.: James (2004). P. 21—25, 30—39; о задохнувшихся римских солдатах см.: *James S.* The Deposition of Military Equipment During the Final Siege at Dura-Europos, With Particular Regard to the Tower 19 Countermine // Carnuntum Jahrbuch. 2005. P. 189—206. Тот же автор готовит к печати книгу «Рим и меч» (название предположительное; работа выйдет в издательстве «Thames and Hudson»). Я искренне признателен Саймону за то, что он сообщил мне подробности своего увлекательного анализа.

Глава пятая

ВАРВАРЫ

...боевой дух важнее для исхода войн, чем число [солдат]. У нас нет больших сил. Нас собралось всего две тысячи, и у нас есть эта пустынная местность, откуда мы вредим врагу, нападая на него малыми отрядами и устраивая засады на него... В битве мы сражаемся во имя наших детей и того, что более всего дорого для нас, и чтобы спасти это, давайте отправимся на битву вместе, призывая богов, которые охраняют нас и помогают нам.

*Изложение историком Дексиппом его речи к афинянам после захвата их города в результате набега в 267/268 годах**

В июне 251 года император Деций атаковал группу варваров, которые пересекли Дунай с целью грабежа римских провинций. Их возглавлял вождь по имени Книва. Император охотился за этой шайкой и другими подобными ей больше года. В начале своего правления он взял себе имя «Траян» в память о покорителе Дакии. Несомненно, идея состояла в том, чтобы подать надежды на новые победы на Дунае, однако к настоящему времени их удалось одержать очень мало. Траян был опытным командующим; в его распоряжении находилась армия, набор в которую проводился по всей стране. И войско, и империя в течение жизни целого поколения не знали гражданских войн. Деций был куда менее удачлив, значительно менее талантлив и располагал куда менее сильным войском, чем его тезка. Прошлым летом Книва уже нанес ему поражение. Впоследствии, когда враги захватили Филиппополь во Фракии, Деций либо не смог, либо не захотел двинуть войска, чтобы освободить его. В то время на Рейне и в самом Риме вновь появились узурпаторы. Всех их

---

* Dexipp. Fr. 28. Английский перевод Ф. Миллара: *Millar F.* Herennius Dexippus: The GreekWorld and the Third-Century Invasions // JRS. Vol. 59. 1969. P. 12—29, см. на с. 27—28, где дается весь этот пассаж и комментарий к нему.

вскоре убили офицеры, сохранявшие верность императору, но Деций знал, что его авторитет весьма низок. Ему требовалась крупная победа.

Книва возвращался домой с добычей после набега, когда император нагнал его близ Абритта — непримечательного поселения близ тех мест, где в наши дни проходит граница между Румынией и Болгарией. Большинство подробностей происшедшего ныне утрачено. Быть может, произошло сражение или серия мелких стычек. Первоначальный успех обернулся катастрофой, когда римляне попали в засаду в болотистой местности. Деций погиб вместе со своим сыном-соправителем. Один источник утверждает, что их лошади увязли в грязи, а затем они были убиты метательными снарядами.

Нам неизвестно, сколько солдат погибло вместе с Децием и его сыном, хотя из сведений источников нельзя сделать вывод, что та или другая армия была особенно велика; они насчитывали скорее тысячи, чем десятки тысяч человек. В прошлом римским армиям доводилось терпеть поражение от варваров. Известный факт: Август потерял три легиона и приданные им вспомогательные войска — силы, насчитывавшие примерно пятнадцать—двадцать тысяч человек — в засаде, устроенной в Тевтобургском лесу в 9 году. Поражение при Абритте, вероятно, сопровождалось меньшими потерями, однако то был первый случай, когда император пал от рук иноземного врага (дело ухудшалось тем обстоятельством, что его так и не нашли и не похоронили с должными почестями). По иронии судьбы, катастрофа произошла неподалеку от Трофея Траяна — огромного монумента цилиндрической формы, воздвигнутого Траяном в ознаменование победы над даками, а также в память погибших на войне.

Набег Книвы был лишь одним из множества нападений, тревоживших население провинций империи в течение нескольких десятилетий в середине III века. Области, где в течение нескольких десятков лет царил мир — Галлия, Италия, Испания, Греция, Малая Азия и Северная Африка, —

пали жертвой банд мародеров из-за границы. Большинство нападавших говорило на германских языках, но германцы делились на множество отдельных племен и более крупных объединений. Книва происходил из готского племени, то есть из народа, у которого лишь недавно возникли контакты с Римом. К концу III века готы вместе с другими, очевидно, вновь сложившимися могущественными народами, такими как франки и алеманны, создали серьезную угрозу на границах, проходивших по Дунаю и Рейну. Казалось, баланс сил претерпел значительное изменение*.

Германцы

Юлий Цезарь утверждал, что по Рейну проходит граница между местами обитания галлов и германцев; река оказалась удобной чертой, проведенной самой природой, за которой он более не завоевывал земель. Бесчисленные, агрессивные и весьма многочисленные германцы всегда стремились продвинуться на запад, в богатые земли Галлии и за ее пределы. Цезарь изобразил германские племена как полукочевников, угрожавших союзникам Италии и даже ей самой. Он беспощадно боролся с «угрозой», но из его же собственного рассказа о событиях очевидно, что ситуация была значительно сложнее. Часть германских племен уже поселилась к западу от Рейна и без труда вошла в состав населения империи, а соответствующие территории стали новыми провинциями. Цезарь также набрал к востоку от Рейна немало германских

* Об абриттской кампании см.: Zosim. I. 23, Zonar. XII. 20, Aurel. Victor. De Caesar. 29, Iord. Getica. 101—103; краткое изложение событий — в книге Д. Поттера: *Potter D.* Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire: A Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle. Oxford (1990). P. 278—283; *idem.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York (2004). P. 246; *Heather P.* The Goths. Oxford; Cambridge (1996). P. 40; а также в работе Дж. Дринкуотера в «Кембриджской древней истории»: *Drinkwater J.* Maximinus to Diocletian and the «Crisis» // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge (2005). P. 38—39.

наемников, дабы те сражались бок о бок с его легионерами. С самого начала германцы представляли собой не только угрозу, но и ценный источник военной силы.

Август попытался аннексировать земли, простиравшиеся от Рейна до Эльбы, но его планы создать обширную провинцию Германия погибли вместе с легионерами в Тевтобургском лесу. Хотя римские армии отправились наказать враждебные племена за это поражение, идея насчет провинции так и не была приведена в исполнение, и граница прошла по Рейну. Ни эта река, ни Дунай не представляли собой незыблемой границы римской территории, поскольку на противоположном берегу требовалось сильное военное присутствие. К концу I века промежуток между двумя реками был соединен линией укреплений, в результате чего Рим получил в прямое управление обширные территории, известные под названием Декуматских полей. Немного позднее Траян завоевал Дакию, но затем подобные крупные изменения линии границы в Европе не происходили в течение полутора столетий. Вдоль нее дислоцировалось более половины всей римской армии (а если учитывать британский гарнизон, то почти две трети)*.

К востоку от границы обитали племена, не все из которых относились к числу германцев. На Дунае жили карпы, родичи даков, переселившиеся сюда после завоевания их царства, и сарматы, бывшие степные кочевники, перебравшиеся на Большую Венгерскую равнину. Относительно принадлежности к числу германцев еще одного племени, бастарнов, имеются доводы как за, так и против. И все же

* Об отношениях между римлянами и германцами см.: *Burns T.* Rome and the Barbarians, 100 BC — AD 400. Baltimore (2003). P. 1—193, *Todd M.* The Early Germans. 2nd ed. Oxford (2004). P. 44—61, а также: *Wells P.* The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe. New Jersey (1999). P. 64—98; более подробный анализ кампаний Цезаря см.: *Goldsworthy A.* Caesar: The Life of a Colossus. New Haven; London (2006). P. 224—232, 270—278, 306—310; об Августе см.: *Wells C.* The German Policy of Augustus. An Examination of the Archeological Evidence. Oxford (1972).

основная масса населения приграничных территорий была именно германской, как утверждают римские источники. Однако сомнительно, что тамошние обитатели сами считали себя германцами. Некоторые племена были связаны узами родства, отправляли одни и те же культы, но, похоже, настоящего чувства принадлежности к «германцам» они не испытывали. Хотя их языки имели сходные корни, весьма вероятно, что представители племен, живших вдали друг от друга, с трудом поняли бы один другого в разговоре. Главную роль играли племенные узы; принадлежность к более мелким группам — клану и семье — была еще важнее*.

Цезарь пишет, что германцы в основном пасли скот и не обрабатывали землю. Даже в его дни то было колоссальное преувеличение. В ряде областей, насколько можно себе представить, поселения действительно носили примитивный характер и существовали недолго: через несколько лет, истощив окрестные поля, люди перемещались на новое место. И все же в римский период общая картина являла собой зрелище преемственности и стабильности, и, возможно, значительную роль здесь сыграло установление постоянной границы. Несколько деревень, раскопанных археологами, просуществовало три или четыре столетия. По большей части они были невелики, но некоторые включали не менее дюжины (в одном случае — тридцать) основательно выстроенных деревянных домов прямоугольной формы. Население такой общины скорее всего насчитывало примерно пятьсот человек. Городов, сравнимых с тем, которые выросли в Галлии и некоторых областях Германии в позднем железном веке, здесь не было — вместо этого мы видим множество деревень и отдельных ферм**.

---

* О бастарнах см.: Tac. Germ. 46; общее описание общества и культуры германцев см. в исследованиях: Todd (2004). P. 8—43, 62—135; Wells (1999). P. 99—170.

** Todd (2004). P. 64—75, *idem*. The Germanic Peoples and Germanic Society // CAH. Vol. XII. Cambridge (2005). P. 447—450; Burns (1999). P. 244—255.

Военные лидеры в I веке избирались из числа более широкого круга аристократов. Власть вождя определялась количеством воинов, из которых состояла его личная свита — выражаясь по-латыни, comitatus. Эти люди были обязаны сражаться вместе с ним в боях; в свою очередь, он устраивал для них пиры и награждал их оружием и золотом. Через сто лет подобные отношения были прославлены в таких поэмах, как «Беовульф». Один могущественный король IV века имел в своем распоряжении отряд из двухсот воинов; судя по впечатляющей коллекции оружия, обнаруженного при раскопках в Скандинавии, там их было примерно столько же. Это оружие представляло собой военную добычу, захваченную у побежденных врагов, а затем поднесенную в дар богам (победители бросили их в священное озеро). Оружия, найденного в Иллерупе в Дании (то были наконечники стрел и копий, умбоны — металлические выпуклости, крепившиеся в центре щита, и некоторое количество мечей), хватило бы на двести—триста человек; его принесли в дар божествам около 200 года. Столетие спустя в другое датское озеро близ Эйсбола было брошено такое количество оружия, которого хватило бы, чтобы снарядить в битву двести человек.

Подобные находки подтверждают впечатление, складывающееся в результате чтения источников относительно военного снаряжения германцев. Верхом ездили лишь немногие; доспехи были редкостью. Большинство воинов сражалось копьями, метало дротики и прикрывалось щитами. Значительное меньшинство также имело мечи (к III веку — почти всегда римского производства). Ныне за пределами империи найдено больше мечей, нежели на ее территории; поразительно, сколько их перешло в руки воинов из скандинавских племен, обитавших так далеко от имперской границы. Некоторые были захвачены в набегах, но большее количество было приобретено в результате торговых операций (по большей части незаконных) или могло быть даром лояльным предводителям общин*.

---

* Tac. Germ. 7, 13—14; *Fabech C.* Booty Sacrifices in Southern Scandinavia — A History of Warfare and Ideology // *Björklund E.* Roman Reflections in Scandinavia (1996). P. 135—138; Wells (1999). P. 4—6, *Nylam E.*

Полупрофессиональные военные, из которых состояли отряды вождей, были не особенно многочисленны. Более крупные военные силы иногда формировались за счет присоединения к ним всех свободных общинников, способных носить оружие, но подобное войско не могло действовать длительное время. Большинство межплеменных войн носило локальный характер; военные действия в основном представляли собой набеги. Изредка и ставки, и масштаб событий возрастали. В конце I века Тацит с удовлетворением писал о том, что варварские племена стирают друг друга с лица земли без какого-либо участия римлян. Имея в своем распоряжении всего пару сотен воинов, харизматичный лидер при удачном раскладе мог возвыситься до господства над своим племенем, но его власть никогда не была прочной. Арминий, уничтоживший легионы в Тевтобургском лесу и отражавший нападения римлян в дальнейшем, в конечном итоге возглавил конфедерацию, куда вошли херуски — его собственное племя — и несколько других племен. Когда римская угроза ослабела, он погиб от рук других вождей — своих же товарищей, поскольку те боялись сохранения им постоянной власти. Периодически вождю удавалось добиться верховной власти над несколькими племенами, но его статус носил исключительно личный характер; он, если можно так выразиться, умирал вместе с ним. Никому не удавалось добиться передачи власти по наследству*.

Римлянам было гораздо проще иметь дело с несколькими королями или вождями, нежели со множеством представителей племен. С самого начала лидеры, воспринимавшиеся римлянами как союзники, получали поддержку в виде субсидий, а иногда даже прямую военную помощь. Много-

Early Gladius Swords in Scandinavia // Acta Archaeologia. T. 34. 1963. P. 185; *Ilkjaerm J.* TheWeapons' Sacrifice at Illerup Edal, Denmark // *Randsbourg K.* The Birth of Europe. Rome (1989). P. 54—61.

* Tac. Germ. 33, ср. 36; о ведении войн см.: *Goldsworthy A.* The Roman Army at War, 100 BC — AD 200. Oxford (1996). P. 42—53, а также: *Elton H.* Warfare in Roman Europe: AD 350—425. Oxford (1996). P. 15—88.

численные находки разукрашенных золотых и серебряных сосудов за границей империи скорее всего представляют собой престижные подарки, которые вручались таким людям. Они были не единственными, кто выиграл от прихода римлян. На территориях близ новых границ в изобилии возникали военные базы с весьма многочисленным населением; вокруг них неизбежно вырастали поселки, а также большие и малые города. Общинники, ведшие сельское хозяйство по ту сторону границы, находили готовый рынок сбыта для избытка любой продукции*.

Торговля процветала. Хлеб и животноводческая продукция, производившиеся восточнее двух рек, помогали кормить армию и гражданское население лимеса. Общинники имели легкий доступ ко многим предметам роскоши, которые привозились в достаточном количестве только из империи. Серьезным ограничением стало предписание римских властей, запрещавшее каким бы то ни было группам выход на рынок местных общин; те, кому давали соответствующее разрешение, расценивали это как значительную привилегию. Свой вклад также вносили и общины варваров, обитавших на более отдаленных от границы империи землях: из письменных источников нам известно, что римские купцы отправлялись на Балтийское море, чтобы приобрести янтарь, считавшийся драгоценным. Вероятно, велась и другая торговля (например, пушниной), но доказать этот факт сложнее. На примере деревни, открытой на одном из датских островов, видно, как община разбогатела благодаря торговле: остров служил перевалочным пунктом во время пути на ярмарки, проводившиеся на более отдаленных скандинавских территориях. Существовала и работорговля, поскольку после того как римляне перестали регулярно проводить экспансионистские кампании, военнопленных стало продаваться куда меньше. С того времени как возник рим-

* Tac. Germ. 41—42; в целом также см.: *Whittaker C.* Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore (1994), особ. P. 113—131, 222—240.

ский лимес, оружие значительно чаще появляется в качестве погребального инвентаря у народов Восточной и Центральной Европы. Вероятно, это свидетельствует о значительном учащении набегов, в ходе которых вожди обращали соседей в рабство, чтобы продать их римским купцам в обмен на предметы роскоши*.

Наибольшую прибыль от торговли рабами получали вожди. То же справедливо, по-видимому, и в отношении сельского хозяйства — просто потому, что они могли накапливать больше излишков зерна, чем простые крестьяне. Предводители, уже укрепившие свое положение, имели больше шансов на получение субсидий от римлян. Следовательно, хотя длительное проживание в приграничной зоне способствовало благоденствию многих тамошних обитателей, римское влияние способствовало расслоению в обществе. В обнаруженных при раскопках деревнях, существовавших в начале римского периода, все дома обычно были одного и того же размера. Позднее же одни дома стали значительно больше других и, вероятно, строились отдельно от них. Общины процветали, обеспечивая нужды густо заселенных приграничных римских районов, но ясно, что одни их члены преуспевали гораздо больше других**.

Мирная торговля была самой распространенной формой контактов между римлянами, гражданскими и военными лицами, жившими на границе, и народами за ее пределами. Стычки случались реже, однако это не означает, что они имели меньшее значение. Отправиться в набег было делом обычным и естественным для подавляющего большинства народов Европы железного века, если только представлялась возможность, а соседи казались достаточно беззащитными. Вождям успешные набеги приносили славу и добычу, за счет которой они награждали своих воинов. Цезарь замечает, что германские племена гордятся, когда их

* Burns (2003). P. 167—174, 183—193, 212—247; *Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Inter-action. London, 1988.

** Todd (2004). P. 63—71, и Wells (1999). P. 245—258.

поселения окружает широкая полоса опустошенных земель: это доказывает, что они воинственный народ, и их поведение должно послужить предостережением для потенциального врага*.

Приход римлян, возможно, привел к тому, что схватки в приграничье стали более частыми и масштабными. Несомненно, начиная с середины I века оружие встречается в могилах германцев в качестве погребального инвентаря гораздо чаще. Ввиду новых экономических условий весьма редкие прежде предметы вроде мечей стали теперь куда более доступны. Торговля рабами подхлестывала набеги. Что еще важнее, римские субсидии позволяли вождям содержать более многочисленные отряды. Повышению их статуса зачастую сопротивлялись соперники из числа соплеменников. Борьба за власть между вождями стала яростнее и острее. Богатство не гарантировало длительного успеха. Некоторые из правителей, пользовавшихся поддержкой Рима, были убиты соперниками; другие бежали за границу, чтобы с комфортом проводить жизнь в изгнании**.

Многие варвары шли на службу в римскую армию; по-видимому, для них это было все равно что вступить в отряд вождя другого племени. Некоторые вожди также состояли на службе у Рима; с ними приходили воины из числа их соплеменников. Набеги на римские провинции также оказались перспективным занятием. Хотя они были гораздо опаснее, чем нападения на другие племена, но могли принести куда больше добычи и славы. В основном набеги были небольшими, однако успехи побуждали к более масштабным нападениям. В надписи времен правления Коммода сообщается о сооружении маленьких крепостей на Дунае с целью воспрепятствовать «тайным переправам раз-

* Caes. Bellum Gallicum. VI. 23. 1—3; о набегах см.: Whittaker (1996). P. 210—214.

** *Hedeager L.* The Evolution of German society 1—400 AD // First Millennium Papers: Western Europe in the 1st Millennium / Ed. R. Jones, J. Bloemers, S. Dyson, M. Biddle. Colombia (1988). P. 129—401.

бойников через реку» (CIL. III. 3385). О постройках такого рода на многих участках римской границы известно еще со времен республики: когда соседи считали, что провинции уязвимы, они устраивали на них набеги. Численность римских приграничных гарнизонов и их боевая готовность играли сдерживающую роль, но если сила Рима начинала восприниматься как иллюзорная, римлянам приходилось проводить трудные кампании, чтобы восстановить свои позиции*.

Нелегко было перехватить все отряды быстро перемещавшихся разбойников — хотя это удавалось легче, если они уходили, нагруженные добычей, — и нередко ответом римлян становилась карательная экспедиция против тех, кого считали ответственными за случившееся. Деревни предавали огню, посевы уничтожались, стада уводились, а людей либо убивали, либо обращали в рабство. Подобные операции имели краткосрочную цель — внушить страх, однако такая жестокость сеяла семена ненависти в будущем. Задачей дипломатии являлось сохранение мира на сколь возможно долгий срок, и племенных вождей угрозами или подкупом удерживали от враждебных действий. Общины, располагавшиеся ближе всего к границе, проявляли больше склонности к миру, поскольку римские провинции представляли для них выгодный рынок; важно и то, что они находились в пределах досягаемости римлян, которые могли отомстить им. Вождей же и племена, жившие на отдаленных территориях, контролировать было гораздо труднее. Сохранение господства Рима на границе было перманентной задачей, выполнение которой зависело как от политической позиции племен, так и от событий в других частях империи.

---

* О дискуссии по этому поводу см.: *Dyson S.* The Creation of the Roman Frontier. Princeton, 1985. Passim; *Goldsworthy A.* War: The Late Republic and Principate // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Vol. 2. Cambridge, 2007. P. 76—121.

Кризис на границах

В середине III столетия оборона рубежей по Рейну и Дунаю оказалась совершенно недостаточной, поскольку банды удачливых разбойников, прорвав их, вторглись в беззащитные провинции. Почти все ученые видят в этом признак усиления внешней угрозы. Большинство исследователей связывает это с появлением новых конфедераций племен, представлявших, по их мнению, бóльшую опасность, чем германские народы, которые жили на границе во II веке. Мнения разделились: одни видели в них пришельцев, другие считали, что они сформировались из уже проживавших в тех краях племенных групп. В наши дни археологи менее склонны объяснять перемены в культуре миграциями, так что большинство принимает вторую точку зрения. Однако даже в этом случае имеющиеся материалы убеждают в том, что готы двигались с берегов Балтийского моря в Причерноморье и южное Подунавье во II — начале III века. Они представляли собой не единый, сплоченный народ, а пеструю группу отдельных племен, которые говорили на родственных языках и были во многом близки друг другу в культурном отношении. То же самое можно сказать о франках, которые появились в Рейнланде, и об алеманнах, находившихся к югу от них. И алеманны, и франки, несомненно, к концу III века являлись значительными племенными группами, однако трудно установить точную дату их появления*.

Жестокие войны Марка Аврелия против маркоманнов и квадов в целом изображаются как первые признаки перемен

* О готах см.: Heather (1998). P. 11—39 (возможно, здесь и далее опечатка, поскольку в списке литературы не значится работы П. Хизера 1998 г. — *Примеч. пер.*); о франках и алеманнах — Burns (2003). P. 275—290. В эпитоме Диона Кассия (LXXXVIII. 13. 4) алеманны упоминаются под 213 г., однако Бернс доказывает, что это скорее всего позднейшая интерполяция. Более веские доводы в пользу подлинности этого пассажа приводит Дж. Дринкуотер: *Drinkwater J.* The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford (2007). P. 41—44.

в германском обществе. Угроза со стороны варваров стала теперь куда большей и вскрыла коренные пороки обороны римских рубежей. Армия была рассеяна по периметру границ империи, так что если враг прорывался, то серьезные резервы, необходимые, чтобы остановить его, отсутствовали. К тому же трудности, возникшие вскоре после нашествия парфян во время варварских вторжений из-за Дуная, рассматриваются как свидетельство того, что римлянам было весьма нелегко вести две большие войны, столь быстро последовавшие одна за другой.

Все это сомнительно. Маркоманны представляли бóльшую угрозу во времена Августа, когда они объединились с соседними племенами под властью сильного царя*. Возможно, один или несколько подобных харизматичных лидеров появлялись среди них и позднее. Аналогичный пример можно наблюдать и у даков, которые воспринимались как опасность во времена Юлия Цезаря, но затем перестают быть таковой вплоть до конца I века, когда их возглавил другой сильный царь. Действительно, во время Маркоманнских войн одна из варварских армий проникла до самой Италии, однако больше такое не повторялось. Вероятнее, более важным фактором, обусловившим слабость римской обороны в это время, стало не столько медленное возвращение войск после кампаний на востоке, сколько мор, который они принесли с собой. Трудности в этом случае не сводились к одному лишь росту смертности, хотя источники показывают, что в переполненных казармах было множество умерших от болезни. Важной проблемой являлось множество заболевших и исключительные трудности, связанные с продолжением обучения и тренировок солдат в разгар эпидемии. Если варварам удавалось пересечь границу, то их успех, как обычно, побуждал других вождей делать то же самое. Римская армия пребывала в плачевном состоянии и сражалась из последних сил. Однако со временем она спра-

* Имеется в виду Маробод. В 19 г. н.э. был свергнут знатью и нашел убежище в Италии. Умер в 37 г. н.э. в Равенне. — *Примеч. пер.*

вилась с ними, хотя и ценой огромных усилий и немалых затрат ресурсов. Империя не понесла территориальных потерь, и даже поговаривали о создании новых провинций*.

Нет сообщений о крупных конфликтах на названных рубежах в течение целого поколения после окончания этих войн. Каракалла провел какое-то время на Рейне, и Александр Север был убит именно там. Максимин потратил значительную часть своего правления, воюя на рейнской и дунайской границах, однако он также набрал немалое число германских воинов для усиления своей армии, когда шел в поход на Италию в 238 году. Вскоре после этого готы и карпы предприняли набег через Дунай. На время готов удалось подкупом склонить к миру, однако выплаты им были прекращены при Гордиане или Филиппе. Как и следовало ожидать, это привело к новой вспышке набегов начиная с 243 года. Филиппу пришлось лично прибыть в те края, чтобы навести там порядок. В 248 году квады и сарматы-языги — этнонимы, знакомые со времен кампаний Марка Аврелия — напали на Паннонию, и их успех побудил к возобновлению натиска и готов. Деция направили туда для разрешения возникших трудностей, но вместо этого он провозгласил себя императором. Вскоре ему пришлось вернуться на Дунай, чтобы провести кампанию, в ходе которой он погиб в битве при Абритте**.

Новый император, Галл, откупился от готов, пообещав им ежегодные выплаты и позволив уйти с добычей и пленными. Он был гораздо больше озабочен появлением соперников внутри самой империи и торопился в Италию. В 253 году человек, которого он оставил наместником в Мезии, Эмилиан, судя по всему, напал на группу готов и одержал над ними победу. Успех побудил его повести значительную часть приграничной армии с целью захвата трона. Галл и Эмилиан умерли через несколько месяцев, однако слабость

---

* См.: Burns (2003). P. 229—245, Todd (2004). P. 54—56, Wells (1999). P. 189—191.

** Burns (2003). P. 244—260, Drinkwater (2005). P. 28—38.

обороны рубежей способствовала новому всплеску набегов. Шайка готов во главе с Книвой вновь приняла в них участие и, возможно, наряду с другими отрядами проникла до самой Македонии*.

Примерно в это же время возникла новая угроза со стороны Черного моря. Несколько групп, включая народ под названием бораны и некоторые готские племена, предприняли морские экспедиции с целью грабежа. Первоначально их цели носили локальный характер: в основном они атаковали немногие греко-римские общины, остававшиеся на черноморском побережье. Но в 255 году некоторые из участников набегов стали тревожить северное побережье Малой Азии. В следующем году они вернулись уже в гораздо большем числе. Положение стало настолько серьезным, что Валериану пришлось лично прибыть в эти края, позволив персам Шапура наносить удары по слабо защищенной границе**.

Тем временем число нападений на европейские рубежи на Дунае и на нижнем Рейне нарастало. В 254 году несколько отрядов маркоманнов достигло Равенны, а в 260 году участники другого набега вновь прорвались в Италию. Их остановил близ Милана Галлиен, некоторым из них нанесли поражение на обратном пути. В одной недавно найденной надписи в городе Аугуста Винделика (нынешний Аугсбург) в Реции возносится благодарность богине Виктории за этот успех. В ней говорится, что «варварские народы, семнонов и ютунгов, убивали и гнали 24 и 25 апреля войска из провинции Реций, из Германии, а также местное ополчение», и упоминается «освобождение многих тысяч италийских пленников». Эти участники набега — интересно отметить, что победители-римляне, судя по всему, даже не знали точно, кто они — достигли Рейна, прежде чем их разгромили.

---

* О готах: Zosim. I. 24. 2, Zonar. XII. 21.

** Zosim. I. 27—37, SHA. Duo Gall. 5. 6—6. 9; Potter (2004). P. 252—256; Heather (1998). P. 40—43; Drinkwater (2005). P. 40—44; см. также гл. 4.

Впечатляющая находка возов с золотом и другими ценностями, сваленных позднее в эту реку в том же III веке, но позднее, относится явно к другому нападению*.

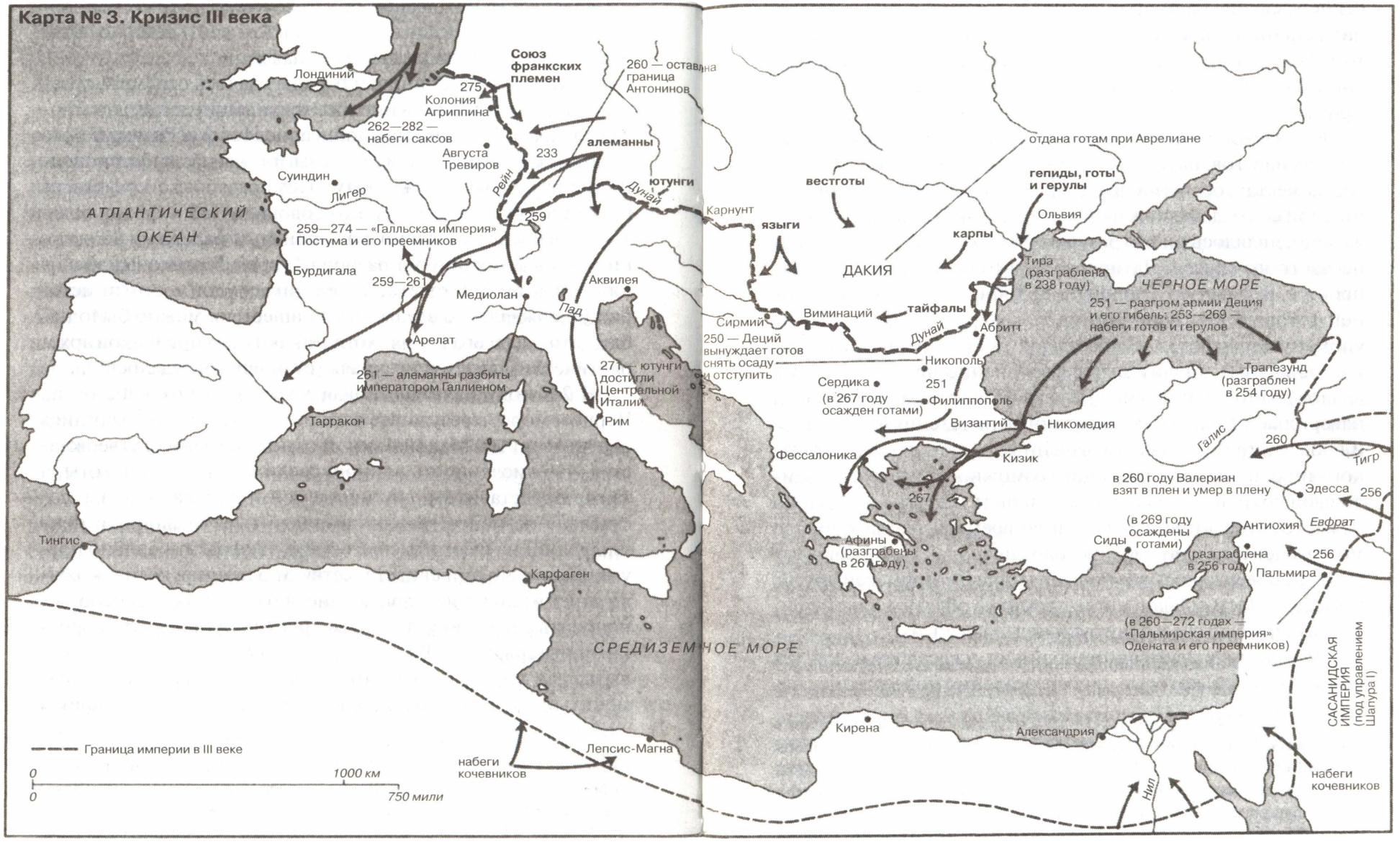
Некоторые разбойничьи отряды удалось отрезать и разгромить, пусть подчас и при их возвращении домой, но многие или даже большинство добивались успеха. Римские провинции, очевидно, были уязвимы и с неизбежностью подвергались новым нападениям. Немного позже кое-кто из германцев (в источниках о них говорится как о франках, но это, возможно, анахронизм), пройдя с грабежами Галлию, вторглись в Испанию и разорили город Тарракон (нынешняя Таррагона). Столетие с лишним спустя местный историк утверждал, что следы этого нашествия можно было наблюдать еще в его время, хотя никаких его признаков археологическим путем в тех краях установить не удалось**.

В 267 году началась новая волна морских набегов на Черном море, в результате чего опустошениям подверглись берега Греции и Малой Азии. В одном источнике утверждается, что численность воинов, среди которых были готы, а также представители других племен, таких как герулы, составляла не менее трехсот двадцати тысяч человек и приплыли они на шести тысячах судов. Цифры эти сильно преувеличены, но они свидетельствуют о панике, которую сеяли стремительно передвигавшиеся разбойники, способные наносить удары по удаленным друг от друга целям с короткими интервалами. В более поздние времена такой же ужас вызывали викинги. Один отряд напал на Эфес и сжег знаменитый храм Артемиды, одно из семи чудес света. Афины

---

* Надпись опубликована в: AE, 1993, 1231, комментарии см. в работе Д. Поттера: Potter (2004). P. 256—257, *Wilkes J.* Provinces and frontiers // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge (2005). P. 222—223; Burns (2003). P. 281—282; см. также: Todd (2004). P. 56—59.

** Oros. VII. 22. 7—8, Aurel. Vict. De Caesar. 33. 3, Eutrop. IX. 8. 2, см. комментарии Дж. Ричардсона: *Richardson J.* The Romans in Spain. Oxford (1996). P. 250—251, и М. Куликовского: *Kulikowski M.* Later Roman Spain and Its Cities. Baltimore (2004). P. 66—69, который доказывает, что последствия нашествия были, по-видимому, минимальными.

Карта № 3. Кризис III века
Союз франкских племен
275
Колония Агриппина
Лондиний
262—282 — набеги саксов
Августа Треверов
233
алеманны
Рейн
Суиндин
Лигер
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
259
Дунай
ютунги
260 — оставлена граница Антонинов
Карнунт
259—274 — «Галльская империя» Постума и его преемников
Бурдигала
259—261
Медиолан
Аквилея
Пад
Арелат
261 — алеманны разбиты императором Галлиеном
271 — ютунги достигли Центральной Италии
Рим
Тарракон
Тингис
Карфаген
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Лепсис-Магна
набеги кочевников
Граница империи в III веке
0
1000 км
0
750 миль
вестготы
языги
ДАКИЯ
карпы
гепиды, готы и герулы
Ольвия
отдана готам при Аврелиане
Тира (разграблена в 238 году)
ЧЕРНОЕ МОРЕ
251 — разгром армии Деция и его гибель; 253—269 — набеги готов и герулов
Виминаций
тайфалы
Сирмий
250 — Деций вынуждает готов снять осаду и отступить
Дунай
Абритт
Никополь
Трапезунд (разграблен в 254 году)
Сердика
(в 267 году осажден готами)
251
Филиппополь
Византий
Никомедия
Галис
260
Тигр
Фессалоника
Кизик
в 260 году Валериан взят в плен и умер в плену
Эдесса
256
267
(в 269 году осаждены готами)
Сиды
Антиохия
Евфрат
Афины (разграблены в 267 году)
(разграблена в 256 году)
256
Пальмира
(в 260—272 годах — «Пальмирская империя» Одената и его преемников)
САСАНИДСКАЯ ИМПЕРИЯ (под управлением Шапура I)
Кирена
Александрия
Нил
набеги кочевников

были разорены шайкой герулов, на которых при отходе напали афиняне, предводительствуемые местным аристократом, П. Гереннием Дексиппом. К несчастью, история этих войн, которую он написал, дошла до нас только во фрагментах*.

Нелегко определить размер ущерба, нанесенного во время этих набегов, на основе археологических данных. В некоторых местах, особенно вдоль границы по Рейну, обнаружены слои со следами пожаров и разрушений. Однако не всегда ясно, являлось ли это результатом военных действий или несчастного случая. Датировка такого слоя также дело непростое, и зачастую в прошлом подобные находки с излишней готовностью воспринимали как результат одного из упомянутых набегов. Существуют также трудности с тем, как объяснить значительное увеличение числа монетных кладов во второй половине III века. Некоторые из них почти наверняка зарыли люди, напуганные нападениями варваров и впоследствии убитые, захваченные в плен или еще по какой-либо причине утратившие возможность извлечь из земли свои сокровища. Однако могли быть и другие основания для того, чтобы прятать деньги во времена, когда качество монет очень сильно варьировало, поскольку в серебряных монетах содержалось все больше и больше примесей других металлов. Часть кладов могла просто не обладать такой ценностью, чтобы хозяева потрудились извлечь их**.

Воздействие набегов становилось ужасающим для тех общин и людей, которые непосредственно подвергались на-

---

* Zosim. I. 42—43, Zonar. XII. 23. См. также работы Ф. Миллара и Дж. Кэмпа: Millar (1969). P. 26—29; *Camp J.* The Archaeology of Athens. New Haven; London, 2001. P. 223—231.

** О дискуссиях по поводу воздействия нашествий в целом и на отдельные регионы см.: *Wightman E.* Gallia Belgica. Los Angeles; London, 1985. P. 193—199, 219—230, 243—250; *Alföldy G.* Noricum. London; Boston, 1974. P. 169—171, Burns (2003). P. 267—271, 281—300, *Drinkwater J.* The Germanic Threat on the Rhine Frontier: A Romano-Gallic Artefact // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. R. Mathisen, H. Sivan. Aldershot, 1996. P. 20—30.

падению. Едва ли всякий город империи располагал современными для той эпохи оборонительными сооружениями. Афиняне приложили определенные усилия для укрепления старых стен после первых вторжений в Македонию, однако было ясно, что этого недостаточно, чтобы остановить герулов. Большинство городов не имело стен, и едва ли в каждом из них находился гарнизон, чтобы защищать хотя бы те укрепления, которыми они все же располагали. Они были уязвимы, и вести о набегах на другие общины могли только усилить беспокойство. Провинции, ближе всего расположенные к рейнской и дунайской границе, неизбежно терпели наибольший ущерб. В особенности это относилось к городам и поместьям, находившимся вдоль оживленных дорог, которые, очевидно, подвергались нападениям гораздо чаще других. Немало пришлось перенести Северной Галлии. Множество усадеб и небольших поселений, судя по всему, было опустошено во второй половине III века, хотя, как обычно, нам приходится иметь дело лишь с ограниченными данными, даже когда известно, что на этом месте находился город.

К концу III столетия каждый сколь-либо значительный город империи обзавелся стенами. Какого-то определенного образца не существовало, однако почти все они были очень толстыми и имели башни, выдававшиеся вперед, что позволяло обстреливать и забрасывать камнями атакующих с флангов. В более крупных городах на этих башнях стояли метательные орудия. Иногда укрепления выглядели более внушительно, чем то было на самом деле, скорее отпугивая неприятеля. Почти все эти стены окружали меньшую площадь, чем та, которую занимали города в прежние времена. Многие города Галлии значительно сократились в размерах, и, вероятно, с их населением произошло то же самое. Судя по всему, Амьен подвергался нападениям несколько раз, и во второй половине III века сильно уменьшился.

После разорения города герулами афиняне возвели новую стену, пересекавшую старую рыночную площадь и ос-

тавлявшую за своими пределами немало крупных памятников. Немало камней, использовавшихся при строительстве, брали из старых зданий, которые уже превратились в руины или были разрушены сознательно. Уничтожение старых памятников для получения материалов, необходимых для постройки новых оборонительных сооружений, стало обычным делом во многих городах*.

Но не только городские общины занимались возведением укреплений — такую же тенденцию можно наблюдать и в сельской местности. В больших виллах нередко возводились башни, однако они имели скорее декоративный характер, подчеркивая наличие здесь большого дома и тем самым производя внушительное впечатление. В Северной Африке во II веке некоторые виллы приобрели более укрепленный вид — реакция на угрозу нападений со стороны разбойников и участников набегов. Теперь это стало распространенным явлением и в других областях, примыкавших к незащищенным границам. В Галлии накануне прихода туда римлян поселения обычно располагались на вершинах холмов. В период римского владычества они переместились на равнины, поскольку общины выросли в размерах и не опасались нападений со стороны неприятеля. В конце III века возобладала обратная тенденция: поселения, обнесенные стенами, все чаще строились на возвышенностях, служа местом убежища во время нападений.

* См.: *Lander J.* Roman Stone Fortification. Oxford, 1984, особ. см. P. 151—262, *Johnson S.* Late Roman Fortifications. London, 1983. Passim, особ. см. P. 9—81; *Petrikovits H. von.* Fortifications in the North-Western Roman Empire from the Third to Fifth Centuries AD // JRS. Vol. 61. 1971. P. 178—218; *Mackensen M.* Late Roman Fortifications and Building Programmes in the Province of Raetia // Roman Germany: Studies in Cultural Interaction / Ed. J. Creighton. R. Wilson. Portsmouth (RI), 1999. P. 199—244; *Wilson R.* Roman Forts: An Illustrated Introduction to the Garrison Posts of Roman Britain. London, 1980; Wightman (1985). P. 220. Camp (2001). P. 223—225, *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963. P. 37—42.

Галльская империя

Римская доктрина всегда предполагала, что лучший способ борьбы с нападениями — нанести противнику поражение в открытом бою. В идеале армия должна была являть зрелище настолько устрашающей мощи, чтобы потенциальный враг оставил мысль об агрессии. Всякая неудача ослабляла впечатление от этого «фасада»; к тому же приводили и частые отзывы войск с границы для участия в гражданских войнах, где они сражались друг с другом. Пленение Валериана персами стало еще одним унижением в то время, когда на «фасаде» уже появились «трещины». Его сын Галлиен изображен в большинстве наших источников весьма непривлекательно, как вялый и слишком любивший роскошную жизнь в Риме. Это отнюдь не так, поскольку значительное время он провел участвуя в кампании на европейских границах империи. В 268 году Галлиен находился в Греции, преследуя шайки, которые грабили Афины и многие другие города, существовавшие еще в классическую эпоху. Говорили, что он одержал победу, однако условия, предъявленные им побежденным готам, оказались весьма великодушными. Их король был принят на римскую службу и получал сенаторский ранг. Сплетники также уверяли, будто императора свела с ума готская принцесса, которую он взял себе в наложницы*.

Вскоре после поражения отца Галлиен фактически утратил контроль над многими западными провинциями, поскольку там появились узурпаторы. В 260 году наместник Нижней Германии (Germania Inferior) Постум (полное имя — Марк Кассиан Латиний Постум) провозгласил себя

---

* Об активной борьбе Галлиена с вторжениями см.: *de Blois L.* The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976; о его военных кампаниях см.: Zosim I. 42—43, а также: Drinkwater (2005). P. 46—47, Heather (1998). P. 41, Potter (2004). P. 263—266 с обзором дискуссии, не состоялась ли эта кампания в действительности в 269 г.; про слух о готской принцессе см.: SHA. Duo Gall. 21. 3.

императором. Он уже организовал убийство юного сына Галлиена, а также его опекуна, обладавшего всеобъемлющими полномочиями в прирейнских областях. Германские провинции и вся Галлия вскоре оказались под властью Постума, который, по-видимому, происходил из галльской знати. Со временем к ним добавились Британия и значительная часть Испании. Уникальный случай среди узурпаторов, хоть сколь-нибудь долго сохранявших власть: Постум не попытался осуществить поход в Италию и нанести поражение Галлиену. Вместо этого он предпочел остаться в обороне, сражаясь с соперниками из числа римлян лишь в тех случаях, когда на него нападали. Армиям Галлиена дважды пришлось отступить. В 269 году претендент на трон объявился в Майнце. После нескольких месяцев борьбы Постум разбил его, но отказ позволить войскам разграбить город привел к гибели его самого. Человек, которого армия сделала императором вместо Постума, удерживался на этом месте двенадцать недель, прежде чем его убили. Его преемник Викторин оставался у власти почти два года. Причиной его убийства стала якобы попытка соблазнения жены одного из офицеров.

Историки единодушно называют этот режим Галльской империей. С точки зрения истории оснований для этого нет, хотя один из историков IV столетия и говорил о «власти [Постума] над галльскими провинциями». Что касается Постума и его преемников, то они вели себя как законные правители всей империи и ежегодно назначали консулов, не обращая внимания на те же действия Галлиена в Риме. Неясно, создали ли они второй сенат. Галльские аристократы занимали должности на императорской службе, однако важно учитывать то обстоятельство, что нелегко было отозвать людей из отдаленных краев и провинций, которые не признавали этих императоров. С точки зрения культуры в новом режиме не было ничего специфически галльского или «западного». Титулы и иконография, а также законы, которые использовали эти императоры, находились в полном

соответствии с традицией. Необычным являлось лишь их нежелание добиваться контроля над остальными провинциями империи*.

В течение большей части правления Галлиена его власть распространялась только на Египет, Северную Африку, крайний юг Испании, Италию и придунайские провинции. Он считается законным императором потому, что успел прийти к власти раньше многочисленных соперников; в конце концов, именно ему наследовали те, кому суждено было заново объединить империю. Критические замечания высказывались по поводу его достижений, но они основываются на ретроспективных оценках и пренебрежении особыми условиями, имевшими место в правление Галлиена. Один из главных вопросов — его стратегия. Поражения на всех рубежах империи, как считается, служили свидетельством необходимости стратегического резерва в центре, который мог бы противостоять неприятелю, прорвавшему границу в любой точке. Галлиен держал значительную часть армии в Милане или возле него. Монеты показывают присутствие соединения как минимум из тринадцати различных легионов — несколько из них первоначально размещались в провинциях, более не подчинявшихся Галлиену. Особое положение заняла кавалерия, сведенная в крупное соединение под руководством отдельного командующего. Септимий Север значительно повысил численность войск, находившихся под его непосредственным началом, увеличив численность гвардии, а также создав II Парфянский легион. Галлиен пошел гораздо дальше, создав целую армию в качестве резерва и уделив особое внимание коннице.

Однако все это не очевидно. У нас нет достоверных сведений о том, какова была численность войск или какую их

---

* См. в целом: *Drinkwater J.* The Gallic Empire (Historia Einzelschriften. Bd 52). Wiesbaden, 1987. P. 1—270, краткое резюме дается в работе Д. Поттера: Potter (2004). P. 260—262; реплику о «надменной власти [Постума] над галльскими провинциями» мы встречаем у Евтропия (IX. 9). (Таких слов у Евтропия нет. — *Примеч. пер.*)

часть составляла конница, чтобы иметь представление о революционности проведенных мероприятий. Кавалерия передвигается быстрее, чем пехота, на коротких дистанциях, однако при длительных переходах эта разница заметно сглаживается. Кормить коней и поддерживать их в хорошем состоянии гораздо труднее, чем людей. Идея применения конницы в качестве мобильного резерва приобретает практический смысл только в том случае, если эти силы относительно малы. На первый взгляд кажется, что Северная Италия — это сердце империи, однако во времена Галлиена Милан стоял близ самой границы с Галльской империей. Обстоятельства носили исключительный характер, но дислокация этих войск и, насколько мы можем судить, реальное использование их в ходе кампаний полностью соответствовали обычной практике*.

Правление Галлиена было долгим по меркам тех времен, но в итоге его участь оказалась сходна с участью многих других узурпаторов, царствовавших меньшее время. В 268 году командующий его кавалерией — точного титула мы не знаем, и он мог просто иметь высокий ранг командующего пехотой и конницей одновременно — взбунтовался против него. Галлиен прибыл из Греции, чтобы атаковать его; одержав победу на поле боя, он начал осаду самого Милана, где укрылся узурпатор. Однако он полностью восстановил против себя других своих офицеров, и они составили заговор с целью убийства императора. Когда они подняли ложную тревогу и Галлиен выбежал из палатки, чтобы встретить предполагаемого врага, его закололи**.

---

* О предполагаемом создании кавалерийского резерва Галлиеном см.: *Luttwak E.* The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century ad to the Third. Baltimore; London, 1976. P. 185—186, *Le Bohec Y.* The Imperial Roman Army London, 1994. P. 197—198, de Blois (1976). P. 26—30; критические замечания см. в работе *Nicasie H.* Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998. P. 35—38.

** Zosim. I. 40, SHA. Duo Gall. 14. 15. 3, Aurel. Victor. De Caes. 33, а также Potter (2004). P. 263—264.

К моменту смерти Галлиену было около пятидесяти лет. Его преемник Клодий II (полное имя — Марк Аврелий Клодий) был несколькими годами старше, имел всадническое достоинство и происходил из одной из балканских провинций. Трудно сказать, насколько он был вовлечен в заговор, но очевидно, что в этот период ряд офицеров из тех же краев образовали группу, пользовавшуюся значительным влиянием. Они быстро разобрались с узурпатором в Милане, и следующие два года Клодий провел, сражаясь против устраивавших набеги варваров, вначале в Италии, а затем на Балканах. В 269 году он одержал победу над готами и в ознаменование этого взял себе имена Готский (Gothicus) и Величайший (Maximus). В начале следующего года он пал жертвой мора, став, таким образом, первым императором со времен Септимия Севера, скончавшимся от естественных причин. Престол занял его брат Квинтилл, но через несколько месяцев ему бросил вызов один из военачальников, Аврелиан (полное имя — Луций Домиций Аврелиан). Когда армии сошлись для битвы, люди Квинтилла тотчас решили переметнуться на сторону врага. Он был убит — или, возможно, совершил самоубийство, когда понял, что происходит*.

Аврелиан также принадлежал к всадническому сословию и происходил из Иллирии; он принял непосредственное участие в заговоре против Галлиена. Решительный и опытный командующий, за пять лет Аврелиан восстановил единство империи. Вначале он был занят делами в приграничных районах, затем — беспорядками в восточных провинциях и, наконец, в 274 году атаковал Галльскую империю. Тетрик, преемник Викторина, по-видимому, не слишком желал бороться; к тому же у него возникли серьезные проблемы в отношении лояльности ему собственных войск. Утверждают даже, что он предал их, отправив сражаться с Аврелианом туда, где их позиция оказалась безнадежна. Сам

* Potter (2004). P. 264—269, а также Drinkwater (2005). P. 48—51.

Тетрик сдался. Вопреки обычной практике победитель пощадил его и даже назначил на административный пост в Италии. Равным образом многие люди, занимавшие должности в армии и гражданской администрации Галльской империи, и после ее падения продолжали карьеру. Никто из галльских императоров не подвергся официальному осуждению; их имена остались не вычеркнуты из списков императоров*.

Варварские орды

Вероятно, в III столетии на некоторых участках имперской границы усилилась угроза со стороны народов, живших за ее пределами. Само существование империи, как и римская дипломатия, способствовало появлению могущественных племенных вождей. Могли быть также и другие факторы. Как показывают археологические данные, население, обитавшее за Рейном и Дунаем, по-видимому, выросло. Не исключено также, что существовали проблемы, вызванные переменами климата и высыханием почв в результате сельскохозяйственной эксплуатации, хотя у нас недостаточно сведений, чтобы представить происходившее в деталях. Уровень воды на ряде участков Северного моря, судя по всему, поднялся, так что часть побережья оказалась затопленной, а в других местах почва настолько засолилась, что стала непригодной для обработки**.

Степень угрозы на границах постоянно варьировала, однако наибольшая разница между интересующим нас периодом и более ранними временами состояла в обилии гражданских войн внутри самой империи. Вновь и вновь войска отзывались с границ для оказания поддержки своим коман-

---

* Drinkwater (1987). P. 41—44, SHA. Aurelian. 39. 1 (о работе Тетрика в имперской администрации).

** *Willems W.* Romans and Barbarians. 1986. (Вероятно, имеется в виду книга: *Willems W.* Romans and Batavians. A Regional Study in the Dutch Eastern River Area. Heerhugowaard, 1986. — *Примеч. пер.*)

дующим в осуществлении их честолюбивых замыслов. Частые перемены в высшем эшелоне армии, за которыми, по-видимому, следовали перемещения на более низком уровне, могли сказаться на подготовке войск только отрицательным образом. Тем самым оборона границ ослаблялась. Провести удачный набег становилось легче, а каждый новый успех лишь вдохновлял на новые нападения. Любопытно, что и императоры, и узурпаторы, безусловно, воспринимали внешнюю угрозу как меньшее зло по сравнению с внутренними соперниками. Вновь и вновь они приходили к соглашению с иноземными интервентами, включая персов, или даровали им мир на выгодных условиях и тем самым получали возможность продолжать борьбу за трон.

У гражданской войны была еще одна сторона. Когда в бою сходилась одна римская армия с другой, то не приходилось рассчитывать на превосходство в дисциплине, тактике и снаряжении. В таких условиях решающим фактором становилась численность, однако нелегко было быстро набрать и обучить новых солдат. Частые боевые действия уменьшали численность регулярных войск и препятствовали нормальному рекрутированию и тренировкам. Принятие на службу варварских вождей с их людьми представлялось заманчивым выходом из положения, который и предпочитали многие римские лидеры. Этим воинам могло недоставать дисциплины, существовавшей в римской армии, но они оказывались куда более эффективной силой, чем спешно призванные новобранцы или добровольцы. Однако когда их римские наниматели терпели поражение или погибали, этим отрядам не стоило рассчитывать на благосклонный прием со стороны следующего императора и службу у него. Более чем вероятно, что такие группы, прежде чем начинали мародерствовать в провинциях, поначалу получали приглашение прибыть в империю. Решение римских лидеров приобретать воинов подобным путем представляло собой еще один фактор, способствовавший усилению могущества вождей. Эти люди зависели от продолже-

ния войны даже больше, чем обычные предводители племен. Если они не находили римлян, готовых платить, то им только и оставалось, что воевать с другими племенами или нападать на империю. Даже для обычно мирных сельских общин по причине сильного ослабления торговли из-за гражданских войн набеги становились привлекательной альтернативой. Другие же, очевидно, подвергались атакам со стороны императоров, жаждавших быстрой и незапятнанной славы, добытой в борьбе с иноземным врагом, а не с другими римлянами.

Вряд ли жертв мародеров всерьез интересовало, что именно подталкивало последних продолжать воевать. Последствия набегов на местах оказывались ужасающими, особенно если им предшествовали нападения в прежние годы. Не лучше было оказаться втянутыми в гражданскую войну, поскольку даже оборонительные сооружения не всегда могли остановить римскую армию. Гражданские войны и вторжения варваров наносили страшный удар по общинам и обращали в прах их достояние, множа толпы отчаявшихся и потерявших надежду. Варвары, пересекавшие Черное море, как говорят, научились делать суда и уплывали на них от тех, кто уцелел в разоренных ими городах. Ясно, что многие дезертиры и беглые рабы присоединялись к участникам набегов, в то время как другие разбойничали сами. За Маркоманнскими войнами последовала так называемая «война дезертиров» в Галлии, и в III столетии имели место подобные вспышки насилия*.

Некоторые районы — частично Северная Африка, а также Южная Италия, Сицилия, большая часть территории

* У Бернса содержится добротное описание дискуссии по данному поводу: Burns (2003); об использовании германских наемников в гражданских войнах и соответствующие примеры см.: Herodian. VIII. 7. 8; VIII. 8. 2; SHA. Duo Maximini. 24. 6; Max. et Balb. 12. 3; 13. 5; 14. 6—8; Trig. tyr. 6. 2; о разбойниках и дезертирах, присоединявшихся к участникам набегов, см.: *MacMullen R.* Enemies of the Roman Order. London, 1967. P. 195, 211, 255—268.

Испании — избежали разорения в эти смутные десятилетия; другие области оказались лишь слегка задеты нашествиями. Галлия Бельгика, находившаяся рядом с Рейном, очень серьезно пострадала, несмотря на все усилия правителей Галльской империи. Римляне покинули основную часть своих застав на противоположном берегу реки и таким образом утратили Декуматские поля — пространство между Рейном и Дунаем. Несколько фортов вдоль границы в этих краях сохранили следы насильственного разрушения. Во вспомогательной крепости в Пфюнце (в Реции), во внутренней части ее юго-восточной башни обнаружены три челюстные кости. Археологи XIX века предположили, что это останки часовых. Все выглядело так, как если бы солдат застигли врасплох, поскольку у них не было щитов, следы обшивки которых нашли снаружи. Находка в форте в Нидербидере (Верхняя Германия), пожалуй, даже еще более впечатляюща. В ставке обнаружили скелет воина в армейской обуви, подбитой гвоздями.

Такие находки демонстрируют трудность толкования ряда археологических свидетельств, относящихся к этому периоду, — в особенности если их добыли во времена первых раскопок с помощью незамысловатой технологии. Очевидно, что эти военные базы были разрушены в результате действий неприятеля, однако идентифицировать этого неприятеля весьма нелегко. По результатам первых раскопок высказывалось предположение, что нападавшими являлись германские племена. Позднее выдвинули гипотезу, что это были другие римские воины, потому-то атака в Пфюнце и стала столь неожиданной. В Нидербидере, в руинах помещения ставки, обнаружили сломанную бляшку, украшенную изображением головы молодого императора. Молодого цезаря идентифицировали с сыном Галлиена, который был убит в начале восстания Постума. Гарнизон мог подвергнуться нападению потому, что сохранял преданность прежнему режиму. Такая трактовка событий привлекательна, однако она остается лишь предположительной. В результате

мы не знаем, кто разрушил эти крепости. Не исключено, это были римские солдаты или варвары; варвары же равным образом могли действовать и сами по себе, и как наемники и союзники, принятые на службу одной из сторон для участия в гражданской войне.

Археология не позволяет судить о том, были ли изгнаны римляне из этих приграничных районов в результате яростной атаки со стороны варваров. По прошествии времени последние поселились здесь, но этот процесс, судя по всему, протекал медленно и постепенно. После первоначальной борьбы Декуматские поля фактически оказались в пограничной области между территориями, контролировавшимися Галлиеном, и землями, чьи жители сохраняли лояльность галльским императорам. Возможно, каждой из сторон имело смысл в случае вражеской атаки отступить за Рейн и Дунай соответственно. Однако какими бы причинами ни обусловливалось оставление границы и территории, располагавшейся за нею, ясно, что римляне либо оказались не способны, либо не захотели заново оккупировать эти земли после того, как галльские императоры потерпели поражение и в империи восстановилась некоторая стабильность*.

На Дунае положение было похожим, и здесь имели место даже еще большие потери. Дакия, одно из недавних приоб-

* *Schonberger H.* The Roman Frontier in Germany: An Archaeological Survey // JRS. Vol. 59. 1969. P. 144—197, особ. 175—179, а также: *Okamura L.* Roman Withdrawals from Three Transfluvial Frontiers // Shifting Frontiers in Late Antiquity. P. 11—30, особ. 13—15 о Пфюнце и Нидербидере. Окамура доказывает, что следы подкопа под одну из стен в Нидербидере являются очевидным признаком осадных работ, искусством которых владели только римляне. Д. Баац недавно показал, что повреждение стены произошло позднее и скорее явилось результатом естественного оседания почвы и изъятия камней, нежели неприятельских действий, см.: *Baatz D.* Cuiculus — Zur Technik der Unterminierung antiker Wehrbauten // *Schallmayer E.* Niederbieder, Postumus und der Limesfall. Stationen eines politischen Prozesses. Bericht des ersten Saalburgkolloquiums. Bad Homburg, 1996. S. 84—89. Я чрезвычайно признателен Курту Клейману, обратившему на это мое внимание.

ретений империи, изобиловала минеральными ресурсами и весьма процветала в течение полутора столетий. Хотя она лежала на другой стороне Дуная, естественный барьер — Карпаты — защищал провинцию от нападений. Во времена войн Марка Аврелия она неоднократно подвергалась набегам сарматов, но наиболее крупные ее города имели стены с момента основания, и пострадала лишь окружающая территория. Основная волна нашествий в III веке обошла провинцию стороной, однако наличествовали признаки серьезных трудностей. Как показывают археологические данные, с середины столетия начался тяжелейший кризис в монетном обращении. Провинциальный чекан прекратился, а новые монеты извне, судя по всему, практически более не ввозились. Возможно, это свидетельствует о том, что значительная часть приписанных к Дакии легионов находилась в другом месте. Не обнаружено каких-либо следов передвижения и вспомогательных войск: упоминания о них буквально исчезают из документов. По-видимому, правительственный контроль прекратился — очевидно, из-за недостатка средств. Аврелиан официально отказался от этой провинции, хотя к западу от Дуная была образована новая провинция Дакия. Часть населения из собственно Дакии, вероятно, перебралась сюда или в какой-либо другой уголок империи. Другие остались за ее пределами. Здесь не произошло стремительного вторжения варваров, и формы римской жизни какое-то время еще сохранялись. В старой столице провинции, Сармизегетузе, кто-то примерно в IV веке сумел превратить амфитеатр в оборонительное сооружение*.

---

* *Diaconescu A.* The towns of Roman Dacia: An Overview of Recent Archaological Research // *Hanson W., Haynes I.* Roman Dacia: The Making of a Provincial Society. Portsmouth, 2004. P. 87—142, особ. см. 128—137.

Глава шестая

ЦАРИЦА И «НЕОБХОДИМЫЙ» ИМПЕРАТОР

К походным тяготам «была привычна и его жена, которая, по мнению многих, была еще храбрее мужа; это была знаменитейшая из всех женщин Востока и, как утверждает Корнелий Капитолин, красивейшая».

Писатели истории августов. Тридцать тиранов. 15. 8

Таков был конец Аврелиана, государя скорее необходимого, нежели хорошего.

Писатели истории августов. Аврелиан. 37. 1

На монументе в память о своей победе царь Шапур держит Валериана за запястье. К старшему из римских должностных лиц, Макриану, были направлены послы, однако он отказался вести переговоры о выкупе пленника. Сын и соправитель Валериана, Галлиен, находился далеко и не имел возможности (а вероятно, и желания) выкупать или спасать отца. Валериан провел остаток жизни в качестве пленника. Говорили, что Шапур использовал его как подпорку, ставя на спину согнувшегося до земли римлянина ногу, когда садился на коня. В одном источнике IV века утверждается, что после смерти императора персы содрали с него кожу, выкрасили ее в красный цвет и вывесили в храме как трофей. Автор был христианином, и в его книге повествовалось о том, какая страшная кончина постигла всех, кто нес ответственность за преследования церкви (Валериан их возобновил), так что писатель, видимо, позволил разыграться своему воображению. Однако он утверждал, что трофей видели римские послы несколько лет спустя*.

---

* Lactant. De mortibus persecutorum. 5, см. ссылки на другие источники, а также литературу в книге: *Dodgeon M.H., Lieu S.N.C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, AD 226—363. A Documentary History. London; New York, 1991. P. 58—63.

Шапур одержал крупную победу. Его войска занимали и грабили город за городом. Через какое-то время персидская армия разделилась на небольшие группы, и некоторые повернули домой с добычей и пленными. Римляне же тем временем начали приходить в себя и наносить контрудары и добились победы в нескольких стычках. Макриан использовал эти незначительные успехи для того, чтобы объявить двух своих сыновей императорами — он страдал хромотой и не чувствовал себя подходящим для такой важной роли. Взяв с собой старшего сына и значительную часть армии, Макриан переправился в Европу и выступил в поход на Италию. В 261 году его разгромили войска, оставшиеся верными Галлиену*. Другой крупной фигурой в борьбе за восстановление власти Рима на Востоке был Септимий Оденат, также сохранявший лояльность Галлиену. Представитель пальмирской знати (вероятно, римский гражданин в третьем поколении), он занимал видное положение в родном городе. Он также стремился сделать карьеру на императорской службе, по-видимому, добился сенаторского ранга и вполне мог быть наместником одной из сирийских провинций. Не исключено, что Оденат пребывал в этой должности, когда повел войска на персов, хотя равным образом возможно, что он действовал, не располагая официальными полномочиями, но просто как влиятельный в своих краях человек. Возможно, его лояльность не всегда была очевидна, и в одном из источников утверждается, что он искал дружбы с Шапуром. Когда его предложения отвергли с презрением, Оденат нанес персам несколько поражений, ускорив их отступление. После ухода интервентов он разгромил младшего сына Макриана**.

---

* Dodgeon, Lieu (1991). P. 65—67, Drinkwater (2005). P. 44—45; *Potter D.* The Roman Empire at Bay, ad 180—395. London; New York, 2004. P. 256—259; SHA. Trig. tyr. 13—14.

** См.: *Millar F.* The Roman Near East, 31 BC — AD 337. Cambridge (Mass.), 1993. P. 157—158, 161—173, *Lang J.* Two Sides of a Coin // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. R. Mathisen, H. Sivan. Aldershot, 1996. P. 59—71, особ. см. 61—62; Potter (2004). P. 256, 259—261; Drinkwater (2005). P. 45—46.

Оденат не удовлетворился одним лишь изгнанием персов из римских провинций и в 262 году развернул большое наступление, которое продолжалось до самого Ктесифона. Этот и следующий походы (вероятно, в 266 году) оказались не более чем крупномасштабными набегами, однако они помогли восстановить престиж Рима. Шапур предпочел ограничиться обороной остальной части царства — он одержал уже достаточно побед, чтобы укрепиться на престоле. Галлиен даровал Оденату ряд почестей, а также звания дукса (dux) — высокий ранг, с которым соотносится средневековый титул duke, «герцог» — и «правителя Востока» (corrector totius orientis), вероятно, давшее ему власть над отдельными провинциальными наместниками. Оденат уже до этого именовал себя «повелителем» своего родного города Пальмиры. Теперь же он стал подражать персидскому монарху и называть себя «царем царей»*.

Несмотря на блеск своих титулов, Оденат так и не провозгласил себя императором. Он защищал персидскую границу и отвечал на вызовы, брошенные Галлиену, но, подобно правителям Галльской империи, не пытался распространить власть на другие территории. В течение шести лет Оденат успешно контролировал значительную часть восточных земель империи. Насколько мы можем судить, он показал себя компетентным правителем — и практически все источники отзываются о нем с похвалой. Но несмотря на это, он и его старший сын Герод погибли в 267 году от рук одного из его двоюродных братьев. Говорили, что спор возник из-за мелкой ссоры по поводу того, кто будет первенствовать на охоте — Оденат, подобно многим другим аристократам, был страстным охотником. Вероятно, причиной случившегося стал лишь гнев его родственника, униженного Оденатом на глазах у окружающих, однако и в то время, и впоследствии кое-кто подозревал, что заговор против него имел более глубокие корни и носил политический характер.

* Об источниках см. в книге: Dodgeon, Lieu (1991). P. 68—80, в особенности см.: SHA. Trig. Tyr. 15. 1—8, Gallien. 10. 1—8, 12. 1, Zosim. I. 39.

Однако какова бы ни была истина, последствия происшествия не вызывают сомнений. Номинально власть перешла к младшему сыну Одената Вабаллату, но так как он был еще ребенком, фактически контроль оказался возложен на его мать, Зенобию. Она была второй женой Одената, и тот факт, что Герод был сыном от первого брака, породил слухи о заговоре. Вабаллата именовали «царем царей» и «правителем всего Востока». В тот особенный период Оденат сделал исключительно удачную карьеру: он сосредоточил в своих руках всю полноту власти над столь обширными территориями и удерживал ее в течение столь длительного срока. Связи с местными правителями укрепляли его престиж, однако в конечном итоге он являлся должностным лицом на римской службе и занимал пост, на который назначил его император (даже если у Галлиена в этом отношении не было выбора). То было лишь назначение, и римская система правления не знала случая, чтобы подобный статус передавался по наследству или чтобы им обладал ребенок. Но в тот момент римляне смирились с ситуацией: перед Галлиеном стояли более неотложные задачи, как и перед его преемником Клавдием II, и в течение нескольких следующих лет женщина контролировала большую часть восточной империи*.

Царица Пальмиры

Город Пальмира — жители, чьим родным языком был арамейский, именовали ее Тадмор — разбогател благодаря торговле, но своим существованием был обязан прежде всего воде. Находившиеся в ней источники и колодцы представляли собой большую редкость в сирийской пустыне; вероятно, латинское наименование города означало «место, где растут пальмы». В начале I века римляне установили над Пальмирой власть, но прочные торговые связи с Парфией

* Об убийстве Одената см.: Dodgeon and Lieu (1991). P. 80—83, специально см.: SHA. Trig. tyr. 15. 5—6, Gallien. 13. 1, Zosim. I. 39, Zonar. XII. 24.

по-прежнему сохранялись. Жители империи стремились приобретать предметы роскоши, привозимые с востока, в еще больших количествах, чем прежде, и Пальмира стала важнейшим перевалочным пунктом для больших караванов, шедших через пустыню. Изображения верблюдов чрезвычайно распространены в искусстве Пальмиры, что свидетельствует о важной роли этих животных при преодолении пустынь. Практически вся торговля велась вдоль Евфрата. Некоторые караваны останавливались в Дура-Европос, примерно в ста тридцати милях от Пальмиры, где до реки было ближе всего, но в конечном итоге большинство спускалось далее вниз по Евфрату к торговым портам, расположенным ниже, или к самому Персидскому заливу. В некоторых надписях упоминаются пальмирские купцы, добиравшиеся даже до Индии. В других содержится немало подробных сведений об организации и охране караванов, поскольку высокая стоимость специй и прочих предметов роскоши, которые они перевозили, создавали сильное искушение у грабителей, желавших напасть*.

В дни Одената Пальмира была большим, величественным городом. Ее руины в пустыне, являющие собой поистине романтическое зрелище, в свое время стали чем-то вроде сенсации, когда европейцы обнаружили их в середине XVIII века. Крупнейшим памятником города был храм Бела (Ваала), созданный в I веке, в архитектуре и убранстве которого сочетались римский, греческий и местный стили. Со временем в городе появилось большое количество величественных построек в греко-римском стиле; не были выстроены только бани и амфитеатр, типично римские здания, или греческий гимнасий, поскольку они не соответствовали вкусам местных жителей. Горожане пользовались в повседневной жизни несколькими языками; значительная часть надписей представляла собой билингвы, причем наряду с пальмирским чаще всего использовался греческий. На латыни, судя

* *Stoneman P.* Palmyra and its Empire: Zenobia's Revolt Against Rome. Ann Arbor, 1992, в особенности P. 31—49.

по всему, говорили значительно меньше, даже после того, как при Адриане Пальмира получила статус римского города. Пальмирских купцов можно было встретить повсюду. В Риме их также было немало — вспомним, что мы уже встречались с Баратом, оставившим надпись в память о своей жене-британке близ Адрианова вала. Другие уроженцы Пальмиры обитали — если не постоянно, то по крайней мере подолгу — в общинах в долине реки Евфрат, а некоторые даже становились чиновниками при местных лидерах*.

Фамилия Одената относилась к числу семей, разбогатевших на караванной торговле, однако вряд ли можно с уверенностью утверждать, что пальмирская аристократия формировалась из числа торговцев или что торговые удачи приносили ей могущество. Мы не располагаем свидетельствами о том, что Оденат происходил из древнего царского рода. Главные городские магистраты именовались «стратегами» («полководцами»), и хотя именование этим древнегреческим титулом гражданских чиновников было принято во многих городах, в Пальмире они по-прежнему были облечены военной властью. Для защиты караванных путей город содержал сильные войска; кроме того, жители Пальмиры служили в регулярной армии Рима — назовем, к примеру, когорту в Дура-Европос. В те времена особенной славой пользовались пальмирские лучники и тяжелая кавалерия (катафракты), но, по-видимому, у города имелась и более легкая кавалерия, и всадники, ездившие на верблюдах, более уместные в роли конвойных. Когда Оденат сражался с персами и подавлял мятеж узурпатора, он присоединил эти отряды к римским войскам**.

На момент смерти мужа Зенобии, вероятно, было около тридцати лет. Подобно супругу, она, по-видимому, происхо-

---

* О культуре *см.* Millar (1993). P. 319—336; хорошо иллюстрированный обзор архитектуры города см. в издании: *Browning I.* Palmyra. London, 1979.

** Stoneman (1992). P. 61—63, 76—79; важное значение тяжеловооруженной кавалерии отмечается в: Zosim. I. 50.

дила из аристократической семьи и имела римское гражданство. Ее дети изучили латинский язык; сама она, как считается, плохо знала латынь, зато хорошо — греческий и египетский, а также арамейский. Став царицей, Зенобия объявила, что происходит от Птолемеев и Селевкидов — династий, правивших в государствах, созданных полководцами Александра Великого. В особенности она, по-видимому, поощряла сравнения собственной персоны с Клеопатрой. Ряд источников подчеркивает ее красоту, а также ум, смелость, выносливость и любовь к таким «мужским» занятиям, как охота. Вместе с тем они не изображают ее любительницей плотских утех (что необычно, когда речь идет о женщине, в особенности восточной); напротив, они специально отмечают ее целомудрие, подчас доходившее до исключительных пределов*.

В течение нескольких лет после убийства Одената ни один римский император не мог ничего предпринять, чтобы взять под контроль восточные провинции. Вабаллат получил те же самые звания и полномочия, что и его отец, все это опять-таки весьма напоминало претензии на императорский титул и длилось несколько лет. В надписи 271 года мальчик именуется «восстановителем единого Востока». Вплоть до восшествия Аврелиана на престол монеты, выпускавшиеся в областях, подконтрольных Зенобии и ее сыну, чеканились по стандартным образцам. Через несколько месяцев там стали появляться монеты с двумя «головами». На одной стороне находилось изображение безбородого Вабаллата, названного «достойнейшим» (т.е. сенатором), «царем» Пальмиры, «победоносным полководцем» (impera-

* Stoneman (1992). P. 111—127, *Watson A.* Aurelian and the Third Century. London, 1999. P. 59—66, Dodgeon & Lieu (1991). P. 83—86; SHA. Trig. Tyr. 30. 1—3, 12—22, в особенности 30. 12, где утверждается, что Зенобия разрешала Одената возлечь с ней лишь для того, чтобы иметь детей, и имела обыкновение ждать до тех пор, пока не убеждалась, что не беременна, прежде чем дозволяла ему соединиться с ней вновь; сравнение с Клеопатрой см. CIS. II. 3946; это сходство также подчеркивается в SHA. Trig. Tyr. 30. 19—20; Aurelian. 27. 3, Prob. 9. 5.

tor) и «вождем римлян» (dux Romanorum). Трудно сказать, действительно ли мальчик представлен здесь младшим соправителем Аврелиана*.

По мере того как влияние Вабаллата росло, территории переходили под его контроль. Верные ему силы сражались на юге, в Аравии. В надписи из Бостры говорится о восстановлении храма Юпитера Аммона, «разрушенного врагами из Пальмиры». В 270 году армия вторглась в Египет, нанеся поражение войскам, которыми командовал наместник провинции. Затем основные силы Зенобии отступили, но вернулись, чтобы подавить восстание. Странным образом этот шаг не был расценен как решительный разрыв с римским императором. Подобно силам Одената, армия Зенобии, по-видимому, представляла собой смесь римлян — кадровых военных и солдат из Пальмиры. К тому же командовавшие ею Септимий Забда и Септимий Забдай были уроженцами Пальмиры и одновременно римскими гражданами. Зенобия, судя по всему, предпочитала полагаться на людей из родного города, которые, возможно, состояли в родстве между собой**.

Теперь в руках царицы оказались Сирия, Египет, значительная часть Малой Азии — хотя в Вифинии местные жители подняли восстание и отразили натиск ее войск, — а также некоторые территории Аравии. Культура при ее дворе во многом напоминала культуру Пальмиры, однако этим сходством дело не ограничивалось. Одним из главных советников царицы был повсеместно уважаемый философ Кассий Лонгин из Эмесы, преподававший риторику в Афинах. О попытках распространения пальмирской или какой-либо другой «восточной» культуры на территориях, находившихся под контролем Зенобии, ничего не известно. На-

---

* Lang (1996). P. 64—69, Dodgeon & Lieu (1991). P. 84—85, 88—89, Potter (2004). P. 266—267 и Millar (1993). P. 171—172.

** О работах в храме в Бостре см. IGLS. 9107 = AE. 1947, 165; перевод приводится в Dodgeon & Lieu (1991). P. 86; о египетской кампании см. Potter (2004). P. 266—267, Watson (1999). P. 61—63, Zosim. I. 44, SHA. Claud. 11. 1—2.

против, правительство оставалось по преимуществу римским, и римские титулы всегда упоминались наравне с сугубо пальмирскими званиями*.

В 271 году Вабаллат наконец был провозглашен императором. Изображение Аврелиана исчезает с монет, чеканившихся на казенных монетных дворах в Антиохии и Александрии; вместо них на всех монетах появляется портрет мальчика, иногда наряду с портретом его матери. Он получил титул августа, Зенобия же стала августой. То было открытое объявление войны, но с Аврелианом, а не с Римом; Вабаллат просто-напросто изображался на монетах в качестве легитимного императора. Что касается мальчиков-императоров, то прецеденты — Элагабал и Александр Север — уже имелись; они также были императорами из Сирии, причем за ними стояли женщины, державшие бразды правления в своих руках. Ситуация очень напоминала то, что происходило в случае галльских императоров, и, подобно им, Зенобия не прилагала никаких усилий для того, чтобы расширить свои владения и прибрать к рукам оставшуюся часть империи. Это не означало, что она и ее сын не претендовали на власть над другими провинциями — они просто отказались от захвата их силой на данном этапе. Вероятно, Зенобия надеялась с помощью переговоров добиться того, чтобы ее сын стал соправителем Аврелиана: последний был бездетен и по этой причине не имел бесспорного наследника. Но если у нее были такие планы, ее постигло разочарование**.

Восстановитель мира

В 272 году Аврелиан повел войска в Малую Азию. Поначалу он практически не встречал сопротивления. Когда Тиана закрыла перед ним ворота, он в ярости поклялся «не оставить в живых ни одной собаки» после того, как возьмет город. В результате один из горожан вскоре провел солдат внутрь.

* Potter (2004). P. 261, Watson (1999). P. 65—66.

** Lang (1996). P. 68—69, Watson (1999). P. 67—69.

Император казнил предателя, считая, что человеку, изменившему родине, нельзя доверять, но запретил солдатам грабить город. Вместо этого он приказал перебить всех собак.

Восстановив власть Рима над Малой Азией, армия двинулась к югу, в Сирию. Первое крупное столкновение произошло близ Антиохии — вероятно, около селения Иммы, где Макрин потерпел поражение от Элагабала более чем пятьюдесятью годами ранее. Зная, что его силам предстоит столкновение с мощной катафрактской конницей, Аврелиан выслал вперед собственную легкую кавалерию, приказав отступить сразу же, как только противник двинется навстречу. Римляне сделали, как им приказали, и вовлекли врагов в беспорядочное преследование. Вскоре последние выбились из сил, изнуренные жарой и тяжестью доспехов; римляне вновь собрались и изрубили их в куски. Армия Зенобии отступила к Эмесе; пленника, похожего на Аврелиана, нарядили в императорское платье и провели по Антиохии, чтобы предупредить переход людей на сторону противника, прежде чем они решат бежать*.

Аврелиан двинулся дальше. Его солдаты атаковали один из небольших городов, стоявший на холме, выстроившись знаменитой «черепахой» (testudo): их щиты находили один на другой, прикрывая их головы от снарядов. Вскоре после этого его войска встретились с вражеской армией близ Эмесы. Римская кавалерия вновь получила приказ обратиться в притворное бегство и заманить вражескую катафрактскую кавалерию в ловушку. Однако то ли пальмирские командиры извлекли урок из прежних ошибок, то ли римляне выполнили маневр не столь тщательно, но на сей раз катафракты вступили в бой с отступавшими римлянами. Римское войско выиграло сражение благодаря пехоте, чей вклад стал решающим. Армия Аврелиана включала в себя разнообразные войска, пришедшие с ним из Европы. Замечено, что с ним был отряд из Палестины — скорее всего регулярные

* Zosim. I. 50—51; SHA. Aurelian. 22. 1—25. 6, Dodgeon & Lieu (1991). P. 89—95, а также Watson (1999). P. 71—75.

войска из тех мест: помимо обычного оружия, они также сражались дубинами и булавами, что было чрезвычайно эффективно против врагов в доспехах. Более чем вероятно, что регулярные части по-прежнему бились на стороне Зенобии, однако Аврелиану было важно сделать акцент на том, что его враги — иноземцы. Когда Август сражался против Антония и Клеопатры, он во многом действовал так же*.

Одержав победу, Аврелиан начал осаду самой Пальмиры. Примерно в то же время армия под предводительством одного из его командующих вновь взяла Египет. Зенобия, находившаяся в Пальмире, пришла в отчаяние: она ускользнула из города в сопровождении всего нескольких сторонников и пустилась в путь через пустыню на верблюдах. Говорили, что она хотела добраться до Персии, но вместо этого наткнулась на римский патруль, и ее схватили. Покинутые царицей, военные силы в городе вскоре сдались, благодаря чему Пальмиру пощадили и не разграбили. Аврелиан проявил милосердие к Зенобии (как впоследствии к Тетрику). Вместо нее главные обвинения были обращены на ее советников. В числе прочих казнили и Кассия Лонгина; говорят, он встретил свою участь с величайшим достоинством. Сведений о произошедшем с Валлабатом не сохранилось, и это отчасти свидетельствует о том, что его фигура не имела подлинного значения**.

Однако восстание не закончилось. Когда Аврелиан отвел назад основную часть армии, жители Пальмиры провозгласили в 273 году нового императора. Римское войско вернулось и взяло город штурмом; на сей раз жители заплатили за все сполна. Случившееся положило конец золотому веку Пальмиры. Территория, занимаемая ею, значительно сократилась, и Пальмира стала маленьким городком, практически все население которого составлял его гарнизон; в ней нако-

* Zosim. I. 52—53.

** Watson, (1999). P. 76—80, 81—84, и Dodgeon & Lieu (1991). P. 96—101, где дается разбор основных источников, в том числе Зосима (I. 55); о смерти Кассия Лонгина см.: Zosim. I. 56. 2—3; SHA. Aurelian. 30. 3.

нец появились бани, столь нужные солдатам. Торговые пути сместились (вероятнее всего, еще одной причиной стало разрушение Дура-Европос, имевшее место несколько лет назад), и источник благоденствия Пальмиры иссяк. Еще одно восстание — в Александрии — также было подавлено, но в данном случае неясно, стремился ли его лидер стать правителем империи или имел в виду более скромные цели*.

Аврелиан вернулся в Рим в 274 году и отпраздновал величайший триумф из всех, какие город видел за многие годы. Тетрик участвовал в шествии в качестве пленника; то же выпало и на долю Зенобии, так увешанной тяжелыми украшениями и золотыми цепями, что ей трудно было идти. Затем бывший император галлов отбыл, дабы занять в Италии административный пост correctores (соправителя). Насчет судьбы Зенобии источники расходятся, но заслуживающая наибольшего доверия (и вызывающая наибольшую симпатию) версия утверждает, что она вышла замуж за сенатора и дожила свой век в мире и уюте. Сто лет спустя ее потомки благоденствовали, будучи членами сенаторской элиты, и гордились своей знаменитой прапрабабушкой**.

Мягкое обхождение Аврелиана с Тетриком и Зенобией свидетельствует о том, что их не воспринимали как лидеров националистов, желавших раскола империи. Галльские императоры и Валлабат с матерью были узурпаторами, но они проявляли умеренность и не направляли на уничтожение своих соперников в Риме. Вместо этого они сосредоточились на установлении власти над теми областями империи, которые центральное правительство «законного» римского императора также пыталось контролировать и защищать. Более десяти лет там сохранялась нормальная обстановка,

---

* Watson (1999). P. 82—83, Dodgeon & Lieu (1991). P. 101—105.

** См. детальное — и возможно, приукрашенное — описание триумфа в SHA, Aurelian. 33. 1—34. 6; об участи Зенобии см. Zosim. I. 59, Zonar. XII. 27, SHA. Trig. Tyr. 30. 27, Eutrop. IX. 13. 2, Hieronym. Chron. 223; см. также: Watson (1999). P. 83—88 и Dodgeon & Lieu (1991). P. 105—109.

продолжали действовать римское право и административный контроль, причем ослабленное римское правительство не смогло бы обеспечить этого самостоятельно. Все эти лидеры были очень честолюбивы и, несомненно, надеялись в конечном итоге путем переговоров или военных действий добиться власти над всей страной. Если бы кому-то из них это удалось, в поле нашего зрения, несомненно, попал бы сильный мужчина (или женщина), честолюбие которого оказалось необходимо для восстановления империи.

Аврелиан снискал похвалы за свою деятельность, несмотря на то что в источниках подчеркивается его безжалостный и жестокий характер. Поражение Зенобии и Тетрика и восстановление контроля центра в провинциях, находившихся под их властью, являлось огромным достижением. Империя на короткое время оказалась под властью одного правителя. В период его царствования велись и другие войны; первые два года он то и дело вынужден был отражать атаки варваров. В 271 году Италия вновь подверглась нападению, и император поспешил прибыть с Дуная, дабы разобраться с ситуацией. Колонна Аврелиана попала в засаду и понесла тяжелые потери близ Плаценции (современная Пьяченца) на реке По. Однако Аврелиан редко терпел поражения; он быстро оправился и разгромил врага в двух битвах, последовавших одна за другой*.

В годы своего царствования большую часть времени Аврелиан проводил вдали от Рима. В 271 году он подавил беспорядки (они едва не переросли в открытое восстание), в которых участвовали работники государственного монетного двора. Их спровоцировало пресечение коррупции, давно существовавшей в рамках государственной системы и приносившей ее представителям немалые прибыли. Вероятно, в схватке погибли тысячи человек, прежде чем мятеж удалось подавить. Громя оппозицию, Аврелиан был беспоща-

* SHA. Aurelian. 18. 3—4, 21. 1—3, Zosim. I. 48—49, Dexipp. FGH II no. 100, fr. 6. 2, а также Watson (1999). P. 48—52, 54—56 и Potter (2004). P. 269—270.

ден, но, по-видимому, почувствовал, что безопасность жителей Рима надо усилить. Вследствие этого началось строительство мощной стены вокруг города длиной более 12,5 мили и почти 20 футов высотой. В отличие от многих других городов, которые уменьшались в размерах после строительства пояса укреплений, новые оборонительные сооружения включали в себя практически всю территорию Рима. Обеспечив таким образом защиту горожан, император также реформировал систему бесплатных раздач хлеба. Он ввел контроль над весом хлебных изделий, сделал данное право наследственным и притом распространил его на все свободное население города. Септимий Север также начал бесплатные раздачи оливкового масла, доставлявшегося в основном из Испании. Аврелиан подтвердил это и включил в число раздаваемых продуктов соль и свинину. Государство также обеспечивало жителей вином, хотя и не бесплатно, но по фиксированной и низкой цене*.

Император похвалялся, что состоит в особых отношениях с «Непобедимым Солнцем» (Sol Invictus), и в 274 году выстроил в Риме огромный храм этого божества. По сути, подобные претензии не представляли собой чего-то нового, и данный культ не имел отталкивающего характера (в отличие от культа, жрецом которого являлся Элагабал). Вера Аврелиана могла быть искренней; кроме того, если подданных императора удавалось убедить в том, что ему покровительствуют боги, с точки зрения политики в этом не было ничего дурного. На другие культы гонений не проводилось. Некоторые позднейшие христианские источники утверждают, что в последние месяцы жизни Аврелиан планировал новые преследования христиан. Последние гонения на них в масштабах империи проводились при Валериане. В отличие от Деция он обращал их именно против христиан, точнее, их лидеров. Если те не отрекались от своей веры публично, их арестовывали и казнили; сенаторов, всадников и чиновни-

* Watson (1999). P. 138—140 о раздаче пищи городскому населению и P. 143—152 о стенах.

ков лишали прежнего статуса. По-видимому, сенат обращался к Валериану с письменным запросом по поводу того, как в дальнейшем поступать с этими людьми. Места встреч христиан также были взяты под контроль; собрания запрещались.

Не исключено, Валериана не интересовало, во что верят бедняки; он также вполне мог надеяться, что судьба виднейших христиан значительно повлияет на общую численность верующих. Наиболее яркие свидетельства о последствиях гонений происходят из Северной Африки, где одной из жертв стал выдающийся писатель и теолог епископ Киприан. Что касается Галлиена, то он либо не был столь же ярым сторонником «чисток», то ли не хотел вступать в конфликт с какими бы то ни было группировками после захвата его отца персами в плен. В восточных провинциях Оденат и в особенности Зенобия, по-видимому, благосклонно относились к христианам, будучи заинтересованы в них; то же относилось к иудеям и приверженцам новой веры — манихейства. Христиане отправляли свой культ открыто, места богослужений были известны всем, службы проводились публично; виднейшие из их числа часто играли важную роль в жизни местных общин*.

После восстановления власти над Антиохией Аврелиан получил прошения от христиан, вовлеченных в спор с их собственным епископом, Павлом Самосатским. В течение какого-то времени он проповедовал учение, которое они считали еретическим; главным образом его упрекали в отрицании божественной сущности Христа. Ранее, на церковном соборе, он публично отрекся от этих взглядов, но затем вернулся на прежние позиции. Его лишили кафедры, однако Зенобия, к которой он обратился как к ближайшей пред-

* Euseb. Eccl. Hist. VII. 11. 10; см. работу М. Эдвардса «Кембриджская древняя история» (CAH. Vol. XII. 2nd ed. Cambridge, 2005. P. 637—647; в действительности автором соответствующего раздела является Г. Кларк: *Clarke G.* Persecution under Valerian and Gallienus // Ibid. P. 637—647), Potter (2004). P. 255.

ставительнице императорской власти, восстановила его в сане. Теперь он отказался освободить здание, где собирались христиане; его также обвинили в том, что он жил в чрезмерной роскоши, окруженный прислужниками, точно правительственный чиновник. Для поборников тех или иных культов, равно как и любой общины или группы населения, обращение к высшим властям в тех случаях, когда они оказывались не способны удовлетворительно разрешить споры между собой, было чем-то вполне собой разумеющимся. Но даже несмотря на это, поражает, что христиане, столь недавно подвергавшиеся преследованиям, обратились к императору. Аврелиан вынес решение не в пользу Павла и отдал приказ изгнать его из здания, принадлежавшего церкви. Описанный случай никак не выдает в нем гонителя христиан*.

Убийство и гражданская война

Несмотря на успехи Аврелиана в ходе своего правления, высшие должностные лица и прочие служащие в большинстве своем боялись его, а некоторые и ненавидели. В 275 году, когда император находился во Фракии — вероятно, на пути на Восток для организации кампании против персов, — его убили. По-видимому, среди заговорщиков не было значительных лиц; ходили разговоры, будто их одурачил, заставив бояться за свои жизни, один из секретарей императора. Они не выдвинули кандидата на трон и в любом случае не имели влияния по сравнению с влиянием армии, поскольку рядовой состав сохранял преданность Аврелиану. Когда перед высшими офицерами встала задача выбрать ему преемника, возникла странная пауза. Позднейшая традиция сообщает (несомненно, преувеличивая), что междуцарствие продолжалось шесть месяцев, в течение которых сенат и армия вежливо предлагали друг другу выдвинуть нового императо-

* Дискуссию о данном эпизоде см. в работе: *Millar F.* Paul of Samosata, Zenobia and Aurelian // JRS. Vol. 61. 1971. P. 1—17.

ра. Более вероятно, что прошло всего несколько недель, прежде чем было названо имя пожилого Тацита (полностью его звали Марк Клавдий Тацит). В одном источнике утверждается, что ему было семьдесят пять, но это явное преувеличение. Этот офицер из всаднического сословия также происходил из Придунавья; он сделал успешную карьеру и, получив сенаторское звание, удалился от дел, чтобы поселиться в поместье в Кампании*.

Официальное вступление в должность Тацита произошло в конце 275 года. В начале следующего года он отбыл в Малую Азию, чтобы провести там кампанию, поскольку рейды с моря (в основном с участием готов) вновь возобновились. Часть варваров утверждала, что первоначально они собрались, выполняя требование Аврелиана, призвавшего их служить в качестве ауксилиариев во время экспедиции в Персию. С равной вероятностью это могли быть и отговорка, и действительное недопонимание. Большая часть воинов занялась грабежом; Тацит атаковал их и одержал победу — событие, весьма важное для нового императора. Меньшую удачу принесло назначение его родича Максимина правителем Сирии: тот оказался столь жестоким и развращенным, что его вскоре убили. Боясь наказания, та же группа офицеров расправилась и с Тацитом**.

Императором провозгласили префекта претории Флориана (полностью его звали Марк Анний Флориан). Эту кандидатуру поддержали не все, и Проб (Марк Аврелий Проб), командовавший военными силами в провинциях, повел из Египта и Сирии сильную армию, дабы занять престол самому. Флориан стал императором в июне. К концу лета его убили его же люди в виду приближавшихся сил противника близ Тарса. Проб, также офицер всаднического

* См.: Drinkwater (2005). P. 53—54, *Syme R.* Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971. P. 245—246, Potter (2004). P. 274—275 и Watson (1999). P. 104—112.

** SHA. Tac. 13. 2—3, Zosim. I. 63. 1; Zonar. XII. 28 о набегах; Aurel. Vict. De Caesar. 36; SHA. Tac. 13. 5, Zosim. I. 63.

происхождения, провел большую часть шестилетнего правления в непрерывных войнах, сражаясь на Рейне и Дунае, в Малой Азии и Египте. Ему пришлось бороться не только с иноземцами. Появившийся в Сирии узурпатор продержался недолго; более серьезную опасность представляли узурпации на Рейне и в Британии, и подавить их удалось лишь после некоторых усилий*.

В Галлии повсюду бесчинствовали шайки разбойников. В Малой Азии, в Исаврии, также имело место восстание под предводительством бандита по имени Лидий, однако он не имел цели добиться власти в империи. Жители этого гористого района считались полуварварами, хотя раскопки в городе Кремне свидетельствуют о сравнительно высоком уровне их цивилизованности. Но даже несмотря на это, бандитизм был в этих краях обычным явлением, и восставшие, по-видимому, воспользовались ситуацией нестабильности, чтобы атаковать соседние общины. Проб отправил всадника, наместника Ликии и Памфилии, некоего Теренция Марциана, против мятежников; те отступили за стены Кремны.

Дальнейшее показало, что римские солдаты сохранили значительную часть навыков ведения осады. Единственный сохранившийся подход к городу находился с западной стороны, и нападающие начали сооружать две длинные стены (использовалась каменная кладка без раствора), чтобы защититься от вылазок и не дать горожанам бежать. На внутренней стене римляне разместили тяжелые катапульты и повели обстрел городских укреплений. Затем они начали возводить огромную насыпь на расстоянии немногим больше двадцати ярдов от городской стены. Ее использовали для того, чтобы расставить на ней более тяжелую артиллерию, однако она могла с легкостью превратиться в своего рода пандус для штурма города на дальнейших этапах военных действий. Люди Лидия ответили на угрозу, возведя собственную насыпь (правда, куда меньших размеров) за стеной, поскольку более высокая платформа создавала значитель-

* См.: Drinkwater (2005). P. 54—57 и Potter (2004). P. 275—279.

ное преимущество. Однако им было не угнаться за инженерным искусством, доступным регулярной армии; кроме того, силы были слишком неравны, и хотя город, стоявший на склоне горы, находился выше, чем насыпь римлян, высота насыпей вскоре сравнялась. Среди развалин стены, близ которой находилась насыпь, были найдены тяжелые камни, примерно 17—18 дюймов в диаметре и 200—270 фунтов весом, выпущенные из римских орудий. Одна башня была разрушена, другая частично обвалилась, и пришлось ее поспешно восстанавливать. Лидия убил, выстрелив из баллисты, человек, который командовал его же артиллерией, дезертировавший, после того как его высекли. Эта смерть, а может быть, устрашающая высота насыпи, возведенной римлянами, вынудили город сдаться*.

Римская армия по-прежнему действовала эффективно, если солдаты были должным образом обучены, накормлены и обеспечены всем необходимым, если их возглавлял способный командующий и, наконец, если их оказывалось достаточно много. При Пробе римляне одержали немало побед и потерпели всего несколько поражений. По меркам тех времен он правил долго и успешно, хотя, вероятно, большая часть заслуг принадлежала его подчиненным. Судя по всему, он не был популярен у армии — по крайней мере у офицерского состава, отчасти потому, что использовал войска в качестве рабочей силы на строительстве в городах и при выполнении сельскохозяйственных проектов. Такая традиция существовала в римской армии многие годы, но, возможно, со временем это делалось все более редким явлением. В 282 году Проб погиб от рук группы офицеров; его заменил префект претории Кар (полное его имя звучало как Марк Аврелий Нумерий Кар), правивший вместе со своими сыновьями Нумерианом и Карином. Кар также был офицером из

* *Mitchell S.* Cremna in Pisidia: An Ancient City in Peace and War. London, 1995. P. 177—218, где проводится обсуждение истории осады и дается анализ литературных и археологических источников; сообщение Зосима с упоминанием о смерти Лидия см.: Zosim. I. 69.

всаднического сословия, хотя его семья происходила не из Придунавья, а из Галлии, что было нехарактерно для периода, о котором идет речь*.

Незадолго до смерти Проб, вероятно, начал готовить экспедицию против Персии, и в 283 году Кар и Нумериан двинулись в Месопотамию, которая находилась под контролем персов (временами ослабевавшим) с 260 года. Натиск осуществлялся успешно; по-видимому, римлянам удалось выиграть крупное сражение. Римская армия вновь достигла Ктесифона, и на сей раз город пал. Кар двинул войска дальше, но где-то в середине лета внезапно скончался. Источники утверждают, что его убило молнией, ударившей в палатку, но многие историки полагают, что это был лишь вымысел, призванный скрыть истину. Возможно, он умер от болезни или, что более вероятно, был убит. Нумерий наследовал ему и царствовал большую часть следующего года. Персидская война прекратилась, но, когда армия отступала, у молодого императора началась глазная болезнь. Затем он погиб от рук префекта претория по имени Апр, которому удалось скрыть свой поступок: он заявил, что император просто-напросто болен и должен оставаться в закрытых носилках. В конце концов обман обнаружился из-за запаха, и офицеры отказались подчиниться Апру. Вместо этого они избрали своего товарища, Диоклетиана (полное его имя звучало как Гай Валерий Диокл); то был еще один офицер-всадник, выходец с Балкан. Возможно, он состоял с Апром в тайных сношениях, но первое, что он сделал после объявления его императором, — заколол префекта, дабы тот ничего не разгласил**.

Тем временем другой сын Кара, Карин, отражал угрозу, возникшую в Европе: в Паннонии поднял восстание Сабин Юлиан. В 285 году Карин разгромил врага в битве при Вероне, но к этому времени силы Диоклетиана также покинули восточные земли. Через несколько месяцев соперники сошлись близ места впадения реки Марг в Дунай. В ходе жесто-

* См.: Drinkwater (2005). P. 56—58 и Potter (2004). P. 279—280.

** Источники см.: Dodgeon & Lieu (1991). P. 112—121.

кого боя удача улыбнулась Карину, но тут несколько его офицеров решили перейти на сторону противника и убили его. Среди прочего, как говорили, их поступок был вызван тем, что император соблазнял чужих жен. На тот момент Диоклетиан остался единственным императором. Он показал себя наиболее эффективным правителем со времен Септимия Севера (также пришедшего к власти в результате гражданской войны*).

Вторжение Кара стало тяжким ударом для Персии, расколотой борьбой за престол. Шапур I скончался в 272 году. Он и его отец правили почти полстолетия с момента поражения парфян в 224 году. Оба были энергичными лидерами и искусными командующими, что обеспечило прочное положение их династии. Однако со времен их правления прошло много лет, прежде чем среди персидских царей появился тот, кто продержался бы столь же долго и правил с таким же успехом. Сын Шапура скончался уже через год после того, как стал царем; его внук правил только три года. Когда сын этого царя, Бахрам II, взошел на престол, царская семья разделилась, поскольку другая ее ветвь выдвинула второго кандидата на престол и подняла мятеж. То, что претенденты происходили только из рода Сасанидов, было достижением Ардашира и Шапура. Однако феодальная природа Персидского государства, а также то, что оно в значительной степени опиралось на представителей династии, игравших роль местных правителей, всегда оставляли возможность соперничества за высшую власть среди членов царствующего дома**.

Современные историки склонны рассматривать Персию Сасанидов как куда более грозного и агрессивного противника, нежели древнее Парфянское царство, на смену которому она пришла. Кое-кто делает несерьезные заявления насчет новой сверхдержавы, представлявшей для Рима

* Zosim. I. 73.

** См.: *Frye R.* The Sassanians // CAH. 2nd ed. Cambridge, 2005. P. 470—471.

такую угрозу, что ему пришлось значительно увеличить военные расходы. Ценой этого стало сильнейшее напряжение римской экономики, повлекшее за собой интенсивные политические и социальные изменения. Таким образом, радикальные перемены в составе сената — многие из них произошли или завершились при Диоклетиане — якобы стали необходимым, пусть и болезненным ответом на ситуацию*.

Да, теория удобная, но проверить ее трудно. В основном она основывается на факте побед Шапура I, несомненно, впечатляющих, но требующих рассмотрения в соответствии с контекстом и его собственными целями. Несмотря на похвальбу послов, нет никаких признаков того, что персы на самом деле когда-либо стремились восстановить древнюю империю Ахеменидов. Они действительно хотели ограничить власть Рима на территориях близ собственных земель: Рим никогда не был хорошим соседом, притом с течением времени его владения расширялись. Сасаниды также желали искоренить монархию Аршакидов в Армении, равно как и всех, кто мог бы претендовать на власть в их стране. Ардашир и Шапур воспользовались ослаблением Рима, чтобы установить свое господство над приграничными районами и напасть на саму империю.

Однако речь никогда не шла об установлении постоянного контроля. Персам недоставало сил для этого; возможно, им бы не удалось осуществить и планировавшуюся ими долгосрочную оккупацию. Армии, вторгавшиеся в римские провинции, могли грабить (и грабили) весьма обширные территории. Крупные города, такие как Антиохия, пали и подверглись разорению, но персы никогда не стремились удержать их. Другой важной целью был захват значительного числа пленников, и Шапур брал людей в плен тысячами. Их уводили далеко в глубь Персии и селили вдали от границ, чтобы побег стал практически невозможным. Там они трудились, участвуя в реализации крупных инженерных проек-

* См., например: *Heather P.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 58—67 и в особенности P. 60, 64.

тов: строили города, дамбы и ирригационные системы. В результате возрастала производительность сельского хозяйства на царских землях, что прибавляло правителю богатства и власти*.

В соответствующих обстоятельствах персидская армия действовала весьма эффективно, хотя трудно сказать, насколько она отличалась от парфянского войска, так как мы очень мало знаем о нем. Представляется, что персы обладали бóльшим мастерством в умении вести осаду, чем парфяне, но преувеличивать их искусство не следует. Ардашир и Шапур стояли во главе превосходной армии, приведшей их к власти. Под командованием большинства позднейших царей было далеко не так много опытных и верных солдат. Армия не являлась регулярной и основывалась на характерном для феодализма принципе «частичной занятости», что не давало возможности оставлять гарнизоны в больших городах. По достижении крупного успеха многие контингенты распускались и возвращались домой с добычей, что делало армию уязвимой.

Насколько нам известно, после 260 года Шапур не предпринимал наступательных акций против римлян. Оденат продвинулся до самого Ктесифона и, по-видимому, не потерпел ни одного серьезного поражения. Персидский царь не пытался организовать нового масштабного вторжения даже несмотря на то, что римская империя оставалась расколотой. Одна из причин заключалась в том, что Оденат, а впоследствии Зенобия имели в своем распоряжении мощную армию, хотя сомнительно, чтобы их войска были так же сильны, как регулярные части в восточных провинциях в более мирные времена. Наверное, у Шапура возникли проблемы в других областях его обширных владений — не следует забывать, что у его государства были и другие границы помимо той, что отделяла ее от Римской империи. Немало-

* Potter (2004). P. 256, Dodgeon & Lieu (1991). P. 67, 297 и в особенности: *Lieu S.* Captives, Refugees and Exiles // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. P. Freeman, D. Kennedy. Oxford, 1986. P. 475—505.

важно и то, что он уже достиг всего, к чему стремился, воюя с римлянами: сокрушил трех императоров, претерпевших немалое унижение, разбил их армии, захватил множество городов, богатую добычу и огромное число пленников.

Римляне представляли собой энергичных и зачастую агрессивных соседей. Империя создавала угрозу, против которой Ардашир и Шапур могли объединить подданных своего вновь созданного царства. Оба нуждались в победах, которые обеспечили бы надежность их власти, а ослабленная и расколотая Римская империя давала для этого идеальную возможность. Их успех стимулировал новые войны, поскольку римляне искали реванша, вторгнувшись в Персию. Сумев отразить их атаки — или по крайней мере уцелев, — монархи приобрели еще большую славу; кроме того, у них возникли причины и основания для новых походов на римские провинции.

Персия уступала Риму в силе, и видеть в них соперничавшие друг с другом сверхдержавы — принципиальная ошибка. Персия, несомненно, была наиболее мощным государством того времени после Рима, куда более могущественным, нежели любое варварское племя или даже конфедерация племен, однако ее богатство, ресурсы и армия — непрофессиональная в отличие от армии империи — не шли ни в какое сравнение с римскими. Ардашир и Шапур воевали, чтобы победить и удержать за собой власть. Появление столь грозных владык и их потребность в новых победах совпала с периодом слабости Рима, вызванной расколом и гражданской войной. Когда Шапур утвердился на троне, его агрессивность ослабла. Цари, правившие позднее, были менее одаренными полководцами или больше занимались борьбой с внутренними соперниками, что мешало им нападать на Рим. Кроме того, они встретили куда более мощное и лучше организованное сопротивление, поскольку гражданские войны в империи утратили прежнюю интенсивность. И многим поколениям персов так и не удалось повторить успех Шапура.

Глава седьмая

КРИЗИС

Никогда прежде не было столь мощных землетрясений и моровых поветрий, никогда прежде не появлялись тираны и императоры, возносившиеся к власти столь быстро; подобное можно лишь изредка прочитать в истории древних — если можно прочитать вообще. Некоторые из этих людей правили длительное время; некоторые были у власти недолго; некоторые едва успевали получить титул и мимолетные почести, как их низлагали. За шесть десятилетий в римской империи властвовало больше людей, чем прошло лет.

*Геродиан, середина III века**

На протяжении полувека, прошедшего между убийством Александра Севера и победой Диоклетиана над Карином, императорский престол занимали около шестидесяти человек. Точную цифру установить невозможно, поскольку в ряде случаев непонятно, претендовал ли лидер восстания на трон и, более того, существовал ли он в принципе. В 2004 году в графстве Оксфорд была найдена монета с изображением Домициана, узурпатора, продержавшегося исключительно короткий срок. Согласно кратким упоминаниям в источниках, он восстал против Аврелиана в 270 или 271 году. До этого среди находок имелась лишь одна монета с его именем, и большинство историков оценивало ее как фальшивку. Теперь ясно, что он претендовал на власть над империей — вероятно, над западными провинциями — и продержался достаточно долго, чтобы выпустить монеты со своим именем**.

Домициан был одним из множества тех, кого можно назвать императорами со значительной долей условности;

---

* Herodian 1. 1. 4—5. Пер. А.И. Доватура.

** Домициана упоминает Зосим: Zosim. I. 49; см. также: SHA. Gallien. 2. 6, Trig. Tyr. 12. 14, 13. 3.

срок их правления исчислялся неделями. Галлиен продержался значительно дольше других, если прибавить семь лет, в течение которых он правил совместно с отцом, к восьми годам единоличного его правления. С другой стороны, самое долгое царствование — девять лет — выпало на долю Постума, хотя под его властью находилась лишь половина империи. И Галлиена, и Постума убили в результате заговоров, возникших в среде высшего офицерства и прислуги. То была обычная судьба императоров вне зависимости от длительности их правления.

Период с 235 по 285 год часто характеризуется как время анархии; он получил наименование «кризис III века». Несомненно, частая смена императоров представляла собой значительный контраст по сравнению с тем, что происходило в I и II веках: за период с 31 года до н.э. по 180 год сменилось всего шестнадцать императоров (если учитывать Луция Вера, коллегу Марка Аврелия, семнадцать). Но в течение пятидесяти пяти лет, последовавших за смертью Марка Аврелия, сложилась иная ситуация. Со 180 по 235 год сменилось десять императоров (если считать Гету — одиннадцать), и это число, разумеется, можно увеличить, включив в него нескольких недолго продержавшихся узурпаторов, восставших против младших Северов. В середине III века дело обстояло куда хуже, однако речь идет о количественном, а не о качественном различии. Равным образом, хотя Диоклетиан правил вместе с коллегами два десятка лет, за эти годы появилось несколько узурпаторов, и в Британии и некоторых областях Галлии возникло подобие Галльской империи более ранних времен. Гражданские войны оставались обычным, хотя и не столь частым явлением.

Говоря о «кризисе III века», исследователи традиционно рисовали безрадостную картину. В то время римляне терпели поражение за поражением от новых, куда более сильных, чем прежние, внешних врагов. Персидская армия заняла Антиохию, флотилии готских пиратов грабили Грецию и Малую Азию, в то время как другие варвары вторглись через

границы в Галлию, Италию и Испанию. В течение многих лет значительная часть Востока контролировалась властителями Пальмиры, тогда как западные провинции отпали от Рима в годы правления сменявших друг друга императоров. Вспыхивали и эпидемии, поражавшие обширные области, по быстроте распространения заболеваний и количеству жертв не уступавшие эпидемиям при Антонинах. Одновременно произошел экономический коллапс, поскольку императоры тратили очень большие суммы на военные расходы и это повлекло за собой девальвацию. Общество также сильно изменилось: часть беднейших граждан в сельских районах оказалась фактически низведена до положения немногим лучше рабского. Все это сопровождал кризис веры, поскольку люди повсюду отказывались от прежних верований в пользу новых религий и варварских суеверий.

Однако мода в академических кругах меняется, и в наши дни немногие согласились бы со столь мрачными представлениями, поскольку свидетельства того времени могут быть истолкованы на иной лад. Некоторые возразили бы, что само слово «кризис» неправильно, поскольку очевидно, что выживанию империи ничто не угрожало. И все же никто не сомневается, что в этот период происходили значительные перемены. Империя Диоклетиана выглядела и функционировала вовсе не так, как империя при Марке Аврелии. Прежде чем перейти к рассмотрению созданной Диоклетианом системы, стоит остановиться, чтобы проанализировать некоторые изменения глубинного характера, на наш взгляд, имевшие место*.

* Что касается дискуссии по проблеме «кризиса III в.», см. полезное введение в работу: *Watson A.* Aurelian and the Third Century. London, 1999. P. 1—20; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284—602. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 1—36, *Alföldy G.* The Crisis of the Third Century As Seen By Contemporaries // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 15 1974. P. 89—111; *Liebeschuetz W.* Was There a Crisis of the Third Century? // Crises and the Roman Empire. Eds. O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 11—20. Обзор состояния проблемы в целом см.: *MacMullen R.* Roman Government's Response to Crisis, AD 235—337.

«Кесарю кесарево»: деньги и экономика

Считалось, что императоры должны быть щедрыми. Практически всегда новый император первым делом обещал армии денежную выплату (или донатив), и это касалось как Марка Аврелия, так и любого узурпатора позднейших времен, искавшего власти. Даже в нормальных обстоятельствах содержание армии составляло главную статью расходов в бюджете империи. Частые войны — в особенности кампании, шедшие на территории государства и потому приносившие мало добычи — значительно увеличивали затраты. В целом войска оставались верны любой закрепившейся на престоле фамилии до тех пор, пока правление ее представителей выглядело достаточно эффективным и пока они не терпели слишком много тяжелых поражений. Новым императорам было куда труднее добиться лояльности; в результате им тем более необходимо было хорошо обращаться с солдатами. Север увеличил армейское жалованье впервые за более чем столетний период; Каракалла же повторил его жест всего лишь через несколько лет. Макрин пытался сократить расходы, и не-

1976 и Corruption and the Decline of Rome (1988). Новейший пересмотр, по-прежнему содержащий весьма унылую картину данного периода, см. в исследовании: *Blois de L.* The Crisis of the Third Century A.D. in the Roman Empire: A Modern Myth? // The Transformation of Economic Life Under the Roman Empire. Network Impact of Empire, Nottingham, July 4—7, 2001 / Eds. L. de Blois & J. Rich. Amsterdam, 2002. P. 204—217. Более позитивную оценку периода см. в работе: *Witschel C.* Re-evaluating the Roman West in the 3rd c. A.D. // Journal of Roman Archaeology. Vol. 17. 2004. P. 251—281. Оценку периода в большей степени как переходного, нежели как кризисного, см. в работе: R. Reece, «The Third Century: Crisis or Change?» // The Roman West in the Third Century: Contributions From Archaeology and History / Eds. A. King & M. Henig. London, 1981. P. 27—38. Удачную подборку мнений на эту и другие темы, имеющие отношение к падению Римской империи, см. в книге: The Fall of Rome: Can it be Explained? / Ed. M. Chambers. New York, 1963.

адекватное поведение в данной ситуации дополнительно ускорило его гибель.

Император был самым крупным землевладельцем в мире. Его владения включали огромные сельскохозяйственные угодья, а также такие объекты, как рудники, в целом ряде провинций. Они быстро теряли статус персональной собственности и передавались от императора к императору вне зависимости от их происхождения и от того, были ли правители связаны между собой родственными узами. Часто к ним прибавлялась собственность, конфискованная у казненных противников, но ни один правитель не решился бы казнить слишком много богатых и влиятельных людей: такой шаг был сопряжен со значительным риском. Можно было ввести новые налоги — Дион Кассий полагает, что эдикт Каракаллы в конечном итоге имел целью пополнение казны — или пересмотреть старые, дабы доходы шли правительству. Это также было небезопасно. Восстание Гордиана против Максимина было спровоцировано возмущением злоупотреблениями чиновника, собиравшего налоги в Африке. Примечательно, что уровень налогообложения в провинциях в целом оставался постоянным*.

Большая часть методов получения дополнительных средств была чревата опасностью для императора, и в особенности для того, кто только что захватил власть. Однако тратиться приходилось всегда, и расходов требовала не только армия. Содержание даже скромного чиновничьего аппарата в империи стоило денег, а число государственных служащих в данный период постоянно росло. Существовало немало других вещей, которые, по общему мнению, должен был оплачивать император. В Риме проводились бесплатные раздачи продуктов и выдавались субсидии на питание, устраивались развлечения для населения, а также велось

* Jones (1964). P. 9—11, 20—23, 29—32, *Hopkins K.* Taxes and Trade in the Roman Empire (200 BC — AD 400) // JRS. Vol. 70. 1980. P. 101—125, а также работу: *Corbier M.* Coinage and Taxation: the State's Point of View, A.D. 193—337 // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 360—386.

строительство новых зданий и ремонт старых. Считалось, что император должен быть щедр по отношению к общинам и отдельным персонам. Если, по мнению окружающих, он проявлял жадность, те могли выдвинуть в качестве претендента на престол кого-то более щедрого. Но немало императоров III века даже не могли пользоваться всеми ресурсами империи, так как часть территорий то и дело оказывалась под контролем их соперников. Одна из причин, по которой Галлиен столько продержался на престоле, состояла в том, что он удерживал власть над богатыми провинциями Северной Африки, где находились обширные императорские владения. Кроме того, Египет, во многом обслуживавший потребность Рима в хлебе, оказался в руках Зенобии лишь после его смерти.

В хрониках III века то и дело упоминаются финансовые проблемы. Императоры контролировали чеканку золотых и серебряных монет и постоянно испытывали искушение дополнительно увеличить свои доходы за счет девальвации. Наиболее резкие изменения произошли в отношении серебряных денег. Во времена Траяна серебряный денарий содержал более девяноста процентов серебра (денарий — это мелкая монета в Библии, что-то вроде английского пенни, отсюда принятое до перехода на десятичную систему счисления обозначение пенса буквой «d»). При Марке Аврелии содержание серебра по сравнению с неблагородными металлами упало ниже семидесяти пяти процентов — в те времена империя была разорена войнами и эпидемиями. Септимий Север увеличил плату воинам и снизил содержание серебра в монетах до пятидесяти процентов. Каракалла ввел новую серебряную монету, известную под названием антониниан и стоившую предположительно два денария, хотя она весила всего в полтора раза больше. При Элагабале ее упразднили, но в период совместного правления Бальбина, Пупиена и Гордиана III она появилась снова. К этому времени содержание серебра сократилось до сорока процентов. Примерно в середине столетия процесс значитель-

но ускорился, и когда Аврелиан взошел на престол, серебра в монетах оставалось всего около четырех процентов*.

Влияние этого явления очень трудно оценить, поскольку нам недостает статистических данных (обычная проблема, когда речь идет о римской экономике). Очевидно, что цены к концу III столетия в целом были значительно выше, чем в конце II века, — в некоторых случаях они поднялись на несколько сот процентов. Прежде история Рима не знала подобной инфляции. Однако в основном наши сведения о ежедневном росте цен происходят из Египта, где была своя монетная система; лишь при вступлении Аврелиана на престол ее упразднили и вместо нее ввели имперскую. Цены выросли, судя по всему, внезапно. Землевладельцы, и крупные, и мелкие, вероятно, не пострадали, поскольку у них по-прежнему была продукция на продажу или обмен. Те, кто считает бартер важной частью экономики в сельских районах, склонны утверждать, что изменение качества монет имело место лишь на незначительной части территорий империи. Занятые в производстве люди могли продолжать продажу продукции, если предположить, что они, подобно аграриям, по-прежнему находили рынок для ее сбыта. Вероятно, изменения шли медленно, поскольку монеты в таком количестве лишь начали циркулировать и люди, вероятно, имели возможность адаптироваться к этому. Однако то был не единственный фактор. Ведение войн требует расходов, и в особенности это касается войн гражданских; нужно было продвигать войска по территориям, где обычно не велись бои, а дисциплина слабела. Мало кто выигрывал

* О девальвации и ее возможных последствиях см. работу Corbier в CAH² 2005. P. 330—360; *Howgego C.* Coin Circulation and the Integration of the Roman Economy // Journal of Roman Archaeology. Vol. 7. 1994. P. 6—21, в особенности 12—16, de Blois (2002). P. 215—217, *Duncan-Jones R.* Money and Government in the Roman Empire. Cambridge, 1994, в особенности P. 20—32, и *Blois L. de.* Monetary Politics, the Soldiers' Pay, and the Onset of Crisis in the First Half of the Third Century AD // The Roman Army and the Economy. Ed. P. Erdkamp. Amsterdam, 2002. P. 90—107.

от этого, а страдали многие. Численность жителей, по-видимому, уменьшалась; конечно, происходило сокращение населения на отдельных территориях в результате вспышек болезней, хотя если оценивать долгосрочные изменения, они были невелики*.

В конце концов, мы точно не знаем, что происходило на самом деле. Если бы у нас было столько же сведений о XX веке, сколько о III веке, у нас не сложилось бы адекватного представления о масштабах Великой депрессии или о последствиях двух мировых войн. К примеру, мы не заметили бы никаких колебаний в неизменном росте благосостояния и процветания Японии и Германии. Любые сообщения об опустошении, вызванном войной, содержащиеся в литературных текстах, неизбежно оценивались бы как грубое преувеличение. Очевидно, что в начале IV века в Риме было много богатых людей — это не обязательно значит «очень много». В конце концов, во времена Великой депрессии были и те, чье благосостояние и богатство не уменьшились. Мы не располагаем цифрами относительно сокращения числа богатых людей в IV веке по сравнению со II веком. И в том и в другом столетии, а также в промежуточный период были и бедняки, однако нам опять-таки неизвестна ни их численность, ни ее отношение к общей численности населения.

Имеется ряд свидетельств сокращения чистого дохода в целом. С середины III века наблюдается резкий спад количества сохранившихся надписей. Так как они часто делались в память о деяниях на благо общины, предпринимавшихся городскими магистратами и другими местными лидерами, это означает, что подобные деяния также стали куда более

* См. работы: *Bruun C.* The Antonine Plague and the Third Century Crisis // Crises and the Roman Empire. P. 201—217, и *Jongman W.* Gibbon was Right: The Decline and Fall of the Roman Economy // Crises and the Roman Empire. P. 183—199. В обеих работах доказывается, что в III в. наблюдался серьезный упадок в экономике и сокращение численности населения.

редким явлением. Возможно, реже стали делаться именно памятные надписи, но археологические находки действительно подтверждают впечатление, будто общественные сооружения больших размеров стали строить менее часто. Заметим, что в большинстве городов уже были свои бани, театры, цирки, дворцы и храмы, и поэтому, не исключено, в новых постройках не было необходимости. Однако в рамках идеологии местной аристократии более ранних времен строительство еще более величественных зданий воспринималось как своего рода вызов, требующий ответа, даже если это грозило разорением (в пример можно привести города, описанные Плинием в начале II века, когда он был правителем Вифинии). Единственное, что к 300 году н.э. требовалось любому мало-мальски значительному городу, — мощная стена вокруг него. То, что многие из них возводились из обломков разобранных зданий, явно указывает на падение общего благосостояния*.

Имеются также и признаки упадка торговли с далекими странами. Специалисты по подводной археологии обнаружили, что обломков судов, потерпевших крушение в период с I века до н.э. по II век н.э., куда больше, чем относящихся к любому из позднейших периодов. Это заключение нужно интерпретировать с осторожностью: большинство находок сделано в Западном Средиземноморье, поскольку там работало больше поисковых групп. И все же понятно, что наибольший расцвет торговли в этих местах пришелся на период раннего принципата. Вероятно, со временем, когда близ других побережий будет проделана достаточная работа, возникнет новое представление об этом. Тем не менее раскопки на суше также свидетельствуют, что с III века и далее произошло значительное уменьшение количества товаров, ввозившихся из-за границы и циркулировавших на территории провинции. Отчасти это является признаком интенсивного развития производства в регионах. В Британии,

* *MacMullen R.* The Epigraphic Habit in the Roman Empire // American Journal of Philology. Vol. 103. 1982. P. 233—246.

Испании, Галлии и в других областях появились местные мастера, искусные в изготовлении глиняной и стеклянной посуды тонкой работы или, скажем, в выкладывании мозаичных полов. Более экзотические товары — предметы роскоши — такие как шелк и специи, по-прежнему привозили из далеких стран (и опять-таки мы не знаем, изменилось ли количество ввозимого). Однако торговля с Индией и более далекими землями, по-видимому, переживала в III веке серьезный упадок и оживилась лишь в IV веке*.

В ряде районов площадь и население городов сократились, деревни опустели, крестьянские хозяйства исчезли. В прошлом благосостояние отдельных общин также не оставалось неизменным и самые малые из них прекращали свое существование по разным причинам. Однако в таких областях, как северо-западная Галлия, подобные симптомы упадка стали во второй половине III века куда более распространенным явлением. В других районах давали себя знать последствия постоянных военных действий. Дура-Европос была покинута, благосостояние Пальмиры истощалось по мере того, как она утрачивала независимость. Некоторые области уже пребывали в упадке еще до начала кризиса III века. Наивысший расцвет сельского хозяйства в Италии пришелся на период раннего принципата, но по мере развития провинций рынок сбыта утрачивался. Галлы, производившие собственное вино, более не нуждались в продукции италийских виноградарей и не закупали ее в прежних количествах. Во времена процветания торговли даже не самая плодородная земля возделывалась ради коммерческой выгоды, но к концу II века усилия, затрачивавшиеся на обработку таких полей, перестали окупаться и в источниках появляются сведения о брошенной земле. Испания достиг-

* Hopkins (1980). P. 105—108, а также *Parker A.* Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces. Oxford, 1992; о торговле с Индией и Китаем см.: *Young G.* Rome's Eastern Trade. International. Commerce and Imperial Policy, 31 BC — AD 305. London; New York, 2001. P. 80—88, 126—128.

ла процветания позже, чем Италия; богатеть она стала отчасти благодаря начавшимся поставкам оливкового масла в Рим, а также по причине повсеместной популярности гарума — пикантного соуса к рыбе, производимого здесь. Со временем у крестьян Испании появились конкуренты — производители из других областей, прежде всего из Северной Африки.

История африканских провинций III века, несомненно, являет собой один из наиболее впечатляющих примеров экономического успеха данного периода, хотя и там в разных областях дела обстояли неодинаково. В целом Африку редко тревожили военные действия: если не считать восстания Гордиана, этот регион оказался почти не затронут гражданской войной и лишь частично — набегами варваров. Экономика его бурно развивалась. Благодаря ирригационным системам обширные территории обладали такой высокой производительностью, какой не доводилось видеть ни до, ни после. Значительный излишек товара сбывался на рынках Италии и Рима. Судя по всему, города процветали, о чем свидетельствовало непрерывное строительство больших общественных зданий. По-видимому, в Палестине и других районах сирийских провинций жители также благоденствовали; налицо признаки значительной численности населения, в особенности сельского. Еще одна область, где дела обстояли благополучно, — Британия, и немаловажно, что в общем и целом в тот период в ней также царил мир. В отличие от Африки часть британских городов, судя по ряду признаков, переживала упадок, но это вполне могло быть связано с тем, что местная аристократия по большей части была сельской, а не городской, и в начале IV века в Британии строились самые роскошные виллы. Благосостояние жителей было неодинаковым в разных областях, и даже на территории одной и той же провинции наблюдались заметные различия. Когда нам станет доступно больше археологических свидетельств, из них почти наверняка составится еще более сложная картина. Несомненно, некоторые облас-

ти значительно пострадали в те годы и пришли в упадок, а в других дела шли куда лучше. Вместе с тем даже в наиболее тяжело пострадавших районах отдельные жители и целые общины процветали: такое почти всегда случается, даже в самых жестоких условиях. Произошло и немало трагедий: те, кто не сумел адаптироваться к экономическим переменам, а также жертвы целого ряда обстоятельств потерпели крах и потеряли все, что имели. Подобный риск всегда сопутствует коммерческой деятельности, однако он усиливается во времена потрясений. Вероятность гибели тех, кто постоянно балансирует между успехом и неудачей, наиболее высока — и это справедливо для любой эпохи. В Африке среди местных жителей имелось множество богачей, способных стать магистратами и финансировать праздники и строительство. В других областях людей, стремившихся оказывать городам материальную поддержку, было значительно меньше*.

Римская валюта подверглась интенсивной девальвации: денарии были упразднены, и их заменили новыми серебряными монетами, а бронзовые монеты на какое-то время вообще исчезли. Однако во многих отношениях римские деньги имели символическое значение. На всех монетах попрежнему чеканилось изображение головы императора; по всей империи они ценились в соответствии с присвоенным им достоинством, а не с действительным содержанием драгоценного металла. (За пределами Римского государства ситуация была иной; согласно некоторым свидетельствам, там отдавали предпочтение более старым монетам с меньшим количеством примесей.) По-видимому, временами возникал вопрос, не утрачивают ли хождение монеты с изображением низложенного правителя, но власти в общем и

* См.: Witschel (2004), в особенности P. 261—274; *Bar D.* Was there a 3rd. C. economic crisis in Palestine? // The Roman and Byzantine Near East / Ed. H. Humphrey. Vol. 3. Portsmouth, 2002. P. 43—54, Reece (1981), MacMullen (1988). P. 23—35, а также: *Todd M.* Roman Britain. 3rd ed. Oxford, 1999. P. 156—178.

целом склонны были подчеркивать, что все монеты без изъянов являются средством платежа*.

В 300 году экономическая система Римской империи, несомненно, была более развита и жизнеспособна, нежели все аналогичные системы, существовавшие в этом регионе в течение следующей тысячи лет. В отсутствие статистических данных мы не можем говорить о том, как ее показатели соотносились с имевшимися во II веке, но маловероятно, что система стала более стабильной и эффективной; скорее всего она переживала упадок, возможно, значительный. Следы загрязнений во льдах полюсов, относящиеся к римскому периоду, действительно указывают на экономический бум в I и II веках и резкое ухудшение экономической ситуации в III веке. К примеру, если говорить о производстве свинца и меди, аналогичный уровень выработки этих металлов не был достигнут вплоть до XIX века; то же касается производительности большинства отраслей промышленности. Часть копей Испании и Британии перестали разрабатывать в конце II — начале III века, хотя залежи далеко не были исчерпаны. Если учесть потерю рудников в Дакии, это действительно означает, что империя добывала и перерабатывала значительно меньшие количества полезных ископаемых, чем раньше. За проблемами, связанными с чеканкой монет, стояла реальная нехватка серебра и бронзы**.

Частично упадок III века оказался временным, а некоторые регионы процветали даже больше, чем в иные периоды, однако в других местах картина была куда более унылой. Подводя итог, заметим, что важнейшей чертой Римской империи являлись сами ее размеры и богатство. Различия между отдельными регионами, а также разница в ситуациях, складывавшихся в разные периоды, была неиз-

---

* О предполагаемом предпочтении германцами более старых серебряных монет см.: *Todd M.* The Early Germans. 2nd ed. Oxford, 2004. P. 98—101, где данная точка зрения оценивается скептически.

** *Wilson A.* Machines, Power and the Ancient Economy // JRS. Vol. 92. 2002. P. 1—32, в особенности P. 24—31.

бежна. В общем и целом экономика, вероятно, переживала упадок, и весьма возможно, что численность населения сокращалась. Но несмотря на это, империя по-прежнему была значительно богаче, в том числе и в отношении людских ресурсов, нежели любое государство или народ в тогдашнем мире*.

Сенаторы и всадники

Сенаторы по-прежнему оставались очень богатыми — кое-кто владел баснословными состояниями — и сохраняли влияние, но их роль в политике в течение III века претерпела глубокие изменения. Согласно некоторым сведениям, Галлиен запретил сенаторам занимать военные должности. Скорее всего это преувеличение: маловероятно, что он издал соответствующий декрет, хотя, возможно, и поддержал установившуюся тенденцию. Молодые люди из сенаторских родов перестали служить старшими трибунами легионов; сенаторам также больше не дозволяли командовать легионами и занимать пост легата. Они продолжали управлять провинциями и в ряде случаев контролировали гарнизонные войска, но со временем перестали командовать крупными армиями. Традиционно они являлись главными действующими лицами в государстве, занимая одновременно гражданские и военные посты, и эта традиция насчитывала восемь столетий, восходя по крайней мере ко дням основания республики. Теперь она прервалась**.

---

* См. теорию о том, что упадок численности населения стал одной из важнейших причин падения Римской империи в работе: *Boak A.* Manpower Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. 1955. Об экономике в целом см. работу *Jongman W.* The Roman Economy: From Cities to Empire // The Transformation of Economic Life Under the Roman Empire (2002). P. 28—47.

** Aurel. Vict. De Caes. 33, 37. См. также исследование *De Blois L.* The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976. P. 37—47, и работу E. Lo Cascio в CAH² (2005). P. 158—165.

Возникла тенденция привлекать к делу профессионалов или специалистов. Человек выбирал либо военную карьеру, либо административную и юридическую. Все ключевые посты в армии — а также, если быть точным, и в чиновничьем аппарате — перешли к всадникам. На наш современный взгляд, профессионалы действуют значительно более компетентно, нежели дилетанты. Поэтому существует мнение, согласно которому в среднем всадники, проводившие в армии большую часть срока своей службы, должны были быть лучшими командирами, нежели сенаторы, приобретавшие военный опыт в течение всего нескольких лет; карьера последних носила куда менее специализированный характер. Офицеры-всадники получили в полное свое распоряжение армейские посты высокого ранга, что могло стать необходимым для эффективных действий военных сил. Часто это увязывается с возникновением новых, якобы более значительных угроз со стороны Сасанидской Персии и германских племен, объединившихся в конфедерацию в условиях давления новых пришельцев, в частности готов. Сенатские командующие-дилетанты даже не пытались справиться со столь серьезным противником, и вследствие этого императоры, заняв прагматическую позицию, обратились к более опытным офицерам-всадникам*.

Подобно многим теориям, в этой концепции подчеркивается роль натиска извне, спровоцировавшего глубокие изменения в Поздней Римской империи. Правда, мы уже видели, что масштаб угрозы, созданной персами и германцами в III веке, значительно преувеличен. Их успех был в куда большей мере обусловлен слабостью Рима, проистекавшей от внутреннего раздора, изъянов, свойственных собственно армии и системе приграничной обороны. Также очень трудно усмотреть какую бы то ни было примеча-

* См., например: *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004. P. 258; Watson (1999). P. 10, *Millar F.* The Roman Empire and Its Neighbours. 2nd edn. London, 1981, P. 60—61, и *Le Bohec Y.* The Imperial Roman Army. London, 1994. P. 198—199.

тельную разницу в уровне компетенции командующих из числа сенаторов и всадников. Сохранилось мало свидетельств, позволяющих судить о требованиях к командующим в III веке, но «профессиональные» армейские командующие IV века (этот период документирован лучше) не кажутся более способными, чем «дилетанты»-сенаторы эпохи принципата. И те и другие руководили войсками во многом одинаково*.

Мы слишком легко переносим современную идею специализации на римский мир. Офицеры-всадники были профессионалами в том смысле, что их карьера складывалась только из военных должностей, но специальной подготовки они не получали. Некоторые достигали более высоких должностей, пройдя службу младшими офицерами, прежде всего центурионами, но многие сразу получали в свое распоряжение пятьсот или более человек (как правило, вспомогательную когорту пехотинцев). У них был длительный опыт службы, со временем они занимали все более высокие посты, и отсюда очевидно возникает предположение, что, делая карьеру, они учились. Аналогичное предположение выдвигается относительно чиновников-сенаторов (правда, у них было меньше времени для приобретения командирских навыков). Однако нет и хоть каких-то признаков того, что компетентность являлась главным критерием отбора офицеров-всадников на более высокие должности. Было бы странно, если бы главную роль в этой ситуации не играло наличие покровителей у тех или иных кандидатов. Назначение также зависело от лояльности данного офицера по отношению к императору.

В эпоху принципата всадники командовали преторианской гвардией, а также управляли Египтом и предводительствовали расквартированными там легионами. Ни один император не хотел, чтобы командование военными сила-

* Дискуссию насчет стилей командования см. в работе: *Goldsworthy A.* In the Name of Rome. The Men Who Won the Roman Empire. London, 2004, в особенности P. 336—359.

ми, дислоцированными в Риме, или власть над провинцией, обеспечивавшей основную долю поставок зерна в город, оказались в руках сенатора, который с легкостью мог стать его соперником. Всадники пользовались большим доверием, поскольку обладали более низким социальным статусом и связями в политике, что не давало им возможности претендовать на трон — по крайней мере до тех пор, пока они сами не станут сенаторами. Септимий Север пришел к власти в результате убийства двух императоров и четырех лет гражданских войн, в ходе которых он избавился от трех соперников. Неудивительно, что он значительно увеличил войска, находившиеся под его непосредственным контролем, расширив гвардию и расположив II Парфянский легион близ Рима. Этим легионом, а также двумя другими, созданными им, командовали всадники; наместником вновь созданной им провинции Месопотамия также стал всадник. Одновременно с этим многие ранее существовавшие провинции были разделены надвое. Легаты-сенаторы сохраняли свои полномочия, но ни один из них не командовал более чем двумя легионами. Сенаторы, возглавлявшие мощные воинские соединения, представляли собой потенциальную опасность, прежде всего для тех императоров, которые сами недавно взяли власть, опираясь на военную силу. Всадников считали менее опасными, хотя со временем ситуация изменилась*.

Каракалла не любил общество сенаторов и предпочитал окружение армейских офицеров. Когда он был убит, всадник Макрин смог убедить присутствовавших провозгласить его императором. Сенат быстро ратифицировал его избра-

* Неудачной попытке свержения императора Тиберия префектом претория Сеяном предшествовало получение последним сенаторского ранга и ряда магистратур. О трех надписях, возможно, свидетельствующих, что II Парфянским легионом в какой-то момент командовал сенатор, см.: *Balty J. Van Rengen W.* Apamea in Syria: The Winter Quarters of Legio II Parthica. Roman Gravestones from the Military Cemetery Brussels, 1993. P. 16, 39—41.

ние. В отличие от сенаторов Макрин имел в своем распоряжении армию, притом воспоминания о чистках, проводившихся Севером, еще не стерлись из их памяти. После этого императоры из числа членов сената стали скорее исключением, чем правилом. Среди них было несколько младенцев, однако в большинстве своем трон занимали армейские офицеры-всадники. Когда сенаторы перестали командовать войсками, вероятность возвышения кого-либо из них до императорского престола, стала еще меньше.

Лишь несколько императоров III века умерли естественной смертью, причем с уверенностью это можно утверждать только в случаях Септимия Севера и Клавдия II. Большинство погибли от рук своих же подданных. Убийство и открытый бунт, возглавлявшийся узурпатором и поддержанный армией, сделались распространенным явлением. Люди, захватывавшие власть в те годы, были весьма амбициозны (или, если говорить об императорах-подростках, за ними стояли другие амбициозные люди). Кроме того, они, что понятно, отличались нервозностью и мнительностью. Ни один из них не продержался достаточно долго, дабы чувствовать себя вполне уверенно, а настоящие династии удалось основать и вовсе немногим.

Напуганные люди были склонны доверять лишь тем, кого хорошо знали. Предпочтение отдавалось семейным связям, которые, как правило, заслуживали доверия (непрочные отношения Элагабала с Александром стали едва ли не главным исключением). В других случаях люди привлекали бывших коллег и подчиненных. По этой причине всадники, делавшие карьеру в армейской среде, имели склонность назначать на должности командующих войсками, наместников провинций, а также на крупнейшие административные посты других армейских офицеров. Среди их непосредственных знакомых было мало сенаторов, и они в любом случае с подозрением относились к тем, кто мог похвастать большими связями, крупными состояниями и высокими должностями. Неожиданных смещений сенаторов с

правительственных постов не происходило, и лишь с течением времени все значительные должности — в особенности военные — оказались заняты выходцами из иных сословий. Если бы кто-то из императоров продержался у власти несколько десятков лет, он, вероятно, почувствовал бы себя настолько уверенно, что начал бы доверять сенаторам эти ответственные посты. Но подобного никогда не случалось, хотя наши источники утверждают, что некоторые правители, например, Александр и Тацит, доверяли сенату и возлагали на него большие надежды в политическом плане*.

По иронии судьбы, в долгосрочной перспективе отстранение сенаторов от высших постов сделало императоров более, а не менее уязвимыми для претендентов на престол. В I и II веках в случае, если кандидатов из числа представителей императорской фамилии больше не оставалось, в качестве таковых рассматривались только сенаторы. Более того, преуспеть могли лишь наиболее выдающиеся лица из этого сословия — самое большее несколько десятков человек из шести сотен, входивших в совет. Императорам удавалось устанавливать рабочие отношения с сенатом, приемлемые для обеих сторон. В конечном итоге это сумел сделать и Септимий Север, хотя временами он действовал жестокими методами.

Контролировать сенат было гораздо проще, чем более обширное и различавшееся по своему составу всадническое сословие. Сенаторы возвращались в Рим по ходу своей карьеры, постоянно общались между собой, между представителями сенаторских родов заключались браки. Что же до офицера-всадника, было крайне маловероятно, что он водил знакомство с людьми того же ранга, служившими в отдаленных провинциях. Теперь сделаться императором стало гораздо легче, поскольку для этого требовалось лишь немедленно получить поддержку войск. Убедить население империи, занимавшее остальные территории, в том, что при нем

* Об Александре см. гл. 4 настоящего издания; о Таците см.: Aurel. Vict. De Caes. 37 и SHA. Tac. 3. 1—9. 6.

всем будет лучше, чем при других кандидатах на престол, было куда труднее. Сенат оставался силой, с которой считались, даже несмотря на утрату им подлинной политической независимости. И все же императоры относились к этому органу с уважением и назначали сенаторов на подавляющее большинство высоких постов. Именно таким способом Август смягчил переживания римской элиты и помог ей принять тот факт, что республики больше нет. Для императоров подобное отношение было жестом доброй воли, но оно вполне оправдывало себя в течение более двухсот лет.

Замещение сенаторов всадниками на постах командующих римскими армиями не имело никакого отношения к военным нуждам. В еще меньшей степени оно вызывалось конкретными требованиями со стороны многочисленного класса, благосостояние которого увеличивалось с каждым днем, — всаднического сословия, поскольку всадникам ни в малейшей степени не было присуще чувство, если так можно выразиться, корпоративной идентичности. В прошлом наиболее преуспевавшим всегда была открыта дорога в сенат. Восхождение всадников к высоким должностям на деле привело ко все более усиливавшемуся расслоению внутри сословия. Преобладание чиновников из числа всадников возникло в результате того, что многие императоры (как правило, тоже всадники), взойдя на престол, стремились окружить себя людьми, которым они могли бы доверять. В значительной мере то была иллюзия: многих из них убили именно такие «достойные доверия» подданные. По мере того как сенат утрачивал центральную роль в общественной жизни, значение Рима также уменьшалось, хотя оба попрежнему воспринимались как важные символы величия империи. Сенат продолжал собираться, обсуждать и утверждать предложения — обычно касавшиеся самых что ни на есть формальных восхвалений в адрес императора. Сенаторы по-прежнему пользовались влиянием, а также занимали административные посты в Италии и управляли менее важными провинциями. Как и ранее, население Рима бало-

вали бесплатными или заранее оплаченными раздачами пищи и напитков; жители наслаждались развлекательными мероприятиями в громадных «центрах» типа Колизея или Большого Цирка, а также предавались удовольствиям в огромных общественных банных комплексах. Люди редко видели императора, и даже если тот пребывал в городе, он, как правило, не посещал здание сената. Рим оставался крупнейшим городом империи, но и сама столица, и римский сенат оказались на обочине политической жизни. Власть оставалась в руках императора и его приближенных, а те не часто бывали в Риме и его окрестностях.

Выживание в условиях кризиса

Императоры проводили немного времени в Италии и еще меньше — в Риме. Они часто воевали; иногда кампании проводились ежегодно. Единоличное правление стало редкостью. Иногда наличие соправителей принимало характер вынужденной меры, например, если появлялись императоры-соперники, слишком сильные, чтобы сразу одолеть друг друга. Чаще подобный выбор совершался добровольно. Императоры, имевшие сыновей, стремились привлечь их к совместному правлению практически сразу же после прихода к власти. Если их отпрыски еще не вышли из детского возраста, эта мера имела целью определить наследника и тем самым обеспечить долгосрочную перспективу стабильности. Взрослых сыновей можно было направить решать проблемы в какую-то область, пока отец занимался делами где-то в ином месте. С точки зрения многих исследователей, подобная динамика свидетельствует о том, что один властитель более был не в состоянии управлять всей империей целиком. Большинство также утверждает, что, по крайней мере со времен правления Марка Аврелия, от императоров ожидали личного присутствия в районе боевых действий. От них также ждали побед. Если одновременно шло несколько войн, требовалось и несколько императоров. Вследствие

этого наметилась тенденция к разделению императорской власти, что в конечном итоге привело к расколу между Восточной и Западной империями в конце IV века. Подобные выводы не только основываются на ретроспективном взгляде, но и предполагают, что эти существенные изменения представляли собой обоснованные и, вероятно, даже неизбежные меры, принятые в ответ на новые проблемы. Опять-таки это связано с верой в то, что в III веке империя столкнулась с внешней угрозой, куда более серьезной, нежели прежде*.

Перемены были неизбежны; их вызвало давление извне. Аналогичные причины часто приводились в поддержку утверждений, будто падение республики и создание Августом принципата носили столь же неизбежный характер: если бы он этого не сделал, кто-то вроде него создал бы аналогичную принципату монархию. При такого рода анализе не принимаются во внимание решения и деяния отдельных личностей (из которых фактически слагается исторический процесс), не учитывается независимый характер их действий и снимается с них ответственность. Еще важнее то, что более тщательное исследование развития событий дает совершенно иную картину. Многие из предположений, которые делаются, так сказать, по умолчанию, оказываются глубоко спорными.

Во II веке Траян, взошедший на престол, провел несколько лет воюя; Адриан также предпринимал длительные походы по провинциям. Оба также прожили немало времени в Италии; что касается Антонина Пия, он вообще не покидал ее. Совместное правление Марка Аврелия и Луция Вера вовсе не носило вынужденного характера. Когда Вер скончался, замена ему не появлялась в течение семи лет, пока Коммода не сочли достаточно взрослым. Традиция делать предполагаемого наследника соправителем насчитыва-

* См. Watson (1999). P. 4—6, *Millar F.* Emperors, Frontiers and Foreign Relations // Britannia. Vol. 8. 1982. P. 1—23, в особенности 11—15, и работу J. Drinkwater (2005). P. 58—62.

ла немало лет. Коммод правил в одиночку, Септимий Север — тоже (до тех пор, пока он не решил дать понять, что сыновья станут его наследниками). Каракалла и Гета наследовали престол совместно, поскольку нельзя было отдать престол одному из взрослых сыновей, «обойдя» другого.

Марк Аврелий относился к своей роли исключительно серьезно и провел в битвах значительную часть второй половины правления, однако причиной этого стало скорее присущее ему чувство долга, нежели необходимость. Коммод смотрел на вещи иначе и, вернувшись в Рим с Дуная, больше не провел ни одной кампании. Север воевал часто. Вначале его противниками были римляне, впоследствии он провел крупные операции на востоке и в Британии — иными словами, в тех областях, где поддерживали его соперников. Последнее само по себе могло стать веской причиной для войн, но Север также стремился создать прочную связь с войсками в каждой области и прославиться (Август в первые годы принципата проявлял аналогичную агрессию). Каракалла хотел создать себе имидж настоящего, привычного к невзгодам рубаки и предпочитал проводить время в лагерях, а не жить в Риме на виду у общества. Крупные победы также имели большое пропагандистское значение — отсюда манера принимать «триумфальные» имена вроде «Германский», «Сарматский», «Парфянский» и появление на монетах символов побед*.

Победы в сражениях были особенно желанной целью для императоров, неуверенно чувствовавших себя на троне. Военные успехи свидетельствовали об их компетентности и легитимности правления, поскольку подразумевали благоволение к ним божеств. Укрепившиеся на престоле правите-

* Об отношениях императора с армией см.: *Campbell J.* The Emperor and the Roman Army, 31 BC — AD 235. Oxford, 1984, особо см. P. 59—69, 120—156; Дж. Дринкуотер доказывает, хотя и не вполне убедительно, что основным мотивом Марка Аврелия было традиционное желание славы (*Drinkwater J.* The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford, 2007. P. 28—32).

ли могли приписывать себе победы, одержанные их наместниками (так делал Антонин Пий). От менее уверенных в себе требовались личное присутствие на поле боя и военные успехи. Кроме того, они с большой неохотой позволили бы кому-то другому стяжать славу, которая могла бы соперничать с их собственной или превзойти ее. Разделение провинций на менее крупные единицы гарантировало наличие в распоряжении наместников небольших армий, которых могло оказаться и недостаточно для решения крупных проблем. III век стал свидетелем распространившейся практики дарования чрезвычайных полномочий — например, их получил брат Филиппа Приск, под рукой которого оказалась большая часть приграничных территорий на востоке; позднее аналогичный ранг даровали Оденату. Это было необходимо, поскольку наместники провинций теперь действовали лишь в небольших масштабах и в ряде случаев не могли справиться с обстоятельствами. И все же здесь таилась внутренняя угроза: то и дело успех, одержанный на местах наместником или другим командующим, побуждал его провозгласить себя императором*.

Именно с этим, а не с нарастанием внешней угрозы, была связана необходимость разделения власти над империей. Наличие соправителя означало, что ему можно было бы доверить командование значительными силами в другой части страны (по крайней мере на это была надежда). Однако компетентный человек и человек, заслуживающий доверия, — не одно и то же. Кроме того, коллега мог погибнуть, а убийца — взять командование над армиями погибшего в свои руки. Ни один император III века не был в полной безопасности. Давным-давно император Тиберий говаривал, что управлять империй — все равно что «держать волка за уши»**. Ему удалось продержаться на троне более двух деся-

* См.: *Vervaet F.* The Reappearance of the Supra-provincial Commands in the Late Second and Early Third Centuries CE // Crises and the Roman Empire. P. 125—139.

** Suet. Tib. 25. 1.

тилетий. До восшествия на престол Севера и Диоклетиана никто не побил этого рекорда*.

Многие сильно упрекают римскую армию за ту роль, которую она сыграла в развитии кризиса III века. Очевидно, события развивались бы иначе, если бы римские солдаты не желали идти в бой и убивать друг друга. И все же армия явно отдавала предпочтение династиям, чье положение на троне стабилизировалось (то же самое имело место и в эпоху принципата). Элагабала, несмотря на его весьма сомнительные права на престол, поддержало достаточно войск, поскольку он воспринимался как представитель династии Северов. Равным образом потребовалось несколько попыток, прежде чем противникам Александра Севера удалось свергнуть его с престола. Более никто из императоров не мог похвалиться верностью со стороны подданных, так как многие из них участвовали в убийстве своих предшественников. Армия желала стабильности, означавшей регулярную выплату жалованья, а для честолюбивых — возможность выдвинуться. В ее отсутствие солдаты обычно поддерживали более сильную сторону; поэтому многие императоры пали от рук своих солдат в момент приближения армии более сильного соперника.

Несомненно, военные всех рангов извлекали выгоду из хаоса гражданской войны, в ходе которой ослабление дисциплины становилось неизбежным. В сложившейся ситуации существовала масса возможностей для грабежей и вымогательств; кроме того, можно было очень быстро подняться по служебной лестнице. Командующие Элагабала обещали продвижение по службе с занятием свободной должности любому из числа сторонников Макрина, кто убьет старшего по должности офицера, отказавшегося перейти на сторону врага. Наилучшие возможности открывались чи-

* Автор допускает двойную ошибку: более 20 лет правил Адриан (117—138), а правление Септимия Севера продолжалось менее двух десятилетий (193—211; и это с учетом лет соправительства с Песценнием Нигром и Клодием Альбином!). — *Примеч. пер.*

новникам, наиболее близким к императору. Если они организовывали заговор с целью его убийства, то ожидали награды от преемника. Возможности сочетались со значительным риском. Переход на «не ту» сторону мог оказаться роковым и, конечно, влек за собой риск испортить карьеру, так что следовало весьма старательно рассудить, хранить ли верность прежнему правителю или поддержать его соперника. Большинство императоров пало от рук людей из ближайшего окружения. И для императора, и для его подданных доверие связывалось с большими опасностями. Убийства Коммода, Каракаллы и ряда их преемников были вызваны страхом со стороны их приближенных, думавших, что им грозит казнь*.

То был порочный круг, поскольку каждое новое убийство или восстание, поднятое узурпатором — и здесь не имело значения, как скоро оно прекращалось, — усиливало вероятность начала нового витка гражданской войны. Унизительное поражение в войне с иноземцами также повышало вероятность скорого краха императора. Одних убивали якобы из-за преследований домогательствами жен своих чиновников. Другие погибли, так как их амбициозные сторонники считали, что они или их товарищи могут захватить власть в империи. Императоры всегда сильнее опасались соперников-римлян, нежели внешних врагов. Даже у персов не было реального шанса захватить обширные территории, принадлежавшие Риму. Германцы совершали набеги на Италию, Испанию или Малую Азию, но закрепиться там не могли.

В III веке Римская империя потратила немало сил во внутренней борьбе. Ее военная машина пострадала вследствие дезорганизации и стала куда менее способна справляться с внешними угрозами. Созданная Августом система маскировала власть императора; его права на престол не

* Dio Cass. LXXIX. 32. 3—4; интересное обсуждение проблемы нарушения солдатами своих обязанностей во времена гражданских войн см.: de Blois (2002). P. 209—214.

были отчетливо зафиксированы в законодательстве, и то же касалось формальных мер по обеспечению наследования трона. Здесь крылась слабость, но общая стабильность в I—II веках не дает оснований рассматривать это как причину проблем, возникших в III веке. Случай играл куда большую роль, чем осмеливаются признать историки. По воле судьбы у Марка Аврелия остался юный сын, вовсе не годившийся для престола. Пертинакс, если можно так выразиться, без нужды спустил свои козыри и был убит, а Септимий Север прожил дольше и, вероятно, учил сыновей сотрудничать и управлять страной. Если бы Коммод, Каракалла, Элагабал или Александр были постарше, придя к власти, то они, вероятно, оказались бы более способными правителями.

Решения, принятые императорами впоследствии, ухудшили ситуацию. Постепенное вытеснение сенаторов с командных должностей и замещение их всадниками должно было обеспечить безопасность императоров. С течением времени оно привело к противоположному результату, и теперь императоры все больше происходили из числа высших офицеров. В то же время сокращение размеров провинций и их гарнизонов уменьшало возможности наместников проводить крупные операции. Императорам нужно было воевать самим или дополнительно наделять исключительными полномочиями подчиненных, дабы те справились с ситуацией, надеясь, что они не воспользуются открывшимися перед ними возможностями и не поднимут восстание. Лишь при Диоклетиане были приняты дополнительные меры по усилению контроля в империи. После 285 года убийства императоров стали происходить гораздо реже. Гражданские войны вспыхивали значительно реже, хотя теперь они приобрели более масштабный характер и, разразившись, требовали куда более значительных затрат. Дела шли куда лучше, чем полстолетия назад, до того как Диоклетиан пришел к власти, но преувеличивать изменения не следует. Стабильности I—II веков так и не удалось достичь.

Часть вторая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ?
IV век

Глава восьмая

ЧЕТВЕРО — ДИОКЛЕТИАН И ТЕТРАРХИЯ

После них* боги дали нам государями Диоклетиана и Максимиана, присоединив к столь великим мужам Галерия и Констанция, из которых один был рожден для того, чтобы смыть пятно позора, которое легло на нас вследствие пленения Валериана, а другой — чтобы вернуть Галлию под власть римских законов. (4) Эти четверо государей всего мира — храбрые, мудрые, милостивые, очень благородные, одинаково мыслившие о государстве, относившиеся с чрезвычайным почтением к римскому сенату, умеренные, друзья народа, совершенно безупречные, почтенные, набожные, — такие государи, каких мы всегда себе просили.

SHA. Car., Numer. et Carin. 18. 3—4
(Пер. С.П. Кондратьева с изменениями.)

Юпитер Капитолийский сжалился наконец над родом человеческим и даровал власть над всей землей и морем божественному царю Диоклетиану. Он утишил память о былых несчастьях для всякого дотоле страдавшего в тяжких узах, лишенного света.

*Отрывок из речи на празднестве в Оксиринхе (Египет), приблизительно в 285 году***

Приход Диоклетиана к власти путем насилия был обычным явлением для III столетия, но последствия его оказались совершенно иными. Если до него императоры быстро сменяли один другого в течение нескольких десятилетий, то он правил двадцать лет. Со времен «золотого века» Антонинов во II столетии никто даже не приблизился к этому. Затем, хотя его власть по-прежнему была крепка, он добро-

---

* Т.е. Кара, Нумериана и Карина. — *Примеч. пер.*

** *Grenfall B. et al.* The Oxyrincus Papyri (1898—?). LXIII. 4352. См. также: *Bowman A.* Diocletian and the First Tetrarchy, A.D. 284—305 // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 67.

вольно сложил ее и ушел в частную жизнь — правда, протекавшую в огромном дворце, где его окружали придворные и телохранители. Ни один император до той поры не отказывался от власти. Диоклетиан поступил по-иному; иными были и империя, над которой он властвовал, и методы, с помощью которых он управлял ею.

Ярким символом его правления является скульптурная группа на площади Сан-Марко в Венеции, попавшая сюда скорее всего в XIII столетии в результате разграбления Константинополя во время Четвертого крестового похода. Высеченная из порфира (этот камень с красноватым отблеском, который и дал ему наименование, считался весьма подходящим для изображения владык), она представляет Диоклетиана и трех его соправителей-императоров. Один он правил не более нескольких месяцев, прежде чем назначил младшего коллегу. Позднее этот человек получил равную с Диоклетианом власть, а спустя еще некоторое время были дополнительно назначены два младших императора, так что управление империей делилось между четырьмя людьми, известными как тетрархи, что означает просто «четыре правителя». Четыре императора стоят парами, правой рукой каждый из них обнимает плечо товарища, а левую держит на эфесе собственного меча. Аврелиан имел прозвище «рука на мече» за свою готовность сражаться с любым врагом. Угроза применения силы здесь очевидна, поскольку тетрархи внимательно вглядываются вдаль, ища глазами кого-либо, бросающего им вызов, будь то римлянин или варвар. На них военное облачение — «фуражки», туники с длинными рукавами, штаны и обувь, как у людей Теренция в Дура-Европос, и нагрудники. В действительности они вряд ли выглядели столь похожими на обычных солдат или офицеров. У них были плащи военного покроя, однако окрашенные в роскошный пурпурный цвет, полагавшийся только императорам. Их одежда изготавливалась из самых дорогих тканей, а головные убо-

ры, туники и даже обувь были усыпаны драгоценными камнями*.

Дело было не просто в разнице скульптурных стилей, не в том, что более грубая, тяжеловесная резьба вытеснила идеализированные, с мягкими чертами, фигуры времен Ранней империи, — дело было в идее. Август маскировал военную диктатуру тем, что внешне следовал традиционным представлениям, изображая из себя всего лишь главного слугу государства, по-прежнему принадлежащего, однако, к сенаторскому сословию. Этот покров сильно поистрепался за много лет, но до времени Диоклетиана не сносился окончательно. Тетрархи явно не были «первыми среди равных». Напротив, они находились на высшей ступени, были отмечены божеством и намного превосходили своих самых высокопоставленных подчиненных. В искусстве набирала силу тенденция делать изображения императоров крупнее, чем крошечные фигурки окружавших их придворных и солдат. К Диоклетиану обращались как к «господину» или «повелителю» (dominus), иногда даже как «господину и богу» (dominus et deus). В условиях строгого дворцового церемониала лишь очень немногим позволялось приблизиться к нему. Когда же они делали это, им полагалось пасть ниц в знак почтения. В знак наивысшей милости разрешалось опуститься на колени и поцеловать край императорской одежды**.

Тетрархи значительно возвышались над людьми, которыми управляли. Они также занимали посты командующих, контролируя огромные армии, готовые выступить против любого врага. Их пропаганда говорила о восстановлении

---

* (SHA. Aurelian. 6. 2). Ссылка на биографию Аврелиана дана не в связи с костюмом тетрархов, о которых в соответствующем тексте ничего не сказано, а в связи с прозвищем Аврелиана (*manu ad ferrum*, в переводе С.П. Кондратьева — «рубака»). — *Примеч. пер.*

** Aurel. Victor. De Caes. 39. См. также: *Garnsey P., Humfress C.* The Evolution of the Late Antique World. Cambridge, 2001. P. 26—35, *Corcoran S.* Before Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine. Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 35—58, особ. см. 42—46.

империи и мира — для римлян эти слова были синонимами. В одном из источников разгром узурпатора изобразили как «возвращение света» провинции. Подобная похвальба не являлась чем-то новым — так поступал еще Аврелиан. Конечно, их действия обеспечивали империи большую стабильность, чем при их предшественниках. Многие современные ученые считают, что централизация власти, значительный рост числа чиновников и очевидный монархический имидж тетрархов были необходимы в условиях трудностей, вставших перед империей. Император-философ, подобный Марку Аврелию, попросту не имел надежды справиться с ними. Время сенаторского дилетантизма давно прошло — напротив, требовались более жесткие властители, которые не играли в республику. Подобная система доказательств в течение столетий использовалась для оправдания диктаторов, однако этот анализ во многом основывается на ретроспекции. Успех Диоклетиана не был предопределен заранее; то же можно сказать об очертаниях империи IV века, хотя он приложил много сил, чтобы придать их ей. Основной причиной «болезней» государства оставалась внутренняя нестабильность, вызванная столь частыми гражданскими войнами. Тетрархия лишь на время, да и то не полностью приостановила этот цикл.

Создание тетрархии

Диоклетиану было сорок с небольшим, когда его провозгласили императором. Он служил офицером кавалерии в одной из дунайских провинций. Ходили слухи о том, что он родился рабом (история в высшей степени маловероятная) или сыном вольноотпущенника, совсем как Пертинакс (что возможно). До момента восшествия на престол о нем и его карьере очень мало известно — даже причудливые Historiae Augustae заканчиваются на Нумериане. Диоклетиан был женат; у него родилась дочь, сыновей же он не имел. Большинство императоров III века быстро назначали себе

преемников, обычно даруя сыну или другому близкому родственнику титул цезаря. Многие из числа последних были еще детьми, неспособными помогать в деле управления империей, но это давало надежду на перспективы нового режима.

Не имея подходящего родственника, Диоклетиан выбрал армейского офицера Максимиана (полное имя — Аврелий Максимиан*) и даровал ему титул цезаря через несколько месяцев после разгрома Карина в мае 285 года. В начале следующего года Максимиан стал августом, сделавшись равным или почти равным Диоклетиану. У него был юный сын, но Диоклетиан искал себе соправителя для того, чтобы тот помогал ему сейчас и в ближайшем будущем, и не заботился о преемниках в долгосрочной перспективе. Ему требовался человек, которому он мог бы доверять и который умел бы решать серьезные проблемы в одном районе, тогда как сам Диоклетиан находился бы в другом. Формального разделения империи на две части не существовало, однако Диоклетиан отправился на Восток, тогда как Максимиана командировали в Галлию. Они титуловали себя Иовием (уподобляясь Юпитеру) и Геркулием (уподобляясь Гераклу) соответственно. Диоклетиан-Юпитер был старшим, чем-то вроде отца — неясно, усыновил он официально Максимиана или нет, — который заботился о благе империи и планировал ее будущее. Максимиан-Геркулес, в свою очередь, был сыном-героем**, который обошел весь мир, одолевая всех врагов и все препятствия***.

В Галлии первоочередной задачей был разгром Bagaudae — багаудов (иногда их называют также бакаудами, Bacau-

---

* В действительности полное имя соправителя Диоклетиана — Марк Аврелий Валерий Максимиан. — *Примеч. пер.*

** Под героем здесь может пониматься также сын бога и смертного, каковым до обожествления и был Геракл-Геркулес. — *Примеч. пер.*

*** *Williams S.* Diocletian and the Roman Recovery. London, 1985. P. 24—27, 34—46, *Barnes T.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.), 1982. P. 3—4, 30—35.

dae), повстанческих отрядов, чьи основные силы, судя по всему, находились в сельской местности. Причины и подробности этого восстания покрыты мраком, но отряды с аналогичным названием, по-видимому, действовали в тех краях в течение нескольких поколений. Возможно, данная ситуация просто отражала десятилетия хаоса, наступившего там в результате многих лет гражданских войн и варварских набегов. Вероятно, существовали также социальные и экономические проблемы более широкого плана, но мы должны осторожно воспринимать данные официальной пропаганды, низводившей их до уровня обычных разбойников. Их предводители чеканили монеты, на которых величали себя полным императорским титулом*.

Судя по всему, Максимиан быстро нанес поражение багаудам. Тем временем он поручил офицеру по имени Караузий защиту побережья Ла-Манша в Галлии и Британии от пиратских набегов, которые совершали такие племена, как фризы и саксы. Римляне вновь быстро достигли успеха, показав, что если флот (как и армия) должным образом организован и им правильно руководят, то он может действовать очень эффективно. Однако возникли сомнения в отношении методов и мотивов Караузия. Объявили, будто он связан с пиратами или поджидает, когда те двинутся в обратный путь, прежде чем атаковать их, захватив все награбленное. Критика могла быть и неоправданной. Сочетание силы и дипломатии представляло собой обычную практику римлян, поскольку всегда легче было застигнуть налетчиков на пути домой, нежели к цели.

Потому ли, что он давно вынашивал такие планы, или потому, что он знал о подозрениях на свой счет, Караузий провозгласил себя императором в северной Галлии — вероятно, в конце 286 года монетный двор в Руане вскоре выпустил монеты с его именем, и Британия через короткое время

* Williams (1985). P. 45—46, Zonar. XII. 31, а также: Bowman, 2005. P. 71—73, 78—79; *Potter D.* The Roman Empire at Bay. AD 180—395. New York, 2004. P. 282—290, 292.

поддержала узурпатора. Караузий проявил достаточно осторожности, чтобы признать законность власти Диоклетиана и Максимиана, и, по-видимому, надеялся на то, что его примут в качестве еще одного соправителя. Но все попытки такого рода оказались отвергнуты. Максимиан провел следующие два года воюя с зарейнскими племенами. К 289 году начались серьезные приготовления к экспедиции в Британию, а в одном из панегириков выражается удовольствие от сознания перспективы неизбежного триумфа Максимиана. В подобных речах, произнесенных в последующие годы, на сей счет хранится подозрительное молчание, и это заставляет думать, что экспедиция потерпела полное поражение. Не исключено, что значительная часть флота была потеряна в результате шторма, а может, Караузий оказался слишком искусным противником. Несмотря на это, пропаганда продолжала утверждать, будто он не более чем обычный пират*.

Караузий же продолжал представлять себя соправителем Диоклетиана и Максимиана и, судя по всему, не предпринимал против них каких-либо враждебных действий. Если до сих пор он еще надеялся на признание, то весной 293 года эти мечты разбились вдребезги, когда была создана тетрархия и назначены два младших цезаря. Диоклетиан избрал в качестве такового Галерия Максимиана, а Максимиану теперь помогал Флавий Констанций. Оба принадлежали к числу армейских офицеров и, вероятно, служили с ними какое-то время. Галерия стали именовать Геркулием, а Констанция — Иовием; это может показаться несколько странным, однако, видимо, было сделано ради сохранения равновесия или по причине возраста цезарей и их прошлого. Опять-таки формального разделения территории не произошло, но на практике Максимиан и Констанций управляли западными провинциями, а Диоклетиан и Галерий — восточными. Четыре правителя являлись четырьмя императорами, каждый из которых должен был заниматься своим кругом вопросов, и достаточно редко случалось так, чтобы

* Casey (1995). P. 39—45, 89—105.

даже август и подчиненный ему цезарь действовали совместно. Очень вероятно, что только Диоклетиан и Максимиан обладали правом даровать императорский ранг. Никто не мог просить об этом и рассчитывать на успех.

Констанций выступил против Караузия почти немедленно. Первый удар был нанесен по лояльным последнему территориям в Галлии. Булонь, с давних пор являвшаяся базой Британского флота (*classis Britannica*), пала после долгой осады. Инженеры Констанция возвели дамбу, чтобы перекрыть вход в гавань. Через несколько дней это сооружение разрушили волны, но оно успело простоять достаточно долго, чтобы изолировать гарнизон и убедить его сдаться. Примерно в это время Караузия убил один из его приближенных, человек по имени Аллект. Историки зачастую связывают этот заговор с тем, что падение Булони нанесло удар по престижу узурпатора, однако это не более чем предположение. Аллект продержался три года, прежде чем Констанций вторгся в Британию и убил его в сражении. В действительности операциями, по-видимому, руководил один из его командиров, но на монетах изображается триумфальное вступление в Лондиний (нынешний Лондон) именно Констанция. В целом правление двух британских узурпаторов продолжалось десять лет*.

Серьезный вызов был брошен тетрархам в Египте в 297 году (хотя события разворачивались недолго), когда человек по имени Луций Домиций Домициан объявил себя императором. Диоклетиан подавил это выступление, лично наблюдая за осадою Александрии. Когда его люди пошли на штурм, он, как говорят, отдал приказ убивать до тех пор, пока текущая по улицам кровь не достигнет колен его лошади. К счастью для александрийцев, она споткнулась и упала при вступлении в город. Убийства прекратились, и благодарное население впоследствии воздвигло памятник коню. Эта роман-

* О создании тетрархии см.: Williams (1985). P. 58—70, Barnes (1982). P. 35—38, CAH. 2nd ed. etc.; о конце восстания см.: Casey (1995). P. 106—114, 127—145.

тическая история не должна, однако, скрывать ту жестокость, с которой тетрархи реагировали на всякое неповиновение*.

Союз четырех императоров был укреплен с помощью брачных уз. Констанций и Галерий женились на дочерях Максимиана и Диоклетиана соответственно. Кроме того, каждый из августов усыновил «своего» цезаря. Единство подчеркивалось во всем. Эдикты выпускались от имени всех четырех императоров, независимо от того, кто в действительности являлся их автором. В большинстве случаев только Диоклетиан издавал постановления и декреты, обязательные для всей империи. Он был человеком, имевшим право назначать себе коллег, и его персона всегда сохраняла доминирующее положение. Когда Галерий потерпел поражение от персов, Диоклетиан приказал своему цезарю бежать рядом с его колесницей при всех регалиях**.

Усиление правительства

Подразумевалось, что четыре императора являются обладателями высшей власти, дающей им право на командование и отправление правосудия в четырех различных частях государства одновременно. В идеале это должно было избавить жителей любого уголка империи от ощущения, что ими пренебрегают, и склониться к поддержке узурпатора, который пообещал бы заняться местными делами и продвигать по службе местных жителей. Всякому претенденту на власть пришлось бы сражаться с четырьмя императорами и возглавлявшимися ими армиями. Отказ от переговоров с Караузием продемонстрировал, что никому не будет позво-

---

* См.: Williams (1985). P. 80—82; Bowman, (2005). P. 81—82.

** В целом см.: *Corcoran S.* The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government, AD 284—324. Oxford, 1996, passim, особо см. P. 254—297; о Галерии см.: Amm. Marcell. XIV. 11. 10, Oros. VII. 25. 9—11 — эти и другие описания событий собраны в книге: *Dodgeon M., Lieu F.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, ad 226—363. A Documentary History. London; New York, 1991. P. 128—130.

лено силой проложить себе путь к власти, а в случае захвата надолго удержать ее. Тетрархия функционировала до тех пор, пока союз императоров-соправителей был крепок и ни один не потерпел катастрофических поражений. Это не являлось следствием прочности системы, но скорее было связано с компетентностью самих тетрархов. Особенно важна сильная личность Диоклетиана, внушавшего солидарность коллегам.

Сам Диоклетиан скорее всего посетил Рим в годы своего правления только один раз, когда выбрал город для празднования двадцатой годовщины провозглашения себя императором. Рим оставался зримым символом, а его население продолжали баловать торжествами, играми и раздачами. Диоклетиан приказал возвести огромный банный комплекс, превосходивший по размерам любые другие общественные бани прежних времен. Были также проведены крупные строительные работы на форуме, восстановленном и реконструированном после пожара, уничтожившего эту часть города во время правления Карина. Курия (здание сената), посещаемая сегодня столь многими туристами, построена в значительной мере в эпоху тетрархов и восстановлено в XX столетии спустя примерно 1300 лет после того, как она стала церковью Святого Адриана. В политическом и стратегическом отношении и сенат, и Рим имели очень небольшое значение для империи и ее правителей*.

Когда кто-либо из тетрархов находился в Италии, более чем вероятно, что он пребывал на севере ее, в Милане, расположенном очень удобно для того, чтобы оттуда двигаться в Иллирию или на северо-запад, в Галлию. То, какие города наиболее часто выбирались в качестве императорских резиденций, свидетельствует о приоритетах тетрархов — Трир на Рейне, Сирмий близ Дуная, Антиохия в Сирии и Никомедия в Вифинии. В каждом из них появлялись дворец и, как пра-

* См.: Williams (1985). P. 148; для всех приезжающих в Рим чрезвычайно рекомендую книгу: *Claridge A.* Rome: Oxford Archaeological Guides. Oxford, 1998, по данной теме — P. 70—72.

вило, расположенный подле него цирк, а также другие монументальные сооружения. Процветавший Трир контрастировал с другими общинами в округе, переживавшими тяжелые времена. Было бы неверно говорить о том, что все названные города являлись постоянными столицами, поскольку тетрархи непрерывно перемещались. Все они неоднократно отбывали на войну и даже в мирное время имели обыкновение ездить из одного города в другой. Многие декреты и постановления Диоклетиана, сохранившиеся в позднейших собраниях римских законов, были изданы им в самых различных пунктах империи. Двор и фактически столица находились там, где в данный момент пребывал император*.

Императоры путешествовали и жили не одни. Каждого из тетрархов охраняли тысячи воинов из отрядов гвардии. Их число в последние десятилетия выросло настолько, что значение преторианцев упало и они теперь стали немногим более чем гарнизоном Рима. Диоклетиан командовал одним из этих гвардейских соединений, когда его провозгласили императором. Если возникала перспектива участия в боевых действиях — а это зачастую оказывалось вполне возможно, когда император находился в приграничной полосе, — то гвардейцев усиливали еще большим числом воинов. С тех пор как Септимий Север увеличил число солдат в Риме и за его пределами, стремление императоров держать под своим непосредственным командованием значительные военные силы возросло еще более. Враждебные Диоклетиану источники утверждают, что армия выросла вчетверо, поскольку каждый из тетрархов желал располагать тем же количеством воинов, что и его коллеги. Это, разумеется, сильное преувеличение. В армии увеличилось количество воинских частей, однако каждая из них значительно уступала по размерам своему аналогу предшествующего периода. Вне зависимости от того, выросла или нет общая численность армии, ясно, что каждый из тетрархов контролировал зна-

* Williams (1985). P. 148—150; о передвижениях императоров и об их резиденциях см.: Barnes (1982). P. 47—64.

чительные воинские силы. Военное превосходство представляло собой наилучшую гарантию императорской власти*.

Солдаты охраняли императора, но он не мог править с их помощью. При Диоклетиане произошел громадный рост числа гражданских чиновников. Август и его преемники управляли империей в течение двух столетий с помощью очень незначительной в количественном отношении бюрократии. Истоки и суть такого положения надо искать в хозяйстве сенатора республиканской эпохи, державшемся на рабах, вольноотпущенниках и иногда еще друзьях, которые вели его частные дела и помогали ему, когда он отправлял общественные должности. Нечто подобное, только меньшего размера, представлял собой и аппарат наместника, возможно, дополнявшийся в провинциях, где стояли войска, подчиненными ему солдатами. Эта система в целом не менялась в течение I и II столетий. Размеры имперского хозяйства понемногу росли, а его организация приобретала все более бюрократизированный характер. Непопулярность среди элиты могущественных императорских вольноотпущенников вела к тому, что доверие оказывалось скорее людям более высокого социального статуса (обычно всаднического ранга), когда речь шла о важных ролях в обществе. Значительный объем повседневной административной работы поручался местным общинам, в особенности городам, но также деревням и племенам — там, где города отсутствовали. «Бюрократов» имперского правительства насчитывались сотни или самое большее немногим более тысячи. К началу IV столетия их общее количество колебалось где-то между тридцатью и тридцатью пятью тысячами — один оратор описывал орды мелких чиновников как «более многочисленные, чем насекомые на овце в весеннюю пору». Разрастание бюрократии происходило постепенно, но особенно этот процесс ускорился при Диоклетиане. Отчасти это

* Об армии см.: *Nicasie H.* Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998. P. 14—22.

явилось естественным следствием умножения числа императоров. Каждый из них заводил теперь свой двор и административные службы — например, чтобы отправлять правосудие и собирать налоги и другие виды доходов, вести переписку на латинском и греческом языках, контролировать наместников провинций и обеспечивать деятельность армии. Многие должности дублировали друг друга. У Диоклетиана и Максимиана имелись свои префекты претория, которые практически утратили все военные функции и стали администраторами. У цезарей Констанция и Галерия они отсутствовали, однако имелись свои чиновники и руководители всех других ведомств*.

Северы разукрупнили большие провинции, где стояли войска, чтобы не дать наместникам их обрести чрезмерное могущество и тем самым создать потенциальную угрозу для центра. Тенденция к разделению провинций на более мелкие области давала о себе знать в течение всего III столетия. К тому времени, когда Диоклетиан стал императором, существовало порядка пятидесяти провинций — примерно на треть больше, чем в правление Марка Аврелия. Согласно одному особенно критически настроенному источнику, Диоклетиан «искромсал провинции на маленькие кусочки», удвоив их количество. Желание императора защитить себя от узурпаторов не являлось главной причиной: большие «военные» провинции, где размещалось до тридцати пяти—сорока тысяч солдат, существовали долгое время и после этого. В гораздо большей степени речь шла об обеспечении контроля и сбора налогов**.

---

* Garnsey, Humfress (2001). P. 25—51; *Kelly Ch.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004, passim; *MacMullen R.* Corruption and the Decline of Rome. New Haven, 1988. P. 144—145, *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284—602. Vol. I. Oxford, 1964, особо см. с. 366—410, Potter (2004). P. 370—377; о роли префекта претория см.: *Howe L.* The Praetorian Prefect from Commodus to Diocletian, AD 180—305. Chicago, 1942, особо см. с. 60—64; о насекомых на овце см. у Либания (Orat. XIX. 130).

** См.: Lactant. De mort. pesecut. 7. 4.

Теперь число наместников значительно выросло, и каждый из них отвечал за менее крупную область, чем это было в I и II столетиях. Италия и половина других провинций, не имевших военного значения, управлялись сенаторами, известными как correctores, но во всех других случаях наместниками были представители всаднического сословия. К концу правления Диоклетиана даже они фактически утратили всякую власть над войсками. Это был радикальный разрыв со старой римской традицией: только императоры сохраняли за собой гражданскую и военную власть. Помимо общих административных функций, наместники выполняли особо важную роль в надзоре за правосудием и финансовыми делами в провинции*.

Итак, количество провинций и наместников увеличилось. Каждый из них держал, по-видимому, более многочисленный штат чиновников, чем это было обычно для предшествовавших веков. Результатом стал громадный количественный рост представителей имперского центра в каждом регионе (даже если это может показаться незначительным по сравнению с бюрократией современных государств). В определенном смысле это затруднило для императоров строгий контроль над своими агентами на местах. Поэтому провинции были сгруппированы в более крупные единицы, известные как диоцезы. В конечном счете их оказалось двенадцать — Италия, Испания, Виенненсис, Британия, Африка, Паннония, Мезия, Фракия, Азиатский (Asiana), Понтийский (Pontica) и Восточный (Oriens) диоцезы. Италия также была разделена, хотя и неофициально. Ответственные за диоцез подчинялись префекту претория. Эти люди назывались викариями (vicarii, отсюда слово vicar, приходской священник), поскольку действовали вместо префекта. Иерархия не носила жесткого характера: императоры зачастую напрямую сносились с наместниками через голову викариев данного диоцеза. Иногда подчиненные также могли

* О роли наместников см.: Corcoran (1996). P. 234—253; о новой организации управления в целом см.: Williams (1985). P. 102—114.

действовать в обход своего начальства и напрямую обращаться к императору или префекту претория*.

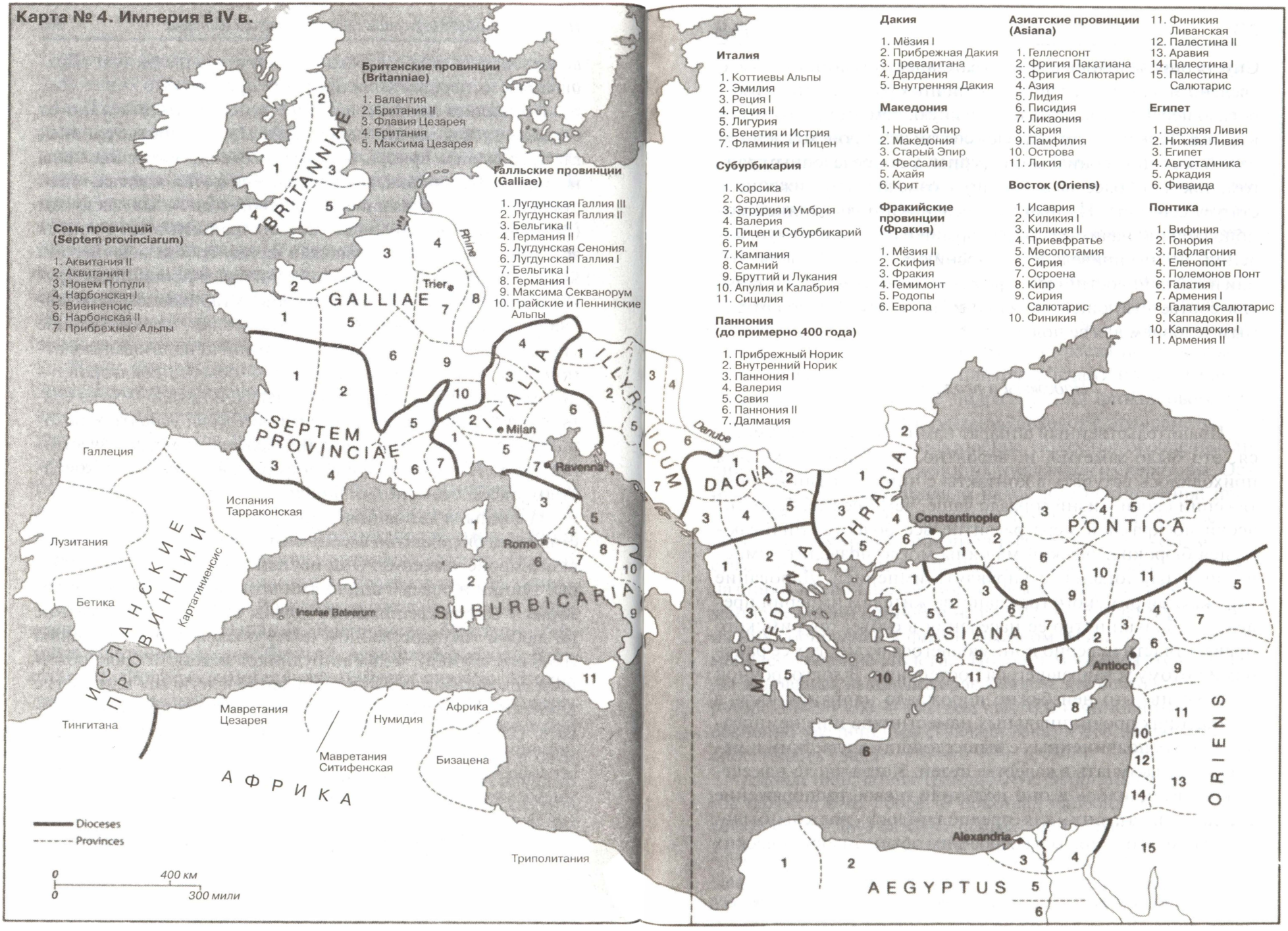
Командная структура армии действовала отдельно от системы гражданского управления. Приграничные районы, где требовалось присутствие военных сил, были разделены на округа. Все войска, размещавшиеся в этих округах, находились под командованием офицеров, известных как дуксы (dux, множественное число duces). Границы этих военных зон и провинций не совпадали между собой: обычно они включали в себя территорию двух и более провинций. Другие воинские части, не приписанные к гарнизонам, возглавлялись офицерами в ранге комитов (comes, множественное число comites). В прошлом этот термин использовался в отношении спутников императора — обычно сенаторов, — которые сопровождали его в поездках. В начале IV века возникло различие между войсками, которые, вероятно, находились под командованием императора и стали известны под наименованием comitatenses, и войсками под руководством duces, названными limitanei**.

И воины, и чиновники были слугами императора. Представители бюрократии имели чины и униформу явно армейского происхождения. Они носили военные головные уборы, туники и пояса с широкими круглыми пряжками, с которых у солдат свешивались ножны с мечами. Пребывание на любом государственном посту обозначалось как militia (военная служба), и для сотрудников ведомств стало обычным делом официальное зачисление в легионы или другие воинские соединения, которые давно перестали существовать. Однако несмотря на этот милитаристский фасад, армию и гражданское управление держали обособленно друг от друга. Люди делали карьеру тем или иным образом, но не «перескакивали» из военных в чиновники или наоборот.

---

* Подробно о дискуссии вокруг создания диоцезов и провинций см.: Barnes (1982). P. 195—225.

** См.: *Treadgold W.* Byzantium and Its Army, 284—1081. Cambridge, 1995. P. 9—21, 87—93.

Карта № 4. Империя в IV в.
Британские провинции (Britanniae)
1. Валентия
2. Британия II
3. Флавия Цезарея
4. Британия
5. Максима Цезарея
Галльские провинции (Galliae)
1. Лугдунская Галлия III
2. Лугдунская Галлия II
3. Бельгика II
4. Германия II
5. Лугдунская Сенония
6. Лугдунская Галлия I
7. Бельгика I
8. Германия I
9. Максима Секванорум
10. Грайские и Пеннинские Альпы
Семь провинций (Septem provinciarum)
1. Аквитания II
2. Аквитания I
3. Новем Попули
4. Нарбонская I
5. Виенненсис
6. Нарбонская II
7. Прибрежные Альпы
Италия
1. Коттиевы Альпы
2. Эмилия
3. Реция I
4. Реция II
5. Лигурия
6. Венетия и Истрия
7. Фламиния и Пицен
Субурбикария
1. Корсика
2. Сардиния
3. Этрурия и Умбрия
4. Валерия
5. Пицен и Субурбикарий
6. Рим
7. Кампания
8. Самний
9. Бруттий и Лукания
10. Апулия и Калабрия
11. Сицилия
Паннония (до примерно 400 года)
1. Прибрежный Норик
2. Внутренний Норик
3. Паннония I
4. Валерия
5. Савия
6. Паннония II
7. Далмация
Дакия
1. Мёзия I
2. Прибрежная Дакия
3. Превалитана
4. Дардания
5. Внутренняя Дакия
Македония
1. Новый Эпир
2. Македония
3. Старый Эпир
4. Фессалия
5. Ахайя
6. Крит
Фракийские провинции (Фракия)
1. Мёзия II
2. Скифия
3. Фракия
4. Гемимонт
5. Родопы
6. Европа
Азиатские провинции (Asiana)
1. Геллеспонт
2. Фригия Пакатиана
3. Фригия Салютарис
4. Азия
5. Лидия
6. Писидия
7. Ликаония
8. Кария
9. Памфилия
10. Острова
11. Ликия
Восток (Oriens)
1. Исаврия
2. Киликия I
3. Киликия II
4. Приевфратье
5. Месопотамия
6. Сирия
7. Осроена
8. Кипр
9. Сирия Салютарис
10. Финикия
11. Финикия Ливанская
12. Палестина II
13. Аравия
14. Палестина I
15. Палестина Салютарис
Египет
1. Верхняя Ливия
2. Нижняя Ливия
3. Египет
4. Августамника
5. Аркадия
6. Фиваида
Понтика
1. Вифиния
2. Гонория
3. Пафлагония
4. Еленопонт
5. Полемонов Понт
6. Галатия
7. Армения I
8. Галатия Салютарис
9. Каппадокия II
10. Каппадокия I
11. Армения II
BRITANNIAE
GALLIAE
SEPTEM PROVINCIAE
ITALIA
ILLYRICUM
DACIA
THRACIA
MACEDONIA
PONTICA
ASIANA
ORIENS
AEGYPTUS
SUBURBICARIA
Rhine
Danube
Trier
Milan
Ravenna
Rome
Constantinople
Antioch
Alexandria
Insulae Balearum
Галлеция
Испания Тарраконская
Лузитания
Бетика
Картагиниенсис
ИСПАНСКИЕ ПРОВИНЦИИ
Тингитана
Мавретания Цезарея
Мавретания Ситифенская
Нумидия
Африка
Бизацена
Триполитания
АФРИКА
Dioceses
Provinces
0 400 км
0 300 мили

Спустя определенное время в гражданских ведомствах было введено значительное число различных рангов, что формировало иерархию даже более сложную, чем это имело место в армии. Теперь статус оказался связан не с происхождением из той или иной социальной группы, а с определенным рангом, так что более высокий пост означал продвижение к статусу сенатора. На практике всадники пользовались монополией на значимые посты в армии и гражданском управлении, но это привело к расслоению внутри сословия. Тот или иной ранг достигался через известное время путем занятия соответствующей должности, а не являлся необходимым условием для ее получения*.

Надежды и реальность

Правительственный аппарат намного вырос. Разумеется, это было заметно, и, вероятно, простым гражданам приходилось вступать в контакты с чиновниками на протяжении своей жизни гораздо чаще, чем прежде. Теоретически по крайней мере развитие все более увеличивающейся бюрократической машины могло позволить императорам рациональнее управлять империей. Дарование Каракаллой римского гражданства жителям империи превратило большинство ее населения в субъектов римского права, отчасти неверно понимавшегося во многих ее районах и потому усваивавшегося постепенно. В долгосрочной перспективе это неизбежно порождало напряженность в отношениях провинциальных наместников и их немногочисленных подчиненных с вышестоящими властями и мешало им выступать в качестве судей. Когда число наместников увеличилось и они получили в свое распоряжение больший штат, они, как предполагалось, должны были, среди прочего, заняться возросшим объемом юридических проблем.

* См.: Kelly (2004), а также Jones (1964). P. 366—410, 563—606.

Однако делом первостепенной важности для любого императора было получение доходов. Все знали, что им не сохранить власть, если они не смогут содержать армию и платить пусть и меньшие, но достаточно заметно увеличившиеся суммы разросшейся бюрократии. Императоры располагали значительными личными средствами, поскольку они являлись крупнейшими землевладельцами в римском мире. Императорские поместья поначалу являлись просто частной собственностью Августа и его преемников. Они увеличивались в результате завоеваний и конфискаций имущества у осужденных. Поскольку прекращение существования династии обычно подразумевало отсутствие наследников, императорские поместья продолжали расти по мере угасания очередной династии и прихода к власти новых императоров. Соответствующие подразделения финансового ведомства отвечали за поступление доходов с этих земель.

Сами по себе императорские поместья обеспечивали лишь часть доходов, в которых нуждались императоры. Основную их часть составляли налоговые поступления, преимущественно в деньгах, однако определенная часть всегда вносилась натурой — обычно продуктами сельского хозяйства. Какое бы воздействие ни оказывала инфляция в III веке на широкие слои населения, она вызвала существенное снижение реальной ценности налоговых поступлений. Многие из них собирались в фиксированном размере, который не менялся в течение столетия. Подобным же образом и размеры жалованья, выплачивавшегося тем, кто состоял на императорской службе — как воинам, так и чиновникам, — не особенно увеличились с начала века, и его покупательная способность упала*.

Диоклетиан затеял грандиозную реорганизацию системы налогов и их сбора. В общинах проводилась оценка с точки зрения двух базовых показателей — размеров земли и

* Jones (1964). P. 411—469; *Corbier M.* Coinage and taxation: the state's point of view, A.D. 193—337 // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 360—386.

количества рабочей силы. Земля делилась на югеры (iugera), размеры которых изменялись в зависимости от типа хозяйства, возможного в данной местности, и его ожидаемой продуктивности. Вторым показателем была численность взрослого населения, способного работать на земле. На основе этих двух показателей определялось, сколько ожидалось от властей той или иной области. Налаживание этой системы, видимо, потребовало десяти лет или около того, пока группы налоговых инспекторов объезжали каждую провинцию. Существовало множество местных особенностей — например, в возрасте тех, кто стал объектом переписи, или в вопросе, считать ли женщин вместе с мужчинами, а также неизбежная субъективность оценок качества земли. Однако несмотря на все это, единообразная система налогообложения была внедрена на всей территории империи*.

В большинстве случаев налоги собирались в натуральной форме, предохранявшей систему от инфляции. Значительная их часть напрямую использовалась для обеспечения армии, а все ненужное можно было продать по рыночным ценам. Кроме того, жалованье солдатам и чиновникам во многом состояло теперь из продовольствия, фуража и других предметов потребления. (Это не касалось вознаграждений, регулярно выдававшихся в ознаменование очередной годовщины восхождения императора на престол — они продолжали выплачиваться золотом.) То, что не было нужно, могли обменять на то, в чем нуждались. Позднее, в IV веке, эта система во многом стала чем-то искусственным, поскольку значительная часть жалованья стала выдаваться деньгами. Нет свидетельств того, что так обстояло дело с самого начала, но равным образом неясны и подробности функционирования этой системы. Например, как чиновник из гражданского ведомства должен был избавиться от лишнего фуража или зерна, если его товарищи по службе пытались распродать свои излишки там же и тогда же? Вероятно,

* О переписи и налогообложении: Williams (1985). P. 126—139, Barnes (1982). P. 226—237.

были агенты, действовавшие в интересах служащих, но, видимо, правительство все же не бралось за нелегкое дело раздачи положенного провианта всем, кому он полагался, и вместо этого платило эквивалентную сумму, основываясь на существовавших ценах.

Диоклетиан затеял серьезную денежную реформу. Были введены стандарты монет с достаточно высоким содержанием золота и серебра. Существовала также медная монета, покрытая тонким слоем серебра, известная как nummus и предназначенная для повседневного хождения. Росту правительственного аппарата на территории империи сопутствовало увеличение числа монетных дворов, чеканивших монеты для текущих выплат армии и чиновничеству в соответствующих областях. Инфляция, возможно, замедлилась, но не прекратилась. В 301 году Диоклетиан выпустил эдикт, имевший целью урегулировать цены при продаже товаров. В ряде восточных провинций надписи сохранили фрагменты текста этого акта, однако представляется, что в западных провинциях, управлявшихся Максимианом, он не имел законной силы или не выполнялся*.

В этот список входило множество товаров. Декрет определял стоимость меры пшеницы (в римском обществе мера именовалась modius и равнялась четверти бушеля**) в сто денариев, ячменя или ржи — шестьдесят денариев, тогда как аналогичное количество овса оценивалось только в тридцать денариев. Цена вина колебалась в зависимости от его качества — например, от тридцати денариев за фалернское вино, которое расхваливал поэт Гораций тремя столетиями ранее, до восьми денариев за самое простое. Фунт свинины стоил двенадцать денариев, тогда как столько же высококачественного мяса откормленного гуся — не менее двухсот денариев. Помимо продуктов, в списке перечислялись другие товары — от пряностей до одежды. Указывались также надлежащие размеры оплаты труда представителей много-

* Jones (1964). P. 60—68.

** Модий равен примерно 8,784 л. — *Примеч. пер.*

различных профессий. Учителям платили за каждого ученика, портным — за каждый заказ, работнику — за каждый трудовой день. Все исчислялось в денариях, и хотя их давно уже никто не чеканил, они по-прежнему оставались базовой валютной единицей. Несколькими месяцами ранее закон установил стоимость серебряной монеты в сто денариев и покрытой серебром медной монеты nummus в двадцать пять и четыре денария в зависимости от ее размеров*.

Единственный литературный источник, где упоминается эдикт о ценах, насмехается над ним как над полностью провалившимся: торговцы игнорировали его, поскольку знали, что могут запрашивать за свои товары и бóльшие цены. Египетские папирусы подтверждают, как вскоре цены поднялись много выше установленного императором максимума. Насколько мы можем судить, указ был забыт достаточно быстро, но по крайней мере одна из копий сохранялась достаточно долго для того, чтобы можно было убедиться в изменениях некоторых цен по сравнению с указанными в ней. В обширном введении к эдикту Диоклетиан напоминал аудитории о стабильности и успехах, достигнутых в результате его правления, и заявлял о своей обеспокоенности тем, что с его храбрых воинов запрашивают лишнее. Можно также предположить его желание установить нормы, при которых государство могло бы покупать товары и пользоваться услугами независимо от их рыночной стоимости**.

У правительства Диоклетиана отсутствовал механизм, который позволил бы внедрить в повседневную жизнь эту неповоротливую ценовую систему. Наиболее удивительное в связи с эдиктом — это амбиции его авторов, пусть даже и наивные в экономическом отношении. Наряду со стремлением к глубоким переменам мы видим здесь в высшей сте-

* Jones (1964). P. 438—442.

** По поводу эдикта о ценах см.: Bowman (2005). P. 83—84, 177—178, а также: Corcoran (1996). P. 205—233; о переводе текста, реконструируемого на основе нескольких надписей, см.: *Rees R.* Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh, 2004. P. 139—146.

пени морализаторскую риторику. За словами о наступлении мира во всем мире, когда закипающая ярость варваров оказалась укрощена ценой великих усилий, следует возмущенная тирада по поводу новых несчастий, обрушившихся на воинов. «Царит необузданная жадность, питающая сама себя и растущая, не ведая жалости к роду человеческому». Немного ниже император уподобляет эту алчность религии. Эдикт выдержан в манере, типичной и для других законодательных актов тетрархов и дошедших до нас рескриптов — ответов, дававшихся на вопросы юридического характера и прошения, которые присылались императору. Яростный тон сопровождался перечислением жестоких и зачастую изощренных наказаний*.

Диоклетиан, родившийся около 240 года, добился гораздо больших успехов, чем кто-либо другой из императоров его времени или предшествующего поколения. Если учесть раздоры и хаос, царившие в течение нескольких десятилетий, то в заявлениях тетрархов по поводу восстановления мира и порядка была изрядная доля истины. Вполне возможно, что Диоклетиан искренне верил в собственную пропаганду. Очевидно, он не сомневался, что наилучший способ справиться с трудностями, стоявшими перед империей, — ввести жесткое централизованное управление. Это была не новая идея. Бюрократия усилилась за последние десятилетия. Переворот, совершенный императорами, произошел столь быстро, что чиновники, главным образом средних рангов, которые в меньшей степени подвергались чистке при смене правления, оказались наиболее прочным элементом нового режима. Диоклетиан оставался у власти дольше, чем его предшественники, и его могущество усили-

* Вступление к эдикту о ценах см.: Corcoran (1996). P. 207—208, включая цитаты; о законах и судах см.: Jones (1964). P. 470—522, и MacMullen (1988). P. 87—93; Статья IX. 20. 7 Кодекса Юстиниана — это введенный Диоклетианом закон, предписывавший вкратце сообщать состав преступления, а затем казнить похитителей рабов, «чтобы наказание [самим] своим способом устрашило всех прочих».

валось с каждым годом. Поэтому он сумел продвинуться куда дальше других в деле создания централизованного правления.

Однако это был по-прежнему постепенный процесс. Диоклетиан наверняка вынашивал какие-то долгосрочные планы в начале своего правления, даже если эти идеи трансформировались или со временем вообще отпали. Создание новых провинций и разрастание правительственных ведомств произошло не в одночасье. Вероятно, налоговая реформа заработала в полную силу лишь незадолго до конца его правления. Новые правительственные институты помогали Диоклетиану укрепить свои позиции, но не они являлись причиною его успеха и политического долголетия. Их эффективность также в значительной степени зависела от его энергии, политического таланта и целеустремленности. Находясь под строгим контролем и управлением тщательно отбиравшихся и лояльных префектов претория и наместников, новая бюрократия позволяла императору оказывать большее влияние на жизнь провинций. Масштабы постановлений Диоклетиана и самый стиль его декретов свидетельствуют об уверенности императора в том, что он может и должен регулировать все, что попадало в поле его зрения*.

Императоры занимали высшее положение и управляли с помощью огромного числа чиновников, которые имели власть и соответствующий статус только потому, что они являлись представителями императоров. Сами тетрархи стояли неизмеримо выше их по своему достоинству и могуществу. Их отделяла от всех прочих огромная дистанция, они постоянно находились под бдительной охраной. Рабы, прислуживавшие им — таковыми все чаще становились евнухи, — обретали огромную власть. Старшие слуги — такие как препозит священной опочивальни (praepositus sacri cubiculi), примицерий священной опочивальни (primicerius sacri cubiculi), главный распорядитель священного дворца (cast-

* Potter (2004). P. 294—298.

rensis sacri palatini) — со временем получали ранги выше, нежели большинство аристократов. Когда императоры жили в городах, их окружала роскошь. Во время поездок их сопровождали тысячи солдат, чиновников, а также сотни или даже тысячи людей, являвшихся ко двору в надежде подать свои прошения. Со времен Диоклетиана стало труднее получить доступ к императорам — это по крайней мере значило, что их гораздо труднее и убить. В некоторых источниках и работах современных историков новый церемониал при дворе рассматривается как возникший под влиянием примера авторитарных персидских царей. Такая точка зрения вызывает большие сомнения, и следует помнить о том, что весьма давняя риторическая традиция, восходящая еще к Геродоту, представляла царей (в особенности восточных, подобных персам) образцом тирании. Куда более вероятно, что Диоклетиан получал удовольствие от этих церемоний и чувствовал, что они на пользу величию его власти. Приветствовалось все, что побуждало подданных к повиновению и устрашало смутьянов*.

Успех Диоклетиана и его соправителей наглядно демонстрировал, что мощь Римской империи по-прежнему велика. В условиях периода относительного мира и стабильности и (что важнее всего) продолжительного существования одного и того же правительства римляне во многом восстановили господствующее положение на своих границах. Диоклетиан сумел увеличить налоговые поступления больше, чем то имело место в предшествующие десятилетия, и это позволило финансировать военную деятельность. Были построены новые крепости, старые приведены в порядок. В целом новые опорные пункты оказались меньше старых по размерам, однако они имели более высокие и толстые стены, чем прежние крепости и форты. Над варварскими племенами одерживались победы, переговоры велись с

* См.: Williams (1985). P. 140—150; Garnsey, Humfress (2001). P. 25—51.

позиции силы, и чем дольше продолжалось правление тетрархов, тем больше возрастал страх перед мощью Рима. Те, кто думал о набегах на империю, стали намного осторожнее. Нападения случались и теперь, однако их участников все чаще перехватывали и громили. Ситуация улучшилась, но предстояло сделать еще очень много, чтобы ущерб от прежних поражений сошел на нет*.

В начале правления Диоклетиана Сасанидская империя вновь стала агрессивной. После периода возобновившихся гражданских войн — предшествующий монарх продержался на престоле всего несколько месяцев — в 293 или 294 году на трон взошел Нарсес. Победитель в гражданской войне, он представлял собой жесткого военачальника, при этом совсем не уверенного в своем положении. Война с Римом открывала перед ним перспективу славы и возможность объединить подданных в борьбе против внешнего врага. Персы перешли в наступление, совершив набег на римские провинции, что наиболее вероятно, в 296 году Галерий был отправлен против них и, судя по всему, потерпел поражение — это вписывается в контекст истории, когда Диоклетиан, сделавший его цезарем, заставил его бежать за своей колесницею (см. выше). Получив в свое распоряжение более мощные силы, включая войска, переброшенные из других областей империи, Галерий возобновил боевые действия и на сей раз одержал решительную победу. Лагерь Нарсеса был захвачен, в руки римлян попали царский гарем и большая часть его приближенных и челяди. Римская армия взяла Ктесифон — вероятно, в 297 или 298 году. В начале следующего года персидскому царю навязали мирное соглашение, в соответствии с которым он уступал римлянам определен-

* Об оборонительных сооружениях см.: *Lander J.* Roman Stone Fortifications. Variation and Change from the First Century AD to the Fourth (BAR Int. Ser. 206). Oxford, 1984, особо см. P. 151—262, а также: *Johnson S.* Late Roman Fortifications. London, 1983; о противопоставлении диоклетиановой политики на границах политике Константина см.: Zosim. II. 34. 1.

ные территории и признавал их верховенство над несколькими независимыми приграничными царствами, включая Армению. Граница между двумя государствами теперь проходила по Тигру, и город Нисибис, вновь оказавшийся в руках римлян, стал единственным официально признанным местом, где через купцов могли осуществляться связи между двумя государствами. Таким образом, каждая из сторон стала контролировать основную часть имевших место контактов и получать пошлины от торговли между державами. Этот мир, особенно выгодный для Рима, продолжался сорок лет*.

Диоклетиан был одним из императоров, оказавших важнейшее влияние на исторический процесс. Подобно Августу, он пришел к власти после длительного периода гражданских войн и смуты, и оба глубоко изменили государственный порядок путем реформ. Оба действовали не в вакууме, почти в равной степени исходя из уже существовавших тенденций общественной жизни и внося новое. По-видимому, Диоклетиан больше, чем кто-либо другой, сделал для формирования облика империи IV века и при этом устранил большую часть того, что еще сохранялось от режима, установленного Августом. Военная диктатура была теперь не замаскированной, а вполне открытой. Тетрархия оказалась эффективной потому, что правители действовали твердо и в согласии друг с другом. В конечном счете крупнейшим испытанием стал вопрос о престолонаследии. Однако в этом отношении тетрархия продемонстрировала свою несостоятельность.

* См.: Bowman (2005). P. 81—83, Dodgeon & Lieu (1991). P. 124—139, а также Williams (1985). P. 79—81, 84—86.

Глава девятая

ХРИСТИАНЕ

Константин, превосходящий императоров по рангу и величию, первым ощутил жалость к тем, кто подпал под тиранию Рима, и, воззвав в молитве к Господу, что на небесах, и к Слову его, и к Иисусу Христу-Спасителю, призвав его в союзники, он выступил во главе великих сил, стремясь возвратить римлянам свободу их предков.

*Евсевий Кесарийский, около 325 года**

Ныне, когда вся империя перешла к Константину, его надменность возросла, а успех вскружил ему голову.

*Зосим, конец V века***

1 мая 305 года тетрархи одновременно устроили два грандиозных парада на противоположных концах империи. Диоклетиан и Галерий находились близ Никомедии, а Максимиан и Констанций — в Милане. Старшие императоры часто бывали в этих городах, но для Диоклетиана это место имело особое значение, поскольку именно там немногим более двадцати лет назад армия провозгласила его императором. Теперь, когда возраст приближался к шестидесяти и здоровье ослабело, он формально оставил свой пост. Одновременно Максимиан сделал то же самое в Милане, хотя дальнейшие события показали, что он действовал не по своей воле. Рядом с Диоклетианом стоял Галерий, рядом с Максимианом — Констанций, и оба цезаря получили титул августа. Чтобы помочь им в их трудах, были назначены два новых цезаря. Диоклетиан расстегнул свой пурпурный плащ императора и накинул его на плечи племянника Галерия Максимина Дайи. Тем же жестом Максимиан обозначил присвоение военачальнику Северу статуса коллеги императора.

---

* Euseb. Hist. Eccles. IX. 9. 2.

** Zosim. II. 53.

Никого из высших военных и гражданских чинов не удивила эта тщательно обставленная передача власти, поскольку подготовка к этому событию уже велась в течение некоторого времени. Все предвидели выдвижение Констанция и Галерия, но некоторые источники утверждают, что выбор лиц, получивших ранг цезарей, вызвал удивление по крайней мере у низших армейских чинов: и Констанций, и Максимиан имели взрослых сыновей, казавшихся куда более подходящими кандидатами. Север был близким товарищем Галерия, и очевидно, что последний рассчитывал добиться господства над новой тетрархией подобно Диоклетиану, контролировавшему своих коллег*.

Мы так никогда и не узнаем, почему Диоклетиан решил отречься от престола. Некоторые исследователи считают, что он давно вынашивал этот план, имевший основополагающее значение для его концепции тетрархии, но это, очевидно, слишком схематично. Более рациональным кажется рассматривать его режим как постепенно развивавшийся сам по себе, а не как часть некоего генерального плана. Диоклетиан недавно оправился от тяжелой болезни, и, вероятно, ему просто недоставало сил или энтузиазма, чтобы сладить с задачей управления империей. Христианский автор Лактанций, всего за несколько лет до означенных событий преподававший риторику непосредственно в Никомедии, утверждал, что Галерий убеждал больного императора сложить с себя полномочия и сам выбрал нового цезаря. Это сообщение нужно оценивать с осторожностью, поскольку Лактанций недолюбливал обоих, так как они преследовали христиан, и в его книге описана ужасная судьба, постигшая всех гонителей этой веры. Все же невозможно отрицать, что при новом режиме Галерий был центральной фигурой и в

* Наиболее полный рассказ см. в трудах Лактанция (De mort. persecut. 18—20), но см. также: Anon. De Caes. 39—40, Aurel. Victor. De Caes. 39, Euseb. Hist. Eccles. VIII. 13. 10—11; более подробное описание см. в работе: *Odahl C.* Constantine and the Christian Empire. London; New York, 2004. P. 71—74.

последние годы имел наилучшие возможности для влияния на Диоклетиана. Но даже если так, последний прежде всегда принимал решения самостоятельно и, вероятно, счел, что лучше всего избрать именно Галерия*.

Однако Диоклетиан, пусть и добровольно, отказался от власти. Как и в прошлом, в тот момент Максимиан не смог противостоять своему более влиятельному коллеге. Империя получила четырех новых правителей, один из которых, как предполагалось, должен был подчинить своей воле остальных и благодаря этому добиться солидарности между всеми. Однако он потерпел неудачу. Вряд ли Галерий проявил себя более искусным политиком, чем Диоклетиан, однако главным отличием между ситуациями стало появление потенциальных соперников достаточно высокого происхождения, чтобы их претензии получили поддержку. Как и прежде, узурпации стимулировали одна другую. Первая имела место в Британии всего год спустя.

Константин

Сыну Констанция, Константину, недавно исполнилось тридцать лет, когда он стал свидетелем торжества Галерия и Максимина Дайи в Никомедии. Он уже показал себя способным офицером, сражаясь на Дунае и участвуя в кампании против персов. Какое-то время он оставался с Галерием, и впоследствии появилось немало историй о том, как тот пытался подстроить его смерть: он якобы приказал Конс-

* Дискуссию по проблеме отречения см. в исследовании: *Grant M.* The Emperor Constantine. London, 1993. P. 20—23, *Corcoran S.* Before Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 35—58, особо см. 53—54, *Lenski N.* The Reign of Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine. P. 59—90, особо см.: P. 60—61; см. также работы: *Bowman A.* Diocletian and the First Tetrarchy, A.D. 284—305 // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 87—88; *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004. P. 340—342.

тантину возглавить атаку, а затем придержал резервы или даже велел ему голыми руками одолеть льва. Наконец, когда отец отдал ему приказ присоединиться к нему в Британии, Константин, как считается, тихо улизнул. Используя существовавшую в империи систему почтовых станций и подстав, он мчался во весь опор, убивая по дороге ненужных ему лошадей для предотвращения погони. Он успел застать отца на смертном одре в Йорке, и у Констанция едва хватило сил, чтобы назвать сына преемником. Значительная часть этой истории, вероятно, представляет собой романтические вымыслы. Действительно, мы знаем, что Константин провел несколько месяцев с отцом в Британии. За это время он сумел установить взаимопонимание со старшими офицерами и чиновниками*.

Констанций скончался в Йорке 25 июля 306 года, и ведущие командиры немедленно провозгласили Константина его преемником, получив поддержку войск. Он претендовал пока лишь на звание цезаря и отправил Галерию послов с имперскими регалиями, на которых красовалось его изображение. Галерий даровал ему требуемый ранг (в отличие от Диоклетиана, который отверг претензии Караузия). Галерий теперь также продвинул Севера, присвоив ему титул августа и тем самым вновь дополнив тетрархию. Однако видимость стабильности вскоре нарушилась.

Максимиан удалился на виллу в Италии, и в октябре его сын Максенций приехал в Рим. Ранее в том же году Галерий издал постановление, которое распространяло налоговую систему Диоклетиана на Италию так же, как и на провинции, чем положил конец более чем четырехсотлетнему отсутствию прямого налогообложения в этой области. Максенций воспользовался непопулярностью этой меры и был провозглашен императором в Риме; его выдвинул ряд сторонников и в том числе преторианская гвардия (в послед-

* Lactant. De mort. persecut. 24—25, Euseb. Vita Const. I. 20—21, Aurel. Victor, De Caes. 40, Zosim. II. 8; см. также: Odahl (2004). P. 72—78, Grant (1993). P. 22—23, и Lenski (2006). P. 61.

ний раз в истории она выдвигала кандидата на престол!). Максимиан возвратился из убежища, чтобы поддержать сына, вновь именуя себя августом. Но на этот раз Галерий и Север были непреклонны в решении отвергнуть какие бы то ни было расширения имперской коллегии.

Север собрал армию в Милане и двинулся на Рим в 307 году. Однако почти все его солдаты и офицеры служили под началом Максимиана, пока тот не удалился на покой: они не выказали желания сражаться против своего прежнего командующего и вскоре начали дезертировать. Север бежал, но его схватили, заключили в тюрьму и вынудили сложить с себя титул августа. Осенью Галерий вторгся в Италию, но не мог вынудить противника вступить в открытое сражение и не был готов к тому, чтобы предпринять в конце года столь важную операцию, как осада Рима. Как утверждала молва, он был поражен самим размером города, которого никогда не видел прежде, — поразительная реакция для правителя римского мира, вместе с тем свидетельствовавшая, что Рим утратил свое прежнее значение. Галерий отступил и более не повторял своей попытки. Максенций ответил на это убийством Севера, в результате чего надежда на полное примирение практически исчезла*.

В тот период Константин вел кампанию на Рейнской границе, одерживая победы, которых обычно и ожидали от императора. Формально он не разорвал отношений с Галерием, однако тем не менее налаживал связи и с Максимианом: в 307 году в Трире он взял в жены его дочь Фаусту. (Старшая дочь Максимиана Феодора, по-видимому, скончалась за несколько лет до смерти своего супруга, Констанция. Константин был не ее сыном, но плодом более ранней связи, причем это вряд ли был законный брак, и мать Константина скорее была любовницей, нежели женой Констанция.) Максимиан провозгласил Константина августом. Он

* Zosim. II. 9, Lactant., De mort. persecut. 23—27, Aurel. Victor. De Caes. 41; Eutrop. Brev. X, а также Potter (2004). P. 346—348, Odahl (2004). P. 86—88, и Lenski (2006). P. 63—64.

уже успел поссориться со своим собственным сыном и потому остался при дворе Константина. Теперь в римском мире было пять императоров*.

В 308 году Диоклетиан вернулся к делам, чтобы поддержать Галерия. Они встретились с Максимианом в Карнунте на Дунае и провозгласили августом офицера по имени Лициний, также близкого Галерию. Максимина Дайя и Константина утвердили в ранге цезарей, но разрешили им именоваться «сыновьями августов». Максенция они проигнорировали, но он и без того был занят подавлением восстания, поднятого узурпатором Домицием Александром в Африке и подавленного не ранее следующего года. После встречи Диоклетиан отправился назад в свой дворец в Сирмии выращивать капусту (говорят, он хвастался ее ароматом). Вновь отошел от дел и Максимиан**.

Благодаря вмешательству Диоклетиана перемирие наконец было заключено (хотя и с трудом). Вместе с тем случившееся показало, насколько сильно стабильность тетрархии зависела от господства одного из участников императорской коллегии над остальными. В 310 году Максимиан вновь решил взять власть и восстал против Константина. Его мятеж быстро подавили, а его самого казнили. Константин и Максимин Дайя вернули себе титулы августов (последний, как рассказывали, очень переживал из-за того, что Север, а позднее Лициний «обошли его» и получили повы-

---

* К вопросу о легитимности Константина как императора см. *Leadbetter B.* The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy // Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. Lieu and D. Montserrat. London, 1998. P. 74—85; *Drijvers J.W.* Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. Leiden, 1992. P. 14—19; *Barnes T.* The New Empire of Diocletian. Cambridge (Mass.), 1982. P. 36; Odahl (2004). P. 16—17.

** Lactant. De mort. persecut. 29, Zosim. II. 10, Aurel. Victor. De Caes. 39—40, Eutrop. Brev. X. 4; *Cameron A.* The Reign of Constantine, a.d. 306—337 // CAH. 2 nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 91—92, Odahl (2004). P. 80—86, 90—92, Grant (1993). P. 25—26, *Barnes T.* Constantine and Eusebius. Cambridge (Mass.), 1981. P. 32—33. Potter (2004). P. 347—351.

шение первыми). На следующий год Галерий умер: он страдал раком простаты, и, по словам Лактанция, последние дни его жизни сопровождались особенными страданиями. Лициний и Максимин Дайя бросились делить его территорию; в конце концов они договорились, что граница пройдет по Босфору. Диоклетиан скончался примерно в это же время, однако насчет его смерти существует несколько версий: согласно одним, он умер от болезни, согласно другим — покончил жизнь самоубийством*.

В 312 году Константин напал на Максенция. Его армия была верна ему, закалена в боях на границах, и сам он обладал талантом военачальника. Быстро двинув войска в Италию, Константин одержал победу над сторонниками Максенция, а затем подошел к Риму. Городские укрепления обеспечивали защиту от внезапного нападения, но столь длинную стену вокруг столицы трудно было оборонять, если противник вел правильную осаду. Кроме того, если бы Максенций спрятался за укреплениями, избегая встречи с противником, численность войск которого, по-видимому, значительно уступала численности его собственных сил, это повредило бы его престижу. Он вывел армию из города и перешел Тибр по Мульвийскому мосту (каменный мост разрушили, поэтому близ него пришлось возвести понтонный). Несмотря на количественный перевес, ни военачальник, ни его войско не могли соперничать с противником, и Константин одержал решительную победу. Максенций был убит, а многие из его солдат утонули, когда бросились бежать через понтонный мост, сломавшийся под их тяжестью**.

Осталось три императора, и Константин объединился с Лицинием. В 313 году Лициний женился на его сводной сест-

* Lactant. De mort. persecut. 32, 42, а также: *Williams S.* Diocletian and the Roman Recovery. London, 1985. P. 199—200.

** Euseb. Hist. Eccles. XIV. 9. 9, а также Vita Const. I. 38, Zosim. II. 2. 15—17, Lactant. Lactant. De mort. persecut. 44, Aurel. Victor. De Caes. 40; см. также Odahl (2004). P. 98—108, Potter (2004). P. 356—359, 363, Lenski (2006). P. 68—70 и Grant (1993). P. 33—40.

ре Констанции (происходившей от Феодоры), а затем повел свою армию на Восток против Максимина Дайя. Последний провел свои войска по Европе и двинулся по главной дороге через Балканы. Они встретились близ Адрианополя 30 апреля, и армия Дайя была разгромлена. Он бежал, однако его преследовали, и в июле он покончил с собой. Оставшиеся два императора заключили между собой соглашение о разделе провинций: Константин забрал себе западные, а Лициний — восточные.

В 316 году Константин совершил провокацию: он вторгся на территорию Лициния в ходе кампании против неких сарматских племен. Если он стремился спровоцировать войну, а не просто заявить о своем превосходстве, он, вероятно, испытал шок, убедившись, что его противник сильнее, чем он предполагал. Последовало два сражения (второе опять-таки близ Адрианополя). Но несмотря на то что Константин выиграл оба, его победа оказалась неполной. По соглашению, заключенному в результате переговоров, Лициний отказался почти от всех своих провинций в Европе. В 324 году борьба возобновилась. Опять-таки ход кампании определялся в соответствии с системой дорог, и Константин одержал первую победу при Адрианополе. Лициний отступил в Византий, но проиграл сражение на море и затем бежал в Малую Азию. Константин преследовал его и выиграл решающую битву при Хризополисе. Лициний сдался и получил дозволение жить хотя и в плену, но с комфортом. Через некоторое время он был казнен по обвинению в заговоре вместе с маленьким сыном. Констанцию пощадили, и она жила при императорском дворе, окруженная почетом*.

Впервые за почти сорокалетний период власть над империей перешла в руки одного правителя. Правда, за годы пребывания на троне Константин даровал нескольким сы-

* Более подробное описание событий за эти годы см. в исследованиях: Grant (1993). P. 40—50, Odahl (2004). P. 119—120, 162—165, 170—182, Lenski (2006). P. 73—77, *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. P. 284—602. Oxford, 1964. P. 77—83, и Potter (2004). P. 364—368, 377—380.

новьям титул цезарей, но ни у кого не возникало сомнений относительно его первенства. Он пошел еще дальше, чем Септимий Север, который просто «нашел» себе отца, — еще прежде Константин объявил себя (солгав при этом) потомком недолго правившего, но почитаемого Клавдия II. Он не пытался возродить тетрархию, и его успех является сильным аргументом против современных утверждений, будто в те времена императору было необходимо иметь соправителей. Будучи, подобно Диоклетиану, «сильной личностью», он сокрушил противников и запугал всех, кто мог бы представлять для него угрозу. Но в отличие от Диоклетиана Константин решил добиться этого не привлекая коллег-императоров, над которыми он мог бы доминировать, и предпочитал править в одиночку. Успех обоих определялся скорее их личными качествами, политическими навыками, беспощадностью и сосредоточенностью на одной-единственной цели, нежели созданными ими институтами. Всего Константин пробыл у власти тридцать два года, хотя его единоличное правление продолжалось только тринадцать лет*.

Церковь

Константин знаменит прежде всего как император, распространивший в империи христианство. На деле все обстояло куда сложнее, и мы специально опустили в предыдущем разделе всякие упоминания о его религии. Дело не в том, что его религиозные взгляды не имели значения: прежде всего мы должны были рассмотреть его как одного из многих — правда, и одного из наиболее преуспевших — узурпаторов, сражавшихся за власть в империи в III—IV столетиях. Именно в этом контексте следует воспринимать его обращение, отношение к религии и религиозную политику. Новизна веры не имеет отношения к анализу политической карьеры,

* См. Lenski (2006). P. 66 со ссылками на конкретные речи и надписи.

и привлекать первое для понимания второго было бы ошибкой. Для данного периода более, чем для какого-либо иного, существует опасность превратить историю правления Константина в историю христианства, развивавшуюся в те годы (в особенности христианства православного), — просто потому, что подавляющее большинство источников сосредоточены именно на ней.

После того как Галлиен положил конец преследованиям церкви, которым потворствовал его отец, христианские общины по всей империи наслаждались покоем в течение жизни целого поколения. Благодаря этому уже определившаяся тенденция стала еще более ощутимой: христианская жизнь все более и более оказывалась на виду. Епископы, как показывает переменчивая карьера Павла Самосатского в Антиохии, часто приобретали на местах большой авторитет. Во многих мелких и крупных городах строились церкви; одна из них стояла близ дворца Диоклетиана в Никомедии. Христиане занимали самые разные посты, в том числе в армии и администрации императора, и очень редко бывало, что кто-то из них обнаруживал несовместимость своих верований с возложенными на него официальными обязанностями. По-видимому, в результате некоего молчаливого соглашения отношение к христианству смягчилось и оно более не рассматривалось как угроза для империи. Ужасные слухи о каннибализме и инцесте в основном прекратились, и у многих возникли куда более адекватные представления о том, во что верят христиане. Философ-неоплатоник Порфирий, нападавший на церковь, основывался на весьма хорошем знании иудейских и христианских священных текстов*.

При тетрархии церковь вновь подверглась масштабным гонениям. Считается, что впервые Диоклетиан заинтересо-

* О храме в Никомедии см. Lactant. De mort. persecut. 12; о Порфирии см. весьма полезный обзор в работе: Potter (2004). P. 323—332. Более детальный анализ см. в исследовании Р. Берчмена: *Berchman R.* Porphyry Against the Christians. Leiden, 2005.

вался этим вопросом, когда жрецы провели гадание, оказавшееся неудачным, и обвинили в этом христиан, стоявших в толпе и творивших крестное знамение. В 297 году всем чиновникам и военным империи предписали продемонстрировать свою лояльность, устроив жертвоприношение. В результате часть христиан отреклись от своей веры; большинство, вероятно, ограничились жестами, необходимыми для подтверждения их верности государству, тогда как немногие открыто отказались повиноваться и были казнены. В 303 году последовали более конкретные меры против церкви (отчасти их вызвал пожар во дворце в Никомедии, в котором обвинили поджигателей-христиан). Цели, которые преследовались в этот раз, дают хорошее представление о том, как укрепилась среди населения христианская вера и сколько адептов она приобрела. Прежде всего в качестве мишеней были избраны церкви (ту, что стояла близ дворца в Никомедии, разрушили первой); принадлежавшее им имущество конфисковалось. Все христианские тексты следовало сдать властям для сожжения. Цель выявить каждого христианина не ставили: в основном арестовывали наиболее значимых в общинах лиц. Чтобы заставить их отречься, применяли пытки. Отказавшихся сделать это заключали в тюрьму, подвергали еще более жестоким истязаниям и в конце концов часто предавали смертной казни, если те продолжали упорствовать.

Как и в прошлом, главной целью Диоклетиана было создать видимость всеобщего единства империи. И вновь, как и в случае более ранних преследований в адрес христиан, многое зависело от энтузиазма наместников и других местных чиновников. В некоторых областях меры носили исключительно интенсивный и жестокий характер; вероятно, христиане пережили тем более сильное потрясение, что несколько десятилетий ничего подобного не происходило. Диоклетиан действовал с энтузиазмом, Максимиан и Галерий — несколько спокойнее, а Констанций проявлял оче-

видное равнодушие. Он разрушал храмы, но, по-видимому, никого не казнил*.

Христиане были не единственной группой, пострадавшей в те годы. В 302 году Диоклетиан также издал распоряжение о преследованиях манихеев. Пророк Мани, родившийся в Персии в 216 году, много путешествовал (в том числе побывал и в Индии). Созданная им религия носит следы влияния иудаизма, христианства, зороастризма, буддизма, а также других учений. По-видимому, Диоклетиан видел в манихеях потенциальных ниспровергателей режима, поскольку считал, что они симпатизируют персам. В своем эдикте он утверждал, что «они появились совсем недавно как новые и чудовищные порождения персов — враждебной нам нации — и проложили путь в нашу империю, где совершают множество возмутительных поступков, нарушая спокойствие людей и даже причиняя тяжкий вред общинам граждан». Он опасался, что со временем они «заразят скромное и спокойное племя римлян... и всю нашу империю». Сомнительно, что эти подозрения были справедливы, поскольку хотя Ардашир и Шапур I относились к Мани с уважением, их преемники учинили гонения на созданную им секту и казнили самого пророка в 276 году**.

Вряд ли преследования церкви были главной заботой Диоклетиана в последние годы его правления, хотя в наших христианских источниках о них говорится больше всего (что понятно). Когда он отрекся от престола, Галерий и в особенности Максимин Дайя с энтузиазмом продолжали политику гонений, но опять-таки у них часто появлялись и другие важные заботы. Очень маловероятно, что к этому времени основная масса язычников приобрела вкус к пре-

---

* О преследованиях см.: Euseb. Hist. Eccles. VIII. 1—14, Lactant. De mort. persecut. 10—16; см. также: Potter (2004). P. 337—340, *Clarke G.* Third-Century Christianity // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 647—665, Jones (1964). P. 71—76.

** См.: Clarke (2005). P. 647—648, где приводится эта цитата; см. также: Potter (2004). P. 302—314.

следованиям христиан. В последние дни правления Галерий издал декрет, признававший, что властям не удалось с помощью принимавшихся мер уничтожить христианство. Поэтому отныне христиане получали разрешение отправлять богослужения и отстроить храмы заново, хотя конфискованную собственность им не вернули. В итоге им вменялось в обязанность «молить своего бога о нашей безопасности, как и о безопасности государства и своей собственной, дабы ни с какой стороны государство не потерпело никакого ущерба и дабы они могли жить без забот в своих жилищах». Менее чем через год Максимин возобновил преследования, отказавшись подтвердить решение Галерия. Отвечая одному просителю, он утверждал, что христиане, отказавшиеся отправлять старые культы, виновны во всех болезнях мира, таких как война, эпидемии и землетрясения*.

И Константин, и Максенций, получив власть, стали выказывать христианам благоволение, не желая ссориться с любыми потенциальными сторонниками. Отец Константина Констанций проявлял умеренность в годы гонений; более того, среди его челяди, по-видимому, имелось несколько христиан. Сам он оставался поборником культа Непобедимого Солнца (Sol Invictus) — популярного верховного божества, покровительством которого якобы пользовался Аврелиан. В III веке в среде язычников отчетливо обозначилась тенденция к монотеизму, когда одно божество почиталось превыше всех остальных; также возможно, что разные боги и богини воспринимались как воплощения одной и той же божественной сущности. Несколько крупнейших философских школ учили тому же самому не одно столетие. И какова бы ни была конкретная сущность верований само-

* Цитата из Лактанция (Lactant. De mort. persecut. 34) приводится в переводе Дж. Грида в: The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 656—657; см. также: Euseb. Hist. Eccles. VIII. 17, где содержится греческий текст декрета Галерия, и IX. 7, где приведен ответ Максимина Дайи.

го Констанция, он, разумеется, не чувствовал особой враждебности к христианам и вполне мог относиться к ним с симпатией, хотя представления о том, что в последние годы жизни он тайно принял христианство, кажутся малоубедительными. По-видимому, Константин в начале своей карьеры относился к христианству так же. Подобно многим людям в античном мире, он глубоко верил в способность богов общаться с людьми во сне. В 310 году один панегирист гордо утверждал, что Константину в видении явился бог солнца Аполлон, и это нашло свое отражение в изображениях на монетах*.

Перед сражением близ Мульвийского моста Константин приказал своим людям нанести на щиты христианский символ — вероятно, буквы «χρ» («хи» и «ро»), или, что более возможно, крест с верхушкой, превращенной в букву «Р». То была временная мера, не повторявшаяся затем в других кампаниях. Хотя телохранители императора, по-видимому, продолжали носить щиты, помеченные «χρ», остальные воины сохраняли традиционную символику, отчасти языческую. Ситуация оставалась прежней и в конце века и скорее всего была вызвана не столько конкретными верованиями, сколько представлениями о том, что в наши дни называли бы «честь полка», и другими воинскими традициями. Упомянутый жест, относящийся к 312 году, более не повторялся; он был рассчитан на то, чтобы воодушевить солдат и вселить в них веру в божественную помощь. В практическом отношении это также помогало идентифицировать солдат — в ситуации гражданской войны это всегда представляло со-

* Обзор религиозных воззрений Констанция и Константина см. в работах Odahl (2004). P. 55, 63—67, 85—86, 94—95, Lenski (2006). P. 66—68, и Grant (1993). P. 134—140; более детальное обсуждение его обращения можно найти в работах: *Weiss P.* The Vision of Constantine // Journal of Roman Archaeology. Vol. 16. 2003. P. 237—259, а также: *Bremmer J.* The Vision of Constantine // Land of Dreams: Greek & Latin Studies in Honour of A.H.M. Kessels / Eds. A.P.M.H. Lardinois, M.G.M. van der Poel, and V.J.C. Hunink. Leiden, 2006. P. 57—79.

бой проблему, поскольку армии были одинаково одеты и вооружены*.

Что именно навело Константина на мысль об этом символе? Объяснений приводилось несколько, и весьма вероятно, что с течением времени история обрастала новыми подробностями. В наиболее раннем отчете, приводимом Лактанцием, сообщается, что императору накануне сражения привиделся во сне христианский Бог, повелевший ему сделать это. Позднее, после смерти Константина, его биограф Евсевий заявил, что сам император рассказывал ему о более раннем знамении: глядя на полуденное солнце, он и его армия узрели на фоне его знак креста, на коем были начертаны слова «сим победиши» («hoc signo victor eris», или же «посредством сего знака обретешь победу», если перевести несколько более полную латинскую фразу, хотя в тексте Евсевия она дается по-гречески). В ту ночь императору во сне явился Иисус и объяснил, что если он использует этот символ, то победит. В конце концов, детали не имеют принципиального значения. Константин был не первым из римских лидеров, считавшим, что его карьера совершается под знаком божественного покровительства — просто он выбрал себе другое божество**.

Христианский Бог явил свою мощь, и вследствие этого Константин принял христианство. Отныне и впредь его армия выступала под особым флагом (он назывался «лаба-

* См.: *Tomlin R.* Christianity and the Roman Army // Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. Lieu and D. Montserrat. London, 1998. P. 21—51, особо см. 25—27, а также: *Lane Fox R.* Pagans and Christians Pagans and Christians in the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine. Harmondsworth, 1988. P. 613—616.

** Lactant. De mort. persecut. 44, Euseb. Vita Const. I. 28—29; дискуссию см.: *Drake H.* The Impact of Constantine on Christianity // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 111—136, в особенности P. 113—115, а также в работах: Odahl (2004). P. 105—108, и Potter (2004). P. 358—360.

рум»); его верхняя часть была украшена буквами «χρ». Когда он объединился с Лицинием, оба подтвердили право христиан отправлять свой культ, данное умирающим Галерием, и пошли еще дальше: возвратили им конфискованное имущество и в том числе те места, где стояли разрушенные церкви. Желая, чтобы никто не остался в обиде, императоры заявили, что нынешние владельцы этой собственности также получат компенсацию. (Традиционно это соглашение известно как Миланский эдикт, хотя — как указывали многие исследователи — формально оно не являлось эдиктом и не имело отношения к Милану.) Дальнейшая борьба между Лицинием и Максимином Дайей приобрела религиозную окраску. Ходила легенда, будто в ночь перед решающей битвой Лициния посетил ангел и прочел молитву, которую должны были повторять его солдаты. Молитва носила скорее монотеистический, нежели отчетливо христианский характер, однако решительная победа Лициния послужила доказательством в пользу ее эффективности. Позднее, когда началась война Константина с Лицинием, некоторые пытались изобразить ее как своего рода крестовый поход, однако не сохранилось убедительных свидетельств тому, что Лициний действительно враждебно относился к церкви. Вероятно, он верил, что многие выдающиеся христиане симпатизируют его противнику, и потому не доверял им, но дальше этого его неприятие христианства не заходило. Тем не менее войско Константина, несшее перед собой лабарум, одержало победу*.

В армии Константина сражались христиане, но также было и немало язычников, и еще больше тех, у кого не было по-настоящему прочных религиозных убеждений.

* Важность осознания мощи божества при обращении в христианскую веру подробно рассмотрена в исследовании Р. Макмаллена: *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire AD 100—400. New Haven, 1984; о политике Максимина Дайи см.: *Mitchell S.* Maximinus and the Christians in AD 312: A New Inscription // JRS. Vol. 78. 1988. P. 105—124.

Он выиграл не потому, что использовал резервы, прежде изолированные или игнорировавшиеся государством. Все свидетельства указывают на то, что в начале IV века христиане составляли меньшинство населения. Также постоянно утверждается, что их было очень мало, однако здесь никакой ясности нет. Как обычно, надежной статистики не существует, и, конечно, у нас даже нет сведений о размерах населения империи. В одном недавнем исследовании автор утверждает, что христиане составляли десять процентов всего населения империи, однако это всего лишь предположение*.

Весьма маловероятно, что их численность была меньше указанной; возможно, она превышала ее в два-три раза. Больше всего сведений мы имеем относительно церкви в восточных провинциях, в том числе в Египте, слышим довольно много об общинах в Северной Африке, знаем кое-что о церкви в Риме, но почти ничего — о христианской жизни в западных провинциях. В ряде областей на Востоке христиане могли составлять большинство населения. Армения стала первым государством в мире, где после того как в начале IV века царь принял христианство, оно стало официальной религией. Это еще более усилило ее близость с Римом, когда Константин силой оружия устанавливал контроль над всей империей. Вскоре христиане, жившие под властью персидского царя, оказались под подозрением в симпатии к врагу Персии — Риму**.

---

* *Hopkins K.* Early Christian Number and its Implications // Journal of Early Christian Studies. Vol. 6. 1998. P. 184—226; см. также: Clarke (2005). P. 589—616, и *Edwards M.* The Beginnings of Christianization // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 137—158, в особенности P. 137—140, а также: *Mitchell S.* The Cities of Asia Minor in Constantine's Time // Constantine: History, Historiography and Legend / Eds. S. Lieu and D. Montserrat. London, 1998. P. 52—73, в особенности P. 66—67.

** См. раздел С. Лайтфута в «Кембриджской древней истории»: *Lightfoot C.S.* Armenia and the Eastern Marches // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 481—497, в особенности 486—487, 494—495.

Рассматривая религиозные группировки, важно не упрощать. Разделение между христианами и язычниками играло значительную роль для первых, но было куда менее очевидно для вторых. Язычники, безусловно, представляли собой неоднородную массу и вовсе не обязательно питали какую-то особую симпатию к другим нехристианам, которых христиане считали язычниками же. Христианство было куда более организованным религиозным течением, нежели любое массовое течение в язычестве. У его адептов были свои священные тексты, с самого начала дополненные литературой, анализировавшей доктрину (количество этих сочинений постоянно увеличивалось), почитаемые мученики и желание объяснять собственные верования посторонним. Христиане стремились обращать окружающих в свою веру способом, в значительной степени отличавшимся от принятого в других массовых религиях того времени. С христианскими общинами было связано множество людей, интересовавшихся верой и относившихся к ней с симпатией, но пока не утвердившихся в ней. Со временем кто-то принимал крещение, кто-то отходил от христианства, а кто-то продолжал оставаться, так сказать, на обочине. Пытаясь определить численность христиан, мы должны учитывать как это разнообразие, так и все многообразие уровней участия людей в общине и их твердости в вере*.

Нельзя с излишней определенностью говорить об одной-единственной церкви. Существовало множество христианских общин; у каждой была своя история возникновения, иногда в чем-то особая религиозная практика, а порой и само учение. Разделение также могло основываться на языковых различиях. В восточных провинциях существовала большая община, члены ее говорили по-сирийски, и тамошние традиции, по-видимому, значительно отличались от характерных для греческого христианства. Даже те общины, которым вскоре суждено было образовать католическую

* См.: Edwards (2006), в особенности P. 138—142.

церковь с присущими ей строгими нормами, вовсе не отличались таким единообразием, как впоследствии. Нам, обладателям знаний об исторической перспективе, не следует полагать, что церковные институты возникли внезапно, они складывались в течение длительного периода.

Император-христианин

Константин добился власти над империей силою оружия. Помощь христиан была ценной, но далеко не главной составляющей его успеха. И все же у нас нет веской причины сомневаться, что император искренне верил: победу ему даровал Бог. Практически все исследователи принимают это положение, хотя в течение длительного времени не умолкала бесплодная дискуссия на эту тему и кое-кто предпочитал считать его совершенно циничным прагматиком. Но сторонники этой точки зрения игнорируют три важнейших обстоятельства (не говоря уж о том, что она основывается на чрезмерно упрощенных представлениях о человеческом характере). Первое заключается в том, что разные люди, обратившись, меняются на разный лад. Перемены в их поведении и позиции могут быть и быстрыми, и постепенными. Следует помнить, что Константин до своего обращения вряд ли обладал глубокими познаниями в области христианской доктрины, хотя и звучат утверждения, будто впоследствии он проводил долгие часы за изучением Писания. Во-вторых, когда его веру подвергают оценке, от него требуют особой взыскательности и нетерпимости: считается, что он должен быть не только активным сторонником христианства, но и непримиримым врагом любых других верований. Константин не был фанатиком, однако вряд ли кто-либо из христиан того времени хотел принудить всех язычников к обращению. Наконец, Константин был не рядовым армейским офицером, не частным лицом, но императором. Более половины своего правления он провел в

борьбе за власть; подчас ему приходилось вести открытую войну. Как и у Диоклетиана, главной задачей Константина являлось выживание, а реформы начались позже и проводились постепенно. Большую часть времени и сил отнимало у него управление империей*.

Последний момент часто оказывается утрачен в описаниях царствования Константина, поскольку они сосредоточены почти исключительно на церкви. Несомненно, христианские общины при нем процветали. Христианство не только получило официальное признание: Константин щедро финансировал строительство больших храмов. Одними из первых они появились в Риме. Преторианцы и другие гвардейские части, расквартированные в Риме, поддержали Максенция, и после его поражения их распустили; здание, ныне известное под названием Храма Святого Иоанна на Латеране, было построено на фундаменте разрушенных казарм кавалеристов, служивших в гвардии. Храм Святого Петра выстроили на Ватиканском холме, где, согласно традиции, апостол был погребен после мученической смерти при императоре Нероне. (Учитывая, что здесь некогда находился Большой цирк Нерона, можно предположить, что место определили верно.) Эти и другие храмы, выстроенные Константином, с точки зрения устройства отличались от языческих (хотя в дальнейшем христиане заняли и перестроили многие языческие храмы): их конструкция скорее напоминала базилику — традиционное для римлян место встречи граждан для отправления общественных обязанностей. Они были велики, с высокими (часто сводчатыми) потолками, что позволяло собирать в них большое количество людей**.

---

* См. Drake (2006), в особенности P. 111—112, 115—116, 131—132, и Edwards (2006). P. 142—145; о том, что император читал Писание, см. Euseb. Vita Const. IV. 17, а также: Odahl (2004). P. 137—139.

** См. *Johnson M.* Architecture of Empire // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 278—297, в особенности P. 282—288, 292—295; Grant (1993). P. 189—207.

Константин построил немало церквей, хотя масштабы данной его деятельности преувеличены христианскими авторами, такими как Евсевий Кесарийский. Следов появления новых храмов в Малой Азии сохранилось немного, но, быть может, местные христианские общины не нуждались в них. Как и другие тетрархи, Константин весьма активно возводил различные здания; так, благодаря ему, в Риме появился новый банный комплекс. Несколько сооружений, законченных им, были начаты еще при Максенции (наиболее примечательной стала огромная базилика, остатки которой возвышаются над форумом и по сей день). Среди сохранившихся от эпохи Константина памятников назовем монументальный скульптурный портрет самого императора*.

Арка Константина также представляла собой памятник, уже начатый его неудачливым предшественником (правда, его форма претерпела некоторые изменения). Скульптуры были сняты с более ранних монументов, а на месте лиц таких императоров, как Траян, Адриан и Марк Аврелий, резчики изобразили сцены охоты и жертвоприношения с участием Константина. Надпись на арке свидетельствует о монотеизме императора, однако звучит туманно: согласно ей, Константин, «вдохновленный божеством», одержал верх над своим противником «благодаря величию ума». Другие лозунги звучали абсолютно традиционно: император именуется «Освободителем города» и «Примирителем». Напротив, рельефы, воссоздающие сцены кампании в Италии и в том числе битвы близ Мульвийского моста, не имеют аналогов, поскольку никто из римлян не изображал на памятниках поражения сограждан. На арке Севера увековечены эпизоды Парфянской кампании, но не победы императора в гражданских войнах. Вероятно, отношение к такого рода событиям изменилось,

* Mitchell (1998). P. 66—68; Odahl (2004). P. 110—112, и Johnson (2006). P. 280.

поскольку мы нигде не находим критических замечаний по этому поводу*.

Наиболее впечатляющим проектом Константина стало превращение города Византия в крупнейший центр — Константинополь. Опять-таки важно учесть, что он не всегда хотел сделать город тем, чем он стал впоследствии, то есть столицей Восточной Римской империи и новым Римом. Лучше оценивать его замысел в контексте практики тетрархов, развивавших те или иные города (например, Никомедию и Трир). Идея Константина, вероятно, была более масштабной, так как он стал единственным императором и хотел отметить свою победу. Для украшения Константинополя в город свозились произведения искусства со всей империи. Утверждения христианских авторов, будто в городе не было и следа языческих культов, являлись преувеличением: на вершине того, что в наши дни именуется Чемберлиташ, или «Сожженная колонна»**, высилась гигантская статуя обнаженного Константина в образе бога Солнца; было построено и несколько храмов, в основном на уже существовавших фундаментах. Однако справедливо, что город был очевидно и по преимуществу христианским. В стратегическом отношении Константинополь имел весьма удачное расположение, поскольку при желании император мог двинуть оттуда армию на Восток или начать военные действия на Придунайской границе. Это отчасти объясняет, почему со временем Константинополь обогнал по развитию другие столицы тетрархов***.

Константин действительно привозил золотые статуи и прочие драгоценные предметы из множества языческих храмов, чтобы использовать их для выполнения нового плана.

---

* Об арке см.: Odahl (2004). P. 141—144, Johnson (2006). P. 281, Potter (2004). P. 360—362; *Mitchell S.* A History of the Later Roman Empire AD 284—641. Malden; Oxford, 2007. P. 158—163.

** Название связано с пожарами, от которых эта колонна пострадала. — *Примеч. пер.*

*** Johnson (2006). P. 291—292, Grant (1993). P. 116—122, Odahl (2004). P. 221—223, 232—244, и Potter (2004). P. 383—386.

Несколько храмов — прежде всего практиковавшие наиболее одиозные обычаи, такие как ритуальная проституция — закрыли. Ряд храмов был связан с культом императора, который всегда ассоциировался скорее с лояльностью, нежели с благочестием. На монетах по-прежнему изображалась традиционная языческая символика, сохранявшаяся в течение практически всего царствования Константина, а сам император оставался верховным жрецом Рима (pontifex maximus)*.

О некоторых особенностях религиозных воззрений Константина можно судить по законодательству. Так, закон запрещал владельцам делать татуировки на лицах рабов, поскольку все люди созданы по образу и подобию Божию и искажать этот образ было бы дурно. Частичные ограничения были наложены на принесение в жертву животных, но детали остаются неясны, равно как и то, насколько строгий характер носили эти ограничения на тот момент. Расправу посредством распятия запретили, но смертная казнь сохранялась и часто совершалась самыми чудовищными способами. Рабынь, способствовавших похищению девочек, находившихся у них на попечении, казнили, вливая им в глотку расплавленный свинец. Константин был особенно склонен карать за адюльтеры и другие преступления сексуального характера. Последнее, конечно, было связано с новыми верованиями императора, хотя заметим, что аналогичная юридическая традиция существовала еще со времен Августа. Единственное расхождение с более ранними законами состояло в том, что он перестал наказывать за бездетность. Абсолютное меньшинство христиан, избравших целибат, отныне не должны были нести за это наказание**.

---

* Liban. Orat. XXX. 6; содержательную дискуссию по данному вопросу см. в работе: *Lee A.* Traditional Religions // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 159—179, особенно p. 174—175.

** О жертвоприношениях см.: Lee (2006). P. 173—174, в особенности n. 69; о прочих законах см. работу А. Кэмирон в «Кембриджской древней истории»: Cameron (2005). P. 95—97, и исследования А. Джонса и С. Митчелла: Jones (1964). P. 92; Mitchell (2007). P. 68—69.

Христианским епископам и некоторым другим священнослужителям даровали освобождение от магистратур и других должностей в местных общинах, требовавших больших затрат. Те же привилегии получили иудейские раввины и главы синагог. Несколько высказываний Константина выражают открытую враждебность по отношению к иудеям как убийцам Христа, но его поведение отличалось антисемитизмом не более, чем поведение многих императоров-язычников, правивших до него. Иудеям вновь запретили обращать кого бы то ни было в свою веру или преследовать тех своих соплеменников, кто принял христианство*.

Константин был заинтересован в объединении христиан и сам участвовал в двух крупных церковных диспутах. На первом речь шла не о церковной доктрине — причиной его стали преследования христиан Северной Африки при тетрархии. В свое время одни священники бежали; другие фактически стали коллаборационистами, расставшись с книгами, в которых, как они утверждали, содержались священные тексты. Третьи приняли мученическую смерть, тогда как четвертым повезло: их не арестовали. Когда все закончилось, группа, именуемая донатистами — их лидера звали Донатом, — отказалась принять обратно тех, кто бежал или сотрудничал с властями, не говоря уж о том, что «отступникам» не дозволяли вновь приступить к богослужению. Проблема обострилась до крайности, когда донатисты не согласились с назначением на епископскую кафедру в Карфагене некоего Цецилия, поскольку сочли его излишне терпимым. Также возможно, что представители обеих сторон, что называется, не сошлись характерами. Донатисты обратились к Константину, подобно тому как конгрегация в Антиохии некогда адресовала петицию Аврелиану (ситуация отличалась от прежней тем, что нынешний император был христианином). Константин решил, что рассудить спорящих должен епископ Рима. Последний был склонен задействовать

* Jones (1964). P. 92—93, и Odahl (2004). P. 250.

традиционную для римской юриспруденции процедуру, но представители донатистов либо не имели о ней представления, либо оказались не готовы к такому повороту событий, и дело быстро прекратилось. Однако они не согласились с решением суда, и результатом стала схизма церкви Северной Африки, просуществовавшая несколько поколений*.

Другой крупный диспут также оказался весьма длительным, но на сей раз его предметом стали вопросы вероучения. Яростные дебаты разгорелись по поводу того, какова в точности природа Пресвятой Троицы — Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Во многих отношениях аргументация носила следы глубокого влияния способов мышления, разработанных крупными философскими школами, буквально одержимыми стремлением к классификации по конкретным категориям. Здесь мы видим свидетельство того, сколько христиан получало традиционное образование; тем самым под вопросом оказывается представление о том, что все христиане были необразованными людьми низкого происхождения. Одна группа, получившая наименование ариан — она исповедовала идеи пресвитера Антиохии по имени Арий, — доказывала, что бытие Отца имеет первичный, более высокий статус. Вследствие этого Иисус, будучи Сыном, хотя и в малом, но не равен Отцу. В 325 году в Никее был созван собор под патронажем императора. Константин присутствовал на нем, но, по-видимому, вел себя как интересующийся спором мирянин и не принимал активного участия. В конечном итоге собор выработал кредо, согласно которому Троица полагалась единосущной (homoousios). Константин, как утверждалось, поддержал и, вероятно, сам придумал этот термин. Арий и другие, отказавшиеся принять его, были приговорены к изгнанию, хотя впоследствии их призвали обратно**.

---

* Drake (2006). P. 116—121, Odahl (2004). P. 129—141, Grant (1993). P. 164—167, и Potter (2004). P. 402—410.

** Drake (2006). P. 123—125, Potter (2004). P. 410—420, Odahl (2004). P. 190—199, Jones (1964). P. 86—89.

Константин неоднократно утверждал, будто его приход к власти совершился по воле небес. С течением времени он стал говорить конкретно о поддержке Всевышнего, христианского Бога. Он был избран для управления империей, подобно епископам, избираемым для руководства паствой. При этом прежде всего поражает, как заботился Константин о том, чтобы подчеркнуть независимость епископов, и как он уважал решения церковных лидеров. Он даровал им право вершить суд на церковных диспутах. Христиан также стали активно приглашать на государственную службу, и, несомненно, некоторые люди «обратились», надеясь снискать милость императора. Вместе с тем немало язычников, равно как и ариан и представителей других христианских группировок, также сделали блестящую карьеру при Константине. Компетентность, связи и прежде всего лояльность играли куда более важную роль*.

Исключительная сосредоточенность исследователей на религиозных убеждениях Константина не дает им увидеть, насколько его поведение соответствовало традиционным нормам. Стиль его правления, по сути, был аналогичен манере прежних императоров, в особенности Диоклетиана — сходство настолько сильное, что часто трудно бывает понять, кто из них начал реформу. Разделение армии на части под названием limitanei, дислоцированные близ границы, и на comitatenses, которые по идее должны были находиться в непосредственном распоряжении императора, приобрело более формальный характер. Продолжался интенсивный рост бюрократии; оформились различные отделы правительства. К концу правления Константина появилось пять префектов претория, выполнявших сугубо штатские функции. Произошли изменения в отдельных деталях устройства провинций и куда более существенные перемены в налоговой и монетной системах. И все же в целом преемственность

* Jones (1964). P. 90—92, 93—97, и Lane Fox (1988). P. 609—662.

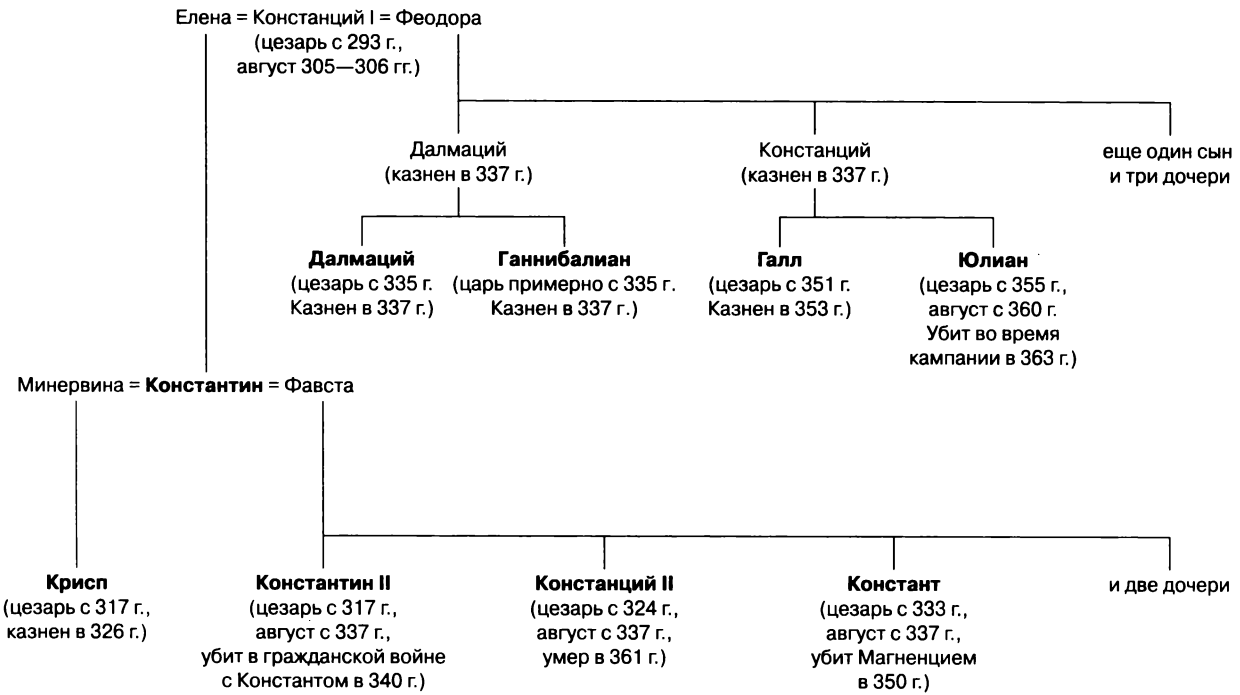
режима Константина по отношению к режиму Диоклетиана бросается в глаза больше, чем любые новации императора*.

Наиболее важным отличием стало решение Константина не обновлять тетрархию — точнее, править без коллег. В отличие от Диоклетиана у него были сыновья, а также несколько сводных братьев. В 317 году он даровал сыну от первого брака Криспу и старшему сыну от второго брака Константину II титулы цезарей. Одновременно Лициний возвысил своего сына и тезку до того же ранга. Крисп являлся самым старшим из молодых цезарей, но все они были слишком малы, чтобы играть существенную роль в правительстве. К 324 году Крисп смог добиться некоторых успехов в ведении гражданской войны, но через два года отец казнил его. Через несколько месяцев Константин убил свою вторую жену Фаусту, дочь Максимиана: он запер ее в чересчур жарко натопленной бане и держал там, пока она не задохнулась.

Вскоре пошли ужасные слухи о том, что Фауста якобы воспылала безумной страстью к своему пасынку. Когда он отказался ответить взаимностью на ее чувства, она обвинила его в попытке изнасилования, и безжалостный отец, который ввел очень суровые законы против подобных преступлений, покарал сына смертью. Затем, как полагали, он узнал правду и казнил жену. История эта скорее всего не более чем сплетня. Равным образом фальшиво звучат злонамеренные утверждения некоторых авторов-язычников, в том числе императора Юлиана, будто Константин принял христианство, поскольку лишь христианский Бог прощает человека, виновного в убийстве членов своей семьи. Однако он уже исповедовал христианство более десяти лет, прежде чем произошли эти ужасные события. Каковы бы ни были их подробности, желание Фаусты добиться того, чтобы пре-

* Обсуждение указанных аспектов см. в работах: *Kelly Ch.* Bureaucracy and Government // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 183—204; *Elton H.* Warfare and the Military // Ibid. P. 325—346.

Схема 2: Династия Константина

стол достался ее сыновьям, а не их старшему сводному брату, кажется наиболее вероятной их причиной*.

Дворцовые заговоры были не новым явлением, родственников у Константина насчитывалось чрезвычайно много, отношения между ними были сложны. Он не мог вполне доверять собственным сводным братьям, и большую часть его царствования они находились вдали от власти. Их мать, Феодора, давно скончалась, но его собственная, Елена, в годы его царствования играла важную роль: какими бы ни были на самом деле ее отношения с Констанцием, официальная пропаганда подчеркивала, что она была его женой. И она, и Фауста получили титул августы.

Елена была особенно набожной христианкой и в последние годы жизни совершила паломничество в Иудею. В 326 году она побывала в Иерусалиме и участвовала в строительстве Храма Гроба Господня, возведенного над тем, что считалось пустой могилой Христа. В позднейшие времена появилось немало легенд, гласивших, что она обнаружила ряд святых реликвий, в том числе частицы креста, на котором был распят Христос. Вскоре после этого Елена скончалась. Ее фигура сохраняла важное значение в эпоху Средневековья**.

Второй сын Фаусты, Констанций II, получил титул цезаря в 324 году; его младший брат Констант также возвысился в 333 году. Через два года Константин также продвинул своего племянника Далмация, так что теперь количество цезарей увеличилось до четырех. В империи было четыре императора — отсюда пять префектов претория — но только сам Константин имел титул августа, и никто не сомневался, что верховной властью обладал он. Равенства в этой коллегии не было; во многом она имела больше общего с назначением родственников на должности соправителей, предпринимавшимся такими императорами, как Гордиан,

* Grant (1993). P. 110—115, Odahl (2004). P. 204—208, Lenski (2006). P. 78—79, Potter (2004). P. 380—382.

** Drijvers (1992). P. 55—72.

Деций и Филипп. Это показывало всему миру, что режим будет существовать, даже если сам император умрет. Мы также не должны видеть здесь осознанно предпринятое возрождение принципа наследования и отказ от добровольного избрания преемников. У Диоклетиана (так же как и у многих императоров II века, правивших до Марка Аврелия) просто не было подходящего наследника среди родственников, и поэтому он не имел другого выхода, кроме как искать преемника за пределами семьи. При решении вопроса о престолонаследии нельзя было с легкостью обойти близких родственников мужского пола. Пока Константин был жив, он, в общем, мог держать их в узде, хотя и лишь при помощи страха, поскольку судьба Криспа показала, что август не остановится перед убийством даже наиболее близких ему людей. Он, очевидно, надеялся, во многом подобно Септимию Северу, что его родичей можно убедить жить в гармонии; вслед за Диоклетианом Константин хотел создать гармонию, убивая при необходимости своих родных. Диоклетиан и Константин во многом походили друг на друга, и оба считали, что высшая власть должна принадлежать одному человеку. Все их решения, в том числе связанные с религиозной политикой, были направлены на укрепление личного превосходства.

Хотя главные победы Константин одержал в гражданских войнах, он также часто сражался с внешними врагами, в особенности на рейнской и дунайской границах. Вскоре после официального вступления на престол он выиграл сражение против отряда франков, устроившего набег на империю. Их предводителей взяли в плен и отдали на растерзание диким зверям на арене в Трире. Позднее Константин сражался против других народов, в том числе против сарматов и готов. Ни один из наших источников не упоминает о крупных поражениях; что касается побед, о которых сообщала имперская пропаганда, то они, вероятно, действительно были крупными. Незадолго до конца своего царствования Константин начал готовить масштабное вторжение в

Персию. Сасанидский царь, Шапур II, взошедший на трон еще младенцем — легенда гласит, что его провозгласили правителем за несколько месяцев до его появления на свет, — к тому моменту успел повзрослеть. Трения возникли вокруг приграничных территорий, перешедших к Риму после победы Галерия. Персов возмущала потеря этой области; кроме того, их — что понятно — беспокоила подготовка римлян к агрессии*.

Желание пойти по стопам Александра Великого часто посещало римских военачальников и императоров, воевавших на Востоке. Следует также упомянуть, что победа над Персией обещала куда большую славу, чем успех в борьбе с менее сильным противником. В этом смысле план Константина носил полностью традиционный характер. Вместе с тем он привнес нечто новое: несколькими годами ранее он прислал Шапуру письмо, где говорилось о могуществе его Бога, «сокрушившего в прах» его врагов. Он возрадовался, узнав, что в Персии живет немало христиан, и просил царя защитить их и позаботиться о них, «ибо, доказав таким образом свою веру, — писал он, — ты стяжаешь неисчислимые блага и для себя, и для всего мира». Позднее, ввиду близящейся войны, по крайней мере один христианский писатель с нетерпением ожидал победы Константина, которая должна была объединить всех христиан под властью одного правителя**.

Этому не суждено было свершиться. Константин скончался 22 мая 337 года в возрасте около шестидесяти лет. Он крестился лишь незадолго до кончины — явление, нередкое

---

* О войнах с готами см.: *Kulikowski M.* Rome's Gothic Wars. Baltimore, 2007. P. 80—86; о том, как готских королей скормили диким зверям, см. Pan. Lat. 7 (6). 4. 2, 6 (7). 10. 2—11. 6, 4 (10). 16. 5—6, Eutrop. Brev. X. 3. 2.

** *Lieu S.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, AD 226—363. London; New York, 1991. P. 145—163. Цитата заимствована из фрагмента сочинения Евсевия Кесарийского «Жизнь Константина» (Euseb. Vita Const. IV. 8—13. P. 150—152); см. также: *Barnes T.* Constantine and the Christians of Persia // JRS. Vol. 75. 1985. P. 126—136.

в те годы, поскольку считалось недопустимым грешить после принятия крещения. Епископа, проводившего церемонию, подозревали в арианстве, однако императора это вряд ли заботило. Как и всегда, выбирая людей, он руководствовался тем, насколько они компетентны и можно ли на них положиться*.

Константин не пользовался любовью населения, но то же можно сказать едва ли не о всех императорах, в особенности III—IV веков. Во времена, когда каждую минуту угрожала вспыхнуть гражданская война, он действовал исключительно успешно. В годы его правления в империи царила относительная стабильность, однако, как и в случае Диоклетиана, не следует преувеличивать масштабы ее восстановления. Христианские авторы восхваляли Константина, тогда как язычники осуждали его и винили во множестве болезней, поразивших империю впоследствии. В недавние годы у историков часто (и даже слишком часто) возникают почти полярные мнения о нем. Несомненно, его обращение в христианство было весьма значимым моментом в мировой истории. Однако не стоит забывать, что эта религия уже пережила не одну попытку искоренения. И к скоропалительным утверждениям о том, что она уцелела и распространилась благодаря обращению Константина (или что ей суждено было исчезнуть, если бы он не обратился), следует относиться cum grano salis**.

---

* Odahl (2004). P. 274—275, и Grant (1993). P. 211—214.

** С крупинкой соли (*лат.*), т.е. с иронией. — *Примеч. пер.*

Глава десятая

СОПЕРНИКИ

Измучив государство на все лады, Константин скончался от болезни. Три его сына наследовали империю... Правя государством, они в большей мере давали волю побуждениям юности, нежели беспокоились об общем благе. Ибо первым делом они распределили меж собой народы.

*Зосим, конец V века**

И хотя мы были близкими родичами, как сей человеколюбивейший император [Констанций II] обошелся с нами! Шесть моих и своих двоюродных братьев, и моего отца — своего родного дядю, — и также еще одного нашего общего дядю по линии моего отца, и старшего моего брата он предал смерти без суда.

*Император Юлиан, 361 год***

Христианство мало изменило идеологию Римской империи. Императоры до Константина заявляли об особых отношениях с конкретными божествами, а после смерти их самих объявляли богами. Если говорить о недавних временах, то Диоклетиан уподоблялся Юпитеру и при жизни именовался «владыкой и богом». Напротив, Константин утверждал, что его правлению покровительствует один Бог — верховный Бог христиан, благодаря которому он одерживал на полях сражений одну победу за другой. Традиция, насчитывавшая триста лет, еще не ослабела к моменту его смерти: сенат объявил его божеством (такое случилось в последний раз). Правление Рима, и в особенности его императоров, осуществлялось по божественному предопределению, и Константина куда более занимало единство мнений его подданных в этом вопросе, нежели их подлинные религиозные убеждения. Эта идея укрепляла власть императора, но

---

* Zosim. II. 39.

** Iulian. Epist. ad Athen. 270c — 271b.

не влияла на то, как функционировали армия, администрация и другие государственные органы. Она также не смягчала ни агрессивного отношения Рима к другим народам, ни жестокости внутренних распрей.

Все члены семьи Константина воспитывались в христианском духе. Трех выживших сыновей императора — Константина II, Констанция II и Константа, — а также его племянника Далмация провозгласили цезарями. Каждому из них вверили управление несколькими провинциями; у каждого имелся префект претория. Константу было всего четырнадцать, так что ежедневную работу, вероятно, выполняли его чиновники. В 336 году брат Далмация Ганнибалиан получил необычный титул «царь царей Вифинии и Понта». То был открытый вызов в адрес Персидской монархии, господствовавшей в этих районах, и мера, имевшая целью оказать давление на царя в ходе подготовки вторжения, планировавшегося Константином. Итак, пять представителей обширного семейства Константина делили власть между собой, причем некоторые из них женились на двоюродных сестрах (как для укрепления единства семьи, так и для предотвращения посягательств на императорскую порфиру «со стороны»).

Константин скончался в мае, но в течение четырех месяцев никому не присвоили титул августа, и номинально покойный император продолжал править. Летом в период междуцарствия его именем подписывались вновь изданные законы. Тем временем среди представителей правящего рода проводилась жестокая чистка, коснувшаяся прежде всего мужчин. Далмаций и Ганнибалиан были убиты; то же случилось и с семью другими потомками второй жены Констанция Феодоры (ей, уже умершей, мстили за то, что она заняла место матери Константина — Елены). К сентябрю три сына Константина убрали с дороги всех своих соперников. Из их двоюродных братьев в живых осталось только два младенца. Высшие офицеры заявили (разумеется, не без влияния сы-

новей Константина), что армия подчинится лишь власти его потомков. Все три брата приняли титул августов*.

Главную роль в чистке сыграл Констанций II. Он первым из цезарей прибыл в Никомедию после смерти отца и присутствовал на его похоронах в Константинополе. Константин приготовил для себя мавзолей, дабы его тело покоилось там, окруженное саркофагами, воздвигнутыми в память двенадцати апостолов (в дальнейшем туда предполагалось поместить их мощи). Погребальный обряд провели по христианскому чину, однако во многих отношениях ритуал оставался традиционным. Константин II и Констант в дни похорон (и чисток) находились в Европе, однако, вероятно, были замешаны в последних и, уж во всяком случае, не имели намерения предотвратить убийства. В сентябре три брата встретились близ Дуная и разделили провинции между собой. Констанций забрал восточные провинции и Фракию, Констант получил остальную часть Балкан вместе с Италией и Северной Африкой, а Константин сохранил контроль над Галлией, Испанией и Британией.

Хотя все трое братьев стали августами и формально империя не подверглась разделу, гармония в отношениях между ними отсутствовала. Константин, старший, по-видимому, считал, что предназначен играть господствующую роль. Это породило трения между ним и в первую очередь его ближайшим соседом Константом; в 340 году между ними разразилась открытая война. Старший брат располагал более мощной армией и имел больший опыт, но умудрился погибнуть близ Аквилеи в одной из первых же стычек. Как и в случае других гражданских войн, идеология не играла в данном конфликте никакой роли, и он завершился со смертью одного из соперников. Популярность Константина I и царствовавшего дома по-прежнему оставалась столь велика, что у претендентов со стороны не было практически никаких

* См.: *Burgess R.* The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 62. 2008. P. 5—51.

шансов свергнуть семнадцатилетнего Константа, неожиданно оказавшегося во главе двух третей империи. Констанций не стал вмешиваться в конфликт между братьями. Персы, возмущенные, что понятно, агрессивными планами Константина, в те годы предприняли несколько нападений на границы империи. По этой причине (возможно, то была отговорка) Констанций остался на своей территории и предоставил событиям развиваться своим чередом*.

В течение следующих десяти лет империя жила без гражданских войн — факт редкий и немаловажный. Затем в январе 350 года в Отуне, в Галлии, офицер по имени Магненций был провозглашен императором. Отчего столько высших военных и гражданских чинов оказалось настроено против Константа, неясно до сих пор, но теперь они выразили свою поддержку императору не из правящего дома. Не исключено, что по мере того как молодой август становился старше (Константу было всего двадцать семь лет), он все решительнее отвергал пожелания советников, определявших политику в прежние годы. Многим также, вероятно, претила его разнузданная гомосексуальность и свобода, с которой он выбирал себе любовников, красивых юношей, зачастую из числа военнопленных. С другой стороны, нельзя исключить, что эти сведения имели источником пропаганду, распространявшуюся победителем, дабы очернить его имя.

---

* В число основных источников по проблеме смерти Константина II входят: Zosim. II. 39—40 и Aurel. Victor. De Caes. 41; последний утверждает, что армия отказалась признать императорами кого бы то ни было, кроме сыновей Константина. Более подробное описание событий и их обсуждение см. в работах: *Frakes R.* The Dynasty of Constantine down to 363 // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 91—107, в особенности 94—99; *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004. P. 459—462, *Hunt D.* The Successors of Constantine // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 1—5, и *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284—603. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 112.

Переворот был хорошо подготовлен, и Констант не сумел получить поддержки. Когда один из патрулей Магненция обнаружил сына Константина, того сопровождал один-единственный офицер из нижних чинов. Константа убили. Это спровоцировало вторую узурпацию: армия в Иллирике провозгласила императором своего командира по имени Ветранион. Причины его действий не вполне ясны, поскольку уже через несколько месяцев он вступил в переговоры с Констанцием; они встретились, и в ходе официальной церемонии Ветранион отрекся от власти (остаток жизни он провел, отойдя от дел, окруженный комфортом). Возможно, он все время служил Констанцию, но решил, что лучший способ контролировать войска — это дать им провозгласить себя императором. В этом случае его вряд ли могли заподозрить в измене в пользу Магненция. Однако с той же вероятностью можно предполагать, что Ветранион не вел столь тонкую игру, а просто ждал, как будут развиваться события*.

Если Магненций рассчитывал, что его признают властителем Запада, то его ждало разочарование. Констанций смирился с тем, что один из братьев расправился с другим, но не потерпел вмешательства со стороны. В результате началась гражданская война; она длилась три года, велась на обширных территориях и стоила многих жизней. Магненций столкнулся с еще одной угрозой: сына одной из сводных сестер Константина, Непоциана, провозгласили императором в Риме. Не прошло и месяца, как Непоциан был обезглавлен; его мать также убили. Более серьезным ударом для Магненция стала измена одного из его старших офицеров по имени Сильван: он перешел на сторону Констанция и скорее всего увел с собой немало своих солдат. Благодаря этому Констанций сумел выиграть кровопролитное сражение близ Мурсы на Дунае в 351 году. На следующий год его войска вторглись в Италию, а в 353 году начали отвоевывать саму Галлию.

* О том, что при пленении Константа при нем находился лишь один офицер, см. Amm. Marc. XV. 5. 16.

Магненций терпел поражение за поражением; в конце концов он в отчаянии покончил жизнь самоубийством вместе с братом, которому даровал титул цезаря*.

Теперь под властью Констанция оказалась вся империя, которой он правил вместе с одним, более молодым коллегой. То был Галл, один из двух племянников Константина, уцелевший во время кровопролития в 337 году. Он и его сводный брат Юлиан выросли, фактически живя в плену, не играли никакой общественной роли и не имели никаких обязанностей, которые позволили бы им подготовиться к занятию высоких постов. Двадцатишестилетний Галл получил титул цезаря в 351 году; Констанций отдал ему под надзор восточные провинции, пока сам отправился разбираться с Магненцием. Поначалу тот выполнял эту задачу вполне компетентно, однако между цезарем и августом, убившим его отца и родственников, неизбежно существовало недоверие. То, что трения между ними явно обозначились как раз в тот момент, когда Констанций окончательно расправился с восстанием в Галлии, не было простым совпадением. Галл почувствовал, что может действовать увереннее; вероятно, он также завязал более тесные отношения с крупными чиновниками, назначенными августом. Кроме того, он разругался с богатыми семействами Антиохии, обвинив их в том, что они спровоцировали нехватку хлеба в городе, чтобы поднять цены. Ряд значительных лиц арестовали по сфабрикованным обвинениям; их пытали и казнили. Одного из наместников Галл отдал разъяренной толпе, и та разорвала его на куски.

Констанций действовал осторожно, опасаясь, что возвышенный им цезарь в достаточной мере завоевал симпатии местных жителей, чтобы поднять восстание против него. Постепенно Галла лишили войск, до того находившихся в

* Общее изложение событий см.: Frakes (2006). P. 100—101; Potter (2004). P. 471—474; Hunt (1998). P. 10—11, 14—22; Jones (1964). P. 112—113; об измене Сильвана см.: Aurel. Victor. De Caes. 42, и Amm. Marc. XV. 5. 33.

его распоряжении. После этого, в 354 году, его призвали присоединиться к августу, находившемуся в Северной Италии, якобы для участия в празднествах. По пути туда его арестовали и казнили. Затем чиновник помчался в Милан со всей быстротой, на какую были способны почтовые лошади. Там он бросил к ногам довольного Констанция украшенную драгоценными камнями обувь цезаря, «как если бы то была добыча, снятая с мертвого царя парфян»*.

Узурпатор поневоле

Источники по истории первых десятилетий IV века скудны, и в особенности это относится к первым годам после смерти Константина. Ситуация резко меняется начиная с 353 года: именно о событиях этого года и далее сообщается в дошедшей до нас части истории Аммиана Марцеллина. Этот автор ведет подробный рассказ о событиях, происходивших в течение двадцати пяти лет. Аммиан был последним великим римским историком; здесь можно увидеть некоторую иронию судьбы, учитывая его происхождение из Восточного Средиземноморья — возможно, из самой Антиохии — и что его родным языком был греческий. После службы в армии штабным офицером Аммиан вышел в отставку, поселился в Риме и писал историю, охватывавшую период с 96 по 378 год. Из созданных им тридцати одной книги уцелело только восемнадцать, но очевидно, что он описывал события собственной жизни с куда большими подробностями, нежели то, что происходило до него. Благодаря ему мы располагаем детальным повествованием, тем более ценным, что ряд событий разворачивался не только при его жизни, но и прямо на его глазах. Вместе с тем труд Аммиана, как и любой другой источник, должен использо-

* Цитата из Аммиана Марцеллина XV. 1. 2; о карьере Галла см.: Frakes (2006). P. 101—102, Potter (2004). P. 474—476, Hunt (1998). P. 24—25, *Bowersock G.* Julian the Apostate. London, 1978. P. 21—47. Наиболее подробное описание приводится Аммианом: XIV. 1, 7, 9, 11, XV. 1.

ваться с известной долей осторожности. Автор не свободен от предубеждений, и порой его сосредоточенность на отдельных событиях искажает их место в общей картине. Но даже несмотря на это, из подробностей, содержащихся в его сочинении, складывается по-настоящему живой образ империи IV века*.

Сохранившаяся часть повествования Аммиана начинается с окончательного разрыва отношений между Констанцием II и Галлом. Последний изображен необузданным тираном, подстрекаемым еще более жестокой женой — дочерью Константина, которая ранее была супругой убитого Ганнибалиана. Рассказ Аммиана позволяет нам увидеть, как Галла постепенно лишили власти, изолировали и убили. Он сообщает о чистках, последовавших за падением цезаря и поражением Магненция. Все, и в особенности армейские офицеры и гражданские чиновники, так или иначе связанные с ним, оказались под подозрением. Занимавших наиболее крупные посты пытали, чтобы те давали показания и свидетельствовали против других. Затем многих казнили, меньшее число отправили в изгнание**.

В атмосфере всеобщей подозрительности, граничившей с паранойей, наиболее легким способом доказать свою лояльность был донос. Благодарный император зачастую награждал доносчиков или даровал им иные милости. Доносительство дополнительно стимулировало то обстоятельство,

---

* Ряд точек зрения на труд Аммиана как на источник см. в монографиях: *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. London, 1989; *Barnes T.* Ammianus and the Representation of Historical Reality (Cornell Studies in Classical Philology). Ithaca; London, 1998, а также в статьях, помещенных в издании: The Late Roman World and its Historian. Interprering Ammianus Marcellinus / Eds. J. Drijvers & D. Hunt. London, 1999; обсуждение аспектов его труда, связанных с войной, см.: *Austin N.* Ammianus on Warfare: An Investigation Into Ammianus' Military Knowledge, Collection Latomus, 165). Brussels, 1979; рассмотрение его карьеры см.: Barnes (1998). P. 54—64.

** Дискуссию относительно освещения образа Галла Аммианом см.: Barnes (1998). P. 129—142.

что информаторы, как правило, получали в награду часть имущества осужденных. Нападкам подверглось множество ни в чем не повинных людей; подавляющее большинство их было казнено, поскольку оправдаться было практически невозможно, тогда как сфабриковать свидетельства в пользу обвинения — просто. Аммиан чувствовал, что Констанций очень подозрительно относился к людям, однако еще большее отвращение у него вызывала готовность офицеров и чиновников свидетельствовать против своих товарищей — точнее говоря, против всякого, кого они считали уязвимым для обвинений. Он рассказывает об одном особенно отличившемся доносчике — того прозвали «комит (повелитель) сновидений» за искусство выуживать из невинных снов, рассказанных за обеденным столом, свидетельства стремления к власти над империей. Другой, по имени Павел, получил прозвище «Катена» (цепь), поскольку сфабрикованные им свидетельства буквально окружали невинных со всех сторон, не оставляя тем надежды на спасение. Государственная служба сделалась весьма опасным делом, а это, безусловно, не способствовало эффективной деятельности чиновников*.

Аммиан перечисляет множество имен известных людей, ставших жертвами чисток. В 353 году его прикомандировали к штабу командующего полевой армией на Востоке Урзицина, имевшего титул магистра войска (magister militum). На военачальника, оказавшегося под подозрением после падения Галла (отчасти в результате действий своих сыновей), возложили обязанности по проведению судебных процессов над теми, кому инкриминировали недавние беспорядки. Для представителя высшего военного командования то была необычная обязанность, и за его поведением особенно тщательно следили, чтобы убедиться в его личной верности Констанцию. Такие трибуналы вынесли

* См. в особенности: Amm. Marc. XVI. 1. 4—8, 5. 1—9, XV. 3. 1—11; Павел Катена впервые упоминается в XIV. 5. 6—9; «комит сновидений» упомянут в XV. 3. 5.

обвинительные приговоры множеству менее важных людей, чьи имена остались не упомянуты: среди них были родичи более могущественных особ, а также офицеры и чиновники, сделавшие карьеру под их патронажем. После восстания Магненция расследования и аресты велись в Британии, Галлии и Испании. Лишь благодаря сообщениям Аммиана мы знаем о «волновом эффекте»: наказания настигли не только лидеров гражданских войн и узурпаторов, но и множество других людей. Обычно подобные явления не освещаются в скудных источниках, повествующих о других случаях внутренней борьбы, но о них не следует забывать*.

Даже наименее длительные действия, связанные с претензиями на власть в империи, вызывали настоящий хаос. Атмосфера нервозности пронизывала все слои населения — от командующих армиями и верхушки администрации до самых низов. Людям приходилось менять патронов, гадать, кто возьмет верх, но даже если они хранили верность тому, кто в конце концов одерживал победу, их невиновность не служила гарантией от преследований. Честолюбивые представители власти приобретали больший вес, обвиняя товарищей (иногда на это шли из чувства личной вражды, а иногда и потому, что понимали: так они сумеют одолеть того или иного противника). Император, находившийся на вершине власти, также чувствовал, что наиболее влиятельные подчиненные хотят его сместить, поскольку возможность узурпации и гражданских войн сохранялась. Вдобавок рост чиновничьего аппарата и пышный придворный церемониал мешали ему получать точные сведения о происходящем.

Об атмосфере того времени наглядно свидетельствует судьба Сильвана — офицера, изменившего Магненцию во

* Об Урзицине см.: Amm. Marc. XV. 2. 1—6; об администрации в целом см.: *Kelly Ch.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004, а также весьма полезную рецензию, опубликованную в журнале «Феникс»: *Greatrex G.* // Phoenix. Vol. 60. 2006. P. 178—181.

время гражданской войны. Когда конфликт остался позади, Констанций наградил его, назначив командующим армией в Галлии. Сильван был франком; его отец сражался за Константина и отличился в боях. В римской армии в то время было достаточно офицеров германского происхождения; вождь алеманнов сыграл важную роль в провозглашении Константина императором в Йорке в 306 году. Многие из этих людей взяли римские имена, все получили гражданство и социальный статус, соответствовавший их рангу, и с точки зрения культуры во всех отношениях были настоящими римлянами. Сильван исповедовал христианство — явление по-прежнему редкое среди франков, обитавших за пределами империи — и, очевидно, был верен Риму (даже несмотря на то, что его более ранняя измена не позволяет понять, какому именно императору)*.

Приняв пост командующего, Сильван дал рекомендательные письма чиновнику, занимавшему некую должность в той же области. Было вполне обычным делом просить власть имущих о таких вещах, однако человек, о котором идет речь, руководствовался куда менее благовидными побуждениями. Он осторожно вытравил текст самого письма и оставил на каждой странице только подпись военачальника. Затем он написал новые письма, адресованные ряду высших офицеров, администраторов и других значительных лиц, в которых содержались намеки на планы восстания против Констанция, и отправил их другим заговорщикам — в том числе префекту претория Лампадию — и некоторым другим чиновникам высших рангов. Префект, чье положение давало ему возможность доступа к императору, минуя ограничения, налагавшиеся придворным церемониалом, во время неофициальной встречи вручил их Констанцию. Император немедленно приказал арестовать лю-

* Об отце Сильвана см.: Amm. Marc. XV. 5. 33; дискуссию, специально посвященную числу алеманнов на римской службе, см.: *Drinkwater J.* The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford, 2007. P. 145—159.

дей, упоминавшихся в письмах. Однако несколько офицеров — многие из них также франкского происхождения, и среди них Маларих, командир одного из гвардейских полков — решительно настаивали на невиновности Сильвана. Констанций немного смягчился, но когда они предложили, чтобы один из них отправился за Сильваном и привез его ко двору в Милан для объяснений, император отверг их идею. Вместо этого он прислушался к предшественнику Сильвана на посту командующего в Галлии, который был не рад своему смещению, и отправил проводить дознание другого человека. Тот поехал в Галлию, но, оказавшись там, не сделал попыток встретиться или как-то связаться с Сильваном. Вместо этого он присоединился к местным властям, причем обращался со всеми, кто имел лишь опосредованное отношение к военачальнику, как с осужденными преступниками. Тем временем заговорщики отправили новое поддельное письмо, «разоблачавшее» Сильвана и Малариха. Письмо было составлено в таких выражениях, что адресат, в чьем ведении находилась оружейная мастерская в Кремоне, в Северной Италии, был сбит с толку и написал ответ, требуя разъяснений.

Маларих отвез письма императору и во всеуслышание заявил о готовящемся заговоре. Констанций отдал приказ о расследовании, в результате которого были обнаружены следы оригинальных текстов писем и, таким образом, установлен факт подделки. Лампадия арестовали, но у него оставалось достаточно влиятельных друзей, и те добились его освобождения. Одного из его товарищей по заговору подвергли пыткам, но впоследствии он также вышел на свободу, и более никто не был наказан. Человек, сфабриковавший поддельные письма, через некоторое время получил повышение: он стал соправителем (corrector) одной из областей Италии.

Хотя Сильван был полностью оправдан, он не знал об этом, так как связь работала очень медленно. Его друзья при дворе сообщили ему об обвинениях и подложных письмах,

притом поведение человека, присланного императором, свидетельствовало, что его, Сильвана, уже осудили и у него нет никакой надежды оправдаться. В какой-то момент он хотел бежать за границу и искать убежища у франков. Но один из офицеров франкского происхождения, служивший в армии, убедил его отказаться от этого плана, уверив, что соплеменники убьют его или с радостью выдадут римлянам за плату. Франки тогда представляли собой не нацию, но множество племен и кланов, весьма слабо связанных между собой.

Сильван никогда не собирался претендовать на трон. Летом 355 года он выдал войскам жалованье от имени Констанция и произнес речь, восхваляя императора и призывая солдат хранить ему верность. «Было ясно, что если бы он собирался посягнуть на императорский венец, — подчеркивает Аммиан, — то раздал бы эту большую сумму золота от своего имени». Однако он думал, что очутился в ловушке и что его сочли виновным, не выслушав. Оказавшись перед лицом неминуемой, как ему казалось, казни, он решил, что единственная его надежда на спасение в том, чтобы попытаться занять престол. Быть может, ему удастся сместить Констанция или по крайней мере вступить с ним в переговоры с позиции силы, предложив себя в соправители. Через четыре дня после парада и выплаты жалованья — это произошло в Кельне, вероятно, 11 августа — его армия провозгласила его императором. Церемония была организована наспех; новый император облачился в пурпурную мантию, сшитую из нескольких небольших флагов, снятых с армейских штандартов и сшитых вместе*.

Констанций был поражен, когда новости об узурпации достигли Милана. При дворе находился Урзицин, над которым по-прежнему тяготело подозрение, и было решено отправить именно его, чтобы он разобрался с Сильваном. В его распоряжении находилось не войско, а всего несколько

* Amm. Marc. XV. 6. 3.

офицеров, в том числе сам Аммиан. Он получил инструкцию разобраться с узурпатором тайно, но историк впоследствии писал, что они чувствовали себя, как борцы с животными, брошенные среди диких зверей. Они поспешили в Кельн, везя с собой дружеское письмо от Констанция: тот притворялся, что не знает о возвышении Сильвана. Последнему предписывалось передать командование Урзицину и с почетом возвратиться в Милан*.

Когда отряд достиг Кельна и приезжие увидели собранные там значительные силы, а также несомненные свидетельства тому, что местные жители настроены поддержать узурпатора, Урзицин решил притвориться, что симпатизирует ему, и простерся перед Сильваном, как подобало по обычаю. Его приветствовали как ценного союзника: ведь он сам был под подозрением у Констанция, и его честность не вызывала сомнений. Когда Сильван отверг призывы своих людей двинуться на Италию — с момента провозглашения его императором прошло всего несколько недель и он мог быть не готов к этому или просто не хотел эскалации конфликта, — вновь прибывшие тайком принялись за дело. Обнаружив, что часть армии достаточно равнодушно относится к узурпатору, они щедро подкупили воинов, чтобы те выступили против Сильвана. На рассвете часть этих солдат ворвалась во дворец, сокрушая стражей на своем пути. Затем Сильван спрятался от страха в часовне; его вытащили оттуда и, когда он попытался укрыться в месте собраний христианской общины, зарубили мечами. Так окончил свою жизнь полководец, имевший за собой немалые заслуги. Интриги преступников опутали его, когда он отсутствовал, и, чтобы спасти свою жизнь, он решился на крайнее средство**.

Последовало ставшее обычным делом истребление родственников и сподвижников умершего; Павел «Цепь» сыграл немалую роль в «обнаружении» информации, что, в

* Amm. Marc. XV. 5. 23.

** Amm. Marc. XV. 5. 31—32. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни.

свою очередь, привело к гибели людей. Аммиан называет пять жертв по именам и упоминает «многих других». Даже Урзицина какое-то время подозревали, будто он присвоил казенные средства*.

Правление Сильвана продолжалось всего двадцать восемь дней. Его убийство предотвратило гражданскую войну, которая, безусловно, унесла бы значительно больше жизней, чем последовавшие казни. Однако важно оценивать узурпации не только с точки зрения количества жертв и размеров морального ущерба. Каждая из них со всей ясностью свидетельствовала, сколь переменчиво счастье на императорской службе. В данном эпизоде особенно поражает, во-первых, то, с какой готовностью ведущие представители римской администрации способствовали опале и гибели своих сослуживцев, пытаясь добиться личной выгоды; во-вторых — то, какие трудности возникали у Констанция, пытавшегося узнать, что происходит в его стране. Во всяком случае, значительный рост бюрократии привел к тому, что император теперь имел куда меньше информации, чем в I и II веках. Ни то, ни другое не способствовало более эффективному управлению империей**.

Однако высшим приоритетом для императоров по-прежнему было не хорошее управление государством, а выживание. За все годы царствования Констанций всегда сохранял готовность казнить, убивать или вести гражданскую войну с

* Подробный рассказ о событиях содержится в труде Аммиана (Amm. Marc. XV. 5. 1—6. 4); об обвинениях в адрес Урзицина см. XV. 5. 36; дискуссию см. в работе Д. Ханта: *Hunt D.* The Outsider Inside: Ammianus on the Rebellion of Silvanus // The Late Roman World and its Historian. Interprering Ammianus Marcellinus / Eds. J. Drijvers & D. Hunt. London, 1999. P. 51—63, а также в исследовании Дж. Мэтьюза: Matthews (1989). P. 36—38, 81—83.

** В «Хронике» Иеронима (s.a. 354) длительность правления Сильвана определяется в 28 дней, с точки зрения Аврелия Виктора (De Caes. 42. 16), и Юлиана (Orat. II. 99a), она продолжалась около месяца.

любым претендентом на власть над империей. Равным образом правители эпохи принципата подчас действовали абсолютно безжалостно. Аммиан сравнивает положение Урзицина в 354 году с положением Корбулона, выдающегося военачальника, которому Нерон приказал покончить с собой. В I веке и Август, и Веспасиан — оба в целом оцениваются нашими источниками как лучшие императоры — добились власти в первую очередь благодаря успехам в гражданской войне. Но между ними имелась и заметная разница. В IV веке узурпации сделались не столь частым явлением, как в III веке, но все же они происходили. Императоров стало труднее убить благодаря усилению мер безопасности при дворе, но опасность, исходившая от любого, в чьем распоряжении имелась значительная часть военных сил, оставалась весьма ощутимой.

Ни один император не был в полной безопасности. Сложная бюрократическая система и многоступенчатая иерархия в сочетании с четким разделением между военной и гражданской властью, а также сложные отношения в каждой из структур обеспечивали некоторую защиту. В таких условиях успешно осуществить покушение было труднее, но подобная возможность все же сохранялась, и если инициатору удавалось добиться массовой поддержки со стороны ряда военных частей и отделов администрации, попытка свержения императора была чревата для претендента реальной опасностью. Императоры были нервны и недоверчивы, что понятно, и это неизбежно влияло на их окружение. Подданные знали, что в любой момент рискуют попасть под подозрение. Карьера могла в любой момент окончиться пытками и смертью, но могла продолжаться и благополучно (возможно, за счет устранения других). Жестокий дух соревнования ощущался на всех уровнях власти, в особенности на высших. Присутствовала и некоторая неопределенность. Для большинства делавших карьеру военных и гражданских лиц не имело значения, кто занимал императорский трон:

прежде всего нужно было завоевать благоволение правителя и не вызывать недоверия. Любой император нуждался в подчиненных. Армия и чиновничий аппарат продолжали существовать, несмотря на узурпации, хотя жертв всегда бывало много.

И все же как ни терзали подозрения и паранойя правительство времен империи, жизнь императоров IV века проходила в окружении великолепия и роскоши. Все подчинялось церемониалу, все должно было быть проникнуто духом изобилия и зрелищности. Императоры были особыми людьми, избранниками Бога, стоявшими выше всего остального человечества. Это всегда подчеркивалось даже в тех случаях, когда император едва успевал занять престол. Простираясь перед Сильваном, Урзицин всего лишь делал то, чего от него ожидали. Некоторых казнили лишь за то, что у них хранилась пурпурная материя в количестве, достаточном для императорского плаща.

В действительности императоры всегда находились под угрозой, но на публике они держались, подавляя всех окружающих величием и уверенностью в неколебимости своей власти. Это хорошо передает рассказ Аммиана о въезде Констанция в Рим в 357 году. Хотя формально празднование триумфа не происходило, величественная процессия с участием войск подразумевала именно триумф. Констанций ехал под штандартами в окружении солдат, шедших стройными рядами, и в том числе катафрактариев в сияющих доспехах и серебряных масках, закрывавших их лица, так что они казались не людьми, но отполированными статуями. «Император восседал один на золотой колеснице, украшенной различными драгоценными камнями, игравшими на солнце переливающимся светом. Вслед за длинным строем передней части несли драконов с пурпурными нашивками, прикрепленных к верхушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей ог-

ромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами...

Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях. Будучи очень маленького роста, он наклонялся, однако, при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто шея его была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал рта, не сморкался и не делал никаких движений рукой»*.

* Amm. Marc. XVI. 10. 6—7, 9—10. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни.

Глава одиннадцатая

ВРАГИ

> Продолжать ли мне вспоминать, как о чем-то новом или прежде неслыханном, о совершившемся благодаря Твоей доблести отвоевании провинции Галлия, о покорении целой расы варваров, коли эти триумфы в сей части Римской империи были поименованы как наиболее заслуживающие славы благодарным гласом народного признания — [благодарным] настолько, что Тебе позавидовал твой двоюродный брат — император?
>
> *Благодарственная речь Клавдия Мамерина, обращенная к императору Юлиану (произнесена 1 января 362 года)**

Несмотря на весь великолепный церемониал при императорском дворе, каждого императора постоянно преследовал страх перед узурпациями. Угроза имела очень личный и непосредственный характер, поскольку претенденты на престол, очевидно, хотели не уничтожать империю, а захватить власть в ней. Больше всего императоров по-прежнему погибало от рук соперников. Узурпаторы, добившиеся успеха, нуждались в поддержке значительной части армии. Императоры могли пытаться следить за тем, насколько верны им старшие офицеры, и доверять важные командные посты лишь наиболее лояльным. Они по-прежнему заставляли солдат давать им клятву в личной верности и напоминали о ней посредством парадов и донативов, раздававшихся во время крупных празднеств, устраивавшихся государством в течение всего года. И тем не менее императоры неизбежно оставались практически для всех солдат и подавляющего большинства офицеров лишь смутными образами, будучи весьма далеки от них.

---

* Claud. Mamertin. Lat. Paneg. XI (3). 3. Английский перевод выполнен М. Морганом, цит. по кн.: The Emperor Julian: Panegyric and Polemic / Ed. S. Lieu. 2nd ed. Liverpool, 1989. P. 14.

Императору приходилось в течение всего своего правления жить, сознавая, что армия может обратиться против него. Он не мог распустить армию и даже значительно сократить ее численность, дабы таким образом ослабить ее мощь. Во-первых, любое серьезное сокращение привело бы к появлению множества безработных офицеров, не говоря уже о демобилизованных войсках. Наименьшее возможное зло в этой ситуации состояло в росте разбоев в провинциях; когда Септимий Север распустил преторианцев, число вооруженных нападений с целью грабежа в Италии резко увеличилось. Еще вероятнее, что они немедленно стали бы политической опорой для узурпатора, который пообещал бы вновь принять их на службу*.

Но главная причина невозможности сокращения войск заключалась в том, что армия была необходима. Никто из внешних врагов Рима не угрожал его существованию. Племена не составляли единой силы; по большей части они ограничивались набегами и лишь изредка могли «откусить» и занять малые территории в приграничных областях. Персы были более сплочены и искусны в военном деле, но даже они надеялись максимум на отвоевание части земель, отнятых Римом. Войны за пределами империи велись отнюдь не «не на жизнь, а на смерть» (по крайней мере с точки зрения римлян), однако воевать приходилось часто. Вдоль протяженных границ Рима жило немало врагов империи, не угрожавших ее целостности, но представлявших несомненную опасность. Ведь преступления с применением насилия не угрожают существованию современных демократий, но из этого, в свою очередь, не следует, что их можно попросту игнорировать, даже если правительство и избиратели отказываются признать, что в некоторых районах уровень преступности высок. Римлянам необходимо было сдерживать племена,

* *Goodman M.* The Roman World 44 BC — AD 180. London; New York, 1997. P. 81—84. М. Морган доказывает, что Август сохранял постоянную армию прежде всего в целях защитить себя от внутренних врагов. Конечно, этот фактор играл свою роль, однако он не объясняет того, почему требовалось держать столь большую армию.

совершавшие набеги, насколько на это было способно правительство. Войны также играли центральную роль в имперской идеологии. Одержать победу над внешними противниками для императора означало дать высшее доказательство его способности управлять страной, и любой успех занимал важное место в императорской пропаганде. Желание славы, несомненно, вдохновляло одного правителя за другим на ведение кампаний на приграничных территориях.

Армия «нового образца»

Как мы уже знаем, под контролем Диоклетиана и Константина параллельно гражданской административной реформе прошла масштабная реструктуризация армии. Войска разделили на два отдельных класса: comitatenses и limitanei. Последние получали меньшую плату, требования к физическому развитию солдат были ниже, но они состояли из профессионалов, посвящавших все время военной службе. Название их происходило от слова, обозначавшего военную дорогу (limes), хотя относительно его точного смысла есть некоторые разногласия. Limitanei иногда также именовались riparienses (от ripa — «берега реки»). Они дислоцировались в провинциях, в основном в приграничных районах; командовали ими «вожди» — duces. В их обязанности входило патрулирование и поддержание правопорядка близ тех мест, где располагались гарнизоны, а также отражение не слишком крупных нападений — в том числе нападений банд налетчиков, насчитывавших несколько десятков, максимум двести человек. В одном исследовании отмечено, что у нас нет никаких сведений о набегах банд численностью менее четырехсот человек; отсюда делается вывод, что меньшие группы систематически задерживались силами limitanei*.

* О происхождении и смысле этого термина см.: *Isaac B.* The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. Vol. 78. 1988. P. 125—147; о набегах см.: *Elton H.* Warfare in Roman Europe AD 350—425. Oxford. 1996. P. 206.

Командная структура comitatenses была полностью автономна; вероятно, эти войска предназначались для перемещения из одной области в другую. Наименование происходило от слова comitatus (императорский двор), и, очевидно, согласно первоначальному замыслу, они должны были состоять в распоряжении императора. Не исключено, при Константине они составляли отдельную армию, готовую вести кампанию везде, куда бы он ни направился. Когда три его сына в 337 году поделили империю, comitatenses также расчленили на три самостоятельные армии. Со временем появились новые самостоятельные армии, дислоцированные на конкретных территориях. На практике командование comitatenses обычно вверялось военачальникам, имевшим, подобно Сильвану и Урзицину, титул magister militum (магистр войска, досл. воинов). Существовали варианты этого титула: magister equitum (магистр конницы) и magister peditum (магистр пехоты), но его обладатели командовали не исключительно пехотой или кавалерией, а смесью того и другого. В качестве подчиненных при magister militum находились офицеры в ранге комитов (comes, во множественном числе — comites; от него происходит английское count — «граф»). Опять-таки слово восходит к обозначению граждан, традиционно составлявших свиту императора во время путешествия или кампании. В некоторых случаях комиты получали в распоряжение небольшие независимые отряды*.

Magister militum обычно командовал значительными силами, хотя маловероятно, чтобы эти войска были больше, чем армия, какими в I—II веках руководили сенатские легаты в крупных провинциях, имевших важное стратегическое значение. Их было всего три (к концу столетия их численность удвоилась, но никогда не превосходила шести), и это позволяло императору удерживать над ними постоянный контроль. Однако эпизод с Сильваном показал, что этого

* Зосим утверждает, что Константин создал пост магистра войска (Zosim. II. 33).

может быть и недостаточно. Безопасность императора в большей мере обеспечивало сложное распределение ответственности и власти в провинциях. Армия делилась на две части, одна из которых (limitanei) превышала по численности другую. Однако сотрудничество между limitanei и comitatenses, несомненно, было распространенным явлением, и на практике высшие офицеры могли одновременно командовать в ходе кампании войсками обоих типов. Куда более резкая граница пролегала между армейским начальством и гражданскими властями.

Армия зависела от гражданских чиновников, обеспечивавших ее деньгами, продовольствием и одеждой. Даже оружие и другое снаряжение, которое в Ранней империи производилось в собственных крупных мастерских легионов, теперь изготавливали на государственных оружейных фабриках под надзором префектов претория. Magister militum, планировавший сместить императора, должен был сохранять в тайне не только тот факт, что солдаты поддерживают его, но и сотрудничество с большим количеством чиновников (или то, что их заместили другие). Одному человеку было куда труднее познакомиться со всеми «нужными» людьми и расположить их к себе. В то же время люди, служившие в независимых друг от друга структурах, могли послать доносы (как основанные на подлинных фактах, так и сфабрикованные), где говорилось о нелояльном поведении других. Система обеспечивала императору некоторую защиту — ценой снижения эффективности своего действия. Из-за того что полководцы не контролировали обеспечение продовольствием и прочими припасами, ход кампаний подчас тормозился или они вовсе откладывались*.

* О римской армии этого периода в целом см.: Elton (1996), особ. см. P. 89—117; *Nicasie H.* Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998; *Dixon K., Southern R.* The Late Roman Army. London. New York, 1996; *Le Bohec Y.* L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006; *Lee A.* The Army // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 213—237; *Jones A.H.M.* The

Численность римской армии IV века была так велика, что по сравнению с ней раздувшийся бюрократический аппарат по-прежнему выглядел небольшим. Подавляющее большинство людей, получавших жалованье и находившихся под контролем императоров, составляли солдаты. Точные размеры армии нам неизвестны. В основном исследователи полагают, что она была больше, нежели армия II века — быть может, на пятьдесят или сто процентов, — но имеющихся свидетельств недостаточно, и вследствие этого вычисления во многом строятся на догадках. Доподлинно известно то, что соединений в армии IV века стало больше; у нас также имеется полный список тех из них, что существовали в самом конце IV — начале V века. Некоторые соединения расформировали в период правления Констанция II, вместо них появились новые, но этот список дает нам ясное представление о том, какова в его дни была армия в общем и целом. К несчастью, нет четких свидетельств о размерах каждой боевой единицы, и мы не можем, основываясь на этом списке, подсчитать численность армии*.

Limitanei представляли собой весьма пеструю смесь различных типов войск. Некоторые соединения появились еще во времена Марка Аврелия и даже ранее — легионы, а также когорты ауксилиариев и кавалерийские алы; другие возникли недавно. В целом в limitanei кавалерии было больше, чем в comitatenses, — несомненно, из-за того, что они использовались для патрулирования. Соединений, в которые были бы одновременно включены пехота и кавалерия (как в когортах Ранней империи), не имелось. Ряд легионов дисло-

Later Roman Empire 284—603, Vol. 1. Oxford, 1964. P. 607—686, *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004. P. 448—459.

* Рассмотрение вопроса о численности армии Римской империи см.: *MacMullen R.* How Big was the Roman Imperial Army? // Klio. Bd 62. 1980. P. 451—460, Jones (1964). P. 679—685, *Treadgold W.* Byzantium and its Army, 284—1081. Stanford, 1995. P. 43—59.

цировался на нескольких аванпостах; часть была разделена на пять гарнизонов, а в начале V века в состав Тринадцатого Сдвоенного легиона (Legio XIII Gemina) входило пять гарнизонов на Дунае, еще один в Египте, а также одно соединение comitatenses. Но несмотря на это, они насчитывали куда меньше солдат, чем пятитысячные легионы времен Ранней империи. Также можно почти с полной уверенностью утверждать, что в основном соединения были меньше когорт и ал ауксилиариев II века (насчитывавших примерно по пятьсот человек). Большинство фортов, занятые limitanei, были очень малого размера — крохотного по сравнению с фортами, где в прежние времена квартировали ауксилиарии. Египетский папирус, датированный началом 300 года, также свидетельствует об очень малой численности соединений. В нем упоминается кавалерийская ала численностью сто шестнадцать человек (через год она увеличилась до ста восемнадцати человек); кавалерийская вексилляция, приданная легиону, состоявшая из семидесяти семи человек, и отряд конных лучников, куда входил сто двадцать один человек. Часть соединений приписанной к легиону пехоты достигала пятьсот человек, но войска на верблюдах, похоже, включали всего пару десятков солдат*.

Ситуация с comitatenses столь же туманна, хотя такого разнообразия, как в случае limitanei, здесь не было. Пехота состояла из легионов и нового типа войск, известных под названием auxilia. Последние (а также часть первых) относились к разряду palatina; это наименование было весьма престижно, причем такие войска пользовались рядом пре-

* По поводу дискуссии о данных папирусов см.: *Duncan-Jones D.* Pay and Numbers in Diocletian's Army // Chiron. Bd 8. 1978. P. 541—560, в целом см.: *Coello T.* Unit Sizes in the Late Roman Army. Oxford, 1996 (BAR International Series, 645); о XIII Сдвоенном легионе см.: «Notitia Dignitatum» Or. 42. 34—38, 28. 15, 8. 6. Дискуссию по этому поводу см. в работе: *Casey G.* The Legions in the Later Roman Empire // The Second Augustan Legion and the Roman Military Machine / Ed. R. Brewer. Cardiff, 2002. P. 165—176.

имуществ в оплате и разного рода поощрениями. Однако по функциям они не отличались от остальных. Все кавалерийские соединения назывались вексилляциями (vexillationes); они были меньшего размера, нежели пехотные полки. Согласно общепринятым оценкам считается, что кавалерийские отряды насчитывали шестьсот, а пехотные — примерно тысячу—тысячу двести человек. Однако некоторые упоминания в наших источниках подразумевают меньшую численность соединений: триста пятьдесят—четыреста и восемьсот соответственно. Непонятно, отражают ли вышеуказанные цифры действительную численность отрядов, сокращавшуюся из-за болезней и смертей, или их теоретические размеры. В паре источников упоминаются командиры, сохранявшие в списках своих отрядов имена выбывших, чтобы получать предназначавшееся тем жалованье и довольствие. Пехотные соединения comitatenses составляли пары между собой и, по-видимому, постоянно действовали совместно. Это, очевидно, создает дополнительные затруднения, так как нельзя с уверенностью сказать, что имел в виду наш источник: численность одного соединения или двух, которые автор рассматривает как неразделимую пару*.

Подводя итог, отметим: бесспорно, что армейские соединения IV века были меньше, чем их предшественники I и II веков. О прочем можно рассуждать лишь гипотетически. Нет никакой уверенности, что все соединения одного типа имели одинаковую численность. Пехотные отряды всех типов в полевой армии насчитывали от пятисот до тысячи человек, кавалерийские были вдвое меньше пехотных; многие отряды limitanei — значительно меньше; вероятно, следует оперировать цифрами где-то пятьдесят—двести че-

* См.: Elton (1996). P. 89—90, Coello (1996). P. 59—64; Аммиан Марцеллин (XXXI. 10. 12) упоминает отряды из пятисот человек — очевидно, собранные с каждого легиона, в чем можно усматривать свидетельство того, что эти отряды превосходили легион по численности.

ловек (с точки зрения современных представлений это ближе к роте, чем к батальону). Наверняка на бумаге общая численность армии была большей, нежели во времена Марка Аврелия, но с уверенностью этого сказать нельзя. Точные показатели, сопряженные с конкретными датами, оценить еще труднее*.

Относительно набора в армию свидетельств столь же мало. Кто-то шел служить добровольно, кто-то — по призыву, но соотношение между теми и другими определить трудно. Сыновья солдат были обязаны служить согласно закону. Землевладельцам следовало обеспечивать какое-то число рекрутов в соответствии с требованиями налогообложения, но зачастую они могли вместо этого выплатить некоторую сумму денег или вовсе уклониться от участия. Кроме того, армия постоянно пополнялась новобранцами-варварами из племен, вступивших в договор с Римом, поселившихся на территории империи и обязанных обеспечивать солдатами римские войска. Из-за границы также — поодиночке или группами — приходили представители тех или иных племен, желавшие присоединиться к армии. Старое представление о том, что этот приток германцев привел к ее «варваризации» и со временем ослабил ее, ныне дискредитировано. С точки зрения надежности и исполнительности никакой разницы между иноземцами и жителями империи не существовало. Как мы видели в предыдущей главе, в высшие эшелоны командования входило немало офицеров варварского происхождения и они вели себя точно так же, как их товарищи-римляне.

Армия набирала солдат повсюду, где могла, и имеются очевидные свидетельства, что многие люди переезжали на очень большие расстояния, чтобы избежать призыва. В реальном исчислении по сравнению с I—II столетиями жало-

* Potter (2004). P. 456—457. Это один из очень немногих ученых, которые теоретически допускают, что армия в действительности могла быть меньше, чем в IV столетии.

ванье военнослужащим уменьшилось, а дисциплина и наказания оставались суровыми. Вновь изданные законы предписывали наказывать тех, кто увечил себя, чтобы уклониться от призыва (те, кому предстояло идти в армию, отрубали себе большой палец, после чего не могли держать щит и меч как надо). Весьма известен случай, когда во времена Августа всадник поступил так с сыновьями, так что подобная практика была не нова, но, по-видимому, теперь она распространилась еще больше. Юристам слишком часто приходилось иметь дело с подобными вопросами — значит, законы были неэффективны. Священник писал командиру гарнизона в Египте, что просит не призывать на службу сына вдовы; если же это невозможно, он просит хотя бы приписать его к местным limitanei, чтобы он мог находиться поближе к дому, а не усылать прочь, прикомандировав его к comitatenses. Армия IV века не располагала значительными людскими ресурсами, и этот фактор играл большую роль при планировании операций*.

Но каковы бы ни были истинные размеры армии, увеличение количества соединений означало рост числа командиров. Полковые командиры обычно именовались трибунами, хотя в ходу были и другие названия — например, praepositus. Такой пост давал человеку весьма весомый статус — даже если опять-таки его жалованье и социальное положение в чем-то уступали жалованью и положению

* Jones (1964). P. 614—623, Elton (1996). P. 128—154, Potter (2004). P. 457—459, 687, n. 74 со ссылками на законы, направленные против тех, кто сам наносит себе увечья; Аммиан Марцеллин (XV. 12. 3) утверждает, что особенно это явление получило распространение в Италии; о поступке одного всадника во времена Августа см.: Suet. Div. Aug. 24. 1 (он отрубил сыновьям большие пальцы на руках, чтобы они не служили в армии, за что император велел продать его с торгов вместе с имуществом. — *Примеч. ред.*); о желании служить в частях limitanei см.: *Tomlin R.* Christianity and the Roman Army // Constantine: History, Historiography and Legend / Eds. S. Lieu & D. Montserrat. London, 1998. P. 21—51, особ. см. P. 22—24.

офицера-всадника II века. По сравнению с ранним принципатом в армии Поздней империи существовало слишком много командных должностей. Более чем вероятно, что желание наградить своих приверженцев, назначив их на высокие должности — а в кое-каких случаях и передав им командование военными частями, — повлекло за собой в том числе и увеличение количества отрядов. Известно, что некоторые трибуны не имели войск в своем распоряжении (например, служили в штабах), и более чем вероятно, что людей, облеченных соответствующими полномочиями, было больше, нежели отрядов, которыми они могли бы командовать. Ряд трибунов вполне имели возможность получить соответствующее звание, сделав карьеру; более распространенным путем был переход из особых военных частей при дворе императора. Кандидаты (candidati) выполняли во время придворных церемоний роль телохранителей при императоре. Protectores domestici служили в качестве младших офицеров в штабах при императоре или magister militum. Среди них был и Аммиан Марцеллин. Назначения на высокие должности оставались прерогативой императора, но на практике он должен был полагаться на рекомендации высших военных и гражданских чиновников и придворных. Формальной системы подготовки таких офицеров или отбора на основании способностей не существовало. Как всегда в римском обществе, патронат играл определяющую роль в их карьере*.

Среди современных ученых распространено мнение, согласно которому comitatenses играли роль мобильной полевой армии; более того, их называют элитными войсками и рассматривают их создание как ответ на серьезную внешнюю угрозу для империи. В прошлом ведение войны требовало перемещения войск с одной приграничной территории на другую, в результате чего оборона слабела и возникала возможность для нападения. В IV веке limitanei, как пра-

* Elton (1996). P. 101, Jones (1964). P. 633—634.

вило, не меняли места дислокации. Их численность не достигала численности войск на границах в период Ранней империи, и они не в состоянии были отразить крупные вторжения. И все же их базы были снабжены мощными укреплениями, как и большие и малые города, и, как считалось, они должны были продержаться, сколько смогут, и изнурить врага, пока в этот район не подойдет большая армия comitatenses и отразит вторжение. По сути, comitatenses формировали мобильные резервы, которых не хватало в армии прошлых лет*.

Многое в этих выводах вызывает вопросы — в особенности то, что они действовали как резервы. Ни на что в этом роде античные источники не намекают. Скорость движения любой армии определяется скоростью перемещения пехоты, и к тому же зачастую она еще более снижалась из-за медлительности волов, тянувших обоз с пожитками и продовольствием. Учитывая размеры империи, разговоры о резервах теряют смысл, ведь если они находились вдали от театра военных действий, то затратили бы очень много времени на дорогу. Несмотря на эти замечания, представление о «мобильной полевой армии» устоялось, и в связи с этим стоит сделать несколько замечаний о том, как на самом деле дислоцировались и использовались comitatenses.

В отличие от limitanei comitatenses не размещались на аванпостах в качестве постоянного гарнизона. В периоды, свободные от проведения кампаний, они пребывали не на границах, а в провинциях. Однако их не концентрировали в одном месте, как следовало бы делать с крупными воен-

* Наиболее полно эта точка зрения выражена в книге: *Luttwak E.* The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century ad to the Third. London, 1976. P. 127—190; критическое отношение среди прочих см.: *Whittaker D.* Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore, 1994. P. 206—209, где особенно критически рассматривается идея «глубокой обороны»; об армии в целом см.: Le Bohec (2006), особ. см. P. 16—37, 97—107.

ными силами, находящимися в боевой готовности, так как это затрудняло бы их снабжение всем необходимым. Временные лагеря, где люди жили в палатках или наспех выстроенных хижинах, не годились для зимнего проживания. В любом случае с политической точки зрения держать вместе большие силы зимой, в период бездействия, было опасно: они могли взбунтоваться. В IV веке войска не строили крупных баз, и даже многие из крепостей легионов, выстроенные во II веке и рассчитанные на пятьсот человек, теперь стояли пустые или укомплектованные далеко не полностью. В начале VI века историк Зосим утверждал, что Диоклетиан поддерживал безопасность в империи благодаря тому, что расположил всю армию вдоль границ в мощных крепостях. «Константин упразднил эту меру безопасности, отведя значительную часть солдат с границ в города, где не требовались вспомогательные войска». Он утверждал, что, оказавшись там, солдаты стали бременем для общин и сами изнежились, вкусив удовольствий городской жизни*.

Когда не велись боевые действия — заметим, что даже в периоды наиболее интенсивных операций зимой воевали редко, — comitatenses расходились по большим и малым городам в провинциях. Вряд ли крупные войсковые единицы — более крупные, чем действовавшие совместно парные отряды — часто задерживались на одном и том же месте. Таким образом совершалось распределение бремени по обеспечению им довольствия; кроме того, в этом случае отрядам было труднее объединиться для поддержки узурпатора. Вдобавок опытные солдаты могли обеспечить оборону городских стен в случае неожиданного возникновения угрозы со стороны внешнего врага или соотечественника-претендента на императорский трон. В дислокации войск близ городов или непосредственно в них не было ничего нового. В восточных провинциях такая практика в I и

* Zosim. II. 34; о склонности к мятежу воинов, оставленных бездельничать в больших лагерях, пишет Тацит: Tac. Ann. I. 16—17, 20—21.

II веках была широко распространена, хотя в литературе существовал мотив недовольства горожан присутствием солдат*.

И все же в прежние века войска, как правило, проживали в казармах близ городов или на их территории. Это, похоже, не относилось к comitatenses — правда, археологические свидетельства по части планировки большинства городов IV века крайне ограничены. Напротив, они размещались в домах, где жило гражданское население, и в юридических источниках сообщается о чиновниках, писавших на дверях цифры, обозначавшие число людей, и название отряда, откуда они должны были прийти. За все время существования человечества постой часто вызывал трения между военными и гражданским населением. С точки зрения военных, разделение отряда на малые группы и их распределение по многим разным жилищам не способствовало хорошей дисциплине. В I и II веках армия квартировала в специально выстроенных казармах в одном месте под бдительным надзором офицеров. Санитарные условия не оставляли желать лучшего; у солдат имелись места для упражнений, бани, а также больницы, предназначавшиеся только для них, площадки для парадов и учений, доступные в любое время. Возможностей подобного рода в больших и малых городах было куда меньше, тем более что соответствующими заведениями пользовались не только военные. Даже в наиболее крупных городах жителям приходилось прилагать немалые усилия, чтобы поставить в стойла пятьсот—тысяча лошадей, принадлежавших паре кавалерийских полков.

Распределение comitatenses по городам представляло собой самое простое и удобное для правительства решение, однако оно мало годилось для их поддержания в хорошей форме. Военная подготовка солдат всегда была (и поныне остается) нелегким делом: солдата нельзя обучить раз и на-

* Этот вопрос достаточно полно освещен в статье Э. Уилера: *Wheeler E.* The Laxity of the Syrian Legions // The Roman Army in the East / Ed. D. Kennedy. Ann Arbor, 1996. P. 229—276.

всегда, его нужно постоянно тренировать. Также была очень важна подготовка физическая: она требовалась для того, чтобы солдаты могли совершать большие переходы во время кампаний (и тем более — непосредственно в сражениях). В условиях, когда армия расходилась на постой по гражданским поселениям, тренировки проводить было весьма сложно. Кроме того, начало кампании приходилось откладывать, пока войска не соберутся. Армия скорее всего сама хранила свою амуницию и постоянно содержала некоторое количество лошадей и тяглового скота, необходимого для транспортировки грузов (если это было так, то на поселения, где квартировала кавалерия, ложилось дополнительное бремя), но в случае войны нужно было дополнительно реквизировать их, чтобы подвозить к фронту продовольствие и другие припасы. Все это требовало времени, тем более что большая часть этих вопросов контролировалась бюрократией, совершенно не связанной с армией и имевшей свои собственные приоритеты.

Оценка comitatenses как полевой армии имеет под собой достаточно оснований. Они были мобильнее, чем limitanei, и в их составе (по крайней мере в ходе масштабных операций) действовали боевые единицы более высокого класса. И все же в целом эти войска не отличались никакими принципиальными новациями, и ничто не позволяет назвать их элитой. Требования к солдатам с точки зрения физической подготовки оставались прежними, а в конце столетия их даже снизили. С течением времени некоторые соединения limitanei оказались приписаны к полевой армии и получили половинчатый статус pseudocomitatenses. Это свидетельствует об отсутствии четкого разграничения между двумя классами войск с точки зрения их потенциала. В конечном счете эффективность действий войск определялась их подготовкой, способностями командиров, тактикой и качеством снаряжения. В отношении тактики лишь персы могли потягаться с римлянами, варварские же армии сильно уступали римским войскам. Военное снаряжение IV века, про-

изводившееся в мастерских, выглядело куда более функционально, нежели доспехи и оружие Ранней империи. Pilum (тяжелое метательное копье) и gladius (короткий меч) вышли из употребления. Их заменили меч с длинным клинком — spata, прежде использовавшийся только кавалеристами, и более простые копья, использовавшиеся как для метания, так и для ближнего боя. Римский солдат по-прежнему был хорошо вооружен и защищен, что позволяло эффективно вести поединки. Тактика пехоты стала немного менее агрессивна, но по-прежнему приносила хорошие результаты. Армия IV века выиграла большую часть сражений, в которых ей довелось участвовать*.

Стандарты подготовки и уровень командования в армии IV века неизбежно варьировали (но то же можно сказать и относительно более ранних периодов!). В среднем они слегка снизились, но римская армия оставалась единственной профессиональной армией в мире. Отказ от использования пятитысячных легионов привел к упразднению целого уровня командных постов, весьма эффективных в руководстве особо крупными соединениями и контроле над ними в полевых условиях. Кроме того, это повлекло сложности в обеспечении армии целым рядом специалистов: инженеров, архитекторов, знатоков ведения осады, обслуживающих метательные машины и проч. — и в передаче их опыта более молодым преемникам. У comitatenses не было постоянных баз, которые выполняли бы функции учебных частей и где бы велись записи, фиксировавшие личный состав и разного рода сведения, в том числе о снаряжении и лошадях. Записи по-прежнему делались, но их нужно было постоянно перевозить с места на место, чтобы отряд мог продолжать пользоваться ими. Солдаты испытывали аналогичные затрудне-

* См.: Elton (1996). P. 107—117, 250—263, *Bishop M., Coulston J.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. Oxford, 2006. P. 199—232, *Stephenson I.* Romano-Byzantine Infantry Equipment. Stroud, 2006, а также: *Stephenson I., Dixon K.* Roman Cavalry Equipment. Charleston, 2003.

ния. Вновь призванные, выздоровевшие и откомандированные, которым предстояло вернуться к несению службы обычным порядком, должны были проехать немалое расстояние, чтобы присоединиться к родному полку, где бы он ни оказался. Численность отряда также уменьшалась, если он систематически принимал участие в кампаниях. Кто-то погибал в ходе военных действий; значительно большая часть выбывала по болезни, кого-то отправляли в командировку. Это означало, что множество реально существовавших людей регулярно получали жалованье от государства, но находилось не вместе со своим отрядом, когда тот отправлялся на войну. Вероятность нехватки значительного числа солдат во всех соединениях еще более затрудняет оценку их теоретической численности*.

Не следует переоценивать эффективность римской армии IV века, но также не следует забывать, насколько уникальное явление она представляла для своего времени. Несмотря на все сложности с обеспечением войск продовольствием, римляне все же создали систему его организации в значительных масштабах. Армия IV века была далека от совершенства, но по-прежнему превосходила всех своих противников во многих отношениях. Нельзя забывать, что ее облик сложился в течение столетия, прошедшего в боях римлян со своими же соотечественниками. Диоклетиан и Константин создавали армию, не руководствуясь логичным планом, выработанным «с холодной головой», изменяли военную систему II века не оттого, что она устарела. Вместо этого они восстанавливали единую силу, собирая в одно целое разбросанные по разным местам отряды, уцелевшие в ходе гражданских войн, длившихся многие десятилетия. Главная их задача состояла в том, чтобы защитить себя от претендентов на престол, а все остальное подчинялось ей. Они постоянно помнили о том, что гражданская война готова разразиться в любой момент; то же относилось и к их пре-

* О comitatenses и их развертывании см.: Elton (1996). P. 89—99, 199—233.

емникам. Принимая во внимание эти обстоятельства, можно сказать, что армия IV века действовала в высшей степени эффективно. Настало время посмотреть, как именно она действовала.

Новый цезарь в Галлии

Беспокойство Констанция II по поводу того, что в Галлии после гибели Магненция так скоро появился новый узурпатор, вполне понятно. В конце концов он решил, что доверие лучше всего основывать на семейных связях, и направил в Милан сводного брата Галла — Юлиана. 6 ноября 355 года двадцатичетырехлетний Юлиан был провозглашен цезарем во время парада значительных военных сил. Аммиан Марцеллин отмечает, что солдаты изъявляли свое одобрение, ударяя щитами по наколенникам. (Будучи недовольны, они поднимали щиты с земли и ударяли по ним древками копий.) Как и его брат, Юлиан не готовился к занятию высокого поста. Но в отличие от него он не только оставил обширное литературное наследие, дошедшее до нас, но и заслужил куда более лестные оценки в источниках — по крайней мере в тот период жизни, о котором сейчас идет речь*.

Армия в Галлии показала себя ненадежной, готовой взбунтоваться против императора, но здесь необходимо было держать значительные силы для защиты провинций от атак со стороны племен, обитавших по ту сторону границы. За Рейном на севере жили франки; южнее, между Рейном и

* Amm. Marcell. XV. 8. 1—22; о демонстрации воинами их одобрения см.: XV. 8. 15; об отношении наших источников к Юлиану см.: *Bowersock G.* Julian the Apostate. London, 1978. P. 1—11, *Barnes T.* Ammianus and the Representation of Historical Reality (Cornell Studies in Classical Philology). Ithaca; London, 1998. P. 143—165, а также подборку источников и комментарий к ним в книге С. Тугера: *Tougher S.* Julian the Apostate. Edinburgh, 2007; о назначении Юлиана цезарем см.: *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 81—90.

Дунаем, — алеманны. Помимо этих, наиболее многочисленных групп, были и другие, периодически учинявшие нападения. Как франки, так и алеманны представляли собой не единую нацию, но скорее значительное число отдельных племенных группировок и кланов; во главе их стояли вожди, которые захватывали и утрачивали власть с течением времени. Малые группировки иногда объединялись под верховенством общего предводителя, но это случалось не часто и не повсеместно. Нападая на империю, они практически всегда стремились пограбить, а не захватывать территории. Перед нами вовсе не орды варваров, время от времени штурмовавшие твердыню цивилизации. Плотность населения на занятых алеманнами землях, вероятно, была меньшей, нежели в прилегающих к ним районах империи. Набеги не представляли серьезной угрозы для государства как такового, но чрезвычайно затрудняли жизнь тем, кто становился их жертвой. Существуют сведения о множестве пленников, уведенных за границу в рабство. Нападающие уничтожили отдельные поселения и даже захватили и разграбили несколько крупных городов. Наличие пояса стен не всегда обеспечивало надежную защиту, если они не содержались в порядке или если не находилось никого, кто мог бы организовать оборону. Позднее Юлиан утверждал, что до его прибытия в Галлию интервенты захватили не менее сорока пяти больших городов*.

В годы гражданской войны варвары активизировались. Происходило то же самое, что и в III веке. Внутренняя борьба отвлекала римлян: солдаты уничтожали друг друга, а границы оставались незащищенными. В период войн также

* В целом см.: Elton (1996). P. 15—88, *Drinkwater J.* The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford, 2007, passim, *Burns T.* Rome and the Barbarians, 100 BC — AD 400. Baltimore, 2003. P. 309—362; *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 51—101; о сорока пяти городах, захваченных германцами, см.: Iulian. Epist. ad Athen. 278 d — 279 b; о возвращении римских пленных см.: Amm. Marcell. XVII. 10. 7—8, XVIII. 2. 19, Zosim. III. 3. 4—7.

страдала торговля с племенами, жившими за пределами империи, в результате чего некоторые из них отправлялись в набеги, не видя иного способа прокормиться. Алеманны, вероятно, в мирное время обеспечивали римлян древесиной и строительным камнем. Римские политики также стремились привлечь варваров на свою сторону, чтобы те сражались против их врагов. Магненций нанял за пределами империи большое число воинов. Констанций, несомненно, поступил так же; алеманнский король Вадомарий получил от него разрешение поселиться на западном берегу Рейна и занять часть провинции; побуждаемый императором, он вторгся на территорию узурпатора. Подобные сделки, диктуемые прагматизмом, охотно совершались во время гражданской войны, но после нее стали рассматриваться как нечто неудобное. Обычно те, кто одерживал верх в гражданских войнах, очень хотели покрыть себя «беспорочной» славой, одолев каких-либо внешних врагов империи. Гражданские войны и набеги также активизировали бродяжничество: лишившиеся собственности дезертиры, беглые рабы, беженцы и прочие отчаянные люди объединялись в шайки или грабили в одиночку. Несомненно, зачастую установить личность грабителя бывало нелегко*.

Направляясь на север, чтобы принять командование, Юлиан прочел «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. За четыреста лет мир значительно изменился, но новый цезарь вскоре продемонстрировал столь яростное честолюбие, что мог потягаться в этом со знаменитым военачальником. С энтузиазмом включился он в военную жизнь. Традиция, благосклонная к Юлиану, утверждает, что крупные чиновники и помощники, посланные Констанцием, дабы приглядывать за ним, мешали ему. Это, очевидно, преувеличение: Юлиану скорее всего постоянно требовались советы и руководство, когда он приступил к возложенной на него

* О продаже камня и железа с территорий к востоку от Рейна см.: Drinkwater (2007). P. 133—134; об использовании Магненцием варваров см.: Drinkwater (2007). P. 201—205.

миссии. Урзицин поначалу оставался на посту magister militum, сохраняя руководящую роль. Однако, будучи умным человеком, который большую часть жизни провел наедине со своими мыслями, Юлиан неохотно соглашался с мнениями, отличавшимися от его собственных*.

В 356 году Констанций лично возглавил крупную операцию против алеманнов, в которой Юлиан и его войска оказывали ему поддержку. (При недостаточно внимательном чтении Аммиана Марцеллина возникает впечатление, будто все происходило иначе и главную задачу выполнил именно цезарь.) Юлиан руководил войсками на севере, тогда как август командовал более крупными силами на юге. Действия римлян представляли собой в первую очередь демонстрацию силы, направленную на то, чтобы показать варварским племенам, что они вновь объединились и готовы нанести мощный удар по любому, кто вызовет их недовольство. Римляне хотели заключить новые договоры с вождями племен, в которых утверждалось бы подавляющее превосходство Рима. Сражаться пришлось немного, хотя Юлиан одержал победы в нескольких стычках. Он присоединился к главным силам уже после первых схваток (свидетельство тому, что сбор полевой армии занимал определенное время), причем его сопровождал только один отряд катафрактариев и один отряд баллистариев (буквально это обслуживающие метательные машины, но в данном случае они, вероятно, были экипированы как пехота и сверх того вооружены только арбалетами). Даже с учетом его личной гвардии силы находившиеся при нем едва ли насчитывали больше тысячи человек. Однако их было вполне достаточно, чтобы легко разделаться с отрядами налетчиков, повстречавшимися на его пути**.

---

* Iulian. Epist. ad Athen. 123 d — 124 d (о чтении «Записок о Галльской войне» Цезаря); о ранней биографии Юлиана см.: Bowersock (1978). P. 12—32.

** Эта кампания в целом проанализирована в книгах: Drinkwater (2007). P. 219—224; Barnes (1998). P. 151—155; в отношении баллистариев не исключена возможность того, что их подразделение в прež-

Главные силы были сосредоточены в Реймсе; по пути туда Юлиан освободил Отен, Оксерр и Труа. Врагов в этих городах не было. Отен недавно подвергся нападению, но атаку отбили, причем это сделал даже не гарнизон, но наспех собранный отряд отставных солдат. В Труа жители некоторое время не отпирали ворота, пока он не смог убедить их, что он вправду цезарь, законный представитель римской власти. Это дает основания предположить, что порой трудно было увидеть разницу между отрядами римской регулярной армии и бандой грабителей. Соединившись с остатком своих сил, Юлиан миновал еще несколько городов, двигаясь вдоль Рейна, пока не достиг Кельна. Недавно город перешел в руки франков, но, по-видимому, они не задержались там. Кампания опять-таки представляла собой демонстрацию военной мощи и имела целью явить всю силу правительства общинам, которые в недавние годы не чувствовали заботы власти о себе*.

Юлиан провел зиму в Сеноне (возможно, в современном Сансе или, что более вероятно, близ Вердена), где его окружила банда алеманнов. Сил у него было немного — как всегда, по соображениям тылового обеспечения войска должны были разойтись на зимний период — и вследствие этого он не смог оттеснить их. В конце концов, не будучи в состоянии вынудить противника сдаться, солдаты просто тайком ушли. Юлиан обвинил Марцелла, преемника Урзицина, в том, что тот не пришел ему на помощь. Констанций отозвал Марцелла, отказавшись принять его оправдание (вполне уместное): по словам Марцелла, он не видел никакой серьезной опасности для цезаря**.

На 357 год была запланирована аналогичная кампания, но Констанций не принял в ней участия и передал командо-

---

ние времена состояло из персонала, обслуживающего метательные машины, но теперь это были уже обычные пехотинцы. В конечном счете точно мы этого не знаем.

* Об этой кампании см.: Amm. Marcell. XVI. 2. 1—3. 3; о задержке, случившейся в Труа, см.: XVI. 2. 7.

** Amm. Marcell. XVI. 4. 1—5, 7. 1—3.

вание над основными силами новому магистру войска (magister militum) — Барбациону. В распоряжении последнего оказалось двадцать пять тысяч человек, тогда как у Юлиана — тринадцать тысяч, но их совместные действия окончились неудачей. Причин этому, вероятно, было несколько — в том числе взаимные подозрения; не помогло делу и то, что Барбацион обладал в лучшем случае скромными способностями. Столкнувшись с серьезным сопротивлением, он отступил, оставив врагу обоз; Юлиан, вынужденный действовать в одиночку, предпринял несколько набегов на поселения варваров. Близ Аргентората (Страсбурга) он столкнулся с сильной армией алеманнов под предводительством семи королей. Ею командовали двое из них — Хнодомарий и его племянник Серапион. С армией шло еще десять королей и множество знати; каждый вел с собой свой отряд, а также наемные силы. Аммиан Марцеллин утверждает, что в целом врагов насчитывалось около тридцати пяти тысяч, но скорее всего эта цифра завышена. Вероятно, алеманны имели численное превосходство над римлянами. Несомненно, ими руководили искусные полководцы: несколькими годами ранее Хнодомарий нанес поражение брату Магненция. Предводители хотели вступить в бой, однако, не исключено, надеялись, что вид их мощной армии заставит римлян вступить в переговоры о мире.

Юлиан не дал ответа послам алеманнов. Его армия утомилась после перехода, и первоначально он хотел укрепить лагерь, дать солдатам отдохнуть и дать сражение на следующий день, тогда как его советники (и в том числе префект претория) убеждали его сразу же атаковать врага. По их мнению, то была отличная возможность нанести поражение стольким вождям сразу; они уверяли, что если удерживать солдат от немедленных действий, те испытают глубокое разочарование. Юлий Цезарь подчеркивал, что никогда не уступал нажиму со стороны своих людей и устраивал сражения, определяя их место и время самостоятельно. Однако в IV веке условия значительно изменились. Юлиан

дал себя убедить. Римляне двинулись вперед. Начавшаяся битва вылилась в тяжелый, изнурительный поединок двух армий. Кавалерия Юлиана дрогнула и отступила (в наказание воинам одной из частей впоследствии пришлось облачиться в женское платье и пройти парадом). Он вновь собрал их, и когда группа варваров под командованием одного из вождей прорвала первую линию римской пехоты, резервы остановили ее. В конце концов благодаря дисциплине и четкой командной структуре римляне одержали верх. Они потеряли двести сорок трех солдат и четырех трибунов. Потери алеманнов оказались куда больше (что практически всегда случается с армией, потерпевшей поражение), хотя приводимая Аммианом Марцеллином цифра в шесть тысяч убитых, вероятно, является очередным преувеличением*.

Победа при Страсбурге** была по-настоящему крупным успехом — и вместе с тем та битва стала единственным значительным сражением, в котором довелось участвовать Юлиану за пять нелегких лет войны в Галлии. Куда более обычный характер носило дальнейшее: римляне провели ряд кровопролитных рейдов против варварских племен. Римская армия выиграла большинство сражений, имевших место в IV веке, но битвы были всегда сопряжены с риском. Поражение неминуемо повлекло бы серьезные потери, возмещение которых являлось непростым делом. Внезапные нападения помогали запугать врага и принудить его подчиниться, а риск для римлян оказывался невелик. Даже если варвары замечали нападающих, им весьма редко удавалось

* О ходе этой кампании и сражения при Аргенторате (Страсбурге) см.: Amm. Marcell. XVI. 11. 1—12. 66, а также историографию: Drinkwater (2007). P. 224—242, Bowersock (1978). P. 40—42, Barnes (1998). P. 152, *Goldsworthy A.* In the Name of Rome. London, 2003. P. 340—354 (2004). P. 383—399; о непохвальном поведении римской кавалерии см.: Zosim. III. 3.

** В отечественной литературе это сражение обычно называют по античному наименованию города битвой при Аргенторате. — *Примеч. пер.*

собрать достаточно сил, чтобы успеть дать им отпор. Самое худшее бывало, если нападающим не удавалось никого изловить. Чтобы атаки осуществлялись более успешно, ряд покинутых римских фортов вновь получил гарнизоны; римляне хотели создать у варваров впечатление, что они находятся под постоянным надзором. Это вызвало активное недовольство последних*.

Масштаб операций хорошо иллюстрирует эпизод, происшедший зимой 357—358 годов, когда Юлиан пару месяцев осаждал банду франков, отсиживавшихся в двух покинутых римских фортах. Их было всего шестьсот человек; цезарь же, вероятно, задействовал в осаде не более двух тысяч солдат (в большем количестве не было нужды, и, кроме того, их было бы трудно прокормить в условиях зимы). Когда франки наконец сдались, он отправил их к Констанцию в качестве рекрутов. Эпизод поразителен тем, что римляне не стали атаковать столь малые силы варваров. Потери обеих сторон были невыгодны им, поскольку враги представляли собой ценный источник людских резервов. Еще более примечателен тот простой факт, что сам цезарь охотно потратил несколько недель, руководя операцией столь малого масштаба**.

Находясь в Галлии, Юлиан активно восстанавливал римское господство в приграничных районах. В ряде случаев он, по-видимому, задействовал общины, которые недавно стали союзниками Рима. Он хотел добиться военной славы — и добился ее; ему необходимо было завоевать популярность у армии и населения провинций, дабы его не постигла судьба его старшего брата. Он значительно снизил налоги, которыми облагались галльские общины, вопреки активному противодействию своего префекта претория. Масштабы сокращения демонстрируют размеры взяточничества среди чиновников, занимавшихся сбором налогов, однако это представляло собой опасный популистский

* Amm. Marcell. XVII. 1. 1—4.

** Amm. Marc. XVII. 2. 1—4.

жест. Констанций расправился с отцом Юлиана и многими из его родственников, а совсем недавно казнил его брата. Этого было более чем достаточно, чтобы они перестали доверять друг другу*.

В 360 году Констанций приказал Юлиану прислать четыре полка auxilia palatina и триста человек из других соединений (неясно, были ли это самостоятельные части или объединенные в пары с другими) для усиления армии на Востоке. Персы проявили большую активность в предыдущем году, так что нужда в людях действительно существовала. В то же время и устранение Галла Констанций начал с «растаскивания» его военных сил. Предполагавшееся перемещение не вызвало энтузиазма у солдат в Галлии, многие из которых были уроженцами тех мест или даже происходили из-за Рейна. Кое-кому обещали, что они не будут служить южнее Альп, не говоря уже о том, чтобы их вели еще куда-то. В феврале 361 года войска провозгласили Юлиана августом, когда он находился в Лютеции (совр. Париж). По традиции он стал отказываться, но вскоре дал согласие, и «его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы, и подняли высоко. Раздался единодушный крик — Юлиана провозгласили августом. Потребовали диадему, и когда он заявил, что таковой никогда не имел, — какое-нибудь шейное или головное украшение его супруги» (пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни с изменениями). Юлиан почувствовал, что это может быть воспринято как дурное предзнаменование. К тому же ему явно не нравилась идея воспользоваться чем-либо из украшений с конской сбруи, но в конце концов он согласился надеть шейное ожерелье, которое дал ему один из знаменосцев**.

---

* Об остальных операциях в Галлии см. обзор мнений в работе Дринкуотера: Drinkwater (2007). P. 242—265; о налогах см.: Amm. Marcell. XVII. 3. 1—6.

** Amm. Marcell. XVII. 11. 1—5, XVIII. 1. 1—4, XX. 4. 1—5. 10, см. также работу Бауэрсока: Bowersock (1978). P. 46—54.

По утверждению Аммиана Марцеллина, Юлиан действительно не хотел принимать власть и испытывал на себе сильное давление со стороны солдат, но это звучит неубедительно. Более вероятно, что обнародование приказа о переброске войск на Восток явилось подходящим моментом для осуществления давно вынашивавшихся планов. Один из комитов, известных своей преданностью Констанцию, незадолго до этого был отправлен в Британию. По возвращении его немедленно арестовали, он еще даже не узнал о провозглашении Юлиана императором. Новый август написал Констанцию послание, в котором сообщил ему о своем нежелании принимать власть и о надежде на примирение, но отклонил требование занять прежнее положение цезаря. Летом Юлиан собрал свою армию — в том числе, вероятно, и тех, кто перед этим отказывался отправляться на восток — и выступил для борьбы с Констанцием. Соотношение сил было в пользу последнего, однако осенью, возвращаясь, чтобы вступить в борьбу с узурпатором, Констанций заболел, находясь в Малой Азии. 3 ноября 361 года Констанций II скончался в возрасте сорока четырех лет. Его единственный сын был еще ребенком; близких родственников мужского пола, помимо Юлиана, он не имел. Таким образом, ничто не препятствовало мятежнику стать единовластным императором*.

Во время своего пребывания в Галлии Юлиан действовал особенно энергично. Он нуждался в славе полководца, а ситуация на границе после восстания Магненция оказалась весьма неспокойной. Неожиданные нападения, приводившие подчас к уничтожению или захвату в плен всего населения некоторых деревень, а затем и более масштабные де-

* Более подробное изложение событий см.: Potter (2004). P. 505—508; Bowersock (1978). P. 55—65; *Hunt D.* The Successors of Constantine; The Church as a Public Institution // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 56—60; об отправке комита в Британию и его последующем аресте см.: Amm. Marcell. XX. 1—3, 9. 9.

монстрации силы и возвращение контроля над оставленными крепостями имели целью убедить соседние народы в непреодолимости римской мощи. Методы римлян были зачастую очень жестокими. Предпочтение всегда отдавалось обходившейся для них без потерь резне, а не рискованному открытому сражению. В 370 году совершавший рейд отряд саксов, испытывая страх перед подоспевшими силами римлян, предпочел вступить в переговоры, а не сражаться. В обмен на выдачу заложников саксы получили право вернуться на родину. Однако римляне никогда не уважали соглашений и вместо соблюдения договора приготовили засаду. Этот замысел едва не привел к обратным результатам, когда несколько человек вышли из укрытия преждевременно и были изрублены саксами. В конце концов варваров взяли числом и всех перебили. Аммиан Марцеллин замечает, что такие методы могут показаться «вызывающими ненависть и отвратительными», однако по зрелом размышлении становится ясно, что единственное правильное решение для римлян — уничтожать «шайки грабителей, если есть возможность». Большинство таких операций на границах были незначительными по масштабам. Юлиан ни разу не водил свою армию дальше, чем за тридцать миль к востоку от Рейна. Римляне имели целью установить лишь локальное господство. Это, видимо, давало только временный эффект, поскольку жестокость римских акций и непредсказуемость их внутренней политики вызывали все более сильное раздражение и ненависть, которым было суждено найти выход в будущем*.

Наряду с угрозой применения военной силы и ее использованием активно применялась дипломатия. Некоторые представители варварской знати поступали на службу в римскую армию и достигали высоких чинов. Еще большее их число превращалось в союзников, и римляне принимали на себя по отношению к ним финансовые обязательства.

* Amm. Marcell. XXVIII. 5. 1—7.

Зачастую их сыновья попадали в качестве заложников в империю и получали хорошее римское образование. Один из двух алеманнских вождей под Аргенторатом носил имя Серапиона, поскольку его отец почитал бога Сераписа, пока жил на территории империи. Предводители варваров постоянно пировали с командирами римских гарнизонов в приграничных пунктах, что позволяло обеим сторонам изучать друг друга и предугадывать будущие события. В нескольких случаях римляне использовали этот обычай для захвата в плен или убийства важного гостя.

Племена представляли собой для империи пусть не главную, но постоянную угрозу. Временами римлянам удавалось настолько усилить свои позиции в приграничных районах, что на протяжении жизни целого поколения здесь не проводилось крупных операций. Готы, жившие в Северном Придунавье, похоже, притихли на несколько десятилетий после военных действий, предпринятых Константином. Стычки с племенами, обитавшими по ту сторону границы, происходили довольно часто, но, как правило, в них не участвовали крупные силы. Масштабные вторжения в Британии удалось успешно подавить, отправив туда comes во главе всего двух парных соединений auxilia palatina галльской полевой армии. Основным видом военной активности варварских племен всегда были набеги. В ответ римляне пытались изловить нападавших (как правило, во время возвращения их назад, когда те, нагруженные добычей, передвигались медленнее). Римляне рассчитывали на быстроту перемещений и внезапность — точно так же, как их враги. Аммиан Марцеллин описал немало кампаний очень малого масштаба в таких деталях, которые остались за пределами рассказов о войнах прежних времен. Мы читаем о налетчиках, потерпевших поражение от римлян: те застали их врасплох, в то время как варвары мылись в реке и красили волосы в рыжий цвет. В другом месте он повествует о другой группе, перебитой в результате сознательного нарушения перемирия римлянами во время переговоров. Описывая

кампании Юлиана, Аммиан Марцеллин отмечает: «Кроме этих сражений, в разных областях Галлии состоялось и много других, менее заслуживающих упоминания; описывать их не стоит как потому, что они не принесли важных результатов, так и потому, что повествование не стоит перегружать маловажными подробностями». Это тем более поразительно, если учесть малый масштаб боев, о которых он считает нужным рассказать. Принципиальным отличием от более ранних периодов является тот факт, что он описывает так много случаев личного участия императора в столь незначительных операциях. В I—II веках подобные дела находились в ведении наместников-сенаторов или кого-то из их подчиненных; в IV веке добиться удачного их выполнения стало куда труднее*.

* Цитата приведена из Аммиана Марцеллина: XXVII. 2. 11; о варварах, подкрашивавших себе волосы, см. Amm. Marcell. XXVII. 2. 1—3.

Глава двенадцатая

ЯЗЫЧНИКИ

Говоря о своих деяниях на службе у Констанция, я призываю в свидетели Зевса и других богов, охраняющих города и наш народ. Я вел себя с ним так, как я хотел бы, чтобы вел себя со мной мой собственный сын.

...Разве он не упрекал и не высмеивал меня, служившего столь верно ему, убийце моего отца, братьев, родных и двоюродных — ему, казнившему в конечном итоге всю мою семью?

*Император Юлиан, 361 год**

Юлиану исполнилось всего тридцать лет, когда он стал единовластным правителем империи. Всем поспешно объявили, что Констанций II, умирая, провозгласил его своим преемником, и вполне вероятно, что это была правда: ведь в течение жизни всего двух поколений мужская линия обширного многочисленного семейства Константина оказалась уничтожена. Больше претендентов не появлялось, и военачальники и чиновники поспешили засвидетельствовать Юлиану свою преданность. Это не помогло предотвратить чистку, последовавшую после прибытия нового августа в Константинополь в конце года. Как всегда, сохранились упоминания лишь о наиболее известных жертвах. По крайней мере четверо крупнейших чиновников было казнено (двоих сожгли живьем при стечении народа), полдюжины изгнано. Даже Аммиан Марцеллин, в целом благосклонный к Юлиану, чувствовал, что по крайней мере один из казненных не совершил ничего, что заслуживало бы наказания. Другую жертву, известного Павла Катену («Цепь»), не оплакивал никто**.

---

* Iulian. Epist. Ad Athen. 280 d, 281 b — c.

** Amm. Marcell. XXII. 3. 1—12; см. также: *Lenski N.* Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD. Berkeley, 2002. P. 104.

Успех Юлиана произвел ошеломляющее впечатление, но его самого случившееся не удивило: он знал, что не таков, как другие. Подобно всем в семье Константина, его воспитывали как христианина. Детские годы его прошли при дворе епископа; он часто выполнял роль служки, регулярно принимая участие в богослужениях и прилюдно читая Писание вслух. Он также фактически вырос в плену, понимая, что всегда будет под подозрением у императора, убившего стольких его родных. Внешне он выглядел человеком набожным и лишенным амбиций. Но втайне он ненавидел Констанция и отрицал его — христианского — Бога. Напротив, он увлекся до одержимости древней религией и литературой Греции; увлечение его проявилось тем более сильно, что, когда ему было около двадцати лет, он получил разрешение учиться в Афинах. Юлиан стал приверженцем учения неоплатоников — наиболее популярного с середины III века философского течения. В нем присутствовал сильный мистический элемент: откровение рассматривалось наравне с логикой как открывающее путь к пониманию. Юлиана привлекла наиболее крайняя ветвь этой школы, а именно учение Максима Эфесского, который был не только философом, но и в равной мере фокусником и шоуменом. Многие считали его шарлатаном; он устраивал представления, во время которых факелы зажигались сами собой, а статуя улыбалась. Это взволновало Юлиана: он счел его доказательством существования старых богов и их власти над миром*.

В соответствии с распространенными воззрениями он верил в единое верховное божество, правящее прочими бо-

* Дискуссию по поводу воззрений Юлиана см.: *Bowersock G.* Julian the Apostate. London, 1978. P. 12—20, 61—65, *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004. P. 496—499, 508—509, а также: *Fowden G.* Polytheist Religion and Philosophy // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 543—548; см. ясный современный обзор жизни Юлиана: *Murdoch A.* The Last Pagan: Julian the Apostate and the Death of the Ancient World. Stroud, 2003. О его ранней биографии и воззрениях см. P. 9—37.

гами, и — опять-таки подобно многим другим, в том числе Аврелиану и отцу Константина — отождествлял это верховное божество с солнцем. Он «поклонялся царю Гелиосу» (одно из многочисленных имен этого божества), чье «неиссякающее провидение» объединяет в одно целое «сей божественный и прекрасный мир — от высочайших небес до самых глубин земли». Вера Юлиана носила глубоко личный и эмоциональный характер. Она соответствовала его сильной склонности к аскетизму и — поскольку была во многом создана им самим — удовлетворяла его интеллектуальным запросам. А главное — она не совпадала с религией его дяди*.

Возможно, обращение Юлиана в язычество — его принято именовать отступничеством, почему он известен прежде всего под именем Юлиан Отступник — не перешло бы за рамки характерного для студентов бунтарства, не стань он цезарем. Во время своего пребывания в Галлии он скрывал свою подлинную веру и продолжал посещать церковные службы, всячески выказывая религиозное рвение. С началом гражданской войны он понемногу стал отказываться от этой личины: обращаясь к Афинам и другим городам, он призывал поддержать его во имя древних богов, но лишь после смерти Констанция он открыто отверг христианство и начал публично приносить в жертву животных и совершать другие ритуалы. До этого момента он действовал с осторожностью, чтобы не оттолкнуть от себя потенциальных сторонников-христиан. Свою победу Юлиан воспринял как доказательство могущества Гелиоса, возвысившего его — фактически пленника — до единовластного правителя империи, подобно тому как постоянные успехи Константина побудили его принять христианство.

О Юлиане известно немало. Сочинение Аммиана содержит обстоятельный рассказ о его правлении; сочинений же самого Юлиана уцелело значительно больше, чем трудов

* Iulian. Hymn. ad Sol. 130 b — c, 132 c.

любого другого императора. Он был последним языческим императором — по крайней мере последним из законных (хотя один узурпатор IV века публично отрекся от Христовой веры). Он импонирует многим современным читателям благодаря уму и энтузиазму, а также тому факту, что он провел несколько лет за учением, подобно студенту (все это свойственно прежде всего академическим ученым). Некоторым также по сердцу его враждебное отношение к христианству, хотя обычно такие читатели игнорируют его страсть в отношении собственной веры и приверженность к принесению в жертву животных.

Более пристальный взгляд на жизненный путь Юлиана и его сочинения быстро разрушает подобные поверхностные сравнения и примитивные представления о нем как об исполненном благих намерений студенте. Он был безжалостным и целеустремленным — император не мог быть иным. Кроме того, черты людей нашего столетия практически полностью отсутствовали в его облике. Как и все прочие, он был порождением своего времени, а время было смутное (не говоря уж о том, что ему самому пришлось перенести немало ударов судьбы). Рождение в императорской семье отдаляло ребенка от всего мира. Тот факт, что он уцелел в ходе резни, устроенной среди его родственников, и пережил годы плена, хотя и находился под постоянным подозрением, — большая редкость даже для той эпохи и конкретно тех лет. Юлиан был умен, но провел в изоляции годы, когда формировалась его личность, а это всегда способствует развитию в человеке абсолютной веры в свои убеждения и затрудняет его способность прислушиваться к альтернативным идеям. По-видимому, у него не было близких друзей, поскольку представители императорской семьи по понятным причинам не могли относиться к другим как к равным. Прибавим к этому его тайное отступничество и изобретение своей собственной религии. То, что ему удавалось скрывать ее от окружающих много лет, вероятно, лишь усилило его и без того высокое мнение о собственном уме — и, возможно,

развило в нем склонность к актерству. Юлиан не производил на окружающих большого впечатления: он был мал ростом, неуклюж, то и дело подергивал головой и вдобавок глотал слова. В Галлии солдаты прозвали его «грек-малявка», «азиатишка» и «болтливый крот». Вопреки обычаю, установившемуся со времен тетрархии, он носил всклокоченную бородку; отсюда еще одно его прозвище — «козел». Очень может быть, что поначалу она была жиденькой, но на монетах, выпущенных после того, как он стал августом, он изображался с обильной неухоженной растительностью на лице. Быть может, это подошло бы философу, но выглядело куда менее опрятно, нежели аккуратно подстриженные бородки Антонинов. Юлиан боготворил Марка Аврелия — свой идеал императора-философа. В сатирическом сочинении «Цезари» он изображает пир на горе Олимп, где императоры прошлого состязаются, дабы заслужить одобрение богов. Неудивительно, что в конечном итоге победу одерживает Марк Аврелий. Юлиан был как дома в театре, и ему очень нравился церемониал, окружавший императора в IV веке; особенно хорошо организована была аккламация, устроенная ему в Лютеции. В другой раз он нарушил правила, покинув заседание сената в Константинополе, чтобы присутствовать при прибытии в город Максима Эфесского и приветствовать его. Императору не следовало вести себя столь раскованно, и даже многие его сторонники испытали разочарование. Те же чувства они испытали в результате радикального сокращения штата придворных, унаследованного от Констанция. Многие ведомства, конечно, разбухли с течением времени, но, даже если мы сделаем на это поправку, Юлиан все-таки зашел слишком далеко в своем желании быть простым философом, не нуждающимся в роскоши и множестве помощников. Возникло ощущение, что он притушил блеск величия императора*.

* Amm. Marcell. XXII. 4. 1—10, 7. 5—8; О Максиме Эфесском см.: Amm. Marcell. XXII. 7. 3—4.

«Новый стиль» продержался недолго. Особенности характера Юлиана, его религиозные идеи и политика привлекают внимание многих исследователей, но следует помнить, что особого влияния они не оказали. Правление Юлиана продолжалось немногим более двух лет и завершилось катастрофой и унижением: он был убит в Персии. Война против Сасанидов и уступки, на которые пришлось пойти римлянам, стали главным наследием Юлиана, которое он оставил империи.

Война на Востоке

Борьба с Персией, если можно так выразиться, досталась Юлиану в наследство. Константин скончался до начала крупномасштабного наступления, но проводившиеся им приготовления еще более усилили напряженность в этом регионе, и Констанций II в течение большей части своего правления вел войну на восточной границе. Шапур II — способный и активный правитель — пришел к власти в 309 году еще младенцем и правил Персией семьдесят лет. Захват Римом в конце III века принадлежавших персам земель после победы Галерия стал для них сильным унижением, и царь всегда рассматривал их возвращение как свою первоочередную цель. Обе стороны то и дело устраивали набеги на территорию врага, иногда с участием значительных сил. Они не только воевали сами, но и часто привлекали союзников, и в наших источниках данного периода все чаще и чаще встречаются упоминания таких групп, как сарацины*.

Контроль над регионом находился в руках того, кто владел главными городами и другими укрепленными пунктами. В то время велось повсеместное строительство защитных стен; их всегда усиливали выдававшимися вперед башнями, часто снабженными тяжелыми и легкими метатель-

* Источники по этому периоду см.: *Dodgeon M.H., Lieu S.N.C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, AD 226—363. A Documentary History. London; New York, 1991. P. 143—210.

ными орудиями. Все города располагали собственным водоснабжением (без этого они не могли бы существовать), поскольку они располагались в таких (часто возвышенных) местах, где годовой суммы осадков хватало, чтобы обеспечивать ведение сельского хозяйства. Подобные укрепленные точки давали возможность для размещения отрядов, которые отправлялись в набеги или на перехват вражеских нападений. Любое значительное войско, явившееся с целью нападения, должно было взять город или выделить силы для ведения блокады, дабы избежать серьезной угрозы при подвозе припасов. Граница Римской империи была укреплена значительно лучше, чем сто лет назад, и в результате персам оказалось куда труднее повторить вторжения Шапура I, глубоко проникавшего на территорию провинций.

Укрепленные города, большие и малые, имели жизненно важное значение. Это неизбежно означало, что именно на них придется главный удар при любом нападении, имевшем иные цели, нежели простой грабеж. В годы правления Констанция персы трижды атаковали город Нисибис, однако ни разу не смогли взять его. Активность боевых действий не оставалась неизменной. И у Констанция, и у Шапура II имелось немало забот, и в нескольких случаях они отводили ядро своей армии, чтобы воевать на других территориях. В 357 году Шапур вел боевые действия на территории нынешнего Афганистана, а Констанций был занят на европейских границах. Рассудив, что мир будет выгоден обеим сторонам, префект претория, в чьем ведении находились восточные провинции, отправил посольство к персам, надеясь на начало переговоров. Но оказалось, что Шапур уже одержал победу над своими противниками и те стали его подданными и союзниками. Теперь у него появилась возможность двинуть войска куда угодно, и, кроме того, он очень хотел дать недавно покоренным племенам шанс продемонстрировать свою лояльность, прислав в его войска боевые отряды. Расценив попытку мирного урегулирования со стороны римлян как явное свидетельство слабости, он вновь выдвинул ста-

ринные притязания персов на территории, простиравшиеся вплоть до Средиземного моря, а когда римляне отвергли эти требования (что неудивительно), подготовил ряд крупных наступательных операций*.

В 359 году действия Шапура застали римлян врасплох: для нападения на Месопотамию он не воспользовался обычной дорогой. Вместо этого он напал на севере и, не обращая внимания на Нисибис, направился к городу Амида. Аммиан Марцеллин едва не попал в руки солдат персидского патруля и успел укрыться в городе; он оставил яркое описание дальнейшей осады. Шапур, вероятно, изначально не планировал останавливаться и осаждать этот пункт, а хотел продолжать движение в глубь римских провинций, грабя и захватывая пленных. Римский чиновник, наделавший слишком много долгов и перешедший на сторону врага, убедил царя, что это вызовет большое смятение в империи. Он же предоставил сведения, побудившие персов двинуться по северной дороге. Однако в тот момент, когда персидская армия проводила парад в виду города, демонстрируя свою мощь (персы питали слабую надежду на то, что пораженные страхом солдаты гарнизона сдадутся), — сын царя союзников был убит выстрелом из римской баллисты. Теперь для Шапура стало делом чести утолить жажду мести, охватившую осиротевшего отца, и взять город**.

В ходе осады, продолжавшейся семьдесят три дня, персы испробовали разные средства. Они устраивали открытые нападения с использованием лестниц и мобильных осадных башен; отряд лучников пытался тайно проникнуть через дренажную галерею на башню и захватить ее; потрудились и инженеры, атаковавшие укрепления с помощью метательных орудий и таранов. Осаждающие несли тяжелые потери — в особенности во время штурмов. Римляне весьма уме-

---

* Amm. Marcell. XVI. 9. 1—4, XVII. 5. 1—15, а также комментарии современных историков: *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 39—47, Dodgeon, Lieu (1991). P. 211—212.

** Об этой кампании и осаде см.: Amm. Marcell. XVIII. 4. 1—19. 9. 9.

ло использовали баллисты и отразили все атаки. Когда персы подвезли мощную осадную башню с установленными на ней метательными орудиями, чтобы подавить сопротивление защитников на стене, римляне принялись строить огромную насыпь, чтобы поставить на ней свои катапульты и таким образом сохранить за собой преимущество, которое давала им высота. К несчастью для них, насыпь обвалилась на стену, так что персы получили готовый пандус для атаки на город. Они взяли Амиду штурмом и разграбили. Уцелевших в последовавшей резне жителей и солдат увели в Персию, где им предстояло вести жизнь рабов. Аммиан Марцеллин оказался среди горсточки тех, кому удалось спрятаться, а затем бежать под покровом тьмы.

Шапур одержал важную победу, хотя она недешево обошлась ему: Амида стала первым крупным городом, взятым персами в период правления Констанция. Однако длительность осады привела к тому, что сезон для ведения кампании закончился, поэтому персы отступили, уводя с собой пленников. Обвал насыпи очень усложнил ремонт укреплений, поэтому в разрушенном городе не оставили гарнизона. В 360 году Шапур напал вновь; на сей раз он двинулся более прямой дорогой в Месопотамию, но, как и в прошлый раз, отказался от нападения на Нисибис. Он взял штурмом город Сингару, сжег его и увел все его население в плен. В другом месте Аммиан Марцеллин упоминает, что видел вереницу слабых и пожилых пленников, отстававших от колонны: их оставляли позади, подрезая им подколенные сухожилия. Добившись успеха, Шапур двинулся на расположенный в стратегически важном пункте форт Безабде и взял его. Стены его остались почти не разрушены, и, удалив население, персы разместили в нем свой гарнизон. Лето почти закончилось, и царь отвел свои основные силы домой*.

---

* Аммиан Марцеллин (XIX. 9. 9) утверждает, что Шапур потерял при осаде Амиды 30 тысяч человек; о подрезании сухожилий пленным см.: Amm. Marcell. XIX. 6. 2, а также: *Lee A.* War in Late Antiquity: A Social History. Malden, 2007. P. 135—138; о взятии Сингары и Безабде см.: Amm. Marcell. XX. 6. 1—7. 18.

В тот момент к месту событий прибыл Констанций. Несмотря на известие об аккламации Юлиана в Галлии, он решил возглавить армию и попытаться отвоевать Безабде. Римляне привезли с собой таран, оставленный еще Шапуром I, который, как оказалось, до сих пор можно было использовать. Но несмотря на это и на использование более современных осадных машин и метательных орудий, персидский гарнизон храбро отражал все атаки римлян. Надвигалась зима, и Констанций с неохотой снял осаду. В 361 году персы не стали предпринимать нового вторжения — предположительно потому, что их жрецы сочли знамения неблагоприятными. Равным образом присутствие мощной армии во главе с самим Констанцием и также, вероятно, тяжелые потери, понесенные во время недавних осад, заставили Шапура отказаться от очередного нападения. Констанций некоторое время подождал близ границы, прежде чем вернуться, дабы разобраться с Юлианом, но затем заболел и скончался*.

Вероятно, Юлиан решил осуществить крупное вторжение в Персию почти сразу после того, как стал единовластным правителем империи. Да, Шапур установил постоянный контроль лишь над одной крепостью в Месопотамии, но две другие он уничтожил. Баланс сил не слишком изменился, но престиж Рима потерпел серьезный урон, и его следовало восстановить. Сыграл свою роль и фактор более личного характера. Юлиан выигрывал сражения на Рейне и пользовался популярностью у галльской армии (чему свидетельство — тот факт, что она провозгласила его августом). Но армия на востоке (как и ее командующие) по большей части не знала его. Если бы Юлиан возглавил ее и провел победоносную войну, это укрепило бы верность армии. Как и любой, кому удавалось выиграть гражданскую войну, Юлиан желал добиться славы в сражениях с внешним врагом и, таким образом, избавиться от двусмысленного поло-

* Amm. Marcell. XX. 11. 1—25, 31—32.

жения, в котором находился. Наибольший престиж ему обеспечило бы поражение Персии. Многие императоры мечтали о завоевании восточных территорий, но для Юлиана за этим, вероятно, стояло нечто большее. Ему сопутствовала удача во всех предприятиях последних лет. Успешный исход гражданской войны при превосходстве сил неприятеля и чудесная победа над Констанцием в результате смерти последнего лишь укрепили веру в особое предназначение и помощь небес. Не случайно в «Цезарях» в собрании участвует и Александр Великий, которого Юлиан помещает на почетное место близ Траяна — еще одного воителя, вторгшегося в Парфию. Александр являл собой великого героя, принадлежавшего греческой традиции, глубоко чтимой Юлианом. Повторение его подвигов стало бы впечатляющим шагом к возвращению мира в классическое прошлое, как его представлял себе Юлиан*.

Подготовка к вторжению носила широкомасштабный характер. Велось накопление запасов; немногим позже, когда в военном лагере близ Евфрата обрушилась груда складированного там фуража, нескольких конюхов задавило насмерть. Юлиан двинулся в Антиохию, продолжая с расточительством совершать жертвоприношения, так что его войска постоянно пировали, объедаясь мясом жертвенных животных. Император быстро настроил против себя большую часть населения города и сочинил в соответствующем духе сатиру, названную им «Брадоненавистник» (misopogon). К весне 363 года подготовка к вторжению завершилась. Аммиан Марцеллин, принимавший участие в экспедиции, не сообщает нам о численности собранных сил, хотя все-таки отмечает, что на речных баржах, предназначенных для перевозки основной массы продовольствия и припасов, находилось около двадцати тысяч человек. Он также отмечает, что отвлекающие силы насчитывали около тридцати

* Об этой войне см.: Amm. Marcell. XXII. 12. 1—4, а также: Matthews (1989). P. 134—140, Potter (2004). P. 514—520; *Hunt D.* Julian // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 73—77.

тысяч человек, а позднее намекает, что основное войско было лишь незначительно больше. Позднейший источник утверждает, что оно одно насчитывало шестьдесят пять тысяч человек. Это вполне вероятно, тем более что цифра значительно меньше других, очевидно, завышенных показателей, относимых тем же самым автором к другим армиям того времени. Все же следует соблюдать осторожность, цифра наверняка преувеличена или учитывает диверсионные войска. Но можно сказать, не боясь ошибиться, что эта армия, вероятно, была крупнейшей из тех, что в IV веке отправлялись на бой с внешним врагом. У Юлиана полностью отсутствовал опыт руководства даже вдвое меньшими силами. Но уж если на то пошло, подобный опыт отсутствовал и у кого бы то ни было из его офицеров*.

План заключался в том, чтобы застать Шапура врасплох (точно так же действовал и персидский царь в 359 году). Римляне сформировали диверсионную армию под совместным командованием родича матери Юлиана по имени Прокопий и еще одного офицера. При поддержке союзных армян ей предстояло создать угрозу наступления по обычно использовавшейся дороге из Месопотамии. Шапур клюнул на приманку и, возглавив свои основные силы, повел их, чтобы отразить атаку. Затем Юлиан двинулся вниз по Евфрату, поначалу почти не встречая сопротивления. Римляне миновали руины Дура-Европос и памятник императору Гордиану почти без происшествий. Этот регион хорошо снабжался водой из системы ирригационных каналов, благодаря чему земля приносила богатые урожаи. Однако персы сломали дамбы, дабы затопить поля, а там, где не смогли сделать это, сожгли или вывезли урожай, чтобы он не достался врагу. Эта жестокая тактика выжженной

* О тяжелой ситуации с фуражом см.: Amm. Marcell. XXIII. 2. 8; о жертвоприношениях см.: Amm. Marcell. XXII. 12. 1—3, 6—7; об Антиохии см.: Amm. Marcell. XXII. 9. 1—10. 7; о размерах армии см.: Amm. Marcell. XXIII. 3. 5, XXIV. 7. 4, XXV. 7. 2; Zosim. III. 13, а также обсуждение этого вопроса у Мэтьюза: Matthews (1989). P. 166—169.

земли часто использовалась во время римско-персидских войн. Обороняясь в 359 году, римляне действовали аналогично: они опустошили территории, по которым, по их предположениям (ошибочным, как выяснилось впоследствии), предстояло пройти Шапуру. При продвижении вперед людям Юлиана не удавалось добыть достаточно продовольствия и фуража, но на тот момент их нужды удовлетворялись за счет запасов, которые везли на сотнях речных барж.

Последнее означало, что колонне приходилось держаться близ Евфрата; войскам ничего не оставалось, как штурмовать форты и укрепленные города вдоль своего пути. Римляне справлялись с этим быстро, хотя и не без потерь. Юлиан продемонстрировал свое пристрастие к эффектному поведению в ходе одной из осад, атаковав занятую противником стену в сопровождении всего лишь горсточки солдат; его вдохновлял эпизод из истории осады Карфагена, происшедший в 146 году до н.э. Тогда знаменитый римский полководец Сципион Эмилиан (его сопровождал греческий историк Полибий) возглавил кучку людей, прорвавшихся сквозь вражеские ворота. Однако Юлиана и его людей враги отбросили назад. Вероятно, солдат воодушевил пример командующего, не побоявшегося рискнуть, поскольку вряд ли многие из них слышали о Сципионе. Правда, многие офицеры были лучше осведомлены о подобных исторических случаях, и император вполне мог удовлетвориться впечатлением, произведенным на этих людей. Однако в целом Юлианом, по-видимому, руководило желание соответствовать идеалу великого полководца и ощутить непосредственную связь со славными событиями прошлого. Такое поведение влекло за собой опасности для любого императора, и в особенности для того, у кого не было наследников. Зачастую трудно бывает разграничить храбрость и безрассудство, но оправдания такому риску найти практически невозможно. Несомненно, мысль о собственном предназначении заста-

Карта № 5. Персидская экспедиция Юлиана
Аната
Тилута
Ахайякала
МЕСОПОТАМИЯ
Дура
Харха
Сумер
Фригия
(место смерти Юлиана в июне 363 года)
Хукумбра
Дицла
Тигр
Сасанидская система каналов
Диакира
Евфрат
Возвышенности. 42—48 м
Мацерпакта
канал Саклавия
канал Траяна
Фиссения
Селевкия
Бесухис
Ктесифон
Сиппар
канал Радвания
канал Наармалха
Продвижение армии Юлиана
Руины римского периода
Канал
Местности, расположенные ниже уровня моря более чем на 100 м
Диакира
Название приводится так, как оно дано в греко-римских источниках
0
60 км
0
40 мили

вила его уверовать в то, что ему не страшны никакие опасности*.

Близ другого укрепленного пункта Юлиан отправился с небольшой группой офицеров, чтобы лично осмотреть стены, и попал в засаду. Несколько персов бросились на него, обратив внимание на его особую одежду. Юлиану удалось зарубить одного из них, с другими быстро разобрались его телохранители, но момент был опасный. Когда крепость взяли, Юлиан, с превеликим удовольствием подражая Александру и великому римскому полководцу Сципиону Африканскому (в результате усыновления ставшему дедом Сципиона Эмилиана)**, отнесся с большим уважением к женщинам из аристократических фамилий. Чтобы показать, что он не желает подвергнуться искушению, узрев их красоту, Юлиан отказался даже смотреть на них. В отличие от знаменитостей прошлого, которым он подражал, он не слишком жалел об этом, поскольку секс, судя по всему, играл для него весьма незначительную роль. После смерти жены (их единственный ребенок также умер) он не пытался вступить в повторный брак, хотя создание династии влекло за собой ряд преимуществ***.

Всего через месяц армия достигла столицы Персии — Ктесифона (для такой мощной армии срок небольшой). И все-таки римляне двигались недостаточно быстро. Первоначальная цель вторжения доподлинно неизвестна — не исключено, ее недостаточно четко осознавал и сам Юлиан. Ктесифон представлял собой очень большой, превосходно укрепленный город. В обозе у римлян было недостаточно

---

* См.: Amm. Marcell. XXIV. 2. 15—17; см. также обсуждение вопроса в книге Дж. Лендона: *Lendon J.E.* Soldiers and Ghosts. A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London, 2005. P. 290—309.

** Имеется в виду, что Сципион Эмилиан был усыновлен сыном Сципиона Африканского и стал, таким образом, его внуком. — *Примеч. пер.*

*** См.: Amm. Marcell. XXIV. 4. 1—5; о сюжетах, связанных со Сципионом Африканским и Александром, см. у Полибия: X. 18. 1—19. 7, Ливия (XXVI. 49. 11—50. 14) и Плутарха (Alex. 21).

осадных машин для полномасштабной осады. В любом случае это заняло бы немало времени и создало бы значительные проблемы с обеспечением армии продовольствием, поскольку не удалось захватить его у врага в достаточном количестве. Что еще хуже, Шапур к этому моменту понял, что его перехитрили — наверняка диверсионные силы не проявляли достаточной активности, — и приближался к городу во главе значительной части персидских войск. Осада обещала быть долгой и трудной, и Юлиан быстро принял решение отказаться от нее.

Возможно, взятие Ктесифона не входило в планы римлян: они могли рассчитывать только на то, чтобы проникнуть в город тайно или принудить жителей сдаться. С другой стороны, римляне, наверное, просто недооценивали масштаб задачи, хотя это явилось бы серьезным упущением, учитывая, что они, пусть и по воспоминаниям, сохранившимся от давних кампаний, хорошо представляли себе мощь городских укреплений. Стоит учесть, что в основном военный опыт Юлиана проистекал из операций, проводившихся им близ Рейна. Там римляне время от времени быстро вторгались на вражескую территорию, жгли деревни и посевы, угоняли скот и, если им хотелось произвести сильное впечатление на противника, убивали или захватывали в плен население. Потрясенные столь ужасными нападениями, местные царьки, как правило, просили мира; в противном случае все повторялось. В ситуации гражданской войны Юлиану принесло успех быстрое проникновение в глубь территории Констанция, хотя главной его причиной, вероятно, стала пришедшаяся чрезвычайно кстати смерть императора. Сама собой напрашивается мысль, что Юлиан мыслил свою персидскую экспедицию во многом аналогично: неожиданное вторжение в глубь вражеской территории, захват поселений, опустошение земель и победы надо всеми войсками, которые встретятся на его пути. Когда персы убедятся, что их царь не может защитить страну, Шапуру придется просить мира и принять условия римлян. Юлиан на-

деялся, вероятно, вызвать у персов столь сильный шок, который мог привести к свержению царя и замене на его же родича, долгие годы прожившего в изгнании, у римлян.

Если Юлиан планировал события таким образом, то он допустил ряд серьезных просчетов. По масштабу действия римлян значительно превышали карательные экспедиции за Рейн — в отношении как численности войск, так и расстояний, которые они преодолевали. Также не было никаких оснований полагать, что персы в соответствии со сценарием потерпят крах в результате натиска врага. Шапур являлся сильным правителем, обладавшим всей полнотой власти и широкими возможностями для ведения войны, а не каким-то жалким вождем племени. Потребовались бы значительные усилия, чтобы сломить его волю или поднять подданных против него. Юлиан почувствовал, что не сумеет взять Ктесифон. Продвинуться дальше он не мог: он рисковал потерять все свои войска; оставаясь же на месте, не мог добывать продовольствие. В итоге Юлиан решил отступить; при этом он предпочел не вести армию обратно по опустошенным землям, а следовать вдоль берега Тигра. Рассказывают, что его ввели в заблуждение персы, притворявшиеся дезертирами. Прежде чем император изменил свое решение, большинство барж, везших продовольствие, было уничтожено согласно приказу. Их трудно было бы везти по Тигру против течения, но даже в этом случае данный шаг произвел мрачное впечатление на римских солдат, оказавшихся в глубине вражеской территории. Добыча фуража на новой дороге также оказалась нелегким делом. К тому моменту туда прибыла значительная часть армии Шапура, и персы начали тревожить римскую колонну. Люди Юлиана смогли уничтожить авангард персов, но были не в состоянии дать основным силам Шапура решающий бой. Ситуация приняла отчаянный характер и продолжала усугубляться*.

* Источники по этой кампании в целом см.: Dodgeon & Lieu (1991). P. 231—274.

26 июня 363 года, во время очередной атаки на авангард римлян, Юлиан бросился на место сражения, не позаботившись о том, чтобы надеть доспехи. В суматохе, в облаке поднявшейся пыли, он обогнал свою охрану. Дротик пронзил его; пытаясь вытащить острие, он поранил себе руку. Наиболее вероятно, что нападавший был сарацином, сражавшимся на стороне персов, но это не остановило слух о том, что его убил римлянин — либо возмущенный безвыходным положением, в которое вверг его император, либо христианин, ненавидевший его как язычника. Юлиана отнесли в его палатку, где он скончался через несколько часов. Сообщают, что он оставался в полном сознании, хранил спокойствие и спорил с философами на сложные, глубокие темы до самого конца. Ни один из источников не упоминает о том, что он старался дать военачальникам советы относительно дальнейших действий. Истории, вероятно, являются плодом вымысла — ведь именно так должен умирать философ — но звучат они правдоподобно. Юлиан, несомненно, был занят исключительно собой*.

Впоследствии было объявлено, что Юлиан провозгласил своим наследником Прокопия. Однако, учитывая, что через два года тот предпринял попытку (полностью провалившуюся) захватить власть, это могло не соответствовать действительности. Он не присутствовал на месте происшествия, и высшие офицеры и чиновники понимали, что должны выбрать кого-то из числа участников экспедиции. Императору было бы куда удобнее вести переговоры с персами напрямую, поскольку те с недоверием отнеслись бы к любому соглашению, которое имело шансы быть отвергнуто новым правителем, находящимся в безопасности на территории империи. Первый из кандидатов отказался, ссылаясь на преклонный возраст. Тогда несколько офицеров помоложе провозгласили императором одного из своей среды. Его звали Иовиан, и сходство его имени с именем «Юлиан» (по-ла-

* О персидской кампании см.: Matthews (1989). P. 130—179; о гибели Юлиана см.: Amm. Marcell. XXV. 3. 1—23, ср.: Potter (2004). P. 518; Lenski (2002). P. 14 (по поводу даты).

тыни — Jovianus и Julianus) вначале породило слухи о том, что последний выздоровел. Иовиан быстро сумел завоевать настолько большой авторитет, что его признала вся армия. Он был куда выше ростом, чем коротышка Юлиан, так что для него не удалось найти пурпурного плаща нужной длины. Ничего удивительного: ведь тем, кто держал у себя материю, хотя бы отдаленно напоминающую об императорских регалиях, грозили арест и казнь*.

Иовиан и армия оказались в трудных условиях. Любой император — в особенности тот, кто не имел прочных связей с утвердившейся на троне династией — должен был поспешить в центральные районы империи, дабы предотвратить появление соперников. К счастью, Шапур согласился вступить в переговоры. Попытка уничтожить римскую армию заняла бы много времени, при этом его лучшие войска понесли бы тяжелые потери. Куда выгоднее было вести переговоры с позиции силы. Ему удалось добиться от римлян значительных уступок. Часть территорий, отобранных у Персии Галерием, возвращались ей. Вместе с ними персы получали города Сингару и Нисибис, которые прежде трижды не смогли взять. Наконец, Иовиан дал согласие не вводить войска в Армению и не оказывать ей поддержки против персов. Офицеры вроде Аммиана считали условия мира унизительными для римлян; наибольшую ярость у них вызвало зрелище персидского флага над Нисибисом. Но с точки зрения Иовиана, вероятно, уступки казались необходимостью. Ситуация, в которой он принял власть, была катастрофической, и он по крайней мере сумел спасти армию и самого себя. Большинство императоров беспокоились прежде всего о собственном выживании**.

---

* См.: Amm. Marcell. XXV. 5. 1—8; о возвышении Иовиана см.: Matthews (1989). P. 180—184, Lenski (2002). P. 14—20.

** Amm. Marcell. XXV. 7. 1—14, 9. 1—13 Lenski (2002). P. 160—161; тексты из Аммиана Марцеллина и других источников о римско-персидском договоре собраны в книге: *Greatrex G., Lieu S.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part 2 ad 363—630. London; New York, 2002. P. 1—9.

Правительство и религия

Главным «результатом» правления Юлиана стал переход части римских территорий к Персии. Взойдя на престол, он провозгласил свободу совести по всей империи, но было понятно, что поддержку получат лишь несколько религий. Ограничения, наложенные на жертвоприношения и другие языческие ритуалы Константином и его сыновьями, были сняты. То же произошло с привилегиями, дарованными христианским священникам; так, ранее они могли не исполнять весьма обременительные общественные обязанности — например, не служить городскими магистратами. Также епископам теперь не разрешалось во время путешествия пользоваться имперскими почтовыми лошадями. Изгнанным по обвинению в ереси разрешили вернуться, хотя непонятно, восстановили ли епископов и других иерархов на их прежних постах. Юлиан сознательно поощрял многих христиан к ревностному участию в ожесточенных внутренних дебатах. Так как в 70 году Иерусалимский храм был разрушен (что, согласно евангелиям, предсказывал Иисус), Юлиан повелел отстроить его заново. Многие представители иудейской общины пребывали в сомнениях (вполне понятных): стоит ли с доверием отнестись к властям империи, от которых в прошлом они претерпевали такие гонения? Тем не менее некоторые ее лидеры одобрили решение Юлиана. Но работа над проектом вскоре прервалась. Даже язычник Аммиан Марцеллин рассказывает историю об огненных шарах, таинственным образом вырвавшихся из-под земли и напугавших рабочих, так что те бежали прочь*.

Юлиан пытался создать церковь, которая имела бы четкую структуру (слово «церковь» вполне подходит, поскольку его проект носил очевидные следы христианского влияния). В каждую область назначались жрецы. Их роль и действия

* См.: Lenski (2002). P. 214—217; по поводу Иерусалима см.: Amm. Marcell. XXIII. 1. 1—3.

должны были иметь очевидное сходство с ролью и действиями христианских епископов. Юлиан чувствовал, что язычникам пришелся по душе энтузиазм в делах благотворительности, проявлявшийся христианами, и его жрецам вменялась в обязанность забота о бедняках. Задуманную систему частично успели создать. Были сделаны соответствующие назначения, и население городов ликовало (если, конечно, жители принимали новую систему). Однако сохранилось мало свидетельств того, что Юлианову версию язычества восприняли с энтузиазмом: она осталась по сути своей личной верой императора, верой умного человека, согласно которой ученость, мудрость и дисциплинированный характер должны были снискать благоволение богов. Менее всего в христианстве Юлиану нравилось обещание спасения для всех и каждого. В «Цезаре» Константина отвергают все божества, пока он наконец не прибегает к Иисусу, который возглашает:

> *«Он, соблазнитель, он, убийца, он, клятвопреступник и святотатец, — пусть он приблизится без страха! Ибо этой водой я омою его и очищу его в сей же миг. И хотя бы он во второй раз совершил все эти прегрешения, пусть он только начнет [в покаянии] поражать себя в грудь и бить по голове — и я очищу его вновь»**.

Здесь, несомненно, различимо чувство горечи, испытанное человеком, чью семью вырезал его благочестивый дядюшка-христианин. Все должно быть наоборот: боги должны вознаграждать обладателей истинной добродетели, а не расточать свои милости злодеям за покаяние. Эмоции, с точки зрения Юлиана, не играют здесь значительной роли.

Формально Юлиан не преследовал христиан, или «галилеян», как он их называл. Некоторые погибли в результате

* Iulian. Caes. 336 a — b.

волнений, вызванных его эдиктами, по вине разбушевавшихся толп язычников или своих же единоверцев в ходе борьбы между группировками. Прямые запреты «не сработали» в прошлом, и ничто не указывало на то, что они окажутся эффективны теперь, когда церковь приобрела официальный статус. Юлиан повел дело более тонко. Одной из мер, вызывавших наиболее сильную критику даже со стороны симпатизировавших императору язычников вроде Аммиана, стал запрет преподавателям-христианам учить риторике и классической литературе в общественных учебных заведениях. Объяснялось это тем, что никто не может адекватно преподавать Гомера или другие великие произведения, если сам не верит в олимпийских богов, деяния которых там описаны (кроме неоплатоников, подобные идеи разделяли далеко не все философы). Многие чувствовали, что с учителями-христианами поступили несправедливо: после того как они преподавали много лет, им предстояло отречься или покинуть свои посты. Так как традиционное классическое образование играло существенную роль для любой карьеры на государственной службе, цель Юлиана состояла в том, чтобы заставить честолюбивых христиан воспитывать детей как язычников*.

После смерти Юлиана недавно учрежденная им государственная религия была быстро упразднена. Запрет христианам преподавать отменили; священникам возвратили большинство прежних привилегий. Что касается религиозных споров, терзавших церковь еще со времен Константина, то покончить с ними было нелегким делом. Донатисты в Африке по-прежнему отказывались признать ортодоксальную католическую церковь; борьба приняла социальный характер и временами становилась достаточно ожесточенной. Если смотреть шире, то многие отвергли Символ Веры, принятый на Никейском соборе, декларировавший равенство трех лиц Троицы. Констанций II принял точку зрения,

* Amm. Marcell. XXII. 10. 7, а также: Bowersock (1978). P. 70—71, 79—93, Potter (2004). P. 508—514; Fowden (1998). P. 543—548.

весьма близкую воззрениям ариан, и продвигал на епископские должности в подвластных ему провинциях тех, кто их разделял. Некоторые исповедовали противоположное: они верили, что Бог-отец, Иисус и Дух Святой подобны друг другу, но не идентичны по сути. Конкретное понимание этого вопроса и многих других также весьма различалось, в результате чего возник целый ряд сект.

Ряд христиан формально отвергли мирские соблазны, решили вести целомудренную жизнь и соблюдать умеренность. Первые монашеские общины появились в Египте, но идея быстро распространилась. Аскеты стяжали великую славу благодаря чрезвычайно скромному образу жизни. Такие люди широко почитались, о них много писали, но они всегда оставались незначительным меньшинством в христианской общине. Подавляющее большинство христиан женились, растили детей и, когда выдавалась возможность и если позволяло социальное положение, занимались коммерцией или принимали участие в общественной жизни. Существует распространенное мнение, будто христианство оставалось по преимуществу религией горожан, а сельское население в течение жизни многих поколений придерживалось старых верований. Английское слово pagan (язычник) происходит от латинского paganus: так именовали тех, кто жил в селах (пагах). К несчастью, мы знаем так мало о религиозной жизни в сельской местности, что это остается весьма условным. Слово paganus обычно употреблялось с уничижительным оттенком (означая что-то вроде «деревенщины» или «мужлана») и могло просто отражать распространенное среди горожан мнение, будто сельские жители — люди «темные» и отсталые*.

* См.: *Chadwick H.* Orthodoxy and Heresy from the Death of Constantine to the Eve of the First Council of Ephesus // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 561—600 (о церкви в целом). О непростой карьере непокорного александрийского епископа см.: *Barnes T.* Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge (Mass.), 1993; о монашестве см.: *Brown P.R.L.* The Rise and Function of

Иовиан, исповедовавший христианство, быстро отказался от религиозной политики Юлиана. Подобные проблемы мало волновали его, имевшего иные приоритеты: он хотел укрепить свое положение и минимизировать ущерб, который понес его престиж в результате передачи земель персам. Имперская пропаганда провозгласила, что мирный договор — величайший успех Рима. Ряд проблем, связанных с возвышением Иовиана, возник в Галлии, когда новости о случившемся достигли этих мест, хотя волнения не вылились в открытое противостояние императору. Проведя какое-то время в Антиохии, Иовиан отправился в Константинополь. Однако ему не суждено было вступить в город. В начале 364 года его нашли мертвым в собственной комнате; причиной смерти стал дым от жаровни и плохая вентиляция. Что касается Аммиана, он подозревал, что произошло убийство, но официально объявленная версия — «смерть от удушья в результате несчастного случая» — не встретила возражений. Сын императора был еще младенцем — за несколько недель до случившегося он ревел во всю глотку во время парада в Анкире — а другого наследника Иовиан не оставил. Теперь, когда война прекратилась, чиновники и армейские офицеры могли не спешить с выборами нового правителя. В конце концов они избрали офицера по имени Валентиниан и официально провозгласили его августом 26 февраля 364 года*.

Приветствуя нового императора на параде, солдаты также потребовали, чтобы он назначил соправителя: смерть двух властителей в течение года вызвала желание большей стабильности. Вопреки совету одного из магистров войска (magister militum): «Если ты, о лучший из императоров, лю-

---

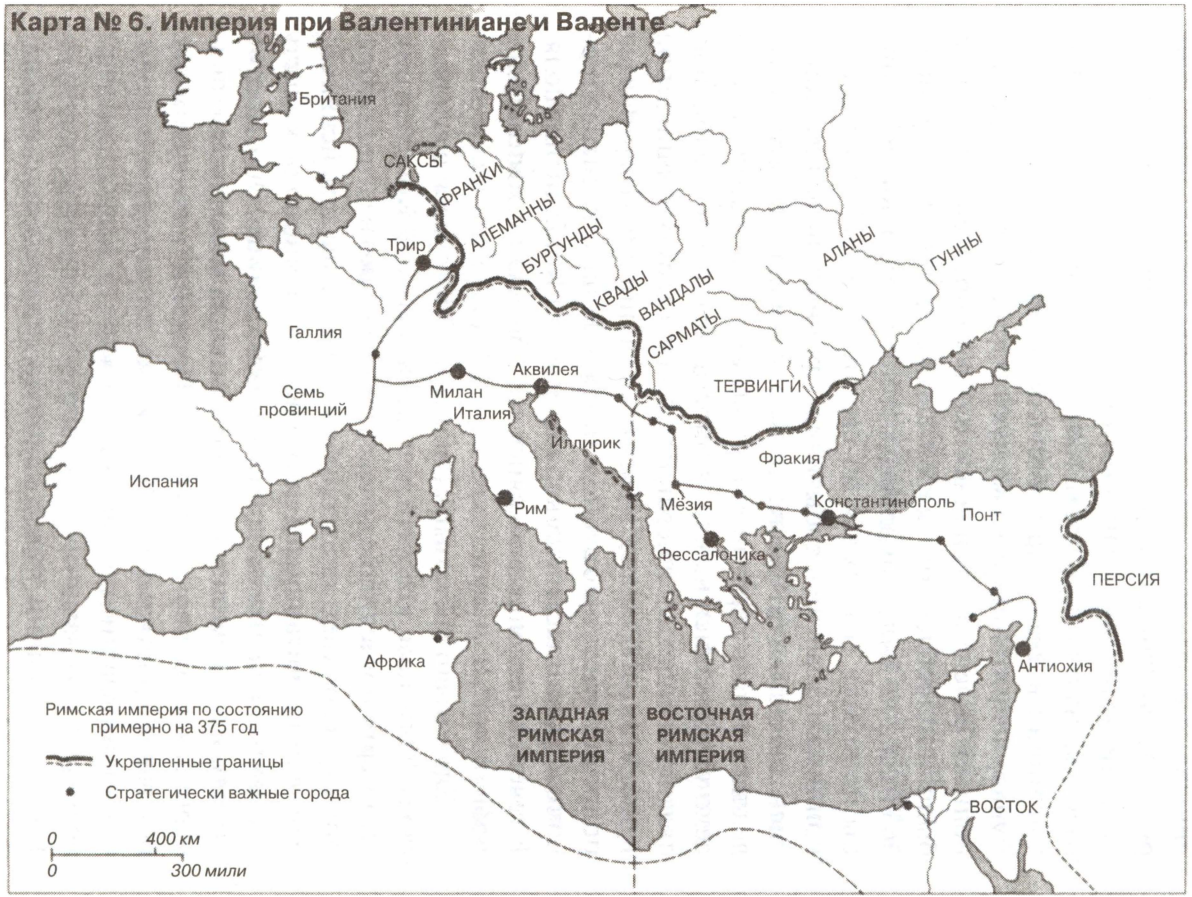
the Holy Man in Late Antiquity // Journal of Roman Studies. Vol. 61. 1971. P. 80—101, *idem*. Asceticism: Pagan and Christian // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 601—631; *idem*. Christianization and Religious Conflict // Ibid. P. 632—664, особ. см. р. 639 (дискуссия по поводу происхождения слова «язычник»).

* Amm. Marcell. XXV. 11. 1—13. 1, а также: Lenski (2002). P. 20—22.

бишь своих родичей, то избери своего брата; если ты любишь государство, то облеки в императорскую мантию кого-нибудь другого», — Валентиниан выбрал своего младшего брата Валента и нарек его равным себе августом. Они поделили империю между собой. Старший брат забрал себе львиную долю — примерно две трети всех территорий, — а под власть младшего перешли земли на востоке. Братья были представителями местной знати из Иллирии и продолжали традиции императоров с Балкан, правивших в III—IV веках. До своего возвышения Валент служил недолго и не сделал выдающейся карьеры. Оба брата исповедовали христианство. Валентиниан поддерживал церковь на территориях, находившихся под его властью, и, по-видимому, не слишком интересовался вопросами вероучения. Он проявлял терпимость и к язычникам, издал законы лишь против некоторых религиозных практик и подверг осуждению горстку христианских сект. Валент был ревностным поборником арианства и продолжал политику Констанция II. Арианство получило более широкое распространение в восточных провинциях, нежели в западных, хотя и там не было принято повсеместно. На практике Валент, как и любой другой император на его месте, принимал на военную и штатскую службу немало тех, кто не был арианином, а также язычников*.

Новые императоры много воевали. Одной из стоявших при этом перед ними целей было стяжать славу, что должно было укрепить их позиции на троне. Они поделили между собой comitatenses; многие отдельные отряды подверглись разделению надвое, получив соответственно наименования seniores («старшие») и juniores («младшие»). Сами наименования использовались и прежде, но большинство исследователей полагают, что основная часть отрядов с такими названиями была создана именно тогда. По крайней мере в течение какого-то времени в таких соединениях не хватало

* Amm. Marcell. XXVI. 4. 1, а также: Lenski (2002). P. 14—45.

Карта № 6. Империя при Валентиниане и Валенте
Британия
САКСЫ
ФРАНКИ
АЛЕМАННЫ
БУРГУНДЫ
КВАДЫ
ВАНДАЛЫ
САРМАТЫ
АЛАНЫ
ГУННЫ
Трир
Галлия
Семь провинций
Испания
Аквилея
Милан
Италия
Иллирик
ТЕРВИНГИ
Фракия
Мёзия
Рим
Константинополь
Понт
Фессалоника
ПЕРСИЯ
Африка
Антиохия
ЗАПАДНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
ВОСТОК
Римская империя по состоянию примерно на 375 год
Укрепленные границы
Стратегически важные города
0 400 км
0 300 мили

личного состава, пока его не пополнили за счет новых рекрутов. Увеличение количества соединений также привело к появлению новых командных постов для офицеров, что давало удачную возможность награждения сторонников. Валентиниан воевал в приграничных областях близ Рейна и Дуная, в Британию и Северную Африку отправил подчиненных. Валент в течение всего своего правления то и дело был занят проблемами на границах с Персией. Хотя договор 363 года и не был формально расторгнут, стороны-соперницы понимали его каждая по-своему. Римляне продолжали принимать участие в событиях в Армении, персы же боролись за власть над Армянским царством и по-прежнему надеялись занять территории, отнятые у них Галерием. То и дело устраивались набеги, а иногда возникали и серьезные столкновения, хотя и неравные по масштабу операциям при Констанции и Юлиане. Находясь в Сирии в 365 году, Валент получил известие о крупном мятеже. Родича Юлиана Прокопия провозгласили императором близ Константинополя. В течение нескольких месяцев его признали и жители ряда провинций*.

Единственный козырь Прокопия заключался в его родстве с Юлианом, который приходился родней Константину. По смерти последнего он исчез на несколько недель, а затем покинул свое убежище и прибрал к рукам два армейских соединения, двигавшихся мимо Константинополя к месту своего назначения на придунайской границе. Он отрастил бороду, и в таком виде его изображали на монетах. Но, подчеркивая сходство с Юлианом, Прокопий, по-видимому, оставался христианином. Очевидно, на тот момент люди, искавшие власти, не имели возможности воспользоваться возмущением язычников — оно попросту отсутствовало. Начало узурпации имело какой-то нелепый вид: императорская мантия, в которую облачился Прокопий, была са-

* Источники о трениях между Римом и Персией см. в книге: Greatrex & Lieu (2002). P. 10—16.

модельной, происходящее выглядело почти комично. Но удача сопутствовала ему; все больше и больше войск приходило под его знамена. Когда до Валентиниана дошли сведения о мятеже, он даже не знал, жив его брат или умер. Он участвовал в кампании на Рейне и решил не вмешиваться, объявил, что «Прокопий всего лишь его враг и враг его брата, тогда как алеманны — враги всего римского мира». Через восемь месяцев Валенту удалось сокрушить врага. Прокопий бежал, но собственные офицеры выдали его, и он был обезглавлен*.

Начав свой мятеж с горсткой сторонников, Прокопий постепенно собрал по частям армию из проходивших мимо частей. Все это были войска Валента. Кажется маловероятным, что его войска достигли численности десять тысяч человек или даже больше. В результате большая часть его воинов опять-таки перешла на сторону Валента. Но, даже располагая столь скромными силами, Прокопий едва не сместил последнего. То было еще одно свидетельство ненадежности положения императора. Солдат и чиновников противника часто можно было склонить на свою сторону. В случае с Прокопием возник эффект снежного кома: первоначальный успех побудил присоединиться к нему еще больше войск. Если узурпатор завоевывал господство в той или иной местности, это создавало опасность для тех военных и штатских, кто отказывался поддержать его. Быть на стороне победителя всегда выгоднее, чем на стороне побежденного, и где бы ни возникал конфликт, люди всегда начинали гадать, чья победа более вероятна, и действовали соответственно. Как и в случае других узурпаций, за восстанием Прокопия последовало немало отставок и казней, равно как и возвышений тех, кто снискал благоволение императора — зачастую благодаря тому, что вовремя покинул мятежника**.

---

* Amm. Marcell. XXVI. 5. 13; о восстании в целом см. дискуссию в работах: Lenski (2002). P. 68—115, Matthews (1989). P. 193—203.

** Lenski (2002). P. 104—109.

Императоры наряжались в эффектные разукрашенные одежды, напоминавшие военную форму. Их представители носили более скромное платье, которое тем не менее напоминало о вверенной им власти и их связи с властителем империи. Незначительные различия в цвете и отделке туники, головного убора, платья и даже обуви имели важное значение, так как отражали иерархию должностей. Раздувание бюрократического аппарата привело к появлению большего количества постов, назначения на которые могли послужить наградами для сторонников. Это также означало, что многие могли представлять императорскую власть, где бы они ни находились. Законодательство позволяло им зачастую брать больше, чем требовалось для блага государства. В смутные времена подобные злоупотребления, вероятно, делались еще более частым явлением*.

В годы правления Валента несколько разбойников в Сирии выдали себя за государственного казначея и его охрану. Замаскировавшись таким образом, они вошли в город в конце дня и открыто заняли дом видного аристократа, объявив, что он осужден императором. Они разграбили дом и перебили всех оказавших сопротивление слуг, а затем еще до рассвета группа покинула город. Беспардонные действия налетчиков свидетельствуют о повсеместном уважении к представителям императора и страхе перед ними. Что до шайки, о которой мы упомянули, то какое-то время ее дела шли успешно; бандиты жили в роскоши. В конце концов императорские войска нашли их и перебили всех, включая их сыновей, дабы те не выросли разбойниками**.

Такие махинации с использованием атрибутов императорской власти были исключительно редки (хотя и производили большое впечатление). Однако контроль над настоящими чиновниками требовал бесконечных усилий и пред-

* См. *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004, passim, особ. см. P. 20—34.

** Amm. Marcell. XXVIII. 5. 1—7.

ставлял собой чрезвычайно трудную задачу. Занятие той или иной должности позволяло получить соответствующие привилегии. Более высокие посты влекли за собой получение более высокого социального ранга. Практически все они давали освобождение от сопряженных со значительными расходами обязанностей перед теми общинами, откуда происходило должностное лицо. Жалованье платили не слишком большое, по крайней мере на невысоких должностях, но взятки, дававшиеся за одолжения, и плата за услуги служили дополнительным источником дохода (для этого существовало выражение «продавать дым»). Традиции патронажа и взаимных услуг глубоко уходили корнями в греко-римскую историю. Соглашения такого рода не считались коррупцией, если только они не приводили к искажению решений правительства или назначению на пост кандидата, совершенно неспособного к службе. В ряде случаев власти формально признавали и одобряли взяточничество. Надпись, найденная на стене здания городского управления в Тимгаде (Северная Африка) и относящаяся ко времени правления Юлиана, содержит детальные сведения о выплатах, предстоящих обеим сторонам в случае обращения в суд при дворе наместника. Ничто не делалось без точно определенной платы каждому из чиновников, вовлеченных в судебный процесс с самого его начала. Издержки всегда оценивались, если можно так выразиться, в зерновом эквиваленте, хотя непонятно, выплачивали ли их на самом деле зерном или деньгами. Расходы возрастали, если чиновникам приходилось отправляться в поездку (каким бы ни было расстояние) — к примеру, для того, чтобы отвезти повестку. Ведение дел обходилось недешево — впрочем, очевидно, что это замечание справедливо для всех эпох, пусть даже способ оплаты изменился*.

---

* См.: Kelly (2004). P. 36—44, 64—104, 107, 138—143 о надписи из Тимгады; особо критическую точку зрения на систему управления в тот период см. в книге Р. Макмаллена: *MacMullen R.* Corruption and the Decline of Rome. New Haven, 1988. P. 137—170.

Ни один император не мог знать всех своих чиновников и уже тем более следить за всеми их действиями. Они могли отклоняться от правил или даже вовсе их нарушать, а императору это так и не становилось известно. В связи с этим дополнительно назначались чиновники, основная задача которых состояла в том, чтобы наблюдать за действиями коллег и доносить о них. Главную роль среди них играли так называемые агенты (agentes in rebus); сходную задачу зачастую также выполняли старшие секретари (notarii). Ни те, ни другие не пользовались популярностью ни у других чиновников, ни у широкой публики — в особенности у богатых и известных людей, которые могли ожидать проверки в первую очередь. В основном императоры относились к ним хорошо, так как считали, что те помогают им более эффективно контролировать их же администрацию. Констанций II значительно увеличил их численность, в особенности за счет агентов. Юлиан уволил многих из них, предав гласности этот шаг, но после его смерти их численность вновь быстро выросла. Подобные представители власти могли расследовать конкретную проблему и сообщить о результатах непосредственно императору. В лучшем случае это давало ему точную информацию о проблемах, возникших на отдаленных территориях, и позволяло вынести компетентное решение. Предполагалось, что информация агентов будет адекватной. Но здесь неизбежно возникала возможность ошибки, равно как и намеренного обмана*.

В 360-х годах земли вокруг Лептис-Магна — родного города Септимия Севера — постоянно подвергались нападениям со стороны кочевых племен, обитавших за границей. В результате городские власти казнили одного из представителей племенной знати, обвинив его в разбоях. Городские магистраты обратились за помощью к командующему местными военными силами (comes) по имени Роман. По-

* Kelly (2004). P. 207, MacMullen (1988). P. 149—150, *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 126—130, 396—401.

следний собрал несколько отрядов comitatenses, а затем потребовал четыре тысячи верблюдов, а также фураж и пищу для воинов у городских властей. Общины обычно помогали войскам в деле обеспечения их тягловым скотом и пищей, но размер требуемой помощи был необычайно велик. Маловероятно, что городские жители могли немедленно предоставить столько животных или что войско Романа действительно нуждалось в них. Вероятно, он хотел извлечь некоторую выгоду для себя — либо продать основную часть верблюдов, либо получить взятку в качестве компенсации того, что недодадут ему городские власти. Магистраты Лептис-Магна наотрез отказались выполнить его требования, так что Роман подождал с месяц и затем распустил армию, оставив город на произвол судьбы. Набеги продолжались. Как обычно, они, по-видимому, были не слишком масштабными, и сельскохозяйственные угодья близ города скорее несли урон, нежели уничтожались. Однако жители Лептис-Магна возмущались, видя, что армия не желает их защищать. Группа представителей местной знати отправила посольство к Валентиниану; в конце концов оно получило аудиенцию у императора в Милане. Роман изложил события по-своему, и его родственник — высокопоставленный чиновник при дворе — убедительно представил ее императору.

Поначалу ничего не предпринималось, но когда до двора дошли сведения о новых, более серьезных набегах, Валентиниан решил расследовать дело и дал соответствующее задание служащему по имени Палладий, который и так собирался ехать в Африку, чтобы раздать войскам жалованье. Последнее дело было неотложным: начать следовало с него, а уж потом проводить расследование. Палладий заключил тайные соглашения с командующими дислоцированных в Африке соединений: он удерживал часть платы, причитавшейся воинам — вероятно, принимая рапорты с заниженными показателями численности личного состава в отрядах, — и делил с ними доходы. Когда чиновник наконец

обратился к проблеме набегов, то быстро установил виновность Романа. Однако последний проведал о финансовых махинациях Палладия и начал шантажировать его, дабы тот подделал свой отчет. Вместе они убедили кое-кого из местной знати высказать суждения, отличавшиеся от сведений, сообщенных послами, и отрицать сам факт сколь-либо серьезных набегов. В результате Валентиниана в конце концов информировали, что на командующего в Африке возвели напраслину. Его гнев обратился на послов из Лептис-Магна с их «ложными» обвинениями против должностного лица. Нескольких человек предали смертной казни; то же случилось и с наместником провинции, поддержавшим их версию событий. Остальным послам вырвали языки.

Лишь годы спустя истина все-таки выплыла наружу после восстания африканских племен, вылившегося в конце концов в попытку узурпации. Роман потерял доверие верховной власти, поскольку спровоцировал этот эпизод, и попал под арест. Среди его бумаг нашлось письмо от Палладия, пролившее свет на их тайный сговор. Бывший служащий к тому времени вышел в отставку. Его арестовали, но, находясь ночью в храме во время праздника, он обманул бдительность своих стражей и повесился. Несколько участников посольства скрылись и благодаря этому избежали жестокой кары, на которую их обрекли. Теперь, когда тех, кто поддержал версию Романа и Палладия, разыскали и наказали, они выступили в роли свидетелей*.

Вся эта грязная история продолжалась более десяти лет. Она в полной мере обнажила зависимость императора от его представителей, а также трудности выяснения того, что на самом деле происходило в провинциях. Император знал далеко не обо всем, а рост бюрократии, пожалуй, дополнительно сокращал его кругозор, поскольку вся информация «фильтровалась» и «очищалась», прежде чем доходила до него. Жестокость, с которой отреагировал император — как

* Amm. Marcell. XXVIII. 6. 1—30.

в случае с послами и их сторонниками, так и в конечном итоге с заговорщиками, когда все открылось, — была типичной для IV века; она свидетельствовала о том, что римский мир очень изменился по сравнению со временами Ранней империи. В I и II веках общины в провинции могли привлечь непопулярных наместников к суду по истечении срока их полномочий. Они могли выиграть или проиграть дело (нескольких предшественников Плиния Младшего в Вифинии признали виновными), и исход процесса мог быть справедливым или несправедливым, но в худшем случае неудача для них оборачивалась лишь потерей денег и сил. Никого не казнили и не лишали языка, если дело оказывалось проиграно*.

Скандал, связанный с делом Романа, был исключительным событием. Коррупция такого масштаба не затрагивала всю администрацию империи, и в конечном итоге процесс, как и следовало, закончился арестом заговорщиков. Но многие современные исследователи, подогреваемые непреходящим желанием представить империю IV века в наиболее выгодном свете, слишком охотно отмахиваются от этого эпизода. Он ясно показывает, что́ бывало возможно в те времена, и хотя справедливо было бы заметить, что поведение, которое с современной точки зрения следует оценить как коррупцию, для римлян было вполне приемлемым — просто Роман и Палладий зашли слишком далеко. И главное, что явствует из него, — это то, насколько плохо функционировало правительство. Мало того что исходная проблема — набеги разбойников — осталась не разрешена: император не мог даже точно узнать, что же именно произошло**.

---

* *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary. Oxford, 1966. P. 80—82, 525—528.

** См., например, обсуждение данного вопроса в книге: *Heather P.J.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 103—110, где это рассматривается скорее как общий результат низкого уровня развития средств связи в Древнем мире, нежели как особенностей системы управления IV столетия.

Система управления соответствовала почти всем требованиям императоров. Она позволяла использовать значительные ресурсы для обеспечения армии. Ее сложная структура и распределение ответственности также обеспечивали им защиту от узурпаторов. Сама бюрократия неуклонно приближалась к тому, чтобы зажить собственной жизнью. Ведомства могли бороться между собой за власть, но их размеры редко сокращались на долгое время. Чиновники делали карьеру, чтобы сколотить состояние, добиться престижа, почестей и привилегий. Эффективное управление империей представляло собой слишком туманную цель как для отдельных чиновников, так и для ведомств. Учитывая свойства человеческой натуры, следует признать, что подобная цель отстояла слишком далеко от более насущных стремлений официальных лиц: Правительство империи более или менее справлялось с тем, что требовалось от него изо дня в день в деле управления страной. В последние годы правления Валента, когда возникла необходимость совладать с ситуацией кризиса, он показал себя в куда менее выгодном свете.

Глава тринадцатая

ГОТЫ

Высоко поднявшееся солнце... палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась... Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, некоторые гибли от удара своих товарищей... Император, находившийся среди простых солдат, как можно было предполагать — никто не подтверждал, что сам это видел или был при том, — пал, опасно раненный стрелой, и вскоре испустил дух; во всяком случае, труп его так и не был найден.

Рассказ Аммиана Марцеллина
*о катастрофе при Адрианополе**

17 ноября 375 года император Валентиниан находился в верховьях Дуная, где принимал делегацию старейшин племени квадов — давних противников Марка Аврелия, недавно совершивших набег на римские провинции Верхняя и Нижняя Паннония. Кампании Валентиниана всегда были ориентированы и на использование силы, и — в равной, если не в большей мере — на дипломатию. Он был известен как человек вспыльчивый — настолько, что вспыльчивость его выходила за рамки сложившегося в IV веке устойчивого образа гневливого и малообразованного иллирийца. Когда вожди племен заявили, что набеги совершали отряды иноземцев без их согласия и что по этой причине строительство новых укреплений римлянами — настоящая провокация, императора охватила ярость от такой наглости. Он заговорил, но посреди его возмущенной речи его хватил удар, и он скончался. Ему было пятьдесят четыре года**.

---

* Amm. Marc. XXXI. 13. 10—12 (в русском издании — XXXI. 13. 7—13. Пер. А.И. Сонни и Ю.А. Кулаковского). — *Примеч. пер.*

** Amm. Marc. XXX. 6. 1—6.

Несколькими годами ранее Валентиниан даровал титул августа своему старшему сыну Грациану. Теперь юноше исполнилось шестнадцать лет; отец оставил его в Трире. Младшему брату, Валентиниану II, было всего четыре года, но войска и чиновники на Дунае немедленно провозгласили его августом. Ни Валент, ни Грациан не давали на это санкций, но они не чувствовали себя в силах противиться возвышению этого ребенка. Валентиниан, а благодаря ему и Валент, взошли на трон благодаря влиятельной группе чиновников и армейских офицеров. Царствуя, братья должны были соблюдать осторожность, чтобы эти люди оставались довольны. Примечательно, что ряд наиболее видных чиновников сохранял за собой свои посты много лет — куда дольше, чем это было принято в прошлом (правление Юлиана в особенности ознаменовалось быстрой ротацией кадров на руководящих должностях). Отдельные группировки представителей высшей бюрократии сосредоточивали полноту власти в своих руках на территориях, подвластных обоим императорам. Такие люди не хотели воссоединения административного аппарата под властью одного правителя, не будучи уверены в том, что им вновь удастся монополизировать руководящие должности. Валентиниан и Валент знали, что их династия основана слишком недавно и потому ее положение небезопасно, и вследствие этого им следовало уважать мнение ведущих представителей администрации. В 375 году часть последних решила, что им нужен отдельный императорский двор и возможность править в условиях номинального контроля со стороны Валентиниана II. Их оказалось достаточно много, чтобы вынудить Валента и Грациана пойти на уступки*.

Империя вновь оказалась разделена на три части. Валент по-прежнему контролировал восточные провинции, тогда как к Валентиниану II перешли Италия и Северная Африка.

---

* О господстве крупных чиновников и бюрократов см.: *Potter D.* The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004. P. 533—546.

Формально Иллирик также находился под его властью, но на практике и он, и прочие западные земли контролировались Грацианом. Несмотря на юный возраст, последний с самого начала правления вел активные действия на границе, продолжая начатые отцом карательные экспедиции и переговоры с позиции силы. На тот момент группа чиновников, в чьих руках была сосредоточена власть при императорском дворе, была удовлетворена сложившимся положением, когда императорами стали юноша и младенец, и поддерживала его*.

Мигранты

В 376 году большая группа готов сосредоточилась на дальнем берегу Дуная. То был не отряд, собравшийся для набега: сюда явился весь народ, с женщинами и детьми на телегах. Их называли тервингами, хотя существовали и другие племена, именовавшие себя так. Существовала еще одна большая группа тервингов и в целом по крайней мере полдюжины отдельных групп готов, упоминаемых в наших источниках, — возможно, их было и больше, но сведений о них попросту не сохранилось. Готы, как и алеманны, франки и прочие, оставались чрезвычайно раздробленным народом, расщепленным на племена и другие группы, подчинявшимся множеству королей, вождей и старейшин. В V веке остготы и вестготы добились того, что для них выкроили земли из территории империи, и создали там свои королевства. Свидетельств о том, что эти группы уже существовали в дни Валента под этим или под другими именами, нет. Хотя они фигурируют в более давних описаниях, относящихся к 370-м годам, на памяти следующего поколения ни остготов, ни вестготов уже не было**.

---

* *Lenski N.* The Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD. Berkeley, 2002. P. 14—45, в особенности P. 56—67.

** См. *Heather P.J.* Goths and Romans 332—489. Oxford, 1991. P. 12—18, 84—121, *idem.* The Goths Oxford; Cambridge, 1996. P. 51—93, *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 69—72,

Тервинги отправили вперед послов, прося разрешения Валента вступить на территорию империи. Они хотели поселиться там — желательно во Фракии — и в обмен обещали поставлять рекрутов в имперскую армию. В тот момент император находился в Антиохии, поскольку трения с персами по вопросам контроля над Арменией продолжались, так что его ответ ожидался прийти с опозданием на месяц или более. Прежние его отношения с готами далеко не всегда были безоблачными: напряженность возникла с самого начала его правления. В 365 году на призыв Прокопия откликнулось три тысячи готских воинов (правда, они подошли слишком поздно и их появление не имело значения). Готы объяснили свои действия тем, что считали себя обязанными блюсти старинный договор с Константином, оказывая поддержку любому его родственнику, пусть и дальнему. Трудно сказать, насколько это было искренне. Гражданские войны в империи зачастую сбивали с толку военных предводителей, обитавших вне ее границ. Они также были чрезвычайно падки на деньги, и готы, поспешившие к Прокопию, не исключено, просто чувствовали, что если они помогут узурпатору победить, то он, вероятно, проявит большую щедрость, нежели император*.

Валенту их объяснения не показались правдоподобными, и следующие три лета он провел, воюя на Дунае. Собственно сражений произошло немного, так как готы избегали стычек и прятались в горах. Тем не менее демонстрации силы со стороны римлян оказалось достаточно, дабы вынудить противника пойти на переговоры. Валент встретился с королем тервингов Атанарихом на барке, стоявшей на якоре

Kulikowski M. Rome's Gothic Wars. Baltimore, 2007. P. 43—70; *Burns T.* Barbarians Within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375—425 A.D. Bloomington, 1994, в особенности P. 303—304, n. 117.

* Amm. Marc. XXXI. 3. 8—4. 4; о поддержке в адрес Прокопия см.: Amm. Marc. XXVI. 10. 3, а также: Heather (1991). P. 101—102, 109, 116; Kulikowski (2007). P. 112—118.

посреди Дуная, дабы последний мог соблюсти свою торжественную клятву не ступать на землю империи. Обе стороны выстроили войска (каждая — на своем берегу). Валентиниан однажды уже проводил переговоры на речном судне, но в обоих случаях желание устроить дело таким образом обеспечивало вождям варваров хотя бы частичное равенство с римлянами. Если говорить о традиции, то представители Рима обычно организовывали переговоры так, чтобы ошеломляющее превосходство империи ощущалось в полной мере: они заставляли врага приблизиться и склониться перед возвышением и сомкнутыми рядами легионеров. К концу IV века чаще бывало важнее поскорее заключить мир, нежели настаивать на подобных зрелищах*.

Валент хотел, чтобы готы его не беспокоили, и он мог разобраться с персами, напряжение в отношениях с которыми все усиливалось. Они согласились заключить мир и более не получать субсидий. На первый взгляд для готских вождей это было серьезной неприятностью, но вполне возможно, что в обществе, где одаривание являлось общепринятым, получение чего-либо от другой державы могло рассматриваться как недвусмысленный знак зависимости. Вожди, вероятно, считали случившееся большим успехом. Равным образом запрет любой торговли с переездом через имперскую границу в любом месте, кроме двух оговоренных пунктов, усилил власть готских предводителей, поскольку им было удобно контролировать доступ к этим точкам. Атанарих, не исключено, остался весьма доволен договором 369 года. Как и у Валента, у него, да и у всех готов, возникли другие проблемы**.

Происхождение гуннов окутано тайной, и обсуждение этого вопроса лучше отложить до тех пор, пока мы не рассмотрим историю их нападения на империю. В 376 году римляне лишь смутно подозревали об их существовании;

---

* Amm. Marc. XXVII. 5. 7—10, ср. XXX. 3. 4—6.

** Heather (1991). P. 118—121, Kulikowski (2007). P. 117, Burns (1994). P. 15—19, и Wolfram (1997). P. 64—65.

ходили страшные слухи об их жестокости и поведении, которое с трудом можно было бы назвать человеческим. Они имели отталкивающий, уродливый вид, брили головы и не носили бород. Будучи превосходными наездниками, они едва умели ходить пешком; не возделывали землю, питались молоком и сырым мясом, которое подогревали, засовывая под попоны своих лошадей.

> *«Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии и суеверию <...>».*

Все дошедшие из древних времен стереотипы ожили и повторялись из уст в уста. Однако распространенность подобных историй дает некоторое представление о страхе, который вселяли в жителей империи эти степные кочевники. Опять-таки не следует считать гуннов отдельным единым народом. Они распадались на множество подгрупп и подчинялись разным вождям. Власть королей с течением времени могла усиливаться, но гуннские нападения во второй половине IV века не следует рассматривать как согласованное и организованное вторжение: скорее наблюдалось увеличение масштабов и частоты набегов на соседей, предпринимавшихся ими*.

Появление гуннов оказало влияние на ход внутри- и межплеменной борьбы за власть, создавая новые возможности и вместе с тем угрозы. Местные предводители оказались перед выбором: они могли противостоять гуннским отрядам, появлявшимся с целью набегов, или же искать со-

---

* Amm. Marc. XXXI. 2. 1—12; также цитируется 10—11; см.: *Heather P.J.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 146—153, (1996). P. 97—104.

юза с гуннскими вождями, чтобы получить от этих отрядов поддержку. Действуя подобным образом, некоторые вожди готов смогли нанести поражение своим соперникам и упрочить свою власть. Другие пострадали: они погибли, ушли в изгнание или же подчинились врагам. В результате прихода гуннов на земли близ Черного моря военные действия в этом регионе активизировались. Аланы — по происхождению также степной кочевой народ — первыми испытали их натиск. С течением времени все их предводители либо бежали, либо приняли власть гуннских королей. Следующими стали готы, и вновь повторился тот же сценарий — сопротивление или альянс. Иногда в случае междоусобной борьбы в готской среде обе стороны заручались поддержкой гуннов. Не следует представлять себе события как безнадежное героическое противостояние безжалостным всадникам из степей. Кое-кто из готов быстро договорился с новыми агрессивными соседями и сражался вместе с ними против своих соплеменников*.

Атанарих боролся с гуннами и, потерпев поражение, отступил в горы — точно так же, как в тот раз, когда бежал от Валента. Он решился — по крайней мере тогда — нарушить клятву и искать убежища в империи. Кроме того, еще одна группа тервингов прибыла на Дунай и просила принять ее. В наших источниках упоминаются двое вождей, Алавив и Фритигерн, но очевидно, что их власть не носила неограниченного характера — они просто являлись наиболее сильными и влиятельными предводителями военных отрядов, следовавших с мигрантами. Неверно также представлять себе один большой караван, двигавшийся в сторону империи. Для добывания продовольствия, а также по иным причинам было удобнее, чтобы множество отдельных отрядов двигалось в одном направлении и собралось вместе лишь на переправе близ Дуная. Группу объединяли не слишком тес-

* Amm. Marc. XXXI. 3. 1—8; см. также: Heather (1996). P. 98—102; Kulikowski (2007). P. 124—128; замечание о найме гуннами готов — Amm. Marc. XXXI. 3. 3.

ные связи: кто-то бежал от гуннов или врагов из числа соплеменников, другие же, вероятнее всего, просто хотели жить с большим комфортом на территории империи. Многих воинов манила перспектива вступить в ряды римской армии, а вожди предвкушали карьеру на императорской службе*.

Какова была численность готов, в точности неизвестно. Один поздний и не заслуживающий доверия источник утверждает, что их было двести тысяч, однако весьма вероятно, что цифра сильно завышена. Аммиан Марцеллин просто пишет: народу прибыло столько, что римские воины, находившиеся на границе, не могли всех пересчитать. Согласно выкладкам одного современного специалиста, воинов насчитывалось около десяти тысяч, а с ними было вчетверо — или даже впятеро — больше женщин, детей и стариков. Это предположение выглядит вполне вероятным, однако все же представляет собой не более чем гипотезу. Вполне возможно, что группа была больше или меньше. Равным образом очень трудно оценить соотношение численности взрослых мужчин и всех остальных. Очевидно, что во всей общине, бежавшей от агрессии, должно было быть больше тех, кто не способен носить оружие, нежели в отрядах, явившихся, чтобы поступить на службу. Вскоре после прибытия тервингов на границу римляне узнали о приближении еще одной многочисленной группировки готов и их аналогичной просьбе. Это были грейтунги — они представляли собой опять-таки лишь часть народа, известного под этим именем**.

---

* См. краткие замечания в работе С. Митчелла: *Mitchell S.* A History of the Later Roman Empire ad 284—641. Malden; Oxford, 2007. P. 81—84.

** Amm. Marc. XXXI. 4. 6; Евнапий дает цифру 200 тысяч (fr. 42); обсуждение вопроса см.: Heather (1991). P. 139, Kulikowski. P. 130—131; *Delbrück H.* Barbarian Invasions. History of the Art of War, II / Transl. Walter J. Renfroe Jr. Lincoln; London, 1980. P. 275—276; ср. приводимые Цезарем сведения, что из 368 тысяч мигрантов-гельветов около 92 тысяч составляли взрослые мужчины, способные носить оружие (BG. I. 29).

Совершив путешествие в Антиохию и обратно (им пришлось преодолеть более тысячи миль) и побывав на аудиенции у Валента, послы тервингов сообщили, что он удовлетворил их просьбу. Как пишет Аммиан Марцеллин, советники императора с легкостью убедили его, что переселенцы станут ценным приобретением. Они будут обеспечивать постоянный приток рекрутов в армию. Это означает, что с других провинций вместо рекрутов можно потребовать выплат золотом. Таким образом, империя получит одновременно солдат и деньги. В источниках не находится подтверждения идеям современных исследователей, будто продолжавшиеся трения с Персией не позволили Валенту отказать тервингам, даже если он хотел этого. Вскоре он отверг аналогичную просьбу со стороны грейтунгов. Почему конкретно с двумя группами обошлись по-разному, непонятно. Высказывались самые разные предположения — от неспособности властей управиться с таким количеством людей до желания выступать с позиций силы, чтобы показать тервингам, что римляне приняли их не оттого, что их к этому принудили. Равно вероятно, что в прошлом у предводителей племен по-разному складывались отношения с Римом*.

В идее расселения на территории римских провинций представителей племени, явившегося из-за границы империи, не было ничего нового. Диоклетиан и Константин, подобно многим, выбрали именно такой вариант действий. Прежде враждебные народы размещались на землях более плодородных, нежели те, которые они населяли ранее, благодаря чему они переставали создавать угрозу и со временем начинали платить налоги и/или поставлять рек-

* Amm. Marc. XXXI. 4. 1—9, 12—13, а также: Heather (1991). P. 128—135, и (2005). P. 158—163, где доказывается, что в условиях продолжавшегося конфликта с Персией у римлян не было иного выбора, кроме как принять тервингов; см. также: Kulikowski (2007). P. 128—130, Lenski (2002). P. 325—328, 345—347, Wolfram (1997). P. 81—82; *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West 376—568. Cambridge, 2007. P. 165—176.

рутов в армию. Прецеденты подобного поведения со стороны римских властей уходили в далекое прошлое, в эпоху республики, когда границы империи постоянно расширялись. В I веке наместник-сенатор с гордостью писал, что «привел более десяти тысяч человек, живших по ту сторону Дуная, вместе с женами и детьми и заставил их платить дань». Как всегда, цифра может быть завышена, но эта группа, очевидно, была весьма значительной, и упомянутый факт сенатор считает одним из самых больших своих достижений*.

И тем не менее римляне принимали не всех мигрантов. Галльские кампании Юлия Цезаря начались с того, что он не разрешил племени гельветов пройти через его провинцию, чтобы поселиться в Галлии. Он не только отразил их натиск, когда они попытались проложить себе путь силой, но, заявив, что они грабят союзников Рима, преследовал их, сокрушил в битве** и отправил обратно по домам. Реакция исключительно резкая, но Цезарь был честолюбивым военачальником, стремился одержать множество побед и прославиться. Однако подобное развитие событий не являлось чем-то из ряда вон выходящим — во множестве случаев римляне отказывали группам мигрантов в убежище или оттесняли их. Ответственность за выбор всегда падала на представителей власти, и, если бы их решению не подчинились, они бы, не колеблясь, применили силу. В других случаях выражение покорности имело скорее символический характер и демонстрация римского могущества сопровождалась изъявлениями покорности со стороны вождей варваров. В сущности, прежде всего мигранты

* ILS. 986, см.: Campbell (1984). P. 360—361; о более ранних случаях расселения групп, прибывших из-за границы империи, см.: *Dyson S.* The Creation of the Roman Frontier. Princeton, 1985, в особенности P. 105—108, 172—173, 205—206.

** Имеется в виду сражение при Бибракте в 58 г. до н.э. — *Примеч. пер.*

должны были сдаться Риму. Затем их расселяли — как правило, маленькими группами на обширных территориях, где земля не обрабатывалась или являлась государственной собственностью. В большинстве своем подобные меры полностью оправдывали себя. Конкретный юридический статус варваров-колонистов был различным (потомки тех, кто потерпел поражение, составляли одну из групп, не получивших римского гражданства по эдикту Каракаллы)*.

Тервинги не потерпели поражения, но поскольку они явились в качестве просителей, нельзя сказать, что решение Валента удовлетворить их просьбу не имело прецедентов и обоснования. Детали договора остаются неясны; то же касается конкретных условий, на которых следовало расселить мигрантов. Вероятно, одним из условий являлся переход готов в христианство. Готы, вероятно, выполнили это, став арианами (именно эта форма религии импонировала Валенту). В позднейшем источнике также утверждается, что племени полагалось сложить оружие, хотя Аммиан Марцеллин — современник событий — об этом не упоминает. Возможно, данный пункт присутствовал в соглашении, но жест сдачи какого-то количества оружия носил главным образом символический характер. На деле тервинги сохранили немало оружия. Потребовалось много времени для перевоза готов через Дунай, так как обыкновенно значительного количества лодок для переправы не требовалось. Флотилия, патрулировавшая реку, помогала им, но судов было не слишком много и они, конечно, не были приспособлены для транспортировки большого числа людей или громоздких

* (Эта группа называлась дедитициями, *dediticii*, т.е. «сдавшимися». — *Примеч. пер.*) О Цезаре: см. дискуссию, посвященную данной кампании, в работе: *Goldsworthy A.* Caesar: The Life of a Colossus. London, 2006. P. 212—223 (2007). P. 256—271; об особенностях сдачи см.: Heather (1991). P. 109—113, Burns (1994). P. 12—13, 86; *idem*. Rome and the Barbarians, 100 BC — AD 400. Baltimore, 2003. P. 245—247; Wolfram (1997). P. 56—57.

телег. Многие готы переплыли реку на специально выстроенных плотах; рассказывают, что некоторые пытались добраться вплавь и утонули*.

Путь к катастрофе

В империи существовали хорошо отлаженные механизмы, позволявшие принимать варваров и расселять их по провинциям. Однако с самого начала истории с тервингами дела пошли не гладко. Вероятно, некоторые римские чиновники проявили халатность в вопросе разоружения племени. Несомненно, нерасторопность, некомпетентность и коррупция имели место практически во всех вопросах, связанных с данной ситуацией. Аммиан Марцеллин обвиняет двух армейских офицеров, местных военачальников: Лупицина, занимавшего пост комита (comes) и возглавлявшего основные силы (comitatenses) во Фракии, и Максима, дукса (dux), руководившего пограничными контингентами (limitanei). Наиболее остро стояла проблема продовольствия. Тервинги, по-видимому, истратили значительную часть своих запасов, ожидая ответа от Валента и после этого, когда им потребовалось немало времени для переправы через реку. Предполагалось, что их станут кормить римляне, но получаемого готами провианта явно не хватало — вероятно, продовольствие оставалось недоступно им. Численность тервингов равнялась численности весьма большого экспедиционного корпуса римской армии, а для того, чтобы собрать хлеб и другие припасы, необходимые для таких сил, требовалось не менее двух лет. Но у чиновников в Придунавье было не более двух месяцев на подготовку.

Даже учитывая вышесказанное, не будем забывать, что государство получало значительное количество сельскохо-

* Зосим (IV. 20. 6) утверждает, что римским чиновникам не удалось разоружить готов; обсуждение вопроса см. в работах Т. Бернса и М. Куликовского: Burns (1994). P. 24; Kulikowski (2007). P. 130.

зяйственной продукции в уплату налогов. Предполагалось, что она должна содержаться в хранилищах в укрепленных городах и на военных базах, дабы в случае необходимости в распоряжении войск, двора или официальных лиц имелось готовое продовольствие. Если ресурсы, с помощью которых можно было бы удовлетворить нужды тервингов, отсутствовали, решение принять чужеземцев явилось в высшей степени неразумным. Вероятно, запасы имелись, но их не доставили в нужное место. Трудно согласиться с предположением, что император приказал чиновникам ограничить количество выдававшегося готам провианта, чтобы держать их в подчинении, поскольку эта стратегия была сопряжена с большими опасностями. Чиновники на местах сами могли принять решение действовать подобным образом. Конечно, они хотели извлечь выгоду из этой ситуации. Аммиан Марцеллин рассказывает, что после того как в руках Лупицина оказалась большая часть средств, имевшихся у варваров — они истратили их в обмен на продовольствие, продававшееся на черном рынке, — он начал проводить еще более злостные махинации. Готы пришли в такое отчаяние, что продавали детей в обмен на ничтожные количества собачьего мяса. Согласно расценкам, за одного ребенка давали одну собаку — люди Лупицина действовали достаточно организованно и ловили бродячих собак на обширных территориях*.

Постепенно тервинги продвинулись к городу Марцианополю, где, по-видимому, находилась штаб-квартира Лупицина. Им не разрешили войти в город или воспользоваться городским рынком, но позволили разбить лагерь на неко-

* Amm. Marc. XXXI. 4. 11, 5. 1—2; Heather (1991). P. 140—142; Kulikowski (2007). P. 130—131. И П. Хизер, и М. Куликовский полагают, что готов нарочно держали впроголодь, дабы контролировать их. Свидетельств этому нет, и подобный план повлек бы за собой серьезную опасность. См. также: Lenski (2002). P. 348—355; о подготовке к кампаниям в империи см.: *Elton H.* Warfare in Roman Europe: AD 350—425. Oxford, 1996. P. 236—238.

тором расстоянии от городских стен. Для надзора за их перемещением большая часть римских войск отошла от границы, оставив ее незащищенной. В какой-то момент грейтунги, также пытавшиеся войти в земли империи и получившие отказ, пересекли ее (сосредоточение римских патрульных лодок, прибывших на помощь тервингам, означало, что значительные отрезки течения Дуная остались без надзора). Римские власти быстро теряли контроль над ситуацией; либо им не хватало войск, либо они плохо использовали имевшиеся. Ситуация близ Марцианополя носила весьма напряженный характер, когда Лупицин пригласил вождей тервингов на пир. Подобные встречи были обычным явлением дипломатии на приграничных территориях и также давали, как мы уже видели, возможность для совершения предательства. Мы не знаем, планировал Лупицин или нет взять предводителей готов в плен или убить. Учитывая значительную задержку во времени, возникавшую при сообщении со столицей, маловероятно, что он действовал согласно четким приказам императора.

Конфликт начался с того, что спор между солдатами, горожанами и готами вылился в стычку. Тут Лупицин — Аммиан Марцеллин отмечает, что это произошло поздно вечером и тот уже немало выпил — приказал казнить свиту готских вождей; сами они также подверглись аресту. Когда эта новость распространилась за пределами города и достигла лагеря готов, там поднялся шум. Все больше и больше воинов прибывало на помощь к тем, кто участвовал в бою. Фритигерну удалось уговорить Лупицина отпустить его: он убедил последнего, что никто другой не сможет успокоить его разъяренных соплеменников. Его выпустили. Об Алавиве же никто никогда более не слышал*.

* Amm. Marc. XXXI. 5. 4—8, см. также работы Heather (1991). P. 140—142, (2005). P. 164—165, который доказывает, что Валент скорее всего отдал приказ заключить готских вождей под стражу. См. также: Lenski (2002). P. 325—328, Kulikowski (2007). P. 132—133, и Burns (1994). P. 26; другие примеры тогдашней «нечистой игры» римлян во время

Лупицин собрал все войска, какие мог. Он принял решение двинуть их на лагерь тервингов, расположенный примерно в девяти милях от города. Готы, ожидавшие нападения, наголову разбили его колонну. Сам Лупицин спасся — наверное, потому, что одним из первых ударился в бегство. Пожар войны начал быстро распространяться. Незадолго до этого на территорию империи пропустили группу готов; они ожидали при Адрианополе, собираясь двинуться на восток, вероятно, для того, чтобы поступить на службу в армию. У них уже успели возникнуть трения с местным магистратом, который теперь привел из города военные силы, состоявшие в основном из рабочих государственных оружейных мастерских. Упомянутые готы полностью уничтожили это наспех вооруженное ополчение и забрали себе новенькое оружие, а затем присоединились к Фритигерну. Объединенная армия попыталась занять Адрианополь, но потерпела полную неудачу. Во время отступления Фритигерн зловеще напомнил воинам, что сохранил «мир со стенами»*.

Готам недоставало навыка ведения осады, но еще большую роль сыграло то, что они не могли задержаться на месте достаточно долго, чтобы захватить защищенный город с укреплениями. Теперь они свободно грабили сельскую местность, сжигая деревни и виллы, забивая на мясо животных и собирая столько хлеба, сколько нашлось. Но главные запасы продовольствия всегда хранились за городскими стенами, а подобные объекты готы занять не могли. Множество голодных ртов быстро уничтожало все, что можно было добыть в сельской местности на сколь угодно обширных территориях, и готам приходилось двигаться дальше. Их число значительно выросло, когда к отряду Фритигерна присоединились грейтунги и группы наподобие той, что пришла из-под Адрианополя. Люди приходили и поодиночке. Среди

пиров см. у Аммиана Марцеллина (о 374-м годе — Amm. Marc. XXIX. 6. 5; о других событиях такого рода, происшедших примерно тогда же, — XXX. 1. 18—21).

* Amm. Marc. XXXI. 6. 4.

них были готы, ранее проданные в рабство в обмен на продовольствие или взятые в плен в прежние годы работорговцами или солдатами во время кампаний. Когда распространились вести о том, что во Фракии можно захватить богатую добычу, к готам присоединились новые банды, перебравшиеся через Дунай. Римские войска, находившиеся в Придунавье, очевидно, оказались не в состоянии воспрепятствовать этому. В 377 году Фритигерн даже нанял отряды гуннов и аланов, обещая щедро поделиться с ними награбленным*.

Число готов быстро умножилось, и они превратились в могучую силу — прежде всего потому, что вновь прибывшие в основном были воинами, желавшими сражаться, а не переселенцами с семьями. Многие теперь имели римское оружие хорошего качества; скорее всего еще большее число носили кольчуги или другие доспехи и шлемы (что было обычным для военных сил племен). Напряженность ситуации и необходимость выживать на вражеской территории месяц за месяцем укрепили авторитет их предводителей и способность к совместным действиям. Ничто из этого, разумеется, не могло изменить все определявшего факта: они вели войну, которую не могли выиграть. Основные группы тервингов и грейтунгов являлись бездомными переселенцами. В отличие от разбойников, присоединившихся к ним, они не могли отступить назад, за Дунай. Как ни увеличилась их численность, но и она, и их военная мощь меркли перед людскими резервами и мощью империи. Самое лучшее, на что они могли рассчитывать, было дарование земель римскими властями; худшими перспективами являлись уничтожение, рабство или заключение мира с Римом, после которого им вновь пришлось бы терпеть дурное обращение. Фритигерн и другие вожди, должно быть, понимали это и связывали свои надежды на переговоры с позиций силы. Четких военных целей у них не было. Это (в сочетании с постоянно существовавшей проблемой продовольствия)

* Amm. Marc. XXXI. 6. 1—8, 8. 1—10; о составе сил готов см. также в работе Н. Ленского: Lenski (2002). P. 336—338.

стало причиной очевидно бесцельных метаний готов в следующие годы. Их силы не были сосредоточены вместе и не представляли собой сплоченной армии, но постепенно разделились на множество маленьких отрядов, занимавшихся грабежом и добыванием фуража. При возникновении угрозы со стороны римских сил отдельные отряды стремились перегруппироваться как можно скорее.

В конечном итоге римляне не могли проиграть эту войну, но это не означало легкой победы. Лупицин во время своего необдуманного и неподготовленного нападения на готов близ Марцианополя понес жестокие потери. Другие войска были рассредоточены в качестве гарнизонов и находились близ укрепленных городов, чтобы оборонять их от противника. Поначалу все, на что были способны местные силы, — это охранять проходы через горы, что удерживало готов на ограниченном участке Фракийской равнины. В 377 году дислоцированные на Востоке отряды были объединены с войсками, посланными Грацианом с Запада, в полевую армию. Римляне провели ряд нападений на изолированные группы готов и достигли частичного успеха, перебив врагов или захватив их в плен. Быстрое перемещение и неожиданные нападения вновь оправдали себя как наиболее эффективная тактика римских войск. Однако готы подчас делали то же самое и уничтожили несколько отрядов римлян поблизости от города Дибальтум (возможно, Деультум, совр. Дебельт в Болгарии)*.

Большую часть времени римляне действовали небольшими группами, тревожа рассыпавшегося по территории врага. Лишь однажды они сконцентрировали силы, чтобы атаковать значительное число готов — неизвестно, что это была за группа, — расположившихся лагерем близ города Ад Салицес и поставивших свои телеги в виде большого круга.

---

* Amm. Marc. XXXI. 7. 1—16, 8. 9—10, 11. 1—6; о данном этапе войны см. также: Heather (1991). P. 142—146, Kulikowski (2007). P. 133—138, Burns (1994). P. 26—28, Nicasie M. Twilight of Empire. 1998. P. 233—242.

Пока римляне собирались, у варваров имелось достаточно времени, чтобы созвать свои отряды и банды рейдеров. Когда атака наконец началась, вдоль окружности из телег разыгралась жестокая битва. Готы опрокинули левое крыло римлян, и ситуацию исправило только участие резервов. Битва закончилась вничью с тяжелыми потерями для обеих сторон, но отступать через несколько дней пришлось римлянам. После этого они вернулись к своей стратегии «булавочных уколов».

В 377 году Валент заключил мир с персами и на следующий год вернулся в Константинополь, чтобы разобраться с готской проблемой. Он собрал полевую армию; план заключался в соединении с армией, идущей с Запада под командованием Грациана, прежде чем начать противодействие главным силам врага. К несчастью, западная армия запоздала. Случилось так, что солдат из охраны Грациана, алеманн по происхождению, во время отпуска рассказал своим соплеменникам о предполагаемом походе на восток. Последние решили воспользоваться отсутствием основных римских сил и устроить набег на провинции. Грациан провел короткую кампанию для наказания виновного племени и только по завершении ее смог двинуться на соединение со своим дядей*.

Адрианополь и дальнейшие события

Лето подходило к концу, и Валент уже решил действовать в одиночку. В начале августа он находился близ Адрианополя и двигался навстречу значительным силам готов под предводительством Фритигерна. Его патрули сообщили, что численность врагов превышает десять тысяч человек. Как оказалось, они серьезно недооценили ее, но Аммиан Марцеллин не сообщает, сколько готов было на самом деле. В то же время к Валенту прибыли гонцы с извес-

* Amm. Marc. XXXI. 10. 1—18.

тием, что Грациан находится всего в нескольких днях пути от него. Кое-кто из старших офицеров советовал помедлить, доказывая, что единственное благоразумное решение в этой ситуации — дождаться Грациана, поскольку тогда успех будет обеспечен. Другие намекали, что Валенту предоставляется хорошая возможность быстрой победы над этой частью вражеских войск. Сообщают, якобы Валент хотел стяжать славу в одиночку, дабы племянник, недавно добившийся успехов, не затмил его, одержавшего лишь незначительные победы.

Уверенность Валента поддержал христианский священник, отправленный к римлянам Фритигерном в качестве посла. Он заявил во всеуслышание, что готы хотят поселиться во Фракии, однако также привез тайное послание, в котором Фритигерн уверял императора в своем дружеском расположении. Он просил Валента организовать впечатляющую демонстрацию силы, чтобы ему было проще успокоить соплеменников и убедить их принять условия мира. Посланник не получил никакого ответа, но его появление расценили как очевидное свидетельство волнения готов. 9 августа 378 года Валент вывел армию из Адрианополя и двинулся на лагерь готов, также представлявший собой обширное кольцо телег. Римляне прибыли на место только после полудня, и люди устали, пройдя большое расстояние по жаре. Колонна начала разворачиваться, продвигаясь вправо, так что воины, возглавлявшие ее, оказались на правом фланге. Перед ними стояли отряды, испускавшие боевой клич; за спиной у врага находился лагерь из телег. Готы подожгли кустарник, и ветер понес жар и дым в сторону римлян. Это не только доставило им неприятные ощущения, но и ухудшило видимость; последнее имело важное значение, поскольку Фритигерн ожидал подхода значительных сил грейтунгов, в числе которых был большой отряд кавалерии*.

* Amm. Marc. XXXI. 12. 1—11.

Карта № 7. Готская война
р. Дунай
р. Драва
р. Сава
КАРПАТСКИЕ ГОРЫ
Сирмий
р. Дунай
Ад Салицес
377
Алатей и Сафракс 380 ?
р. Морава
Кастра Мартис
р. Дунай
Никополь на Истре
Маркианополь
ЮЛИЙСКИЕ АЛЬПЫ
Наисс
378/9
ГЕМСКИЕ ГОРЫ
Кабила
Сердика
Фарнобий
Дибалт
377/8
Сукцийский перевал
377/8
Адрианополь
378/8
378/9
р. Марица
РОДОПСКИЕ ГОРЫ
Константинополь
Диррахий
380
381/2
Фритигерн
380
Фессалоника
Основные римские дороги
Готы
0
200 км
0
150 мили

Наверняка предводитель готов хотел выиграть время, чтобы дать подойти этим дополнительным силам, когда вновь обратился с просьбой о переговорах. Как он, вероятно, понимал в глубине души, в результате битвы с императором он ничего не выигрывал и терял все. Валент отказался разговаривать с первой группой послов, поскольку они выглядели слишком незначительными людьми, но второй группе римляне дали ответ: они попросили выслать кого-нибудь из военачальников в качестве заложника. Возможно, Валент также хитрил, ожидая, когда остаток войск подойдет и займет позиции во фронте. С другой стороны, он бы, несомненно, удовлетворился бескровной победой, если бы готы сдались, увидев всю мощь римлян. Но каковы бы ни были истинные намерения римского императора и готского вождя, они так и остались намерениями.

Бой начался, когда два отряда римской кавалерии на краю правого фланга атаковали, не дождавшись приказа. Опасность подобного развития событий существовала всегда, если две враждебные армии часами стояли друг напротив друга, наблюдая противника с близкого расстояния. Римлян быстро отбросили назад, но, по-видимому, их действия дали импульс для общей атаки вдоль всей линии их построения. Отряды на левом фланге едва прибыли и вступили в бой, не успев построиться должным образом. Кавалерийские отряды, в задачу которых входила защита фланга, где сосредоточилась пехота, находились в другом месте и оставили его полностью неприкрытым. Они оказались совершенно не готовы отразить внезапное нападение грейтунгов, действовавших совместно с готской кавалерией и отрядом аланов. Атака римлян захлебнулась, однако окончанию сражения предшествовал долгий кровопролитный бой. Часть пехоты попала в окружение. Солдаты были слишком дезориентированы и скученны, чтобы образовать правильный строй, но какое-то время продолжали сопротивление. В прежние годы римляне могли поправить дело, даже если враг опрокидывал один их фланг, посылая в бой резервы. На сей раз силы

не были правильно развернуты и не находились под надлежащим контролем. Соединение, которому полагалось стоять в резерве, не удалось найти, когда оно понадобилось; вероятнее всего, оно уже оказалось вовлечено в сражение.

С точки зрения тактики римская армия оказалась в безнадежной ситуации, и в конце концов солдаты дрогнули и побежали. Готы с энтузиазмом преследовали их, и, как это обычно случалось в сражениях тех времен, проигравшая сторона понесла тяжелые потери. Около двух третей солдат погибло. Также было убито не менее тридцати пяти трибунов (некоторые командовали воинскими соединениями, а остальные, не будучи прикомандированы к отрядам, служили при императоре) и двое старших офицеров. Валент также расстался с жизнью, и его тело так и не нашли (более ста лет назад то же случилось с Децием). Ходил слух, что он и его спутники забились в крестьянский дом. Готы попытались его разрушить, но не сумели; тогда они подожгли дом и убили всех прятавшихся внутри, кроме одного, и тот поведал, что они едва не взяли в плен императора*.

Численность армии Валента при Адрианополе остается неизвестной, поэтому мы не можем установить общую цифру потерь. В новейших исследованиях потери римской и готской армий в большинстве случаев оцениваются примерно в пятнадцать тысяч человек, так что погибнуть, по мысли ученых, должно было около десяти тысяч римских солдат. Опять-таки цифры эти вероятны, но — в любом случае — лишь предположительны. Нам неизвестно, сколько из погибших трибунов командовало отрядами. Далее, так как мы не знаем величины этих соединений (не говоря уж о том, что неизвестно, присутствовали ли они там целиком или были лишь представлены отдельными отрядами), это не говорит нам ничего определенного. Мы также не знаем, сколько трибунов, командовавших отрядами, уцелело. Очевидно, Валент с уверенностью полагал, что его армия в состоянии

* Amm. Marc. XXXI. 12. 12—13. 19.

справиться с силами готов, насчитывавшими около десяти тысяч человек, причем, вероятно, то были одни лишь воины (хотя Аммиан Марцеллин здесь не сообщает точных цифр). Нам также остается только догадываться, имело ли место равенство сил или численное превосходство. Считается, что Юлиан нанес под Аргенторатом (Страсбургом) поражение армии алеманнов, численностью почти в три раза превышавшей его собственные силы*.

Адрианополь стал настоящей катастрофой. Какова бы ни была цифра потерь, подавляющее большинство солдат, находившихся в непосредственном распоряжении восточного императора для активного ведения боевых действий, погибло, и этот факт не приходилось отрицать. Аммиан сравнивает случившееся с исходом битвы при Каннах в 216 году до н.э., где Ганнибал перебил пятьдесят тысяч римских солдат и взял в плен еще двадцать тысяч. События при Адрианополе отличались куда меньшим масштабом, но они явились наиболее тяжелым поражением от иноземного противника начиная с III века н.э. Свою роль здесь сыграла удача, улыбнувшаяся готам. Однако Валент переоценил свои силы, двинувшись на врага, а после проявил нерешительность, начав переговоры в последнюю минуту, и оказался полностью не способен руководить самой атакой.

---

* Дискуссию по поводу численности, а также о битве в целом см.: Heather (1991). P. 146—147, Burns (1994). P. 29—33, *idem*. The Battle of Adrianople: A Reconsideration // Historia. Bd 22. 1973. P. 336—345; Kulikowski (2007). P. 139—143; Nicasie (1998). P. 241—253; Wolfram (1997). P. 84—87; Lenski (2002). P. 339, 354—355, *Treadgold W.* Byzantium and its Army, 284—1081. Stanford, 1995. P. 57; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. Vol. II. Oxford, 1965. P. 1425; *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 296—301; *Barbero A.* The Day of the Barbarians: The First Battle in the Fall of the Roman Empire / Transl. J. Cullen. New York, 2007. P. 93—11; Delbrück (1980). P. 269—284; см. также: *Le Bohec Y.* L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006, и рецензию на эту книгу: *Greatrex G.* // Antiquite Tardive. T. 15. 2007. P. 376—383; анализ общего характера см. также в работе Р.М. Эррингтона: *Errington R.* Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill, 2006.

Готы одержали великую победу, но в перспективе это никак не улучшило их положения: им следовало вести переговоры с императором, а не убивать его. Они попытались развить успех, предприняв натиск на Адрианополь, надеясь захватить запасы продовольствия, а также императорскую казну. Но Валент оставил достаточно войск, чтобы отразить любой натиск; попытки нескольких изменников сдать город врагу также были предотвращены. Через некоторое время Фритигерн и его воины переместились к Константинополю, создавая угрозу для самой столицы. К ним присоединились дополнительные силы — разбойничьи отряды, включавшие группы аланов и гуннов. Но даже теперь его армию охватил благоговейный страх при виде громадного города — он уже превышал своими размерами все прочие, за исключением Рима, Антиохии и Александрии. Их также тревожили внезапные нападения сарацинской кавалерии. Аммиан Марцеллин рассказывает, что один из этих всадников, полунагим бросившийся в битву, перерезал готу горло и, по-видимому, начал пить кровь убитого. Фритигерн и его люди, находясь под большим впечатлением, вернулись к обычной практике сохранять «мир со стенами». Готы действовали совместно во время сражений — хотя более чем вероятно, что это касалось не всех отрядов — но по-прежнему оставались разделены на множество отдельных групп, находившихся под властью разных вождей. Это, как и знакомая проблема продовольствия, означало, что вскоре они рассеются, разъехавшись по провинции в поисках пищи и добычи*.

Когда слух о катастрофе при Адрианополе достиг других провинций, всех охватил страх. По всей стране группы готов были разоружены местными властями; если же они также решали оказать сопротивление, их уничтожали; то там, то здесь начиналась резня. В течение некоторого времени Грациан фактически являлся властелином целого мира, так как

* Amm. Marc. XXXI. 15. 1—16. 7.

его младший брат по-прежнему был слишком мал, чтобы править самостоятельно. В течение нескольких месяцев — вероятно, в начале 379 года — он провозгласил недавно назначенного magister militum по имени Феодосий августом восточных провинций. Отец Феодосия, носивший то же имя, прибыл из Испании и сделал блестящую карьеру при Валентиниане, одержав победы в Британии и Африке. Именно он разоблачил злодеяния Романа. Однако в 375 году император осудил и казнил старшего Феодосия. Случившееся могло быть вызвано местью сторонников Романа или стало результатом обычной клеветы со стороны придворных и паранойи императора. Сын был отстранен от службы, но к моменту битвы при Адрианополе вполне мог вернуться. Вскоре он получил пост командующего и выиграл небольшое сражение на Дунае. Вероятно, при восточном дворе у него имелись сильные сторонники. Но было ли его назначение делом рук Грациана или нет, эти двое продемонстрировали, что действительно могут работать вместе*.

Наиболее неотложной задачей стало восстановление армии. Феодосий, в отличие от своего отца, не проявил себя в полной мере как военачальник, но, несомненно, был выдающимся организатором. Людей удалось найти, задействовав целый ряд источников живой силы; Феодосий издал ряд строгих законов против уклонения от призыва, членовредительства с целью избежать службы и дезертирства. Численность армии увеличилась, но многие из вновь призванных еще не прошли должного обучения, да и на остальных тоже вряд ли можно было положиться. Римляне продолжали использовать прежнюю стратегию: они тревожили отдельные

* О массовых убийствах см.: Amm. Marc. XXXI. 16. 8, а также: Kulikowski (2007). P. 145—147; о Феодосии см.: *Williams S., Friell G.* Theodosius: The Empire at Bay. London, 1994. P. 20—28, Kulikowski (2007). P. 147—150, и Burns (1994). P. 43—45; обсуждение последствий битвы при Адрианополе см. также в работе: *Lenski N.* Initium mali Romano imperio: Contemporary reactions to the battle of Adrianople // Transactions of the American Philological Association. Vol. 127. 1997. P. 129—168.

группировки готов, блокировали их передвижение и не давали добывать провиант. Попытка более решительного нападения закончилась неудачей: колонна, возглавляемая самим Феодосием, понесла тяжелые потери*.

За несколько лет римляне истощили силы готов, которые то и дело попадали в засады и становились жертвами внезапных нападений. Отдельные отряды сдались; часть готов Грациан расселил в Италии. Детали этих кампаний остаются нам неизвестны: к сожалению, рассказ Аммиана Марцеллина заканчивается на том, что произошло через несколько месяцев после Адрианополя, а аналогичным нарративным источником по истории событий вплоть до VI века мы не располагаем. В конце концов в 382 году все готы, остававшиеся на территории империи, сдались. Фритигерн не упоминается, и вполне возможно, что он умер или был убит, как и часть его соплеменников. В итоге готы получили многое из того, о чем первоначально просили: их поселили во Фракии и на прилегающих территориях вдоль Дуная. Конкретные детали договора активно обсуждаются исследователями, но мы сейчас не станем их рассматривать. Достаточно сказать, что отчаянное сопротивление готов привело к тому, что условия их расселения оказались куда более выгодными, нежели это обычно бывало. Их вожди в значительной мере сохранили власть и, вероятно — пусть на практике, а не формально, — до некоторой степени пользовались автономией в вопросах местного правления**.

В том, что готы в конце концов потерпели поражение, нет ничего удивительного, поскольку они были не способны противостоять империи с ее обширными и разнообразными ресурсами и системой организации. Удивительно другое: потребовалось шесть лет, чтобы вынудить их сдаться, и римляне не добились полной победы в соответствии со сво-

* Williams & Friell (1994). P. 28—35, Kulikowski (2007). P. 150—153, и Burns (1994). P. 45—72.

** См.: Heather (1991). P. 149—181, (2005). P. 182—189, Wolfram (1997). P. 87—89, и Burns (1994). P. 73—91, более скептическую оценку случившегося находим в работе: Halsall (2007). P. 180—185.

ими обычными ожиданиями. Для тех, кто делает акцент на силе и эффективности функционирования империи в конце IV века, это представляет собой серьезную проблему. Якобы увеличившаяся и весьма боеспособная армия, похоже, на деле столкнулась с необходимостью напряженного поиска достаточного числа людей, чтобы справиться с племенами-мигрантами. И все же проблема вряд ли была нова или характеризовалась большими масштабами. В ходе недавних крупных кампаний римляне потерпели явное поражение трижды. При Адрианополе оно было катастрофическим, однако под командованием Лупицина и Феодосия войско также серьезно пострадало (пусть и в меньшей степени) — и в лучшем случае с трудом свело вничью сражение при Ад-Салицес. Вряд ли эти результаты можно назвать впечатляющими; опять-таки они подтверждают ощущение, что в этот период армия действовала наиболее эффективно, проводя операции малого масштаба, заставая врага врасплох, полагаясь на быстроту и используя засады, а не нападая открыто. Империя по-прежнему располагала мощными ресурсами, но в разных ситуациях дело обстояло по-разному. Очевидно, воинов, находившихся в распоряжении полководцев и пребывавших в состоянии боевой готовности, не хватало — ведь тервингов пропустили специально для восполнения этой нехватки. Римская империя победила в шестилетней войне не в силу эффективности своих действий, но лишь по причине собственных обширных размеров. В 386 году римская армия успешно блокировала другую группу готов, пытавшуюся переправиться через Дунай. Более чем вероятно, что в 376 году лучше всего было отказать тервингам, поскольку власти оказались не способны принять мигрантов как следует. Даже если бы небольшая часть готов с боем прорвалась в империю, они вряд ли причинили бы римлянам столько убытков и стали виновниками такого разорения*.

* Замечание одного из исследователей о том, что «несмотря на поражение римлян, кампания при Адрианополе явила преимущество римской стратегии» (Nicasie (1998). P. 254), несколько удивляет, хотя

Спустя лишь год после заключения договора с готами вновь всплыла знакомая проблема: войска в Британии провозгласили императором своего командующего Магна Максима. Он также происходил из Испании и был знакомым — а возможно, даже родственником — Феодосия. Грациан отказался признать узурпатора и собрал армию, чтобы противостоять ему, когда Максим вторгся в Галлию. Близ Парижа произошло несколько стычек, но через несколько дней основные силы армии Грациана перешли на сторону врага. Император бежал, но близ Лугдуна (совр. Лион) его схватили и обезглавили. Переворот, очевидно, был хорошо подготовлен, и Максим обеспечил себе поддержку многих старших офицеров и придворных чиновников. Некоторых виднейших представителей двора казнили, но большинство переметнулось к победителю. Менее очевидны причины, по которым утратил поддержку Грациан. Он одержал немало побед, но его обвиняли в излишнем благоволении к одному отряду аланской кавалерии, а также в том, что он начал уделять больше времени удовольствиям, нежели государственным делам*.

Максим контролировал провинции на территории Европы к северу от Альп и, очевидно, рассчитывал на то, что Феодосий признает его коллегой. Он предложил двенадцатилетнему Валенту II покинуть Милан и прибыть к его дво-

данная точка зрения не выглядит уникальной на фоне новейших воззрений на эффективность армии (и империи в целом) в IV веке. Автор делает акцент на неудачах в обеспечении готов продовольствием с точки зрения тыловой службы. О причинах катастрофы см. также в работе Н. Ленского: Lenski (2002). P. 355—367; автор в значительной мере возлагает ответственность на Грациана, упрекая его в медлительности и нежелании сотрудничать. По вопросам численности войск см. в особенности: *MacMullen R.* Corruption and the Decline of Rome. New Haven (Conn.), 1988. P. 173—177, 185—186. В работе Г. Элтона содержатся более скептические оценки: Elton (1996). P. 152—154.

* Amm. Marc. XXXI. 10. 18—19, Williams & Friell (1994). P. 36—40, Potter (2004). P. 549—552, *Curran J.* From Jovian to Theodosius // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 104—106.

ру в Трире, чтобы они могли править вместе, «как отец и сын». Искусно организованные задержки в переговорах позволили выиграть время, чтобы войска, верные мальчику-императору, взяли под контроль проходы через Альпы. Максим по-прежнему надеялся на урегулирование ситуации и в тот момент не попытался применить силу. На некоторое время Феодосий признал узурпатора; его имя появляется в официальных документах. Он также возвысил его сына Виктора (тому исполнилось не более пяти-шести лет), даровав ему титул августа. Однако через несколько лет Максим предпринял неожиданное нападение на Италию. К 387 году он занял Милан, и территории Валентиниана полностью перешли под его контроль. Последний вместе с большей частью своих придворных благополучно бежал к Феодосию*.

Рост амбиций Максима ознаменовал его окончательный разрыв с правителем Восточной империи. Юстина, мать Валентиниана, внушала страх. Очевидно, решения ее сына во многом зависели от нее. Теперь, судя по всему, она воспользовалась красотой сестры мальчика, чтобы завлечь Феодосия. Эти двое вскоре поженились, и, вероятно, ценой брака стало обещание отнять у Максима утраченные территории.

Каковы бы ни были точные причины случившегося, но летом 388 года воины подоспевших экспедиционных сил арестовали захватчика западных земель в Аквилее. С Максима стащили императорские одежды, а затем обезглавили. Пришлось провести ряд битв против сил, остававшихся верными его роду, прежде чем Запад был полностью отвоеван**.

Формально в империи теперь оказалось три августа: Феодосий, Валентиниан и Виктор — хотя было совершенно очевидно, что реальная власть осталась в руках Феодосия.

---

* О предложении жить как «отец и сын» см.: Ambros. Epist. 24. 7.

** Williams & Friell (1994). P. 40—43, 61—64, Potter (2004); см. также работу: Curran (1998). P. 107; история о том, как Юстина использовала дочь, чтобы убедить Феодосия выполнить ее желание, содержится в Zosim. IV. 44.

Валентиниан представлял собой не более чем марионетку. После его смерти контроль перешел в руки ряда старших офицеров, ставленников Феодосия. Среди них наиболее значимой фигурой являлся Арбогаст. В числе его предков (как и в случае многих командующих) были варвары, точнее говоря, франки. Со временем он проникся презрением к августу, которому должен был служить. Он присвоил звание магистра войска (magister militum), не потрудившись спросить разрешения Валентиниана. Когда император лишил его этого титула, Арбогаст спокойно ответил ему, что у того нет на это власти. Валентиниан, юноша двадцати одного года от роду, был поистине жалкой фигурой. 15 мая 392 года его нашли мертвым в собственной спальне — не исключено, он покончил с собой.

Арбогаст, очевидно, понимал, что происхождение не позволяет ему самому стать императором, и поэтому провозгласил августом некоего Флавия Евгения. Последний некогда был учителем грамматики и риторики, и его превосходное образование и начитанность позволили ему занять пост при дворе Валентиниана. С самого начала он, очевидно, выступал как подставное лицо. Будучи, по крайней мере формально, христианином (в отличие от язычника Арбогаста), он стал заводить контакты с язычниками, ища их поддержки. Вероятно, его активность возросла, когда Феодосий нарек августом своего младшего сына Гонория, дав тем самым понять, что не пойдет на союз с узурпатором. Последовала гражданская война, исход которой решился опять-таки близ Аквилеи. В сентябре 394 года войска встретились близ реки Фригид. После тяжелой и кровопролитной битвы, продолжавшейся два дня, армия Феодосия одержала верх. Евгений был захвачен во время штурма лагеря и поспешно казнен. Арбогаст предпочел покончить с собой, нежели попасть в руки врагов*.

* Williams & Friell (1994). P. 125—137, см. также: Curran (1998). P. 108—110.

Весьма значительная часть армии Феодосия состояла из готов. Этих солдат набрали из племен, расселенных на территории империи в 382 году. В первый день сражения они приняли на себя главный удар и понесли тяжелые потери (впоследствии некоторые римляне будут утверждать, что благодаря этому империя одержала двойную победу). При Адрианополе готы убили Валента, хотя, вероятно, скорее вследствие случайности, нежели намеренно. Перед ними никогда не открывалось перспективы нанести империи окончательное поражение, и Феодосий смог затем истощить их силы за несколько лет. Однако они все-таки представляли собой ценный источник живой силы. Именно это послужило главным аргументом, благодаря которому их допустили в империю, и именно поэтому римляне, вероятно, не уничтожили бы их, даже если бы и могли. Всего через десять лет эти воины значительно усилили армию Феодосия и даже обеспечили ему перевес в войне против Евгения. Наплыв варваров влек за собой известные неудобства, но внутренний враг, угрожавший власти и самой жизни императора, существовал всегда*.

* Heather (1991). P. 181—188, Kulikowski (2007). P. 158—163; Burns (1994). P. 92—111.

Глава четырнадцатая

ВОСТОК И ЗАПАД

> Закон, касавшийся священнодействий, был отменен, а прочие обычаи, доставшиеся от предков, находились в небрежении. Так римское государство постепенно ослабело и стало обиталищем варваров, или настолько обезлюдело, что места, где стояли города, перестали узнавать.
>
> *Зосим (IV. 59. 3), конец V века*

Феодосий заболел и умер в январе 395 года, всего через несколько месяцев после победы его армии на реке Фригид. Поражения, нанесенные Евгению и Максиму, стали крупнейшими военными успехами его правления. Подобно Константину, он лучше сражался с другими римлянами, чем с внешними врагами. После нескольких кампаний в начале правления, из которых по меньшей мере одна закончилась серьезным поражением, он провел с армией немного времени, предпочитая оставаться в одной из столиц. Не исключено, он признавал ограниченность собственных полководческих способностей, а также, видимо, хотел, чтобы его имя поменьше связывалось с какими-либо поражениями. В 395 году его сыновья оставались еще слишком юными: Аркадию было приблизительно восемнадцать лет, а Гонорию — всего десять. Однако даже когда они подросли, то не продемонстрировали склонности лично возглавлять армии. Это создало образец на будущее. В отличие от III—IV веков в V столетии императоры отправлялись на войну довольно редко.

Однако эта перемена оказалась не единственной. Обычно ученые признают Феодосия последним человеком, управлявшим единой империей. Правда, у него были соправители — Грациан, Валентиниан II, а позднее и собственные сыновья, а в течение значительного периода западные провинции контролировались узурпаторами, однако основную часть своего правления он занимал господствующее поло-

жение, даже если и не являлся единственным императором. Более важно то, что после 395 года восточная и западная половины империи больше никогда не воссоединялись и разделение империи стало окончательным. Отныне люди из армии и администрации не переходили из одной половины империи в другую. Связь сохранялась, но стала слабее, и теперь разные части империи объединяла скорее общая история и идеология, нежели что-либо другое. В обеих действовало одно и то же законодательство, хотя со временем различия усилились. Взаимодействие между императорами стало относительно редким и не всегда давало положительный эффект. С другой стороны, прямой конфликт происходил лишь в тех случаях, когда один из них оказывал поддержку претензиям «легитимного» императора против узурпатора*. Попыток завладеть силой всею империей не предпринималось. Восточная и Западная империи не выступали также как соперники в качестве, присущем современным независимым государствам. Иногда они, конечно, соперничали, но борьба носила ограниченный характер — она велась скорее за влияние, а не за контроль**.

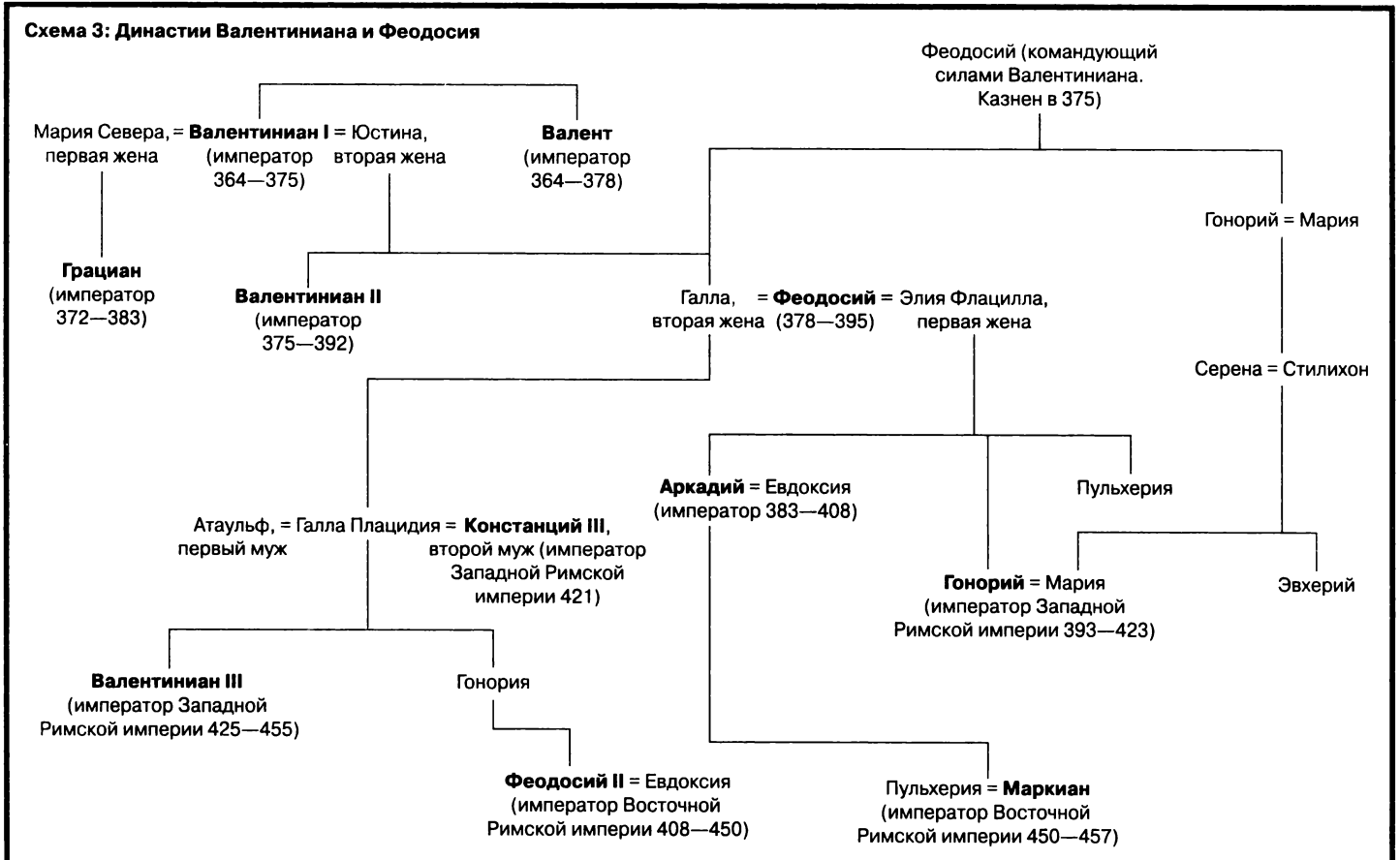
Причины разделения империи следует искать в III веке. Действительно, худшее, что могло случиться в момент «великого кризиса» в ту эпоху, — раскол державы на две или три «римских» империи, произойди он раньше, чем в конечном итоге вышло на самом деле. Само выживание государства в той или иной форме под сомнение не ставилось. Во времена тетрархии четыре императора разделили провинции между собой, но в целом они действовали сообща под жестким руководством Диоклетиана. Только Константин сумел восста-

---

* Так в тексте. Очевидно, речь идет о том случае, когда один из «легитимных» императоров поддерживал узурпатора. — *Примеч. пер.*

** Обзор точек зрения по поводу раскола империи см.: *Williams S., Friell G.* Theodosius: The Empire at Bay. London, 1994. P. 137—148: *Mitchell S.* A History of the Later Roman Empire AD 284—641. Malden; Oxford, 2007. P. 89—91, а также: *Blockley R.* The Dynasty of Theodosius // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 113—118.

Схема 3: Династии Валентиниана и Феодосия

новить такую форму господства в последние годы своего царствования, когда управлял вместе с собственными сыновьями. Остальной период IV столетия значительную часть провинций контролировали два или более императоров. Время от времени они взаимодействовали и помогали друг другу. Куда чаще они проявляли безразличие к судьбе своих соправителей, как, например, Констанций II, наблюдавший со стороны за борьбой братьев, или Валентиниан, решивший не оказывать помощи Валенту против Прокопия. Не столь уж редкими бывали и прямые конфликты.

Никто не принимал сознательного решения об окончательном разделении империи в 395 году. Сомнительно, чтобы тогда это рассматривалось иначе, чем мера по распределению провинций между прежними соправителями. Раздел империи был, по сути, таким же, как и между Валентинианом и его братом Валентом. Лишь последующая история (наиболее заметной особенностью этого периода стало появление одного за другим слабых и по большей части молодых императоров, за которых управляли их могущественные придворные) продемонстрировала, что раскол стал необратимым. Не появилось ни одного императора, подобного Аврелиану, Диоклетиану или Константину, который обладал бы властью и волей, чтобы переломить ситуацию. В течение восьмидесяти лет — можно оценить этот срок как весьма долгую жизнь одного человека, но лучше характеризовать его как период, за который сменилось два-три поколения — западные императоры вообще прекратили свое существование.

Необратимый раскол империи стал возможен по крайней мере со второй половины III века. Как и когда это должно было произойти, являлось скорее вопросом случая. Постоянный страх перед убийством и гражданской войной серьезно изменил методы правления императоров. Ни один из них не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы делегировать часть властных полномочий подчиненным, как передавали их в I—II веках сенатским легатам. Провинции стали

менее крупными, но намного более многочисленными. Значительно выросло и число императорских чиновников, хотя каждый из них теперь обладал куда меньшей властью и являл собой часть огромной, сложной и зачастую неслаженной бюрократической машины. Императорам требовалось больше работать самим, а в двух местах одновременно они находиться не могли. Возникала необходимость по крайней мере в одном соправителе, и при этом всегда оказывалось, что двум или более императорам трудно жить в согласии в течение долгого времени, даже если они являлись родственниками. Медленная скорость путешествий и соответственно связи делала консультации для императоров непрактичными, если только они не находились поблизости один от другого: это подрывало смысл пребывания «на самом верху» более чем одного человека. Неизбежной становилась ситуация, при которой каждый император действовал по-своему, сосредоточиваясь скорее на тех проблемах, с какими ему приходилось сталкиваться, а не на тех, что существовали в отдаленных частях империи. Инстинкт самосохранения усиливал эту тенденцию. Пренебрежение местными делами создавало благоприятные возможности для узурпаций. Бюрократическая машина, созданная в конце III и IV веков, должна была обеспечить бóльшую безопасность императоров и дать им бóльшие возможности для контроля. Она следила за сложной налоговой системой, благодаря которой поступали ресурсы для осуществления имперских проектов. Особенно же важно, что она позволяла оплачивать, кормить, экипировать и обеспечивать людей, служивших в армии. Без боеспособной армии императоры не могли одерживать побед над внешними врагами, которых от них ожидали, не говоря уже о том, чтобы защищать себя от узурпаторов. Существование бюрократического аппарата обеспечивало также наличие постов, служивших наградой для сторонников. Люди, поступавшие на гражданскую службу, получали жалованье — скромное для обладателей многих низших должностей, но дополнявшееся полуофициальны-

ми подношениями и взятками, так же как и предусмотренными законом привилегиями и освобождением от налогов и военной службы. Они существовали в рамках системы, где их карьера весьма и весьма зависела от расположения императора. Они были его людьми точно так же, как и воины.

Гражданские чиновники обладали делегированной властью. Ведомства, особые должности и посты существовали постоянно, даже если этого нельзя было сказать о людях, их занимавших. Они, а также представители высшего эшелона власти находились в контакте с императором и могли оказывать влияние на его решения. На всех уровнях они обеспечивали существование главного, а иногда и единственного канала информации, поступавшей к императорам. С самого начала принципата всякий имевший доступ к императору — особенно повседневный, предполагавший личное общение — находился в привилегированном положении.

Наличие нескольких императоров подразумевало и существование нескольких дворов. Императорский двор, подобно разветвленной бюрократической машине, также постепенно приобретал устоявшиеся, институциональные формы. И придворные, и чиновники принимали жесткие меры по сохранению существовавшего порядка вещей независимо от того, кто из императоров правил в этот момент. Они в высшей степени неохотно уступали власть и влияние.

После смерти Константина империя лишь трижды, и притом на короткое время, оказывалась под властью одного правителя: то были Констанций II, затем (в течение нескольких лет) Юлиан и Иовиан и, наконец, Феодосий, если говорить о последних годах его царствования. Нормальной была ситуация, при которой действовали два императора и при них — два двора и две администрации. Большую часть времени западные и восточные провинции находились под управлением разных властителей. Обособлялся и их бюрократический аппарат, до известной степени действовавший каждый по собственным планам. Его главной задачей было самосохранение или даже усиление собственной власти.

Схема 4: Гражданская провинциальная администрация в конце IV в.

Каждой провинцией руководил губернатор, обычно именовавшийся «консуляр» или «презид». Меньшая часть имела другие титулы, но выполняла в основном те же функции.

Хотя система представлена в виде иерархии, на самом деле ее структура была менее четкой. Информация и инструкции далеко не во всех случаях должны были передаваться по всей системе с первого до последнего уровня. Префекты претория имели право в обход викариев непосредственно обращаться к губернаторам. При желании император мог отдавать прямые приказы официальным лицам любого уровня. Иногда и более младшие чиновники имели возможность обратиться «наверх», минуя своих непосредственных начальников или даже лиц более высокого положения.

Схема 5: Центральная имперская бюрократия и императорский двор

Каждый чиновник стремился достичь наиболее высоких постов и обрести сколь возможно большее влияние на других. Старшие армейские офицеры во всех уголках империи вынашивали такие же честолюбивые замыслы. Чтобы существовать и сохранять власть, они нуждались в собственном императоре. Чтобы свести на нет сепаратистские тенденции, необходим был очень сильный и уверенный в себе император-долгожитель. В III—IV веках таких людей на престоле оказывалось очень мало, в V веке — ни одного. Напротив, значительную часть V века императорами были дети, находившиеся под сильным влиянием могущественных придворных или — особенно это касалось Запада — высших военачальников.

В определенные периоды императоры оказывались лишь номинальными фигурами. Они проявляли меньше активности и прекратили путешествовать. Со времен тетрархии императоры использовали в качестве столиц те города, чье местоположение наиболее соответствовало их приоритетам. Теперь, оставаясь почти все время в одном месте, двор обрел большую стабильность. На Востоке столицей был Константинополь, на Западе — Милан, а позднее Равенна. В обоих случаях двор находился в безопасном месте. В V веке императоры не ездили на войну.

Разделенная империя: мир в конце IV столетия

Разделение империи в 395 году ясно отражало разделение между латиноязычными западными провинциями и грекоязычным Востоком. Между ними существовало множество региональных различий языкового и культурного характера, однако они же обеспечивали и связь между возникшими империями. На Востоке латинский и в VI веке продолжал использоваться в качестве языка права и в других связанных с управлением сферах деятельности, и от чиновников соответствующих ведомств требовалось очень хорошее знание его. По прошествии определенного времени

владение латынью перестало быть столь распространенным, и соответствующее требование отпало. Многие латинские юридические или военные термины и ныне используются нами в греческой транслитерации*.

Единая империя была более обширной, населенной и богатой, чем кто-либо из ее соседей. Когда произошло разделение, различия между нею и Персией стали меньшими, но по отношению ко всем другим они оставались очень велики. Империя по-прежнему представляла собою целый мир многочисленных племен и народов, обычно враждовавших друг с другом; нередко ее раздирали противоречия в результате соперничества между их предводителями. По большей части на границе римляне не сталкивались с угрозою координированного, организованного и крупномасштабного нападения, однако немалые трудности создавали набеги. В течение IV столетия на больших участках рейнской и дунайской границы стала ощущаться слабость римлян, что провоцировало все более крупные и частые нападения со стороны разбойничьих шаек. Временами мощь и жестокость ответных действий римлян на короткое время наводили страх на отдельные племена в том или ином месте. Однако такое воздействие не носило постоянного характера, поскольку одновременное военное присутствие имперских сил повсюду было невозможно. Слишком часто войска отзывались для операций, осуществлявшихся против внутренних или внешних врагов Рима на других участках. Кроме того, не так трудно было убедить побежденные племена напасть на провинции, дабы помочь одному императору в борьбе против другого.

Персия всегда представляла собой нечто совершенно иное. Она являлась крупным, богатым и грамотно организованным государством, политически единым и способным собрать большую и боеспособную армию. По заключенному Иовианом мирному договору Рим уступил Шапуру II

* *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004. P. 26—36, 186—203.

стратегически важные приграничные территории. Было также объявлено об установлении мира сроком на тридцать лет — соглашения, обеспечивавшие мир в течение определенного числа лет, давно уже являлись традиционными для греческого мира. Подобные условия не соответствовали римской традиции, поскольку обычно римляне предпочитали сражаться до полной победы. В данном случае договор был вскоре нарушен. Вероятно, с самого начала стороны по-разному понимали его условия, или, не исключено, их позиция изменилась позднее, особенно если говорить о Валенте и Феодосии, находившихся не в столь трудных условиях, как Иовиан, во время ведения переговоров о мире. В центре споров оказались прежде всего Армения и прилегающие к ней территории, такие как Иберия. Шапур II полагал, что ему предоставлено исключительное право вмешиваться в дела Армении. Римляне сопротивлялись этому, и хотя ни одна из сторон не предприняла крупномасштабного вторжения на территорию другой, без тяжелой борьбы не обошлось.

Шапур силою отстранил от власти царя Армении Арсака и посадил на престол вместо него своего человека. В ответ римляне изгнали этого царя и заменили его сыном Арсака Папом. Шапур со своей армией разорил Армению, а затем предпринял дипломатические маневры, стремясь убедить Папа присоединиться к нему. Узнав об этом, римский командующий пригласил Папа на пир — обычно именно на пирах римляне вели переговоры и совершали предательства — и умертвил его. Ожесточение борьбы несколько спало, когда в 379 году царь Шапур II, находившийся уже в преклонном возрасте, скончался, процарствовав примерно семьдесят лет. В течение следующего десятилетия на персидском престоле побывало не менее трех монархов, поскольку члены правящей династии начали борьбу за власть. У римлян же, в свою очередь, хватало собственных проблем, и это обусловило заключение договора о разделе Армении в 387 году (или, возможно, в 384 году, поскольку датировка

вызывает определенные разногласия). Персии досталась львиная доля ее территории, тогда как Рим получил всего лишь одну пятую. И римской, и персидской частями Армении управляли местные сатрапы, сохранявшие значительную внутреннюю автономию*.

В 421 году произошел кратковременный конфликт между Восточной Римской империей и персами, когда римляне предприняли неудачную попытку вернуть Нисибис, большой приграничный город, согласно заключенному Иовианом договору отошедший к Персии. Если не считать данного случая, больших войн в течение всего V века не велось. Однако мир не был особенно прочным. Обе стороны продолжали поддерживать в боевой готовности приграничные крепости с многочисленными и хорошо обеспеченными всем необходимым гарнизонами. Племена, являвшиеся союзниками той или иной из великих держав, периодически совершали набеги, иногда при их молчаливом согласии. Отношение римлян к Персии значительно изменилось, хотя для того, чтобы это проявилось в официальных заявлениях и пропаганде, потребовалось немало времени. Старые мечты о том, чтобы последовать примеру Александра, завоевать Персию и включить ее в состав империи, по-видимому, умерли вместе с Юлианом. Вместо этого римляне (поначалу неохотно) начали воспринимать Персию как равную.

Это был реалистический подход. Границы между двумя государствами теперь хорошо охранялись; укрепления, возведенные там, делали затруднительным крупномасштабное вторжение. Рим стал слабее, чем прежде; после 395 года восточная половина империи, конечно, не располагала собственными силами для того, чтобы опрокинуть врага и захватить Ктесифон, как это делали римские армии прежних времен. Равным образом персы более не могли совершать столь же глубокие рейды на римскую территорию, как в

* По поводу источников см.: The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: Part II AD 363—630 / Ed. G. Greatrex and N. Lieu. 2002. P. 20—30.

III веке, и, что важно, их цари не имели политической необходимости для закрепления за собой престола проводить такие «показательные» экспедиции. Со времен кампании Галерия честолюбивые помыслы персов были сосредоточены почти исключительно на возвращении утраченных ими территорий и восстановлении границы, которую, как они считали, надо укрепить и скорректировать. При заключении договоров с Иовианом и Феодосием им вполне удалось добиться этой цели. В дальнейшем обе стороны долгое время были удовлетворены положением равновесия и достаточно реалистически оценивали ситуацию, понимая, что у них недостаточно сил для ее изменения. Обычно у каждой из них оказывалось довольно дел на других фронтах*.

На других границах продолжалась непрерывная борьба за господство. Римляне полагались на традиционное сочетание силового воздействия и дипломатии, включавшей выплату субсидий (или взяток, или дани, в зависимости от того, как смотреть на вопрос) предводителям племен для сохранения мира. В империи существовала хорошо отработанная система воспитания сыновей царей и вождей: затем «воспитанникам» помогали установить власть над их племенами, надеясь, что впоследствии они станут преданными союзниками. Это не всегда давало результат. Одни оказывались неуправляемыми, а других изгоняли соперники. Предводителей, которые могли привести с собой воинов из собственной дружины, нередко нанимали на должности старших офицеров в римскую армию. Король алеманнов Вадомарий сражался против Констанция II, однако в конце концов заключил мир, и позднее император использовал его для борь-

* Полезный обзор римско-персидских отношений этого периода см.: *Isaac B.* The Eastern Frontier // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 442—452 (ссылка дана автором неверно, поскольку главка «Рим и Персия» дана на с. 437—444, а на с. 444—452 идет речь об отношениях Рима с арабами и племенами пустынь. — *Примеч. пер.*), о войне 421—422 годов источники собраны в книге: The Roman Eastern Frontier... P. 36—43.

бы с Юлианом в ходе гражданской войны. Юлиан захватил его в плен — опять-таки на пиру, организованном римским чиновником, — и впоследствии тот стал одним из старших командиров Валента в войне против персов. Его сын также стал королем своих племен, но был убит по приказу Грациана после того, как возникли подозрения в отношении его лояльности*.

Для племен, обитавших рядом с той или другой половиной Римской империи, жизнь была опасна. Однако они не являлись беспомощными жертвами могущественного соседа. Всякий раз, когда защита границы оказывалась недостаточно надежной, римляне сталкивались с проблемой набегов. Вместе с тем обычно они совершались на небольшие расстояния, а их объектами оказывались лишь несколько уязвимых районов. Помимо набегов, предпринимались попытки миграций и переселения на территорию империи. Судя по всему, они участились в самом конце IV века. Это явилось по преимуществу прямым или косвенным следствием возрастания агрессии со стороны усилившихся гуннов. Набеги и миграции серьезно затрагивали власть римлян. Гораздо более распространенными были мирные взаимоотношения. Продолжалась торговля по обе стороны границы, особенно в периоды относительного мира и стабильности. Многие варвары прибывали на территорию империи, чтобы вступить добровольцами в римскую армию, где их весьма охотно принимали на службу.

Любые общие оценки торговых и экономических показателей применительно к концу IV века затрудняются из-за отсутствия сколь-либо представительной статистики. Некоторые виды товаров, несомненно, продолжали перевозить-

* В целом о его карьере см.: *Burns T.* Rome and the Barbarians, 100 BC — AD 400. Baltimore, 2003. P. 338—339; по поводу дискуссий о феномене, чье положение колебалось между племенным вождеством и старшими командными постами в римской армии, см.: *Drinkwater J.* The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford, 2007. P. 145—176.

ся на значительные расстояния. Торговля с отдаленными районами Востока в IV и V веках несколько ожила. В Индии центр коммерческой активности переместился в порты на Шри-Ланке. Существовала большая конкуренция со стороны персидских и других купцов, даже если основная часть продукции в конечном итоге попадала в империю. Порт Айла (совр. Акаба), по-видимому, стал объектом борьбы с начала IV века, когда отряд Десятого Сокрушительного легиона (Legio X Fretensis) продвинулся сюда со своей прежней базы в Иерусалиме. Значительное количество ладана доставлялось этим маршрутом. Хотя позднее, в IV веке, возможно, имел место короткий спад спроса на благовония из-за запрета языческих ритуалов, он продолжался недолго: христиане начали применять их в собственных обрядах. В 408 или 409 годах римские и персидские власти предприняли совместные усилия по регулированию торговли, шедшей через границу, попытавшись обеспечить государственный контроль над нею и сделать так, чтобы она велась лишь в установленных для этого местах. Отсюда видно, что многие купцы хотели действовать независимо и что торговля между римлянами и персами была обычным явлением*.

На большие расстояния перевозили не только предметы роскоши, но подчас и продукты, такие как зерно и вино. Население города Рима уменьшилось — возможно, до пятисот—семисот пятидесяти тысяч человек — но для обеспечения его продовольствием по-прежнему требовалось огромное количество поставок из Африки и с Сицилии. В данном случае обязанность по снабжению провиантом горожан лежала на императорах (то же самое делалось и для Константинополя); рынок сам по себе не мог обеспечить решения проблемы. Однако имеется достаточно свидетельств в отношении ремесла и сельского хозяйства, показывающих, что коммерческий обмен имел значительные масштабы. По-

* *Young G.* Rome's Eastern Trade. International Commerce and Imperial Policy, 31 BC — AD 305. London; New York, 2001. P. 86—88, 126—130; см. также: The Roman Eastern Frontier... P. 33—34.

явились и новации. В конце IV века в поэзии упоминаются водяные пилы для распиливания мрамора, использовавшиеся в прирейнских областях. Кроме того, нужно помнить, насколько отличалась Римская империя от соседних стран. Количество и распространенность доступных предметов и их циркуляция среди различных слоев населения оставались намного большими, чем у всех соседей, даже включая Персию, хотя в данном случае различия были меньше. Разделение империи не привело к серьезным ограничениям торговли на территории прежней единой державы. Вместе две римских империи все так же представляли собой внушительную торговую единицу и рынок, действовавший по общим законам с использованием общей валюты, до некоторой степени стабилизировавшейся в течение IV века*.

Как и в случае с экономикой, у нас нет надежных статистических данных о населении империи до и после разделения римской державы. Некоторые ее области, судя по всему, процветали. Такие свидетельства имеются относительно сельского населения ряда районов — прежде всего округи крупнейшего города Антиохии, а также определенных частей Северной Африки и Греции — для нескольких последующих веков, причем и численность населения, и уровень его жизни значительно возросли по сравнению с более ранними периодами. Однако следует проявлять осторожность, делая вывод, что то же самое происходило в восточных провинциях в целом, не говоря уже об остальном римском мире. Археологические данные не настолько масштабны для уверенных обобщений, и всегда существует опасность, что мы увидим то, что желаем увидеть. Мы располагаем большим количеством данных по определенным территориям и знаем, что поселения на них основывались или оставлялись жителями, росли, приходили в упадок или оставались без изменений. Подобное разнообразие не является

* О пилах см.: Auson. Mosella. II. 361—363, а также: *Wilson A.* Machines, Power, and the Ancient Economy // JRS. Vol. 92. 2002. P. 1—32, особ. см. 15—17.

неожиданностью, о каком бы периоде ни шла речь, однако оно должно удержать нас от широких обобщений. То, что центральное правительство могло обеспечивать землею мигрантов-варваров, свидетельствует о слабой заселенности некоторых районов. Впрочем, случаи подобного расселения бывали и в более ранние периоды, и нет необходимости считать их признаком возникновения новых, серьезных проблем*.

Весьма велика вероятность существования заметных региональных различий. В районах, являвшихся ареной длительных боевых действий, гибли люди, разрушались отдельные крестьянские хозяйства и целые деревни, уничтожались посевы и скот. Со временем, во дни мирных передышек, эти края возрождались, но на первых порах воздействие конфликтов, конечно, могло быть очень серьезным. Какой бы ни являлась общая численность населения, существуют убедительные свидетельства борьбы властей за наличие достаточного количества людей на стратегически важных для правительства местах. Частота, с какой принимались законы, обязывавшие сыновей наследовать занятия отцов, показывает, что этого часто избегали, и попытки обеспечить необходимое число ремесленников и других специалистов оканчивались неудачей. Считалось, что рабочей силы на селе недо-

* Что касается сельского населения, краткий обзор вопроса см.: *Heather P.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 110—116, где справедливо указывается на новаторский труд Ж. Чаленко: *Tchalenko G.* Villages antiques de la Syrie du Nord. T. 1—3. Paris, 1953—1958; также немало полезного о сельском хозяйстве в этот период можно узнать в книге: *Banaji J.* Agrarian Change in Late Antiquity: Gold, Labour, and Aristocratic Dominance. Oxford, 2001, а также: *Whittaker C., Garnsey P.* Rural Life in the Later Roman Empire // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 277—311, где также выдвигаются аргументы против представлений об этом периоде как времени упадка. Поскольку эти исследования являются хорошим примером переосмысления более ранней, пессимистической оценки экономической жизни этого периода, необходимо напомнить, что наши свидетельства очень ограниченны и всегда следует проявлять осторожность.

ставало, и опять-таки обычным делом стали законы, ограничивавшие перемещение крестьян и батраков. Подобным же образом предполагалось, что набор в армию в лучшем случае лишь минимально удовлетворял ее потребности: дело доходило до того, что необходимость набрать большее число воинов могла оказать влияние на политику империи и побудить Валента принять готов. Нехватка людских ресурсов рассматривалась как серьезная проблема. То, что ни сельскохозяйственное производство, ни армия не пришли в упадок, показывает, что критическая стадия не наступила ни в том, ни в другом случае. Иными словами, усилия властей не пропали втуне.

Благосостояние городов также было неодинаковым в разных районах в зависимости от местных особенностей. Константинополь неуклонно рос, его население к середине IV столетия достигло численности в несколько сот тысяч человек. Оно увеличилось еще больше с тех пор, когда город перестал быть одной из нескольких столиц и превратился в постоянное местопребывание восточных императоров. Со времени Константина там появилось множество больших, великолепных церквей, на которые выделяли средства последующие императоры. Церкви возводились в городах по всей империи, иногда под патронажем самих императоров, но чаще благодаря щедрости местных аристократов. Строительство церкви стало одним из наиболее распространенных благодеяний общине; оно заместило возведение бань и театров, которым отдавали предпочтение раньше. Количество, а в ряде случаев и значительные размеры церковных зданий, строившихся в IV веке по всей империи, свидетельствуют, что по крайней мере часть богачей по-прежнему могла и хотела оказывать благодеяния городам. Но также имеются и признаки отсутствия в некоторых общинах аристократов, имевших довольно денег или даже желания исполнять обязанности местных магистратов. Одни принимали духовный сан, поскольку старшие священники и епископы были освобождены от исполнения гражданских повин-

ностей. Другие добивались такого освобождения, становясь имперскими чиновниками. Часто люди желали лишь получить синекуру, номинальный пост, благодаря ему избавлялись от всякой ответственности перед родными общинами. Один за другим выходившие законы имели целью лишить этих людей такой возможности и заставить выполнять свои обязанности, однако сомнительно, что означенную проблему когда-либо удалось должным образом разрешить*.

В IV веке империя располагала внушительными ресурсами. Она по-прежнему оставалась больше всех своих соперников, и ни один из них не мог ее сокрушить. Однако несмотря на существование в то время централизованной бюрократии и вопреки ее усилиям трудности распределения денежных, людских и материальных ресурсов и управления ими носили серьезный характер. При таком огромном превосходстве в людях и средствах не должно было уйти целых шесть лет на то, чтобы одолеть готов во Фракии. Разделение империи в 395 году не улучшило эту ситуацию. С давних пор сохранялось положение, при котором армия и администрация проявляли недостаточную заботу о делах в отдаленных районах империи. Проблемы центра всегда были их величайшей заботой**. После 395 года это стало еще заметнее и со временем было формально признано. Разделение империи неизбежно означало разделение ресурсов. Лишь изредка люди, деньги и материальные ресурсы одной половины державы использовались для оказания помощи другой. С самого начала Восточная империя была, вероятно, богаче Западной. Она находилась перед лицом потенциальной угрозы со стороны Персии, хотя, как оказалось, нескольким поколениям выпало счастье наслаждаться покоем. Западной империи противостояли враждебные племена вдоль весьма протяженной границы. Они не могли даже отчасти сравниться

* См.: *Ward-Perkins B.* The Cities // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. P. 373—382.

** Надо полагать, что автор имеет в виду под «местными» проблемы тех территорий, на которых пребывали армия и центральная администрация. — *Примеч. пер.*

с Персией в могуществе, однако их было множество, и всегда существовала значительная опасность возникновения конфликта в каком-либо месте. С самого начала ситуация в обеих империях оказалась еще больше напряженной из-за самых разных военных проблем.

Христианская империя

К концу IV столетия не было уже сомнений в том, что Римская империя — или империи, поскольку после 395 года речь шла в действительности о двух — стала христианской. Евгений оказался последним претендентом на императорскую власть, открыто рассчитывавшим на поддержку язычников. По словам епископа Амвросия Медиоланского, узурпатор похвалялся, будто превратит его собор в конюшню, когда одержит победу. Нам следует соблюдать осторожность: почти все наши источники принадлежат к числу христианских и склонны прославлять победу Феодосия как триумф истинной веры над суевериями. Армия Феодосия, как и всех преемников Константина, за исключением Юлиана, выступала под знаком labarum. Труднее сказать, были ли у воинов Евгения символы Юпитера. Сразу после битвы начали ходить слухи, что победа оказалась одержана благодаря чуду. Сильный ветер — явление, вполне обычное для тех мест — начал дуть в лицо солдатам узурпатора, мешая им бросать метательные снаряды, тогда как аналогичному оружию их противников это придавало дополнительную силу*.

К концу IV столетия значительное число воинов по-прежнему придерживалось языческих верований, хотя христиане, возможно, уже составляли явное большинство населения. Однако и сами христиане оставались разделенными на

* Paulin. Vita Ambr. 31; о дискуссии по этому поводу см.: Williams, Friell (1994). P. 131—137, более детально — *McLynn N.* Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, 1994.

несколько различных групп. В Северной Африке до сих пор сохраняли силу донатисты; они представляли собой целую церковную организацию во главе с епископами и другими иерархами, которая существовала параллельно с поддерживавшейся государством католической церковью. Феодосий добился того, чтобы официальная церковь поддержала символ веры и учение, утвержденные на Никейском соборе при Константине. В 380 году он объявил:

> *«Мы желаем, чтобы все люди, которые находятся под властью нашего милосердия, были тверды в той вере, которую, как известно, божественный* апостол Петр оставил римлянам и которой держались папа Дамас и Петр, епископ Александрийский... Мы повелеваем, чтобы те, кто подчиняется этому закону, именовались католическими христианами. Остальные же, являющиеся, по нашему мнению, сумасшедшими и безумными, будут нести на себе позорное бремя еретических догм»**.*

Констанций II и Валент склонялись к арианству, отвергая никейский символ веры в пользу учения, согласно которому Иисус не был полностью тождествен Богу-Отцу. Такая точка зрения всегда была более распространена на греческом Востоке. Феодосий же был испанцем с латинского Запада, выросшим в преданности никейскому вероучению, согласно которому единосущная Троица — Отец, Сын и Святой Дух — обладали одной и той же природой. Он также был непреклонным человеком и считал себя вправе навязывать другим свою точку зрения. В 381 году епископы, при-

* Божественный в смысле праведности или святости — то же самое слово императоры использовали по отношению к самим себе.

** Cod. Theodos. XVI. 1. 2, цит. по: *Mitchell S.* A History of the Later Roman Empire ad 284—641. Malden; Oxford, 2007. P. 247—248. (Если быть точнее, ссылка должна быть дана на Cod. Theodos. XVI. 1. 2pr — 1. 2. 1. — *Примеч. пер.*)

державшиеся арианства, повсеместно подверглись высылке. Они более не рассматривались как священнослужители, а места собраний представителей некатолических форм христианства отныне не считались храмами. В каждый диоцез империи были назначены епископы, признанные католическими. Они рукополагали священнослужителей менее высокого ранга. Кроме того, были объявлены вне закона многие еретические секты*.

Устройство церкви отражало устройство государства. Во всех городах имелись епископы, в сельской местности тоже. Однако с самого начала сельские епископы рассматривались как подчиненные епископов городских. Границы епископских диоцезов зависели от государственного административного деления. Епископ в центральном городе диоцеза (группы провинций под управлением наместника, который, в свою очередь, подчинялся префекту претория) признавался старшим по отношению к епископам более мелких городов. Важность поста римского епископа, уже в те времена иногда именовавшегося папой, определялась прежде всего как реальной, так и символической важностью этого города. Аналогичным образом с самого начала епископы Александрии и Антиохии, а со временем и Карфагена обладали огромным влиянием, поскольку они возглавляли церковь крупных и престижных общин. В течение IV столетия занять равное с ними положение (а то и превзойти их) стремился и епископ Константинополя. В ответ епископ римский стал подчеркивать в ходе своих пропагандистских акций, что он является преемником святого Петра. Папа оставался авторитетной фигурой, несмотря даже на то, что императоры редко посещали город, однако до какого-то момента он был лишь одним из главных епископов империи**.

Поддержка, которую оказывало государство церкви, давала ее руководителям возможность привилегированного

* Williams, Friell (1994). P. 47—60.

** См.: *Hunt D.* The Church as a Public Institution // CAH. Ed 2nd. Vol. XIII Cambridge, 1998. P. 240—250.

доступа к императору, что всегда обеспечивало влияние. Городам и провинциям приходилось теперь часто обращаться к епископам, чтобы те лоббировали их интересы при дворе. Епископы стали важными людьми на местах. Многие из них происходили из региональной аристократии и потому имели неплохие отношения с местными магистратами и высокопоставленными лицами в кругах имперской бюрократии. В определенных случаях они обладали полномочиями, равными магистратским. Масштабы влияния, которым пользовался епископ при дворе, и власть, которую он имел в своем городе и его округе, сильно зависели от его личности и семейных связей.

Епископ Амвросий Медиоланский, бесспорно, относился к числу людей с сильным характером. Когда Юстина, мать Валентиниана II, захотела устроить молельню ариан в казармах императорских гвардейцев (многие из них, возможно, были готами) в Милане, Амвросий выразил столь жесткий протест, что она отступилась. В 388 году в Каллинике на Евфрате толпа христиан разрушила синагогу и несколько языческих храмов. Ответственность за это несли епископ и его монахи, и Феодосий приказал ему оплатить восстановление синагоги. Несмотря на звучавшую время от времени риторику, к еврейским общинам относились без особой враждебности. На синагоги взирали с уважением (многие из них представляли собой внушительные здания в центре того или иного города), а раввины пользовались примерно теми же привилегиями, что и христианские священники. Амвросий немедленно обратился к Феодосию с протестом и продолжал порицать императора даже после того, как тот передумал и возложил оплату расходов на всю общину. В конце концов тот вообще отменил свое решение*.

Еще более впечатляющим оказался их второй конфликт. В 390 году в Фессалониках армейский офицер стал жертвой самосуда толпы, возмущенной арестом знаменитого возницы. В качестве карательной меры Феодосий приказал на-

* О синагогах см.: Mitchell (2007). P. 235—237.

пасть на толпу в цирке в определенный день. Это было не лучшим способом решения вопроса и скорее свидетельствовало о том, что власти не полностью держали ситуацию под контролем. Каковы бы ни были истинные намерения императора, результатом стала массовая резня. Утверждали, что погибло порядка семи тысяч человек, хотя это скорее всего сильное преувеличение. Амвросий написал послание Феодосию, в котором заявил о своем намерении бойкотировать официальные церемонии, когда тот прибудет в Милан, что планировалось в ближайшем будущем. Он потребовал, чтобы император понес епитимью, прежде чем будет допущен к причастию. Феодосий, по-видимому, успел раскаяться в том, что в ярости отдал такой приказ, и захотел откреститься от его чудовищных последствий. Поэтому он подчинился требованию Амвросия и через какое-то время появился без императорской одежды и регалий, с рыданиями и словами раскаяния повергнувшись ниц в миланском соборе*.

Император не имел возможности полностью контролировать церковь, однако было бы неверно думать, будто он сам находился под ее контролем. Императоров IV столетия часто представляют как людей, которых советники удерживали от совершения особо жестоких акций. Амвросий Медиоланский был проницательным политиком и, видимо, не без оснований счел, что император сам хочет, чтобы его подвергли осуждению. С другой стороны, он достаточно понял характер эмоционального Феодосия, чтобы оценить его настроение. И что важнее всего, нам следует учитывать исключительность этого случая. Епископы не указывали императорам, что тем делать. Их репутация, личность и положение обеспечивали им соответствующее влияние, но этим все и ограничивалось**.

---

* О взаимоотношениях Амвросия и Феодосия см.: Williams & Friell (1994). P. 64—65, 68—70; Mitchell (2007). P. 248—250.

** *Kelly Ch.* Emperors, Government and Bureaucracy // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. P. 153—156; *Lenski N.* The Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD. Berkeley, 2002. P. 86—97, 142—143.

К тому же на данный момент отсутствовал единый властитель, который мог бы говорить от имени всей церкви. Конечно, в действительности единой церкви не существовало, поскольку христиане продолжали делиться на множество различных группировок. Активная поддержка Никейского символа веры со стороны Феодосия не повлекла за собой немедленной гибели арианства. Даже те группы, которые он приказал преследовать как еретические, оказывалось искоренить не так-то просто. Вспыхивавшие то и дело диспуты способствовали сохранению раскола. Один епископ заявил, что в Константинополе, «если вы попросите человека обменять деньги, он расскажет вам, чем Бог-Сын отличается от Бога-Отца. Если вы спросите о ценах на хлеб, он начнет доказывать, что Сын меньше Отца. Если вы поинтересуетесь, готова ли ванна, вам сообщат, что Сын был создан из ничего»*.

Это отрывок из проповеди, произнесенной на публике в доказательство некой конкретной идеи, и посему не стоит воспринимать его как свидетельство того, что большинство населения всерьез предавалось доктринальным спорам. Достаточно большое число людей придерживалось особых мнений (а также поддерживало пользовавшихся доброй славой лидеров и местные традиции), в результате чего расколы в церкви продолжались. Но даже в этой ситуации следует учитывать, что такие случаи нашли несоразмерное отражение в сохранившихся источниках. То, что ортодоксальный католицизм в свое время одержал полную победу, также затруднило правильное понимание позиции его оппонентов**.

Император не мог сделать всех по собственной воле адептами ортодоксального вероисповедания, и прежде все-

* Greg. Nyss. De Deitate Filii et Spiritus Sanctis // *Migne J.-P.* Patrologia Graeca. 46. 557—558.

** Представление о диспутах того времени можно получить в работе: *Chadwick H.* Orthodoxy and Heresy from the Death of Constantine to the Eve of the First Council of Ephesus // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. P. 561—600.

го христианами. В начале правления Феодосий объявил вне закона манихейство, но в результате сторонники последнего теснее сблизились с другими гонимыми христианскими еретическими сектами. В течение царствования Феодосий занимал все более и более жесткую позицию. Он издал несколько законов, запрещавших жертвоприношения. Насколько неукоснительно это проводилось в жизнь, зависело в основном от местных властей: животных по-прежнему убивали для того, чтобы подавать их мясо на пирах, проходивших во многих общинах во время празднеств, и иногда трудно было отличить это от официального жертвоприношения. Однако в целом публичное проведение откровенно языческих ритуалов стало редкостью. Согласованного или организованного сопротивления политике императора оказывалось мало. Столкновения происходили между враждебно настроенными по отношению друг к другу толпами, обычно когда группы христиан — почти всегда, как утверждали, монахов на службе епископа — пытались уничтожить языческий храм. Бывали и весьма впечатляющие случаи подобных проявлений насилия. В 391 году толпа уничтожила в Александрии величественный храм Сераписа; то же произошло и с частью огромной библиотеки в этом городе, что в особенности огорчает современных исследователей, хотя и невозможно сказать, сколько текстов, утраченных тогда, дошло бы до наших дней, если бы пожара не случилось.

Такие конфликты производили впечатление, но они были редкостью. В целом различные религии, в том числе и многообразные течения христианства, вполне уживались бок о бок друг с другом, пусть речь и не шла о теплых отношениях и гармонии. Многие язычники, а также христиане из числа ариан по-прежнему занимали высокие посты на императорской службе. Сенат в Риме оставался, как и прежде, сугубо языческим, или, скорее, видимо, сугубо традиционным. Констанций II велел убрать алтарь Победы из здания сената. В течение многих столетий сенаторы воскуряли

на нем (или его точной копии, поскольку сам он не раз горел за долгие годы) ладан, прежде чем начать какое-либо обсуждение. Юлиан позволил вернуть алтарь на место. Грациан вновь убрал его и отверг несколько официальных прошений сената восстановить алтарь. Евгений отменил это решение, но после его смерти Феодосий вновь удалил его из курии и отклонил все просьбы возвратить его*.

Христиане повсюду трубили о том, что языческие боги не в силах защитить от уничтожения собственные храмы и статуи. Гибель Валента при Адрианополе и особенно легенда о том, что он сгорел заживо, рассматривались подобным же образом как наказание за поддержку арианского вероучения. Общим местом у многих писателей стало превосходство христианских священнослужителей над последователями ложных богов или философов. Со времен Константина империя была обязана своими успехами почитанию христианского Бога. Довольно скоро персы пришли к тому, чтобы рассматривать христианство как признак сочувствия Риму**.

То же чувствовали и другие. Примечательны рассказы о христианах, живших среди готов до того, как они попали на территорию империи. Первые из них были теми, кого захватили во время больших набегов III века; они сохранили четкое представление о собственной национальной идентичности, а также свою веру. Они, подобно их знаменитому первому епископу Ульфиле (досл. «маленький волк» — имя готское, даже если он и его семья по-прежнему помнили о своем происхождении), были в большинстве своем арианами. Ульфилу отправили послом к Констан-

* См.: Williams & Friell (1994). P. 119—125, Mitchell (2007). P. 248—251, Fowden (2005). P. 548—554.

** О проявлении могущества христианских лидеров и праведников как важном факторе обращения в христианство см.: *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire ad 100—400. New Haven, 1984; о церкви в целом см.: *Chadwick H.* The Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great. Oxford, 2001.

цию II, исходя, видимо, из того, что римляне с большим вниманием отнесутся к единоверцу-христианину. Во время пребывания в Константинополе его рукоположили в епископы всех христиан-готов. Позднее готские вожди, очевидно, решили, что Ульфила и его паства слишком сильно привязаны к римлянам из-за благ цивилизации, и преследованиями вынудили их искать спасения на территории империи. В последующие годы Ульфила потратил немало усилий, переводя Библию на готский язык. Это потребовало создания алфавита, поскольку готы не имели своей письменности.

Среди варварских племен жили и другие христиане; по-видимому, их обратили миссионеры, поскольку они определенно придерживались более ортодоксальных религиозных воззрений. Примечательно, что в периоды обострения отношений между римлянами и их соседями готские царьки несколько раз затевали преследования христиан. У нас есть подробный рассказ о мученичестве одного из них, а именно св. Саввы, который, похоже, особенно добивался того, чтобы его убили. Любопытно, что в нескольких случаях односельчане пытались защитить его, хотя он всякий раз мешал этому, идя на открытый конфликт с властями. В целом перед нами возникает картина политических, а не религиозных преследований. Когда готы поселились на территории империи, они охотно приняли арианство. Их потомки сохраняли приверженность этому учению в течение многих десятилетий, даже после того, как Феодосий и его преемники объявили его еретическим*.

---

* Об Ульфиле, Савве и христианстве у готов см.: *Heather P.* The Goths. Oxford, 1996. P. 60—62, 73—74, 85, 313; *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley; Los Angeles; London, 1991. P. 69—70, 72—73, 76—79; *Kulikowski M.* Rome's Gothic Wars. From the Third Century to Alaric. Cambridge, 2007. P. 107—111, 118—122; *Greatrex G.* The Gothic Arians after Theodosius (to Justinian) // Studia Patristica. Vol. 34. 2001. P. 73—81; *Burns T.S.* Rome and the Barbarians, 100 BC — AD 400. Baltimore, 2003. P. 337—338, 368—369.

* * *

Единая империя в последние годы IV столетия представляла собой обширное и могущественное государство. Сомнительно, была ли она столь же обширной, могущественной или процветающей, как в 300 году. Конечно, Рим стал слабее, чем в I и II веках. После разделения каждая половина империи сделалась менее сильной, чем прежде, когда они составляли единое целое. К тому же эти половины не были равны друг другу по мощи, поскольку перед каждой из них стояли совершенно различные трудности. Внутренняя нестабильность оставалась бичом империи на протяжении всего IV столетия. Она постоянно ослабляла армию и чиновничество; то же воздействие оказывали периоды открытых конфликтов, узурпаций и гражданских войн. Нестабильность также способствовала укреплению такой модели поведения, при котором стремление к самосохранению и личному успеху оказывалось всеобщей и почти единственной целью. Оба императора и их администрация думали не столько о благе империи в целом, сколько о собственном выживании — что, конечно, не шло на пользу делу. Теперь предстояло убедиться на опыте, обеспечит ли раздел империи большую политическую стабильность.

Среди неизбежных последствий разделения Римской империи на две части оказалось и то, что стало труднее отслеживать историю ее падения. Хотя проще всего кажется рассматривать Западную и Восточную империи по отдельности, это приводит к ошибочным результатам. Империи соседствовали друг с другом, по-прежнему будучи тесно связаны политически, и зачастую проблемы и их решение одной в значительной мере зависели от положения в другой. Следовательно, лучше всего придерживаться хронологического подхода, насколько это возможно, даже если этот принцип приводит к усложнению повествования.

Часть третья

КРАХ?
V—VI века

Глава пятнадцатая

ВАРВАРЫ И РИМЛЯНЕ: ВОЕНАЧАЛЬНИКИ И БУНТОВЩИКИ

Напав на варваров без предупреждения, [Стилихон] полностью уничтожил все их силы. Вряд ли кто-нибудь уцелел, за исключением тех, кого он принял в число ауксилиариев.

*Зосим, конец V века**

Всю Галлию заволокло дымом одного погребального костра.

*Ориент о последствиях вторжения варваров в 406 году***

До нас дошел замечательный документ конца IV века. Официально он именуется «Список всех должностей, гражданских и военных», а по-латыни — «Notitia Dignitatum omnium, tam civilium quam militarium», хотя ученые обычно называют его просто «Notitia Dignitatum»; он был составлен для старшего нотария или клерка (primicerius notariorum) императора Гонория в 395 году. Недавнее разделение империй на Восточную и Западную отчетливо прослеживается в тексте: они показаны в нем как полностью автономные. Документ чрезвычайно подробен: в нем зафиксирован каждый пост, кое-что сообщается об ответственности, возложенной на того, кто его занимает; в случае командующих армиями перечислены соединения, находившиеся в их распоряжении. Еще более любопытно, что в нем имеются цветные иллюстрации. На них изображены инсигнии, соответствовавшие каждому званию, вместе с символами службы (к примеру, должности тех, кто руководил мастерскими по изготовлению снаряжения для армии, символизировало оружие, а должности тех, кто взимал натуральный налог, — булки).

---

* Zosim. Hist. nova. V. 26. 5.

** Orient. Commonit. II. 184.

Провинции символизируют как олицетворяющие их фигуры, так и искусно выполненные миниатюрные изображения городов, подписанные, дабы обозначить главные общины в данной области. Названия соединений полевой армии снабжены круглыми эмблемами, которые должны были носить их воины на щитах*.

Разумеется, мы не располагаем подлинным документом, написанным и проиллюстрированным служащими старшего нотария в 395 году. Тексты, имевшие важное значение — художественные, юридические или связанные с административной деятельностью, — сохранились только потому, что из века в век создавались их копии, и наиболее древние из них обычно относятся к Средним векам. В случае «Notitia Dignitatum» мы располагаем несколькими копиями XVI века, воспроизводящими вариант текста, переписанного для короля из династии Каролингов в период Раннего Средневековья. Иллюстрации являют собой странную смесь стилей, характерных для римской империи и для Средних веков. Когда художник понимал, что именно он рисует, он старался отражать окружавшую его реальность (поэтому маленькие города, окруженные стенами, отчетливо напоминают средневековые); когда же не понимал, то скорее всего копировал рисунки без изменений. Даже в римский период «Notitia Dignitatum», по-видимому, несколько раз подвергалась модификации. Она, очевидно, проводилась чиновниками, в чьем ведении находились западные области империи, поскольку разделы, посвященные Восточной империи,

* О «Notitia Dignitatum» см.: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 1417—1450, а также подборку статей в: Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976 (BAR Supplementary Series, 15), и работу М. Куликовского: *Kulikowski M.* The «Notitia Dignitatum» as a Historical Source // Historia. Bd 99. 2002. P. 358—377. «Notitia Dignitatum» / Hrsg. O. Seeck. 1876 остается одним из наиболее доступных изданий, но см. также: La «Notitia Dignitatum»: Nueva Ediciyn Critica y Comenatrio Histyrico: Nueva Roma 25 (2005), где имеются куда более информативные цветные вклейки.

не обнаруживают никаких изменений после 395 года. Разделы, связанные с Западом, в особенности имевшие отношение к организации армии, претерпели изменения в V веке — быть может, весьма поздно, в 420-е годы. Обновления носили фрагментарный характер и не всегда последовательно осуществлялись повсюду, где требовались. Имеются также очевидные ошибки на страницах с изображением эмблем военных отрядов. Многие из них оставлены пустыми; другие же смахивают на фантазии художника на соответствующие темы. Кроме того, они изображены почти круглыми, тогда как на самом деле воины пользовались овальными щитами. Судя по щитам со сложным орнаментом, найденным в Дура-Европос, весьма вероятно, что их миниатюрные изображения также сильно упрощены*.

Несмотря на все ошибки и случаи путаницы, «Notitia Dignitatum» уникальна, поскольку представляет собой официальный обзор имперской бюрократии и армии. Она содержит огромное количество сведений о структуре расколотой империи, включая множество деталей, не зафиксированных более ни в одном источнике. Но сама ее уникальность также вызывает сильное ощущение разочарования: ведь если бы в нашем распоряжении имелись один-два похожих документа предшествующего или следующего десятилетия, мы бы могли куда более тщательно проследить развитие структуры империи. В тексте, которым мы располагаем, есть намеки на изменения, а другие источники подтверждают существование многих административных и военных структур, описанных для более ранних и поздних периодов. Аммиан, к примеру, упоминает многие ранги и должности из списков «Notitia», равно как и ряд соединений, и, судя по всему, подтверждает существование и других аспектов организации военного дела. Что касается провинции, то такие структурные особенности, как, например,

* Что касается щитов, см.: *Grigg R.* Inconsistency and Lassitude: The shield Emblems of the «Notitia Dignitatum» // JRS. Vol. 73. 1983. P. 132—142.

Схема 6: Командные структуры римской армии по «Notitia Dignitatum»

Соединения полевой армии обозначены согласно званию командующего

1. Запад

Император Западной Римской империи

Магистр пехоты
Италийская армия
7 полков* кавалерии
32 полка пехоты

Магистр конницы
Галльская армия
12 полков кавалерии
48 полков пехоты

Комит в Иллирике	**Комит в Африке**	**Комит в Тингитании**	**Комит в Британии**	**Комит в Испании**
—	19 полков кавалерии	2 полка кавалерии	6 полков кавалерии	—
22 полка пехоты	12 полков пехоты	3 полка пехоты	3 полка пехоты	16 полков пехоты

Также

Limitanei
(18 отрядов под предводительством 6 дуксов и 12 комитов).

Магистр пехоты считался старше по званию, нежели магистр конницы, и оба они были старше пяти комитов, командовавших полевыми армиями, и всех офицеров, командовавших limitanei. Однако четкой иерархии опять-таки не существовало, и император мог отдавать приказы непосредственно любому командиру.

2. Восток

Император Восточной Римской империи

Магистр войска при первом дворе	**Магистр войска при втором дворе**	**Магистр войск Востока**	**Магистр войск Фракии**	**Магистр войск в Иллирике**
12 полков кавалерии 24 полка пехоты	12 полков кавалерии 24 полка пехоты	10 полков кавалерии 21 полк пехоты	7 полков кавалерии 21 полк пехоты	2 полка кавалерии 24 полка пехоты

Также

Limitanei (15 отрядов под предводительством 13 дуксов и 2 комитов).

Пять магистров войска формально имели одинаковый ранг. Командующие limitanei подчинялись им.

---

* Здесь и далее под полком следует понимать «воинское соединение», не проводя аналогий с полками в более современных армиях. — *Примеч. пер.*

распределение limitanei, вряд ли изменились в результате разделения империи в 395 году*.

Все это делает «Notitia» в высшей степени полезным документом, но подчас исследователи, используя его, проявляют, мягко скажем, неосмотрительность. Те, кто изучает армию, в особенности склонны считать, что упомянутые в ней соединения существовали уже за сто лет до появления «Notitia» или через сто лет после ее составления. Согласно общепринятому мнению, соединение, названное в честь того или иного императора, создавалось им же, хотя вполне возможно, что уже существовавшие войсковые единицы переименовывались с целью поощрения или укрепления их лояльности. В армии далеко не всегда царит логика, особенно когда дело доходит до наименований и титулов; так, например, в современных британских вооруженных силах пехотинцы именуются стрелками, фузилерами, кингсмэнами (т.е. «людьми короля») или гвардейцами, а не просто рядовыми: ведь последнее звучит куда прозаичнее. Неразумно также высчитывать потери при Адрианополе или в результате других поражений, пытаясь определить, какие соединения «исчезли» из списков «Notitia Dignitatum». Как мы уже отметили, при этом не учитывается вероятность того, что некоторые соединения были уничтожены в ходе других кампаний, а некоторые попросту переименовали, объединили или распустили по тем или иным причинам. Даже если завысить оценки, соединения, входившие в состав полевой армии, были куда меньше легионов прошлого и вследствие этого более уязвимы; в отношении их также проще было проводить решения, изменявшие структуру армии, и это требовало меньше времени. Частые гражданские войны — еще одна причина того, что список носил следы путаницы и не отличался аккуратностью, а его построение — логичностью.

---

* См.: *Matthews J.* Mauretania in Ammianus and the «Notitia» // Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976 (BAR Supplementary Series, 15). P. 157—186.

Равным образом важно помнить, что цели тех, кто составлял первую «Notitia Dignitatum», носили ограниченный характер. Главная забота нотариев состояла в определении обязанностей тех, кто занимал перечисленные военные и гражданские посты: так, изображение инсигний primicerius notariorum сопровождалось рисунком письменного стола и связки документов. Играли роль и сами назначения, и то, какое место тот или иной пост занимал в иерархии. «Notitia Dignitatum» не была рассчитана на то, чтобы разъяснять, как функционировали армия и администрация. Посты на императорской службе приносили служащим власть (до тех пор, пока они их занимали), а также перманентное обеспечение деньгами, привилегиями и давали высокий ранг. Всегда находилась масса людей, стремившихся занять тот или иной пост, а высокопоставленные лица, способные давать назначения или влиять на них, ожидали, что за помощь им будут обеспечены некоторые блага в будущем или просто взятки. Это неизбежно влекло за собой умножение числа должностей; в некоторых случаях они представляли собой не более чем синекуры, поскольку занимавший их человек никогда не стремился исполнять соответствующие обязанности. Как обычно, частота появления императорских указов, направленных на противодействие подобным злоупотреблениям, свидетельствует, что распоряжения эти достигали цели далеко не в полном объеме. Письма, сохранившиеся от офицера, командовавшего соединением limitanei в Египте в IV веке, изображают, как, прибыв в гарнизон, он обнаружил, что несколько человек получили назначение на тот же самый пост. Лишь преодолев существенные затруднения и обратившись к вышестоящим властям, он добился удовлетворения своих требований*.

* См.: *Tomlin R.* «Notitia Dignitatum omnium, tam civilium quam militarium» // Ibid. P. 189—209; о проблеме назначения нескольких человек на один и тот же пост в Египте см.: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I. Oxford, 1964. P. 393; даются отсылки на издание: The Abinnaeus Archive: Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II / Eds. H. Bell, V. Martin, E. Turner & D. van Berchem. Vol. I. Oxford, 1964.

«Notitia Dignitatum» содержала список официально одобренных должностей (ведь именно это и означало название документа): каждому воинскому соединению полагался свой командир, даже если он не был специально поименован. Упоминания многих союзных сил, составлявших в тот период значительную часть войск, или офицеров, командовавших ими, отсутствуют. Возможно, такие посты не были предметом забот нотариев. Равным образом те, кто впоследствии адаптировал текст, по-видимому, интересовались только некоторыми разделами.

Изменения гражданских должностей отмечаются редко, и даже в военной сфере приоритет отдавался отдельным соединениям — вероятно, тем, которые интересовали офицера, в чьем штабе хранился список*.

В общем и целом документ поддерживает впечатление от империи как от огромного, высокоорганизованного и мощного государства, недавно разделенного на две самостоятельные иерархии — западную и восточную, которые, однако, по духу оставались частями прежнего единства. Несомненно, «Notitia Dignitatum» усилила позиции тех ученых, которые рисуют империю IV и (в меньшей степени) V столетий как в основном сохранившую прежнюю силу и эффективно функционировавшую. Содержащийся в ней список войсковых единиц служит главным доказательством мощи армии: по-видимому, численность войск значительно превышала шестьсот тысяч человек. Иными словами, армия была вдвое больше, нежели во времена императоров вроде Марка Аврелия. Многие замечают, что эти цифры, скорее, представляют собой численность «на бумаге» и что реально военнослужащих, вероятно, было меньше, но, по-видимому, не в полном объеме учитывают вы-

* Предположение, будто «наш» вариант «Notitia Dignitatum» был подготовлен в штабе магистра пехоты в Западной империи, см. работу Дж. Манна: *Mann J.* What was the «Notitia Dignitatum» for? // Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976. P. 1—9.

воды отсюда. Образ чрезвычайно мощной армии сохраняется по-прежнему*.

Однако трудно увязать его с тем, как развивались события в конце IV—V веков. Армия — как и в какой-то мере само государство — временами кажется невидимой: области, которые считались хорошо охраняемыми, на поверку оказывались незащищенными. Вновь и вновь поднимается вопрос о том, где на самом деле находились эти якобы мощные войска. Нужно поставить и другую проблему: насколько «Notitia Dignitatum» отражала повседневную реальность — в особенности в отношении армии? Очевидно, присутствие в списке воинского соединения вместе с изображением эмблемы, носимой его солдатами на щитах, означало, что оно действительно существовало — если говорить об официальной стороне вопроса. В ряде случаев это могло и вправду означать, что соединение располагало большей частью личного состава и солдаты были обучены, экипированы и готовы к службе. Могло быть и иначе: при меньшем, чем на бумаге, количестве солдат отряд все же сохранял боеспособность. Еще один вариант: незначительное количество личного состава, кто-то из командиров, документация сохранена — словом, отряд ожидал превращения в настоящую боевую единицу, для чего ему следовало придать надлежащее количество рекрутов и другие ресурсы. Наконец, соединение могло существовать лишь на бумаге и отражать статус военачальника, которому было вверено. Вероятно, это показывало, какими силами он бы мог командовать теоретически. В этой ситуации, заметим, кто-то вполне мог получать жалованье и пользоваться привилегиями командующего.

---

* О численности см. дискуссию в издании: *Treadgold W.* Byzantium and its Army, 284—1081. Stanford, 1995. P. 43—64. Агафий Миринейский, писавший в 580-х годах, утверждает, что в прежние времена армия насчитывала 645 тысяч человек (Agath. V. 13. 7—8); о структуре армии в целом см. работу: *Elton H.* Military Forces // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Vol. II. Cambridge, 2007. P. 270—309.

Все вышеперечисленное вполне могло иметь место. Более чем вероятно, что в разные периоды воинские соединения, перечисленные в «Notitita Dignitatum», отражали разные варианты, описанные нами. Мы уже видели, рассматривая конфликт с готами 376—382 годов, что римская армия столкнулась со значительными трудностями, пытаясь справиться со сравнительно немногочисленным врагом. Временами, читая описания войн того периода, выполненные современными историками, трудно не вспомнить Гитлера перед самой его гибелью: он чертил на карте планы масштабных наступлений, в то время как дивизии, которые он думал бросить в бой, давно перестали существовать. После 395 года ситуация была не столь отчаянной, враг также не был настолько могуч и хорошо организован, но в годы правления Гонория и Аркадия положение сложилось весьма тяжелое.

Стилихон

Даже при сильных императорах крупные чиновники и командующие постоянно вели безжалостную борьбу за власть, влияние и продвижение по службе. Если же император был слаб или молод, то факторов, смягчавших остроту противостояния, было еще меньше. В 395 году сыновья Феодосия были еще малы, а в ходе позднейших событий обнаружилась чрезвычайная слабость их характеров. Войдя в возраст и по-прежнему не будучи в состоянии контролировать подчиненных, они ограничивались стравливанием их друг с другом. Любой, кто мог оказывать влияние на императора, фактически становился обладателем всей полноты власти. На востоке, при Аркадии, первым этого достиг префект претория Руфин, а вслед за ним — другие царедворцы, фактически управлявшие Восточной империей. Формально данные лица занимали те или иные должности, имевшие меньшее значение в сравнении с влиянием, которое они оказывали на молодого императора. Однако оно никогда не

бывало прочным: все в конечном итоге низверглись с высот власти и умерли насильственной смертью.

В Западной империи подлинная власть, как правило, находилась в руках человека, контролировавшего основные силы армии, а не в руках гражданских лиц. Первые тринадцать лет правления Гонория таким человеком был Стилихон, занимавший пост магистра пехоты и конницы (вероятно, созданный специально для него). Формально это означало, что он исполнял функцию командующего западными армиями. На востоке, где несколько магистров войска имели равную власть, аналогичная должность отсутствовала. В 395 году Стилихон получил дополнительное преимущество, поскольку многие отряды полевой армии Восточной империи по-прежнему находились в Италии (перед тем они боролись с Евгением и одержали над ним победу). Когда упомянутые силы соединились с войсками Запада (среди них было немало тех, кто прежде сражался на стороне узурпатора), это позволило Стилихону располагать такой мощной армией, какой не было ни у кого из его потенциальных соперников*.

Отец Стилихона был вандалом, служившим при Валенте в качестве командующего кавалерийским соединением, и его «варварское» происхождение стало поводом для упреков в его адрес со стороны критиков. Однако он был римлянином в полном смысле слова, и нет никаких оснований утверждать обратное. Начав службу среди protectores**, он быстро возвысился, снискав благосклонность Феодосия. Его женой стала Серена, дочь брата императора; после смер-

* См. в целом: *O'Flynn J.* Generalissimos of the Western Roman Empire. Alberta, 1983. P. 1—24, *Williams S., Friell G.* Theodosius: The Empire at Bay. London, 1994. P. 143—158, *Burns T.* Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375—425 A.D. Bloomington, 1994. P. 148—182, а также: *Matthews J.* Western Aristocracies and Imperial Court: AD 364—425. Oxford, 1975. P. 253—283.

** Protectores (точнее, protectores domestici) — «телохранители», воинское соединение, набиравшееся из числа представителей знати и состоявшее при императоре. — *Примеч. пер.*

ти ее отца его положение в императорской семье продолжало укрепляться. Объявив, что, умирая, Феодосий завещал ему заботиться о его сыновьях и охранять их, Стилихон быстро взял под контроль десятилетнего Гонория, фактически управляя Западной империей в качестве регента. Он никогда не делал явных попыток добиться статуса императора, но когда Гонорий подрос, женил его на своей дочери. Новые императоры — вероятно, лучше сказать «тот, кто стоял за ними» — немедленно столкнулись с рядом проблем. В 395 году банды гуннов-мародеров предприняли ряд набегов как на сасанидскую Персию, так и на восточные провинции Рима, и разграбили Армению, Месопотамию и Сирию; они вторглись даже в Малую Азию. Немало соединений восточной армии находилось при Стилихоне, и это вполне могло снизить возможности местных командиров справиться с этими нападениями. Как обычно бывало в случаях подобных набегов, серьезно пострадала лишь небольшая часть общин, но страх охватил едва ли не все население. Обитатели земель, находившихся вдали от границ с Персией, наслаждались миром более ста лет, и этот эпизод оказался для них весьма болезненным, в особенности когда гунны вернулись через два-три года*.

В 395 году возникла новая, более непосредственная угроза, когда часть готов, расселенных Феодосием на территории империи, подняла восстание. Их возглавил Аларих, офицер, командовавший войсками, несшими службу совместно с римской армией в качестве союзников. Вероятно, он происходил из аристократии одного из племен и в должный срок получил бы титул короля, но чем был обусловлен его авторитет, сказать трудно. Одни из людей Алариха могли быть привязаны к нему узами родства, другие служили в армии под его командованием. Он, очевидно, был яркой личностью, поскольку его приверженцы оставались ему верны

* Перечень источников, повествующих о данном эпизоде, см. в работе: *Greatrex G., Lieu S.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Pt 2. AD 363—630. London; New York, 2002. P. 17—19.

в течение пятнадцати лет. Долгосрочные цели Алариха, как и источники его власти, остаются неясны. В среде готских общин существовало недовольство; имело место и несколько вспышек возмущения, когда Феодосий предписал им предоставить войска для борьбы с Максимом и Евгением. Однако Аларих и его люди не имели к этому отношения и несли службу в другом месте, на реке Фригид. Возможно, убежденность в том, что римляне цинично принесли в жертву готов, бросив их в битву, где те были уничтожены практически полностью, подлила масла в огонь. Более вероятно, что вступление на престол двух новых императоров само по себе дало готам возможность добиться успеха.

Соглашение, заключенное с готами в 382 году, вызывало недовольство у многих из них, хотя по римским меркам оно было весьма умеренным. Неизвестно, сколько людей вел Аларих и кто входил в его войско: преимущественно воины, оставшиеся не расселенными на новые земли, или также и члены новых общин. Очевидно, они были достаточно сильны, чтобы их сочли опасными. С самого начала Аларих стремился получить от римлян назначение на пост командующего. Если бы его желание удовлетворили, это автоматически повлекло бы за собой получение права на обеспечение продовольствием за счет государства. Возможно, все, чего он хотел и на что надеялись его товарищи, — это улучшение своего положения в рамках римской государственной системы и повышение жалованья*.

Готы начали с того, что разграбили провинции Фракию и Македонию. И вновь отсутствие многих соединений, на-

* О происхождении Алариха и его мятеже см.: *Kulikowski M.* Rome's Gothic Wars. Baltimore, 2007. P. 156—158, 176—177, 188, *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 89—94 *Heather P.J.* The Goths. Oxford; Cambridge, 1996. P. 138—146, а также: *idem.* Goths and Romans, 332—489. Oxford, 1991. P. 183—188, 193 и далее; о роли «варваров» в армии см.: *Liebeschuetz W.* Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990. P. 7—88.

ходившихся в Италии, помешало Аркадию и Руфину разобраться с ними. Вместе с тем, как обычно, императоров более беспокоила угроза со стороны соперников с Запада. Стилихон заявил, что Феодосий вверил ему опекунство над обоими своими сыновьями, и повел армию на восток якобы для того, чтобы одолеть взбунтовавшегося Алариха. Однако Аркадий отверг его помощь и приказал отправить соединения восточной армии назад в Константинополь. По-видимому, между восточными и западными войсками начались трения, и Стилихон не мог контролировать всех своих людей. Как бы то ни было, он повиновался: отвел все соединения от восточной границы и не вступил в бой с Аларихом*.

Части восточной армии возглавлял военачальник по имени Гайна, также гот по происхождению. Когда войска прибыли к Константинополю, они убили Руфина, выехавшего их встретить. Влияние на императора забрал в свои руки его «препозит священной опочивальни», евнух Евтропий. Тогда он был прежде всего озабочен консолидацией своих сторонников при дворе. В течение двух лет у Алариха имелась возможность грабить провинции.

В 397 году Стилихон вернулся. Его армия значительно увеличилась за счет контингента варваров-союзников. Евтропий и Аркадий, пусть и без энтузиазма, согласились принять его помощь и таким образом признали его право вторгнуться на территорию Восточной империи. Аларих оказался блокирован и был вынужден отступить в Эпир, но затем Стилихон отступил сам, не добившись решительной победы.

По совету своего фаворита Аркадий объявил Стилихона врагом государства. Примерно в то же время правительство Восточной империи начало переговоры с Аларихом и в конце концов согласилось дать ему пост магистра войска в Иллирике. Итак, бывший армейский офицер, возглавивший затем мятеж, теперь сделался римским военачальником.

* Zosim. V. 4—8.

Очевидно, Евгений и Аркадий решили, что это предпочтительнее, нежели господство Стилихона*.

Затем в том же 397 году Гильдон, управлявший провинциями в Северной Африке со времен Феодосия, решил изменить Римской империи. Это немедленно вызвало кризис, поскольку Италия и Рим полностью зависели от поставок зерна и другого продовольствия из этого региона. Стилихон отправил из Италии в Африку Масцезела — брата Гильдона и злейшего его врага — во главе небольших экспедиционных сил. Тот быстро добился успеха. Стилихон щедро наградил его, но не слишком огорчился, когда Масцезел вскоре после возвращения упал в реку и утонул. Ходили слухи, что его туда столкнул один из телохранителей Стилихона**.

На востоке Евтропий, судя по всему, самостоятельно провел успешную кампанию против гуннов, и этот успех позволил ему добиться консульства в 399 году. Для того времени назначение одного из двух консулов императорами Западной и Восточной империй было в порядке вещей; они вступали в должность 1 января, и год назывался их именем. Занятие этой должности было более сопряжено с престижем, нежели с реальной властью, но она была древней, существовала девятьсот лет, и аристократов взбесила самая мысль о том, что этот пост (своего рода реликвия) занят евнухом. Недовольство Евтропием росло, и другие высокопоставленные лица сочли, что его позиция пошатнулась. В том же году готские войска, посланные против разбойников в Малую Азию, взбунтовались; их командующий имел личные счеты с Евтропием. Гайна двинулся на них, но затем предпочел объединиться с мятежниками и начал оказывать давление на императора, дабы тот низложил своего фаворита. Супруга Аркадия Евдоксия присоединила свой голос к

* Kulikowski (2007). P. 166—168, Burns (1995). P. 158—163, O'Flynn (1983). P. 27—38, и J. Bury, *History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian*, Vol. 1 (1958). P. 115—121.

** Zosim. V. 11, а также: O'Flynn (1983). P. 36—37, Williams & Friell (1994). P. 148—150.

хору, осуждавшему управляющего, и в итоге император сдался. Евтропий попытался укрыться в храме, но вышел к врагам, когда ему пообещали сохранить жизнь. Он отправился в изгнание на Кипр, но вскоре его казнили под фальшивым предлогом организации заговора против императора.

Императрица и ее любимцы какое-то время господствовали при дворе, но Гайна двинулся на Константинополь. Угроза, которую несли с собой его силы, на короткое время обеспечила ему превосходство. В 400 году его провозгласили консулом. Однако пребывание его солдат-готов в Константинополе вызывало недовольство жителей. В конце концов он решил отправить их во Фракию. Во время построения колонны, готовившейся к выходу, толпа атаковала замыкающие отряды. Множество готов, в том числе женщины и дети, было перебито. Большая группа людей укрылась в храме, но здание подожгли, и они погибли. Вскоре Гайна потерпел поражение от армии, возглавлявшейся военачальником по имени Фравитта (также готом по происхождению). Гайна бежал за Дунай, где принял смерть от рук гуннского короля. Фравитту всего через несколько месяцев после его победы казнили римские власти по обвинению в измене. Придворные видели в слишком удачливых или популярных полководцах опасных соперников. Евдоксия и ее сторонники восстановили свой контроль над императорским двором — и соответственно над Восточной Римской империей*.

В 401 году Аларих покинул места, которые грабил в течение нескольких лет, и двинулся в Италию. Ситуация на востоке изменилась, и вряд ли новый режим выказал бы расположение к нему. Ведь восхождение нынешних властителей сопровождалось критикой господства «варваров» и в особенности военачальников готского происхождения, таких

* Zosim. V. 13—18; см. также: Kulikowski (2007). P. 168—169, *Burns T.* Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375—425 A.D. Bloomington, 1995. P. 168—178, *Bury J.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the death of Justinian. Vol. 1. New York, 1958. P. 126—137.

как Гайна. Правительство на несколько месяцев освободилось от внутренних распрей, и существовала реальная возможность того, что оно откажется от выполнения соглашения и использует силу против Алариха. В этой ситуации последний решил, что сможет договориться со Стилихоном на более выгодных условиях. Мы не знаем, сколько народу последовало за ним. Готы, оставшиеся на землях, дарованных им в 382 году, обрабатывавшие ее и тем довольные, не упоминаются в наших источниках. Вероятно, применительно к данному периоду нельзя говорить о том, что весь народ, так сказать, снялся с насиженного места и что после перерыва возобновилась та миграция, в ходе которой готы пересекли Дунай в 376 году. В основном сторонники Алариха скорее всего были молоды и легки на подъем. Вероятно, у них не ладилось хозяйство, или же они родились уже в пределах империи и им не хватило земли. В племенных общинах также существовала давняя традиция, согласно которой юноши искали славы и богатства на войне (в римской армии на таких с давних пор надеялись как на будущих солдат). Вряд ли среди людей Алариха могло быть много участников сражения при Адрианополе, происшедшего двадцатью годами ранее. Каких-то воинов, несомненно, сопровождали жены и семьи (за римской армией также часто тянулся обоз, где ехали те, кто следовал за солдатами из лагеря). Но Аларих и его люди действовали не как мигрирующий народ, но скорее как армия.

Аларих надеялся в результате переговоров добиться уступок со стороны Западной Римской империи: скорее всего он желал получить крупный военный пост и право пользоваться ресурсами государства, дабы кормить и поддерживать своих союзников. Однако ему отказали. Поэтому, так как Стилихон находился севернее Альп, где усмирял варваров, совершавших набеги на Рецию (ее со значительными натяжками можно соотнести с современной Австрией), в 402 году Аларих вторгся в Италию, отбросил небольшой отряд римских войск и занял Милан. Этот город часто служил

местом пребывания императора, но в те беспокойные годы двор проводил больше времени в Равенне и в результате окончательно обосновался там: Равенну окружали болота, и напасть на нее было очень непросто, к тому же этот город был расположен изолированно. Стилихон возвратился в Италию и дал два (возможно, три) сражения армии готов. Он захватил в плен жену Алариха и его детей, а также других представителей готской знати, но и сам понес потери и не смог одержать решающую победу. После затишья бои возобновились; близ Вероны имело место еще одно сражение, опять-таки с неопределенным исходом. В конце концов Аларих отступил, вероятнее всего, из-за недостатка продовольствия, и ушел назад на Балканы, где и оставался в течение нескольких лет. Там, на границе между Восточной и Западной империями, на землях, которые не могла эффективно контролировать ни та, ни другая сторона, он выжидал, грабя или вымогая необходимое ему продовольствие в Иллирике. Примерно в 405 году Стилихон пожелал начать переговоры и даровал вождю готов звание магистра войска (magister militum). Константинопольский двор отказался признать этот факт, в особенности потому, что случившееся подразумевало право Стилихона распоряжаться как в Западной, так и Восточной империи*.

Вскоре Стилихон столкнулся с более насущными проблемами. Ближе к концу года крупные силы готов под предводительством короля Радагайса предприняли набег в глубь территории империи и вновь достигли Северной Италии. Эти воины происходили из задунайских племен и не имели отношения к людям Алариха (за исключением того, что все в целом назывались готами и говорили на разных диалектах одного и того же языка). Зосим утверждает, что их было четыреста тысяч, но подобная цифра, очевидно, неприменима ни к одной армии тогдашних племен, не говоря уж о банде, отправившейся в набег. Он также сообщает, что Сти-

* Kulikowski (2007). P. 170—171, Burns (1995). P. 178—193; O'Flynn (1983). P. 37—42.

лихон сосредоточил тридцать отрядов вместе с контингентами союзников на пути бандитов; эти силы встретились с ними и нанесли им полное поражение. В «Notitia Dignitatum» перечисляется сто восемьдесят одно соединение полевой армии Западной империи, при этом сорок шесть из них находилось в Италии и сорок восемь — в Галлии. По-видимому, Стилихон призвал значительные силы с северных границ, чтобы сформировать такую армию. В 405 году точные цифры и распределение могли быть иными, но все же отсюда следует вывод, что концентрация сколь-либо значительных сил мобильной полевой армии в одном месте являлась делом невозможным, даже если считать, что в рассматриваемом случае все отряды Стилихона относились к числу comitatenses. Опять-таки недостаток информации относительно численности отрядов делает невозможным подсчет численности армии. Тем не менее сил оказалось достаточно, чтобы одержать решительную победу, — вероятно, цены на рабов резко упали, когда рынок переполнился за счет пленных готов*.

Во время этой кампании в Британии появился узурпатор, провозгласивший себя императором, — первый из длинного ряда ему подобных. Через несколько недель его убили солдаты; по прошествии нескольких месяцев та же судьба постигла его преемника. Третьим стал Константин, предположительно избранный благодаря своему славному «императорскому» имени и оказавшийся куда более способным политиком. Имперское правительство зачастую мало интересовалось тем, что происходило в далекой Британии,

* Оценку численности готов в 400 тысяч человек и упоминание тридцати соединений в армии Стилихона см.: Zosim. V. 28; обсуждение кампании см.: Kulikoswki (2007). P. 171, Wolfram (1997). P. 96—97, & Burns (1995). P. 197—198; в n. 53. P. 356 рассматривается численность римлян и высказывается предположение, что Стилихон мог иметь всего лишь 7500 человек — солдат регулярных войск, а также несколько тысяч ауксилиариев. О падении цен на рабов см.: Oros. VII. 37. 13—16.

поэтому местные жители стремились выдвинуть собственного императора, однако избранные редко удовлетворялись властью над одним лишь своим островом. Как и его предшественники, Константин пересек Ла-Манш (вероятно, в 407 году) и вскоре взял под контроль большую часть Галлии, а также значительные территории Испании. Стилихон отправил офицера готского происхождения по имени Сар — заклятого врага Алариха, дабы тот сразился с узурпатором. Сар добился некоторых успехов, но затем, в свою очередь, был принужден отступить*.

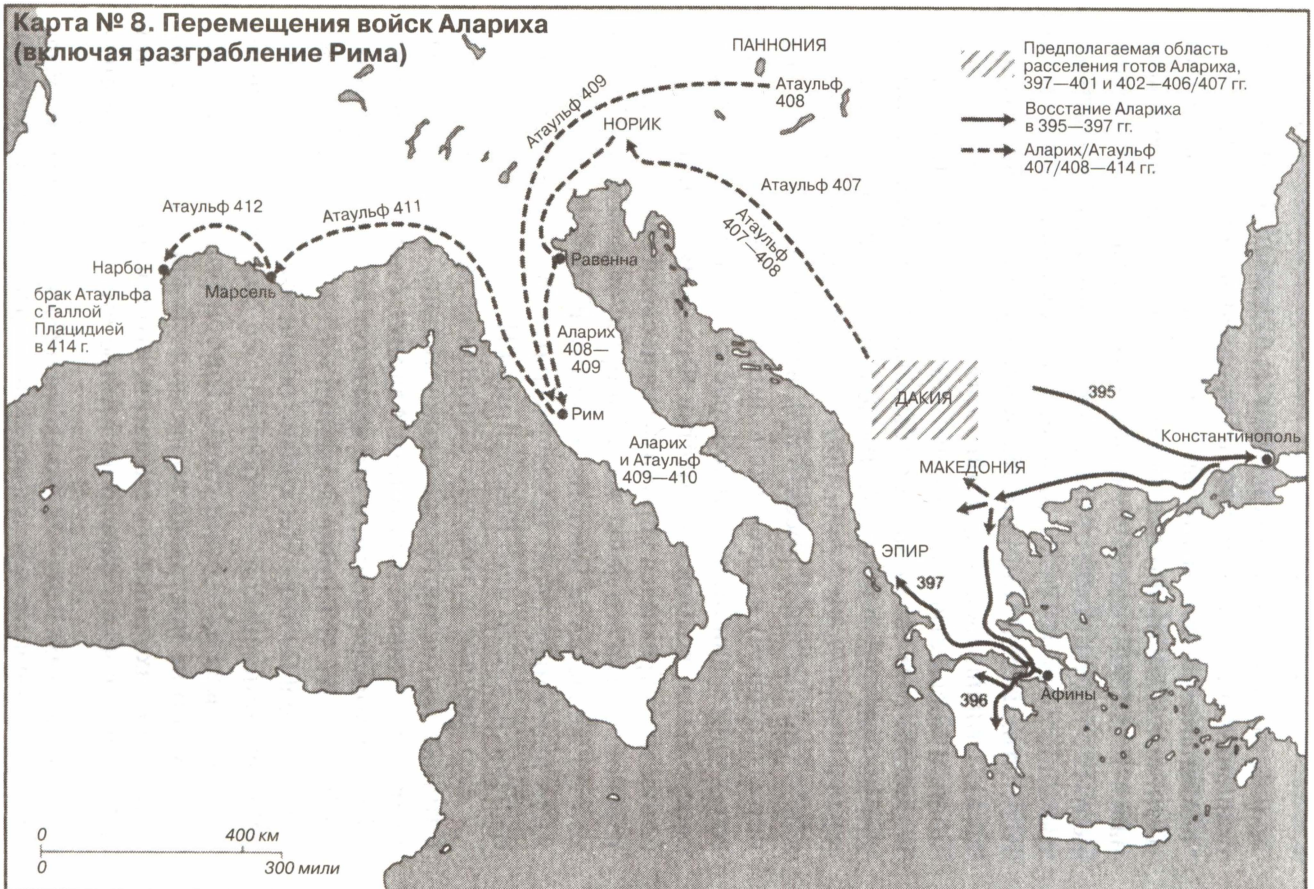
Накануне нового года (традиционно случившееся относят к 406 году, но есть веские доказательства того, что это произошло в 405 году) банды, отправившиеся в набег и состоявшие из представителей двух готских племен, силингов и асдингов, пересекли Рейн близ Майнца. Опять-таки, судя по всему, то были не целые племена, мигрировавшие в поисках нового места жительства, а по преимуществу отряды воинов. Согласно распространенной версии, река замерзла, но непосредственных свидетельств этого нет, хотя такое вполне возможно. Равным образом утверждение, что пересечение границы имело причиной давление со стороны гуннов, необоснованно и в целом маловероятно. Можно с полной уверенностью предположить, что явная слабость границ империи сама по себе вызывала возможность вторжения. Если верна более ранняя дата, то в этом случае отвод войск с Рейна для противостояния Радагайсу вполне мог породить у готов такое впечатление. Неспособность представителей императора остановить интервентов могла стать стимулом для узурпаторов в Британии и для Константина, оккупировавшего Галлию. Если же нападение было предпринято только в конце 406 года, то тогда бандиты, в свою очередь, могли воспользоваться преимуществом, которое им давала суматоха, несомненно, возникшая в результате

* Zosim. V. 27, а также: *Todd M.* Roman Britain. 3rd ed. Oxford, 1999. P. 208—209, Bury (1958). P. 169—171, O'Flynn (1983). P. 42—44, 56, Jones (1964). P. 185—186, и Burns (1995). P. 208—214.

вспышки гражданской войны в империи. Имя предводителя интервентов не называется, но сам факт сотрудничества нескольких существовавших автономно племен свидетельствует о наличии одного, а быть может, и нескольких вождей, отличавшихся яркими лидерскими качествами. Очень скоро разбойники одержали верх над общинами близ Рейна и разграбили их, а затем двинулись в глубь провинций. Константин одержал несколько мелких побед над ними, а затем, получив поддержку широкого населения в Галлии, по-видимому, блокировал интервентов в северных районах этой провинции. Но все же он не сокрушил их, и в течение нескольких следующих лет банды рыскали по этим территориям по отдельности или вместе, грабя и вымогая деньги, не останавливаемые никем*.

В 407 году Аларих решил воспользоваться ситуацией и повел свою армию назад в Италию, надеясь вынудить Стилихона, зажатого в тиски, договориться с ним на более выгодных для себя условиях. В следующем году он потребовал четыре тысячи фунтов золота, угрожая начать новое вторжение, если не получит этой суммы. Стилихон, действуя наподобие многих других римских политиков, решил, что Константин более опасен и что Алариха можно нанять для борьбы с ним. Он согласился выплатить требуемую сумму и отправился в сенат, поскольку такие огромные деньги было трудно собрать немедленно и логичнее всего было просить о помощи богатых сенаторов. Вдобавок для того чтобы добыть золото, он «задействовал» храмы и произведения искусства. Сенаторы, однако, выразили резкое недовольство

* См.: *Kulikowski M.* Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain // Britannia. Vol. 31. 2000. P. 325—345; *Goffart W.* Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006. P. 73—118, Burns (1995). P. 203—209, а также: *Birley A.* The Roman Government of Britain. Oxford, 2005. P. 455—460; Дж. Дринкуотер высказывает правдоподобное предположение, что среди интервентов могло быть несколько отрядов алеманнов (*Drinkwater J.* The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford, 2007. P. 323—325).

Карта № 8. Перемещения войск Алариха (включая разграбление Рима)
ПАННОНИЯ
Атаульф 408
Атаульф 409
НОРИК
Атаульф 407
Атаульф 407—408
Атаульф 412
Атаульф 411
Нарбон
брак Атаульфа с Галлой Плацидией в 414 г.
Марсель
Равенна
Аларих 408—409
Рим
Аларих и Атаульф 409—410
ДАКИЯ
395
Константинополь
МАКЕДОНИЯ
ЭПИР
397
396
Афины
Предполагаемая область расселения готов Алариха, 397—401 и 402—406/407 гг.
Восстание Алариха в 395—397 гг.
Аларих/Атаульф 407/408—414 гг.
0
400 км
0
300 мили

желанием подкупить врага. Один из них заявил: «Это не соглашение, а купчая крепость на продажу в рабство»*.

Однако интересы первых лиц Рима отошли на второй план, когда пришло известие о смерти Аркадия. Он скончался 1 мая 408 года, будучи всего тридцати одного года от роду. Его преемником стал его семилетний сын Феодосий II (ребенок получил титул августа, когда ему едва исполнился год). Стилихон и Гонорий оба объявили о своем намерении лично отправиться в Константинополь и руководить церемонией восшествия нового императора на престол, одновременно (это не вызывает сомнения) желая разобраться, кто из них будет занимать господствующее положение на Западе. Соперники Стилихона, стремившиеся сместить его, давно уже пытались посеять недоверие к нему в сердце Гонория (которому и самому исполнилось только двадцать три года). Они заявили, что он собирается сделать императором своего сына, возможно, сместив Феодосия. Стилихон, несомненно, стремился упрочить связи своей семьи с императорской. Когда его дочь, жена Гонория, скончалась, Стилихон тут же выдал за Гонория ее сестру. Юный император тяжело переживал свою незначительную роль в управлении империей, как до него Валентиниан II.

Кто виноват в том, что отношения между Гонорием и Стилихоном испортились окончательно, непонятно. Выплата, сделанная Стилихоном Алариху, стала причиной утраты им популярности, и его враги тут же почуяли возможность напасть. В Тицине вспыхнул мятеж в войсках, готовых к отправке в Галлию. Несколько офицеров и крупных гражданских чиновников — вероятно, все ставленники Стилихона, верные ему — были убиты. Гонорий также присутствовал там, но не пострадал во время этих кровавых событий. Стилихон находился в отдалении; его сопровождало лишь небольшое войско варваров, верное ему. К тому моменту,

* Burns (1995). P. 214—217, Kulikowski (2007). P. 172—173, и O'Flynn (1983). P. 55—59; цитируемое выражение принадлежит сенатору по имени Лампадий и приводится в труде Зосима (V. 29).

как он достиг Равенны, император отдал приказ о его аресте. Стилихон отказался сражаться, несмотря на то что его солдаты рвались в бой. Вместо этого он отправился искать убежища в храме, но сдался, когда ему пообещали сохранить жизнь. Вслед за тем его поспешно казнили, причем он вновь приказал своим людям не защищать его. Конец он встретил достойно, в особенности учитывая, что римские военачальники редко предпочитали смерть попытке спастись, начав гражданскую войну. Вероятно, он понимал, что его враги имеют слишком большие преимущества перед ним, что его позиция слишком ослабела и у него нет никаких перспектив одержать победу в борьбе с Гонорием. Однако мы не можем отделаться от мысли, что благо империи он ценил выше собственной жизни. И не исключено, что так оно и было*.

* Williams & Friell (1994). P. 157—158, O'Flynn (1983). P. 59—62, Burns (1995). P. 215—223, Matthews (1975). P. 270—283; *Blockley R.* The Dynasty of Theodosius // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 121—125.

Глава шестнадцатая

СЕСТРА И ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Разграблен один город — и погиб целый мир.

*Епископ Иероним о разграблении Рима в 410 году**

Поначалу он страстно желал искоренить само имя римлян и превратить все римские земли в державу готов и по сути, и по имени, дабы... то, что было Романией, стало Готией.

*Орозий, V век***

Человека, больше других выигравшего от падения Стилихона, звали Олимпий. Скорее крупный чиновник, нежели солдат, он занимал пост магистра оффиций (magister officiorum) и в этом качестве возглавлял один из важнейших отделов правительства. Как обычно, последовала кровавая чистка — истребление людей, имевших связи с покойным лидером, жен и семей солдат-варваров, оставшихся верными ему. Большая часть уцелевших поспешила перейти на сторону Алариха. Сына Стилихона преследовали и в конце концов убили, хотя подозреваемые, несмотря на пытки, не дали показаний, которые подтверждали бы обвинение в том, что отец планировал сделать его императором. Так как сношения с Аларихом и без того достаточно дискредитировали Стилихона, Олимпий и Гонорий отказались ратифицировать соглашение и отвергли новые попытки переговоров. Однако им также не удалось подготовиться к войне, и они не смогли предотвратить усиление Алариха и еще одной группировки, возглавляемой его зятем Атаульфом. О победе над Атаульфом трехсот гуннов, посланных Олимпием, римляне говорили как о великом

---

* Hieronym. Comm. In Ezech. I praef.

** Oros. VII. 43. 5.

достижении, но она не помешала соединению двух готских армий*.

Аларих вновь вторгся в Италию и, практически не встречая сопротивления, дошел до Рима и осадил его зимой 408—409 годов. Армия готов заняла Портус, крупный город при гавани, снабжавший город провизией, в результате чего поступление в Рим продовольствия практически прекратилось. Вдова Стилихона Серена была казнена по сфабрикованному обвинению в сговоре с врагом. Утверждают даже, что сенаторы, пребывавшие в крайнем возбуждении, хотели возобновить публичные жертвоприношения и другие языческие ритуалы, чтобы отвратить угрозу от города. Зосим заявляет, что римский епископ (его все чаще и чаще титуловали как папу) нехотя согласился на это при условии, что ритуалы будут проводиться втайне, но так как это фактически свело бы их на нет, ничего так и не было сделано. Вероятно, история эта — всего лишь выдумка, но она дает наглядное представление о страхе, охватившем Рим в то время. Гонорий и его приближенные, находившиеся в Равенне, не пришли на помощь. Множество рабов — вероятно, большинство из них составляли недавно взятые в плен готы (многие были захвачены в ходе войн против Радагайса) — бежали и присоединились к Алариху. Сенат решил пойти на переговоры, заплатить готам, чтобы те сняли блокаду, и отправить делегацию в Равенну, чтобы обеспечить диалог императора с Аларихом. Последний, по-прежнему надеявшийся получить официальный статус в системе империи, отвел армию к северу в Аримин (совр. Римини), где должны были пройти переговоры**.

---

* Zosim. V. 35—37, 45; см. также работы Дж. Мэтьюза и Т. Бернса: *Matthews J.* Western Aristocracies and Imperial Court: AD 364—425. Oxford, 1975. P. 284—287; *Burns T.* Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375—425 A.D. Bloomington, 1995. P. 224—233.

** Zosim. V. 38—44; см. также: Burns (1995). P. 233—239, *Kulikowski M.* Rome's Gothic Wars. Baltimore, 2007. P. 173—174, и *Oost S.* Galla Placidia Augusta: A Biographical Essay. Chicago, 1968. P. 89—92.

По прошествии нескольких месяцев переговоры провалились. Олимпий отказался даровать Алариху новый командный пост, но предложил немало уступок, в результате чего, так сказать, «потерял лицо» и вскоре бежал, предпочитая изгнание казни. Новым заправилой при императорском дворе стал Иовий, некогда человек Стилихона, а ныне префект претория Италии и главное лицо на переговорах с готами. Теперь, когда Олимпия удалось убрать с дороги, Иовий выказывал на переговорах все большую непреклонность, а когда они наконец сорвались, обвинил в этом Алариха. Имперское правительство также отвергло исходившие от него просьбы даровать ему Норик или другую такую же провинцию даже без титула командующего. Несомненно, император и его советники с радостью усмотрели в сокращении требований готов признак их слабости. Готы двинулись на юг и вновь осадили Рим. На сей раз Аларих избрал новую тактику и убедил видного сенатора (на тот момент — префекта города) Приска Аттала, чтобы тот позволил провозгласить себя императором, что и произошло в конце 409 года. Он был язычником, но его поспешно окрестили, поскольку было маловероятно ожидать поддержки императору, не являвшемуся христианином хотя бы формально. Аларих получил титул magister militum, Атаульф — не столь внушительное звание. Последнее касалось и нескольких человек, о которых с большей уверенностью можно было сказать, что они относились к числу граждан империи: несколько старших членов сената были назначены на ведущие роли*.

Африка, имевшая жизненно важное значение в вопросах снабжения Рима и Италии продовольствием, осталась верна Гонорию. Аттал показал, что он не просто марионетка, не позволив Алариху отправить часть его воинов-готов — в одном источнике говорится всего о пяти сотнях, — дабы те установили власть над провинцией. Вместо этого он послал туда командира-римлянина с отрядом регулярных войск. Те

* Matthews (1975). P. 291—298, Burns (1995). P. 239—242, и Kulikowski (2007). P. 174—176.

понесли тяжелые потери, так что новый император и его командующий-гот повели основные силы своей армии назад в Аримин, чтобы Гонорий более явственно ощутил угрозу. Последний пребывал в таком волнении, что рассматривал возможность сделать Аттала своим коллегой-императором. Новый император решил низложить Гонория и отправить его в изгнание; вероятно, перед этим его планировалось изуродовать, чтобы он более не годился на роль императора при исполнении сложного церемониала. Прибытие в Равенну около четырех тысяч солдат восточной армии удержало Гонория от этого решения: он уверился, что сможет защитить город от нападения. Переговоры прервались*.

Всего через несколько месяцев Аларих низложил собственного ставленника, хотя Аттал, по-видимому, остался с ним и пользовался уважением. Он стал оказывать более непосредственное давление на Равенну, но возможность новых переговоров была полностью исключена после того, как Сар, готский офицер на службе у Гонория, предпринял неожиданную атаку на людей Алариха. Вероятно, дело ограничилось стычкой, а причина могла заключаться как в личном желании мести, так и в чем-то ином, но ее хватило, чтобы уничтожить остатки доверия между сторонами. Аларих отступил и в третий раз двинул войска непосредственно на Рим. Его сторонники почти не получали от него наград за последние несколько лет. Подвоз зерна из Африки скорее всего по-прежнему не возобновился, тогда как хозяйства близ Рима были дважды разграблены его же собственной армией, когда он прежде угрожал городу. На сей раз он решил вознаградить своих людей — отдать им сам Рим**.

В городе отсутствовал гарнизон, способный эффективно защищаться; охрана высокой, но очень длинной стены, окружавшей его, не была организована должным образом.

---

* Zosim. VI. 8, а также: Matthews (1975). P. 298—300, и Burns (1995). P. 242—246.

** Zosim. VI. 13; автор утверждает, что у Сара было всего лишь около 300 человек.

Никому не хотелось еще одной длительной блокады, да и Аларих не желал удерживать свою армию на одном месте в течение нескольких месяцев. В ночь с 23 на 24 августа 410 года готы вошли в Рим через Салариевы ворота. Вероятно, их впустили, поскольку случившееся не было похоже на настоящий штурм. Солдатам разрешили грабить город в течение трех дней. За это время несколько зданий и памятников было сожжено, однако Аларих отдал строгий приказ проявлять уважение к храмам и священнослужителям. Этот запрет заслужил высокую оценку со стороны писателей-христиан, на тот момент согласных посмотреть сквозь пальцы на приверженность захватчиков к ереси (готы были арианами). Церкви остались неразграбленными, интервенты — почти — не убивали священников и не насиловали монашек. Другим повезло меньше. Да, грабители действовали, подчиняясь определенному порядку, но все-таки это было разграбление, даже если жители пострадали не более, нежели население любого города, подвергшегося штурму со стороны римской армии в ходе продолжительных гражданских войн. Со времен Ранней империи Рим уменьшился в размере и его население сократилось, но он по-прежнему был очень обширен. Размер сам по себе уже означал, что ограблению или дурному обращению подверглись не все жители, но для жертв это стало слабым утешением.

Аларих наградил солдат богатой добычей, но, захватив Рим, раз и навсегда лишился возможности вступить в переговоры. В этом смысле случившееся стало знамением неудачи. Гонорий не пошевелил пальцем, чтобы спасти город (рассказывали, что когда новость о произошедшем достигла его ушей, он не понял, о чем идет речь, и обеспокоился, что умер его любимый петушок по имени Рим). Согласно историку VI века Прокопию, император со слезами воскликнул:

«“А ведь он только что клевал корм у меня из рук!”... и евнух понял его слова и сказал, что это город Рим погиб от рук Алариха, и император со вздохом облегчения

быстро ответил: "Но я, о мой добрый друг, подумал, что умерла моя птичка Рим". Так велика, как рассказывают, была присущая императору глупость».*

Но был Гонорий глуп или же нет, более он никогда не вступал в переговоры с «варваром», разграбившим Рим, тем более что на западе по-прежнему находился окопавшийся там узурпатор. Если бы император утратил популярность, он непременно воспользовался бы этим. Аларих направился на юг, планируя захватить корабли и переправить своих людей в Африку. Таким образом, в их распоряжение поступила бы обширная, неразграбленная, богатая база, изобиловавшая продовольствием, в котором нуждались его люди; кроме того, под его контролем оказалось бы продовольственное снабжение Италии. Но несколько штормов погубили как его планы, так и собранные им корабли. Вскоре после этого Аларих скончался. Легенда гласит, что для погребения вождя и с ним его несметных богатств реку вначале запрудили, а потом вновь пустили по прежнему руслу, дабы она скрыла могилу. Чтобы сохранить тайну, рабов, участвовавших в этом, перебили. Удачные истории такого рода заслуживают повторения, но это не означает, что мы должны им верить**.

Галла Плацидия

Руководство армией готов перешло к Атаульфу. Он и его сторонники по-прежнему владели огромными богатствами, захваченными при разграблении Рима. Кроме того, с ними находилась в качестве пленницы сестра Гонория, Галла Плацидия. Ей было немного за двадцать; она воспитывалась в

* Procop. Bella. III. 2. 25—26.

** См. Burns (1995). P. 244—245, Kulikowski (2007). P. 6—10, 176—177; *Heather P.* The Goths. Oxford; Cambridge, 1996. P. 148—149, *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 99—100, а также: *Heather P.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 227—232.

доме Стилихона и Серены, но, похоже, у нее не возникло никакой привязанности к ним. Впервые она появилась на политической сцене в тот момент, когда помогла сенату осудить Серену на смерть. Галла Плацидия оставалась не замужем — весьма вероятно, что Стилихон собирался выдать ее за своего сына. Теперь она оказалась ценной заложницей, и готы обходились с ней с подобающим уважением*.

В 409 году Гонорий, будучи не в состоянии нанести Константину поражение, признал его своим коллегой. Последний к этому времени подчинил всю Испанию и подавил мятеж, поднятый родственниками Гонория (всех их он предал казни). Но еще до того, как об этом факте узнали в Равенне, отношения между императорами обострились и полностью прервались, когда Константин привел войска в Италию, дабы действовать против Алариха. Опасаясь заговора, Гонорий казнил одного из своих магистров войска; никаких ощутимых усилий во имя сотрудничества с другой армией не предпринималось. Константин отступил; известия о казнях в Испании обострили вражду между императорами. Примерно в это время вандалы, аланы и свевы двинулись в северную Галлию и через пиренейские перевалы (предположительно охранявшиеся) проникли в Испанию. Там они рассеялись: каждое племя отправилось на свою территорию, что упрощало грабежи и вымогательство и обеспечивало выживание. Римские войска — согласно «Notitia Dignitatum», в Испании находилось шестнадцать соединений полевой армии — не препятствовали им.

Константин столкнулся с еще одной угрозой, также исходившей из Испании, точнее говоря, от командующего, посланного им туда. Этот человек, бритт по имени Геронтий, узнал, что его намерены сместить, и поэтому восстал, объявив императором своего сына Максима. Вполне вероятно, что он набрал союзников из числа бандитов, разбойничавших в то время на полуострове. В 411 году он нанес

* См. Oost (1968). P. 93—104.

поражение сыну Константина Константу, а затем осадил самого императора в Арелате (совр. Арль). Гонорий также решил действовать против находившегося на западе узурпатора и отправил армию в Галлию. Большая часть людей Геронтия изменила ему и перешла на сторону Гонория. Геронтий вынужден был бежать. Осада продолжалась до тех пор, пока Константин не оказался вынужден капитулировать. Его взяли в плен, а затем обезглавили по пути в Равенну. Офицер по имени Констанций внес наибольший вклад в победу. Некогда он поддерживал Стилихона, пережил его падение и быстро добился столь же значительного влияния, каким пользовался некогда его патрон*.

Атаульф покинул Италию в 411 году и прибыл в Галлию вскоре после того, как в дни краха режима Константина местный аристократ объявил себя императором. Готы поддержали его. Во время сражения они убили Сара, таким образом отомстив за себя. Однако когда они перешли на сторону врага, Атаульф объявил, что сражался за Гонория и против Геронтия. Последний вскоре потерпел поражение и разделил участь Константина: его также убили по пути в Равенну. Вскоре после его краха в Африке вспыхнуло восстание: командующий тамошними военными силами возглавил вторжение в Италию. Атаульф поселился в Аквитании с одобрения императора. Однако власти не обеспечили готов хлебом, поэтому те отказались отпустить Галлу Плацидию. В конце концов они вышли из-под контроля Гонория. Атаульф и его люди разграбили обширные территории, заняли города Нарбон и Толоза (ныне — Нарбонна и Тулуза) и даже атаковали Массилию (совр. Марсель). Констанций блокировал побережье.

В ответ Атаульф предпринял весьма примечательный шаг — женился на Галле Плацидии. Никогда прежде сестра

* Burns (1995). P. 247—258, *Bury J.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Vol. 1. New York, 1958. P. 185—194; *Blockley R.C.* The Dynasty of Theodosius // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 129—131.

императора не становилась женой предводителя варваров, не говоря уж о том, что он сражался против войск, верных ее брату. Церемония состоялась 1 января 414 года в Нарбоне; жених облачился в одежды римского полководца, а свадебные песнопения исполнил Приск Аттал. Бывший император вновь получил титул августа. Плодом брака стал сын, получивший недвусмысленно императорское имя Феодосий; случившееся имело тем большее значение, что Гонорий оставался бездетен. Тем не менее в условиях блокады готы продолжали испытывать давление и вновь сменили место обитания, перебравшись в Испанию и оккупировав Барселону и прилегавшую к ней область. К этому времени младенец Феодосий скончался; затем в 415 году Атаульф, осматривая лошадей в конюшне, получил рану и умер. Королем провозгласили брата Сара. Он подверг Галлу Плацидию публичному унижению, заставив ее идти перед его конем, но не далее как через неделю был убит; появился новый лидер по имени Валлия*.

Вскоре Валлия и Констанций урегулировали отношения между собой. Овдовевшую Галлу Плацидию отправили в Равенну — Констанций, вероятно, сам надеялся взять ее в жены, несмотря на то что она питала отвращение к нему. Аттала также выдали Гонорию и провели в триумфе, когда последний посетил Рим. Ему отрубили два пальца на руке, что символизировало два случая, когда он незаконно присвоил титул императора, но не казнили и вместо этого отправили в изгнание на остров Липари. Лишившись поддержки готов, он не представлял никакой опасности. Валлию и его людей наняли для борьбы с другими варварами, по-прежнему находившимися в Испании. Государство обеспечило их продовольствием. Они напали на вандалов-силингов и аланов; в результате власть тех пошатнулась. Вероятно, этого оказалось достаточно для демонстрации мощи имперской власти с целью устрашения других племен, дабы

* Oost (1968). P. 108—135, Burns (1995). P. 258—261, и Heather (1995). P. 148—149.

те согласились заключить мир на максимально выгодных для нее условиях. В 418 году Констанций отозвал готов из Испании в Галлию и поселил в провинции Аквитания Секунда. Подробности неясны, но более вероятно, что им дали землю, а не просто разрешили присваивать часть налоговых прибылей. В том же году Валлия скончался, его преемник Теодорих I продолжал царствовать; внутренние дела готов находились в его ведении, но племя должно было оказывать помощь Западной империи в качестве союзника*.

В 417 году Констанций взял в жены Галлу Плацидию; в 419 году она подарила ему сына, получившего имя Валентиниан. В их отношениях не было и следа той искренней любви, которую она питала к Атаульфу; ее по-прежнему сопровождали верные слуги из числа готов. Плохо сложенный, нескладный, с длинной шеей, выпуклыми глазами и большой головой, Констанций появлялся на публике, трясясь в седле и стреляя глазами во всех направлениях. В частной жизни он вел себя куда менее сдержанно и мог перещеголять на пирах профессиональных комедиантов и клоунов. Но несмотря на характер, он успешно справился с узурпаторами и бунтовщиками на территории империи и отчасти восстановил контроль над границами. За ним по-прежнему оставалось старое, некогда присвоенное Стилихону звание магистра всех войск; будучи патрицием, он трижды исполнял роль консула.

Констанций хорошо правил Западной империей; в 421 году он формально принял титул августа и коллеги Гонория. Галлу Плацидию нарекли августой, но ее муж скончался в силу естественных причин еще до истечения года. Константинопольский двор поголовно отказался признать за обоими право на императорский титул. Немедленно разразилась борьба за место, которое прежде занимал Констанций, подчас сопровождавшаяся открытыми проявлениями насилия. Галла Плацидия бежала вместе с сыном в Константинополь.

* Burns (1995). P. 261—279; Blockley (1998). P. 131—133; Bury (1958). P. 194—209.

Ее брат, по-прежнему бездетный, скончался в 423 году. Тут же появился узурпатор, пользовавшийся поддержкой равеннских царедворцев. Потребовалась кровопролитная кампания с использованием восточной армии и флота (не обошлось и без случаев предательства), чтобы нанести ему поражение. Наконец в октябре 425 года в Риме шестилетний Валентиниан III был провозглашен августом*.

Феодосий II был всего лишь на год старше, когда скончался его отец и он единолично наследовал правление Восточной империей в 408 году. Несмотря на их молодость, обоим суждено было необычно долгое царствование (фактически же Феодосий, ставший августом во младенчестве, правил не дольше, чем другие императоры). Их власть носила лишь номинальный характер, пока их возраст не приблизился к двадцати годам, и ни тот, ни другой так и не смогли сделаться самовластными правителями, свободными от воздействия окружения. Галла Плацидия сопровождала сына в Рим. Формально она была августой, и хотя юридически звание регента отсутствовало, практически она выполняла именно эту роль. В результате сознательных усилий с целью укрепить связи между двумя половинами империи ее сын был обручен с дочерью Феодосия II (на тот момент — трехлетней девочкой). За это требовалось оказать поддержку Восточной империи; константинопольское правительство получило Иллирик в обмен на помощь Валентиниану III в гражданской войне.

Женщины императорского рода в V веке играли активную роль в политике, подчас действуя совершенно открыто. Дело вовсе не ограничивалось тем, что благодаря им (как бывало традиционно) заключались брачные союзы и вследствие этого — политические альянсы. В 414 году старшая сестра Феодосия II Пульхерия — девушка всего лишь пятнадцати-шестнадцати лет — тем не менее внезапно приобрела значительное влияние при дворе и получила титул августы.

* *O'Flynn J.* Generalissimos of the Western Roman Empire. Alberta, 1983. P. 63—73; Heather (2005). P. 236—244, 251.

Глубоко набожная, она дала обет вести целомудренную жизнь и убедила своих сестер поступить так же. Благочестие императоров и их родственников всегда вызывало восхищение вне зависимости от того, проявлялось ли оно в совершении языческих ритуалов или, после Константина, в формах христианской религии. С политической точки зрения их отказ выходить замуж отрезал потенциальным противникам их брата возможность породниться с императорской фамилией. Пульхерия лично приняла участие в обучении брата, заменив собой его наставника. Жизнь двора в эти годы, по описаниям, больше напоминает уединенную жизнь монашеской общины, нежели жизнь сердца империи. Феодосия воспитывали, приучая читать Писание, поститься и творить молитвы. И все же, несмотря на мнимую простоту придворной жизни, помпа и тщательно разработанный церемониал, в рамках которого проходила жизнь императора и наиболее видных его представителей, оставались прежними.

Ни Галла Плацидия, ни Пульхерия не уберегли от нападок. Чиновники и военные продолжали бороться за вес при дворе и власть. Обе женщины пытались добиться влияния на таких людей и обеспечить себе их поддержку, но удовлетворить всех сразу посредством продвижения по службе и наград было невозможно. Также случалось, что сторонники, неудачно показавшие себя, лишались доверия. Что неизбежно, существовали и отстраненные, возвышение которых всегда бывало сопряжено с падением других. Вероятно, источники склонны преувеличивать роль этих женщин. В рамках римской традиции сама идея того, что женщина может обладать подлинной политической властью, по-прежнему оценивалась крайне отрицательно. Конечно, не только они стояли за спиной юных императоров, но они были среди тех, кто играл наиболее важную роль. При восточном дворе соперницей Пульхерии стала другая женщина, по имени Евдоксия. Феодосий женился на ней в 421 году, а двумя годами позже она также получила титул августы. Будучи дочерью известного философа-язычника, она приняла

христианство, возможно, еще до брака. Хотя она сохранила интерес к традиционной литературе и науке, нет никаких свидетельств тому, что она не уверовала искренне*.

Галла Плацидия, Пульхерия и Евдоксия были умны и разносторонне одарены, но в конечном итоге их власть полностью зависела от их влияния на императоров. То же можно сказать обо всех придворных: чиновниках, челяди и армейских офицерах, добившихся влияния в те годы. Какие успехи ни влекли бы за собой решения, принятые императорами по их настоянию (или ими самими от имени правителя), их позиции оставались ненадежными. В любой момент их мог сменить кто-то другой. В обеих половинах империи власть оставалась сосредоточенной в руках императора. Ни Валентиниан III, ни Феодосий II, став старше, не смогли взять в свои руки контроль над империей, но сохранили такие черты, как нерешительность и подозрительность по отношению к окружающим. Слабость и нестабильность, гнездившиеся в самом сердце правительства, уменьшали возможность политической стабильности в обеих империях, не говоря уже о возможности руководства действиями государства и использования его ресурсов.

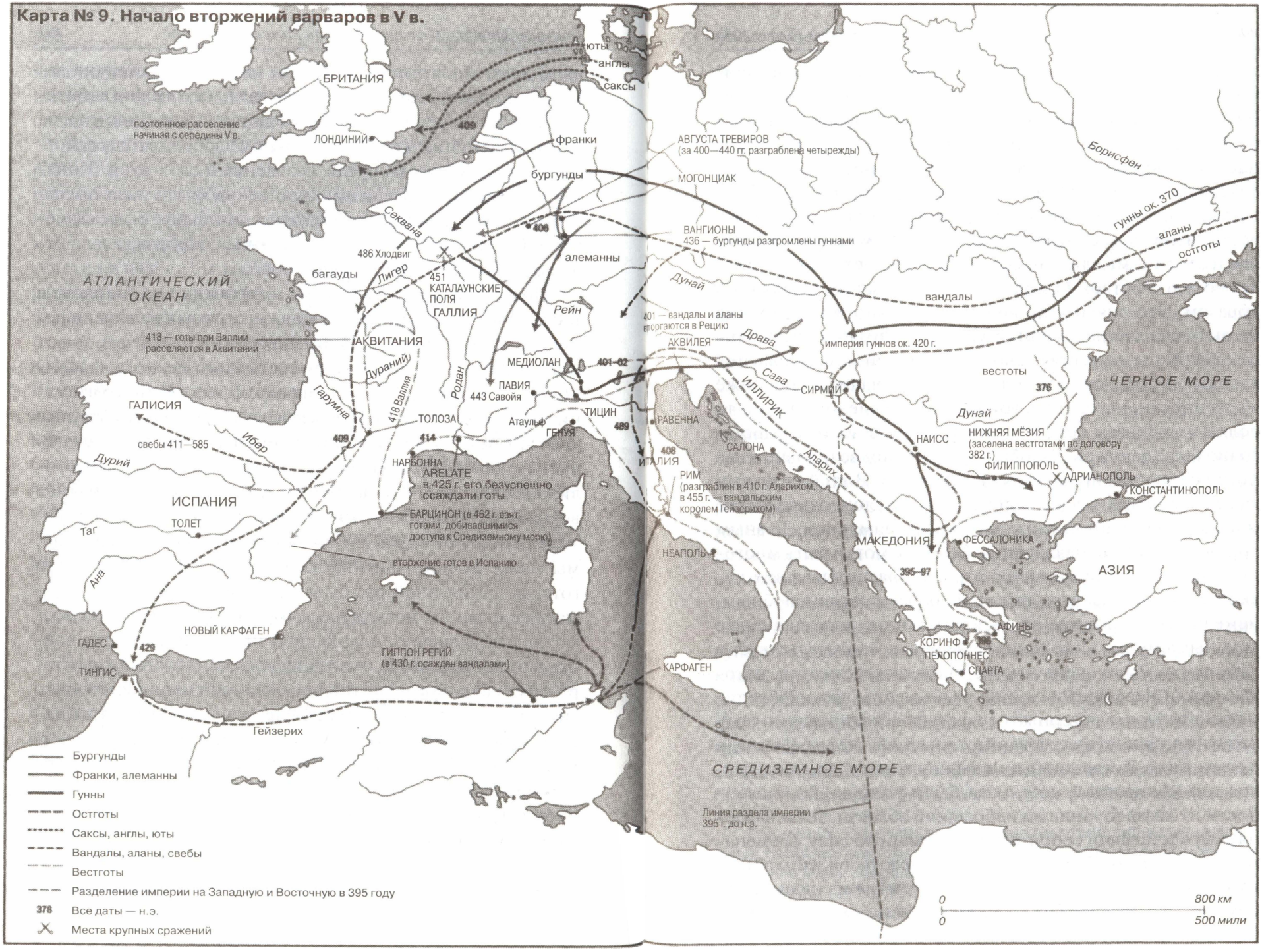
Банды и армии

Через тридцать лет после смерти Феодосия его внуки правили, нося титулы императоров Западной и Восточной Римской империй. В течение упомянутых десятилетий то и дело вспыхивали гражданские войны; на западе, где всегда появлялось больше узурпаторов, нежели на востоке, они были особенно частым явлением. Поражает эскалация охватившей всю империю борьбы армейских командующих и бюрократов, принявшая форму открытого насилия. Карьера Констанция, возвысившегося от офицера до командую-

* См. работу Р. Блокли в «Кембриджской древней истории»: Blockley (1998). P. 133—135.

щего армией, зятя императора и, наконец, самолично занявшего престол империи, показывала, чего можно добиться. Другие, конечно, не забирались так высоко, но многие персонажи при западном и восточном дворе в те годы действительно фактически брали правление в свои руки. Констанций оказался едва ли не единственным, кто умер естественной смертью, тогда как почти все остальные были казнены. В большинстве случаев их падение сопровождалось гибелью многих их сторонников.

Постоянное соперничество имперских чиновников, а также атмосфера подозрительности, страха перед насилием и честолюбия, не останавливавшегося ни перед чем, — вот слагаемые исторического контекста этого периода. Аларих поднял восстание, рассчитывая в условиях смутного времени завоевать прочное положение и статус. Он и Атаульф уцелели потому, что правительства обеих империй оказались недостаточно сильны, чтобы уничтожить их. Простилихоновская пропаганда утверждала, что три раза он имел возможность расправиться с готами, но ему три раза приказывали отступить. Это звучит неубедительно. Но вероятно, мы также не погрешим против истины, если скажем, что готская армия иной раз бывала весьма полезна и уничтожать ее было бы невыгодно даже при наличии такой возможности. Конечно, Аларих получил звание магистра войска и от восточного, и — позднее — от западного императора, даже если и тот и другой впоследствии лишили его этого титула. На протяжении своей карьеры он был и мятежником, и римским командующим. Констанций предпочел отправить готов против вандалов и аланов в Испанию, а не довершить их уничтожение. В ходе гражданских войн императоры имели обыкновение нанимать на службу тех же самых варваров, которые недавно грабили провинции, чтобы они сражались против их противников-римлян. Соотечественников они почти всегда считали наиболее опасными врагами.

Карта № 9. Начало вторжений варваров в V в.
БРИТАНИЯ
юты
англы
саксы
постоянное расселение начиная с середины V в.
409
ЛОНДИНИЙ
франки
бургунды
Секвана
406
486 Хлодвиг
Лигер
багауды
451 КАТАЛАУНСКИЕ ПОЛЯ
ГАЛЛИЯ
алеманны
Рейн
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
418 — готы при Валлии расселяются в Аквитании
АКВИТАНИЯ
Дураний
418 Валлия
Родан
МЕДИОЛАН
401–02
ПАВИЯ
443 Савойя
Гарумна
ГАЛИСИЯ
ТОЛОЗА
Атаульф
ТИЦИН
489
РАВЕННА
свебы 411—585
Ибер
409
414
Дурий
НАРБОННА
ARELATE
в 425 г. его безуспешно осаждали готы
ГЕНУЯ
408
ИТАЛИЯ
САЛОНА
ИСПАНИЯ
БАРЦИНОН (в 462 г. взят готами, добивавшимися доступа к Средиземному морю)
ТОЛЕТ
Таг
вторжение готов в Испанию
Ана
НЕАПОЛЬ
НОВЫЙ КАРФАГЕН
ГАДЕС
429
ГИППОН РЕГИЙ
(в 430 г. осажден вандалами)
ТИНГИС
КАРФАГЕН
Гейзерих
Бургунды
Франки, алеманны
Гунны
Остготы
Саксы, англы, юты
Вандалы, аланы, свебы
Вестготы
Разделение империи на Западную и Восточную в 395 году
378 Все даты — н.э.
Места крупных сражений
АВГУСТА ТРЕВИРОВ
(за 400—440 гг. разграблена четырежды)
МОГОНЦИАК
ВАНГИОНЫ
436 — бургунды разгромлены гуннами
Борисфен
гунны ок. 370
аланы
остготы
вандалы
401 — вандалы и аланы вторгаются в Рецию
Дунай
Драва
АКВИЛЕЯ
империя гуннов ок. 420 г.
Сава
Иллирик
СИРМИЙ
вестготы
376
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Дунай
НАИСС
НИЖНЯЯ МЁЗИЯ
(заселена вестготами по договору 382 г.)
Аларих
ФИЛИППОПОЛЬ
АДРИАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
РИМ
(разграблен в 410 г. Аларихом, в 455 г. — вандальским королем Гейзерихом)
МАКЕДОНИЯ
ФЕССАЛОНИКА
395–97
АЗИЯ
АФИНЫ
КОРИНФ
396
ПЕЛОПОННЕС
СПАРТА
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Линия раздела империи 395 г. до н.э.
0
800 км
0
500 мили

Численность готской армии на том или ином историческом этапе нам неизвестна. Согласно сообщениям древних, близ Рима находилось сорок тысяч человек. Эта цифра не выглядит неправдоподобной, в особенности если наряду с воинами учитывалась лагерная прислуга, но относительно нее точных сведений нет. Требование передать готам, в числе прочего, семь тысяч шелковых одежд в качестве выкупа за снятие первой осады Рима навело исследователей на мысль, что эта цифра соответствовала численности собственно воинов, экипированных должным образом. Это опять-таки вполне возможно. Готы никогда не пытались осаждать или штурмовать Рим по всем правилам военного искусства. Сколько бы их ни находилось под стенами Рима, численность их была значительно ниже численности населения города. Но последнее не было должным образом организовано и вооружено. Готам достаточно было таких сил, чтобы помешать подвозу значительного количества продовольствия в город. В этой ситуации даже несколько тысяч человек при умелом руководстве могли чрезвычайно осложнить жизнь римлянам. Равным образом племена, перешедшие Рейн, не могли быть многочисленны: представление об отрядах, насчитывавших несколько тысяч человек, выглядит более правдоподобным, нежели представление об десятитысячных или еще более крупных армиях. Поведение варваров не свидетельствует о том, что их было очень много; то же касается готов, которые могли передвигаться с места на место, при необходимости преодолевая горные перевалы и десятилетиями поддерживая свое существование только за счет грабежей в провинциях. Когда такие группы наносили удар, последствия для конкретной местности были ужасны, но численности их хватало лишь на небольшие области. Готы наверняка представляли собой наиболее мощную силу, временами получавшую обеспечение за счет ресурсов империи; к тому времени, о котором идет речь, многие из них носили оружие, изготовленное в государственных мастерских.

Внешне они, вероятно, выглядели не похоже на регулярные римские войска*.

Равным образом не возникает впечатления, что римские армии были особенно велики. Тридцать отрядов Стилихона вместе с союзниками вполне могли быть одной из самых крупных армий, появлявшихся в тот период на поле боя. Также следует заметить, что 4000 солдат, высланных с востока в Равенну, значительно изменили соотношение сил в ходе кампании. В 409 году сообщалось, что 6000 солдат были направлены непосредственно на защиту Рима, хотя они попали в засаду и к городу прорвалась лишь горстка людей. Если цифра точна, то, очевидно, такое количество солдат считалось вполне достаточным для обороны города. В «Notitia Dignitatum» действительно имеются признаки потерь, а также отчаянных усилий привести в порядок ситуацию с полевыми армиями Запада. После 395 года появилось много вновь созданных — или по крайней мере переименованных — соединений; значительная часть их состояла из pseudocomitatenses — прежних limitanei, навсегда зачисленных в полевую армию. Сомнительно, что такие соединения размещались на приграничных территориях. Однако, рассматривая мощь армии, мы возвращаемся к основополагающей проблеме: нам неизвестно, какова на самом деле была численность полков — или, в конце концов, сколько из них существовало не только номинально, но и фактически. Легкость, с которой разноплеменные отряды участников набегов пересекли Рейн, затем уцелели в Галлии и в конечном итоге перебрались в Испанию, заставляет поднять вопрос: где же находилась римская армия? Эта проблема обостряется еще более, если (что весьма вероятно) число варваров было относительно невелико. Многие римские соединения

* Зосим (V. 42), оценивая численность армии, приводит цифру в сорок тысяч человек; факт передачи четырех тысяч шелковых туник и трех тысяч шкур, выкрашенных в красный цвет, использован в работе Бернса: Burns (1995). P. 234. На нем строится предположение, что у Алариха могло быть около семи тысяч «настоящих» солдат.

вполне могли быть отозваны в Италию Стилихоном или (с течением времени) оказались вовлечены в гражданские войны. Но в итоге все же напрашивается вывод, что многих из них просто-напросто не существовало*.

Несомненно, что в ходе операций, имевших место в указанные десятилетия, никто из командующих не хотел рисковать, дабы не понести тяжелых потерь. Это относилось как к людям наподобие Алариха и других предводителей отрядов, состоявших из вандалов, аланов и прочих, так и к римлянам. Крупные сражения происходили крайне редко, и ни одно из них не имело решающего значения. И Стилихон, и Констанций, по-видимому, предпочитали блокировать врага и тем вынудить его подчиниться, нежели противостоять ему открыто. Если же говорить о Стилихоне, весьма вероятно, что его военный опыт и талант были невелики и он знал об этом. Констанций, наверное, обладал большими способностями, но оба они являлись прежде всего политиками. Тяжелые потери было нелегко возместить; они могли повлечь дискредитацию командующего, за которой следовали его смещение и казнь. Равным образом и в случае с Аларихом возможность удерживать в повиновении значительные военные силы зависела от его авторитета; то же касалось и других варварских вождей. Изолированные отряды воинов или армии, находившиеся в глубоком тылу на территориях провинции, не имели постоянной возможности получать подкрепления. Более чем вероятно, что отряды, которым сопутствовал успех, имели обыкновение набирать рекрутов из числа воинов, пробиравшихся на территорию

* Зосим пишет, что в Рим было послано около шести тысяч человек (V. 41); в работе *Heather P.J.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 246—248 проводится обсуждение предполагаемых потерь и замен в рядах армии Западной империи на основе «Notitia Dignitatum», который может послужить хорошим введением в тему. См. также: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284—602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 1425—1436, где содержится более детальная классификация.

империи поодиночке или маленькими группами. Оборонительные сооружения на границе были не в том состоянии, чтобы кто-то мог этому воспрепятствовать. Упомянем также и дезертиров, и беглых рабов. Однако единственное, на что они уповали, было присоединение к какому-либо предводителю. Даже незначительные поражения, в особенности следовавшие одно за другим, обескураживали таких людей. Вероятно, своего рода подсказкой для них относительно того, как вести себя, также служило дезертирство военнослужащих. Крупные сражения прежде всего бывали сопряжены со значительным риском, если только предводитель не располагал силами, обеспечивавшими подавляющий численный перевес, а в таком случае враг вряд ли вообще захотел бы драться. Поэтому в ходе кампаний военачальники действовали «ощупью» и каждая из сторон стремилась получить преимущество, которое надеялась реализовать в ходе переговоров. Правители империи зачастую рассматривали вражеские части как боеспособные соединения, которые они смогут использовать в своих целях. Боевые действия протекали в форме стычек и набегов, и несомненно, что римская армия продолжала придерживаться тактики засад и неожиданных нападений. Исход кампании зависел от целого ряда малых операций, а не от крупных, детально спланированных сражений. При этом для участников событий разница была чисто теоретической: малая стычка могла повлечь за собой столь же тяжелые последствия и быть сопряжена с теми же опасностями, что и славное сражение. Аларих и его преемники надеялись добиться высокого положения и укрепить собственную безопасность, насколько это было возможно в рамках римской государственной системы. Они не могли сокрушить империю просто в силу того, что у них не хватало воинов. Ходили слухи, будто готы поклялись разгромить ее еще до перехода через Дунай; считается, что Атаульф говорил о своих планах заменить римскую империю готской. Он изменил свое мнение, решив, что римские законы необходимы, дабы править страной в мир-

ное время. Но сам факт, что они действовали в те годы, когда в обеих империях сложилась нестабильная обстановка, затруднял достижение ими цели. Быстрое восхождение и падение лиц, сменявших друг друга за спиной императоров, привело к радикальным сдвигам в римской политике. В ряде случаев это лишило обоих готских лидеров возможности успешного проведения переговоров*.

Прошло всего несколько лет после разграбления Рима, и император Гонорий отпраздновал в городе триумф — причем триумф над соперником-римлянином, что в первом или втором веке было бы немыслимо. Жизнь в городе продолжалась. Проходили заседания сената; когда не было гражданской войны, люди по-прежнему получали бесплатную пищу и посещали зрелища. В политическом отношении осады, предпринятые готами, и разграбление Рима не повлияли на жизнь империи: центр ее с давних пор неоднократно перемещался туда, где находился императорский двор. Если говорить о психологической стороне дела, то известие о разграблении потрясло римский мир и в том числе восточные провинции, у которых были своя столица и свой император. С точки зрения язычников, причиной катастрофы стало забвение старых богов. Христиане стремились опровергнуть эти претензии (их соображения мы рассмотрим ниже). Современные ученые, анализируя долгосрочную перспективу, склонны преуменьшать значение случившегося. С практической точки зрения это может быть вполне правильно, поскольку Западная империя продолжала существовать после 410 года, как и ранее. Но считать так — значит упускать основополагающий момент: правительство оказалось не способно предотвратить разграбление.

В конце концов именно бессилие правительства обращает на себя основное внимание, когда речь идет о данном периоде. Разрываемое внутренней борьбой, номинально

* Oros. VII. 43, а также: Burns (1995). P. 258—259; яростные споры по поводу клятв Риму и более ранних клятв приводятся у Зосима (IV. 56) и Евнапия (fr. 59 (60)), ср. Burns (1995). P. 68.

возглавляемое слабыми императорами, а на практике — фаворитами или забравшими в свои руки власть военными (положение их не отличалось надежностью), оно оказалось еще менее способным к решению проблем, нежели режимы IV века. Да, оно столкнулось с военной угрозой, но то же самое случалось в прежние времена. Готская угроза носила несколько иной характер, она исходила из провинций (во многом оказалась следствием того, что ранее, в 382 году, готы остались не побеждены). Вместе с тем готы не имели численного превосходства. Но империи никогда не хватало войск, чтобы нанести поражение им, равно как и прочим врагам; единственное исключение имело место при вторжении армии Радагайса. Слабость империи, разумеется, провоцировала новые нападения, но ничего нового в этом не было. Никто не смог мобилизовать мощные ресурсы, которыми по-прежнему располагал Запад, дабы дать врагам достойный отпор. В итоге Западная Римская империя удовлетворялась присутствием союзных, но сохранявших по крайней мере частичную автономию племен на территории своих провинций. Власть императора в Равенне постепенно слабела.

Глава семнадцатая

ГУНН

> Варварский народ гуннов... приобрел такую силу, что захватил сотни городов и угрожал самому Константинополю... и столько людей погибло, и столько крови пролилось, что мертвецам не было счету. Они даже захватывали церкви и монастыри и перебили великое множество монахов и монахинь.
>
> *Каллиник. Описание вторжения гуннов в 440-х годах**

Имя гунна Аттилы по сей день остается символом жестокости и разрушения. Он — один из немногих деятелей античной истории, чье имя до сих пор на слуху. Благодаря этому он оказывается в одном ряду с такими персонажами, как Александр, Цезарь, Клеопатра и Нерон. Из них лишь Нерон пользуется столь же дурной славой, поскольку Аттила стал олицетворением варварства в античном мире. Его биографию слишком часто смешивают с биографией другого завоевателя, жившего позднее и добившегося больших успехов, — Чингисхана. Бытуют образы тысяч узкоглазых воинов на низкорослых лошадях, текущих непрерывным потоком из степей под значками из волчьих хвостов, чтобы проливать кровь, разрушать, жечь города и громоздить груды черепов. В конце XIX века поначалу французы, а затем в большей мере англичане называли немцев гуннами; они не выбрали для этого слово «готы», «вандалы» или название любого другого народа, который можно было с вероятностью рассматривать в качестве предка современных немцев. В 1914 году именно «гунн» подверг «насилию» сохранявшую нейтралитет Бельгию. Здесь сыграло свою роль то, что имя это короткое и легко запоминающееся, что оказалось весьма удобно для авторов лозунгов и поэтов вроде Киплинга. Что

---

* *Callinicus*. Vita S. Hypatii / Ed. G. Bartelink // SC 177. Paris, 1971. P. 139. 21.

еще более важно, оно олицетворяло врага, чей образ полностью противоположен всему благому и цивилизованному*.

Этот стереотип дает хотя бы смутное представление о том страхе, который внушали гунны в конце IV—V веке. Отчасти он был связан с расовыми различиями. Гунны выглядели непривычно даже по сравнению с варварами, которых в империи уже знали. Они были низкорослы, коренасты, с маленькими глазами и — на взгляд римлян — почти стертыми чертами лица. Во многих описаниях подчеркивается их уродство, хотя, что любопытно, не упоминаются их удлиненные черепа, которыми, если можно так выразиться, щеголяла небольшая часть гуннских мужчин и женщин, — специально созданная неправильность, возникавшая вследствие того, что младенцам туго перевязывали голову, чтобы деформировать костную ткань. Никто не знает, для чего это делалось, хотя в других культурах зачастую бывали приняты аналогичные вещи. На сей раз мы имеем право предположить существование некоего мотива ритуального характера, связанного с чем-то нам непонятным**.

Гунны были чужды как римлянам, так и готам. Кроме того, они казались ужасающе жестокими и смертельно опасными в бою. И все же они не были непобедимы. Аттила создал обширную империю, пусть и не такую большую, как утверждал он в своих хвастливых декларациях (и вслед за ним — некоторые историки). Его армии заходили далеко в глубь римских провинций, круша все на своем пути, но они не могли остаться там. Часть приграничных областей поко-

---

* О дискуссии по поводу употребления слова «гунн» накануне и во время Первой мировой войны см.: *Man J.* Attila: The Barbarian King who Challenged Rome. New York, 2005. P. 302—307. Хотя нужно отметить, что это слово чаще использовалось людьми, напрямую не участвовавшими в боевых действиях, оно стало обычным сленговым обозначением для немецких воздушных сил и летчиков в RFC и RNAS.

** См.: *Thompson E.* The Huns. Oxford; Maiden, 1996. P. 56—59, о внешнем виде гуннов см.: *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973. P. 358—375, Man (2005). P. 63—66.

рилась ему, еще больше земель подверглось опустошению, но в целом его территориальные приобретения за счет Рима были скромны. Кроме того, империя Аттилы просуществовала недолго: после его смерти сыновья начали борьбу за власть, а покоренные народы восстали, и в течение нескольких лет она развалилась на части. Сами гунны вряд ли были многочисленны, а обширные армии Аттилы, по-видимому, всегда по большей части состояли из союзников, включая готов, аланов и представителей других народов. Гунны также не всегда были только врагами Рима. И Восточная, и Западная империи часто принимали на службу гуннские отряды, сражавшиеся за них весьма успешно.

Аттила как человек куда более интересен, чем миф о нем. Он вовсе не был подобен Чингисхану; равным образом и гуннов далеко не полностью можно отождествить с монголами эпохи Средневековья. Кочевые народы обладали далеко не одинаковой и неизменной во времени культурой. Гуннов обвиняли в том, что они спровоцировали вторжение варваров, которое в конечном итоге погубило Западную Римскую империю. Вместе с тем им ставили в заслугу тот факт, что они охраняли существование этой же империи в течение нескольких десятилетий и отсрочили ее падение, удерживая германские племена. Оба утверждения содержат долю правды, но они не отражают всей истины. Тем не менее справедливо будет заметить, что в течение жизни целого поколения гунны и их вожди были единственной — и чрезвычайно мощной — силой, противостоявшей римлянам в Европе*.

Из степей на Дунай

Появление гуннов в IV веке стало для римлян неожиданностью, и, несмотря на ряд попыток соотнести их с племенами, известными из классической традиции, римляне не

* Thompson (1996). P. 79—81; Maenchen-Helfen (1973). P. 94—95, 125—129.

имели адекватного представления об их происхождении. Устная традиция самих гуннов также не сохранила никаких сведений о том, что они сами думали на сей счет. В XVIII веке было высказано предположение, что гунны — тот же самый народ, что и хунну, упоминавшиеся в китайских источниках. Эта мощная конфедерация кочевых племен создавала серьезную угрозу границам Китая начиная с III века до н.э. вплоть до конца I века н.э. Отброшенные назад силами консолидировавшегося Китая гунны, согласно некоторым гипотезам, отступали все дальше и дальше на запад, пока не достигли рубежей римского мира несколькими столетиями позже. Это возможно, однако упомянутые предположения уязвимы для критики. Безусловно, гунны происходили откуда-то из Великой степи, но территории, поросшие травой, столь обширны и на них обитало столько кочевых племен, что само по себе это дает нам слишком мало*.

Мы просто не знаем, почему гунны двинулись на запад. Источники классического периода повторяют легенду о том, что их первая встреча с готами была случайной, когда отряд гуннов, преследуя животное на охоте, заехал дальше, чем когда бы то ни было прежде, и наткнулся на людей, ранее им неизвестных. Подобные истории — частое явление в древней литературе, однако они редко заслуживают доверия. В кочевых племенах вроде гуннов имелись искусные мастера, в том числе работавшие по металлу, и в особенности те, кто делал кибитки, в которых они путешествовали, и луки для охоты и сражений. Однако предметы роскоши всегда были у них редкостью, и в этом отношении они зависели от стационарных поселений. В конце концов, вероятно, именно богатство Рима и, конечно, Персии, а также народов, живших на границах этих империй, привлекло гуннов. Во второй половине IV века они достигли Черного моря; к концу столетия некоторые зашли так

* Maenchen-Helfen (1973). P. 222—223, 367—369; *Heather P.J.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 148—150; Man (2005). P. 30—54.

далеко, что достигли земель, ныне именуемых Венгерской равниной*.

Как и в случае с готами или алеманнами и другими племенными группировками, было бы ошибкой видеть в гуннах отдельный единый народ. В степях кочевые племена часто проводили большую часть года, разбившись на небольшие группы, которые состояли из нескольких семей и передвигались с места на место в поисках сезонных пастбищ для овец и коз, дававших им значительную часть всего необходимого для жизни. У них, вероятно, уже имелись цари и вожди (хотя, вероятно, не обладавшие значительной властью), а также зачатки кланов или племени. Контакты и конфликты с народами вроде готов, аланов и, наконец, римлян увеличили значение подобного разделения и стимулировали усиление личной власти вождей. Для большого набега нужны были лидеры, которые контролировали бы отряды и направляли их атаки. Успешные рейды приносили добычу и славу, что усиливало престиж и власть командующих. Войны, вынудившие стольких готов искать убежища за Дунаем в 376 году, повлекли за собой усиление могущества успешно действовавших гуннских военных предводителей. Некоторые племена бежали, чтобы гунны не вырезали их; еще больше осталось, присоединившись к гуннам и оказавшись в зависимости от них в той или иной степени. В результате лидеры гуннов получили подчинявшихся им союзников — вождей и царей других племен. В течение следующих пятидесяти лет существовала отчетливая тенденция к сокращению среди гуннов числа военачальников и одновременно — к усилению их власти. Итогом этого стало правление Аттилы, хотя даже тогда, по-видимому, имелись небольшие группы гуннов, не признававшие его власти. После его смерти они разделились на множество отдельных отрядов.

Военные успехи гуннов в столкновениях с другими племенами требуют пояснений — хотя, быть может, причины

* Maenchen-Helfen (1973). P. 11—13, 18—26; Thompson (1996). P. 19—68.

более просты, чем обычно считается. Мы не знаем даже, в чем состоял первоначальный конфликт между ними, чтобы оценить, какую роль играли численность, вожди и стратегическое или тактическое положение. На войне успех может подпитывать сам себя, придавая все большую уверенность предводителям и вместе с тем постепенно деморализуя врага, пока тот не уверится в том, что его ждет лишь поражение. Это в особенности справедливо, когда победители выглядят и действуют иначе, нежели их противники, поскольку тем легче поверить в непобедимость врагов. В первых стычках гунны имели преимущество перед врагами: если они могли нанести удар по вражеским усадьбам и деревням, то противники не могли ответить им тем же и совершить нападение на то, что имело жизненно важное значение для врага. Гунны были мобильны и могли перегнать кибитки, где находились их семьи и запасы продовольствия, туда, куда не могла дотянуться рука неприятеля. Также важно, что гунны, все без исключения умевшие ездить верхом и привыкшие путешествовать таким образом на далекие расстояния, могли нанести удар в глубь вражеской территории и при этом перемещаться очень быстро. Даже потерпев поражение, они часто могли ускользнуть, понеся минимальные потери.

Гуннское войско состояло из конных лучников. Их лошади были меньше римских скакунов, но отличались силой и выносливостью, позволявшей им пережить жестокие степные зимы. Согласно «инструкции», написанной в Восточной Римской империи в VI веке, гуннов следовало атаковать в конце зимы, когда их лошади ослабевали. У большинства воинов было несколько коней. В ходе кампании, и в особенности во время набегов, они регулярно меняли усталых лошадей на свежих, что обеспечивало быстрое передвижение отряда. Не следует, однако, преувеличивать: не сохранилось ни малейших свидетельств того, что каждому гунну нужно было по десять лошадей. Такое могло относиться лишь к немногим — тем, кто обладал большим богатством по сравнению с остальными, причем всех лошадей вовсе не обязатель-

но брали с собой на войну. Пределом мечтаний большинства обычных воинов, вероятно, было по две-три лошади (заметим, что даже для такого количества коней требовалось немало корма). Гунны пользовались седлами с деревянной основой, отличавшимися, если так можно выразиться, дизайном от четырехугольных римских седел и более удобными для конных лучников. Стременами, которые еще не были известны в Европе, они также не пользовались*.

Гуннский лук представлял собой выдающееся достижение тогдашних мастеров. Лук был сложным (композитным): он делался из дерева, сухожилий животных, рога и кости. Сухожилия обеспечивали так называемую прочность на разрыв, в то время как рог — прочность сжатия. Сочетание этих материалов обеспечивало оптимальное соотношение силы выстрела и веса лука. Когда лук натягивали, его плечи изящно изгибались назад от точки захвата. Длина его увеличивалась за счет использования гибких костяных или роговых «ушей» («планок»); благодаря им при выстреле опять-таки удавалось развивать большую силу. Ненатянутый лук сам собой сгибался в противоположную сторону, отсюда еще одно название — рекурсивный. Композитные луки были широко известны в Древнем мире. Ими пользовались персы, а также кочевые и полукочевые племена — такие как сарматы и аланы. В римской армии они являлись стандартным оружием, и археологи часто находят «уши» в местах военных поселений. Гуннские луки были необычно большими — в особенности учитывая, что ими пользовались конники — и по этой причине более мощными. Использование «ушей» дополнительно увеличивало его мощность. Лук был асимметричен: часть,

* О нападении на гуннов в конце зимы см.: *Leo*. Problemata. VII. 9; о гуннских лошадях см.: Veget. Mulomed. III. 6. 1—7. 1, а также: Maenchen-Helfen (1973). P. 185, 204; о седлах см.: Maenchen-Helfin (1973). P. 208—210; П. Хизер, цитируя Р. Линднера (*Lindner R.* Nomadism, Huns and Horses // Past and Present. Vol. 92. 1981. P. 1—19), повторяет утверждение, что у каждого гуннского воина было по десять лошадей (Heather (2005). P. 328).

находившаяся выше точки захвата, была длиннее, нежели та, что находилась ниже ее. Это было необходимо уже не для увеличения его мощности, а для того, чтобы всаднику было проще стрелять из него. Гуннские луки были чрезвычайно высококачественными. На изготовление такого лука, вероятно, уходил не один год; для этого требовались огромные специальные знания и опыт, передававшиеся мастерами из поколения в поколение. Хороший лук служил долго; любопытно, что остатки луков, обнаруженных в захоронениях, носят на себе следы поломки. Неповрежденный лук представлял собой слишком ценную вещь, чтобы класть его в могилу*.

Технологические достижения до некоторой степени объясняют, почему гунны представляли собой столь грозную военную силу. Каждый был вооружен исключительно мощным луком превосходной конструкции. Седло обеспечивало ему удобную посадку даже при быстрой езде и возможность править конем одними коленями, поскольку при стрельбе нужны обе руки. С луком дело обстоит иначе, нежели с огнестрельным оружием и арбалетом, которые сами обеспечивают необходимую для выстрела энергию; обучить пользоваться таким оружием гораздо проще, тогда как чтобы стать хорошим лучником, нужно гораздо дольше практиковаться и совершенствовать мастерство. Мощность выстрела определяется в основном тем, какую силу прикладывает стрелок; отчасти она увеличивается благодаря сложной конструкции, но сам по себе лук выстрелить не может. Искусство стрельбы можно освоить лишь постоянно тренируясь; для конных

* О луках и стрельбе из них см.: Maenchen-Helfen (1973). P. 221—232, Heather (2005). P. 154—158, Man (2005). P. 97—99, *Fields N.* The Hun: Scourge of God ad 375—565 (2006). P. 30—32, 39—46, M. Bishop & J. Coulston, *Roman Military Equipment* from the Punic Wars to the Fall of Rome (2nd edn, 2006). P. 88, 134—135, 164—168, 205—206, *Coulston J.* Roman Archery Equipment // The Production and Distribution of Roman Military Equipment / Ed. M. Bishop. 1985. P. 230—348; об их эффективности см.: *McLeod W.* The Range of the Ancient Bow // Phoenix. Vol. 19. 1965. P. 1—14; о современных реконструкциях и технике стрельбы см.: *Kassai L.* Horseback Archery. 2002.

лучников это справедливо вдвойне, поскольку они должны быть не только хорошими стрелками, но и мастерами верховой езды. Охота позволяла практиковаться и тем самым готовиться к войне; чтобы выжить в степи, каждый представитель племени должен был владеть обоими названными искусствами. И даже впоследствии, когда гунны перебрались на территории близ границ Римской империи и жизнь их изменилась, навыки эти по-прежнему ценились и служили постоянным объектом приложения сил при тренировках*.

Первые стычки между гуннами и готами по большей части изображались без особых прикрас: пешие воины, большинство из которых не имело доспехов и защищалось только щитами, оказывались полностью беззащитны при молниеносном нападении конных лучников. Часто звучит сравнение с охотой, в ходе которой отряд всадников систематически уничтожает скот и хладнокровно убивает людей — и одиночек, и небольшие группы. Несмотря на всю свою храбрость, пехотинцы просто не могли догнать своих быстрых противников, которые приближались к ним лишь обладая подавляющим превосходством в силах. В этот момент гунны имели обыкновение пользоваться вспомогательным вооружением — мечами и арканами. Вероятно, именно так и происходили стычки, о которых идет речь, хотя следует заметить, что аланы сами были превосходными наездниками и лучниками и все же быстро потерпели поражение от гуннов. Добившись первых успехов, гунны обычно включали в свое войско большие контингенты союзников, сражавшихся по-своему. Среди них было немало пехотинцев, вооруженных дротиками, копьями или мечами, а не луками**.

Гуннский лук в умелых руках был смертоносным оружием, но чудо-оружием его назвать нельзя, и возможности гуннской армии не были беспредельны. Конные лучники эф-

* Г. Элтон обсуждает возможность того, что образ жизни гуннов изменился, поскольку они поселились рядом с империей (*Elton H.* Warfare in Roman Europe: AD 350—425. Oxford, 1996. P. 26—28).

** Обобщенный рассказ см., например: Man (2005). P. 100—103, ср. также: Heather (2005). P. 156—157.

фективно действовали лишь на открытой местности — к примеру, в степях или на Венгерской равнине. Назовем и другой недостаток: необходимость длительного обучения и постоянной практики приводила к уменьшению численности воинов даже в условиях, когда кочевники перешли к более оседлому образу жизни и популяция их увеличилась. Воинов у гуннов было немного, и, конечно, быстрое возмещение тяжелых потерь оказывалось нелегким делом. Распространение власти гуннских вождей на союзников и подданных позволило пользоваться значительно большими ресурсами живой силы, но привело к тому, что армия стала гораздо более смешанной по составу.

В прежние времена римляне весьма успешно воевали против конных лучников и кочевников; прежде всего следует привести примеры сарматов и аланов. Сомнительно, что в другие времена гуннам удалось бы добиться столь ошеломляющих побед. Но, как мы уже видели, в начале V века военные действия велись весьма неуверенно: римские военачальники, такие как Стилихон и Констанций — а также предводители вроде Алариха, — не могли допустить поражений, так как это привело бы к тяжелым потерям или утрате их собственного престижа; то не было время частых битв, носивших судьбоносный характер. Римская армия также не стремилась к проведению тщательно спланированных наступательных кампаний, по крайней мере в Европе. Всегда было очень много других проблем, с которыми следовало разбираться, — и здесь не в последнюю очередь надо упомянуть угрозу в адрес империи, которую создавали ее же представители. В эту эпоху Аттила смог создать армии, значительные по численности и устрашающие (если судить по меркам того периода), и проводить с ними кампании в течение достаточно длительного времени. Лишь иногда он встречался со значительным сопротивлением. Успех гуннов во многом стал следствием слабости римлян*.

* См.: *Whitby M.* The Balkans and Greece, 420—602 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 704—721.

Новая угроза на Дунае

Восточная империя подвергалась набегам гуннов чаще всего. Судя по всему, их количество значительно выросло начиная с V века, и успешные операции, как правило, воодушевляли кочевников на более масштабные и частые атаки. У гуннов появились могущественные предводители, такие как Руа, дядя Аттилы. В 422 году константинопольское правительство согласилось выплачивать ему триста пятьдесят фунтов золота ежегодно, дабы тот не начинал военные действия против них. В 434 году он потребовал увеличить эту сумму, а когда римляне отказались, напал на балканские провинции. Однако вскоре после этого Руа умер; ему наследовал Аттила и его брат Бледа. По-видимому, они предпочли разделить владения дяди между собой, а не править совместно. На некоторое время напряженность на границах империи ослабела, но к 440 году братья сумели вынудить правительство Восточной империи выплачивать им по семьсот фунтов золота ежегодно. Военные министры Феодосия II столкнулись с другими неотложными проблемами, и эта сумма могла показаться небольшой ценой за сохранение мира*.

Шантажисты неизменно оценивают уступчивость как знак слабости и усиливают требования. Мир оказался иллюзией: не прошло и года, как гунны вновь начали тревожить набегами Иллирик и Фракию. Одним из предлогов возобновления войны предположительно стал поступок епископа города Марга, который, по слухам, пересек Дунай, чтобы разграбить могилы гуннских царей и добыть оттуда золото. Город Марг также привлек к себе внимание варваров, и епископ забеспокоился: что, если из двух возможностей — выдать его врагу или погибнуть, защищая его — сограждане предпочтут первую? В итоге он перебежал к гуннам и поспешно сдал им город, договорившись кое с кем из своих

* Maenchen-Helfen (1973). P. 74—94; Thompson (1996). P. 30—45, *Lee A.* in The Eastern Empire: Theodosius to Anastasius // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 40—41.

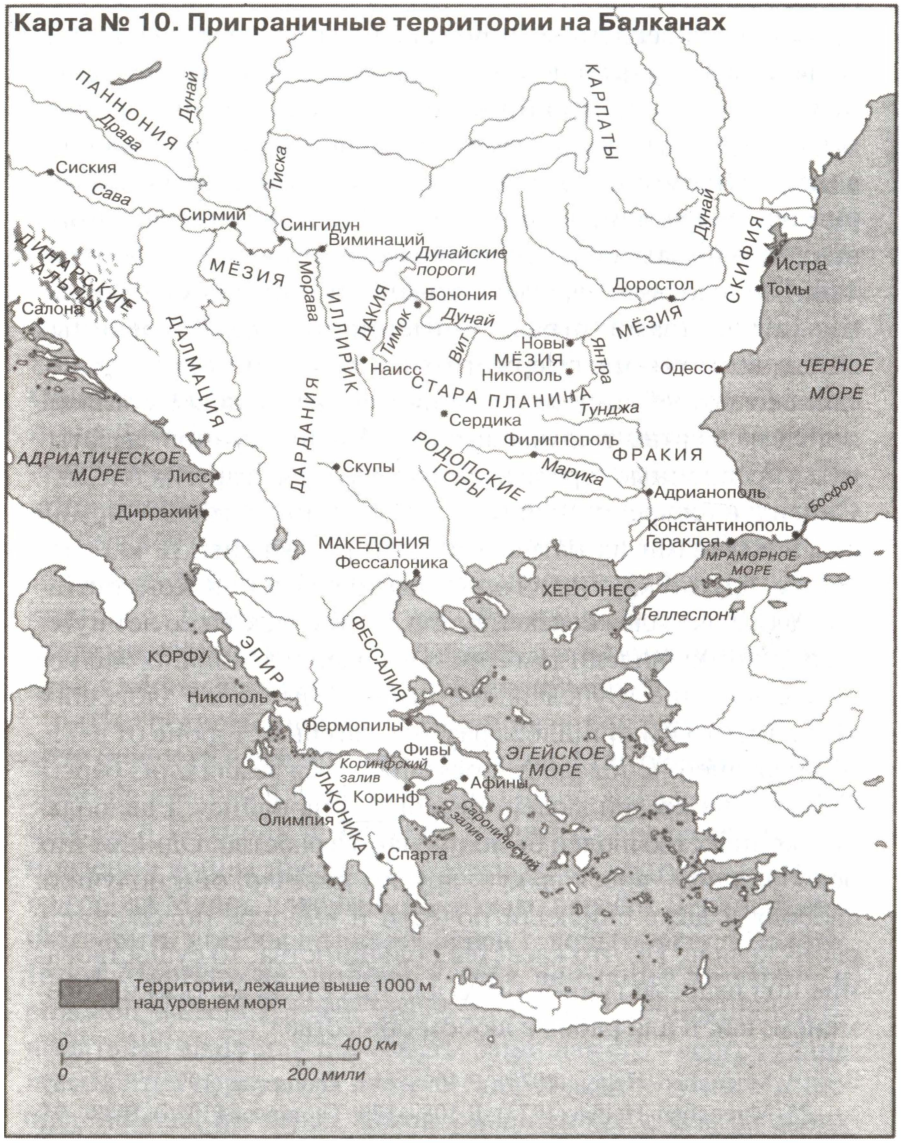
помощников, чтобы те открыли ворота и впустили врага под покровом ночи*.

Другие укрепленные города пали в результате штурма. В сохранившихся фрагментах тогдашних исторических сочинений говорится, что гунны использовали тараны, лестницы и мобильные осадные башни, ведя штурм «по всем правилам». Они могли перенять соответствующие технологии у римлян. Была и иная возможность: теперь гуннская армия включала немало сил, некогда сражавшихся на стороне римлян. Важную роль наравне с этими примитивными осадными устройствами играла численность задействованных войск, возможность удерживать их на одном месте столько, сколько потребуется для ведения осады, а также согласие пойти на жертвы в случае штурма. Умение гуннов захватывать укрепленные города выделяет их из ряда других племен. Сингидун (современный Белград) и крупный город Сирмий стали жертвами их натиска и были разрушены. В 443 году Наисс, другой крупный город, место рождения Константина, также оказался сожжен дотла. Через несколько лет путешественники видели там горстку людей, влачивших жалкое существование в уцелевших домах. Еще более зловещим стало то, что им пришлось разбить лагерь в стороне от реки, протекавшей неподалеку, поскольку «вся земля близ берега была полна костей людей, перебитых на войне». Еще большее количество людей было продано в рабство. Одни из них освободились, внеся выкуп; другим повезло: они получили свободу и даже снискали почести и высокое положение у своих хозяев. Но что касается большинства, то существование под властью гуннов было для них столь же тяжким бременем, как и для рабов в любом обществе**.

---

* Maenchen-Helfen (1973). P. 109—110; Thompson (1996). P. 87—89.

** Maenchen-Helfen (1973). P. 108—120; Thompson (1996). P. 89—95; Whitby (2000). P. 708—709 об осадах, со ссылкой на Приска, fr. 6. 2 (Brockley 54, у которого другая система деления текста), Iord. Getica 42. 220—221, Procop. Bella. III. 4. 30—35; о костях, покрывавших землю под Наиссом, см. Prisc. Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes. 123.

Карта № 10. Приграничные территории на Балканах
ПАННОНИЯ
Дунай
Драва
Сава
Сиския
Тиска
Сирмий
Сингидун
Виминаций
Дунайские пороги
КАРПАТЫ
Дунай
СКИФИЯ
Истра
Томы
ДИНАРСКИЕ АЛЬПЫ
МЁЗИЯ
Морава
ИЛЛИРИК
ДАКИЯ
Тимок
Бонония
Дунай
Доростол
МЁЗИЯ
Салона
ДАЛМАЦИЯ
Вит
Новы
МЁЗИЯ
Никополь
Янтра
Одесс
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Наисс
СТАРА ПЛАНИНА
Тунджа
ДАРДАНИЯ
Сердика
Филиппополь
РОДОПСКИЕ ГОРЫ
ФРАКИЯ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Лисс
Скупы
Марика
Адрианополь
Босфор
Диррахий
Константинополь
Гераклея
МАКЕДОНИЯ
Фессалоника
МРАМОРНОЕ МОРЕ
ХЕРСОНЕС
Геллеспонт
КОРФУ
ЭПИР
ФЕССАЛИЯ
Никополь
Фермопилы
Фивы
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Коринфский залив
Афины
ЛАКОНИКА
Коринф
Олимпия
Саронический залив
Спарта
Территории, лежащие выше 1000 м над уровнем моря
0
400 км
0
200 мили

Римляне усилили свою армию в этой области, подтянув туда войска с различных территорий, и в конце концов смогли отбросить атакующих. Выплаты были приостановлены на несколько лет. В 445 году Аттила убил брата и сделался единовластным правителем громадной гуннской империи. Никто более не пытался соперничать с ним до конца его дней. По-видимому, под его контролем находилась большая часть территории Центральной Европы, хотя следует скептически отнестись к заявлениям о том, что его владения простирались до Северного моря. При Аттиле ряд его соплеменников пользовался значительной властью; то же касалось царей других племен. Он имел много жен — не только для удовольствия, но и, несомненно, для укрепления политических альянсов. Мы также знаем, что по крайней мере одна из жен Бледы осталась в живых и была окружена почестями. Верные сторонники Аттилы получали награды, и в годы его правления жизнь их складывалась весьма благополучно. В готских погребениях на территории его империи часто обнаруживаются изделия из золота, и поныне производящие сильное впечатление. В некоторых случаях погребения отражают приверженность населения гуннским обычаям (имеются в виду, например, намеренно деформированные черепа). Нелояльность влекла за собой безжалостную кару. Непременное условие договоров Аттилы с римлянами заключалось в его требовании возвратить ему всякого, кто бежал из-под его власти (учитывая, что беглецов называли по именам, он, очевидно, подразумевал представителей знати). Известно, что два лица царской крови, переданные в руки людей Аттилы, были сразу же посажены на кол*.

Прошло два года неурожаев; свирепствовала чума, и, в довершение всего, в 447 году на территории Восточной империи произошло несколько опустошительных землетрясений. Константинополь серьезно пострадал; значительная часть его мощных стен разрушилась. Аттила учуял открывшуюся возможность и организовал масштабное вторжение.

* По вопросу о возвращении беглецов см.: Whitby (2000). P. 705.

Римский военачальник — как это часто бывало в те годы, германского происхождения — решил рискнуть, дал бой и потерпел поражение. Города вновь попали в руки захватчиков и были разграблены. В Константинополе префект претория Флавий Констанций воспользовался помощью двух партий «болельщиков», на которые разделялось население города, посещавшее цирк. «Голубые» и «зеленые» обычно питали друг к другу непримиримую вражду, но под его руководством согласились работать вместе и примерно за шестьдесят дней устранили большую часть разрушений в городе. Стены починили, и гунны не успели воспользоваться уязвимостью Константинополя. Однако в других местах они произвели немалые опустошения. Один из отрядов дошел до Фермопил в Греции — знаменитого ущелья, где в 480 году до н.э. армия греков со спартанцами во главе, героически пожертвовав собой, задержала наступление персов*.

И вновь Восточной Римской империи пришлось покупать у гуннов мир. Теперь Аттиле предстояло получать не менее двух тысяч ста фунтов золота ежегодно. Вдобавок он потребовал немедленно выплатить ему еще шесть тысяч фунтов, считая, что эту сумму римляне задолжали ему с момента прекращения выдачи субсидий. Впервые ему также даровали земли к югу от Дуная — область протяженностью около трехсот миль, простиравшуюся от Сингидуна до Паннонии. Ширина ее была такова, что пересечь ее можно было за пять дней (соответственно речь идет о расстоянии от двадцати до ста миль). Таким образом, к нему отошла вся провинция Дакия Прибрежная (Dacia Ripensis) (названная так, дабы сокрыть отпадение от империи «настоящей» Дакии в III веке) и часть земель трех других провинций. Эти территории значительно пострадали от недавних набегов, и непонятно, в какой мере Аттила действительно использовал их. Возможно, он просто хотел получить в свое распоряже-

* Maenchen-Helfen (1973). P. 120—121; Thompson (1996). P. 98—103; *Bury J.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Vol. 1. New York, 1958. P. 271—276.

ние свободный от населения клочок земли, чтобы таким способом, если можно так выразиться, разрекламировать свою власть и способность заставить Рим пойти на уступки. Главная его цель в отношениях с империей состояла в получении выгоды посредством грабежей в ходе войны и вымогательства в мирное время. В обоих случаях он укреплял свой престиж и обеспечивал себя богатством, что позволяло ему щедро награждать сподвижников*.

Аттиле выплатили значительные суммы — значительные, но не беспрецедентные, если сравнивать с выплатами другим иноплеменным вождям, имевшими место в прошлом. Восточная империя вполне могла позволить себе потратиться, если смотреть на дело в долгосрочном плане. В краткосрочной же перспективе это означало повышение налогов, в том числе и с представителей сенаторского сословия, что всегда вызывало недовольство у этой группы. Однако Аттила никогда не был хорошим соседом, и все по-прежнему боялись, что он решит возобновить нападения в любой момент, если сочтет, что Восточная империя уязвима. Он постоянно направлял посольства в Константинополь. Одна причина состояла в том, что, согласно римскому обычаю, тех щедро одаривали, дабы продемонстрировать дружественные намерения властей и заручиться расположением послов. Чтобы воспользоваться этим, Аттила обычно отправлял в Константинополь разных людей и таким образом награждал свою элиту за счет римлян. Частые посольства и их настойчивость в требовании переговоров, нередко по незначительным поводам, также помогали держать императора и его советников в состоянии тревоги, напоминая им, что не стоит верить в прочность мира**.

---

* Maenchen-Helfen (1973). P. 123—125, Thompson (1996). P. 104—108, *Blockley R.* East Roman Foreign Policy. Liverpool, 1992. P. 63—64.

** О взимании налогов с сенаторов см.: Prisc. Fr. 9. 3. 22—33, комментарии по поводу позиции сената: Thompson (1996). P. 203—224; о частой отправке посольств см.: Maenchen-Helfin (1973). P. 185, Thompson (1996). P. 95—97, а также фрагменты Приска: Prisc. Fr. 5M. 1—10; о дипломатии Аттилы см. также: Whitby (2000). P. 706—708.

Сохранилось примечательное описание, созданное Приском — членом делегации, отправленной Константинополем, дабы посетить Аттилу, так сказать, на его территории, в 448 году. На нее возлагалась задача возвратить нескольких дезертиров (или беженцев) из империи Аттилы, хотя из семнадцати человек, затребованных гуннами, они привезли только пять. После долгой поездки (значительную часть пути их сопровождали гунны — послы, возвращавшиеся из Константинополя) они наконец достигли лагеря Аттилы. Был поздний час, и они попытались поставить палатки на холмике, но какие-то всадники тут же предупредили их: никому не разрешается располагаться так, чтобы его шатер стоял выше царского. Им пришлось подождать некоторое время, прежде чем удалось получить аудиенцию. Повеления, которые они получали, носили противоречивый характер: в них послам то предписывалось уехать, так как они не сумели привезти с собой всех беглецов и им нечего более предложить для обсуждения, то давалось обещание провести переговоры. Подобные действия (хотя и в миниатюре) очень напоминали дипломатию Аттилы в отношениях с римлянами: он не давал им успокоиться и угрожал силой, надеясь добиться уступок, когда, если можно так выразиться, начнется настоящий торг. Отряд римлян посетил ряд значительных лиц, которых задобрили щедрыми подарками и лестью, дабы те использовали свое влияние и добились, чтобы послов выслушал сам Аттила*.

Среди тех, с кем они встретились, было немало любопытных персонажей. Одной из них стала вдова Бледы, очевидно, по-прежнему обладавшая богатством и авторитетом у местных жителей. Она выручила отряд римлян после того, как гроза опрокинула их палатку, дала им пищу, обогрела и предложила несколько привлекательных молодых женщин (жест гостеприимства у гуннов). Приск с важностью сообщает, что они позволили женщинам разделить с ними тра-

* У Дж. Бьюри дается полный и выразительный перевод этого примечательного пассажа (Bury (1958). P. 279—288).

пезу, но не воспользовались ситуацией. Они также пытались повидаться с Онегесием, наиболее влиятельным помощником Аттилы, но, не сумев получить доступ к нему, отправились к его брату Скотту. Другим лицом, принявшим римлян, стала одна из жен Аттилы, окруженная большим почетом, поскольку она родила ему первенца. Все это время послы тащились вслед за Аттилой, пока он путешествовал по своим землям; в какой-то из деревень он задержался, чтобы взять себе очередную жену. Наконец они прибыли в одну из резиденций, где он обычно задерживался подолгу и жил в большом деревянном чертоге, окруженном внушительным, хотя и декоративным, частоколом. Резиденция Онегесия была меньше, зато включала в себя банный комплекс, выстроенный по римскому образцу. Его построили пленники, жители империи, захваченные во время набегов на балканские провинции. На Венгерской равнине не было каменоломен, так что все материалы пришлось везти из мест, лежавших за сотни миль отсюда. Инженер, строивший их, надеялся получить свободу в награду за хорошо выполненный труд, но вместо этого был оставлен при банях навсегда для технического обслуживания.

Он был не единственным римлянином, которого встретили здесь послы. Приск был удивлен, когда какой-то «гунн» приветствовал его по-гречески. Этот человек оказался купцом, попавшим в плен во время разграбления одного из придунайских городов. Со временем он завоевал доверие своего хозяина, знатного гунна, сражаясь в его отряде против римлян и других народов. Он получил свободу, взял жену из гуннов и, по его словам, был доволен новой жизнью больше, чем старой. В разговоре с Приском он сожалел о тяжком бремени налогов в империи, коррупции в правительстве и критиковал юридическую систему за несправедливость и дороговизну услуг. Приск утверждает, что убедил его в превосходстве власти императора, но трудно с уверенностью сказать, действительно ли он имел это в виду или сам склонен был разделять критическое настроение, которое припи-

сал собеседнику. Кроме того, в классической литературе существовала давняя традиция противопоставления примитивной честности варваров и продажности, господствовавшей в цивилизованных обществах. Помимо таких уцелевших пленников, здесь также находилось посольство из Западной империи. Оно прибыло, чтобы умилосердить Аттилу: предстояло решить вопрос о неких сокровищах из Сирмия, что в Паннонии. Местный епископ вручил их одному из помощников Аттилы, римлянину по имени Констанций, которого послала к царю Западная империя. Этот человек обещал выкупить священнослужителя, если тот попадет в плен; в случае смерти епископа Констанций должен был бы использовать сокровища, чтобы обеспечить свободу его пастве. Как оказалось, Констанций забрал золото себе, а позднее заложил его в Риме от имени Аттилы. Однако впоследствии он утратил доверие царя и был казнен. Теперь Аттила требовал не только золото, но и банкира, с которым Констанций заключил сделку. Римские послы надеялись убедить его ограничиться принятием равной суммы золотом*.

Прошло немало времени, прежде чем Приску и его отряду довелось узреть Аттилу — поначалу лишь издали. Они увидели его посреди величественной процессии и стали свидетелями его учтивого обращения с одним из своих гостеприимцев, когда он остановился в деревне, чтобы, сидя на лошади, принять от них еду и питье. Наконец, их пригласили на пир в его чертоги. Мероприятие носило официальный характер, и гостей рассаживали по старшинству. Римлян посадили слева от правителя, а не справа — последнее считалось более почетным, — и даже здесь предпочтение было отдано влиятельному представителю знати. Прозвучал целый ряд тостов; первый из них произнес Аттила, чье место находилось выше всех. Затем «для нас и гостей-варваров приготовили роскошную трапезу, поданную на серебре, но Аттила не ел ничего, кроме мяса с деревянного блюда. Во всем остальном он также выказал умеренность: его чаша

* Thompson (1996). P. 140—141.

была деревянной, тогда как его гостям подали кубки из золота и серебра. Платье его тоже было простым и обнаруживало лишь его пристрастие к чистоте. Меч, носимый им на боку, ремни его гуннских башмаков и уздечка его коня не были, подобно вещам других гуннов, украшены золотом или другими дорогими материалами»*.

Вероятно, эта церемония была далеко не так тщательно разработана, как при дворе императоров, но все в ней, если можно так выразиться, было пропитано духом Аттилы. Он подтвердил, что расположен к вождям-гуннам, а также явил свою власть, оказывая представителям римлян куда меньший почет. В основном он не обнаруживал интереса к происходящему, но перемежал безразличие вспышками ярости; очевидное расположение он выказывал лишь к одному из своих сыновей. Он проигнорировал представление, данное карликом, шутом по имени Зерко, бывшим любимцем Бледы. (Присутствие этого человека, происходившего из Северной Африки и говорившего на причудливой смеси латыни, готского и гуннского языков, несомненно, породило устойчивый миф о том, что сам Аттила был мал ростом.)

В обращении с римлянами Аттила несколько раз явил свой гнев, тогда как прочим выказывал знаки расположения. По-видимому, он обычно придерживался такой манеры поведения, хотя в данном случае у него имелось больше оснований для неудовольствия, чем всегда. Приск был помощником главы посольства — человека по имени Максимин. Последний уже пытался убедить Онегесия перейти на сторону римлян и не преуспел в этом. Они и сами не знали, что у константинопольских властей был тайный мотив, которым они руководствовались в первую очередь, отправляя посольство. Их сопровождал еще один чиновник по имени Вигилат (в старых книгах его имя часто переда-

* Англ. перевод цит. по: Bury (1958). P. 287 (с небольшими изменениями).

валось как Бигилат), имевший одно редкое достоинство: он говорил по-гуннски. Когда посольство гуннов находилось в Константинополе, этот человек вступил в секретные переговоры с Эдеконом, его главой. Вигилат убедил его убить Аттилу; в обмен он обещал ему пятьдесят фунтов золота и убежище в империи. Трудно понять, собирался ли Эдекон когда-нибудь исполнить свою часть договора, поскольку по возвращении домой он тут же сообщил Аттиле о заговоре. С благословения Аттилы он продолжил игру с Вигилатом. В конце концов того поймали с поличным, когда он нес золото, чтобы передать его убийце. Он и его сын были брошены в тюрьму, и римским властям пришлось дополнительно потратить немало денег, прежде чем их отпустили.

Заговоры с целью убийства, очевидно, не способствовали успешной дипломатии, и неудивительно, что Максимин и Приск достигли весьма немногого. Но Аттила отреагировал не слишком бурно. Он использовал сведения о заговоре для получения преимущества над римлянами в дальнейших переговорах. Даже самые крупные выплаты и субсидии были вполне приемлемы для константинопольского правительства. Однако в то же время они свидетельствовали о его неспособности разобраться с гуннами силой оружия. В лучшем случае оно могло надеяться держать их под контролем — и то лишь в ситуации, когда в других местах не велось масштабных военных действий. Перспективы нападения и окончательного разгрома Аттилы отсутствовали, отсюда и возникло желание убить его. Но окружение Аттилы слишком боялось его, чтобы это стало возможным. У Восточной империи не было иного выбора, кроме как жить по соседству с Аттилой и выплачивать ему денежные ассигнования. К счастью для нее, Аттила обратил взор на дальние края, сосредоточив внимание на Западной империи*.

* Maenchen-Helfen (1973). P. 195—196, Thompson (1996). P. 112—136, а также: Heather (2005). P. 313—320, 322—324.

Последний римлянин

Флавий Аэций родился в одной из тех военных династий, происходивших из балканских провинций, представители которых буквально заполонили высший армейский эшелон и которые дали немало императоров в III и IV веках. Как и в случаях многих из этих императоров, почти вся его карьера носила военный характер: он многократно водил в бой войска против врагов — иноземцев и римлян. Около двадцати лет он был самой влиятельной фигурой в Западной империи. Трижды консул и магистр войска (magister militum), он был возведен в ранг патриция в 435 году и все же никогда не пытался стать императором. Гражданские войны, которые он вел, представляли собой борьбу за власть при дворе. Другие аспекты его жизни также свидетельствуют, насколько изменились условия в V веке. В юношеские годы его дважды посылали в качестве заложника к иноземным лидерам: вначале к Алариху, а затем к предводителю гуннов. В прежние века римляне часто брали заложников, давая им классическое образование в полном объеме и надеясь, что благодаря этому они также смогут заслужить симпатию последних. Сами же римляне не отправляли заложников к другим народам. К V веку баланс сил коренным образом изменился.

Аэций получил именно такое образование; оно дополнялось опытом жизни среди иноземцев. Он стал весьма искусным всадником и лучником за годы, проведенные у гуннов. Еще важнее было то, что он научился глубоко понимать этих кочевников и завязал связи, которые сослужили ему в дальнейшей жизни великую службу. После смерти Гонория он стал одним из самых влиятельных сторонников узурпатора Иоанна и отправился призвать гуннов в качестве ауксилиариев — вероятно, правильнее сказать «наемников» — к знакомым ему вождям. Вместе с этими воинами он прибыл в Италию, но участвовать в кампании было уже поздно: Иоанна казнили, и армия Восточной империи возвела на

трон Валентиниана III. Гунны остались верны Аэцию, и за то, что он не стал вновь начинать войну, а, напротив, поклялся в верности новому императору, тот пожаловал ему звание magister militum в Галлии. По крайней мере часть гуннов, по-видимому, осталась верна ему и сражалась в дальнейших кампаниях под его предводительством против франков западнее Рейна и против готов, поселившихся в самой Галлии*.

В те годы еще двое командующих боролись за превосходство в Западной империи. Галла Плацидия пыталась стравливать их друг с другом, надеясь не дать ни одному из них чрезмерно усилиться и таким образом выйти из-под контроля. Наконец в 427 году Феликс, старший magister militum, командовавший императорской армией в Италии, двинул войска на своего коллегу Бонифация, находившегося во главе войск в Африке. Эти силы потерпели поражение, и к 430 году Аэций сместил Феликса с его поста и добился его казни. Два года спустя Бонифаций повел армию в Италию ради борьбы за превосходство. Он выиграл сражение, которого так хотел, но получил в бою смертельную рану. Аэций бежал, наконец отправился к гуннам и собрал там новое войско. В 433 году он возвратился и вновь принял высшее военное командование: преемник Бонифация обратился в бегство и укрылся в Константинополе, отказавшись сражаться. Надежды Галлы Плацидии рассыпались в прах: на протяжении двух десятилетий, вплоть до своей смерти, Аэций не встретил серьезного соперника**.

Как обычно, увлеченность римлян внутренней борьбой значительно ослабила способность империи справляться с другими военными проблемами. Готы — теперь их все чаще

---

* *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 123—136.

** Bury (1958). P. 240—244; Heather (2005). P. 281—282; Thompson (1996). P. 38—40, 54—56, 60, а также: Maenchen-Helfen (1973). P. 33—35, 49—50; об Аэции и других римских военачальниках этого периода см.: *McGeorge P.* Late Roman Warlords. Oxford, 2003, passim.

именуют вестготами, дабы отличать от остготов, все еще живших на Дунае — поселились в Аквитании и несколько раз нападали на соседние области римских провинций. Вероятно, по большей части то были авантюры, хотя возможно, что трения частично провоцировались римскими властями. Другие племена, в том числе франки и бургунды, расширили территорию, которой владели, «подобравшись» таким образом к приграничным районам империи. Набеги из-за границы также участились. В Испании стали проявлять большую агрессивность свевы: они захватили столицу провинции Мериду и атаковали Севилью. С 429 года и далее они представляли собой наиболее крупную силу на Пиренейском полуострове, поскольку в том году вандалы и уцелевшие аланы мигрировали в Северную Африку. Позднейший источник утверждает, что их предводитель, царь Гейзерих, вел за собой около восьмидесяти тысяч человек — женщин, детей, стариков, а также воинов. Эта цифра вполне возможна, хотя, как всегда, следует заметить, что нам неизвестно, точна она или нет. Ее вполне могли занизить. Вместе с тем перемещение даже гораздо менее многочисленного племени потребовало бы организации весьма высокого уровня. Вероятно, мигранты переправлялись через Гибралтарский пролив в течение нескольких недель*.

Поначалу вандалы, судя по всему, не встречали серьезного сопротивления. В Африке находились отряды comitatenses, а также limitanei, но им приходилось оборонять огромную территорию. Более чем вероятно, что, как и в большинстве других римских армий того времени, часть соединений существовала только на бумаге или являла в отношении силы и эффективности лишь бледную тень прежней армии. Прибавим к этому сосредоточенность на борьбе между Бонифацием и другими командующими, и объяснить неоднократные успехи вандалов окажется куда проще. Слу-

* См.: *Heather P.* The Western Empire, 425—476 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 5—8; Bury (1958). P. 247—249; Maenchen-Helfen (1973). P. 63—65.

хи о заговоре и утверждения, что Бонифаций пригласил вандалов пересечь пролив, возможно, являлись всего лишь пропагандистскими уловками, призванными очернить его репутацию. Хотя варваров часто использовали в качестве союзников, на деле вандалы никогда не помогали ему. В последующие годы Гейзерих и его люди постепенно продвигались к востоку. В 431 году они взяли и разграбили главный город Гиппон Регий: его знаменитый епископ, Блаженный Августин, скончался более чем за год до этого, но его последние письма отражают страх, вызванный захватчиками. К этому времени вандалы приняли христианство, но, как и у готов, их вера носила отчетливые черты арианства, и это делало их еретиками с точки зрения церкви*.

Вне зависимости от того, заключал Бонифаций тайное соглашение с вандалами или нет, в конце концов он вступил с ними в битву и потерпел сокрушительное поражение. Он отступил и вскоре решил увести армию в Италию и попытать счастья там. К 435 году у Аэция уже не осталось соперников-командующих, но он был слишком занят проблемами в Галлии, чтобы использовать войска против Гейзериха. По официальному договору, вандалам досталась значительная часть Нумидии, но мир оказался кратким. В 439 году Гейзерих взял Карфаген, один из крупнейших городов мира. Суда с пиратами-вандалами вскоре стали проклятием купцов и общин на побережье. В 440 году Гейзерих возглавил масштабное нападение на Сицилию. Северная Африка оставалась одним из самых богатых районов Западной Римской империи: она обеспечивала значительную часть продовольствия, потреблявшегося в Италии, а также налоговые поступления и, вероятно, некоторое количество рекрутов для армии. Ее утрата стала, пожалуй, самым серьезным ударом, пережитым правительством Валентиниана III.

---

* См.: Heather (2005). P. 266—272, Bury (1958). P. 244—247; Wolfram (1997). P. 165—167, *Todd M.* The Early Germans. 2nd ed. Oxford, 2004. P. 175—178; о цифре восемьдесят тысяч вандалов см.: Vict. Vit. Hist. Vand. Persecut. I. 1.

В 441 году на Сицилии были сосредоточены крупные экспедиционные силы с целью подготовки вторжения в Северную Африку. Феодосий II направил в поддержку своему западному коллеге значительные войска из восточной армии, а также много военных кораблей. Но вторжение так и не было осуществлено. Начались переговоры, и вскоре в результате оказывавшегося на Восток давления силам византийцев пришлось возвратиться для укрепления балканской границы, подвергавшейся атакам гуннов. В 442 году был заключен договор, в результате которого вандалы получили власть почти надо всей территорией наиболее процветавших областей Северной Африки. Примерно в это время дочь Валентиниана Евдокия обручилась с сыном Гейзериха Гунерихом. Последний уже был женат на дочери вестготского царя, но Гейзерих быстро разрушил этот брак, обвинив молодую женщину в покушении на убийство его особы. Ее изуродовали, отрезав уши и нос, и отослали к отцу. Вестготы находились слишком далеко, чтобы враждебность с их стороны имела какое-то значение для вандалов, тогда как перспектива союза с императорским домом выглядела весьма соблазнительно с точки зрения вандальского царя. Евдокия, еще не вышедшая из детского возраста, оставалась в Италии*.

Аэций правил Западной империей два десятилетия. Практически все эти годы он воевал, сражаясь в том числе с вестготами, алеманнами, франками, бургундами и свевами, а также с мятежниками, известными под именем багаудов, появившимися в северо-восточной Галлии. Придворные поэты прославляли его, как прежде Стилихона и Констанция, воспевая его храбрость, таланты и молние-

* Прокопий утверждает (Procop. Bella. III. 3. 22—30), что Бонифаций пригласил вандалов в Африку, надеясь использовать их в качестве союзников в борьбе против Аэция, но впоследствии раскаялся в этом поступке; о письмах Блаженного Августина см.: Heather (2005). P. 267 & 271. В эти годы им были составлены следующие письма: ep. 220, 229—231.

носные победы в самых пышных словах. Его панцирь служил ему «не столько доспехами, защищавшими его, сколько его повседневной одеждой». Практически постоянно участвуя в кампаниях, Аэций использовал даже краткие перерывы между сражениями для подготовки будущих войн. Но частота операций сама по себе свидетельствует, что его успехи носили ограниченный характер и никогда не имели решающего значения. Он также тщательно заботился о том, чтобы не дать ни одному из потенциальных соперников установить контроль над войсками и одерживать победы. Фактически армия была одна, и командовал ею лично Аэций.

Утрата значительной части Африки, а также продолжавшаяся оккупация части Галлии вестготами и Испании — свевами вызвали значительное сокращение налоговых поступлений и ресурсов в распоряжение правительства Валентиниана. Вследствие этого Аэций с неизбежностью получал меньше войск, чем Стилихон или Констанций. Некоторые сокращения, вероятно, осуществлялись сознательно, поскольку император и наиболее влиятельные при дворе лица стремились наложить ограничения на военачальника, урезая доступные ему ресурсы. Значительной частью своих успехов Аэций был обязан союзникам-гуннам, и именно благодаря их усилиям ему удалось сокрушить державу бургундов в 436—437 годах. Полное поражение последних впоследствии легло в основу эпического сказания о Нибелунгах, более знакомого нам сегодня благодаря циклу опер Вагнера, хотя, очевидно, сюжет его далек от реальных событий. Эту наиболее выдающуюся за всю его карьеру победу Аэций одержал почти исключительно благодаря своим союзникам. Гунны также успешно действовали против багаудов и вестготов, пока те не понесли тяжелого поражения близ Арелата (совр. Арля) в 439 году*.

* Heather (2005). P. 272—280, (2000). P. 10—12, 288—299, Bury (1958). P. 254—260, а также: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284—602 Oxford, 1964. P. 190, 204—208.

Насколько хорошо Аэций и Аттила знали друг друга, неясно. Между Западной империей и гуннами осуществлялись регулярные и частые дипломатические сношения, и мы знаем, что Аэций посылал Аттиле помощников, умевших писать по-латыни. Это не обязательно свидетельствует о чем-то кроме желания смягчить могущественного вождя. К 450 году Аттила, по-видимому, уже рассматривал план нападения на Западную империю. Однако он никогда не ставил себе в качестве первоочередной военной задачи захват новых территорий, а балканские провинции уже были основательно разграблены во время прежних нападений гуннов. Власть Аттилы в конечном итоге основывалась на возможности щедро награждать своих сторонников. Для этого требовались военные успехи: благодаря им он захватывал добычу и к тому же внушал страх, побуждавший выплачивать ему дань. Он ловко изыскивал предлоги для нападений, пользуясь конфликтами по незначительным поводам. Поначалу он вступил в переговоры насчет войны с вестготами на стороне Валентиниана III. Ходили также слухи об объединении с Гейзерихом. В конце концов он нашел самый неожиданный повод начать войну.

У Валентиниана III была сестра — Гонория, дочь Галлы Плацидии. Не будучи замужем — несомненно, ей не давали вступить в брак, дабы не позволить никому породниться с императорской фамилией и тем самым предотвратить появление возможного соперника в борьбе за престол, — она вступила в связь с управляющим ее имуществом и забеременела. Любовника казнили, а Гонорию выдали за сенатора, надежного в политическом отношении; вероятно, он был значительно старше ее и, уж конечно, туп и неуклюж. Решив во что бы то ни стало избавиться от этой участи, она каким-то образом сумела передать письмо и свое кольцо Аттиле, моля его о помощи. Гуннский король с радостью принял их в качестве предложения о заключении брака и заявил претензию на половину территорий Западной империи. Хотя эта история напоминает романтический вымысел, она чет-

ко прослеживается в наших источниках и вполне может соответствовать истине. Мать Гонории выдали за гота Атаульфа, предположительно в то время, когда она находилась в плену и не могла отказать ему. Позднее племянницу Гонория, дочь императора, Евдокию, обручили с вандалом. Супружество с обладавшим огромной властью вождем гуннов было вовсе не так трудно себе вообразить, как в прошлом, даже если для женщин императорской фамилии до сих пор считалось неподобающим выбирать себе мужей*.

Предложение, поступившее от Гонории, давало Аттиле удобный предлог начать переговоры и оказалось бы весьма полезно при их ведении. Однако имеются веские свидетельства тому, что в его планах война должна была выйти за рамки масштабного набега с целью грабежа. В 451 году он повел свою армию через Рейн близ современного Кобленца (войско проделало значительный путь, если исследователи правы, предполагая, что он вышел из Паннонии ранее в том же году) и быстро захватил большинство близлежащих поселений. Среди разграбленных городов был и Трир, столь часто игравший роль столицы империи в конце III—IV века. Гуннская армия, на деле во многом состоявшая из союзных войск и в том числе включавшая большой контингент готов, двинулась дальше, но, по-видимому, ее наступление замедлилось, когда ей не удалось взять Орлеан. К этому времени Аэций собрал армию, чтобы встретить врага. Она также состояла в основном из войск союзников, сражавшихся под командованием своих собственных военачальников. В нее входили франки, бургунды, аланы и саксы, а также значительные силы готов из Аквитании под предводительством их короля Теодориха. Где-то в области, известной под названием Каталаунских полей (Campus Mauriacus), произошло крупное сражение — редкость для тех времен. Аттила, очевидно, не смог выиграть эту битву; более того, он, вероятно, потерпел неудачу. Среди павших был и король Теодорих;

* Heather (2005). P. 281—289; Maenchen-Helfen (1973). P. 64—70, Thompson (1996). P. 71—79; цитата приведена из: Merobaud. *Paneg.* 1.

позднейший вестготский источник утверждает, что после битвы Аттила впал в отчаяние. Сообщают, что он приготовил для себя погребальный костер из седел своих воинов и лишь в последний момент удержался от самоубийства. Однако армия Аэция быстро рассеялась, поскольку союзники отправились по домам. Последнее, вероятно, также объяснялось проблемами, связанными со снабжением столь значительного числа сосредоточенных в одном месте воинов, хотя наши источники утверждают, что он нарочно убедил союзников уйти, поскольку не хотел, чтобы они уничтожили гуннов. Угроза нападения Аттилы была наилучшим способом держать в узде вестготов и прочие племена*.

Итак, гунны встретили отпор, но потери не обернулись для армии Аттилы катастрофой. В 452 году он атаковал снова, застав Аэция врасплох: он нанес удар не по Галлии, но по Северной Италии. Гунны блокировали и разграбили Аквилею, древний город на границе с Иллириком. Другие города, и в том числе Милан, также подверглись грабежам, хотя столица империи Равенна, защищенная окружавшими ее болотами, не попала в их число. Перед тем как отступить и вернуться на свои земли, Аттила направился к югу. Тут же появились легенды, объяснявшие его отход встречей с папой. Куда более вероятно, что причина состояла в нехватке припасов и вспышке эпидемии в его войсках. Аттила и его люди уже награбили немало богатств, и многие воины, вероятно, хотели увезти добычу домой до наступления зимы.

Западная империя не одержала победы над Аттилой, но и ему не удалось вынудить римлян предложить дань и пойти на другие уступки. Авторитет военного диктатора, базирующийся на постоянных успехах, может пошатнуться даже в том случае, если он не одерживал полной победы. Отсутствие Аттилы ознаменовалось проявлениями большей враждебности по отношению к нему со стороны Восточной империи. Феодосий II скончался в 450 году, не оставив наслед-

* Maenchen-Helfen (1973). P. 129—132, Thompson (1996). P. 143—148, Heather (2005). P. 333—337, а также: Jones (1964). P. 194.

ника; его сменил пятидесятивосьмилетний офицер по имени Маркиан. Пульхерия (в то время женщина далеко не первой молодости) отказалась от обета целомудрия и вышла за него замуж, чтобы сделать его полноправным представителем дома Феодосия. Маркиану повезло: когда он отказался платить дань гуннам, Аттила уже был занят западной кампанией и не мог отомстить ему. В 452 году Маркиан также отправил войска на помощь Аэцию. Одновременно восточная армия начала наступательные операции небольшого масштаба против королевства Аттилы, пользуясь тем, что его основные силы находились в других местах и его внимание было отвлечено. Вследствие случившегося у гуннов появились дополнительные основания уйти из Италии*.

Несомненно, Аттила возобновил бы войну на следующий год. Однако в начале 453 года он в очередной раз женился и отпраздновал это событие грандиозными возлияниями (что было в обычае у него при дворе). На следующее утро его нашли мертвым подле невесты, бившейся в истерике. Он потерял сознание, а затем задохнулся вследствие внутреннего кровоизлияния. Значительно позднее появились романтические истории о том, что жена убила его, чтобы отомстить за то зло, которое он причинил ее семейству. Аттила не назначил наследника, и между его многочисленными сыновьями началась борьба за престол. В то же время многие союзные и покоренные народы заявили свои претензии на власть. Всего за несколько лет империя гуннов рухнула**.

Мать Валентиниана III Галла Плацидия скончалась в 450 году. Его сестра Гонория вряд ли надолго пережила ее и более нигде не упоминается в наших источниках. Самому императору было немногим более тридцати, но он так и не обрел самостоятельности. Соотношение сил при дворе из-

* Maenchen-Helfen (1973). P. 131—142, Thompson (1996). P. 156—163, Bury (1958). P. 294—296, and Heather (2005). P. 339—342.

** Maenchen-Helfen (1973). P. 143—162, Thompson (1996). P. 163—176, Bury (1958). P. 296—298, а также: Whitby (2000). P. 712—713.

менилось; для честолюбцев открылись новые возможности. Одновременно позиции Аэция ослабели. В последние годы, даже до нападения Аттилы, ему более не удавалось столь же успешно, как раньше, привлекать гуннов, чтобы те сражались на его стороне. Пока Аттила был жив, Валентиниан, очевидно, нуждался в своем наиболее могущественном военачальнике, дабы тот противостоял вторжениям врага. Теперь же, когда гунн умер, нужда в Аэции во многом отпала. Сам полководец понимал, что его позиции стали более уязвимы, и надеялся укрепить их, женив своего сына на дочери Валентиниана Плацидии. Император по-прежнему относился к Аэцию недоброжелательно, и коварный сенатор по имени Петроний Максим подтолкнул его к решительным действиям. В сентябре 454 года военачальник прибыл в Равенну во дворец на совещание. Во время беседы Валентиниан и его евнух неожиданно напали на Аэция с мечами и зарубили его насмерть. Один из советников императора заметил ему, что он сам отрубил себе левой рукой правую. Однако зачинщик Петроний оказался разочарован недостаточной, с его точки зрения, благодарностью со стороны императора. Наняв двух бывших охранников Аэция, он подстроил убийство Валентиниана III. Это произошло 16 марта 455 года. Затем Петроний Максим немедленно провозгласил императором самого себя*.

* См.: Bury (1958). P. 298—300, а также: Heather (2005). P. 369—375.

Глава восемнадцатая

ЗАКАТ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

Варвары с Рейна... настолько стеснили обитателей Британии и некоторые галльские народы, что те отпали от Римской империи, более не подчиняясь римским законам, и возвратились к родным обычаям. Бритты по этой причине взялись за оружие и, рискуя [многим], отстаивали собственную безопасность и свободу своих городов от варваров-захватчиков.

Зосим, конец V века

Однако римлянам так и не удалось восстановить свою власть в Британии, и с того времени она пребывала под властью тиранов.

*Прокопий Кесарийский, вторая половина VI века**

Как сообщают источники, где-то после 446 года Аэций получил просьбу о помощи от бриттов, на которых напали пикты, скотты и другие варвары. Они жаловались, что «варвары отбрасывают нас назад, в море, море отбрасывает нас назад, к варварам; [оказавшись] меж двумя этими смертями, мы тонем или гибнем от мечей». Уже целое поколение жителей Британии не видело римских наместников, но очевидно, что остров, вообще говоря, по-прежнему считался частью империи. Британская верхушка, очевидно, думала так же и потому обратилась к военачальнику Западной империи за помощью. В тот момент у Аэция хватало других, более важных забот, и он отказал. Оставленные на произвол судьбы, британские «советники» заключили соглашение с главарем местной военщины, или королем (буквально «гордым тираном»), дабы тот нанял на службу саксов. Те отразили натиск северных варваров, но затем подняли оружие против собственных хозяев, грабя города и вынуждая многих бежать за море. В конце концов представитель знати по имени Ам-

* Zosim. Hist. nova. VI. 5; Procop. Bella. III. 2.

брозий Аврелиан, именуемый в источниках «последним из расы римлян», возглавил уцелевших. Бритты одержали несколько побед, увенчавшихся триумфом при Бадон-Хилл*.

Впервые история эта рассказана британским клириком по имени Гильда где-то в VI веке. Он не указывает дат, хотя создается впечатление, что его рассказ охватывает значительный период, исчисляемый самое меньшее десятилетиями. Он действительно упоминает, что первая просьба была обращена к человеку, трижды бывшему консулом, а это справедливо только по отношению к Аэцию в 446—454 годах. Правда, Гильда называет его Агицион, но в позднейшей версии совершенно справедливо исправили имя на «Аэций». Вместе с тем эта ошибка влечет за собой вопрос: сколько на самом деле знал Гильда о событиях, отделенных от него промежутком в сто или более лет? Кроме того, он не писал историю; этот фрагмент предваряет яростные нападки на современных ему «тиранов» и священников. Литературные источники по истории Британии V века весьма немногочисленны и почти все создавались далеко не сразу после тех событий, которые в них описаны. Часть фактов, может быть, передана точно, другие перепутаны, смешаны с выдумкой или сознательно искажены позднейшей пропагандой. Отделить одно от другого, разумеется, нелегко, а часть исследователей и вовсе сочла бы это невозможным**.

Однако в сообщении Гильды нет ничего неправдоподобного. Саксы — название использовалось в то время для обозначения целого ряда разных племен, включая англов, ютов и фризов — к концу VI века утратили власть над территорией, более или менее соответствующей современной Англии. Дру-

---

* Gildas. De Excidio. XX. 1. 23—26. 1; об интерпретации этого и других источников см.: *Birley A.* The Roman Government of Britain. Oxford, 2005. P. 461—465.

** О литературных источниках по данной тематике см.: *Esmonde Cleary S.* The Ending of Roman Britain, London, 1989. P. X, 162—165, а также: *Snyder C.* An Age of Tyrants: Britain and the Britons AD 400—600. University Park, 1998. P. 29—49; *Dark K.* Britain and the End of the Roman Empire. Stroud, 2000. P. 27—48.

гие источники намекают на серьезный конфликт, в который они оказались вовлечены в середине V века. То, что саксов наняли для войны с другими варварами, а затем они вступили в конфликт с «хозяевами», было достаточно хорошо знакомым сюжетом в римском мире того периода. Мы также знаем, что многие бритты бежали в северо-западную Галлию, так что со временем Арморика стала именоваться Бретанью*.

Даты в этих источниках — редкость; и сами они, и некоторые сопутствующие подробности возбуждают подозрение. От данного периода до нас дошли археологические находки, но их интерпретация вызывает большие затруднения даже с точки зрения обычных стандартов. В результате в наши дни продолжают появляться полностью противоположные описания жизни и политики Британии V века. На периферии этой области, если так можно выразиться, протекает нескончаемый поток материалов, посвященных королю Артуру; значительная часть их рассчитана на самый широкий круг читателей, граничит с беллетристикой, служит основой для фильмов. Здесь можно встретить и серьезные исторические исследования, и в высшей степени странные рассуждения. Гильда нигде не упоминает Артура; связь этого персонажа с победой при Бадон-Хилл прослеживается в позднейшем источнике. И лучше вначале попытаться составить представление о Британии той эпохи, прежде чем описывать «исторического» Артура. В последнее время ученые приложили немало сил, дабы представить британские события в более широком контексте истории Западной Европы. Идея оказалась плодотворной, хотя в результате количество интерпретаций имевшихся свидетельств увеличилось еще более. Мы же сместим акцент и пойдем «кружным путем». Как события в Британии помогают пролить свет на последние годы существования Римской империи**?

---

* Dark (2000). P. 60, а также Snyder (1998). P. 68.

** О необходимости рассматривать в более широком имперском контексте особ. см.: Dark (2000), Esmonde Cleary (1989); *Faulkner N. The* Decline and Fall of Roman Britain. 2nd ed. Stroud, 2004.

Британия

Британия стала одним из последних крупных территориальных приобретений Римской империи. Юлий Цезарь высадился на юго-востоке острова в 55 году до н.э.; на следующий год он вернулся туда с большим войском. Захватить остров «раз и навсегда» не удалось; экспедиции сопровождались колоссальным пропагандистским успехом, но мало что дали в практическом отношении и не завершились созданием провинции. Объем торговли с Британией в последовавшие десятилетия значительно возрос; возникли и дипломатические контакты. Беженцы, в чьих жилах текла царская кровь, покинувшие юго-восточную Британию в ходе внутри- и межплеменной борьбы за власть, прибывали к императорскому двору в поисках поддержки. Август решил воздержаться от интервенции, предвидя, что цена оккупации значительно превысит любую возможную выгоду*. В 43 году император Клавдий отчаянно нуждался в военной славе для укрепления своей непрочной власти. По этой причине он отдал приказ начать масштабную экспедицию, имевшую целью вторжение в Британию, и даже отправился на остров самолично. Племена на юго-востоке быстро потерпели поражение или сдались. В других местах продвижение осуществлялось медленнее, причем остается совершенно непонятным, какую часть британских земель римляне планировали завоевать. В 60 году они оказались близки к тому, чтобы утратить территорию, уже находившуюся под их контролем. Царица иценов Боудикка подняла восстание; к нему присоединились многие племена, прежде поддерживавшие Рим. Три крупнейших города провинции — Лондиний (Лондон), Камулодун (Колчестер) и Веруламий (Сент-Олбанс) — оказались разграблены. Наконец в решающей битве (за ней последовали безжалостные карательные акции) восстанию

* О том, что завоевание Британии не принесло бы Риму экономических выгод, пишет современник Августа Страбон (IV. 5. 3). — *Примеч. пер.*

переломили хребет, и более оно не возобновлялось. В последующие десятилетия на западе и севере были завоеваны новые территории. То, что впоследствии стало Уэльсом и северной территорией Англии, удалось оккупировать только после тяжелой борьбы. В 84 году римская армия одержала победу на территории современной Шотландии*, в то время как римские корабли проплыли вдоль берегов Британии и доказали, что это остров**.

Для вторжения в Британию Клавдий направил четыре легиона и мощные силы ауксилиариев. Поколение спустя гарнизон сократился до трех легионов, хотя численность ауксилиариев, по-видимому, возросла. Согласно одной оценке численности гарнизонных сил, размещенных в Британии в середине II века, она составляла не менее пятидесяти тысяч человек, хотя здесь, скорее, подразумевается, что все соединения, приписанные к ним, находились там одновременно. Даже если на самом деле оккупационный корпус был меньше, он, несомненно, составлял значительную часть римской армии — где-то от одной восьмой до одной десятой. Часть войск дислоцировалась на западе, прежде всего в Уэльсе, но основные силы размещались севернее. Именно на севере римляне построили сеть приграничных оборонительных сооружений, прежде чем была создана основная линия обороны — Адрианов вал. Все это стоило очень дорого. Было также опасно давать такой большой армии одного-единственного командующего, и то, что один из претендентов на трон в 193 году занимал пост легата в Британии, не являлось случайностью. Кампании Септимия Севера против каледонцев могли привести к существенному сокращению численности войск. Все здания казарм, выстроенные в крепостях

* Имеется в виду битва при горе Гравпий, красочно описанная Тацитом в жизнеописании Юлия Агриколы, ее выигравшего (Agric. 29—37). — *Примеч. пер.*

** О римской Британии в целом см.: *Frere S.* Britannia. 3rd ed. London; New York, 1987; *Salway P.* Roman Britain. Oxford, 1998; *Todd M.* Roman Britain. 3rd ed. Oxford, 1999; *Millett M.* Roman Britain. London, 1995.

Адрианова вала в последовавшие годы, оказались примерно вдвое меньше тех, что строились ранее. Весьма вероятно, что центурии в этих соединениях сократились вдвое — с восьмидесяти до сорока человек, хотя командовал ими по-прежнему центурион. Если такая практика широко распространилась, то численность британской армии могла уменьшиться не менее чем на пятьдесят процентов. Провинциальное командование также было разделено*.

Даже если стоявшие в Британии силы в III веке были значительно меньше, нежели во II веке, они по-прежнему представляли собой крупную военную силу и дорого обходились государству. Минеральные ресурсы в Британии начали разрабатываться вскоре после завоевания острова. Он также обеспечивал изрядные излишки зерна, причем значительную их часть либо давали владения императора, либо забирало государство в качестве налогов; британское зерно, таким образом, помогало обеспечить продовольствием войска, базировавшиеся в прирейнских землях. Но даже несмотря на это, сомнительно, чтобы выгоды от оккупации Британии когда бы то ни было покрывали расходы на содержание тамошнего правительства и войск. По прошествии длительного времени в стране было создано менее тридцати городов. Большая часть их представляла собой местные центры, где размещались органы административного управления, имевшие дело с общинами, возникшими на основе древних племен. Некоторые города — отметим Лондон, Силчестер и Сент-Олбанс (Веруламий) — были велики; в должный срок в них появились базилики, театры, амфитеатры и бани. В Британии не знали ни одного цирка, где устраивались бы состязания на колесницах, до тех пор, пока в 2004 году такой цирк не обнаружили в Сент-Олбан-

* О численности армии во II веке см.: *Birley A.* The Economic Effects of Roman Frontier Policy // The Roman West in the Third Century / Eds. A. King & M. Henig. Part 1. Oxford, 1981 (BAR International Series, 109). P. 40; о меньших размерах казарменных комплексов см.: *Hodgson N., Bidwell P.* Auxiliary Barracks in a New Light: Recent Discoveries on Hadrian's Wall // Britannia. Vol. 35. 2004. P. 121—157, особ. 147—154.

се. В IV веке во всех крупных населенных пунктах в почти обязательном порядке построили большие храмы — здания типа базилики; в Лондоне было обнаружено подобное здание, которое вполне могло играть роль собора. Другие города выглядели скромнее, и справедливости ради следует отметить, что в них не было и следа той роскоши, которой блистало такое множество поселений в других провинциях — в особенности находившихся в Средиземноморье. Во многих областях крупные города вовсе отсутствовали; имелись только «малые города», как называют их археологи. Эти общины, как правило, располагавшиеся на больших дорогах, выступали в качестве пунктов проведения торгов и ярмарок и давали пристанище местному производству разных видов*.

Многие британские аристократы встали на сторону римлян с момента их появления и извлекли немалые выгоды из завоевания. Большая вилла, или дворцовый комплекс, в Фишбурне, выстроенная в I веке, скорее всего служила резиденцией Тиберию Клавдию Тогидубну — правителю, подконтрольному Риму, именовавшемуся «великим королем». Обычной для римлян практикой было переманивание на свою сторону предводителей завоеванных ими племен, и представители влиятельных британских родов вскоре получили гражданство и традиционное римское образование. Однако для того чтобы прорваться в высшие эшелоны власти, британской знати, судя по всему, все-таки потребовалось много времени. Многие строили виллы и величественные постройки, но образ жизни горожан, столь характерный для других провинций, получил в Британии куда меньшее развитие; видимо, местные жители редко делали денежные пожертвования на благо своих общин по сравнению с обитателями других областей. В Британии найдено куда меньше

* О соборах см.: Dark (2000). P. 50—51; о «малых городах» см. статьи в сборнике: Small Towns of Roman Britain / Eds. T. Rodwell & T. Rowley. Oxford, 1975 (BAR 15), в более обобщенном виде — *Wacher J.* The Towns of Roman Britain. 2nd ed. London, 1995.

надписей, нежели в других обширных провинциях, и большая часть дошедших до нас связана с военной тематикой. Во многих областях жизнь сохраняла по преимуществу сельский характер. Значительная часть населения продолжала жить в усадьбах или небольших деревнях. Архитектура домов части населения частично приобрела черты римского стиля, но большинство по-прежнему жило в традиционных — и в высшей степени функциональных — круглых постройках, известных еще со времен железного века*.

Географически Британия находилась на самой окраине империи — и фактически на краю света, если взглянуть на дело с точки зрения греков и римлян. Существовали и контакты с Ирландией, но, согласно официальной политической линии Рима, она не стоила того, чтобы завоевывать и оккупировать ее. В Британии необходим был сильный гарнизон; территории эти не получили такого интенсивного развития, как провинции, расположенные ближе к сердцу империи, и шло оно по иному пути. Таким образом, может возникнуть искушение увидеть в завоевании Британии неудачу — тяжкое бремя, которое легло на империю вследствие тщеславия Клавдия и безотлагательной потребности в славе, возникшей у него. Но подобное мнение было бы ошибкой. Не все провинции развивались одинаково. Британия оставалась под властью Рима три с половиной столетия, и за это время жизнь в ней глубоко изменилась. Значительное уменьшение численности войск в III веке могло хотя бы в какой-то мере сделать провинцию более доходной для империи. И пусть Британия была не самой богатой ее провинцией, существование значительной части населения все же являлось достаточно благополучным. Популярное еще недавно мнение, будто «при римском правлении на одного выигравшего приходилось сто проигравших», трудно доказать, и, как отмечает тот же самый автор, «отсюда не следует,

* Faulkner (2004). P. 27—30, *Manley J.* AD 43: The Roman Invasion of Britain: A Reassessment. Stroud, 2002. P. 64—65, 111—128; сама надпись — RIB 91.

что без римского присутствия жизнь была бы лучше». Что касается расширения пропасти между бедными и богатыми, то это представляется справедливым. Но то, что часть населения стала значительно богаче, само по себе не означает, что уровень жизни другой его части понизился или что имело место его «абсолютное обнищание». Уже само количество находок практически в любом месте раскопок в Британии, относимых к периоду владычества римлян, по сравнению с количеством находок, относящихся к железному веку или времени после римской оккупации, недвусмысленно свидетельствует, что в те времена многие предметы были гораздо более доступны широким слоям населения*.

Добровольно или нет, но население Британии приняло власть Рима. Вооруженное сопротивление отчасти имело место — в особенности в Северной Британии, — но никакой силы, способной объединить общины, находившиеся в других местах, под знаменем вражды к Риму, так и не появилось. Британию, по-видимому, миновали наиболее тяжелые катаклизмы III века, пусть лишь потому, что большим армиям физически было трудно пересечь моря, чтобы достичь места событий. Ведь даже если численность их была меньше, нежели во II веке, когда она являлась максимальной, на острове по-прежнему находились крупные военные силы. Это, а также распространенное среди императоров стремление оценивать Британию как отдаленную территорию, а ее проблемы как в основном не требовавшие срочного вмешательства, создало условия для появления узурпаторов. Константин Великий добился значительно больших успехов, нежели прочие, но никто из них не ограничивался желанием господства лишь над Британией, и все перебрасывали войска через Ла-Манш. Это ослабило гарнизон провинции, но, безусловно, привело к тому, что, за исключением подав-

* Цитируется по книге: *Mattingly D.* An Imperial Possession: Britain in the Roman. Empire, 54 B.C. — A.D. 409. London, 2006. P. 20 и 12; см. также рецензию на эту работу: *Beard M.* // The Times Literary Supplement, 4 October 2006; *Ireland S.* // JRS, Vol. 97. 2007. P. 364—366.

ления восстания Аллекта, все кампании, имевшие место в ходе гражданских войн, разворачивались за пределами Британии.

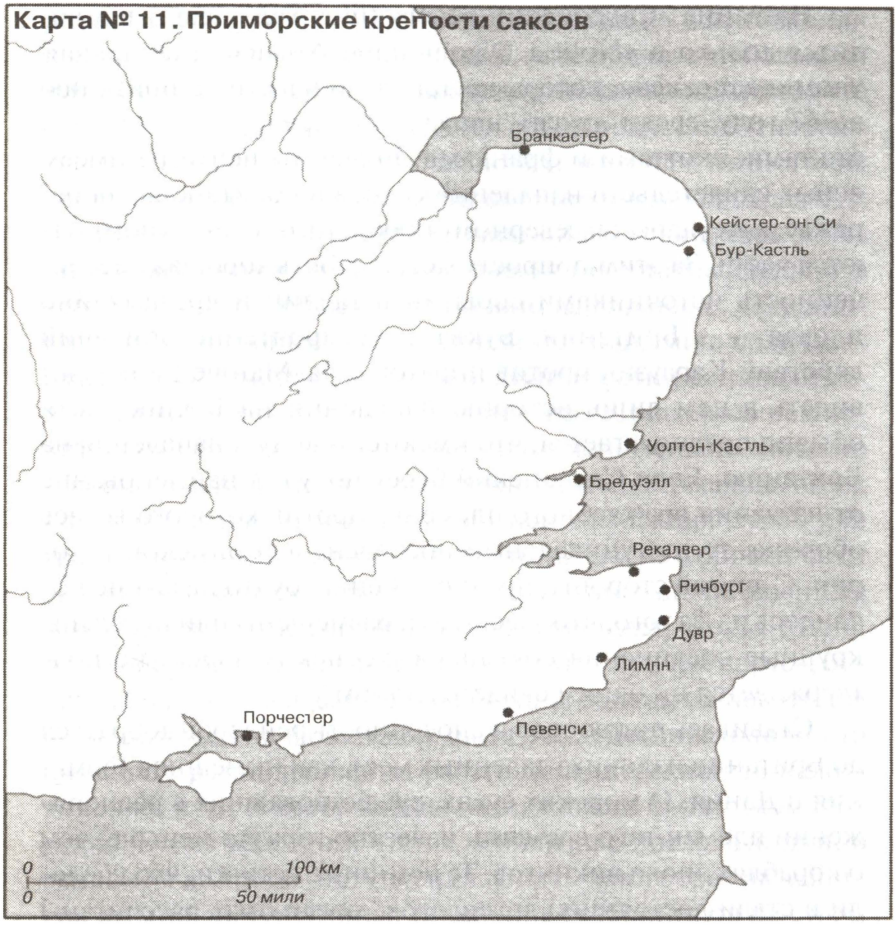
Конец

К концу IV века в Британии сформировался округ под владычеством «викария»; тот находился в Лондоне и нес ответственность перед префектом претория. Округ подразделялся на четыре или пять провинций. В существовании пятой полной уверенности нет: Валентиниан I сформировал провинцию Валенция, назвав ее в честь себя самого, но непонятно, создал ли он новую или переименовал уже существовавшую. «Notitia Dignitatum» упоминает трех командующих британскими соединениями. Comes Britanniae руководил силами comitatenses, состоявшими из трех пехотных и четырех кавалерийских соединений. Мы видим необычное соотношение числа отрядов пехоты и конницы, даже если численность войск в первых была больше, чем во вторых. Это наводит на мысль о силах, рассчитанных скорее на борьбу с малыми бандами, нежели на участие в крупных сражениях. Появление подобных соединений полевой армии обычно рассматривается как позднее нововведение; вероятно, его предпринял Стилихон, учитывая зафиксированные случаи переброски отрядов из Галлии, дабы разрешить британские проблемы в IV веке. Dux Britanniarum командовал соединениями limitanei, в основном дислоцированными на севере и включавшими в себя гарнизоны некоторых упомянутых в «Notitia Dignitatum» крепостей близ Адрианова вала. Наконец, существовал comes litoris Saxonici per Britannias («комит Саксонского берега»), в распоряжении которого находились limitanei, базировавшиеся вокруг восточного и южного побережий, от Бранкастера (близ Уоша) до Портчестера (поблизости от современного Портсмута). В одном обзоре максимальная общая численность войск оценивается в двадцать тысяч человек, но при этом

высказывается предположение, что на самом деле она была меньше и приближалась к двенадцати тысячам. Реальная численность всегда была, вероятно, значительно ниже, нежели «на бумаге»*.

Расквартированные в Британии войска в 406—407 годах дали трех узурпаторов. Очевидно, они были все еще достаточно велики, чтобы последний узурпатор, Константин III, смог отправиться в Галлию и взять под контроль значительную часть территории Западной Римской империи. Он должен был привести с собой некоторую (вероятно, большую) часть римской армии, и маловероятно, что эти войска даже частично возвратились назад. Это могло привести лишь к ослаблению британских укреплений, и то же можно сказать о ранее имевших место узурпациях, окончившихся провалом. Итак, размещенные в Британии войска утратили прежнюю боеспособность, но мнения относительно того, с какими конкретно опасностями они столкнулись, разделились. Все признают, что север был враждебен: пикты — наименование, скорее всего образованное от слова picti, то есть «раскрашенные», поскольку существовало убеждение, что большая часть из них украшает себя татуировками, — наверное, появились, когда древнекаледонские племена хотя бы отчасти сплотились между собой. К западу от них обитали скотты, вероятно, мигрировавшие из Ирландии; впоследствии от наименования этих племен произошло название Шотландии. Немало нападений совершалось с моря на прибрежные земли; набеги, вероятно, устраивали и племена, жившие в Ирландии. Святой Патрик в шестнадцати-

* Об организации диоцеза и провинций см.: *Johnson S.* Later Roman Britain. London, 1980. P. 4—31, Todd (1999). P. 179—203, Esmonde Cleary (1989). P. 41—130, and Snyder (1998). P. 3—16; об армии см.: *James S.* Britain and the Late Roman Army // Military and Civilian in Roman Britain: Cultural Relationships in a Frontier Province / T. Blagg & A. King. Oxford, 1984 (BAR 136). P. 161—186. Эта статья по-прежнему остается прекрасной работой, хотя содержащаяся в ней концепция особого рода казарм для воинов (concept of chaletbarracks) оказалась подорвана в исследовании Ходжсона и Бидвелла: Hodgson & Bidwell (2004).

летнем возрасте был захвачен и обращен в рабство как раз таким отрядом разбойников, хотя непонятно, случилось ли это до или после завершения периода прямого римского правления*.

* О пиктах и других северных народах см.: Mattingly (2006). P. 436, Johnson (1980). P. 51—64; Dark (2000). P. 211—214; представление о проблемах датировки, связанных со св. Патриком и его биографией, см.: *Thomas C.* Saint Patrick and Fifth-Century Britain: An Historical Model Explored // The End of Roman Britain / Ed. P. Casey. London, 1979. P. 81—101, St Patrick. Confes. 1.

Название «Саксонский берег» (litus Saxonicum) приводится только в «Notitia Dignitatum». Аммиан Марцеллин упоминает саксов, которые устраивали набеги на Британию в 367 году, среди других нападений, предпринимавшихся пиктами, скоттами и франками. Более мы почти не имеем ясных свидетельств нападений саксов на британское побережье, а их удары по северному побережью Галлии упоминаются часто. За этим попросту может стоять хорошая обеспеченность источниками событий в Галлии и чрезвычайно плохая — в Британии. Буквальное прочтение описаний действий Караузия против пиратов в Ла-Манше заставляет видеть в нем лишь историю нападений на Галлию, хотя обычно предполагается, что имеются в виду и нападения на Британию. Если Саксонский берег получил наименование от названия враждебного племени, против которого велась оборона, то это уникальный прецедент для римской истории. С другой стороны, предположение, будто название появилось из-за того, что здесь были размещены или поселены крупные соединения союзных саксонских войск, не подтверждается ни одним свидетельством*.

Ставилась под вопрос и способность рейдеров добраться до Британии из таких удаленных мест, как нынешняя Германия и Дания. О морских судах, существовавших в распоряжении племен того времени, известно гораздо меньше, чем о кораблях эпохи викингов. Те немногие остатки, что уцелели и стали достоянием археологов, могли быть рассчитаны лишь на путешествие по внутренним водным путям. Они не имели парусов и, согласно утверждениям исследователей, имели слишком малые кили, чтобы на суда можно было водрузить достаточно большие мачты. Отряды воинов могли доплыть до Британии и вернуться с добычей, но их ожидали трудности. Более вероятно, что еще не найден образчик судна, рассчитанного на далекие путешествия. В Дании обнаружили резное изображение лодки с парусом, и кажется по сути своей невероятным, что народы, обитавшие в

* Amm. Marc. XXVII. 8. 5.

этой области, так и не освоили технологии их изготовления и использования. Трудно сказать, как лодка с небольшим килем повела бы себя под парусом, но важно помнить, что морские бои всегда представляли собой редкость. Эти плавсредства предназначались исключительно для того, чтобы доставить к месту боя и отвезти обратно военный отряд*.

Сомнительно, что любое такое судно отличалось большими размерами, и позднейшие — предположительно в чем-то недостоверные — источники, как правило, упоминают о том, что любые силы располагали лодками в количестве от одной до четырех. Насчитывавшие сотни воинов отряды, собравшиеся для набега, вероятно, собирались исключительно редко; как правило, они бывали меньше. Обычно они атаковали цели близ побережья или поднимались вверх по судоходным рекам. Помимо использования судов для транспортировки воинов, эти рейды ничем не отличались от других варварских набегов. Автор сочинений на военные темы Вегеций, писавший в IV веке, сообщает, что Ла-Манш патрулировали небольшие военные суда, причем паруса, оснастка и даже одежда моряков были выкрашены так, чтобы не выделяться на фоне моря. Хотя это действительно могло помешать различить их на расстоянии, перехватить налетчиков на пути к месту назначения, должно быть, удавалось редко. Более вероятно, что их ловили уже после высадки, в основном во время отступления. Опять-таки образ их действия во многом напоминал поведение разбойников на суше, и точно так же удачные экспедиции вдохновляли их на новые рейды. Нападения с моря, по-видимому, действительно стали весьма распространенным явлением в римский пери-

* Обсуждение этого вопроса см. в работах: *Coterill J.* Saxon Raiding and the Role of the Late Roman Coastal Forts of Britain // Britannia. Vol. 24. 1993. P. 227—239, *Pearson A.* Piracy in Late Roman Britain: A Perspective from the Viking Age // Britannia. Vol. 37. 2006. P. 337—353; *Haywood J.* Dark Age Naval Power: A Reassessment of Frankish and Anglo-Saxon Seafaring Activity. New York, 1991, особ. см. p. 15—76, *Grainge G.* The Roman Invasions of Britain. Stroud, 2005. P. 141—160; к вопросу о парусных судах и резном изображении из Дании см.: Haywood (1991). P. 18—22.

од, но они случались и до его наступления и, конечно, продолжались много столетий спустя после падения Западной Римской империи (наиболее известны соответствующие события эпохи викингов*).

Крепости Саксонского побережья отличались разнообразием. Вероятно, их строили длительное время и у строителей отсутствовал единый план. Другие форты III века, такие как Тафф в Кардиффе, не включенные в, если так можно выразиться, военный округ, созданный позднее, имеют немало сходного. Все были хорошо укреплены и располагались близ судоходных рек (обычно в устье), о внутреннем устройстве известно мало. Цель, ради которой строились крепости Саксонского берега, обсуждается исследователями так же горячо, как и их названия. Согласно одному из предположений, они играли роль по преимуществу связанную с хранением продовольствия и снабжением им. Иными словами, зерно, полученное из имперских владений или собранное в качестве налогов, перевозилось по рекам и складировалось в хранилищах в крепостях Саксонского побережья. Оттуда его затем можно было перевезти на римских судах на земли близ Рейна или — при необходимости — в любое другое место. Но нет ни одного свидетельства, которое подкрепляло бы эту точку зрения, во многом основанную на ошибочном предположении, будто набеги саксов не представляли значительной опасности**.

С помощью крепостей Саксонского берега удавалось предотвращать не все атаки, но все-таки они ограничивали доступ к крупным рекам. Вследствие этого атакующим становилось труднее проникнуть в глубь территории. Нам неизвестно, продолжали ли римские эскадры присутствовать близ Британии в начале V века, как ранее. В «Notitia Digni-

* Veget. Epitoma rei militari. IV. 37.

** См.: *Johnson S.* The Roman Forts of the Saxon Shore. London, 1976. Другую точку зрения на функции этих крепостей см. в книге: *Pearson A.* The Roman Shore Forts. Coastal Defences of Southern Britain. Stroud, 2002.

tatum» они не упоминаются. Морские дозоры могли приносить пользу тем, что не позволяли рейдерам действовать открыто, и в ряде случаев им удавалось ловить последних на берегу или во время возвращения. Определить, когда упоминаемые Вегецием замаскированные лодки перестали нести службу, невозможно. Как правило, военно-морские силы всегда были (и остаются в настоящее время) более дорогостоящими, нежели сухопутные войска, и потому они особенно уязвимы при нехватке фондов. Гарнизоны крепостей могли патрулировать территорию вокруг своих баз. Как и повсюду, в Британии не хватало войск, чтобы везде охранять границы одинаково хорошо. Самое большее, на что могли рассчитывать римляне, — это затруднить действия разбойников, перехватывая достаточное количество групп, дабы британское побережье не сочли неохраняемым. Присутствие военных вряд ли могло создать у местного населения ощущение защищенности, и большие крепости, такие как Порчестер, вероятно, так же служили убежищами для него.

Все города Британии к IV веку располагали мощными укреплениями. Насчет того, не пришли ли оборонительные сооружения в упадок в данный период, мнения разделились. Имелись случаи полного разрушения общественных зданий, таких как театры и базилики. Значительное число больших домов в городах также оказалось заброшено. К 400 году работающие банные комплексы сохранились лишь в небольшом числе общин. Но жители, очевидно, не покинули города. Здания по-прежнему стояли (хотя чаще деревянные, нежели каменные), а некоторые бывшие общественные постройки оказались превращены в мастерские или фабрики. Большую проблему представляет собой то, что археологи называют «темной землей», — толстый слой темно-серой почвы, часто содержащей остатки растений, кости животных и древесный уголь, находимый на крышах римских построек времен раннего периода римского же владычества во многих городах. Хотя некоторые усматривали здесь следы менее прочных деревянных построек, более вероятно, что в

этих частях города строительство прекратилось. Может быть, эту землю обрабатывали; может, это были просто-напросто удобные места для свалок. Вероятно, население многих крупных и небольших городов сократилось. Конечно, они утратили прежнее величие, но само по себе это не означает, что они вовсе перестали функционировать*.

IV век стал свидетелем появления немалого количества вилл, отличавшихся немалыми размерами и роскошью, — самых больших и роскошных, когда-либо строившихся в римской Британии. Вероятно, некоторые аристократические фамилии в эти годы предпочитали проводить больше времени в принадлежавших им поместьях, нежели в городских домах, но указанный феномен может равным образом иметь под собой иные основания. К концу столетия появилось лишь несколько новых вилл, выстроенных с размахом, а часть уже существовавших перестала использоваться. Как и в случае с сокращением объемов строительства больших зданий в городах, само по себе это не означает, что земли были покинуты. Поместье могло продолжать функционировать в качестве единого целого, имевшего своим центром весьма скромное жилище, и мы совершенно не в состоянии сказать что-либо о состоянии сельской экономики как таковой. Прямых археологических свидетельств распространения христианства в римской Британии также имеется мало. Языческие храмы, в особенности в сельских районах, по-прежнему действовали, но намеки на возрождение языческих верований в провинции выглядят неубедительно. Более обоснованным является утверждение относительно исповедания христианства — по крайней мере номинального — большинством городского и сельского населения к началу V века**.

---

* О состоянии британских городов в то время см.: Esmonde Cleary (1989). P. 131—133, Mattingly (2006). P. 325—350, Faulkner (2004). P. 169—185, Johnson (1980). P. 91—97, Todd (1999). P. 210—212.

** Esmonde Cleary (1989). P. 134—136, Mattingly (2006). P. 368—370, Faulkner (2004). P. 185—220; Todd (1999). P. 221—229; о христианстве в Британии того времени см.: Dark (2000). P. 18—20.

Какие бы постепенные изменения ни происходили в судьбах городов, деревень и загородных поместий, конец римского правления в Британии стал внезапным и неожиданным. Константин III благополучно правил четыре года, прежде чем потерпеть окончательное поражение. Многие имевшие вес бритты уже перестали поддерживать его. Насколько нам известно, он не проявлял подлинного интереса к Британии или проблемам ее жителей после того, как перебрался на континент. Он располагал весьма ограниченными ресурсами, и его успех на самом деле представлял собой лишь отражение слабости центрального правительства. Примерно в 407—408 годах некоторые британские вожди взбунтовались и изгнали представителей Константина. Зосим сообщает, что около 410 года мятежники обратились к императору Гонорию; в ответе, присланном из Равенны, тот порекомендовал им «самостоятельно позаботиться о себе». Упомянутый фрагмент вызвал сомнения; некоторые предполагали, что переписчик ошибся и заменил Бруттий в Италии на Британию. Это выглядит не особенно убедительно и влечет за собой новую проблему. В конец концов, не важно, инструктировал ли Гонорий британских вождей таким образом или нет. Прямое римское правление в Британии, несомненно, закончилось примерно в это время. Правительство в Равенне попросту не имело возможности возвратить власть над столь отдаленной провинцией. Даже когда Константин наконец потерпел поражение, у римлян нашлось слишком много других проблем, требовавших решения, и возможности империи были слишком скромны*.

После конца

Римское правление в Британии завершилось восстанием против Константина III. Насколько мы можем судить, восстание не было направлено против Рима или империи

* Zosim. Hist. nova. VI. 5, 6, 10, также критический комментарий в работах: Birley (2005). P. 461—465, Snyder (1998). P. 24.

самой по себе: ведь по крайней мере в течение следующего столетия образованные обитатели острова по-прежнему свободно именовали себя и римлянами, и бриттами. До известной степени необычным стал тот факт, что восставшие не провозгласили нового императора. Армия, остававшаяся в Британии, была мала — вероятно, речь могла идти всего лишь о ее костяке из отрядов limitanei, сосредоточенных близ приграничных застав. Она не отличалась ни численностью, ни сплоченностью, необходимыми для того, чтобы единодушно выдвинуть своего лидера, будь то император или представитель правительства Гонория. Никто не обладал достаточной властью или богатством, чтобы удержать в своих руках округ в целом или даже несколько отдельных провинций. После 402 года монеты новой чеканки перестали поступать в Британию в значительных количествах; при этом ни одна община и ни один предводитель, появившийся в V веке, не чеканили своей монеты. Это отсутствие новых монет значительно затрудняет датировку поселений, относящихся к этому периоду; вместе с тем оно не означает, что экономика перестала быть монетарной, и деньги могли по-прежнему использоваться в течение длительного срока в некоторых обменных операциях. Однако это свидетельствует об исчезновении профессиональных военных, получавших жалованье. Налоговая система империи также прекратила действовать: золото, зерно и другие объекты сборов перестали взиматься и перевозиться в прежнем обширном масштабе*.

Британия разделилась на множество отдельных общин. Случившееся нельзя представить как возвращение к доримской племенной организации. Власть предводителей племен утратила былое важное значение, поскольку отошла в далекое прошлое; напротив, административные структуры, созданные римлянами, стали играть значительную

* Esmonde Cleary (1989). P. 136—143, Faulkner (2004). P. 242—262, Mattingly (2006). P. 529—539, Snyder (1998). P. 17—25, а также: Johnson (1980). P. 104—110.

роль. Но даже несмотря на это, вступившие в игру силы не слишком ориентировались на прежде существовавшие границы. Напротив, появились новые территориальные единицы, или королевства. Большая их часть управлялась королями — или тиранами, как их склонен именовать Гильда, а также другие источники. Короли были не единственными, кто обладал властью, и некоторые лидеры общин, по-видимому, продолжали функционировать, но из возникших вновь персонажей эти военные диктаторы, несомненно, пользовались наибольшим авторитетом. Центральная имперская власть прекратила свое существование, и ее место мог занять любой, командовавший достаточными военными силами и обладавший достаточным влиянием и богатством, чтобы урвать себе территорию и создать на ней королевство*.

В источнике, созданном в Галлии в середине V века, рассказывается об опустошении Британии вторгшимися в нее саксами в 410 году. Археологические свидетельства этого нападения отсутствуют, но то же касается большинства рейдов в Британию и другие области империи. Несомненно, поселения саксов (и других германских народов) в Британии начала V века ограничивались несколькими малыми общинами на юго-востоке. В них могли жить как наемники, призванные в Британию местными лидерами (или же ранее — римскими властями), так и поселенцы, захватившие территорию силой. Пример готов Алариха показывает, что одна и та же группа с легкостью могла выступать в обеих ролях на протяжении всего лишь нескольких лет. Нападения 410 года скорее всего представляли собой масштабные рейды, в которых не обязательно участвовало большое число воинов и которые не обязательно подразумевали какую бы то ни было попытку длительной оккупации. Есть и иное объяснение: нападение саксов могло обрести большие масштабы, поскольку атакующие стремились использовать

* Разбор вопроса терминологии см.: Snyder (1998). P. 81—127.

слабость Британии, возникшую после изгнания имперских властей*.

Набеги саксов создали проблему, в особенности для общин, расположенных в уязвимых областях. Аналогичные трудности были связаны с шайками грабителей-пиктов, скоттов и ирландцев. Все нападения, вероятно, осуществлялись в малом масштабе, в особенности когда нападающие приплывали по морю. Римское правление в Британии пало не под ударами извне, и иноземные враги не смогли одолеть властителей, появившихся вскоре после его падения. Существует ряд свидетельств того, что бритты организовали сопротивление врагам, в особенности на Адриановом валу, где в V веке часть крепостей вновь оказалась занята воинами. В некоторых местах эти свидетельства незначительны, но в Бердосвальде на фундаменте римского зернохранилища был выстроен большой деревянный чертог. Кто-то также починил укрепления близ Хаусстедса, использовав, правда, скорее землю, а не камень. Отсюда можно хотя бы заключить, что местные военные лидеры со своими отрядами располагались на армейских базах, существовавших ранее и обновленных ими. Один исследователь усматривает в этом признак появления вождя, способного восстановить нечто вроде прежнего военного «округа», возглавлявшегося dux Britanniarum, хотя и, несомненно, в куда более скромных масштабах**.

Британские короли и военные диктаторы скорее всего сражались не только с внешними врагами, но и друг с другом — не одни римляне вели гражданские войны, — и распад провинций на множество малых королевств не свиде-

---

* К вопросу о Галльской хронике 452 г. см.: *Burgess R.* The Dark Ages Return to Fifth century Britain: The restored Gallic Chronicle Exploded // Britannia. Vol. 21. 1990. P. 185—195, а также замечания в статье: *Jones M., Casey P.* The Gallic Chronicle Exploded? // Britannia. Vol. 22. Vol. 1991. P. 212—215.

** *Dark K.* A Sub-Roman Re-Defence of Hadrian's Wall? // Britannia. Vol. 23. 1992. P. 111—120.

тельствует о гармонии. Было бы удивительно, если бы они не использовали варваров в качестве союзных сил или наемников для борьбы с соседями и соперниками, и в этом они напоминали императоров. Заметим, что в течение самое меньшее нескольких десятилетий контроль над бывшим римским диоцезом находился в руках именно британских лидеров. Нельзя сказать, что все особенности культуры и жизни в целом, имевшие место в «римский» период, исчезли словно по мановению волшебной палочки. Большинство крупных и малых городов продолжало существовать; то же можно сказать и о деревнях. В городской черте, на земле, окруженной старыми стенами, появилось некоторое количество солидных построек, хотя и исключительно деревянных. Системы водоснабжения продолжали функционировать практически весь V век; известен по крайней мере один случай их ремонта. Продолжали работать и некоторые бани, но в целом именно они одними из первых пришли в упадок и были заброшены как в городах, так и на виллах. Очень скоро не осталось никого, кто обладал бы достаточными навыками (или денежными средствами) для поддержания в рабочем состоянии столь сложных с точки зрения инженерного искусства объектов, не говоря уж о строительстве новых. Произошли перемены и в повседневном быте: вскоре прекратились поставки привозной керамики, и мастера перестали использовать при изготовлении посуды гончарный круг*.

Кое-что сохранялось в прежнем виде, но это не означает, что перемены не носили повсеместного и быстрого характера — очевидно, они имели место в течение жизни одного поколения — даже если они не совершились в мгновение ока. Многие усовершенствования исчезли из жизни бриттов, и лишь немногое в ней напоминало о процветании времен римского владычества. Самые богатые были до некоторой степени защищены от перемен; им было проще

* Esmonde Cleary (1989). P. 144—161, 172—185.

уехать и поселиться в Бретани, но и здесь, и на родине им теперь стало доступно куда меньше удобств. Западная Британия, прежде всего Уэльс, Корнуолл и Камбрия, являлась наименее развитой областью римской провинции. Парадоксально, что примерно через сто лет после падения римского владычества это могло измениться: упомянутые области стали чуть более романизированными, и — почти наверняка — в них получило куда большее распространение христианство. До появления саксонских королевств мы не располагаем надежными свидетельствами относительно существования большого числа язычников в Британии в V—VI веках*.

Контакты Британии с обеими Римскими империями после 410 года не прервались. Торговля пережила значительный упадок и больше не была частью имперской административной и налоговой системы, но, с точки зрения и римлян, и бриттов, она оставалась частью римского мира. В поддержании этой связи ключевую роль играла церковь. Биограф епископа Германа Оксеррского, впоследствии канонизированного, упоминает два его визита в Британию: первый имел место в 429 году, второй — в какой-то момент на протяжении пятнадцати следующих лет. Очевидно, до Британии по-прежнему можно было добраться без особых опасностей. Тем не менее трудно судить, насколько хорошо биограф был осведомлен об обстоятельствах жизни на острове. Герман, по-видимому, посетил Сент-Олбанс (Веруламий) и побывал в святилище знаменитого мученика, давшего имя городу**. В другом городе он исцелил от слепоты дочь местного сановника (он назван трибуном, но насколько этот термин в данном случае верен, остается неясным). Он также воодушевил местных жителей разгромить банду саксов и пиктов — сочетание само по себе невероятное — обу-

* См.: Dark (2000), особ. P. 150—192.

** Св. Альбан Веруламский — первомученик Британской христианской церкви. — *Примеч. пер.*

чая своих людей возглашать «Аллилуйя!». По словам биографа, этого оказалось довольно, чтобы обратить врага в бегство*.

И все же основной целью поездок епископа было одоление еретиков-христиан, а не грабителей-инородцев. Герман провел дебаты со священниками — приверженцами пелагианства (учения, получившего название по имени своего основателя). Пелагий происходил из Британии, хотя то, что он проповедовал, привлекло широкое внимание уже после его переезда в Италию в 380 году. Аскетизм, которому он учил, был достаточно умерен по стандартам того времени, но акцент на способность человека обрести добродетель путем личных усилий и добиться того, чтобы его принял Бог, противоречил им куда сильнее. С течением времени против него выступило немало выдающихся критиков, включая Блаженного Августина, обвинившего его в фактическом отрицании идеи дарования спасения лишь по милосердию Божию. Окончательное осуждение Пелагия как еретика произошло в 418 году. Биограф Германа утверждает, что епископ во время спора с легкостью поставил в тупик британских пелагианцев. Он также приписывает им хвастовство и любовь к нарядам, но здесь можно усмотреть обычную предвзятость критика. Трудно сказать, можно ли использовать эти данные как свидетельство существования многочисленной богатой аристократии и священства в британских городах**.

---

* См.: *Wood I.* The Fall of the Western Empire and the End of Roman Britain // Britannia. Vol. 18. 1987. P. 251—262, Snyder (1998). P. 37—40, а также: Johnson (1980). P. 115—116.

** О пелагианстве в целом см.: *Chadwick H.* Orthodoxy and Heresy from the Death of Constantine to the Eve of the First Council of Ephesus // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge. 1998, P. 588—592 (у автора ошибочно 288—292); о св. Германе и пелагианах см.: *Wood I.* The End of Roman Britain: Continental Evidence and Parallels // Gildas: New Approaches. Eds. M. Lapidge & D. Dumville. Woodbridge, 1984. P. 1—25, особ. 12—13.

Интервенты

В работах прежних лет существует тенденция описывать появление саксов, англов, ютов и других племен как массовое вторжение, приведшее к гибели или вытеснению всего населения Британии на юго-востоке. Позднее эти народы продолжали распространяться, создавали королевства и, перемешавшись, в свое время дали англосаксов, говоривших на языке германской группы и придерживавшихся собственных обычаев и законов, избежавших влияния римских или британских идей. Потомки населения римской Британии именовались «валлийцами» или иноземцами; их оттеснили в анклавы в Корнуолле, Уэльсе и на северо-западе. Так была создана Англия*.

Впоследствии воззрения на эту и другие миграции древних народов претерпели радикальные изменения. Ученые ставили под сомнение масштабы любых передвижений, подразумевая, что местное население во много раз превосходило интервентов по численности. В то же время насилие, коим сопровождалось их прибытие, часто преуменьшалось, в особенности в результате акцента на том, что многие приходили в качестве наемников. Обнаружение кладбищ, где вперемешку хоронили и саксов, и бриттов, интерпретировалось как свидетельство того, что обе группы могли сосуществовать — и действительно сосуществовали — в мире. Другие исследователи отказались от мысли рассматривать распространение «саксонского стиля» (опять-таки учитывались находки в захоронениях, в основном изделия из металла, такие как броши и пряжки для поясов) как свидетельство распространения названных племен. Вместо этого возникло предположение, что бритты сами усвоили такой стиль, добровольно ассоциируя себя с германскими народами по политическим причинам**.

---

* Блестящий, проницательный обзор научных споров по поводу саксонских поселений см.: *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568. Cambridge, 2007. P. 357—370.

** Различные точки зрения см. в работах: Johnson (1980). P. 104—147, Dark (2000). P. 58—104, *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 240—247.

Как обычно происходит в подобных случаях, маятник качнулся слишком далеко, и возникает необходимость вновь рассмотреть имеющиеся свидетельства. Саксонские находки получают заметно более широкое распространение в поселениях середины V века. Больше всего их в Восточной Англии; если систематизировать их, то наиболее многочисленную группу представляют собой находки в захоронениях. Поначалу умерших кремировали, но постепенно нормой становится предание тел земле, причем вместе с покойником обычно кладутся различные предметы. Примерно в тот же период источники сообщают о великой войне: саксонские наемники взбунтовались против своих нанимателей-бриттов. Согласно одной традиции, короля, принимавшего саксов на службу, звали Вортигерн. Имена предводителей воинов — братьев по имени Хенгист и Хорса, буквально означающие «жеребец» и «конь», могут быть позднейшим домыслом*.

Реконструкция деталей и точная датировка этого конфликта в наши дни невозможны, но, по-видимому, возрастание активности в области, где преобладали саксы, действительно имело место. События повсюду в империи показали, что даже небольшие варварские отряды могли стать причиной принципиальных изменений в соотношении сил на местах. Имперское правительство редко располагало войсками, необходимыми для того, чтоб нанести варварам поражение. Обычно это удавалось, только если оно нанимало другую группу варваров, дабы те сражались за него. Учитывая отсутствие центральной власти, сравнимой по силе с той, что существовала в империи в начале V века, любая, даже малая банда создавала большие проблемы. С другой стороны, с полным правом можно предположить, что в V веке многие поселения в Северной Германии и Дании оказались покинуты. В некоторых областях поднялся уровень моря, и поля, некогда плодородные, оказались затоплены или пре-

* См.: Wolfram (1997). P. 244—247, and Johnson (1980). P. 119—123; Галльская хроника 452 года упоминает под 441 г., что Британия подпала под власть саксов.

вратились в соленые болота. Поэтому масштабную миграцию в Британию, на лучшие земли, следует считать вполне возможной*.

Факт существования «смешанных» кладбищ, содержащих и саксонские, и бриттские захоронения, не так просто объяснить. Во-первых, следует подойти к проблеме со всей осторожностью, прежде чем предполагать, что вещь, выполненная в конкретном стиле, автоматически свидетельствует о расовой принадлежности умершего. Броши были и удобны, и ценны. Если их дизайн не соответствовал традиционным для данной культуры моделям, это не означало, что владелец выбрасывал или переделывал их. В конце концов, броши и пряжки на поясах предназначались не столько для того, чтобы выражать идентичность хозяина, сколько для того, чтобы застегивать одежду. Любой подобный предмет можно было с легкостью приобрести как отобрав насильно, так и купив. Само по себе наличие «смешанных» кладбищ вполне может обозначать мирное житье представителей обеих рас в одной и той же общине, но не свидетельствует о том, что обе стороны добровольно приняли соответствующее решение. Существование многих репрессивных режимов далеко не всегда можно проследить по материалам захоронений. Бритты, очевидно, хоронили своих умерших согласно собственным обычаям и примерно в тех же местах, что и саксы, но это не означает, что они в той или иной мере не оказались в подчиненном положении. В Восточной и Южной Британии во второй половине V века было много вождей-саксов, обладавших и силой, и влиянием. С этим фактом попросту нельзя было не считаться никому, и в первую очередь бриттским лидерам и общинам, находившимся поблизости. Конечно, весьма вероятно, что некоторые сочли наилучшим присоединиться к вновь прибывшим, надеясь извлечь для себя выгоду в ситуации появления новой власти. Многие знатные бритты

* *Todd M.* The Early Germans. 2nd ed. Oxford, 2004. P. 202—210.

поступили точно так же при вторжении Клавдия в 43 году. Некоторые бритты, вероятно, пытались «стать» саксами, подобно тому как кое-кто из их предков некогда пытался «сделаться» римлянином. В обоих случаях их решение было не спонтанным, но принятым в ответ на появление новой силы, которой они считали неразумным или невозможным сопротивляться.

Существенное отличие состояло в том, что саксы были столь же разобщены, сколь и бритты. Несмотря на существование термина, охватывающего племенные группировки, различные в этническом отношении, сами саксы не представляли собой единства, как и другие племена. Таким образом, вопрос касался не объединения с саксами как таковыми, но умиротворения или противостояния всем их предводителям, находившимся поблизости и способным нанести удар. Набеги скорее всего продолжались, являясь нормальной составляющей жизни интервентов. У нас нет особых оснований полагать, что соперничество и бои бриттов и саксов со своими соплеменниками прекратились. По-прежнему существовали и другие враги, такие как пикты и скотты. Часть западной Британии, по-видимому, оккупировали и заселили ирландцы под водительством военных диктаторов. Нельзя сказать, что бритты были лишь страдающей стороной: обращаясь с письмом к британскому королю Коротику, святой Патрик осуждал его за то, что тот дозволяет своим воинам устраивать набеги на вновь обращенных христиан в Ирландии и продавать тех в рабство. Имеется свидетельство 469 года о бриттском военачальнике по имени Риотам, который привел в Галлию отряд и стал играть в тех местах важную роль. Мы не знаем, заставили ли его убраться из Британии или он просто почуял лучшие возможности добиться выгоды и приложить силы на континенте*.

---

* Sidon. Apollin. Epist. III. 9. 1—2 о Риотаме, а также: Snyder (1998). P. 82—83; St Patrick. Epist. 6 по поводу британского короля Коротика.

Учитывая незначительное количество и недостоверность наших источников, мы не можем составить сколь-либо подробную карту войн V—VI веков. Но преобладающей тенденцией стала постепенная экспансия германских племен. Бритты, мигрировавшие в Бретань или в западные части самой Британии, несомненно, от чего-то бежали. Разумеется, конфликт прерывался от времени до времени: имели место и периоды общего мира, и еще более длительные местные перемирия. Вероятно, бритты, как утверждают Гильда и другие источники, действительно выиграли несколько великих битв, но в VI веке власть саксов усилилась, в результате чего начала складываться англосаксонская Англия. Не все бритты бежали или погибли, но уцелевших ассимилировали завоеватели. Саксонский язык сменил кельтский на большей части территории острова, тогда как латынь на тот момент оказалась фактически (а то и полностью) позабыта. До миссии святого Августина Кентерберийского, имевшей место в 597 году, саксонские королевства оставались сплошь языческими; хотя в них могли сохраняться очажки христианской веры, но наверняка убедиться в этом невозможно. К этому времени от Западной Римской империи остались лишь смутные воспоминания, но католическая церковь сохранила часть своих международных связей*.

Римская Британия пала не под ударами извне. Вожди, свергнувшие наместников Константина III, быстро перессорились между собой. Они были не более римляне, чем бритты, и по сути своей восстание явилось гражданской войной. В результате на месте одного лидера, узурпировавшего императорский титул, появилось множество тиранов, или королей. Сам Константин был слишком занят борьбой за выживание, чтобы пытаться вернуть власть над Британией; Гонорию и его преемникам не хватило для этого сил. Существовали и внешние враги, и некоторым из них посте-

* Соображения по поводу сохранения христианства на юго-востоке Британии см.: Dark (2000). P. 78—85.

пенно удалось захватить большую часть острова, но не следует забывать, сколько времени это заняло. Все, включая власть, торговлю и войны, сделалось, если можно так выразиться, куда более локальным, нежели при римлянах. Некоторые черты прежней жизни сохранились, в особенности в областях, контролировавшихся бриттами дольше всего. Одной из наиболее важных из их числа было христианство; именно благодаря ему хотя бы в течение некоторого времени люди не утратили умения читать и писать полатыни и со временем на кельтских языках. Что касается преемственности между римской Британией и англосаксонской Англией, то и сам факт ее, и ее уровень до сих пор являются предметом жарких споров ученых. Ряд городов имел важное значение и для бриттов, и для саксов, хотя не исключено, что они были оставлены в течение некоторого времени. Свидетельств в пользу преемственности немного, но даже если ее можно проследить, это не затмевает впечатления от гигантских перемен. Должно было миновать еще пять веков, прежде чем хотя бы часть (правда, большая) прежнего римского диоцеза вновь объединилась под властью одного лидера. До тех же пор, когда появились норманнские соборы, способные соперничать по величине с базиликами римских городов или построек в крепостях, где квартировали легионы, должно было пройти без малого семьсот лет*.

Мы не располагаем достоверными свидетельствами существования короля Артура; все упоминания о нем сравнительно поздние. С другой стороны, нет оснований полагать, что он не существовал, и всем — в особенности бриттам, — конечно, хотелось бы верить в него. V и VI века, очевидно, стали свидетелями частых конфликтов, и в те времена появилось множество воителей и военачальников. То, что один из них обладал особенной харизмой и удача сопутствовала

* О бриттах и их чувстве идентичности см.: Snyder (1998). P. 66—72.

ему, выглядит вполне достоверно, хотя позднейшие истории о нем равным образом могут быть и амальгамой деяний множества людей, благодаря свершениям которых легенды обрели плоть и кровь. Кроме реальности Артура и всего, что с ним связано, мы еще не знаем очень и очень многого о конце римской провинции Британии. Если говорить о долгосрочной перспективе, то на острове, вероятно, сохранилось куда меньше следов присутствия римлян, нежели в большинстве западных провинций. Но в целом то, что происходило там, вполне могло иметь немало общего с событиями во всем римском мире, по крайней мере в V веке. Настало время рассмотреть последние годы существования Западной Римской империи*.

* Отличное краткое введение в проблему источников и научных споров по поводу Артура см. у Снайдера: Snyder (1998). P. 253—255. Книга Дж. Морриса (*Morris J.* The Age of Arthur: A History of the British Isles from 350 to 650. London, 1973) по-прежнему прекрасно читается, но содержит не всегда правильные датировки.

Глава девятнадцатая

ИМПЕРАТОРЫ, КОРОЛИ И ВОЖДИ

> Ведь римское государство ныне мертво — или по меньшей мере умирает, если говорить о тех областях, где оно, по видимости, живо.
>
> *Сальвиан, середина V века**

Мнение Сальвиана, глубоко пессимистичное, выражено в труде, где порицались греховность, жадность и коррупция в римском обществе. Порочность римлян была тем более ужасна, что ныне они исповедовали христианство; кому, как не им, следовало осознавать свои ошибки! Многие церковные деятели придерживались того же мнения. Ожидания Второго пришествия Иисуса всегда были сильны среди христиан. Для многих из них катастрофы — в особенности обрушившиеся на Западную Римскую империю в V веке — казались отчетливыми приметами приближения Апокалипсиса. В классической литературе существовала давняя традиция истолкования событий с моральной точки зрения; у христиан она проявлялась еще сильнее. Сальвиан заявляет, что варвары, вторгшиеся в империю, были посланы Богом, дабы покарать нечестивых римлян. Подобное убеждение, естественно, побудило его создать довольно унылое описание жизни в империи. Следует быть исключительно осторожным, используя подобные источники; также нужно отметить, что его отношение определялось реальными событиями. В 418 году Сальвиан стал свидетелем разграбления Трира франками. В течение примерно тридцати лет, вплоть до смерти, он был пресвитером в Массилии (Марселе) поблизости от готского королевства, возникшего в Аквитании. Всего через несколько лет после его смерти последний император, правивший в Италии, был низложен.

---

* Salvian. De Gubernatione Dei IV. 30, а также: *Bury J.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Vol. I. New York, 1958. P. 308.

Династия Феодосия Великого к середине V века уже прекратила свое существование. Феодосий II умер в 450 году, а его кузена Валентиниана III убили всего пять лет спустя. Ни у того, ни у другого не было сыновей, которые могли бы наследовать им; заметим, что ни тот ни другой также не предприняли никаких определенных усилий, чтобы назначить наследника. Правда, Маркиан женился на сестре императора Пульхерии, установив таким образом связь с императорской фамилией. Однако Пульхерия уже достигла среднего возраста, и даже если она не только формально, но и «на деле» отказалась от своего давнишнего обета целомудрия, никаких перспектив иметь детей у этой пары не было. Фактически времена, когда императору наследовал его сын, отошли в прошлое. Вместо этого избрание новых императоров — и, разумеется, смещение тех, кто находился у власти в данный момент — обычно совершалось благодаря решениям обладавших властью военачальников и других придворных. В Западной империи быстро возобновились узурпации и гражданские войны, обычные для прежних времен. Так, Петроний Максим стоял за убийством Аэция, а затем организовал убийство Валентиниана III. Другие также жаждали высшей власти, но он действовал наиболее решительно в первый момент после устранения правителя и сумел провозгласить себя императором. Петроний женился на дочери Валентиниана Евдокии — девушке, несколькими годами ранее обручившейся с сыном вандальского короля Гейзериха. Непонятно, не был ли шаг Петрония провокацией, которая вызвала нападение вандалов на Италию. В некоторых восточных источниках предполагается, что мать девушки Евдоксия действительно обращалась к Гейзериху за помощью. С другой стороны, экспедиция за море на такое далекое расстояние требовала тщательной подготовки, и это позволяет считать более чем вероятным, что король вандалов уже обдумывал нападение, прежде чем оно произошло в действительности. После смерти Аэция армиям Западной империи еще только пред-

стояло найти нового сильного лидера. Вандалам было несложно достичь Италии, и она была легко уязвима — по крайней мере в ближайшем будущем*.

Вандалы прибыли под стены Рима в мае 455 года. Петроний Максим находился там, но у него не было верного ему войска и он не обладал достаточной харизмой, чтобы организовать сопротивление. Он бежал вместе со многими другими и в суматохе был убит. Согласно одной из версий, его сбил с коня камень, пущенный одним из его солдат, а затем его прикончила толпа. Правление его продолжалось не более трех месяцев. Вскоре после этого армия вандалов вошла в город — никто не пытался защитить его стены — и в течение двух недель разграбила его дочиста. Подобно готам Алариха, вандалы были арианами, исповедовали Христа и откликнулись на призыв папы отнестись с уважением к храмам. Однако разграбление ими Рима продолжалось куда дольше, чем то, что произошло в 410 году, и во всех отношениях производит впечатление более «систематического». Гейзерих и его люди имели большой опыт пиратства и грабежей с тех времен, когда они поселились в Африке и отправлялись в морские рейды. Было куда более практичным поддерживать некий уровень упорядоченности и контроля во время разграбления, а не просто убивать, уничтожать и воровать, как каждому заблагорассудится. Знай это жители города, вряд ли они бы сопротивлялись, надеясь, что враги воздержатся от согласованных жестоких действий. Перед ними прежде всего стоял вопрос выживания, и они делали все, что могли. Среди похищенных сокровищ оказались остатки добычи, унесенной Титом из Иерусалимского храма, разрушенного в 70 году. Помимо золота, вандалы также захватили вдову Валентиниана Евдоксию и двух ее дочерей. Они стали не единственными, кто попал в плен, и тех, кого увели в рабство, ожидала тяжкая участь. Епископ Карфагенский продал церковное блюдо, чтобы купить свободу

* Procop. Bella. III. 4. 37—38.

многим из этих пленников. Другим, вероятно, повезло меньше*.

Константинополь не признал прав Петрония Максима на престол, да и в Западной Римской империи ко времени его смерти признание императором совершилось не повсюду. К значимым лицам в провинциях были отправлены его представители, дабы завоевать их поддержку. Петроний выбрал из своих сторонников пожилого человека по имени Авит и отослал его в готское королевство в Аквитанию; в тот момент им правил Теодорих II. Всего несколько лет назад готы помогли Аэцию отразить натиск гуннов. Готские короли чаще поддерживали империю, чем враждовали с ней. Имели место и периоды разногласий, однако готы были далеко не столь враждебны Риму, как вандалы. Тем не менее ни один император не мог до конца поверить в их доброжелательность и поддержку. Из королевств, созданных варварскими племенами на территории провинций, готское являлось наиболее могущественным, и готы были важным фактором, определявшим равновесие сил и, следовательно, успешное существование или гибель режима.

Авит еще находился в Тулузе, когда пришло известие о гибели Петрония. Посол тут же убедил готов провозгласить императором его самого. Лишь позднее он получил поддержку со стороны тех, кого можно с бóльшим основанием назвать римлянами: в июле совещание лидеров галльских провинций в городе Арелате (совр. Арль) признало его правление. Однако сторонников в армии и среди гражданского населения у него не оказалось. На протяжении жизни цело-

* Об истории разграбления вандалами Рима в целом см.: Bury (1958). P. 323—326; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284—602. Oxford, 1964. P. 240; *Barnwell P.* Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395—565. Chapel Hill, 1992. P. 116—117, *Ward-Perkins B.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005. P. 17, где цитируется Виктор из Виты, Vand. Persecut. I. 25, о выкупе пленников, а также: *Heather P.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 378—379; о грабежах и смерти Петрония см.: Prisc. Fr. 30. 2; Iohan. Antioch. 201; Procop. Bella. III. 4. 36—5. 5, и Sidon. Apollin. Epist. II. 13.

го поколения посты как в Галлии, так и в Италии, как правило, занимали почти исключительно жители этих областей. Аристократия и в той и в другой области обособилась, что называется, по местному признаку и потому не желала подпасть под власть «чужаков». Войсками в Италии — по большей части наемниками и контингентами союзников, хотя вполне возможно, что продолжали существовать, пусть формально, и некоторые регулярные части — командовали Рицимер и Майориан. Последние наотрез отказались признать нового императора. Константинополь также воздержался от одобрения кандидатуры Авита*.

В 456 году Авит повел войска в Италию, однако потерпел поражение в долине реки По близ Плаценции (совр. Пьяченцы). Отказавшись от власти, он удалился от дел и занял епископскую кафедру, но через несколько месяцев умер (ходили слухи, что не своей смертью). После напряженных переговоров с восточным двором Майориан был провозглашен августом Западной империи в самом конце 457 года, получив полную поддержку своего коллеги в Константинополе. Маркиан скончался в январе, и его место занял сравнительно малоизвестный офицер по имени Лев. Церемония интронизации была тщательно разработана и продолжалась долго даже по меркам придворного церемониала; это заставляет предположить, что для доказательства легитимности его правления были предприняты значительные усилия. На тот момент власть при восточном дворе находилась в руках военачальника Аспара и его семьи. Именно он выбрал Льва, и прошло некоторое время, прежде чем новый император смог вырваться из-под влияния своего командующего. На востоке борьба в основном шла между теми, кто мог контролировать императора; на западе она не имела столь четкого фокуса и гораздо чаще принимала более открытые и жестокие формы**.

---

* Barnwell (1992). P. 61—62.

** Bury (1958). P. 326—328, Jones (1964). P. 240—241, и Heather (2005). P. 375—384, 390—391; о слухах о насильственной смерти Авита см. у Иоанна Антиохийского (Iohan. Antioch. Fr. 86).

Утраченная и обретенная власть

Готское королевство являлось единственной крупной силой на территории Западной Римской империи — хотя бы потому, что могло выставить на поле боя мощную армию. Никто другой — включая остатки римской армии — не мог в одиночку потягаться с войском, находившимся в распоряжении готского короля. Существовали и другие силы — например, Бургундское королевство, созданное Аэцием в восточной Галлии, и франки, ныне прочно закрепившиеся западнее Рейна. В Испании римляне никогда полностью не контролировали свевов, тогда как Северная Африка уже долгое время находилась под властью вандалов. В каких-то отношениях эти племена сдерживали друг друга, и римляне продолжали нанимать одних варваров, дабы справиться с другими. Авит направил готов, а также контингенты франков и бургундов, дабы те напали на свевов. Майориан по-прежнему брал на службу готов для ведения военных действий в Испании, несмотря на кратковременный конфликт с ними, вспыхнувший в Галлии. Они являлись слишком ценными союзниками и слишком опасными врагами, чтобы рисковать, затевая длительную борьбу с ними: представлялось более выгодным использовать их склонность к агрессии, дабы одолеть другие угрозы. За сравнительно короткий срок свевов удалось запереть раз и навсегда на крайнем северо-западе Пиренейского полуострова. Их королевству в этой области суждено было просуществовать не одно столетие, но с тех пор они никогда не представляли собой более чем локальную угрозу. Сомнительно, что успешные действия готов когда-либо приводили к восстановлению прямого правления римлян на завоеванной ими территории. Это в полной мере проявилось после 466 года, когда Теодорих II был убит и его сменил на троне его младший брат Эйрих. Новый король начал откры-

тую экспансию в Галлии и Испании, расширяя за счет них свои владения*.

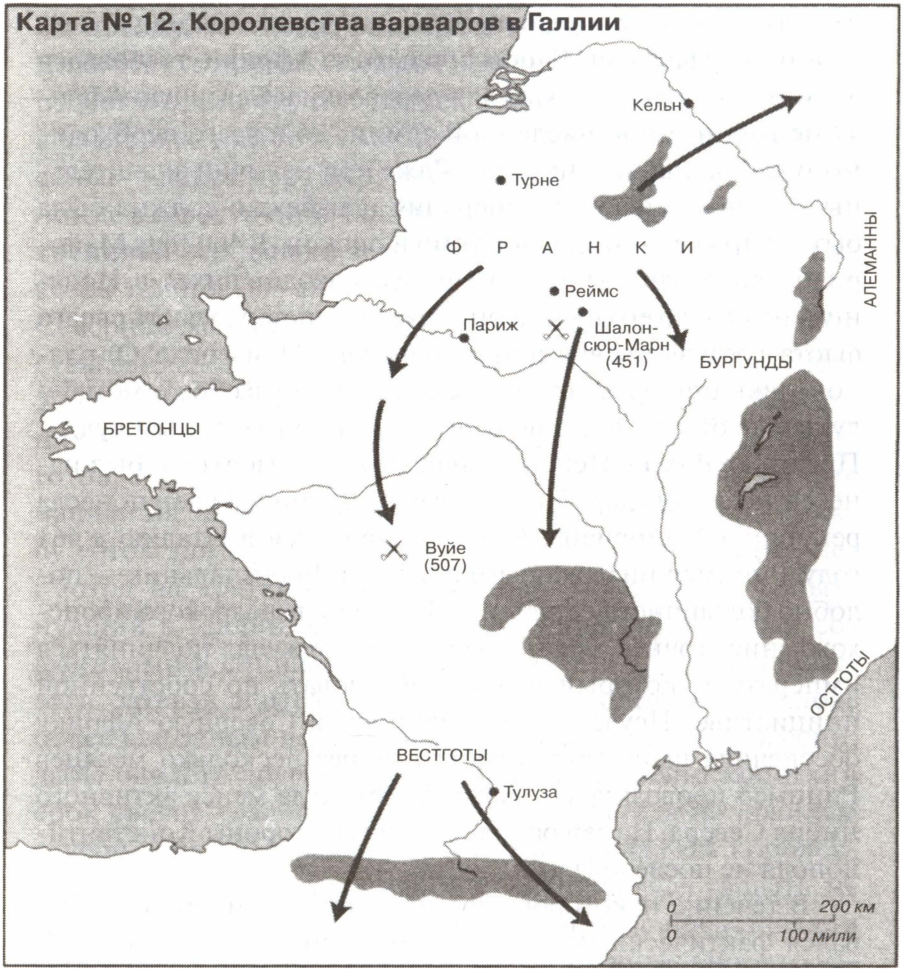
Вандалы, в отличие от свевов, обитали в менее доступных для римлян местах; до них было труднее добраться, и решить проблему, попросту уговорив другое племя напасть на них, не удавалось. Чтобы доплыть до Африки, требовался достаточно большой флот для перевозки в Северную Африку не только многочисленной армии, но и всего необходимого для их нахождения там. Даже при наличии значительных ресурсов подобная операция неизбежно должна была быть сопряжена со сложностями и риском. В 460 году Майориан подготовил вторжение с баз, находившихся в Испании, но еще до его начала он потерял основную часть своего флота в результате внезапного нападения Гейзериха. От планов атаки пришлось отказаться, поскольку в обозримом будущем неоткуда было получить замену утраченным судам. Престижу Рима в Испании, и без того невысокому, был нанесен тяжелый удар. Еще более существенный урон понесла репутация Майориана. Когда он вернулся в Италию в 461 году, Рицимер низложил его и казнил. Военачальник — подобно большинству старших офицеров, варварского происхождения, точнее, свев, — вероятно, не желал подчиняться императору, который решил действовать по собственной инициативе. Неудача с экспедицией в Северную Африку обеспечила шанс устранить его. Через несколько месяцев Рицимер провозгласил императором куда менее активного Либия Севера. На сей раз одобрения со стороны Константинополя не последовало**.

В течение некоторого времени новый император оставался фактически непризнанным за пределами Италии. В

---

* См.: *Todd M.* The Early Germans. Oxford, 2004. 2nd ed. P. 152—154, 172—175; *Heather P.* The Goths. Oxford; Cambridge, 1996. P. 187—191, 194—198, а также работу последнего в «Кембриджской древней истории»: *Heather P.* The Western Empire, 425—476 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 22.

** Bury (1958). P. 330—332, и Heather (2000). P. 23.

Карта № 12. Королевства варваров в Галлии
Кельн
Турне
Ф Р А Н К И
Реймс
Париж
Шалон-
сюр-Марн
(451)
АЛЕМАННЫ
БУРГУНДЫ
БРЕТОНЦЫ
Вуйе
(507)
ОСТГОТЫ
ВЕСТГОТЫ
Тулуза
0
200 км
0
100 мили

Галлии командующий войсками еще прежде поднял мятеж против Рицимера, но не мог организовать серьезного сопротивления, так как пытался взять под контроль готов, а это требовало значительных сил. Другой военачальник, в Далмации, также отложился от Рима: он заявил о верности императору Льву, но отказался признать власть Либия Севера в Равенне. Сложилась критическая, хотя и имевшая прецеденты ситуация. Владения и доходы Западной Римской империи в течение V века постепенно сокращались. Занятие племенами варваров все новых и новых земель вне зависимости от того, происходило ли оно по воле императора или в результате натиска чужаков, дополнительно уменьшало ресурсы империи. Все районы, занятые таким образом, прекратили выплату налогов в казну.

В 395 году из двух частей, на которые была разделена империя Феодосия, западная процветала куда меньше. С тех пор она пережила ряд ударов, когда Британия, Испания, Северная Африка и значительная часть Галлии вышли из-под ее непосредственного контроля и перестали платить налоги. Стилихон, Констанций и Аэций правили подолгу, но они постоянно испытывали нехватку денег, продовольствия и людей, в результате чего им приходилось ограничиваться устранением различных угроз и проблем, дабы те не сказались роковым образом на судьбе империи, и при этом не одерживая более решительных побед. Расселение групп варваров в провинциях часто бывало выгодно правительству, если речь шла о кратких сроках. Однако это неизбежно означало исключение очередной территории из сферы действия римской налоговой системы. Доходы Западной империи продолжали уменьшаться. Области, не полностью утраченные, не обязательно целиком находились под властью Рима, и многие районы страдали от рейдов и гражданских войн. Все варварские племена, поселившиеся в провинциях, временами предпринимали нападения на соседние общины или пытались завоевать их. В результате угрозы усиливались, и опасность нависла над сердцем империи

как раз в то время, когда возможности справиться с нею истощились*.

Тяжелейшим ударом для Западной империи, лишившим ее значительной части доходов, стала потеря Африки, перешедшей к вандалам. Италия издавна рассчитывала на африканское зерно, позволявшее удовлетворять ее нужды. Более того, Африка была одной из наиболее доходных римских областей, если говорить о налогах и ресурсах. Попытка Майориана отвоевать Северную Африку, безусловно, имела смысл. В 468 году последовала новая — на сей раз при значительном участии Восточной империи, отправившей войска и флот более чем из тысячи кораблей (многие из них, несомненно, представляли собой небольшие транспортные суда). Отношения между восточным и западным дворами улучшились после естественной смерти Либия Севера в 465 году. Потребовалось почти два года переговоров, прежде чем Рицимер согласился признать нового императора — ставленника Льва. За это время на Западе вовсе не было императора, хотя вряд ли это как-то изменило жизнь тамошнего населения. Нового императора звали Антемий; чтобы скрепить союз с ним, Рицимер женился на его дочери. Несмотря на все масштабные приготовления и сосредоточение ресурсов — западное правительство также отрядило значительное войско для участия в операции, — вторая экспедиция также окончилась катастрофой. На сей раз огромный флот достиг африканского побережья, но затем командующий начал медлить, задержал начало операции и вступил в переговоры. Несколькими днями позже Гейзерих использовал благоприятный ветер, дабы потопить флот врага с помощью брандеров, а затем атаковал остатки войск, рассеявшихся и уже охваченных паникой**.

После этой уже второй по счету унизительной неудачи римляне более не нападали на вандалов вплоть до VI века.

---

* Дискуссию по этому вопросу см. в работе: Heather (2005). P. 343—348; (2000). P. 19—23.

** Heather (2005). P. 392—407; Burns (1958). P. 332—337.

Восточной империи потребовалось много лет, чтобы оправиться от последствий масштабной и недешево обошедшейся экспедиции Льва, имевшей место в 468 году. Западная империя вынуждена была существовать, не получая доходов из Северной Африки, и на следующий год пример агрессивного короля Эйриха нашел подражателей среди тех, кто поселился как на территориях в черте империи, так и за ее границей. И без того незначительные ресурсы, находившиеся в распоряжении Запада, продолжали сокращаться. На землях Галлии вспыхивали мятежи, поднятые племенами так называемых багаудов (впервые мы узнаем о них применительно к III веку, о чем упоминалось в главе 8). В наших источниках их аттестуют немногим лучше, чем разбойников, но в реальности все было куда сложнее. Применительно к описываемому периоду и другим временам имеются приметы того, что их лидеры получили образование и — по крайней мере в начале жизненного пути — являлись представителями местной аристократии*.

Во многих областях влиятельные землевладельцы собирали большие отряды сторонников в своих поместьях. Некоторые из них фактически являлись наемниками и, подобно основной массе войск на службе у правителей Западной империи, происходили от варваров. В наши дни исследователи имеют обыкновение характеризовать эти местные силы как «группы самопомощи», имея в виду их, в общем, положительную роль и оборонительную функцию. Считается, что их появление — признак того, что местным общинам пришлось собственными силами защищаться от опасностей извне, которые все усиливались. В ряде случаев могло так и быть, но не исключены и другие интерпретации. Местный землевладелец со своей бандой наемных головорезов мог искренне стремиться использовать эти силы, чтобы защитить арендаторов его земель, а также соседей от бандитов и

* См.: Ward-Perkins (2005). P. 45—46, 54, Heather (2005). P. 282—283, и раздел в «Кембриджской древней истории»: *Wood I.* The North-Western Provinces // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 502—505.

варваров-налетчиков. Такие силы равным образом давали ему возможность захватить близлежащие земли; он мог угрожать своим соседям или непосредственно применить к ним силу. Как в любой период, границы между неофициальной полицией, «комитетами бдительности»* и военизированной бандой, обеспечивающей «крышу» на своем участке и контролирующей его, часто очень узки и нечетки**.

Власть в Западной империи в V веке приобретала все более и более локальный характер. Крайним примером такого рода стала Британия, где формальное римское правление вовсе перестало существовать. Северные районы Галлии, по-видимому, аналогичным образом разделились на множество отдельных единиц, причем это произошло относительно рано. Напротив, готы к концу правления Эйриха взяли под контроль территорию более обширную, нежели северные провинции Римской империи, хотя границы его владений и прежние рубежи административных образований совпадали далеко не везде. Другие предводители варваров контролировали на данном историческом этапе не столь значительные территории. Кроме того, более мелкие образования возникали там, где правителям городов, крупным землевладельцам или вождям невысокого ранга удавалось установить свою власть над небольшой территорией и взять силой или вытребовать все необходимое для своих сторонников.

Все эти персоны — от королей до землевладельцев и предводителей разбойничьих шаек — в разной степени могли похвастаться независимостью. Некоторые, вероятно, признавали принцип верховной власти, даже если в быту имели возможность безнаказанно игнорировать императоров. Никакой полет фантазии не позволяет вообразить их

* В США — добровольные организации, бравшие на себя полномочия законной власти до установления ее в районах фронтира, действовавшие со времен Войны за независимость. — *Примеч. пер.*

** Дискуссию см. в работе: *Drinkwater J.* The Bacaudae of Fifth Century Gaul // Fifth Century Gaul / Ed. J. Drinkwater & H. Elton. Cambridge, 1992. P. 208—217.

всего лишь частью административной иерархии империи: ни один император не смел по своему желанию сместить или даже привлечь к суду кого-то из королей, стоявших во главе племен. Прекратить даже небольшие злоупотребления можно было лишь путем запугивания и, как правило, применения силы. Однако имперские власти более не располагали очевидным и решительным превосходством при решении проблем силовыми методами. Наиболее заметным явлением в ходе развития Западной империи, на данной его стадии, стало возникновение многочисленных государств «на местах». Самые сильные из них появились непосредственно в результате расселения здесь варваров; появление каждого следующего королевства знаменовало собой очередной этап упадка Запада, что в конечном итоге привело к полному угасанию императорской власти на территории Италии. Однако с самого начала они возникли в результате ослабления империи, а не явились его причиной. Правительства, сменявшие друг друга, более или менее добровольно согласились с созданием королевств на территории провинций или по крайней мере смирились с этим фактом. Сознание его неизбежности или оценка его как лучшего из возможных вариантов свидетельствует прежде всего о слабости Рима.

Имелись и другие признаки неуклонного ослабления власти императоров. Мы уже отметили, что даже в IV веке император часто сталкивался со значительными трудностями в вопросах контроля чиновников и военачальников. В V веке влиятельные командующие и придворные чаще доминировали над императорами, нежели те — над ними. Командующий Аспар десятилетиями удерживал в собственных руках власть в Восточной империи, частично опираясь на креатуры из числа своих родственников, выдвинутых на крупные посты, и на верные ему воинские части в составе армии (в основном готские). Чтобы получить в свое распоряжение силы, способные противостоять этому блоку, императору Льву пришлось набрать в войско множество солдат

из числа исаврийских горцев из Малой Азии. Они происходили из земель, подвластных империи, но сами эти земли с давних пор являлись рассадниками бандитизма и мятежей, и их уроженцы фактически воспринимались как разбойники и варвары. В конце концов к 471 году он набрал достаточно сил, чтобы организовать убийство Аспара. Примечательно, что, как и в случае с Аэцием, император предпочел попросту расправиться с врагом, нежели отправить его в отставку или отдать под суд: это было небезопасно, что тут же и доказало восстание сторонников Аспара. Мира удалось достичь лишь пойдя на значительные уступки*.

Еще одним признаком упадка центральной власти стал рост влияния епископов на происходившее на местах и признание их лидерами. В какой-то мере это стало результатом появления типа богатых, хорошо образованных и имевших большие связи людей, вовлеченных в жизнь церкви. Вероятно, не стоит сожалеть, что такие люди не пытались поступить на императорскую службу: администрация империи утратила прежнее влияние еще до того, как проявилась вышеописанная тенденция. Вдобавок те, кто принимал сан, зачастую обнаруживали не меньшую склонность к интригам и яростному соперничеству, чем бюрократы. В ряде случаев избрание епископа (и в том числе папы) оспаривалось толпами, полными желания драться за угодную им кандидатуру. Также велись споры по поводу старшинства среди крупнейших столичных епархий; в особенности протестовала Александрия, не желавшая подчиняться власти куда позднее появившейся константинопольской церкви, хотя Константинополь являлся столицей империи и резиденцией светской власти. Политические цели и личное тщеславие часто давали себя знать в ходе теологических диспутов, попрежнему приводивших к раздорам в церкви. Природа Троицы более не вызывала разногласий; вместо этого диспуты сосредоточились на определении природы Христа во время

* См.: *Lee A.* The Eastern Empire: Theodosius to Anastasius // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 45—48 и Bury (1958). P. 316—321.

его пребывания на земле и на том, едина или раздельна его человеческая и божественная природа*.

В начале V века яркой иллюстрацией возможностей злоупотребления властью и положением, открывавшихся перед епископами, стала карьера Кирилла, с 412 года — епископа Александрийского. Важное значение имел тот факт, что предшественником на этом посту был его собственный дядя; это свидетельствует о влиянии, которое уже имела его семья. Кирилл часто прибегал к помощи отрядов, состоявших из монахов, и наводил страх не только на других епископов, но и на наместника провинции. Постоянно нападая на язычников, иудеев и христиан-еретиков, он часто шел против закона и действовал силовыми методами. В то же время он заботился о том, чтобы регулярно высылать «подношения» влиятельным лицам при дворе. В 415 году его сторонники совершили особо жестокое убийство прославленной женщины-философа Гипатии. Та занимала пост в одном из знаменитейших университетов мира (редчайший в античности случай!). Хотя она была язычницей, среди ее друзей были и выдающиеся личности, исповедовавшие христианство, в том числе священники и наместник Орест. Последний уже до этого ссорился с Кириллом и даже подвергся нападению его монахов. Более того, епископ пытался обвинить наместника в тайном исповедании язычества. Гипатия погибла во многом из-за того, что людям Кирилла нужно было попросту продемонстрировать свою силу. После случившегося их распустили, но лишь ненадолго, и в свое время епископ вновь использовал их поддержку для реализации новых планов. Охотно используя запугивание и насилие, Кирилл также был мастером политический интриги в церковной жизни. Вступив в диспут с епископом в Константинополе, он

* Общий обзор см.: Bury (1958). P. 348—388, и *Mitchell S.* A History of the Later Roman Empire AD 284—641. Malden; Oxford, 2007. P. 289—293; подробности см.: *Allen P.* The Definition and Enforcement of Orthodoxy // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 811—820, а также: *Treadgold W.* A History of Byzantine State and Society. Stanford, 1997, в особенности P. 1—241.

хотел обратиться к папе; несмотря на все те случаи, когда он прибегал к насилию, он продолжал пользоваться большим авторитетом как теолог и играл главную роль на некоторых церковных соборах. В ходе последних он также продемонстрировал свои политические таланты и шел на уступки, когда это требовалось для сохранения его влияния*.

Образ Кирилла выглядел далеко не привлекательно. Легко усмотреть в возвышении подобных ему людей прямое следствие унижения Феодосия епископом Амвросием Медиоланским. Невозможно представить себе, чтобы такую вольность епископу позволил Константин. В то же время в данном случае церковь не следует рассматривать просто как организацию, независимую от имперской иерархии и постепенно увеличивавшую свое могущество за счет государства. Напротив, это увеличение осуществлялось в результате вакуума, уже возникшего вследствие упадка центральной власти. Для установления контроля над людьми вроде Кирилла потребовались бы значительные, притом объединенные усилия со стороны центральной и провинциальных властей. Имперская бюрократия уже давно утратила способность объединяться ради выполнения какой-либо цели, а Кирилл был достаточно ловким политиком, чтобы с помощью силы или подкупа извлечь пользу из контактов с влиятельными политиками, дабы обезопасить себя. Обдумывая, как обуздать его, власти раз за разом приходили к выводу, что игра не стоит свеч. Честолюбивые епископы такого типа — во многом напоминая в этом королей варваров в западных провинциях — знали, что не могут действовать, руководствуясь только собственными желаниями, и что для них существуют некие рамки; вместе с тем они понимали, что власть центра значительно ослабела по сравнению с прежними временами. Они могли выйти из положения с большой выгодой для себя, в особенности если дожидались подходящего случая, когда власти бывали заняты решением других проблем. Политический талант Кирилла, его значи-

* Mitchell (2007). P. 275, 290, 320, и Bury (1958). P. 215—221.

тельный авторитет как теолога и тогдашняя слабость имперских властей — вот слагаемые его успеха. Другие епископы, и в том числе его преемники, не всегда были столь удачливы; на их долю могло выпасть и смещение с должности, и изгнание, когда они навлекали на себя неудовольствие императора.

Меняющийся мир

Епископы изображаются в более благоприятном свете, когда речь идет об их попытках возглавить местное население, дабы обороняться от нападений. Святой Герман, согласно утверждению биографа, повел наспех собранные силы бриттов и те сокрушили целую армию рейдеров. Менее эффектная (и полностью неудачная) роль выпала на долю Сидония Аполлинария, епископа Клермонского, пытавшегося противостоять готам Эйриха. Принадлежавший к галльской провинциальной аристократии, Сидоний принял сан сравнительно поздно. Он получил традиционное образование и сам был привержен традициям; его сочинения содержат немало сведений о том, как представители провинциальной власти приспособились к появлению варварских королей, живших по соседству или среди них. Сидоний оставил очень подробный и в целом положительный портрет готского короля Теодориха II:

> *«Он хорошо сложен, высок, но не слишком, однако выше и внушительнее многих. Макушка его головы круглая, и на нее мягко ложатся кудри, откинутые с ровного лба... Его подбородок, горло и шея являют не полноту, но дородство; кожа бела, как молоко*».*

Описание распорядка дня короля включает посещение заутрени (готы были арианами), где «он молится с величай-

* Sidon. Apollin. Epist. I. 2. 2—3.

шей искренностью, хотя [когда он находится] среди своих, видно, что причина его набожности — скорее обычай, нежели убеждение». Затем он уделял время делам правления, принимал послов, покуда не прерывался, чтобы посетить сокровищницу или конюшни*.

То, что мы читаем у Сидония, во многом отличается от устоявшегося стереотипа варвара. Даже утверждение, будто просители имели куда больше шансов на положительный ответ, если поддавались Теодориху в игре в шахматы или диск, лишь отчасти соответствует упомянутому клише. Во многих отношениях описание Сидония напоминает рассказ о распорядке дня одного из императоров начала III века. Он и другие галльские аристократы чувствовали себя в состоянии общаться с подобным человеком, продолжая при этом придерживаться римских обычаев и ни в чем не изменяя себе**.

Сидоний и его современники придавали большое значение тому, чтобы жить утонченной и обильной досугом жизнью образованных римских аристократов. В одном из его писем описана баня на вилле его друга в Галлии; рассказ ведется в яркой и, согласно тогдашней моде, невероятно напыщенной манере. В другом изображается опыт посещения куда более примитивной бани, поскольку, по словам Сидония, хозяева еще не закончили строительство банного здания. Вместо него слуги поспешно выкопали ров «поблизости от источника или реки». В затопленную канаву побросали груду раскаленных камней, и «пока канава разогревалась, ее покрыли сверху крышей, устроенной из гибких ореховых прутьев, согнутых в дугу». Гости вошли внутрь. «Здесь, — пишет Сидоний, — мы провели несколько часов, не испытывая недостатка в остроумных и забавных разговорах». Люди вроде Сидония были полны решимости оставаться

* Sidon. Apollin. Epist. I. 2. 4.

** Heather (2005). P. 375—384, Mitchell (2007). P. 205—208, и особенно: *Harries J.* Sidonius Apollinarius and the Fall of Rome, AD 407—485. Oxford, 1994.

«римлянами», несмотря на то что в Галлии V века даже у аристократов возможности весьма сузились*.

Сидоний был одним из тех, кто чувствовал, что римляне не могут безропотно принять факт агрессии, столь часто совершавшейся готами во дни Эйриха. Другие представители провинциальной аристократии были в большей мере расположены в пользу готского лидера или, вероятно, попросту руководствовались соображениями прагматизма. Будучи епископом, Сидоний защищал свой город от организованной готами осады. Похоже, масштабы борьбы были очень невелики: мы читаем об отряде, насчитывавшем менее двадцати всадников, способном проложить путь через кольцо врагов. Но помощи извне почти не последовало, и в конце концов император, находившийся в Равенне, решил сдать Клермон и другие приграничные поселения готам в качестве платы за мир и с целью обороны более важных городов, включая Арелат (современный Арль) и Массилию (современный Марсель). Одержав победу, Эйрих повел себя сдержанно: Сидоний стал единственным, кто провел несколько месяцев под стражей. В заключении он имел возможность заниматься и писать, однако выражал сожаление по поводу двух пожилых готских женщин: те напились и не давали ему спать, разговаривая ночью за стеной его комнаты**.

Сидоний стал свидетелем одобрения кандидатуры претендовавшего на пост императора Авита (тот был его тестем) и вступал в сношения с несколькими другими правителями и их придворными, ища поддержки и покровительства. Его труды никогда не вызывают ощущения, будто в самой Галлии кто-то из императоров или их представителей имел особую власть. От некогда существовавшей здесь регулярной

* Sidonius Apollinaris, *Epist.* II. 1. 1—8; цитаты взяты из фрагментов II. 9. 8—9.

** Ward-Perkins (2005). P. 54—56, Heather (2005). P. 419—423, и Bury (1958). P. 342—343; см. также: Sidonius Apollinaris, *Epist.* VII. 7. 2—6 о его гневе в связи со сдачей Клермона Непотом и VIII. 3. 2, где описаны готские женщины.

армии не осталось и следа. Отец Сидония служил префектом претория галльского диоцеза примерно в середине столетия, но трудно сказать конкретно, какой объем власти «там и тогда» имел на самом деле такой крупный чиновник. Все сочинения Сидония свидетельствуют о том, что нужно было соблюдать тактичность, беседуя с лидерами готов и других варваров.

И уж совсем незначительная роль отводится центральному правительству в «Житии святого Северина», биографии святого (похоже, он, как ни странно, не был священником), действовавшему в Норике (современная Австрия) на Дунае начиная со второй половины V века. Несколько малых отрядов limitanei появилось там. Один трибун — впоследствии он стал епископом — жаловался на то, что не может противостоять войскам варваров, поскольку его солдаты слишком малочисленны и практически безоружны. Но, вдохновленные Северином, он и его люди изгнали нападавших, застав их врасплох и сокрушив. Несколько человек попали в плен, но им разрешили уйти, после того как Северин предупредил их, чтобы они не возвращались*.

В целом мы узнаем, что «в то время когда Римская империя еще существовала, во многих городах солдаты получали жалованье из общественных денег за то, что несли дозор на стене. Когда эта мера перестала применяться, военные отряды были распущены; одновременно и стену перестали чинить, и она развалилась. Гарнизон в Батависе, однако, держался. Часть воинов отправилась в Италию, чтобы добыть жалованье для своих товарищей за последний период, но по пути была уничтожена варварами**».

Тела убитых в конце концов унесло течением вниз по реке, где они и были обнаружены. Создается впечатление, что последние остатки армии фронтира попросту исчезли с прекращением выплат, подвоза провианта и прочих необхо-

* Eugipp. Vita St Sever. IV. 1.

** Eugipp. Vita St Sever. XX. 1—2.

димых товаров. По крайней мере одна община наняла отряд варваров с целью обороны, но содержание гарнизона в обнесенном стеной городе вскоре сочли слишком обременительным. В то время произошло землетрясение, и варвары покинули город; некоторые из них даже перебили друг друга в наступившей суматохе*.

В те годы жизнь в Норике была опасна, но не из-за какого-то конкретного врага: здесь появлялись представители разных племен, в том числе руги, герулы, готы и алеманны, а также ряд вождей и королей. Все они совершали набеги на провинцию, обычно атакуя небольшими силами, с целью захвата добычи и пленных. Порой случалось, что они уничтожали целые общины — обычно проигнорировавшие предостережения Северина. Некоторые вожди — упомянем короля ругов Феву, — по-видимому, утвердились в провинциях и подчинили своей власти часть местного населения. Временами Северину удавалось умерить активность некоторых из них. Однако даже его достижения носили лишь временный характер. Общей тенденцией стали разрушения, оставление общин (они пустели одна за другой) и уход населения с Дуная. В конце концов значительная часть уцелевших жителей одновременно покинула провинцию, забрав с собой останки святого Северина (скончавшегося в 482 году)**.

В «Житии святого Северина» окружающий мир выглядит заметно мрачнее и опаснее, чем в письмах Сидония Аполлинария. Норик изображен куда менее спокойным местом, нежели Галлия; немногие нотки воодушевления связаны с описанием веры и мощи, которыми обладал Северин. Оба автора обрисовывают жизнь в период, когда Западная империя стала значительно слабее, нежели поколением ранее. Профессиональная армия исчезла; то же случилось с союзными и наемными силами, с чьей помощью Констан-

* Vita St Sever. I. 4—2. 2.

** См.: Heather (2005). P. 407—415, и Ward-Perkins (2005). P. 17—20, 134—136; о короле Феве см.: Eugipp. Vita St Sever. VIII. 1, 22. 2, XXXI. 1—6; XL. 1—3, XLII. 8; 44. 4.

ций и Аэций в течение некоторого времени могли поддерживать status quo. У центрального правительства, как правило, не имелось возможности вмешиваться в местные дела; напротив, появились предводители (варварского происхождения), либо утвердившиеся в провинциях, либо способные к нападению. Они не всегда проявляли враждебность к римлянам и ничем не укротимую жестокость — но они были чужаками. Вместе с тем их существование стало фактом. Силы, способные остановить их, отсутствовали; победы даже над небольшими отрядами, как правило, имели ограниченное значение и носили кратковременный характер. Обстоятельства в разных провинциях и в случае конкретных лиш несколько различались, но у римлян не было иного выхода, кроме как урегулировать отношения с этими новыми силами.

Последний император

В Западной Римской империи отношения между Антемием и Рицимером со временем испортились, и в 472 году между императором и его военачальником разразилась открытая война. Антемий задействовал армию готов с Дуная — часть более обширной группы племен, известной, ныне под названием остготов, или «восточных готов», и отличаемой от вестготов («западных готов»), поселившихся в Галлии. (Сами эти названия появились не ранее VI века; во время, о котором идет речь, остготы оставались разделены на ряд отдельных групп.) Помощи со стороны готов оказалось недостаточно; император потерпел поражение и в июле был казнен. Рицимер заменил его одним из тех немногих, кто имел хотя бы какое-то, пусть самое отдаленное, отношение к дому Феодосия. То был римский аристократ по имени Олибрий, женатый на младшей дочери Валентиниана III Плацидии. Благодаря дипломатическим усилиям несколькими годами ранее эту пару удалось вернуть из вандальского плена. Новый режим продержался недолго. И Рицимер, и

Олибрий скончались от болезни осенью 472 года с разницей в несколько недель*.

Командование армией в Италии перешло к племяннику Рицимера Гундобаду. В 473 году он возвел на трон нового императора, выбрав для этой роли придворного, чиновника по имени Глицерий. Император Лев отказался признать его. Гундобад, бывший не только римским офицером, но и бургундским принцем, в какой-то момент решил, что попытку добиться власти и успеха лучше предпринять среди своего народа. Преследуя свои честолюбивые цели, он покинул Италию и никогда более туда не возвращался. В 474 году Восточная Римская империя поддержала вторжение в Италию, которое возглавил военачальник по имени Юлий Непот. Глицерия низложили, но пощадили, и он отошел от политики, сделавшись епископом. Императором провозгласили Юлия Непота. Как и в случае его непосредственных предшественников, за пределами Италии о его восшествии на престол мало кто узнал, даже несмотря на то, что его поддержал Константинополь. Именно он принял решение сдать Клермон вестготам, к большой досаде Сидония Аполлинария.

Нельзя сказать, что Непоту никто не бросил вызова — даже в Италии. Командующим тамошними войсками, несомненно, состоявшими из представителей германских племен, включая значительное количество ругов и герулов с придунайских земель, являлся полководец по имени Орест. Его судьба — даже в большей мере, нежели судьба Гундобада — являет собой пример искажения представлений о верности и образца карьеры, характерного для V века. Несколькими десятилетиями ранее он служил Аттиле в качестве помощника и посла. В 475 году он поднял восстание против Непота; тот бежал из Италии и вернулся на свою прежнюю базу в Далмации. Константинополь выразил протест, но не оказал ему никакой ощутимой помощи. Лев умер в 474 году. Ему наследовали двое: зять по имени Зенон и сын последнего (внук Льва), семилетний Лев II. Мальчик скончался, не

* См.: Bury (1958). P. 338—341, и Heather (2005). P. 425—426.

прожив и года, и его отец остался единоличным правителем. Зенон — на самом деле его звали Тарасикодисса — происходил из исаврийской знати; его возвели в высокий ранг при константинопольском дворе, и он женился на дочери императора. Его возвышение стало одним из наиболее ярких следствий благоволения Льва к исаврам, необходимого тому для создания военных сил, подчинявшихся ему «через голову» представителей высшего командования вроде Аспара. В 475 году новый император столкнулся с серьезными трудностями: ему бросил вызов узурпатор по имени Василиск. Зенон бежал из Константинополя, который до конца следующего года оставался в руках его соперника. В конце концов Зенон победил; ему и в дальнейшем удавалось справляться с теми, кто угрожал его власти, но вследствие борьбы в Восточной Римской империи в эти годы крупных вторжений на земли Запада не предпринималось*.

В 475 году Орест сделал императором своего юного сына. Мальчика звали Ромулом, но вскоре за ним закрепилось прозвище Августул — «маленький Август». Он пополнил ряд слабых императоров, возведенных на престол командующими войсками в Италии; марионеточный характер его власти более всего бросался в глаза. Влияние командующих зависело от верности им войск; в 476 году солдаты перестали подчиняться Оресту, и их симпатии склонились в сторону другого офицера по имени Одоакр (в армии возникло недовольство, поскольку новое правительство отказало солдатам в требовании наделить их землей — или, быть может, обеспечить их доходом, поступавшим в виде налогов с земли). Орест был убит, его сын смещен; ему разрешили доживать остаток жизни в уединении, но с комфортом. Он не стоил того, чтобы его убивать; Одоакр также не чувствовал, что следует возвести на престол нового императора. Вместо этого он отправил императорские регалии в Константинополь с официальным посольством. Формально империя воссо-

* Bury (1958). P. 389—394, 404—406, Heather (2005). P. 426, Jones (1965). P. 243—245, а также: Lee (2000). P. 49—52.

единилась; Зенон и его преемники правили ею из Константинополя, являясь ее единоличными властителями. В действительности же жизнь на землях бывшей Западной Римской империи пошла своим чередом, и на ее месте появились обособленные друг от друга королевства*.

Одоакр происходил из скиров; очевидно, он не считал возможным (или разумным) пытаться взойти на императорский трон. Вероятно, под давлением своих приспешников он провозгласил себя королем и управлял Италией именно в таком качестве, а не просто как предводитель находившейся там армии. Он сохранил существовавшие административные структуры на уровне регионов и на местах, насколько это было возможно. Сенат по-прежнему собирался; в Риме все так же функционировали городские префекты и другие магистраты. В 484 году был проведен капитальный ремонт Колизея. Даже многие жители Италии, не говоря уж о провинциалах, далеко не сразу заметили, что в Западной империи более нет императора. Задолго до наступления времен, о которых идет речь, императорская власть так ослабела, что факт существования ее обладателя почти утратил свое значение. Оглядываясь назад, многие в Восточной Римской империи оценивали 476 год как весьма знаменательный. Непот прожил там, будучи в изгнании, до самой смерти, последовавшей в 480 году, но никаких усилий для восстановления его власти не предпринималось. В свою очередь, Одоакр вместо того, чтобы отказаться признавать ее, чеканил монеты с именем Непота**.

Однако мало кто мог игнорировать тот простой факт, что верховная власть оказалась принадлежащей армии — состоявшей в основном из иностранцев — по той простой причи-

---

* Heather (2005). P. 428—430, Bury (1958). P. 405—411, и Jones (1965). P. 244—245.

** Об Одоакре см.: *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 183—188; о значении событий 476 г. см.: *Croke B.* AD 476 — the Manufacture of a Turning Point // Chiron. Bd 73. 1983. P. 81—119.

не, что более мощной силы в этом регионе не было. Одоакра, в свою очередь, сместил более авторитетный военачальник — Теодорих, король остготов, вторгшийся в Италию в 489 году. Борьба двух королей тянулась несколько лет; за это время Одоакр смог завладеть Равенной и удерживал ее длительное время. В конце концов вожди заключили мирное соглашение и, согласно ему, разделили власть между собой. Вскоре после этого Теодорих организовал убийство Одоакра и стал править в одиночку*.

Народ Италии никак не мог повлиять на эти события; это относилось ко всем, начиная с баснословно богатых сенаторов и кончая рабами и крестьянами. Ни культурная преемственность, ни наследование институтов не скрыло той прописной истины, что королевства на Западе появились лишь благодаря тому, что влиятельные лица, участники событий, располагали военной силой. Мы видим вовсе не грозную, как прежде, Римскую империю, ворота которой, если так можно выразиться, таранят и в которые врываются вожди варварских племен. Они, конечно, использовали силу для достижения своих целей, и расселение временами сопровождалось крайними жестокостями и насилием, но возможным оно стало благодаря упадку центральной власти. Единственными, кто мог нанести поражение мощным армиям варваров — и, разумеется, множеству небольших отрядов, — являлись другие племенные вожди. История V века стала историей того, как враги империи воспользовались ее слабостью. Так настал конец Западной Римской империи. Появление каждого следующего королевства становилось очередным тяжелым ударом по уменьшившейся державе, отнимало и без того сократившиеся ресурсы. Возникновение новых государств знаменовало ряд важных этапов постепенного процесса, скрытое развитие которого началось значительно раньше.

---

* См.: *Humphries M.* Italy, A.D. 425—605 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 528—530, Bury (1958). P. 422—426, а также: Heather (1996). P. 216—220.

Глава двадцатая

ЗАПАД И ВОСТОК

Теодорих... получил власть как над готами, так и над жителями Италии. И хотя он не заявлял свои права на то, чтобы облечься в одеяние римского императора или присвоить его титул, но именовался «rex» до конца жизни... кроме того, правя своими собственными подданными, он был окружен всем, что по праву рождения принадлежит императору. Ибо он с величайшим тщанием соблюдал справедливость...

Прокопий, историк Восточной Римской империи, около 551 года

Наше королевство — воспроизведение вашего... повторение единственной империи.

*Кассиодор, италийский аристократ, сделавший карьеру на службе у остготских королей, около 537 года**

К концу V века территория, некогда находившаяся под властью Западной Римской империи, оказалась расщеплена на ряд отдельных королевств. Вестготы контролировали значительную часть Галлии и почти весь Пиренейский полуостров. Лишь на северо-западе уцелели остатки королевства свевов. Равным образом васконы — предки басков, согласно утверждениям последних — пользовались практически полной независимостью на своих землях, лежавших вдоль северо-восточного побережья. Вестготы, однако, были не единственной силой, существовавшей в Галлии. На севере располагалось большое королевство франков, на востоке — два поменьше: бургундское и алеманнское. Далеко на севере некоторые области, по-видимому, были заселены саксонцами. В Бретани власть отчасти принадлежала местному населению, отчасти потомкам беженцев, прибывших туда из Британии. Лежавшая за Ла-Маншем Британия была разде-

* Procop. Bella. V. 1. 25—27; Cassiod. Variae. I. 1.

лена на множество отдельных областей, контролировавшихся разными племенами; восток теперь полностью принадлежал властителям-саксонцам или представителям других северогерманских племен. Вандалы продолжали контролировать Северную Африку, хотя на юге им приходилось сдерживать натиск мавров. Наконец, сама Италия оказалась в руках короля Теодориха и остготов. Было бы ошибкой считать, что ситуация на данном этапе характеризовалась стабильностью и устойчивостью. Между возникавшими вновь королевствами (равно как и внутри их) часто вспыхивали конфликты. Предводители устраняли и убивали соперников — как своих сородичей, так и представителей других родов. Одна из ветвей дома Меровингов захватила власть над другими группировками франков; ей было суждено господствовать несколько столетий, и добились они этого, безжалостно искореняя всех и каждого, кто угрожал их власти. Столь же агрессивно они вели себя по отношению к другим силам в Галлии. В начале VI века король Хлодвиг — франк, один из представителей Меровингов — напал на вестготов и в конце концов вытеснил их раз и навсегда на земли южнее Пиренеев. Он также весьма успешно сражался против алеманнов и бургундов. Границы европейских государств возникли не по воле судеб, но в результате длительных, зачастую жестоких конфликтов. Лидеры и их последователи сражались за власть, и в конечном итоге те, кто вышел победителями, смогли создать королевства, просуществовавшие столетия.

В академической среде долгое время было модным мнение, согласно которому в результате эволюции римского — или, как чаще говорили, «позднеантичного» — мира возникли королевства Раннего Средневековья. Конечно, перемены действительно имели место, и кое-что менялось постепенно, что позволяет небезосновательно описывать происшедшее как трансформацию во времени. Однако в целом подобная характеристика глубоко ошибочна. Слово «трансформация», как правило, подразумевает осуществля-

Карта № 13. Европа и Северная Африка в начале VI в.
англы
юты
кельты
саксы
саксы
юты
Рейн
Колония Агриппина
Турнак
Треверы
Могонциак
тюринги
кельты
ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Парижи
Лигер
Аврелиан
Аргенторат
аламанны
Кастра Регина
лангобарды
Вуйе
БУРГУНДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
ОСТГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Дунай
славяне
Драва
гепиды
Бурдигала
Дураний
Лугдун
Генава
Медиолан
Аквилея
Сирмий
Сингидун
Пад
Равенна
Виенна
Роданн
Павия
свебы
баски
Толоза
Арелат
Наисс
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
Дурий
Нарбон
Нурсия
Адрианополь
Константинополь
Ибер
Цезаравгуста
Барцинон
КОРСИКА
Рим
Диррахий
Таг
ВЕСТГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Тарракон
Фессалоника
Толедо
Неаполь
САРДИНИЯ
Кордуба
Новый Карфаген
Сколаций
Афины
Лилибей
СИЦИЛИЯ
Мессана
Тингис
Цезарея
Карфаген
КРИТ
Гиппон Регий
ВАНДАЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Кирена
Места важнейших битв
0
600 км
0
400 мили

емый сознательно и относительно спокойно развивающийся процесс, но перемены, происшедшие в Западной Римской империи, никак нельзя назвать добровольными, если говорить о широких слоях населения. Авторитет варварских вождей, выдвинувшихся в конце IV—V века, зависел от численности войск, повиновавшихся им. Вожди и короли, которых брали на службу имперские власти, были им полезны в первую очередь (и почти исключительно) потому, что они имели в своем распоряжении крупные военные силы. И именно наличие под рукой вооруженных сил делало их значимыми фигурами. Это служило для сменявших один другого императоров основанием разрешить чужакам поселиться на территории Римского государства; то же позволяло вождям захватывать земли, которые власти не отдавали им добровольно. Но каким бы путем ни возникало поселение, ни одно племя не оставалось довольно землями, которые поначалу заняло, и все впоследствии пытались расширить свои владения, применяя силу*.

Новые королевства возникли и приобрели свои очертания благодаря военной мощи их правителей. События разворачивались в меньшем масштабе, и вместо одной обширной державы возникло много самостоятельных государств, но для того, чтобы назвать их создателей империалистами, оснований ровно столько же, сколько для того, чтобы определить так полководцев, которые некогда создали Римскую империю. Сила породила новые державы; сила поддерживала их существование в качестве самостоятельных единиц. Мы видим здесь глубокое отличие от римского периода. Начиная с III века империя страдала от гражданских войн.

* Хорошее представление о круге идей такого рода можно получить, ознакомившись с подборкой выдержек и статей, опубликованных в издании: From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. T. Noble. London; New York, 2006; работы П. Брауна, начиная с монографии «Мир Поздней античности» (*Brown P.R.L.* The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971), также имели большой резонанс.

Римские армии раз за разом вступали в сражения друг с другом, дабы возвести на трон одного из соперников-претендентов. Непрерывное состояние войны ослабляло многие приграничные территории. Значительные области ряда провинций не были защищены от набегов из-за границы в течение столетий. И в том и в другом отношении ситуация в Римской империи очень долго была весьма неблагополучна. Трудно сказать, насколько она изменилась в худшую (или лучшую) сторону, когда империя исчезла и возникли королевства. По обыкновению, очень многое зависело от того, где жил человек; важную роль играла и случайность. Однако в одном отношении имели место глубокие изменения к худшему. В прошлом население той или иной провинции не бралось за оружие, чтобы устроить набег на провинцию, лежащую по соседству, или завоевать ее. Гражданские войны всегда велись, если можно так выразиться, на более высоком уровне. Теперь военные действия носили более локальный характер и, вероятно, в результате участились, тогда как их последствия утратили прежнее важное значение. Что же до новых королевств, то военное соперничество меж ними стало частым явлением*.

В данном случае мы вовсе не стремимся воскресить старое стереотипное представление о варварах, неустанно вершащих жестокости и насилие. Да, новые королевства появились вследствие применения силы, но все добившиеся значительных успехов предводители варваров понимали, что угрозы зачастую были внушительнее, чем само насилие, и примирение обеспечивало еще более широкие возможности. В борьбе за власть, круша врагов-иноплеменников и

* Прекрасный разбор дискуссий по вопросам, связанным с войнами данного периода, см. в работе Г. Холсолла: *Halsall G.* Warfare and Society in the Barbarian West, 450—900. London; New York, 2003; более общий обзор изменений на территории империи — в работах: *Moorhead J.* The Roman Empire Divided 400—700. London; New York, 2001; *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568. Cambridge, 2007. P. 284—357.

соперников из числа своих же родичей, эти вожди были беспощадны. Война в Древнем мире при любых обстоятельствах обычно принимала варварские формы. Очевидно, временами совершались ужасающие жестокости, шла резня, творилось насилие. Но те, о которых идет речь, являлись не просто головорезами, стремившимися только разрушать. Добившиеся успеха вожди были столь же проницательны и честолюбивы, сколь и жестоки: они хотели не уничтожить империю, но получить власть над частью ее территорий, а также наслаждаться удобствами и благами цивилизации. Они ставили перед собой цель создать королевства и обеспечить их стабильное существование, а не просто грабить и уничтожать. Как однажды заметил император Тиберий, намерение состояло в том, чтобы «остричь» провинциалов, а не «содрать с них шкуру»*.

Не только прагматизм приводил к тому, что эти лидеры держались в определенных рамках. Как обычно, мы не располагаем достоверной статистикой численности населения в данный период. Однако даже при смелых предположениях численность самых больших варварских племен оценивается не более чем в сто тысяч человек, включая мужчин, женщин и детей. Если соотношение половозрастных групп было пропорциональным, то варварам вряд ли удалось бы выставить на поле боя более чем тридцатитысячное войско; более вероятно, что численность его была меньшей и составляла двадцать—двадцать пять тысяч человек. В реальности варварские племена, поселившиеся на территории империи, вероятно, были куда меньше, и их военные силы исчислялись скорее тысячами, чем десятками тысяч человек. Никто не оценивает население каждой из таких провинций, как Испания, Северная Африка, Галлия или Италия, менее чем в несколько миллионов человек. Речь не шла об уничтожении местных жителей «под корень» и замене их поселенцами из числа вновь прибывших. Вероятно, одним из немно-

* Sueton. Tib. 32. 2.

гих исключений стала Восточная Британия в V веке, хотя, как мы убедились, соответствующие свидетельства можно интерпретировать по-разному. Обычно те, кто приходил с вождями, создававшими новые королевства, имели только одну возможность — жить бок о бок с уже обитавшим на соответствующих территориях населением. Равным образом, последнее могло лишь принять власть новых хозяев; это происходило даже в тех случаях, когда они ни разу не видели гота или франка (бывало и такое). И оккупационная армия, и жители оккупированных провинций попросту должны были принять новую ситуацию и воспользоваться ею наилучшим образом*.

Новые королевства

Главными факторами, сопровождавшими расселение варваров в провинциях Западной Римской империи, стали принуждение и оккупация. Сохранение различных институтов и — в значительной мере — культуры не должно скрывать от нас этого факта. Во всех появившихся королевствах произошло «наложение» элиты, сформировавшейся из военной верхушки при новом режиме, на существовавшие структуры. Многие богатые фамилии, представители прежней аристократии, уцелели; их богатства и земли в большей или меньшей степени остались нетронуты. Убедить этих людей принять новый режим означало предотвратить ситуацию, при которой те возглавили бы масштабное сопротивление. Некоторые охотно окунулись в жизнь при королевском дворе. Сидоний Аполлинарий подшучивал над приятелем, который так овладел бургундским языком, что утверждал, будто сами бургунды считались с его мнением в вопросах касательно бургундского языка. В другой ситуации Сидоний высмеивал якобы существовавший у

* См., например: *Moorhead J.* Theodoric in Italy. Oxford, 1992. P. 66—68; *Heather P.J.* The Goths. Oxford; Cambridge, 1996. P. 236—242.

бургундов обычай смазывать волосы прогорклым маслом. Презирая варваров в душе, римляне тем не менее выказывали им уважение на публике; в особенности это касалось предводителей варваров. У представителей племен римляне позаимствовали некоторые манеры и моду, хотя так как те некогда переняли их от римлян прежних поколений, а римляне с давних пор стали носить «германские» длинные туники и штаны, в результате получился своего рода гибрид. Имеются сведения о провинциалах, служивших при дворе вандалов, поскольку тем, кто носил вандальское платье (а в их число, очевидно, входили многие из этих людей), запрещалось посещать богослужения по католическому обряду, за исключением тех служб, что шли в арианской церкви*.

Насчет того, как именно в новых королевствах земля оказалась распределена между варварами, до сих пор идут жаркие дебаты. Согласно мнениям ряда исследователей, поместья конфисковались у хозяев и передавались конкретным новым владельцам из числа варваров, которые начинали управлять ими как своей собственностью. Главная из альтернативных точек зрения состоит в том, что отнималась и передавалась не земля, но государственные доходы от сбора налогов с нее. В результате две трети налоговых сборов, некогда поступавших в распоряжение имперской администрации — и, по крайней мере теоретически, в основном тратившихся на содержание армии, — теперь доставались конкретным лицам из числа варваров. В Италии Теодорих и его преемники подчеркивали, что римляне и готы взаимно дополняют друг друга: «Пока готская армия воюет, римляне могут жить в мире». Таким образом, налоговые поступления, прежде предназначавшиеся для финансирования военной машины Рима, ныне шли непосредственно на содержа-

* О друге Сидония Аполлинария, свободно говорившем по-бургундски, см.: Sidon. Apollin. Epist. V. 5; об обычае смазывать волосы маслом — Carmen. 5. 238—242; о католиках, одевавшихся по-вандальски, — Vict. Vit. Hist. II. 8.

ние солдат-готов. Передача доходов, а не земель рассматривается также как менее болезненная, и отсутствие явных свидетельств трений между землевладельцами и готами расценивается именно как ее следствие. С другой стороны, предположение, будто воинам определили доход, возможно, собиравшийся лично ими, вызывает в уме менее мирную картину и заставляет предположить наличие значительных возможностей для насилия и вымогательства*.

В конце концов, у нас недостаточно свидетельств, дабы с точностью утверждать, какую именно роль играла земля в жизнеобеспечении варваров. Вероятно, ошибкой будет предположить, что в разных областях и в разные периоды дело обстояло одинаково. Очевидно, что с течением времени знать варварского происхождения получала обширные поместья непосредственно в собственность. Как это происходило, непонятно: равным образом возможны покупка, присвоение силой, конфискация, дар короля и женитьба на ком-то из представителей землевладельческой аристократии. Очевидно, что кое-кто из «бывших» сохранял привилегированный статус, но он всегда был ниже, нежели у равных им представителей варваров. Различие в статусе также не совпадало с тем, которое, согласно римскому праву, существовало между военными и штатскими. Готы в Италии, как и представители иных племен на иных территориях, явля-

* Главным сторонником концепции передачи доходов, а не самой земли является В. Гоффарт (*Goffart W.* Barbarians and Romans: The Techniques of Accommodation Revisited. Princeton, 1980); он стойко защищает свою позицию также в книге: *Goffart W.* Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006. P. 119—186. Противоположная точка зрения содержится в проницательных замечаниях *Liebeschuetz W.* Cities, Taxes, and the Accommodation of the Barbarians: The Theories of Durliat and Goffart // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. T.F.X. Noble. London; New York, 2006. P. 309—323). О пропаганде Теодориха насчет ролей готов и римлян см.: Moorhead (1992). P. 71—75; более подробно см.: *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy, 489—554. Cambridge, 1997. P. 43—85. Цитируется текст Кассиодора (Variae. XII. 5. 4).

лись не просто солдатами, но солдатами оккупационной власти*.

Ассимиляция пришельцев никогда не происходит быстро. На практике власть нового короля и его войск зиждилась на их обособленности: она проявлялась в том, что в их распоряжении находились все военные силы в королевстве. По поводу того, являлись ли остготы, вестготы, вандалы, франки или другие племена гомогенными в этническом отношении группами, продолжают идти яростные споры. Существует немало веских свидетельств, что все они в тот или иной момент принимали в свои ряды отдельных иноплеменников или целые их группы. Но каким бы в точности ни был этнический состав племени, каждое из них сохраняло обособленность от широкого населения, которое подчинялось ему. Любое смешение представляло собой процесс и осуществлялось на протяжении жизни нескольких поколений. Африка вандалов и Италия остготов пали в то время, когда процесс этот почти завершился. Повсюду культура и язык провинциального населения были наименее подвержены изменениям в течение длительного времени. Франки и вестготы в конечном итоге заговорили по-латыни, так что в наши дни и французский, и испанский языки имеют отчетливые латинские корни. Британия явилась исключением: англосаксы по-прежнему говорили на языке германской группы, хотя латынь продолжала использоваться в качестве литературного языка и в делах правления.

Одним из главнейших препятствий являлась религия. К началу расселений практически все племена варваров приняли христианство. Франки обратились едва ли не последними из жителей континента; дольше них сопротивлялись только саксы в Британии. Франки приняли католицизм (что необычно): практически все прочие группы германцев состояли из ариан, и это служило постоянным напоминанием

* Moorhead (1992). P. 75—80, а также: *Charles-Edwards T.* Law in the Western Kingdoms between the Fifth and the Seventh Century // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 260—271.

о том, что они отличались от остального населения. Вандалы проявляли наибольшую воинственность в своих нападках на католицизм, используя законы, с помощью которых в империи осуществлялось противодействие еретикам. Вследствие особых условий, сложившихся в Северной Африке (где со времен донатистской схизмы фактически существовали бок о бок две церкви), враждебность к католикам затронула не все население. Католические епископы и священники были изгнаны со своих кафедр и терпели другие притеснения. Ариане и представители других ветвей христианства, напротив, встречали дружественное отношение, хотя к VI веку вандальские короли смягчились и некоторые католические епископы вернулись в свои епархии.

Прямые нападки на католицизм нигде не стали частым явлением. Готские короли в Италии и Испании строили для ариан церкви и делали в них вклады, но, по-видимому, никто не предпринимал значительных усилий, дабы превратить католиков в ариан. Действительно, официальное отношение к католическим храмам и епископам всегда было уважительным, пусть это и определялось только политическими причинами. Арианство представляло собой всего лишь одну из характерных черт оккупационной власти наряду с внешним видом новых властителей и их манерой одеваться; та его форма, которой следовали правители западных королевств, вероятно, имела мало общего с идеями Ария и его ближайших последователей. Трудно выделить какие-либо свидетельства серьезных трений в этих королевствах, связанные с религией. С другой стороны, нет и свидетельств, заставляющих предположить, что переход в католицизм короля франков Хлодвига и его преемников вызвал у населения взрыв симпатий к ним. Со временем все королевства, которым суждено было уцелеть в последующие столетия, стали католическими*.

---

* См. Moorhead (2001). P. 54—56, 58—60, и Moorhead (1992). P. 95—97, Amory (1997). P. 195—276, Heather (1996). P. 245—258; *Todd M.* The Early Germans. 2nd ed. Oxford, 2004. P. 150—163, 166—171, 177—178, а также: *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 169—182, 199—213.

Даже на начальных этапах расселения большинство вождей — а также, вероятно, многие их сподвижники — успели испытать значительное влияние римской культуры. Отец Хлодвига Хильдерик был погребен близ Турне в могиле, обнаруженной только в XVII веке. Предметы погребального инвентаря включали кольцо с латинской надписью «[вещь] короля Хильдерика» (Childerici Regis), которое, по-видимому, использовалось в качестве печати. Фигура Теодориха, правителя остготов, отнявшего власть над Италией у Одоакра, может послужить прекрасной иллюстрацией переменчивого характера политических союзов и превратностей судеб людей того времени. Он родился в гуннской империи, вероятно, незадолго до смерти Аттилы. Позднее, в возрасте с восьми до восемнадцати лет, он в качестве заложника воспитывался при дворе Восточной Римской империи в Константинополе. После этого вернулся к своим соплеменникам и стал вождем остготов, добившись больших успехов как военачальник. В эти годы он сражался против различных варварских племен — и, что примечательно, против других остготов, в том числе могущественного Теодориха Страбона (т.е. Косого). Он воевал и за, и против римлян, хотя, возможно, в конечном итоге перебрался в Италию именно с одобрения императора. Позднее ходили слухи, будто Теодорих был полуграмотен. Говорили, что у него имелся трафарет со словом legi («я прочел»), так что он мог написать это слово на любом одобренном им документе. Однако имеются веские основания усомниться в этом анекдоте. Какое бы образование он ни получил, куда важнее, что в основанном им королевстве и администрация, и правительство сплошь состояли из грамотных людей*.

Люди, подобные Теодориху, кое-что знали о ритуалах и символах, которыми изобиловал быт римского императора. В этой связи кажется еще более поразительным, что они не

* См. Moorhead (1992). P. 1—31, и Wolfram (1997). P. 199—203; анекдот про «legi» см. в анонимном повествовании: Valesian. 79; анализ его проводится в работе Moorhead (1992). P. 104—105.

копировали их, а представляли себя как носителей меньшей власти. Ибо весь церемониал, ритуалы и почести при дворе в новых королевствах были куда скромнее, чем при императорском дворе. Короли вели себя скорее как римские магистраты или губернаторы провинций, нежели как императоры. Сидоний Аполлинарий, подробно описавший повседневную жизнь вестготского короля Теодориха, замечает, что во время придворных церемоний он сидел на стуле, подобно магистрату, а не на императорском троне. Вначале все это могло поддерживать иллюзию, будто все королевства во многих отношениях оставались частью империи. В провинциях континентальной Европы продолжали руководствоваться римским правом; короли не присваивали приличествовавшую императору прерогативу издания новых законов. Вместо этого они модифицировали уже имевшиеся и в некоторых случаях издали новые кодексы, сводившие воедино существовавшее законодательство, а также юридически описали взаимоотношения между варварами и римлянами. Варварам всегда давалось право быть судимыми своими соплеменниками. Представляется, что законодательные принципы в новых кодексах более обязаны римским идеям, нежели какой бы то ни было «германской» традиции. Ключевым моментом стало то, что они узаконили более высокий статус одного из элементов общины. Нельзя сказать, что королевства варваров не придерживались закона — они просто изменили его в пользу оккупационной власти*.

У нас имеется мало свидетельств того, что стандарты жизни провинциального населения немедленно и неожиданно пришли в упадок. В случае ряда областей вообще трудно увидеть какие-либо отличия между римским и послеримским периодами. Некоторые из варваров-монархов продолжали устраивать игры — обычно звериные бои, и

* Sidon. Apollin. Epist. I. 2. 4; *Barnwell P.* Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395—565. Chapel Hill, 1993. P. 73—74, 129—145; о законодательстве см. у Т. Чарлза-Эдвардса: Charles-Edwards (2000). P. 260—287.

многие цирки и амфитеатры продолжали использоваться в течение некоторого срока. Системы водоснабжения также продолжали поддерживаться в прежнем состоянии во многих городах. Велось и строительство; обычно возводились храмы, и так как они были по преимуществу арианские, то этим фактам обычно уделялось не слишком большое внимание в источниках, по преимуществу католических. В целом они были меньшего размера, нежели церкви, строившиеся под патронажем императора. Более обширная работа велась по починке и поддержанию уже существовавших зданий. Вестготы восстановили центральные пролеты большого арочного моста, который и по сей день стоит в Мериде (тогда называвшейся Августа Эмерита), в Испании. Новые памятники значительной величины почти не создавались или не создавались вовсе, но после расцвета, пережитого империей во II веке, это касалось многих городов Поздней империи. Технические навыки, по-видимому, утрачивались медленно. Наступил момент, когда недостаток знаний, равно как и средств, уже не давал возможности создавать более сложные конструкции, требовавшие инженерного мастерства, столь распространенные в годы владычества Рима. Даже базовые технологии вышли из систематического употребления. Практически по всей Европе на смену черепичным крышам пришли соломенные, и деревянные или глинобитные постройки стали куда более распространены, нежели каменные или кирпичные*.

* Значительно более подробно влияние падения Римской империи на материальную культуру см. в работе Б. Уорд-Перкинса: *Ward-Perkins B.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005. P. 87—168. Хотя ситуация в некоторых районах и конкретных общинах могла отличаться от обрисованной им унылой картины, общая аргументация выглядит в высшей степени убедительно. Дискуссию, посвященную положению дел в провинциях в IV—V веках, см. в работе Э. Свифта (*Swift E.* The End of the Western Roman Empire: An Archaeological Investigation. Stroud, 2000), где доказывается, что переход от римского правления к правлению варваров не всегда отражается в археологических данных.

В целом более благоприятная ситуация сложилась в районах, имевших наилучший доступ к морю, — прежде всего омывавшихся Средиземным морем или находившихся неподалеку от него. В этих областях продолжала идти торговля с удаленными землями (правда, в качестве товаров выступали прежде всего предметы роскоши — легкие по весу и наиболее доходные). Восточная Римская империя попрежнему поставляла шелк, специи и другие экзотические товары из Индии и более далеких стран, и некоторые из них попадали на Запад. В отдалении от Средиземноморья торговля, по-видимому, в значительной мере приобрела локальный характер (в некоторых случаях такое наблюдалось еще в годы правления римлян). Подавляющее большинство населения стало использовать грубую керамику, распространенную в прошлом. Экономика в новых королевствах, похоже, вообще не росла; то же можно сказать и об уровне комфорта их обитателей. Самое лучшее, что в этом случае можно сказать о начинаниях новых властей, сводится к тому, что они не оказали такого воздействия на вышеуказанные сферы, которое явилось бы непосредственным и определяющим. И все же, безусловно, тенденция сводилась к снижению уровня жизни, отказу от технических достижений, уменьшению благосостояния. «Роскошества» цивилизации — застекленные окна, центральное отопление, банные комплексы и сами по себе товары народного потребления во всем их объеме — не доставались всем без исключения, но получили широкое распространение. Со временем же они вовсе исчезли из обихода жителей Европы времен Раннего Средневековья.

Перемена эта, разумеется, не явилась делом чьих-то рук и в большинстве случаев осуществлялась постепенно, в течение жизни нескольких поколений. Сами по себе размеры Римской империи, существовавшая в ней единая политическая власть, общие для всех закон и валюта, а также сложная система налогообложения оказывали на экономику стимулирующее воздействие. Однако учтем такой простой

факт, как различие условий, сложившихся к концу V и в VI столетии. Произошло не только масштабное сокращение торговли — жизнь вообще стала проще и приобрела, если так можно выразиться, локальный характер. Даже обмен идеями значительно замедлился. Ведь по крайней мере в течение жизни нескольких поколений уцелевшие в западных провинциях бывшей империи аристократы продолжали давать своим детям во всех отношениях традиционное образование. Большинство отличалось начитанностью, некоторые — изрядной. Но мало кто (а быть может, вообще никто) владел и латынью, и греческим, что прежде встречалось нередко и являлось показателем подлинной образованности*.

Латынь сохранялась в обиходе во многом благодаря церкви; церковь также поддерживала связи между областями, невзирая на политические границы. Однако нам следует соблюдать осторожность в оценках. Институт средневековой католической церкви не вошел готовым в жизнь людей, но развивался весьма постепенно. Со временем папа римский приобрел роль, чем-то напоминающую роль императоров Запада, и даже частично принял их титулы и церемониал. Однако власть папы была чрезвычайно ограниченной и временами оспаривалась. Хотя различные церковные институты приобретали богатство и земли, центр мало влиял на их распределение. Короли Запада — в особенности остготские короли в Италии — в целом уважали епископов, прежде всего римских. Они делали это не оттого, что подчинялись тем или иным правилам, а потому, что это имело важное политическое значение. Благодаря их уважению к церкви новые подданные были довольны властями.

Сохранение таких явлений, как язык, культура и разные институты, — важное явление, однако оно не должно скрывать от нас масштаба перемен. Королевства на территории

* См. также работу Б. Уорд-Перкинса в «Кембриджской древней истории»: *Ward-Perkins B.* Specialized Production and Exchange // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 346—391, где описано состояние экономики в целом.

бывшей Западной Римской империи пользовались полной независимостью. Они поддерживали дипломатические отношения с константинопольскими императорами, но никоим образом не подчинялись им. Они вели между собой торговлю, иногда воевали друг с другом, и у их обитателей было немало общего с народом в других королевствах. Однако все же они были полностью обособлены друг от друга — обособлены в куда большей мере, чем соответствовавшие им области в прежние времена, когда они имели статус провинций. В современном мире во многих бывших колониях сохраняется очевидное наследие долгосрочной оккупации со стороны империи. Пережитки прошлого обнаруживают себя в языке, законодательстве и формах политических институтов. Очертания границ зачастую соответствуют тем, что некогда были проведены имперскими властями, и в результате возникает смешение групп, различных в этническом или культурном отношении. Отпечаток, оставленный имперской властью, нельзя не заметить. Но несмотря на это, жители чрезвычайно удивились бы, если бы им сказали, что их независимость в чем-то неполна.

Империя, которая не пала

Император Зенон во все годы своего правления сильно нуждался в деньгах (отчасти вследствие колоссальной стоимости неудавшейся экспедиции в Африку в 468 году). Он также столкнулся с чередой серьезных внутренних угроз, и во многих отношениях знаменательно, что он смог продержаться у власти семнадцать лет. Почти два года ушло у него на то, чтобы подавить восстание Василиска, шурина императора Льва; в какой-то момент Зенону пришлось бежать на родину в Исаврию. Василиск допустил ряд серьезных промахов, и когда один из главных его сторонников-военачальников, склонившись на просьбы Зенона, перешел на сторону последнего, стало ясно, что крах восстания близок. Зенон вновь занял Константинополь в 476 году. Василиск был каз-

нен вместе с сыном, которого сделал своим соправителем. Через несколько месяцев еще одной жертвой стал тот командующий, чье отпадение от узурпатора сделало возможной победу Зенона. Восстановленный на престоле император не хотел рисковать.

Следующим узурпатором стал зять Льва Маркиан. Его провозгласили императором в 479 году; он попытался овладеть Константинополем, но потерпел полное поражение. На сей раз Зенон проявил большее милосердие: узурпатора заставили принять духовный сан и отправили в изгнание. Оба бросивших вызов Зенону пользовались поддержкой гота Теодориха Страбона. На какое-то время он вступил в союз с другим Теодорихом; их объединенные силы опустошили фракийские провинции и даже приблизились к Константинополю, намереваясь захватить его. Все попытки силой одолеть Страбона потерпели неудачу, но в 481 году он внезапно скончался. Другому Теодориху Зенон пожаловал звание magister militum (этот титул имел также и Страбон, когда его отношения с константинопольским режимом налаживались, что происходило несколько раз) и задействовал его, дабы тот справился с сыном Страбона. Многие из уцелевших воинов последнего присоединились к войску самого Теодориха, тем самым значительно усилив его*.

Зенон добился наибольшего успеха из всех представителей исаврийской знати, возвышенной императором Львом. Однако появились явные признаки недовольства возвышением исавров со стороны других офицеров; свидетельством их непопулярности у широких слоев населения стал тот факт, что во время волнений в Константинополе именно

* См. работы А. Ли (*Lee A.* The Eastern Empire: Theodosius to Anastasius // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 49—52), М. Уайтби (*Whitby M.* The Balkans and Greece, 420—602 // Ibid. P. 712—714), Дж. Бьюри (*Bury J.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. New York, 1958. P. 389—396, 411—422, а также А. Джонса: *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire 284—602. Oxford, 1964. P. 224—227.

они оказались жертвами толпы. То, что император был исавром, еще не гарантировало верности офицеров-соплеменников. Разочарование, а также, весьма вероятно, давнишняя личная вражда привели к тому, что двое исавров подняли восстание в 484 году. Лидеры мятежа обратились за помощью к персам, но реальную помощь получили только от одного из сатрапов Армении. Зенону удалось собрать армию, состоявшую из сильных контингентов готов и ругов, а также регулярных войск. Мятежники быстро потерпели поражение в битве, хотя для того, чтобы взять их последний оплот и окончательно подавить восстание, потребовалось четыре года. К этому времени Теодорих и его люди покинули Придунавье и перебрались в Италию. Вне зависимости от того, пытался ли Зенон привлечь их для борьбы с Одоакром, он, несомненно, был рад, что этот могучий и непостоянный союзник ушел из Восточной империи*.

Зенон умер от болезни в 491 году. Он не оставил наследника, и после длительных дебатов при дворе было решено предоставить выбор его вдове Ариадне, дочери Льва. Она избрала человека, которому уже перевалило за пятьдесят, — чиновника при императорском дворе, по имени Анастасий, и сразу вышла за него замуж. Его возвышение повлекло за собой новую череду волнений в Исаврии, поначалу имевших целью удовлетворить интересы брата Зенона, Лонгина, избрания которого императором двор старался избежать больше всего. Анастасий быстро отправил Лонгина в изгнание и дал восстанию вооруженный отпор. С той же жестокостью он пресек беспорядки в Антиохии и самом Константинополе, что, по-видимому, стало причиной его непопулярности у широкого населения. Несмотря на трудности в начале царствования, Анастасий показал себя талантливым политиком и добился больших успехов как правитель: он занимал трон вплоть до смерти, последовавшей через двадцать семь лет. При нем значительно улучшилась финансо-

* Bury (1958). P. 397—400, а также: Jones (1965). P. 228—229.

вая ситуация в империи, что позволило ему существенно пополнить казну*.

Восточная Римская империя, которой управлял Анастасий, отчетливо напоминала империю в момент ее создания в 395 году. Хотя он провел денежную реформу и предпринял много усилий, чтобы добиться от бюрократии максимальной эффективности, структуры государственной гражданской службы, ее ведомства и отделы, в сущности, не претерпели изменений. В юридической практике, а также в официальных документах продолжала использоваться латынь, хотя для большинства бюрократов она не являлась родным языком. Анастасий реформировал систему выплат в армии: основная их часть теперь вновь стала денежной, прежде солдаты получали одежду, снаряжение и продовольствие. По-видимому, в результате его усилий военная служба сделалась гораздо привлекательнее для населения, появилось достаточно волонтеров для удовлетворения потребности армии в солдатах. В будущем власти стали несколько меньше пользоваться услугами наемных отрядов и контингентов союзников**.

В 395 году бюрократия в обеих половинах империи почти не различалась с точки зрения ее организации; то же можно было сказать о вооруженных силах. Менее чем за сто лет армия на Западе исчезла; перестало функционировать и административное управление на уровне выше провинциального. Еще более заметный факт: сам пост императора на Западе оказался упразднен. То, что восточная половина империи, очевидно, точно такая же, как западная, после краха императорской власти в последней продолжала существовать, часто используется для доказательства большего влияния на судьбу Запада внешней угрозы, а не внутренних проб-

* См. исследования А. Джонса (Jones (1965). P. 230—337), А. Ли (Lee (2000). P. 52—62), Дж. Бьюри (Bury (1958). P. 429—452); о мятеже в Исаврии против Анастасия см. *Haarer F.* Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, 2006. P. 11—28.

** Об армии см.: *Treadgold W.* Byzantium and its Army, 284—1081. Stanford, 1995. P. 13—15, 149—157; об административных органах в целом см. *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004.

лем. Согласно этой логике, если Восток уцелел, то базовые структуры империи конца IV—V века не могли иметь роковых изъянов*.

Наиболее очевидное отличие Востока от Запада определялось расселением варваров. Восточная империя подверглась мощным нападениям по всей длине придунайской границы: армия великой империи Аттилы неоднократно избирала мишенью этот регион, причиняя ему значительный ущерб. Лишь в последние годы своего правления он обратил войска против Запада. Гуннская держава рухнула вскоре после его смерти, но его сыновья организовали несколько больших набегов на территорию, принадлежавшую Риму. Некоторые державы, возникшие в результате крушения империи Аттилы, прежде всего созданные несколькими группами остготов на границах с Паннонией и Фракией, повели себя столь же враждебно. Позднее, в V и VI веках, новые племена — такие как булгары, славяне и авары — вошли в контакт с империей на приграничных территориях и действовали так же воинственно и агрессивно. Начиная с 382 года и далее несколько варварских племен получили дозволение поселиться на территории империи. Впоследствии часть их вновь мигрировала, причем все без исключения перебирались на земли Запада. Мы куда меньше знаем о мирных племенах, нежели о воинственных (что неизбежно). В отличие от правителей на Западе императорам Востока не пришлось смириться с постоянной оккупацией варварскими племенами значительной части своих провинций.

Свою роль в этом сыграла география. Босфор представлял собой постоянно существующую преграду, чрезвычайно затруднявшую для любого племени проникновение в Азию. Персия была великой державой. Однако куда проще было сладить с одним монархом, чем с многочисленными вождями и военными диктаторами, соперничавшими между собой. В особенности это справедливо в отношении ситуации,

* См., например: *Heather P.J.* The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 443—449.

сложившейся в V веке, когда персидская монархия ослабела и ее правители почти перестали предпринимать масштабные нападения на соседей-римлян. Кроме того, перед ними возникла серьезная проблема: на северной границе появились «белые гунны», чья враждебность постоянно усиливалась. Трудности на восточной и южной границах империи по самой природе своей глубоко отличались от тех, что имелись в Европе. На юге и востоке отсутствовало давление со стороны различных лидеров, которые хотели урвать кусок территории и навсегда завладеть им. Императоры Востока не теряли одну за другой провинции и доходы, отходившие к варварам. Ресурсы, находившиеся в их распоряжении, в течение V века оставались в основном прежними. Расходы на экспедиции для отвоевания Африки у вандалов обошлись Восточной империи недешево, но, несмотря на все сопряженные с этим трудности, понесенные ею потери имели временный характер*.

В конце V века Восточная Римская империя оставалась нетронутой и располагала своими ресурсами в полном объеме. Археологические данные свидетельствуют, что восточные провинции процветали, численность населения была высока, сельское хозяйство — весьма продуктивно. Опять-таки в целом отсутствие набегов в течение столетия представляло существенный контраст с тем, что наблюдалось в западных провинциях, и, несомненно, способствовало процветанию Востока. Фракия и Паннония страдали от нападений врагов куда больше; население покинуло приграничную территорию, и ее заняли варварские племена. Доходы с прочих территорий обеспечивали финансирование защиты (хотя бы частичной) этих областей. Они также сделали возможным строительство мощных оборонительных сооружений, прежде всего стены Феодосия, благодаря которой Константинополь оставался неприступным для вражеских атак до XIII века, когда город подвергся штурму во время IV крестового похода. Полная безопасность в регионе в V веке,

* См.: Ward-Perkins (2005). P. 57—62.

однако, отсутствовала, и императоры, сменявшие друг друга на троне, вынуждены были сохранять политическое равновесие, воюя, умиротворяя и подкупая военных лидеров, действовавших в этой области. Многим из них римляне выплачивали субсидии или дань, чтобы те сохраняли мир; других назначали командующими в армии. Но как ни часто возникали тревожные ситуации на данной границе, в целом вследствие географического положения проблемы имели локальный характер, и враги один за другим предпочитали продвигаться на запад*.

Восточная империя продолжала оставаться достаточно богатой, чтобы содержать регулярную армию и аппарат чиновников. Ни та, ни другой ни в каких отношениях не превосходили аналогичные институты Западной империи конца IV века, но их упадка и гибели вследствие недостатка средств не произошло. Как всегда, стоит напомнить себе, что сам факт существования подобных институтов — пусть несовершенных — радикально отличал римлян ото всех их соседей за исключением персов. Ни одно из варварских королевств, созданных на территории Западной империи, не могло содержать достаточно многочисленную или хорошо обученную армию. Восточная же империя имела такую возможность и после реформ Анастасия оказалась менее зависима от наемников, союзнических контингентов или рекрутов, призывавшихся насильно. Это было обширное, здоровое и могучее государство. Во многих ситуациях ему и не требовалось действовать с особой эффективностью.

К концу IV — началу V века и Западная, и Восточная империи уже несколько десятилетий переживали ситуацию,

* См. Heather (2005). P. 110—115, где обсуждается новаторская работа Ж. Чаленко: *Tchalenko G.* Villages antiques de la Syrie du Nord. T. 1—3. Paris, 1953—1958; см. также: *Roueche C.* Asia Minor and Cyprus // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 583—585; *Ward-Perkins B.* Specialized Production and Exchange // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 328—332, и в особенности: *Foss C.* Syria in Transition, AD 550—750: An Archaeological Approach // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 51. 1997. P. 189—269.

когда правители оказывались на троне еще в детстве и до конца оставались слабыми, легко поддающимися влиянию. За это время императоры отошли от активного участия в кампаниях, да и от общественной жизни как таковой, если не считать сложных придворных церемоний. Тенденция оказалась нарушенной лишь частично в случаях вроде того, когда Майориан возглавил кампании в Галлии и неудачную экспедицию в Африку. Борьба за влияние на этих императоров, сменявшихся на троне, часто отличалась жестокостью. В Западной империи военачальники фактически (но не номинально) правили сами. Да, формально правителями они не являлись, и всегда существовала опасность, что соперники бросят им вызов, но это не делало их власть менее реальной. Рицимер показал, как легко возводить императоров на трон и сбрасывать их с него, в особенности после того как прервался род Феодосия.

По сравнению с другими провинциями империи в западных всегда возникало, если можно так выразиться, непропорционально много узурпаторов. Все они нуждались в военной поддержке, а в тех областях находилось значительное число солдат, и этого, возможно, уже было достаточно. Однако более вероятно, что постоянная угроза набегов и вторжений вызывала у жителей этих областей ощущение, что центральное правительство ими пренебрегает. Учтем также тот простой факт, что каждая следующая гражданская война побуждала иноземцев к новым вторжениям. Удачливые узурпаторы показывали пример того, чего можно добиться. После поражений неизбежно появлялись недовольные, существующий режим оставлял им мало надежд, и они стремились заменить его. Эта ситуация в течение V века воспроизводилась в Западной Европе снова и снова (как в тех случаях, когда конфликт затевался действительно с целью возвести на трон нового императора, так и в тех, когда речь шла лишь о влиянии на правившего). Большинство императоров Западной Римской империи V века, равно как и командующих вооруженными силами, умерли насильственной смертью.

Стилихон и Аэций были убиты, Бонифаций умер от ран. В отличие от них Констанций и Рицимер прожили достаточно долго, чтобы умереть от естественных причин.

Нельзя сказать, что Восточная Римская империя вовсе не знала гражданских войн; большая часть их имела место в годы правления Льва. Однако все же они были менее частым явлением, чем на Западе. Борьба за власть при дворе по-прежнему носила интенсивный характер, но лишь иногда принимала жестокие формы и куда реже приводила к полномасштабной войне. Хотя в Восточной империи появилось несколько очень влиятельных военачальников и некоторые из них обладали значительной властью, они никогда не достигали такого влияния, как Аэций в Западной империи. В большинстве случаев при дворе имелись и другие силы, так что ничье влияние не было преобладающим. Из всех военачальников наибольшего успеха добился, вероятно, Зенон: служа в армии, он возвысился настолько, что женился на дочери императора и в конце концов наследовал ему. За исключением сына Зенона, прожившего столь мало, все, кто взошел на трон после смерти Феодосия II, к тому времени достигли зрелых лет. Никто из них не был марионеткой, хотя всем пришлось бороться за избавление от влияния значительных фигур в армии и при дворе. Их успех не был чем-то неизбежным, но то, что они смогли преодолеть подобные испытания, свидетельствует о существенном отличии баланса власти от того, что имел место на Западе. То же можно сказать о крахе всех узурпаторов, появившихся на Востоке. Успех, как обычно, служил для поддержания самого себя. Царствования Маркиана, Льва, Зенона и Анастасия продлились сравнительно долго; все упомянутые императоры умерли естественной смертью в возрасте, который в то время считался преклонным. Случись так, что кого-то из них сместили бы, это, несомненно, повлекло бы за собой рост нестабильности.

Опять-таки свою роль играло богатство Восточной империи: она была богаче Запада, и ситуация с финансами

здесь носила более устойчивый характер. Нехватка фондов в значительной мере привела к ослаблению власти Зенона; именно из-за нее царствование его оказалось столь неспокойным. На Западе императоры и их военачальники боролись за контроль над постоянно сокращавшимися ресурсами, понимая, что серьезная неудача может оказаться роковой. На Востоке же всегда хватало и денег, и войск, чтобы решить любую проблему: вопрос заключался лишь в том, чтобы обеспечить себе контроль над ними и разумно распорядиться ими. Другой фактор, обеспечивавший стабильность, состоял в самом существовании Константинополя — столицы империи. Это был большой город, пусть и не столь огромный, как Рим во времена своего расцвета. В число аристократов-сенаторов, живших здесь, входили богатейшие граждане из провинций (большинство из них — бывшие чиновники). Здесь также находились чиновники, занимавшие ключевые посты, отделения имперской администрации; все их сотрудники были облечены соответствующими полномочиями; значительность их положения фиксировалась с помощью сложных, тщательно воспроизводившихся деталей облачения и инсигний. Епископ города являлся одной из важнейших в церкви фигур, несмотря на претензии соперничавшего с ним епископа Александрии и на то, что Константинополь по-прежнему признавал высший авторитет папы римского. Наконец, в городе имелось и простое население, которое, подобно обитателям большинства античных городов, часто проявляло непокорство и желало выразить собственное мнение*.

Константинополь был столицей в подлинном смысле этого слова. Здесь располагался центр придворной и административной жизни страны, находилось множество отдельных лиц и группировок, в той или иной мере обладавших политическим влиянием и значимостью. Трудно более отчетливо обозначить контраст, существовавший между ним и Равенной (или даже Миланом, столицей более ранних вре-

* Moorhead (2001). P. 186—188.

мен). Западные императоры находились в изоляции. Власть сената уже давно приобрела чисто символическое значение, хотя он по-прежнему состоял из людей богатых и влиятельных. И те и другие, а также прочие значимые фигуры, включая папу, находились в Риме, и император не имел к ним непосредственного доступа. Постоянный поток просителей и тех, кто искал императорского благоволения, по-прежнему не иссякал в Равенне (как и повсюду, где оказывался двор), но ни в каком другом отношении этот город не имел особого значения. Константинополь был подлинным сердцем Восточной Римской империи. Власть над ним не гарантировала победы над императором, о чем свидетельствовала неудача, в конечном итоге постигшая Василиска, но была весьма важна*.

Восточные императоры в нескольких случаях вмешивались в вопросы престолонаследия на Западе. Отсутствие сил помешало Зенону оказать значимую поддержку Юлию Непоту после его изгнания в 475 году. Последний жил в Далмации до самой смерти в 480 году, оставаясь императором лишь номинально. Константинопольское правительство более никогда не пыталось возродить Западную Римскую империю; его удовлетворяло налаживание отношений с королями, каждого из которых улещивали на тот или иной лад. Франк Хлодвиг даже удостоился консульского звания, хотя, очевидно, не приехал, чтобы пройти эту церемонию лично. Распад Западной империи не повлек за собой возникновения серьезной угрозы в адрес Восточной. Ее положение, пожалуй, стало даже более безопасным, поскольку в Италии перестал существовать двор, способный вмешаться в политику на Востоке и поддержать претендента на трон дипломатическими средствами или силой. На Западе более не осталось никого, кто обладал бы престижем, сравнимым хотя бы с престижем последних его императоров. Ни готские, ни франкские короли не могли заявить претензий на

* Moorhead (1992). P. 144—147.

престол Восточной Римской империи, дабы вторгнуться в ее пределы*.

Справедливо будет отметить, что угрозы, с которыми столкнулись Западная и Восточная империи в V веке, отличались друг от друга. В Восточной империи не было создано независимых королевств, и в течение всего столетия ее территория оставалась практически нетронутой. Это не означает, что структура обеих империй была по сути своей стабильна и что Западная империя пала исключительно вследствие столкновения с непомерной внешней угрозой. Нельзя отрицать, что поселение каждой следующей группы варваров лишало государство значительной доли ресурсов, ослабляя его способность функционировать в будущем. Римлянам становилось все труднее и труднее справиться с любой проблемой. Однако это не отменяет того факта, что еще до появления первых крупных поселений готов в Галлии Западная Римская империя точно так же не справлялась с угрозами, возникавшими перед ней. Она не одерживала решительных побед, и единственный доступный ей способ сокрушить то или иное новое королевство состоял в привлечении для этого другого племени. Это, как правило, означало всего лишь смену одного племени другим, а не возвращение земель под власть империи. Временами, по-видимому, правители Запада сознательно стремились сдержать предводителей варваров, сражавшихся на их стороне, дабы те не добивались серьезных успехов. Вождь, сражавшийся в данный момент на стороне римлян, на следующий год с легкостью мог стать их врагом.

То, что Восточная империя выжила, произошло не столько благодаря эффективности различных существовавших в ней институтов, сколько из-за ее огромных размеров. Как и в прошлом, ее величина и мощь означали, что она не нуждалась в особенно эффективных действиях. Даже Западная Римская империя пала не сразу, несмотря на последовательную утрату крупных провинций и доходов от них. Враги, с которыми она столкнулась, были разобщены. Они боролись

* О Хлодвиге см. работу: *Collins R.* The Western Kingdoms // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 118.

за господство над собственными народами, и отношения между ними и другими племенами варваров также сопровождались агрессией. Десятки лет императоры Запада выживали, натравливая одно варварское племя на другое.

Неудач двух предпринятых римлянами экспедиций в Африку можно было избежать: здесь свою роль сыграли удача и ошибки, от которых никто не застрахован. Если бы вандалы потерпели поражение и эти доходные провинции вновь оказались бы в руках римлян, это обеспечило бы существенный приток ресурсов в Западную Европу, однако при условии, что римляне смогли бы удерживать Африку длительное время. Всегда существовала возможность попытки захвата этих богатых земель другим племенем варваров: по-видимому, Аларих и другие планировали поступить именно так, пока успеха не добились вандалы. Сравнительно несложно было добраться до Африки из Испании, над которой римляне утратили власть. Даже если бы Западная империя располагала африканскими ресурсами, трудно представить себе, что она смогла бы уничтожить хоть одно королевство варваров в иных провинциях. Но она могла с легкостью продолжать свое существование — не исключено, в течение столетий. С другой стороны, сложно поверить, что в ней не вспыхивали бы гражданские войны и не появлялись узурпаторы, а эти два фактора всегда создавали благоприятные возможности для амбициозных предводителей варваров.

Восточная империя была велика, густо населена и богата. Простой факт состоит в том, что с первых лет и до конца V века она была богаче и могущественнее, чем существовавшие в то время все ее соседи или потенциальные враги. Преимущество перед Персией было незначительным, и оба государства теперь общались друг с другом практически на равных. Сравнительная слабость и отказ персидских монархов от нападений в V веке, очевидно, стимулировали рост благосостояния Восточной империи. Эта позиция изменилась в VI веке, с началом длительного конфликта между Римом и Персией. В результате этой проверки выяснилось, насколько на самом деле сильна Восточная Римская империя.

Глава двадцать первая

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

По воле Господа мы заключили мир с персами, подчинили себе вандалов, аланов и мавров и получили во владение всю Африку и, кроме того, Сицилию и пребываем в твердой надежде, что по воле Его наша власть будет восстановлена над прочими, кем правили римляне в древности, [когда империя простиралась] от берегов одного океана до берегов другого, а затем по небрежению оказалась утрачена.

*Император Юстиниан, апрель 536 года**

Возраст императора Анастасия приближался к девяноста годам, когда он скончался 9 июля 518 года. У него не было сыновей, и ему не удалось назначить наследника. После долгого маневрирования при дворе Юстин, командир императорской гвардии (экскувитов, или excubitores), с помощью подкупа проложил себе дорогу к власти. Ходили слухи, что он воспользовался деньгами, данными ему казначеем, который, будучи евнухом, не мог притязать на трон самостоятельно. Юстин якобы согласился купить поддержку для другого кандидата, но затем переменил свое решение и воспользовался деньгами, чтобы самому достичь успеха. Ему было за пятьдесят, он происходил с Балкан, из сельской местности, где говорили по-латыни. Юстиниан не принадлежал к признанной аристократии, но нам, как всегда, следует соблюдать осторожность: не стоит разделять снобизм наших источников и считать его крестьянином. Злобные слухи о его неграмотности совершенно неправдоподобны: уж очень высокие посты он занимал. Тем не менее его возвышение, конечно, произвело эффект и стало еще одним подтверждением значительности влияния высшего командования и чиновничества при дворе**.

---

* Iust. Nov. XXX. 11. 2.

** Об Анастасии см.: *Haarer F.* Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, 2006; о наследовании престола см.: *Moorhead J.* Justinian. London, 1994. P. 14—18, *Evans J.A.S.* The Age of

Один из племянников Юстина служил в другом отряде императорской гвардии — в «кандидатах» (candidati). Юстин стал активно продвигать по службе этого человека, Петра Савватия, а затем усыновил его; тот взял имя Юстиниана. К моменту смерти императора, последовавшей в 527 году, он стал его соправителем, так что на сей раз смена власти прошла безболезненно. Юстиниан правил единолично до самой своей смерти в 565 году. Некоторые считали, что именно он, действуя за спиной Юстина, обладал подлинной властью, и даже если это преувеличение, будет справедливым отметить, что Юстиниан находился у кормила власти добрых сорок лет — исключительно долгий период правления даже для эпохи императоров-долгожителей. За эти годы Юстиниан живо интересовался многим — от теологии до права и благодаря своим командующим — он никогда не вел кампаний самолично — выиграл длинный ряд войн. Провинции Северной Африки были отвоеваны, королевство вандалов уничтожено. После куда более длительной борьбы владения остготов в Италии также пали под ударами войск Юстиниана; то же случилось с Сицилией, Сардинией, Корсикой и частью Испании. Власть империи над этими территориями оказалась недолговечной: большая их часть была утрачена в течение нескольких лет после смерти Юстиниана. Его преемники были склонны упрекать его в том, что он подверг слишком сильному напряжению организм империи, истощил ее ресурсы и создал массу проблем, с которыми они столкнулись. В этом удобном объяснении была по крайней мере доля истины*.

Justinian. The Circumstances of Imperial Power. London; New York, 1996. P. 96—98, а также: *Bury J.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. New York, 1958. P. 16—21; о его возвышении см.: *Greatrex G.* The Early Years of Justin in the Sources // Electrum. Vol. 12. 2007. P. 99—115; о его недостаточной образованности см.: Procop. Hist. Arc. VI. 19, 11. 5, 12. 29, а также: Ioh. Lyd. De magistrat. III. 51.

* Moorhead (1994). P. 15—16, 17—18, 21—22, Evans (1996). P. 97, *Maas M.* Roman Questions, Byzantine Answers: Contours of the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas.

Соотношение между действиями Юстиниана и их последствиями всегда имело характер глубокого противоречия. Подобно своему дяде, он являлся выходцем из одного из немногих районов Восточной империи, где население говорило на латыни. Несомненно, он был хорошо образован и свободно владел греческим, как и латинским, но не принадлежал к аристократии и никогда не пользовался у нее популярностью. Множество источников — в особенности созданных или обнародованных после его смерти — чрезвычайно враждебно настроены против него. Он был приверженцем придворного церемониала, и каждый, представляясь ему, должен был простираться на полу и, в случае особого благоволения, целовать край его одежды. Другие императоры позволяли наиболее важным чиновникам и сенаторам ограничиться поклоном. Создается впечатление, что Юстиниан и его супруга Феодора наслаждались роскошными демонстрациями величия сана императора*.

Императрица была во многих отношениях более примечательной фигурой, нежели ее супруг. Феодора родилась в семье комиков, выступавших в большом цирке близ одной из площадей Константинополя. Девочкой она прислуживала одной из актрис пантомимы, выступавшей в перерывах между состязаниями колесниц, а позднее сама стала актрисой и танцовщицей. Карьера такого рода, как правило, длилась недолго, и Феодора, подобно многим своим товаркам, решила воспользоваться своей известностью и красотой, сделавшись куртизанкой. Самые ужасные истории о ней и о ее якобы необузданном сексуальном аппетите, несомненно, представляли собой не более чем слухи, повторявшиеся источниками, чьи авторы питали презрение к Феодоре. Но даже благожелательно настроенные писатели не скрывали того факта, что она была проституткой. У нее родилась неза-

Cambridge, 2005. P. 3—27 и в особенности 5—6, Bury (1958). P. 20—21, 23—27, а также: *Cameron A.* Justin I and Justinian // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 63—67; см. также: Procop. Bella. III. 9. 5.

* Evans (1996). P. 101—102, а также Procop. Arc. Hist. XXX. 21—26.

конная дочь; могли быть и другие дети. Через некоторое время она сделалась любовницей наместника Египта, но тот вскоре бросил ее в Александрии. Там, по-видимому, она приобрела глубокий религиозный опыт. Когда Юстиниан встретил Феодору, она вернулась в Константинополь, где работала швеей. Она стала его возлюбленной, но они не могли сочетаться законным браком, поскольку человеку его положения запрещалось иметь жену, некогда бывшую проституткой. Им пришлось потратить время на то, чтобы убедить Юстина издать специальный закон, дозволяющий такую женитьбу. Насколько можно судить, Феодора всегда хранила верность Юстиниану, хотя дети у этой пары так и не родились*.

Несомненно, Феодора обладала сильной волей. Юстиниан питал к ней глубокое чувство и уважал ее мнение; император и императрица часто появлялись как равные на придворных торжествах. Было известно, что Феодора влияла на политику и решения супруга, связанные с назначениями, повышениями и отставками чиновников и армейских офицеров. Императоры, находившиеся под влиянием своих жен и других женщин, неизменно подвергались критике в позднейших источниках, и Юстиниан не был исключением. Все же выражение «под башмаком» не кажется подходящим для данного случая. Юстиниан полагался на жену, однако не отличался слабым характером и после ее смерти не подпадал ни под чей контроль. Скромное происхождение и весьма сомнительное прошлое Феодоры обеспечило массу возможностей очернителям этой супружеской пары. Трех женщин, с которыми она водила дружбу во времена цирковой деятельности, она привезла с собой во дворец в качестве «компаньонок», и те нашли себе весьма богатых мужей. Также в одном из зданий дворца Феодора устроила убежище для девушек, отказавшихся от проституции. Отдельные группы

* *Evans J.A.S.* The Empress Theodora: Partner of Justinian. Austin, 2002. P. 13—24, а также Evans (1996). P. 98—101; Moorhead (1994). P. 19—21.

христиан часто вспоминали о ней как об очень благочестивой женщине. Однако, несомненно, она могла вести себя весьма странно и поддаваться чувству мести: падение многих значительных лиц при дворе стало делом ее рук*.

Старый враг

В V веке отношения между Восточной Римской империей и Сасанидской Персией, в общем, складывались мирно, что составляло заметный контраст с более ранними временами. В дипломатических сношениях между римским императором и персидским царем вошло в практику обращение «брат». Империя фактически признала Персию равной себе и уже давно отказалась от мечтаний об ее завоевании. Длительный мир также сохранялся в силу возникновения у обеих сторон других проблем. Персы столкнулись со все усиливавшейся угрозой со стороны кочевых племен — гуннов-сабиров на севере и эфталитов на северо-востоке. Остается неясным, состояли ли эти группы в родстве с гуннами Аттилы, и если да, то в каком, и название «гунн» могло попросту быть дано любому племени кочевников, использовавших в сражении тактику, напоминавшую тактику гуннов. Они часто тревожили персов; несколько экспедиций, отправленных с целью покарать их, окончились катастрофой. В сражении погиб даже персидский царь — успех, которого никогда не удавалось добиться римлянам за всю историю их войн с Персией. Несколько вспышек гражданских войн еще более ослабили власть Сасанидов, и в результате у них пропала охота затевать серьезный конфликт со своими соседями-римлянами**.

---

* Moorhead (1994). P. 38—40, Evans (1996). P. 104, 138, 145—146, 152, 196—197, и Evans (2002). P. 48—58; Прокопий Кесарийский в «Тайной истории» (XVII. 32—36) сообщает о трех женщинах, бывших актрисах, поселившихся во дворце.

** *Howard-Johnston J.* The Two Great Powers in Late Antiquity: A Comparison // The Byzantine and Early Islamic Near East III: States Resources and Armies / Ed. A. Cameron. Princeton, 1995. P. 157—226, пере-

Ситуация начала меняться с восшествием на персидский престол в 488 году царя Кавада. Через восемь лет в ходе гражданской войны он был изгнан и нашел убежище у гуннов-эфталитов. С их помощью он сокрушил своего соперника в 499 году, а затем правил до самой своей смерти, т.е. до 531 года. Его сын Хосров I наследовал ему и находился на престоле до 579 года. На протяжении более чем восьмидесяти лет Персией правили только два царя, что обеспечило стабильность, даже большую, чем та, что дали своей стране константинопольские императоры-долгожители. Все же Кавад почувствовал себя в безопасности далеко не сразу по возвращении из изгнания, он отчаянно нуждался в деньгах. Помощь эфталитов обошлась ему весьма недешево. Требовались средства, чтобы платить солдатам, награждать своих сторонников и предупреждать попытки знати поддержать других претендентов на трон. Ирригационные системы, обеспечивавшие возможность земледелия на значительной части территорий его царства, требовали значительных расходов: поддержание их в рабочем состоянии стоило немало, не говоря уж о создании новых*.

Кавад направил в Константинополь посольство с просьбой о деньгах, оправдывая ее расходами на обеспечение гарнизонов, перекрывавших гуннам-сабирам доступ к перевалам в Кавказских горах, прежде всего к перевалу, известному под названием Каспийских Ворот. Персы утверждали, что эти гарнизоны сослужат хорошую службу не только им, но и римлянам, так как в противном случае отряды гуннов могли с легкостью добраться до римских провинций, как это бывало в прошлом. В V веке римляне уже выплачивали персам субсидии в нескольких случаях. Однако нельзя с

печатано в книге: *Howard-Johnston A.* Early Rome, Sassanian Persia and the End of Antiquity. Aldershot, 2006; см. также: G. *Greatrex G.* Byzantium and the East in the Sixth Century // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 477—509, и Moorhead (1994). P. 89—95.

* *Greatrex G.* Rome and Persia at War, 502—532. Leeds, 1998. P. 43—59.

точностью сказать, заключался ли когда-либо формальный договор о помощи в финансировании обороны кавказских перевалов. Подобная сделка напоминала уплату дани более сильной иностранной державе и нанесла бы значительный ущерб репутации любого императора. Анастасий отказался платить. В 502 году Кавад предпринял нападение на римские провинции, решив взять силой необходимые ему богатства. Он захватил и разграбил несколько имевших важное значение городов, в том числе Амиду, павшую лишь после трехмесячной осады. Римляне отреагировали вяло, но их контратаки оказались достаточно сильны, чтобы к 505 году Кавад убедился в необходимости принять предложение о перемирии. Он уже захватил значительную добычу и множество пленников для расселения в своих владениях. Римляне, вероятно, заплатили ему крупную сумму, дабы купить мир. В конечном счете Кавад скорее всего был удовлетворен и, так или иначе, смог противостоять новой атаке гуннов-сабиров*.

Мир продолжался два десятилетия; к концу этого периода Каваду уже давно исполнилось шестьдесят и он задумался о наследнике. Избрав Хосрова в обход старшего сына, персидский царь попросил «брата» — римского императора — удостоверить, что последний одобряет его выбор. Точнее говоря, он обратился к Юстину с просьбой усыновить Хосрова. Император отнесся к предложению с энтузиазмом, но советники в конце концов убедили его, что оно чревато опасностями, поскольку усыновление также даст юноше непосредственное право претендовать на имперский престол. То, что такое предложение было сделано, рассматривалось всерьез, и даже причина, по которой оно было отвергнуто, наглядно показывает, насколько глубоко переменилось отношение римлян к Персии. В результате Юстин

* К вопросу о Кавказских воротах см.: Greatrex (1998). P. 14—17; о войнах Анастасия см. Greatrex (1998). P. 73—119; источники см. в: *Greatrex G., Lieu S.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part 2: AD 363—630. London; New York, 2002. P. 62—77.

предложил более скромную форму усыновления, которая часто использовалась для вождей варварских племен, но в конце концов переговоры сорвались*.

Разочарованный Кавад вернулся к уже знакомой нам просьбе о деньгах. На границе то и дело происходили стычки, и в 530 году персы предприняли масштабное вторжение. Первой их целью стала Дара, укрепленный город, построенный неподалеку от Нисибиса. Анастасий начал перестраивать ее, желая сделать из нее мощную твердыню, а Юстиниан продолжил эту работу. Большая армия под командованием полководца Велизария встретилась с многочисленным персидским войском близ Дары и нанесла ему сокрушительное поражение. В 531 году Велизарий, в свою очередь, проиграл битву при Каллинике, сражаясь с другой армией персов. На протяжении нескольких месяцев удача улыбалась то одной, то другой стороне, но успехи персов были незначительны, и к концу года они захотели заключить мир. Подобные настроения лишь усилились со смертью Кавада и воцарением Хосрова. В 532 году римляне и персы заключили то, что они назвали «вечным миром». Юстиниан согласился выплатить персидскому царю одиннадцать тысяч фунтов золота — сумму, почти вдвое превышавшую самые значительные выплаты Аттиле, но по-прежнему вполне приемлемую с точки зрения Восточной империи**.

В 540 году Хосров разорвал перемирие и начал наступление, проявив полную беспринципность. Он знал, что армии Юстиниана активно задействованы повсюду, где бы они ни

---

* Procop. Bella. I. 11. 1—39; см. также: Greatrex (1998). P. 134—138.

** Greatrex (1998). P. 139—221; источники см. в работе: Greatrex & Lieu (2002). P. 82—101; о Даре и Каллинике см. также: *Haldon J.* The Byzantine Wars. Stroud, 2001. P. 23—35; *Goldsworthy A.* In the Name of Rome. The Men Who Won the Roman Empire. London, 2003. P. 363—371; укажем на превосходную статью: *Lillington-Martin C.* Archaeological and Ancient Literary Evidence for a Battle near Dara Gap, Turkey, AD 530 // The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest / Eds. A. Lewin & P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 299—311.

находились, и вследствие этого оборона римлян на востоке ослабела. Как и отцу, ему отчаянно не хватало средств, и, подобно самым первым кампаниям персов, вторжение, по сути, представляло собой масштабный набег. Персам все же удалось проникнуть на территорию Сирии глубже, чем в ходе любого другого нападения Сасанидов со времен триумфов Шапура I, случившихся еще в III веке, и в этом отношении вторжение представляло собой исключение. Интервенты взяли и разграбили Антиохию, и Хосров выкупался в водах Средиземного моря. Затем царь отступил, забрав награбленное и десятки тысяч пленников. Перспектива постоянной оккупации захваченных городов отсутствовала*.

Падение Антиохии стало тяжким унижением для Юстиниана, но на другой год последовал куда более мощный удар — ужасная эпидемия. Она началась в Египте и быстро распространилась по провинциям. Число жертв в Константинополе имело массовый характер и часто сравнивалось с жертвами Черной Смерти в XIV веке. Болезнь, вероятно, представляла собой форму бубонной чумы, хотя вполне возможно, что одновременно с ней распространялись и другие инфекции, также унесшие немало жизней. Подобно чуме в Средние века, болезнь возвращалась несколько раз, но, как всегда, мы не располагаем надежной статистикой, чтобы определить, сколько именно жизней она унесла, а также ее последствия в более широком плане — экономические и социальные. Несмотря на случившееся, Юстиниан отозвал Велизария с запада и послал его против персов. Римляне атаковали персидские владения в Ассирии, хотя наступление, во многом подобно операциям врага, фактически представляло собой масштабный набег. Ни та ни другая сторона в последовавшие годы не добилась значительного успеха**.

---

* Greatrex (2005). P. 488—489; Greatrex & Lieu (2002). P. 102—111.

** См. работы: *Holden P.* Mediterranean Plague in the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 134—160; *Ward-Perkins B.* Specialized Production and Exchange // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 388—389, и Evans

К 545 году Юстиниан и Хосров заключили мир в Месопотамии, хотя на севере, близ Кавказа, враждебные действия продолжались. И Рим, и Персия с давних пор боролись за господство над царствами, расположенными на этих территориях, такими как Лазика и Иберия. В этом соперничестве играла свою роль религия, поскольку обе эти области стали христианскими, дав римлянам повод оказать им поддержку. Чрезвычайно энергичные усилия персов по насаждению зороастризма повлекли за собой несколько случаев отпадения от Рима. В другие времена административные злоупотребления и коррумпированность римских чиновников вынуждали народы разорвать связь с империей. Баланс сил между государствами то и дело смещался. Боевые действия по большей части осуществлялись союзниками. То же самое происходило и на юге, где две крупнейшие арабские группировки — гассаниды, состоявшие в союзе с римлянами, и лакмиды, поддерживавшие персов — постоянно устраивали набеги. Обе державы побуждали своих союзников разорять территории друг друга. Подобные действия часто использовались для оказания давления на соперника и редко рассматривались как той, так и другой стороной как настоящая война*.

В 561—562 годах был заключен самый прочный мирный договор — мир и на сей раз оказался не вечен, но продолжался более пятидесяти лет. Римляне должны были ежегодно выплачивать персам пятьсот фунтов золота. Юстиниан не видел выгод в дальнейших войнах против Персии, в особенности потому, что продолжал вести боевые действия в других местах. Нельзя не заметить, насколько ограниченный характер носили операции в ходе этого конфликта. Укрепленные города сохраняли важное значение: они обеспе-

(1996). P. 160—165; один из знаменитейших и наиболее подробных отчетов о событиях, созданных современниками, содержится в Procop. Bell. II. 22. 1—23. 21.

* Greatrex & Lieu (2002). P. 111—134; о союзниках см.: Greatrex (1998). P. 25—31 и (2005). P. 490—503.

чивали защиту от нападений врага и являлись базами, откуда можно было осуществлять набеги. Вследствие этого они часто становились целями крупных наступлений. Обе стороны добивались успехов, но осады могли стоить немалых средств и не всегда оканчивались победой. Персам несколько раз не удавалось взять Эдессу, а римляне так и не сумели отвоевать Нисибис. Персов возмутил факт укрепления Дары, находившейся вблизи их границы, и в 532 году они убедили римлян отвести основную часть дислоцированных там сил*.

На Запад

Войны против Персии стали наиболее крупным конфликтом VI века, в который оказались вовлечены римляне. В ряде случаев они собирали армии, насчитывавшие тридцать и даже сорок тысяч человек. То были крупные силы по меркам любого периода римской истории; персидские армии не уступали им или даже превосходили их. Стоимость содержания в порядке многих крепостей на восточной границе также была огромна. Установлено, что им случалось приходить в упадок, еще более усугублявшийся вследствие частых землетрясений в этой области, однако их всегда отстраивали вновь. Юстиниан также нес большие расходы на оборону балканской границы против различных племен, угрожавших этому региону. Но несмотря на то что эти земли лежали ближе к Константинополю, очевидно, что персы всегда рассматривались как самый главный и наиболее опасный враг. Для усиления обороны на востоке привлекались ресурсы со всех остальных театров военных действий. Тем более поразительным выглядит тот факт, что наиболее впечатляющие победы Юстиниана были одержаны в Западном Средиземноморье**.

---

* Evans (1996). P. 168—169.

** О численности армий см. Howard-Johnston (1995). P. 165—169; Greatrex (1998). P. 31—34; о балканской границе см. Moorhead (1994). P. 145—162.

В 533 году Юстиниан отрядил Велизария, чтобы тот вторгся в королевство вандалов в Северной Африке. Заключенный в прошедшем году «вечный» мир с Персией обеспечил безопасность на востоке, однако предприятие все же носило рискованный характер. Верховные советники напоминали императору о катастрофе 468 года, столь дорого обошедшейся, и советовали отказаться от плана. Однако Юстиниан почуял, что перед ним открывается удачная возможность его осуществить. Незадолго до этого вандалы оказались вовлечены в династические распри; кроме того, им пришлось бороться с восстаниями как в Африке, так и на подчинявшихся им островах. Вдобавок остготы дали римлянам согласие на использование их портов на Сицилии в качестве баз для флота, предназначенного для интервенции. Юстиниан решил рискнуть. Он предоставил Велизарию большой флот и армию численностью минимум пятнадцать тысяч человек. Относительно общей численности существуют некоторые сомнения, и, кроме того, непонятно, включает ли эта цифра его собственный, весьма сильный кавалерийский отряд. Общая численность войск могла быть на несколько тысяч человек больше — по меркам своего времени силы собрались значительные. Однако ни армия, ни флот, конечно, не превосходили те, что участвовали в закончившейся катастрофой экспедиции V века. Сама по себе численность армии еще не гарантировала успеха, и поражение стало бы для Юстиниана тяжелым ударом*.

Экспедиция закончилась впечатляюще быстро и с полным успехом. Основные силы вандалов находились не там, где высадились римляне. Король Гелимер занимался подавлением мятежа на юге страны, тогда как значительная часть лучших его войск была далеко на Сардинии и разбиралась с очередным случаем узурпации. Рассредоточенные с самого начала, вандалы собрали все войска, какие смогли, и устремились на интервентов. Велизарий разгромил их в двух сра-

* О спорах по поводу риска, с которым могла оказаться сопряжена экспедиция в Африку, см. Procop. Bella. III. 10. 1—34.

Карта № 14. Империя при Юстиниане (с указанием восточных завоеваний)
АНТЫ
ФРАНКИ
ЛАНГОБАРДЫ
ГЕПИДЫ
АВАРЫ
АЛАНЫ
БУРГУНДЫ
Милан
СВЕБЫ
СЛАВЯНЕ
АБХАЗЫ
КАВКАЗ
ИБЕРИЯ
Равенна
Лукка
Аримин (Римини)
ДАЛМАЦИЯ
СКИФЫ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЛАЗИКА
ВЕСТГОТЫ
Наисс
САРДИНИЯ
ЭТРУРИЯ
Рим
ПЕРСИЯ
Константинополь
Халкедон
Амасия
АРМЕНИЯ
КОРСИКА
Кумы
Капуя
Неаполь
Фессалоники
БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА
Карры (Харран)
Дара
ЛИДИЯ
СИЦИЛИЯ
Афины
Карфаген
Сиракузы
Антиохия
БИЗАЦЕНА
АРАБСКОЕ ЛАХМИДСКОЕ КНЯЖЕСТВО
РОДОС
Берит (Бейрут)
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
КРИТ
КИПР
Цезарея (Палестина)
Иерусалим
Александрия
АРАБСКОЕ ГАССАНИДСКОЕ КНЯЖЕСТВО
КРАСНОЕ МОРЕ
Химьяр
Аксум
Территориальные расширения при Юстиниане
Завоевания Юстиниана
0
1000 км
0
500 мили

жениях* (в обоих случаях — почти исключительно силами своей кавалерии). Гелимер бежал в укрытие в горах, но через несколько месяцев в конце концов сдался и был отвезен в Константинополь. Юстиниан даровал Велизарию честь отпраздновать триумф, хотя победоносный военачальник прошел по улицам города пешком, вместо того чтобы проехать на колеснице на манер древних. Гелимера провели в процессии; он твердил строку из ветхозаветной Книги Экклезиаста: «Суета сует, все суета». Кульминационный момент церемонии настал, когда Велизарий и Гелимер приблизились к сидящим на тронах Юстиниану и Феодоре. И военачальник, и его пленник простерлись перед императором. Несмотря на все почести, возданные Велизарию, церемония оказалась организована так, что всем стало ясно: подлинная слава принадлежит Юстиниану**.

Ошеломляющий успех похода против вандалов побудил императора начать строить планы дальнейших действий на западе. Теперь Италия казалась уязвимой, поскольку группа представителей остготской знати выступила против внука Теодориха, который казался им чересчур «римлянином» и, кроме того, находился под слишком сильным контролем со стороны матери. Когда юный король умер, она попыталась возвести на трон своего двоюродного брата, но вскоре ее бросили в тюрьму и в конце концов убили. В 535 году Велизарий с войском всего из семи с половиной тысяч человек отправился, дабы захватить Сицилию. Он вновь быстро добился успеха, что вдохновило Юстиниана на вторжение непосредственно в Италию. С самого начала в этой войне

* При Дециме и Трикамаре в сентябре и декабре 533 г. соответственно. — *Примеч. пер.*

** О войне с вандалами см. Moorhead (1994). P. 64—70, и Evans (1996). P. 126—133; о западных кампаниях Юстиниана в целом см.: *Pohl W.* Justinian and the Barbarian Kingdoms // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 448—476, а также: *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568. Cambridge, 2007. P. 499—518; о триумфе см.: Procop. Bell. IV. 9. 1—16.

предполагалось задействовать весьма ограниченные ресурсы по сравнению с теми, что привлекались для африканской кампании. Италия со множеством укрепленных городов также являла собой куда более обширный и суливший куда большие трудности театр военных действий. В то же время готы не стремились вступить в битву сразу, в отличие от вандалов. Результатом стала гораздо более длительная серия кампаний с ожесточенными боями, растянувшаяся на десятилетия, в ходе которой многие общины Италии серьезно пострадали. В конце 535 года Велизарий с войском всего в пять тысяч человек занял Рим и выдержал более чем годичную осаду, прежде чем наконец отразил натиск армии остготов*.

В Африке широкие слои населения, как правило, приветствовали византийцев. Велизарий позаботился о том, чтобы держать в узде своих людей, когда они вошли в Карфаген, дабы предотвратить грабежи или иные проявления недозволенного поведения. Ситуация в Италии была более сложной. Неаполь продержался против нападающих некоторое время; сумев наконец проложить себе путь в город, они разграбили его. В других местах византийцев приветствовали, однако полководцу приходилось защищать каждую общину, перешедшую на его сторону, от репрессий со стороны остготов. Несмотря на то что численность византийских войск в Италии постепенно увеличилась, часть их пришлось рассредоточить по небольшим гарнизонам. В 539 году другой военачальник, также принадлежавший к числу пользовавшихся наибольшим доверием Юстиниана, евнух Нарсес, был отправлен в Италию с подкреплениями. У него сложились не лучшие отношения с Велизарием, и сотрудничество между ними не привело к положительным результатам. Византийцы захватили Милан, но остготы вскоре отво-

* См.: *Wolfram H.* The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 224—227; *Humphries M.* Italy, A.D. 425—605 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 533—535; *Heather P.J.* The Goths. Oxford; Cambridge, 1996. P. 253—255.

евали его и полностью разграбили. Трения и ссоры между византийскими командующими стали обычным явлением для большей части кампаний, проводившихся в Италии. Командующие действовали по своему усмотрению, ограничиваясь тем, что каждый контролировал свои войска и удерживал свой клочок земли. Многие показали пример откровенного взяточничества, выжимая все соки из местных жителей. В ряде случаев отдельные люди и целые общины разочаровались в том, что поддержали Восточную империю, и вновь перешли на сторону готов*.

Список деяний византийской армии в ходе войн при Юстиниане отличается чрезвычайной пестротой. Византийцы выиграли почти все крупные сражения на Западе и одержали немного меньше побед против персов. В некоторых из этих битв они показали пример образцовой дисциплины и мастерства. С другой стороны, сражения были сравнительно редки, и военные действия имели по преимуществу куда меньший масштаб. Что более важно, зачастую военачальники не могли контролировать своих солдат. Не один раз (и в том числе в битве при Каллинике, окончившейся поражением) Велизарий вопреки собственному мнению вынужден был вступить в бой, поскольку не мог противостоять энтузиазму своих людей. После победы в Африке какой-то солдат, будучи пьян, застрелил из лука своего командира. Грабежи и другие проявления недостойного поведения не всегда удавалось предотвратить даже в тех случаях, когда они приводили к отчуждению местных жителей от завоевателей, что ослабляло позиции последних. Ситуацию усугубляли задержки выплаты жалованья солдатам, в результате которых в войске несколько раз начинались волнения. Перед началом италийской кампании Велизария при-

* Moorhead (1994). P. 72—86 и Evans (1996). P. 139—151, 153—154, 199; см. Procop. Bella. VII. 1. 31—33 о карьере печально известного Александра по прозвищу Ножницы, ставшей ходячим примером жестокости некоторых чиновников Юстиниана; ср. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284—602. Oxford, 1964. P. 289.

шлось отозвать в Африку, дабы он разобрался с серьезным мятежом оставленных там войск. Одной из важных причин этого мятежа стала женитьба многих солдат на бывших женах вандалов: византийцы хотели удержать за собой их имущество*.

Войны Юстиниана на Западе велись с участием ограниченных контингентов, которые подчас отличались плохой дисциплиной и даже склонностью к бунтам. Успешное сотрудничество старших офицеров было редкостью; по временам ситуация усугублялась нежеланием властей назначить верховного командующего и возникающей вследствие этого неопределенностью. Многих византийских офицеров и чиновников более всего интересовала личная выгода; они преуспели только в том, что оттолкнули людей, которых, как считалось, пришли освободить и вернуть в лоно империи. Возобновление в 540 году войны с Персией также отодвинуло конфликт в Италии на второй план. Нарсеса к этому времени уже отозвали, а Велизария в 541 году отправили сражаться на Восток. В результате мора живая сила и фонды, находившиеся в непосредственном распоряжении императора, могли только сократиться. В 544 году Велизарий возвратился в Италию и оказался в ситуации отчаянной нехватки всех ресурсов. Он вновь занял Рим, павший под ударами готов, но к 549 году, когда его вновь отозвали, успел достичь лишь немногого. Нарсес воротился, дабы возглавить войска в Италии, и так как отношения с Персией улучшились, смог потребовать присылки новых войск и получил их. В 552 году он нанес поражение последнему остготскому королю Тотиле и убил его; в тех боях римляне имели значительное численное превосходство над готами. Это произошло несмотря на тот факт, что часть войск отправилась в вестготскую Испанию, дабы принять участие в разгоревшейся там гражданской войне. По-видимому, Юстиниан полагал, что появи-

* О дисциплине в армии см. Haldon (2001). P. 24—28, и Goldsworthy (2003). P. 370—376; примеры ее нарушения см. Procop. Bella. IV. 4. 3—7, 3. 23—4. 25, 14. 7—15. 49, V. 8. 5—10, 28. 1—29. 50.

лась новая возможность воспользоваться слабостью одного из королевств*.

С самого начала, затевая войны в Западном Средиземноморье, Юстиниан во многом действовал наудачу. Он воспользовался связанным с внутренними распрями временным ослаблением вандалов в Африке, затем остготов в Италии и, наконец, вестготов в Испании. Если силы, задействованные римлянами для ведения этих кампаний, были скромными по сравнению с теми, что участвовали в боях с Персией, то стоит также отметить, насколько слабы по сравнению с империей оказались западные королевства. Удача сыграла большую роль в быстром падении вандалов, но то, что в Италии война затянулась, объяснялось скорее тем, что византийцы не смогли обеспечить достаточно ресурсов для ее ведения, чем силой остготов. Вторжение в Испанию было осуществлено в скромных масштабах и имело весьма скромные результаты. Вокруг Картахены на морском побережье был создан анклав под властью византийцев. В Италии Нарсес отбил в 554 году вторжение франков. В Африке вновь возникли проблемы, связанные с серией военных кампаний против племен мавров к югу от провинций (кампании были сопряжены с немалыми трудностями). И в Италии, и в Африке были созданы новые префектуры претория, призванные контролировать тамошнюю администрацию. Юстиниан не хотел восстанавливать Западную империю: вместо этого отвоеванные территории попросту рассматривались как провинции, вновь присоединенные к Восточной империи**.

Отвоевание Африки стало самым крупным успехом в войнах за восстановление господства над Западом; власть над ней сохранялась длительное время. К концу VI века это была более или менее мирная и процветающая часть Восточной империи. Большая часть приобретений на террито-

---

* Evans (1996). P. 176—181, Moorhead (1994). P. 107—109, Wolfram (1997). P. 233—239; Haldon (2001). P. 37—40.

** Haldon (2001). P. 40—44.

рии Италии оказалась потеряна в течение десятилетия после смерти Юстиниана. В 568 году в Италию вторглись лангобарды, еще одно племя, в прошлом с одинаковой частотой выступавшее как в роли союзников, так и в роли врагов империи. Византийские войска, дислоцированные в Италии, были слабы, а их действия — плохо скоординированы. Большая часть земель Апеннинского полуострова оказалась захвачена и поделена на различные территории, управлявшиеся лангобардскими вождями (византийцы называли их duces). Восточная империя сумела сохранить лишь некоторые области на побережье и вокруг городов, таких как Равенна и Рим. Сицилия и другие крупные острова также были сохранены, но даже при самых снисходительных оценках завоевательной политики Юстиниана в Западном Средиземноморье нельзя не увидеть, что успехи ее были чрезвычайно ограниченными. Кроме того, она весьма дорого обходилась государству и для ее осуществления требовалось постоянно держать гарнизоны для защиты территорий, которые в основном не давали центральному правительству больших доходов. По иронии судьбы падение королевства остготов в результате длительного конфликта, потребовавшего немалых жертв, и вскоре последовавшее за ним вторжение лангобардов, вероятно, привели к уничтожению многих проявлений римской культуры и общественного устройства, уцелевших после краха Западной Римской империи*.

Новый мир. Эпоха Юстиниана и дальнейшее

Империя Юстиниана пострадала от длительного конфликта с Персией, от войн на других фронтах, а также от катастроф, вызванных естественными причинами (наиболее тяжелой из них стал великий мор). Некоторые войны он начал сам, и во всех случаях какие бы то ни было выгоды или

* См. Moorhead (1994). P. 109—115, Evans (1996). P. 265—266; *Humphries M.* Italy, A.D. 425—605 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 535—551.

приобретения более чем уравновешивались (если можно так выразиться) затратами и потерями. К концу правления Юстиниана империя не стала заметно сильнее, а ее ресурсы, несомненно, очень сократились. События тех лет явно обнаружили ограниченность сил Восточной империи VI века. Ей не удалось восстановить свою власть над утраченными территориями на Западе и возродить былое величие единой империи. Основная масса населения западных территорий встретила византийцев с очевидной симпатией. Несмотря на это, обычно проходило некоторое время, прежде чем провинциалы убеждались, что присутствие восточных римлян будет постоянным и, следовательно, поддерживать их не опасно. Коррупция и продажность восточных командующих и чиновников в ряде случаев положила конец симпатии местных жителей к византийцам. Император не мог в полной мере контролировать своих представителей — во многом точно так же, как его военачальники часто вынуждены были бороться за власть над своими войсками. Военные успехи империи при Юстиниане отчасти объяснялись способностями горсточки одаренных военачальников — прежде всего Велизария и Нарсеса — и (куда в большей мере) все еще значительными ресурсами империи. Временами римляне могли нанимать войска и привлекать фонды для проведения столь масштабных кампаний, что с ними могли тягаться только персы. Если константинопольское правительство было настроено достаточно решительно и желало задействовать ресурсы в полной мере, то, вероятно, ни одно из западных королевств не смогло бы противостоять ему длительное время*.

* Дискуссию по поводу управления, неудач и злоупотреблений чиновников см. в работе Джонса: Jones (1964). P. 294—296; одним из примеров трений с союзниками, возникших вследствие присутствия римских чиновников и войск, являются события в Лазике (их краткое изложение см. в работе: *Greatrex G.* Byzantium and the East in the Sixth Century // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 497—499).

Да, проблем в период царствования Юстиниана было немало. И все же императору повезло: ему не довелось стать свидетелем начала полномасштабной гражданской войны. В 532 году в Константинополе разразились беспорядки; во главе их стояли две основные партии, поддерживавшие крупнейшие команды гонщиков на колесницах, состязавшиеся в цирке. Традиционно эти партии относились друг к другу крайне враждебно, но когда они объединились, обычные неприятности быстро переросли в нечто куда более серьезное. Некоторые влиятельные лица, по-видимому, усмотрели здесь возможность положить конец существовавшему режиму; вероятно, они в первую очередь способствовали эскалации насилия. Один из уцелевших племянников Анастасия был провозглашен императором, и первые попытки подавить мятеж провалились. Согласно одной из легенд, Юстиниан готов был бежать, и лишь решимость Феодоры, вспомнившей старое присловье: «Власть — это лучший саван», — удержала его. Так как на самом деле поговорка звучала: «Тирания — это лучший саван», — более чем вероятно, что эта история представляет собой злостную выдумку, направленную против державной четы*. Какова бы ни была причина, Юстиниан отказался бежать. Велизарий и Нарсес двинули войска против мятежников и перебили их. Недавно провозглашенного императора предали казни**, хотя наверняка он был лишь безвольной марионеткой в чужих руках***.

В этой ситуации Юстиниан едва не был сброшен с трона соперником, однако, подобно всем императорам, он всегда весьма подозрительно относился ко всевозможным угрозам

---

* Этот сюжет восходит еще к описанию восстания против сиракузского тирана Дионисия у Диодора Сицилийского. — *Примеч. пер.*

** Это был сенатор по имени Ипатий. — *Примеч. пер.*

*** Moorhead (1994). P. 40—49, Evans (1996). P. 119—125, и (2002). P. 40—47; подробности см.: *Greatrex G.* The *Nika* Riot: A Reappraisal // Journal of Hellenic Studies. Vol. 117. 1997. P. 60—86; цитата взята у Прокопия Кесарийского (Bella. I. 24. 37).

такого рода. Велизарий доказал свою верность, перебив мятежников — во многом так же, как Наполеон, которого стала «продвигать» Директория после знаменитого «свиста картечи»*. Позднее Велизарий подпал под подозрение, когда остготы предложили провозгласить его императором Западной империи. Также ходили слухи, что он вместе с другими организовал заговор с целью взять в свои руки решение вопроса о престолонаследии, когда во время мора ожидалась смерть Юстиниана. Велизария несколько раз отстраняли от командования и отправляли в отставку, когда император переставал верить в его лояльность, — и это несмотря на то, что он, безусловно, был одним из наиболее сведущих в военном искусстве и, вероятно, одним из самых верных командующих Юстиниана. Как всегда, император прежде всего заботился о собственной безопасности, принося в жертву разнообразные нужды, связанные с ведением войн за рубежом. Феодора также подстроила уход в отставку одного из высших чиновников, пользовавшихся наибольшим доверием Юстиниана, и опалу императора на него — префекта претория Иоанна Каппадокийского. Сфабриковав заговор, ее агенты — в том числе жена Велизария Антонина — сумели убедить Иоанна обвинить самого себя**.

Подозрительность по отношению к товарищам по службе укоренилась в среде имперской бюрократии столь же глубоко, как и коррупция. Юстиниан предпринял несколько попыток преодолеть ее, прежде всего мешая нормальной для того времени практике продажи должностей, в том числе наместничеств. Несмотря на все усилия императора, успехи носили крайне ограниченный характер. Люди, начинавшие карьеру на императорской службе, ожидали получе-

---

* При подавлении Вандемьерского мятежа в 1795 году, когда Бонапарт, в то время еще генерал республики, расстрелял картечью восставших роялистов. — *Примеч. пер.*

** О том, что Велизарию предлагали трон, см. Procop. Bella. VI. 29. 1—20, а также Moorhead (1994). P. 85—86, и Evans (1996). P. 150; о заговоре Феодоры против Иоанна см.: Evans (2002). P. 54—56.

ния больших доходов за счет неофициальных подарков, делавшихся, дабы заслужить их благоволение. Таков, попросту говоря, был порядок вещей, существовавший с тех пор, как мир стоит*.

Куда более длительное влияние на следующие поколения оказала предпринятая Юстинианом кодификация римского права. В 529 году состоявшая у него на службе группа экспертов-правоведов** составила «Кодекс Юстиниана», заключавший в себе все имперские законы и подтверждавший их силу. Законы, исключенные из собрания, автоматически отменялись. Таким образом он заменил все более ранние своды законов, в том числе и тот, что был составлен при Феодосии II почти за сто лет до этого. В 533 году «Кодекс» был дополнен «Дигестами», включавшими в себя краткое изложение постановлений и идей всех крупных римских юристов имперского периода. Другим значительным трудом стали «Институции», предназначавшиеся тем, кто изучал право, в качестве руководства. На следующий год вышло новое издание «Кодекса». Все эти труды были выполнены на латинском языке и в свое время оказали глубокое влияние на развитие права в Европе. Юстиниан также продолжал издавать новые законы или юридические нормы, известные под названием новеллы (многие из них — на греческом языке)***.

Ни одна юридическая инициатива Юстиниана не оставляла сомнений в том, что законы писаны императором-христианином. По-видимому, он всерьез принимал идею, что, будучи императором, являлся представителем Бога на земле. Если многие его предшественники пытались укрепить единство с церковью, то Юстиниан, безусловно, взял на себя куда более активную роль в определении того, какой

---

* Evans (1996). P. 44—46, 194—195; *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004. P. 83—85, 95—104.

** Их возглавлял квестор Трибониан. — *Примеч. пер.*

*** *Humfress C.* Law and Legal Practice in the Age of Justinian The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 161—184; Moorhead (1994). P. 32—38, *Liebs D.* Roman Law // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 247—252.

должна быть ортодоксальная теология. Предметом основных разногласий по-прежнему являлся вопрос о том, был ли Христос во время своей земной жизни двуедин по своей природе или же обладал двумя самостоятельными сущностями — человеческой и божественной. Второй вариант, сформулированный в определении Халкидонского собора еще в 451 году, стал ортодоксальным положением, которое и пытался ввести Юстиниан. Это вызывало значительное противостояние, и было широко известно, что сама Феодора симпатизировала противникам этой доктрины. И прямые вмешательства Юстиниана, и периодические проявления его непоследовательности в вопросах религии вызывали подозрения у многих церковных деятелей. Это, безусловно, стало одной из причин продолжительных трений в отношениях с папами, хотя свою роль сыграло и нежелание признать равенство папы и патриарха в Константинополе. Однако власть императора не ставилась под сомнение. Юстиниан мог не колеблясь сместить любого епископа, в том числе и папу, и верховного епископа, или патриарха Константинопольского*.

К тому времени, когда на престол взошел Юстиниан, стало ясно, что основы культуры империи изменились и теперь ее идеология более обязана христианству, нежели классической традиции. По-прежнему кое-кто из известных людей придерживался язычества, но издавна существовавшие литературные жанры, включая повествования о событиях светской истории и многие формы поэзии, исчезали. Философская школа в Афинах закрылась: в какой-то момент группа философов бежала в Персию, чтобы иметь больше свободы для продолжения своих изысканий. Позд-

* Об отношениях Юстиниана и церкви см.: *Gray P.* The Legacy of Chalcedon: Christological Problems and Their Significance // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 215—238; *Sotinel C.* Emperors and Popes in the Sixth Century: The Western View // Ibid. P. 267—290; Moorhead (1994). P. 116—143, Evans (1996). P. 183—192; *Allen P.* The Definition and Enforcement of Orthodoxy // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 820—834.

нее они разочаровались и получили разрешение возвратиться в империю (это оговаривалось в соглашении 532 года между Юстинианом и Хосровом). Книги всех видов стали редкостью. Правильность языка — по преимуществу греческого, поскольку большинство обитателей Восточной империи никогда не ставило латинский язык высоко — перестала играть важную роль в качестве признака подлинной утонченности и образованности. То же касалось и знания Гомера и других великих сочинений языческой литературы*.

Параллельно изменился и внешний облик городов; то же можно сказать об их принципиальном значении в жизни общества. Прежде общественные дела, церемонии и торговля велись на открытом пространстве в центре города — форуме, или агоре. К VI веку эти виды деятельности стали осуществляться на одной прямой улице — кардо, — по обеим сторонам которой стояли лавки. Со временем такие дороги стали заполняться более или менее постоянной застройкой и выглядеть во многом как базары на Ближнем Востоке. Среди других общественных зданий храмы скорее всего играли в жизни общин главную роль. Театры утратили прежнее значение; общественные бани пребывали в упадке. Роскошь и сложные ритуалы, связанные с посещением бань, перестали быть одним из важнейших элементов цивилизованной жизни**.

В эпоху Ренессанса для Восточной империи был выдуман термин «Византия», отчасти потому что это облегчало народам Западной Европы возможность объявить себя истинными наследниками римской цивилизации. Население Восточ-

* Evans (1996). P. 65—71; *Wildberg C.* Philosophy on the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 316—340.

** См.: *Holum K.* The Classical City in the Sixth Century: Survival and Transformation // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 87—112, и *Liebeschuetz W.* Decline and Fall of the Roman City. Oxford, 2001. P. 223—248, 284—317; общий обзор культуры и общества Восточной Римской империи в целом см.: *Mango C.* Byzantium: The Empire of the New Rome. London, 1980.

ной империи никогда не переставало именовать себя римлянами — ромеями, а свою империю — Римской. (Они также имели обыкновение называть себя христианами, видя в этом наименовании синоним слова «римляне».) Преемственность империи Юстиниана по отношению к империи Августа очевидна, но с точки зрения могущества она выглядела куда слабее своего великого предка. Ее мощь была велика, но не превышала мощи Персии Сасанидов. От сверхдержавы, некогда обладавшей всей полнотой власти над огромной частью мира — почти надо всем известным миром, — осталось одно воспоминание. События, происшедшие в течение ста лет после смерти Юстиниана, лишь подтвердили эту истину*.

Юстиниану наследовал его племянник Юстин II (предполагают, что он сделал его своим преемником за несколько часов до смерти). В 572 году Юстин начал новую войну против персов. То был единственный случай в VI веке, когда римляне стали инициаторами крупного конфликта против своих соседей на востоке (какой очевидный контраст с агрессией против Парфии и Персии в более ранний период!) В данной ситуации дело обернулось для них крайне неблагоприятно, и постаревший Хосров взял крепость Дару. Шок, пережитый Юстином, по-видимому, привел к тому, что он полностью лишился рассудка (и так и не оправился от перенесенного удара); вследствие этого у императора появился коллега. На эту роль был избран немолодой, верный ему придворный, чиновник по имени Тиверий, и при нем римляне добились больших успехов в борьбе с Персией. В ходе этих кампаний сумел сделать себе имя военачальник по имени Маврикий, и его популярность у солдат побудила значительных лиц при дворе сделать его императором, когда в 582 году Тиверий скончался. Война продолжалась; события развивались благоприятно для римлян, чему также способствовала гражданская война, вспыхнувшая в Персии в 590 году**.

---

* Mango (1980). P. 1.

** О периоде в целом см.: *Whitby M.* The Balkans and Greece, 420—602 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 86—111; о нападении Юстина на Персию см.: Greatrex (2005). P. 489—490.

Удача по-прежнему улыбалась то одной, то другой стороне; зачастую противникам облегчал задачу хаос, начинавшийся на территории то Византии, то Персии. В 602 году узурпатор по имени Фока поднял восстание против Маврикия; тот бежал из Константинополя и был убит. Не прошло и года, как Фоке бросил вызов новый узурпатор. Персы не замедлили воспользоваться слабостью римлян и предприняли серию мощных наступлений. Методично действуя, они завоевали значительные территории Месопотамии и Римской Армении. Через несколько лет они подчинили себе Сирию, вновь захватив Антиохию. Палестина также попала в руки врага, когда персы в 614 году вошли в Иерусалим. Римлянам потребовалось почти десять лет, чтобы стабилизировать положение в государстве, а затем в течение ряда лет в ходе тяжелых боев они вернули себе власть над большей частью утраченных провинций*.

Тем временем на юге произошли события, неожиданные и для Рима, и для Персии. Купец по имени Мухаммед из арабского города Мекки стал провозвестником новой религии и объединил арабские племена. Он учил, что существует только один Бог, а не сложно определяемая Троица, которую исповедовали и о которой спорили христиане. Иисуса он почитал как пророка — одного из целого ряда пророков, величайшим из которых явился Мухаммед. Мухаммед скончался в 632 году, но его последователи добивались одного успеха за другим. И Персия, и Рим истощили свои силы в долгой борьбе друг с другом. Персии Сасанидов суждено было пасть первой: всего за несколько лет она потерпела полный крах. Затем в 636 году арабы одержали полную победу над римлянами близ реки Ярмук**. Вскоре они заняли

* О взятии римских провинций персами и их отвоевании см. обзор источников в Greatrex & Lieu (2002). P. 182—228.

** Битва на р. Ярмук произошла не после, а до падения державы Сасанидов, организованное сопротивление в которой прекратилось лишь с разгромом персидских войск в сражении при Нехавенде в 641 году. — *Примеч. пер.*

Палестину, Сирию и вскоре после этого — сам Египет. Впоследствии их армии прошли по Северной Африке и захватили тамошние римские провинции*.

История о том, как арабы объединились и достигли столь невероятных успехов в завоеваниях, любопытна, но ее не стоит рассказывать здесь, так как это отняло бы у нас слишком много времени. К концу VII века Восточная империя продолжала существовать — ей суждено было продержаться до XV века, — но теперь то были лишь жалкие остатки территорий, которыми правил Юстиниан. Сверхдержава перестала существовать за несколько столетий до того, как он взошел на трон. Ко времени арабских завоеваний облик средневековой Европы еще не установился окончательно. Европейское общество было лишено благ цивилизации, бывших при римлянах привычным явлением в течение многих столетий. Оно также состояло из людей менее искушенных, уровень образованности в нем был ниже, а купцы путешествовали на куда более близкие расстояния и продавали куда меньше товаров, чем в дни расцвета империи. В сравнении с ним мусульманский мир сохранил куда больше характерных особенностей греко-римской цивилизации, к которым арабы прибавили собственные идеи и усовершенствования. Отчасти это произошло потому, что они происходили из земель, где формирование цивилизации произошло задолго до прибытия греков и римлян. И мир ислама, и — в свое время — «варвары» Запада, следуя далее по пути развития, вновь открывали старые идеи или изобретали новые. Марк Аврелий понимал, что мир постоянно меняется, но окажись он в VII веке, вряд ли из того, что он увидел на землях, некогда составлявших подвластную ему империю, многое показалось бы ему знакомым.

---

* *Moorhead J.* The Roman Empire Divided 400—700. London; New York, 2001. P. 194—227; *Donner F.* The Background to Islam // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 510—533.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРОСТОЙ ОТВЕТ

> Если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий, могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде, то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными.
>
> *Фукидид, конец V века до н.э.**

Западная Римская империя прекратила существование в V столетии нашей эры. Даже те ученые, которые говорят о трансформации, признают этот простой факт. Восточная Римская империя сохранялась еще тысячу лет, до тех пор, пока на ее территорию не вторглись турки. Даже во время своего расцвета она никогда не могла надеяться на господство над миром. Это была скорее держава, чем сверхдержава. V столетие продемонстрировало, что она не способна возвратить утраченные западные провинции. В VII веке арабские завоевания отняли у нее даже еще большую территорию. Она продолжала существовать как всего лишь одна из многих держав известного мира, причем некоторые из них были как обширнее географически, так и сильнее в военном и финансовом отношении. Но даже если это было так, ни об одной из них нельзя было сказать, что она заместила Римскую империю или соответствовала ее былым размерам и силе.

Ничто из этого не произошло быстро, но если рассматривать в длительной перспективе, то невозможно усмотреть что-либо иное, кроме упадка и — в случае с Западной империей — падения. Это был долгий процесс, и ни о каком единичном событии, проигранной войне или неудачном решении, не может быть сказано, что оно послужило причиной для этого. Базовым остается вопрос о том, почему это произошло и были ли наиболее важной причиной внутренние проблемы или внешние угрозы. На протяжении всей их истории римляне вели много войн с очень разными противни-

---

* I. 22. 4. Пер. Г.А. Стратановского.

ками. Они потерпели несколько серьезных поражений, но всегда восстанавливали положение. Никто не рассматривал, что такие поражения могут послужить причиной краха империи. Однако это произошло на Западе в V столетии, и, значит, нам следует задаться вопросом, были ли угрозы, с которыми столкнулась Поздняя Римская империя, большими, чем угрозы более ранних периодов. Это, в свою очередь, предоставляет две основные возможности: либо более грозным был один (или больше) враг в отдельности, либо просто существовало так много одновременных угроз, что империя не могла совладать с ними.

Обычно утверждали, что сасанидские персы были гораздо более грозными, чем парфяне или, более того, чем любой враг, с которым римляне сталкивались на протяжении столетий. Они, несомненно, одержали над римлянами больше побед, чем парфяне. С другой стороны, степень персидской агрессивности чрезвычайно варьировалась, и бывали долгие периоды мира. Некоторые персидские цари нуждались в богатстве и славе, которые предоставляла успешная война с Римом. Обычно очи бывали необходимы для того, чтобы укрепить их собственные права на власть. Самые большие римские армии этого периода были те, которые отправлялись на Восток, чтобы противостоять персам, и огромные ресурсы были потрачены на пограничную фортификацию. Несмотря на вышесказанное, только пограничная территория перешла к Персии фактически, да и она была довольно умеренных размеров. Идея о том, что со времени своего появления в III веке Персия была поистине смертельным врагом — и даже сверхдержавой-соперницей, — по-прежнему довлеет над умами ученых*. Это мнение, которое очень трудно примирить со свидетельствами, но это не означает, что его не будут продолжать отстаивать.

---

* Современные историки отнюдь не считают Персию смертельным врагом (especially deadly opponent), как пишет автор, пытающийся представить собственные суждения как нечто оригинальное. — *Примеч. пер.*

Группы из живших племенным строем народов Европы в конечном счете установили контроль над Западной империей. Однако до крайности трудно увидеть изменения в военных навыках этих народов со времени Юлия Цезаря и до времен Стилихона и Аэция. Появились в некоторой степени большие племенные конфедерации, но мы никогда не должны преувеличивать степень их единства. Это просто удобно — говорить о франках или готах в целом, невзирая на тот факт, что они оставались разделенными на множество отдельных, иногда взаимно враждебных, племен. Ни на одной стадии, вплоть до образования варварских королевств на территории провинций, не существовало единого короля у франков или какого-либо другого народа. Аттила объединил как свой собственный народ, так и союзные и подчиненные племена в замечательной степени. Однако, повторим еще раз, он был не в состоянии отнять у римлян значительную территорию и являлся, по существу, налетчиком и вымогателем большого масштаба. В прошлом появлялись другие могущественные варварские вожди, но, подобно Аттиле, они оказывались не способны передать свое могущество наследнику. Гунны были грозным врагом, но следует помнить, что их мощь была сломлена до окончательного краха Западной империи и что они никогда не уделяли большого внимания Восточной империи.

Солидных оснований для утверждения о том, что враги Поздней Римской империи были просто более грозными, чем враги в более ранние периоды, нет. Это также усложняет обоснование того, что Римской империи пришлось адаптироваться в III столетии для того, чтобы обратиться лицом к новым и более опасным угрозам, более всего — со стороны сасанидской «сверхдержавы». Означает ли это, что исключительно размер угрозы, а не ряд отдельных угроз являлся проблемой? Безусловно, кажется, что в III и следующем веках было больше значительных войн, чем в эпоху раннего принципата. В частности, вторжения варварских групп в Европу занимают гораздо больше места в наших источни-

ках. Такие грабительские нападения, часто небольшого размера, не были новостью. В прошлом они постоянно возрастали по масштабу и постоянству в любом месте, где ощущалась слабость защиты границы. Впечатление уязвимости вдохновляло нападения, и это затрудняет суждение о том, было ли увеличение числа набегов и вторжений последствием роста численности и силы варваров или результатом римской слабости. Ясно, что все враги Рима, включая персов, использовали постоянные внутренние раздоры и гражданские войны в империи.

Могут быть и другие причины слабости Рима, и нам следует рассмотреть их. К несчастью, для слишком многих теорий, касающихся долговременных проблем, нам недостает базисной информации, чтобы их подтвердить или опровергнуть. Не существует надежных цифр для населения империи в любой период, и, следовательно, мы не можем с какой-либо уверенностью заявить, что это был долговременный упадок. Подобным же образом нам приходится изучать экономику без какой-либо адекватной статистики. Кажется более чем вероятным, что уровень торговли и благополучия упал, начиная с конца II века, и никогда впредь не достигал уровня, на котором находился в эпоху раннего принципата. Однако источники в лучшем случае намекают на такие тенденции, и другие ученые истолкуют эти проблески прошлого совершенно иным образом. То же самое является справедливым и по отношению к традиционной картине Позднего римского мира, в котором налоговое бремя было гнетущим и падало непропорционально тяжело на бедноту, и без того уже страдавшую от гнета со стороны богатых землевладельцев. Распашка земель прекращалась, а сельское население было доведено до уровня крепостных. Ничто из этого не является невероятным, но есть вероятность и других моделей, и ни одну из них невозможно доказать. Необходимо гораздо больше данных, большая часть которых должна прийти из археологии, если вообще они могут быть обнаружены. То же самое справедливо для заявлений о кли-

матических изменениях и других проблемах более общего характера.

Тип имеющихся у нас свидетельств, так же как и интересы ученых, подразумевает, что большая часть работы над Поздней античностью сфокусирована на экономике и обществе, законах и правительственных структурах, интеллектуальной жизни, культуре и религии. Исследования имеют тенденцию к концентрации на широких темах, и это неизбежно подчеркивает скорее преемственность, чем изменения. Для сравнения: повествовательной историей слишком часто пренебрегали, и она, естественно, внесла лишь незначительный вклад в большую часть интеллектуальных картин этого периода. Исключения существуют, и исследование пограничных отношений и внешних войн часто бывали более традиционными по стилю, поскольку для них преимущественным является повествовательный или хронологический элемент. В то же самое время гражданские войны и внутренние конфликты не получили столь детальной и последовательной трактовки. Это странно, поскольку они являются единственным аспектом внутренних проблем империи, для которого мы имеем свидетельства в большом количестве.

Стоит вновь подчеркнуть, что начиная с 217 года и вплоть до краха Западной империи было всего лишь несколько десятилетних промежутков, в которые бы не разражалась гражданская война. Одни из этих конфликтов оказывались весьма краткими, а другие ограничивались небольшими областями — эти узурпаторы бывали провозглашены, а затем подавлены или свергнуты и убиты своими собственными людьми после правления, длившегося только несколько недель. Иногда притязания на императорскую власть разрешались без особой борьбы. С другой стороны, в некоторых конфликтах шла весьма крупномасштабная борьба, и длились они годами. Легко вспомнить Константина как великого императора, который объединил всю империю под своим контролем, но мы не должны забывать и того, что он был узурпатор, который или сражался в гражданских вой-

нах, или готовился к ним на протяжении всей первой половины своего правления.

Гражданская война и притязания на императорский трон были общераспространенными явлениями. Каждый совершеннолетний император, начиная с Септимия Севера, имел опыт по крайней мере одного такого конфликта на протяжении времени своей жизни. Узурпаторы никогда не хотели уничтожить или изменить империю. Это были конфликты не идеологические, но исключительно по поводу политической власти. Незначительному меньшинству побежденных в этих войнах давали возможность сохранить свои жизни, хотя продолжить общественную карьеру дозволялось лишь крошечной горстке из них. В огромном большинстве случаев такой конфликт заканчивался только со смертью одного из соперников. Узурпаторы были наиболее прямой и персонифицированной угрозой, перед лицом которой находился любой император и с которой он был склонен поступать соответствующим образом. Для императора было нормальным отвергнуть войну против внешнего врага ради борьбы с соперником-римлянином.

Узурпаторы не действовали в одиночку. Они нуждались в сторонниках, наиболее влиятельные из которых ожидали вознаграждения, включая продвижение по службе, и богатства, если восстание заканчивалось успехом. Если узурпатор терпел поражение, то многие из сделавших на него ставку, вероятно, должны были пострадать вместе с ним. Наказания часто распространялись и на членов их семей, особенно на исполнявших какую-либо должность, или чье богатство делало их привлекательной целью для доносчиков. Таким образом, даже те восстания, распространение которых бывало территориально ограничено, могли означать жизнь, смерть, заключение в темницу или разорение для людей в отдаленных провинциях, не вовлеченных в них непосредственно. Это был мир патроната, где могущественные люди прилагали усилия для обеспечения выгоды родственникам и друзьям. Такая паутина услуг и благодарностей

во времена внутренних конфликтов могла оказаться очень опасной для всех.

Все узурпаторы для достижения успеха нуждались в военной поддержке. Императоры начиная с Августа старались сохранить верность своих солдат при помощи торжественной присяги и регулярных подарков (донативов). В целом армия обычно сохраняла лояльность к укрепившейся у власти династии, пока император не подрывал ее. Немногие узурпаторы могли рассчитывать на подобную лояльность. Потери в некоторых гражданских войнах бывали значительными, поскольку армия тратила свои силы, сражаясь сама с собой. Солдаты, сражаясь во внутренней борьбе, не могли одновременно с этим действовать на одной из границ. Армии часто уводились, и римское военное влияние за пределами собственных границ ослаблялось или расшатывалось до крайности. Следующие одна за другой гражданские войны разрушали административную и снабженческую структуру армии, систему ее обучения и набора, а также дисциплину, страдавшую всякий раз, когда давалось послабление с целью завоевать ее лояльность. Рядовые солдаты обычно рассчитывали на перемену лагеря, примкнув к победителям после неудачи восстания. Для более старших офицеров это оказывалось не так легко.

Каждая гражданская война дорого обходилась империи. Что-либо приобретенное победившей стороной неизбежно отнималось у других римлян, и затяжная кампания явно должна была произвести значительную разруху в провинциях, где происходила борьба. Почти столь же важным, как физическая цена гражданской войны, было ее влияние на отношения и поведение людей, начиная с императора. Личное выживание стало первой целью каждого императора и определяло все их решения и саму структуру империи. В поисках способа защитить самих себя следующие друг за другом императоры постепенно переформировывали саму империю и, по иронии судьбы, зачастую делали себя скорее более уязвимыми, чем менее.

Самым большим изменением была маргинализация класса сенаторов на протяжении III столетия, и наряду с этим города Рима как реальной, а не духовной столицы империи. Сенаторы, и в особенности горстка высокопоставленных людей и тех, кому доверили старшие провинциальные командования, были в течение долгого времени единственными возможными соперниками для императорской власти. Сперва большие военные провинции разделялись так, чтобы ни один человек не командовал слишком большой армией. К концу III века сенаторы фактически перестали носить любые военные звания. При этом они имели все, но не могли сделаться императорами.

Теперь императоры могли происходить из более широких слоев населения империи. Любые связи с императорским семейством — даже ложные заявления о том, что ты являешься незаконным сыном какого-либо императора — оказались достаточными для притязания на власть. В прошлом римские императоры, как правило, относились с подозрением только к небольшому числу сенаторов, к тем людям, которых они знали лично и которые провели многие годы в Риме или недалеко от него. Теперь соперником мог стать почти любой. Для этого не требовались политические связи или фамильная репутация, а достаточно было способности побудить какие-нибудь войска поддержать их. Многие императоры принадлежали к сословию всадников, и почти все являлись армейскими офицерами или имперскими чиновниками.

Тенденция к уменьшению провинций сохранялась. В дополнение к этому подверглись разделению военная и гражданская власть. Это помогало охранять императора от претендентов, но значительно затрудняло достижение поставленных целей. В частности, очень трудно было собрать и обеспечить необходимым достаточно большую армию для того, чтобы справляться с серьезными проблемами на границах. С точки зрения императора, это было удобно, поскольку та же самая армия легко могла быть обращена про-

тив него самого каким-либо соперником. Время от времени создавались чрезвычайные командования, так что решать проблемы мог один командир, но императоры должны были относиться с подозрением к вручению такой власти потенциальным узурпаторам. Чаще императоры предпочитали сами выступать в поход и принимать личное командование кампанией. Начиная с середины III века римские императоры проводили большую часть времени, решая проблемы, с которыми когда-то имели дело императорские легаты. И вновь следует подчеркнуть, что имел значение не масштаб возросших проблем, а способность империи использовать ресурсы для их решения.

Император не мог быть одновременно повсюду. Если он не имел желания доверить кому-либо еще власть, достаточную для решения возникшей в отдалении проблемы, ее просто не решали совсем. Неоднократно это чувство пренебрежения со стороны центрального правительства побуждало отдельные области восставать и провозглашать своих собственных императоров. Единственным решением было увеличение числа императоров. Систему тетрархии зачастую превозносили, но никто не смог повторить опыт Диоклетиана на сколь-либо длительный промежуток времени. В известной степени признание того, что должно быть больше одного императора, открывало перед узурпаторами перспективу постепенного продвижения к высшей власти. Оно также имело тенденцию к поощрению регионализма, поскольку в различных частях империи развилась особая военная и гражданская иерархия. Каждая группа, естественно, была склонна отдавать приоритет собственным целям и проблемам и часто выказывала нежелание оказывать помощь другим частям империи.

Императоры всегда путешествовали с немалой пышностью, окруженные членами их двора, чиновниками и охраной. На протяжении III века эта пышность стремительно возрастала. Все хотели иметь под своим прямым контролем большие вооруженные силы. Если полевые армии предна-

значались в первую очередь для того, чтобы играть стратегическую роль, то для свиты главной задачей была защита от римских соперников. Императоры окружали себя все большим и большим числом сопровождающих лиц и телохранителей, постоянно усложняли придворный церемониал. Отчасти это должно было облагородить и обезопасить правление человека, который зачастую захватил власть жестоким способом относительно недавно. Все это имело целью защитить личность императора. Убийство было менее распространено в IV веке по сравнению с III веком. В то же время все это вело к изоляции императора. Оно затрудняло для него личное знакомство даже с высокопоставленными должностными лицами и командирами, не говоря уже о менее важных чиновниках, которые теперь служили в императорской администрации и чье число непомерно выросло. Контроль за действиями этих людей, представлявших императорскую власть по всем провинциям, был крайне ограниченным.

Все императоры жили под страхом узурпации. Это формировало и их поведение, и поведение всех должностных лиц и офицеров, служивших под их началом. Карьера на императорской службе предоставляла перспективу узаконенных привилегий и богатства, собранного как при помощи жалованья, так и еще в большей степени через взятки и плату за услуги. Добившиеся наибольшего успеха люди достигали очень высокого ранга со всем патронатом и влиянием, которое он приносил. Небольшое меньшинство было в состоянии даже достигнуть императорского ранга. Однако наряду с выгодами приходил и серьезный риск. Любое подозрение в том, что некая особа составляет заговор против императора, влекло за собой суровые наказания. То же самое справедливо и в отношении кого-либо, связанного с потерпевшим неудачу узурпатором, и их сторонников. В системе, где карьера обычно продвигается при помощи личных рекомендаций, такая сеть патроната неизбежно ставила многих людей в опасное положение. Личное выживание и личный успех и выгода были первоочередными целями большей части должностных лиц.

Имперская бюрократия в Поздней Римской империи определенно была больше, чем в I и II веках. Армия могла быть больше, а могла и не быть, но явно состояла из гораздо более мелких независимых подразделений. Сами по себе размеры не означали, что тот или другой из этих институтов обладал большей эффективностью. Число администраторов превышало то, которое поддавалось бы эффективному контролю, особенно с тех пор, как они составили часть бюрократии, одновременно раздробленной на группы и беспорядочно перемешанной по структуре. Имперская администрация добывала фонды и ресурсы для поддержки и самое себя, и армии. Такие краткосрочные методы, как ухудшение качества монетной чеканки, предполагают, что временами это снабжение оказывалось недостаточным. Но в целом, как кажется, эта система функционировала в III и IV веках по самой крайней мере на минимально необходимом уровне. Но она все еще оставляла обширное пространство для неэффективности и коррупции, и такие потери вполне могли быть велики по размерам. Большинство отдельных членов бюрократии делали свою работу достаточно хорошо для того, чтобы сохранить функционирование системы и предотвратить ситуацию, когда растраты ими чужих денег сделались бы слишком явными. Некоторые из них, возможно, от природы были и честными, и компетентными*.

Гражданские войны были наиболее распространены в III веке, но оставались постоянными и впоследствии. Государство развивалось по пути, предназначенному обеспечить защиту императоров от внутренних соперников, но, странным образом, оно не сумело этого сделать. Личное выживание всегда было важной проблемой для всех императоров со времени создания принципата. Август отстоял путь к власти при помощи ряда гражданских войн. Заговоры с целью убийства и открытые восстания представляли собой угрозы, с которыми с самого начала лицом к лицу сталкивался каждый прави-

* Эта тема наиболее полно исследована: *MacMullen R.* Corruption and Decline of Rome. New Haven, 1988.

тель Рима. Август был монархом, но он создал систему, в которой его власть тщательно вуалировалась. Поскольку формально он не был царем, не существовало и четких институтов для распоряжения наследованием власти. Одни увидели в этом роковой внутренний порок системы принципата — фактически случайность, выжидавшую момента, чтобы произойти. Другие пойдут дальше и увидят в созданной Августом системе превознесенное традицией «бремя», которое помешало должным реформам империи в III и IV веках*.

Это невозможно объяснить при помощи довольно сомнительной разницы между принципатом и Поздней Римской империей. Была длившаяся в течение года гражданская война после смерти Нерона в 68 году и еще более длительный конфликт после убийства Пертинакса в 193 году. Клавдий, Домициан и Марк Аврелий, каждый из них, сталкивались с вызовами со стороны восставших наместников, хотя все эти мятежи быстро потерпели неудачу. Заговоры с целью убийства и попытки переворота в самом Риме имели место чаще, хотя некоторые из них вполне могли оказаться плодом воображения нервозных императоров или выдумкой их жестоких подчиненных. Ранний принципат не был полностью свободен от действительных внутренних конфликтов или от их угрозы, но на протяжении более чем двух столетий он тем не менее лишь изредка страдал от них. Это представляет заметный контраст по сравнению с последним полустолетием существования республики. Если созданная Августом система имела столь серьезный порок, тогда это можно объяснить только замечательной удачей. Вместе с Гиббоном мы можем прекратить «задаваться вопросом, *почему* Римская империя распалась», а вместо этого «удивляться тому, что она существовала так долго».

Рассматривать два столетия почти непрерывного внутреннего мира как всего лишь счастливую случайность — на-

* Например: *Drinkwater J.* The Principate — Lifebelt or Millstone around the Neck of Empire & // Crises and the Roman Empire / Ed. O. Hekster, G. Kleijn, D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 67—74.

тяжка, особенно учитывая то, что за этим последовал более длительный период, когда гражданская война стала столь частым явлением. То, что каждый новый виток внутреннего конфликта ослаблял императорскую власть и государственные институты и, следовательно, облегчал следующие узурпации и восстания, является правдой. Однако, повторимся, не могло быть случайностью то, что такой цикл не развивался раньше. В III веке империя в значительной степени утратила республиканский фасад, столь тщательно сконструированный Августом. Он и его наследники правили при помощи сената. Как организация, он не имел реальной политической независимости, но благоразумные императоры заботились о том, чтобы чтить его достоинство. Они использовали сенаторов практически на всех важных постах, эффективно управляя империей при их помощи.

Может показаться странным восхваление в наши дни эпохи системы, основанной на аристократической элите, состоявшей из людей, которые являлись в современном смысле дилетантами. Однако эта система имела много преимуществ в условиях Рима. Она предоставляла группу старших военных и администраторов — император мог знать всех этих людей и их семьи. Только меньшинство было потенциальными соперниками, но за ними было легко наблюдать. Общественная жизнь оставалась сосредоточена в строго очерченном пространстве самого Рима, облегчая восприятие настроений аристократии. Императоры I и II веков могли доверять избранным сенаторам контроль за значительными армиями и обширными провинциями. Только изредка — обычно во время масштабных конфликтов с Парфией — бывало необходимо назначить военачальника, под контролем которого находилось больше одной провинции, но автоматически к попытке узурпации это не вело. В I и II веках императоры могли передать свои полномочия, не чувствуя себя связанными обязанностью лично руководить кампанией. Рим был центром империи больше, чем просто в духовном смысле. У нас нет нужды идеализировать сенаторских легатов этого раннего периода. Некоторые из них

бывали некомпетентны, немногие нечестны, и, вероятно, довольно многие более или менее коррумпированы. Во всех этих отношениях они кажутся, во всяком случае, не хуже старших должностных лиц Поздней Римской империи. В политическом отношении небольшой слой сенаторов императорам было просто легче контролировать. Доверие к сенату представляло собой республиканскую традицию, но имело глубокий смысл.

Правительства древних государств имели ограниченные цели и не интересовались большими программами, относящимися к здоровью и образованию, или детальным повседневным регулированием рынков, промышленности и сельского хозяйства. При всех ее размерах и развитости, Римская империя не являлась в общем и целом исключением в этом отношении. Она собирала государственные доходы и другие ресурсы и использовала их рядом способов. Армия была самым большим взятым в отдельности расходом, но существовало также поддержание в порядке многих зданий, некоторых портов и обширной сети дорог, наряду с финансированием или бесплатной раздачей пропитания для населения Рима или позже Константинополя. Ни одна из этих обязанностей империи не сошла на нет в III или IV веке. Однако это не означает, что они функционировали хорошо.

Падение Римской империи не было быстрым, но использовать это в качестве доказательства того, что ее институты являлись в основе своей стабильными, означало бы вводить в глубокое заблуждение. Империя была гигантской и не имела серьезных противников. Персия была наиболее сильной из соседей, но никогда речь не шла о том, что персидская армия достигнет Тибра. Рим представлял собой огромное, густонаселенное и богатое государство. Это оставалось правдой, даже если население и экономика находились в упадке. Он имел транспортную систему рассчитанных на любую погоду дорог и вполне доступные торговые пути по рекам, каналам и морю — все это в масштабах, которых Европа не могла достигнуть вплоть до последних столетий.

Хотя мы можем отметить трудности, которые императоры испытывали, стараясь добиться, чтобы их волю чувствовали в отдаленных провинциях, их способность вообще достигнуть этого все еще была гораздо больше, чем у вождей любого другого народа. Римская армия была большой, опытной, постоянной и профессиональной силой, опирающейся на широкую систему тыла и снабжения. Подобно самой империи, она отличалась от всего, существовавшего в известном мире. Римляне обладали многими большими преимуществами в сравнении со всеми своими соперниками. Ни один из этих противников не имел сил опрокинуть империю в III или IV веке, империя была огромной, и ей не было необходимости действовать на высшем уровне эффективности для того, чтобы добиться успеха. Она владела гораздо большими ресурсами, технологическими и другими преимуществами. К тому же существовала вероятность того, что где-то в ее пределах некоторые офицеры и должностные лица исполняют свои обязанности хотя бы неплохо. Это означает, что в долговременной перспективе римляне должны были одерживать верх. Ни один из их врагов не имел сил нанести римлянам более чем ограниченное поражение.

Ничто из этого не означает, что цена множества гражданских войн не ощущалась. Несложно доказать, что большинство императоров в I и II веках прежде всего заботились о благе империи в целом. Все они заботились о самосохранении, но это не становилось доминирующим приоритетом, как то будет у их наследников в последующие эпохи. Это означает сказать не то, что более поздние императоры были в большей степени эгоистичны, а что они просто никогда не могли чувствовать себя в безопасности. Многие, может быть, имели наилучшие намерения, желая править хорошо, но форма правления в империи делала первой и главной заботу о сохранении императором власти — и на более низких уровнях о личной выгоде чиновников и должностных лиц.

Идея эффективного управления не была заложена в устройстве Поздней Римской империи — главной задачей яв-

лялось поддержание власти императора и процветание чиновников. Многие из последних могли наслаждаться в высшей степени удачной по стандартам тех дней карьерой, не будучи эффективными в той роли, которую, как теоретически предполагалось, они должны были исполнять. Одни только размеры империи предотвращали ее быстрый крах или катастрофу. Ее слабости не были очевидными, но это означало только то, что крах может наступить внезапно и драматически, подобно захвату африканских провинций вандалами. Постепенно институты империи разлагались и делались все менее и менее способными справиться с любым кризисом, но пока еще не встречали серьезного соперничества. Проигранные войны наносили ущерб, но этот ущерб не был фатальным для самой империи. Как пример, в 376—382 годах римляне не могли избавиться от войны с готами, но они все-таки боролись за победу в ней. Даже поражения от рук персов не лишали империю больших или существенных ресурсов.

Римская империя сохранялась в течение очень долгого времени. Последовательные удары откалывали ее части, как только нападающие узнавали ее слабости. Однако временами империя все еще бывала грозной, а не просто идущей к краху. Наверное, нам следует представить Позднюю Римскую империю как ушедшего на покой атлета, чье тело пришло в упадок от пренебрежения и нездорового образа жизни. Время от времени его мускулы все еще будут функционировать хорошо и с памятью о былых мастерстве и тренированности. Но поскольку пренебрежение нуждами организма продолжается, тело делается все менее и менее способным к сопротивлению болезни или восстановлению после повреждений. На протяжении лет этот персонаж будет делаться слабее и слабее и в конце может легко поддаться болезни. Долгий упадок был судьбой Римской империи. В конце концов, она вполне могла быть «убита» захватчиками-варварами, но они нанесли удар по телу, ставшему уязвимым из-за длительного распада.

ЭПИЛОГ: ДАЖЕ ЕЩЕ БОЛЕЕ ПРОСТАЯ МОРАЛЬ

В Викторианскую эру британцы любили сравнивать свою империю с Римской, уверенные, что их собственные территории были значительно больше. В наше время любят проводить такое сравнение с Америкой. Государства, подобные Китаю или Индии, имеют собственное древнее и «цивилизованное» прошлое для того, чтобы использовать его, и гораздо менее вероятно, чтобы они заинтересовались более «западной» идеей Рима как единственной великой империи в истории. Соединенные Штаты Америки начала XXI века — это не то же самое, что империя королевы Виктории, и ни одно из этих государств не идентично Риму. Мир слишком изменился. Если взглянуть сегодня на глобус — или даже на сделанную из космоса фотографию — бывшая территория Римской империи во времена ее наибольшего расширения не кажется столь уж большой. Римский мир охватывал только три континента, а размеры как Африки, так и Азии были до крайности преуменьшены. Технология оставалась примитивной, а темпы изобретений и изменений кажутся нам невероятно медленными. Это был мир, где рабство воспринималось как норма, для развлечения убивали животных и людей, а военная слава превозносилась как одно из высших человеческих достижений. Сегодня мы живем на планете, чье население заставляет казаться маленьким население

Викторианской эры, не говоря уже о населении античного мира. В то же самое время путешествия сейчас гораздо быстрее, и связь между одной стороной планеты и другой может быть практически мгновенной.

Чем больше мы присматриваемся к Риму, тем более очевидным делается как раз то, насколько он отличается от любого современного государства, не говоря уже о Соединенных Штатах Америки. На самом деле мы должны очень радоваться этим отличиям, поскольку в Римской империи было много жестокого и неприятного, даже учитывая то, что она была не хуже, а во многих отношениях и лучше своих соседей. В то время, когда я пишу это, в Америке республиканская и демократическая партии избирают своих кандидатов в президенты. Еще до того как выйдет эта книга, названный процесс завершится и кого-то изберут и победитель обоснуется в Белом Доме в качестве президента. Мы еще не знаем, кто это будет, но по крайней мере можем быть уверенными, что потерпевший поражение кандидат не попытается собрать под своим командованием часть вооруженных сил США и втянуть это государство в гражданскую войну.

Помимо культурных и институциональных различий, легко перечислить многие глубокие контрасты между ситуацией в Риме и в современной Америке. Рим был действительно сверхдержавой, но он существовал в мире, где не было серьезного претендента на это место. Парфия и затем Персия были очень умело организованными государствами, но только после разделения Римской империи — а фактически даже после краха Запада — они могут рассматриваться как равные Риму. США — единственная сверхдержава современного мира, но среди примерно двух сотен признанных государств есть другие державы. Ни одна из этих других держав пока еще не равна Америке, но игнорировать их невозможно. Экономическая и военная мощь некоторых азиатских государств, несомненно, возрастает, и государства, подобные Индии, со временем будут приобретать все большее и большее влияние

в международных делах. Настоящей сверхдержавой может стать и Китай. Растущее число государств владеет ныне ядерным оружием, способным произвести опустошения в масштабах, далеко превосходящих самые худшие конфликты Древнего мира. США сталкиваются с вызовами своему господству, не похожими ни на что, в чем имела опыт Римская империя. В то же время у Америки нет никакого эквивалента тем племенам, которые жили вне границ Римской империи. Нелегальные мигранты — это проблема, очень отличающаяся от совершающих набеги отрядов или групп, намеревающихся силой захватить и занять землю.

Недавно Каллин Мерфи в книге «Являемся ли мы Римом? Падение империи и судьба Америки» (2007) обрисовал некоторые основные черты сходства между римским и американским опытом. Интересно, что он сконцентрировался, в частности, на Поздней Римской империи и причинах ее окончательного краха. Не заводя аналогии слишком далеко, он отметил значительное сходство в позиции как правящих кругов, так и более широких слоев населения. Даже более серьезным оказалось распространение правительственных функций на многие частные или наполовину частные агентства — все их было гораздо труднее контролировать, и они, что неизбежно, имели собственные приоритеты и цели. Как часть этого он выделил высокую зависимость Америки и ее союзников от частных компаний, которые должны поставлять людские резервы для поддержания ее военных усилий. Только отчасти это является результатом их нехватки при наборе воинов для регулярной армии. Частным компаниям не нужно платить, когда их услугами не пользуются, не должно государство и непосредственно выплачивать пенсии и другие пособия их персоналу. Внешне это может заставить их казаться гораздо дешевле (особенно с учетом того, что на правительственном уровне оплата вполне может происходить из разных частей бюджета), и в длительной перспективе это даже может быть правдой. Но в долгосрочной перспективе это, вероятно, частично лишит регулярные

силы их возможностей. Что когда-то было выбором, теперь станет неизбежной необходимостью, и наряду с этим придет утрата контроля*.

В Поздней Римской империи правительство заботилось в первую очередь о выживании. Высокопоставленные люди хотели власти — именно поэтому никогда не было недостатка в людях, стремившихся стать императорами. На всех уровнях гражданской службы и армии продвижение приносило награды и привилегии. Вместе с ними приходил и значительный риск, который возрастал по мере повышения ранга человека. Каждый человек, находившийся на императорской службе, включая старших армейских офицеров, с гораздо большей вероятностью мог быть убит или подвергнут пытке и лишен свободы по приказу другого римлянина, чем пострадать от рук врагов-чужеземцев. И хотя только меньшинство — а логика, в общем, диктует, что очень незначительное меньшинство, — претерпело бы такое наказание на деле, этот риск был весьма ощутимым. Для природных талантов недоставало стимула. Чиновники и офицеры понимали, что их способности не примут в расчет, если они попадут под подозрение в отсутствии лояльности. Это не способствовало достижению эффективности.

На базовом уровне императоры и правительственные чиновники Поздней Римской империи забыли, для чего империя существует. Более широкие государственные интересы — res publica, «общественное дело», от которого мы получили наше слово «республика», — были вторичны по отношению к их личному преуспеванию и выживанию. Это не являлось первопричиной морального упадка. В более ранние периоды римской истории было множество эгоистичных и коррумпированных личностей, точно так же, как они

* *Murphy C.* Are We Rome? The Fall of an Empire and the Fate of America. New York, 2007, passim, но особенно P. 189—195; более ранняя попытка извлечь уроки для современных США, тогда еще вовлеченных в «холодную войну»: *Luttwak E.* The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third. Baltimore; London, 1976.

существовали во всех остальных обществах. Разница состояла в том, что во времена Поздней империи для них было трудно вести себя каким-либо иным образом. Императоры вели жизнь, основанную на страхе, зная, что они имеют немало шансов встретить внезапную и насильственную смерть. Чиновники настолько же опасались и подозревали своих коллег, насколько их высший повелитель.

Это всего лишь свойство человеческой природы — утрачивать видение более широких результатов и фокусировать внимание на непосредственных интересах и личных целях. В Поздней Римской империи очень часто они всецело относились к личному выживанию и продвижению — последнее приносило богатство и влияние, которое помогало некоторым образом усилить безопасность, но также делало данную личность более заметной, а потому большей мишенью для других. Ряд чиновников сделали в высшей степени удачную карьеру, организуя уничтожение коллег. Хорошее исполнение дела было всего лишь второстепенной заботой. Даже императоры с большей вероятностью вознаградили бы за лояльность, чем за способности. Чиновникам и командирам следовало только избегать бросающейся в глаза неразберихи в их делах — но даже и в таком случае достаточное влияние могло скрыть эти факты или перевести удар на кого-либо еще. Ничто из этого не было полностью новым, но теперь оно сделалось повальным. Когда «всякий» действовал тем же самым способом, не существовало реального стимула к честности или даже к компетентности. Игра шла ради достижения личного успеха, а он зачастую имел мало отношения к нуждам империи.

Это не был феномен, уникальный для Поздней Римской империи, и его скрытый смысл имеет значение не только для Соединенных Штатов или любого другого государства. Все человеческие учреждения, от государства до бизнеса, рискуют создать культуру, столь же недальновидную и эгоистичную. Этого легче избежать на ранних стадиях экспансии и роста. Тогда чувство цели, вероятно, должно быть более яс-

ным, а возникшие трудности и соперничество имеют более непосредственное и очевидное воздействие. Успех ведет к росту и со временем создает учреждения настолько большие, что они ограждены от ошибок и неэффективности. Объединенная римская Европа никогда не сталкивалась с соперниками, способными уничтожить ее. В настоящее время государства и правительственные ведомства нелегко сокрушить — и западные государства не стоят лицом к лицу с врагами, способными низвергнуть их при помощи вооруженной силы. В мире бизнеса наиболее крупные корпорации почти никогда не сталкиваются с равными конкурентами. Конкуренция в рамках промышленных рынков на любом уровне, очевидно, редко ведется на полностью равных условиях.

В большинстве случаев требуется долгое время для выявления серьезных проблем или ошибок. Обычно даже еще труднее точно судить о реальной компетентности личностей и, в частности, об их вкладе в общую цель. Тех, кто отвечает за надзор над экономикой государства, обычно хвалят или критикуют за решения, принятые их предшественниками по должности. Часто и они, и их предшественники склонны действовать, исходя из текущих политических причин. Для огромного большинства людей их работа менее открыта для общественного наблюдения, но подобна в том, что реальные последствия их действий незаметны. Относительно немногие люди в наши дни сталкиваются с последствиями своей работы. Врач или медсестра знают, выздоровел ли их пациент. Больничный менеджер действует уже на совершенно ином уровне, имея дело с номерами и бюджетом, а не с отдельными пациентами. Такая дистанция неизбежна, и на многих жизненных путях более широкие цели еще менее ясны.

По природе бюрократия имеет тенденцию к росту. Это было справедливо для Римской империи, не говоря уже о гораздо больших правительственных службах современных государств. Отдельные личности внутри своих департаментов, очевидно, должны сосредотачиваться на частных задачах. Вполне естественно думать, что, имея в своем распоря-

жении больше людей, они смогут решать их более эффективно. Чем больше возрос их штат, тем больше будет отстоять большая часть членов департамента от реальности его общих функций, и даже еще больше они будут отстоять по своему способу мышления от любого постороннего человека. Это не является злом неизбежно, но означает расширение, если их не ограничить, поскольку их проблема или дело является единственным, что они будут видеть. В Британии и до некоторой степени в США число людей, которых прямо или косвенно использует правительство, ныне поразительно велико. На протяжении большей части истории государства обычно использовали больше солдат, чем гражданских должностных лиц. Следующие одно за другим правительства в Британии радикально сократили размер ее вооруженных сил. Возможно, это можно было бы оправдать, если бы они впоследствии не ввели их в дело в ряде больших заморских операций.

Учитывая то, что трудно иметь дело с большой и отдаленной задачей, нормальным является разбить ее на множество отдельных и гораздо меньших задач. Отдельным личностям даются более ограниченные цели, которые можно оценивать с большей легкостью. И опять-таки, хотя данный подход обоснован, не следует делать на его основе чересчур далеко идущие выводы. Ограниченная цель может легко сделаться, по сути, итогом. Эта культура целей (the culture of targets) особенно преобладала в Соединенном Королевстве на протяжении некоторого времени. Отчасти это результат желания распространить эффективность менеджмента в бизнесе на гораздо большее число жизненных сфер. К несчастью, то, что было введено, это не мастерство неподдельно одаренного коммерческого директора — нечто такое, что явно было бы трудно скопировать, — но гораздо более жесткая копия того, что предполагается в качестве общих правил ведения бизнеса. Таланту трудно научить, а используемые методы имеют тенденцию к увеличению дистанции между личностью и теми реальными функциями,

для которых ее используют. Менеджмент превратился просто в заданное обучением умение, которое с небольшими модификациями приносит успех в любых условиях.

Это особенно опасно в больших учреждениях, где реальный вклад отдельной личности столь трудно поддается измерению. Сами цели с течением времени приобретают тенденцию к искажению этого чувства более широких задач. Соблазн, особенно в правительстве, заключается в том, чтобы без труда добиться возможности объявить об успехе. Как часто случается, цели избираются в силу того, что они являются какой-либо измеримой величиной. Как вы по-настоящему можете судить, насколько хороши школа или госпиталь, особенно если вы администратор, имеющий возможность только рассматривать свидетельства в письменной форме? Цели делаются результатами в своих собственных пределах, лишая находящуюся в рамках системы личность любой инициативы. Усовершенствование средств связи облегчает тем, кто находится на более высоком уровне, вмешательство и отсылку инструкций вниз, тем, кто находится на более низком уровне, а это имеет подобную же тенденцию к уничтожению инициативы. Даже еще больший вред был нанесен ей как побочный эффект широкого распространения надежды на компьютеры, где система принимает большинство решений на автоматической основе.

Ни в одном пункте никто из властей, кажется, не поинтересовался, действительно ли модель, применимая в бизнесе, пригодна для всех ситуаций. Например, армия по самой своей природе не является предприятием, приносящим доход. Правительственные инициативы должны иметь успех, поскольку ни одно правительство не может признать многократные провалы. Подобные цели быстро начинают жить своей собственной жизнью, почти независимой от реальности. Предполагается, что все обладает высшим качеством, но, однако, институты оказываются непригодны к решению простейших задач. Так, в Британии есть государственная служба здравоохранения, в которой число админис-

траторов возрастает, а число коек для пациентов падает. По-видимому, неспособная к решению таких базовых задач, как поддержание чистоты в больничных палатах, в качестве института она иногда обладает, как кажется, внутренне противоречивой позицией в отношении судьбы пациентов, заботясь только о количестве прошедших через систему.

Для большого института очень просто упустить из вида свои реальные функции. Это особенно справедливо, если задача велика, комплексна и бесконечна. Для правительства слишком легко возникает вопрос о сохранении пребывания у власти при любых обстоятельствах. Было бы соблазнительно рассматривать демократию как особо поддающуюся этому, если бы не было фактом, что все типы режимов легко оказываются жертвами этих же самых обстоятельств. Личности внутри институтов начинают думать сходным образом, ставя превыше всего личные амбиции и выгоды. Реальный успех или провал измерить трудно, особенно в краткосрочной перспективе. Цели и личная нажива являются привлекательными альтернативами.

В общественной жизни скандалы разного рода — разоблачается ли кто-либо как коррупционер, лжец или просто некомпетентный человек — больше не вызовут отставку, если существует какой-либо шанс вообще бесстыдно отрицать это или будет достаточно извинений. «Я принимаю на себя всю ответственность» сейчас должно стоять в одном ряду с «Это совершенно невероятно!» в качестве министерского заявления, которое обозначает точную противоположность сказанного ими на самом деле. В других случаях виновные стороны просят создания кодекса поведения для того, чтобы понять, как они должны поступать. Очевидно, просто честности и здравого смысла недостаточно. В правительстве или бизнесе вполне реально добиться большого успеха и быть щедро вознагражденным, не действуя эффективно. Достижения краткосрочных целей или обеспечения краткосрочной экономии или прибыли, причем это может быть сделано способом, который на самом деле ослабляет институт в перспективе, может оказаться достаточным.

Медленный в общем темп событий содействует осуществлению этого, и это нечто важное, что хорошо иллюстрирует римский пример. При всей неэффективности и коррупции в Поздней Римской империи, ее громадные размеры и врожденная сила означают, что прошло очень долгое время, прежде чем ее слабости стали более очевидны и серьезны по своим последствиям. Сегодня средства массовой информации регулярно используют такие термины, как «крах» или «кризис» применительно к бизнесу, а также правительственным учреждениям. Это редко ведет к предсказанной катастрофе. Подобно римлянам, вовлеченные в это массы обычно слишком велики, чтобы прийти к немедленному и окончательному краху. Жизнь продолжается, живут и институты или компании. Врожденная сила помогает поддержать их. В организациях, подобных Государственной службе здравоохранения или вооруженным силам, обычно все еще хватает талантов и одаренных личностей на нижних уровнях, чтобы позволить им функционировать, несмотря на очень плохое управление и нехватку ресурсов. Однако предостережение, исходящее из римского опыта, заключается в том, что великие катастрофы и падения приходят сколь внезапно, столь и непредвиденно.

Время играет другую роль. Один из уроков падения Рима — тот, что оно произошло очень медленно. Это означает, что и мы не будем готовы предсказать быстрый сдвиг в балансе сил нашего собственного мира. Когда Гиббон выпустил первый том «Упадка и разрушения» в 1776 году, и он, и другие могли испытывать обоснованный оптимизм по поводу того, что Британия одержит победу в войне в Америке. Второй и третий тома появились в начале 1781 года, когда картина стала менее радужной. К концу этого года Корнуоллис сдал свою армию американцам и французам у Йорктауна. Завершающий том вышел в 1788 году, когда американские колонии были безвозвратно утрачены Британией и возникло новое государство. Тон Гиббона делался заметно более пессимистичным по мере написания книги. Сама тема

отчасти ответственна за это. Есть что-то ввергающее в депрессию в крахе римской державы (чем можно отчасти объяснить тон настоящего эпилога). Однако, как мы отметили во «Введении», утрата Америки не помешала Британской империи стать еще более сильной и добиться еще больших успехов в следующем столетии.

Несмотря на пропаганду, ни одной империи — или, в данном случае, сверхдержаве — не гарантировано ее преобладание. Это справедливо для современной Америки, как было правдой и для Рима. Такое господство требует не просто силы, ресурсов и воли их использовать, но и способности эффективно распоряжаться ими. Это в значительной степени зависит от культуры. Начиная с III века римские императоры утратили чувство их более широкой роли, а вместо этого сконцентрировались на выживании. Гниение начинается с верхушки, и время от времени подобный настрой пропитывает целые правительства и высший командный состав армии. Огромные размеры означают, что на протяжении очень долгого времени римляне сохраняли завоеванные территории или — в самом крайнем случае — не терпели поражений, которые были бы катастрофическими. Империя находилась в упадке, но она могла продолжать существование на протяжении еще многих поколений.

Современная Америка не является вполне эффективной — никогда не было ни одного государства, которое достигло бы этого. Кое-какие из ее слабостей и проблем могут казаться перекликающимися с римским опытом, но ни одна из них и нигде не сделалась так близка, как изложенная. Ничто не подтверждает, что Соединенные Штаты Америки должны неизбежно прийти в упадок и лишиться статуса сверхдержавы в ближайшем будущем. Мы должны быть рады этому, поскольку ни одна из вероятных альтернатив не является достаточно привлекательной. Это определенно не означает, что Америка может позволить себе расслабиться.

Римский опыт подтверждает, что имперский упадок начинается с верхов. В их случае роковой упадок империи про-

изошел из-за внутренних проблем. Если правительство или учреждения забывают, для чего они на самом деле существуют, упадок произойдет, хотя и медленный. Удержать или восстановить это чувство перспективы и цели нелегко. Бюрократия непоколебима, она имеет тенденцию расширяться самостоятельно и проводить свою собственную программу действий. Это не является неизбежным, но это всегда вероятно. Коль скоро данную направленность необходимо повернуть в обратную сторону, тогда процесс следует начинать с самой верхушки. Поэтому, может быть, нам следует ожидать большего от наших политических лидеров. Если они не подадут пример, поставив более широкие цели выше личных и партийных интересов, тогда в высшей степени невероятно, чтобы кто-нибудь еще стал в чем-нибудь вести себя лучше. Большее желание принять на себя неподдельную ответственность было бы хорошим началом, но кажется невероятным, чтобы оно появилось.

Упадок не является неизбежным, но риск всегда присутствует. Гораздо проще провозгласить такое снадобье, чем кому-либо его использовать. Падение Рима было в значительной степени ударом, который он нанес сам себе. Трудно сказать, когда процесс стал необратимым, но начался он четырехлетней гражданской войной, которая началась после следующих друг за другом убийств Коммода и Пертинакса. Императоры стремились усилить собственную безопасность и, делая это, ослабляли способность империи действовать. Им также не удалось предотвратить регулярного появления внутренних соперников. Подобно Гиббону, трудно не впасть в некоторый пессимизм, прослеживая эту историю. Мои последние слова происходят из комментария, сделанного американским студентом на семинаре во времена моего пребывания студентом магистратуры в Оксфорде. После реферата, где обсуждалась церковная схизма в V и VI веках, этот в значительной степени урбанизированный индивидуум передразнил деревенский акцент для того, чтобы подвести итог дебатам: «Вы знаете, — сказал он, — люди — это род, устремленный вниз».

ХРОНОЛОГИЯ

Правления законных императоров выделены крупным шрифтом, имена узурпаторов и их правления — более мелким. Разница между теми и другими зачастую весьма расплывчата. Многие законные императоры, подобно Константину, начинали свою карьеру как узурпаторы.

161—180	ПРАВЛЕНИЕ МАРКА АВРЕЛИЯ
162—165	войны с парфянами. Взятие римлянами Ктесифона
166	первая крупная вспышка эпидемии
167	набеги варваров через Дунай; одна из их групп достигает Аквилеи в Северной Италии
168—175	Марк Аврелий проводит серию кампаний на дунайской границе
175	узурпация Авидия Кассия в Сирии после ложного слуха о смерти Марка Аврелия. Мятеж быстро сходит на нет без серьезной борьбы
178—180	Марк Аврелий проводит кампании на Дунае
180—192	ПРАВЛЕНИЕ КОММОДА
192	Коммод убит 31 декабря. Пертинакс провозглашен императором
193	Пертинакс убит. Императором провозглашен Дидий Юлиан. Септимий Север объявлен им-

	ператором в Паннонии, Песценний Нигер — в Сирии, Клодий Альбин — в Британии. Север и Альбин заключают союз, последний именуется цезарем. Север занимает Рим. Дидий Юлиан убит
193—211	ПРАВЛЕНИЕ СЕПТИМИЯ СЕВЕРА
194	Север разбивает и предает смерти Песценния Нигера
195	разрыв между Севером и Альбином, который объявляет себя августом
197	Клодий Альбин терпит поражение и гибнет при Лугдуне (совр. Лион)
197—202	кампании Севера на Востоке
208—211	кампании Севера в Британии
211	Север умирает в Британии. Ему наследуют его сыновья Каракалла и Гета. Гета убит Каракаллой
211—217	ПРАВЛЕНИЕ КАРАКАЛЛЫ
212	Каракалла издает «Constitutio Antoniniana», по которому подавляющему большинству жителей империи даруются права римского гражданства
214—217	кампании Каракаллы на Востоке
217	Каракалла погибает под Каррами. Префекта претория Макрина провозглашают императором. Это первый всадник, который становится императором
217—218	ПРАВЛЕНИЕ МАКРИНА
218	Элагабал провозглашен императором в результате мятежа, инспирированного его матерью Соэмией. Его сторонники наносят поражение Макрину, который ищет спасения в бегстве и вскоре гибнет
218—222	ПРАВЛЕНИЕ ЭЛАГАБАЛА
218—222	не поддающиеся точной датировке неудачные узурпации в Сирии, совершенные Селевком, Уранием, Геллием Максимом и Вером

221	Элагабал усыновляет своего двоюродного брата Александра Севера
222	Элагабал и Соэмия убиты
222—235	ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА
222—235	не поддающаяся точной датировке, но имевшая место во время этого правления неудачная попытка узурпации, совершенная Таврином, — вероятно, в Сирии
223	парфянский царь Артабан V терпит поражение от поднявшего восстание Ардашира, царя Персии, и гибнет. Возникновение династии Сасанидов, которая будет править Персидской империей вплоть до VII века
230	Ардашир вторгается в римскую провинцию Месопотамия
232	Поход Севера против персов, не приводящий, однако, к каким-то результатам
234	Максимин Фракиец провозглашен императором войсками в Паннонии
235	Александр Север убит взбунтовавшимися солдатами на Рейне
235—238	ПРАВЛЕНИЕ МАКСИМИНА ФРАКИЙЦА
235—238	персы захватывают большую часть Месопотамии, овладев Нисибисом и Каррами
235—238	не поддающиеся точной датировке неудачные попытки узурпации, предпринятые Магном и Квартином на Рейне
235—237	кампании Максимина на рейнской и дунайской границе
238	Гордиан I и его сын поднимают в Северной Африке восстание, которое быстро подавляет легат Нумидии. Оба Гордиана гибнут. Тем временем сенат заявляет о своей поддержке и вынужден искать замену императорам. Его выбор останавливается на Пупиене, Бальбине и юном внуке

Гордиана I, известном под именем Гордиана III. Пупиен и Бальбин гибнут от рук преторианцев. Максимин вторгается в Италию, однако терпит неудачу при осаде Аквилеи, и его убивают собственные солдаты

238—244 ПРАВЛЕНИЕ ГОРДИАНА III

240 восстание Сабиана в Карфагене, быстро подавленное

241 смерть Ардашира; ему наследует его сын Шапур I

242 пророк Мани начинает проповедь своей новой религии

242—244 походы Гордиана III против персов. Достигнуты определенные успехи, однако война заканчивается поражением. Гордиан III умирает или гибнет. Префект претория Филипп провозглашен императором

244—249 ПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА АРАВИТЯНИНА

244—249 неудачные попытки узурпаций со стороны Марка в Сирии, Сильваннака в Германии и Спонсиана — вероятно, в Паннонии, точные даты и подробности неизвестны

248 Филипп устраивает в Риме торжества в честь тысячелетия со времени основания города. Успешные операции Деция на Дунае

249 Деция провозглашают императором, он наносит поражение Филиппу и убивает его на севере Италии. Неудачная попытка узурпации со стороны Иотапиана в Сирии

249—251 ПРАВЛЕНИЕ ДЕЦИЯ ТРАЯНА

249—250 Деций издает декрет о жертвоприношениях, который кладет начало преследованиям христиан

250 или 251 неудачная попытка узурпации со стороны Юлия Приска на востоке и Валента в Риме

251 Деций терпит поражение и погибает от рук варваров (вероятно, готов) под предводительством

Книвы. Гостилиан и Требониан Галл провозглашены императорами. Гостилиан вскоре после этого умирает

251—253 ПРАВЛЕНИЕ ТРЕБОНИАНА ГАЛЛА

252 Шапур I смещает царя Армении, а затем вновь вторгается в Месопотамию

253 Эмилиан поднимает восстание на Дунае. Он одерживает победу над Требонианом Галлом и убивает его, но сам уже через несколько месяцев гибнет от рук собственных воинов. Валериан провозглашен императором на Рейне и назначает своего сына Галлиена августом. Готы совершают морской рейд со стороны Черного моря. Шапур проводит крупномасштабный набег и захватывает Антиохию. Узурпация Урания Антонина, осуществившего успешную операцию против персов

253—260 ПРАВЛЕНИЕ ВАЛЕРИАНА И ГАЛЛИЕНА

253—259 неудачная попытка узурпации, предпринятая Мареадом в Сирии; датировка и подробности неизвестны

254 крупнейшие набеги из-за Рейна и Дуная. Ураний Антонин разбит Валерианом. Персы вновь захватывают Нисибис

255 второй крупнейший морской рейд готов. Северное побережье Малой Азии подверглось мощным атакам

257—260 гонения Валериана на христиан

258 узурпатор Ингенуй поднимает восстание на Дунае, но вскоре терпит поражение от Галлиена

259 Варвары (возможно, алеманны) совершают масштабные набеги на Галлию. Ютунги проникают в Италию

260 Валериан отправляется в поход против персов, однако попадает в плен и остается в нем до кон-

ца своих дней. Это вызывает волну узурпаций, среди них — Регалиана в Иллирике, Валента в Македонии, Постума в Галлии, Регалиана на Дунае, Макриана, Квиета и Баллисты на Востоке и другие — в Египте, Италии и, возможно, в Африке

260—268 ЦАРСТВОВАНИЕ ГАЛЛИЕНА БЕЗ СОПРАВИТЕЛЯ

260—269 ПРАВЛЕНИЕ ПОСТУМА В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ

261 Макриан терпит поражение от армии Галлиена и гибнет, Квиет убит Оденатом, который принимает титул dux'a и «повелителя Востока». Валент поднимает восстание в Македонии, но позднее его убивают собственные воины. Неудачная попытка узурпации, предпринятая Муссием Эмилианом, наместником Египта

262 Оденат проводит успешные операции против персов и овладевает Ктесифоном

265 Галлиен нападает на Постума, но терпит поражение

266 Оденат вновь совершает поход на Ктесифон. Готы снова устраивают набег на Малую Азию

266/267 Оденат убит. Власть переходит к его жене Зенобии, которая правит от имени его сына Вабаллата

267 военачальник Галлиена Ауреол восстает против последнего. Готы устраивают масштабное вторжение на Балканы и в Грецию. Афины подвергаются разграблению

268 Галлиен убит. Ауреол терпит поражение и гибнет. Клавдий провозглашен императором. Он наносит поражение алеманнам в Италии

268—270 ПРАВЛЕНИЕ КЛАВДИЯ II ГОТСКОГО

269 победа Клавдия над готами. Постум убит. Марий провозглашен императором в Галлии, но

вскоре гибнет от рук убийц. Ему наследует Викторин. Зенобия начинает распространять свой контроль на восточные провинции Рима

270 Клавдий II умирает в результате эпидемии чумы, ему наследует его брат Квинтилл. Последнего свергает Аврелиан. Зенобия захватывает Египет, Сирию и Малую Азию

270—275 ПРАВЛЕНИЕ АВРЕЛИАНА

271 Вабалаллат объявлен императором. Аврелиан наносит поражение Викторину, тот убит, его место занимает Тетрик. Дакийские провинции оставлены римлянами. Аврелиан приказывает возвести мощный пояс стен вокруг Рима

272 Аврелиан одерживает победу над Зенобией и отвоевывает восточные провинции. Смерть Шапура I

273 Аврелиан подавляет новое восстание в Пальмире

274 Аврелиан нападает на Тетрика, который сдается ему

275 убийство Аврелиана. Тацит провозглашен императором с согласия сената

275—276 ПРАВЛЕНИЕ ТАЦИТА

276 Тацит убит. Ему наследует префект претория Флориан. Проб поднимает восстание, восточные легионы провозглашают его императором. Он одерживает победу над готами. Флориан убит своими людьми, которые переходят на сторону его соперника

276—282 ПРАВЛЕНИЕ ПРОБА

279 восстание в Исаврии и осада Кремнии

280 неудачная попытка узурпации, предпринятая Боносом и Прокулом

281 неудачная попытка узурпации со стороны Сатурнина

282	Проб убит, его место занимает Кар, который затем проводит кампанию против варваров на Дунае
282—283	ПРАВЛЕНИЕ КАРА
283	Кар ведет наступление на Персию, однако умирает недалеко от Ктесифона. Ему наследуют Карин, который правит на Западе, и Нумериан, который правит на Востоке
283—284	ПРАВЛЕНИЕ КАРИНА И НУМЕРИАНА
284	Нумериан убит в результате заговора, организованного префектом претория Апром. Диоклетиан провозглашен императором, после чего немедленно расправляется с Апром
284—305	ПРАВЛЕНИЕ ДИОКЛЕТИАНА
285	Диоклетиан одерживает победу над Карином в битве при Марге. Операции Максимиана в Галлии и на Рейне, Диоклетиана — на Дунае
286	Максимиан провозглашен августом. Караузий поднимает восстание в Британии
286—293	ПРАВЛЕНИЕ КАРАУЗИЯ В БРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ГАЛЛИИ
289	кампания Диоклетиана на Дунае. Максимиан начинает наступательную операцию против Караузия, но терпит поражение
290	операции Диоклетиана на Востоке
293	Констанций и Галерий принимают титул цезарей с целью образования тетрархии. Распря из-за престола в Персии — в итоге становится царем Нарсес (вероятно, в 294 году). Констанций захватывает Булонь. Караузий убит, его место занимает Аллект
296	Констанций разбивает Аллекта и отвоевывает Британию. Персы вторгаются в Армению
297	Галерий терпит поражение от персов под Каррами. Домиций Домициан поднимает мятеж в Египте и объявляет себя императором

298	Галерий одерживает крупную победу над персами и захватывает Ктесифон. Диоклетиан лично руководит подавлением мятежа Домициана в Египте
299	мирный договор с Персией на благоприятных для Рима условиях
301	Диоклетиан проводит денежную реформу и издает эдикт о ценах
302	Диоклетиан приказывает начать преследования манихеев
303	Диоклетиан разворачивает крупномасштабные преследования христиан
305	Диоклетиан и Максимиан отрекаются от престола. Констанций и Галерий принимают титул августов, а Север и Максимин Дайя становятся цезарями при них
306	Констанций умирает в Йорке. Его воины провозглашают императором Константина. Максенций провозглашен императором в Италии при поддержке своего отца Максимиана
306—337	ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА, КОТОРЫЙ ЕДИНОЛИЧНО ЦАРСТВУЕТ НАД ВСЕЙ ИМПЕРИЕЙ С 324 ГОДА
307	Галерий и Север вторгаются в Италию, однако в итоге отступают. Север взят в плен Максенцием и впоследствии казнен
308	Максимиан вновь отрекается от власти под нажимом Диоклетиана. Лициний принимает титул Августа. В Северной Африке Домиций Александр поднимает мятеж против Максенция
309	Домиций Александр терпит поражение и погибает
310	Максимиан вновь объявляет себя императором, но терпит поражение и гибнет. Максимин Дайя провозглашен августом

311	смерть Галерия. Перед кончиной он издает декрет о терпимости, в соответствии с которым предоставлялось право отправлять богослужения адептам различных религий, включая христиан. Максимин Дайя частично его проигнорировал. Примерно в то же время умирает и Диоклетиан (или, возможно, в 312 году)
312	Константин вторгается в Италию и одерживает победу над Максенцием в битве у Мульвийского моста
313	Константин и Лициний заключают союз. Лициний наносит поражение Максимину Дайе. Союзники выпускают эдикт, подтверждающий свободу вероисповедания, так называемый Миланский эдикт
314	операции Константина на Рейне
316	начало войны между Константином и Лицинием. Победа Константина при Кибалах. Лициний уступает фактически все свои владения в Европе в качестве платы за мир
317	Константин делает своих сыновей Криспа и Константина II цезарями
324	возобновление войны между Константином и Лицинием. Последний терпит поражение и отправляется в ссылку, но впоследствии его казнят. Сын Константина Констанций II провозглашен цезарем. Константин приказывает начать строительные работы в Константинополе
326	Константин казнит своих сына Криспа и жену Фаусту. Мать Константина совершает паломничество в Иерусалим и, как утверждают, локализует многие святые места и обретает немало реликвий
327	кончина Елены
330	официальное освящение Константинополя

332	операции Константина на Дунае против готов
333	сын Константина Констант провозглашен цезарем
334	операции Константина на Дунае
335	племянник Константина Далмаций объявлен цезарем
337	смерть Константина. Констант, Константин II и Констанций II провозглашены императорами после убийства Далмация и нескольких других членов императорской семьи мужского пола
337—340	ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА II
337—350	ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТА
337—361	ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНЦИЯ II
340	гражданская война между Константином II и Константом. Константин погибает в стычке
343—344	битва при Сингаре между римлянами и персами
346	нападение персов и их неудачная попытка захватить Нисибис
350	Магненций провозглашен императором в Галлии. Констант терпит поражение и погибает. Вновь отражены атаки персов от Нисибиса
351	Констанций II назначает Констанция Галла цезарем
353	Магненций терпит поражение и кончает жизнь самоубийством
354	Констанций Галл казнен по обвинению в заговоре
355	кратковременная узурпация Сильвана. Франки подвергают разграблению Кельн
355	Юлиан провозглашен цезарем и отправлен в Галлию
355—359	кампании Юлиана на Рейне
357	Юлиан одерживает победу над алеманнами при Аргенторате (Страсбурге)
359	персы захватывают Амиду

360	Юлиан провозглашен августом своими войсками в Галлии
361	гражданская война между Юлианом и Констанцием II, которая заканчивается из-за естественной смерти последнего
361—363	ПРАВЛЕНИЕ ЮЛИАНА
363	Юлиан начинает крупномасштабное вторжение в Персию. Однако под Ктесифоном его наступление застопоривается, и он начинает отход, но гибнет в стычке. Армия провозглашает Иовиана императором
363—364	ПРАВЛЕНИЕ ИОВИАНА
364	Иовиан заключает мир на очень выгодных для персов условиях. Он уступает им определенные территории, в том числе приграничную крепость Нисибис. Смерть Иовиана под Анкирой (по-видимому, случайная). Валентиниан провозглашен императором и назначает своего брата Валента августом. Они делят империю: Валентиниан берет себе Запад. Валент — Восток
364—375	ПРАВЛЕНИЕ ВАЛЕНТИНИАНА
364—378	ПРАВЛЕНИЕ ВАЛЕНТА
365	мятеж узурпатора Прокопия под Константинополем
366	Прокопий разгромлен
367	операции Валентиниана на Дунае
369	операции Валентиниана на Дунае
372	Фирм провозглашает себя августом в Северной Африке
373	восстание Фирма подавлено Феодосием-старшим
375	Валентиниан проводит операции на Рейне, однако умирает от инсульта. Его сыновья Грациан и Валентиниан II наследуют ему на Западе. Казнь Феодосия-старшего

375—383	ПРАВЛЕНИЕ ГРАЦИАНА
376	тервингам разрешают переправиться через Дунай на римскую территорию. Однако с ними плохо обращаются, и они поднимают восстание. Другое готское племя, известное под именем гревтунгов, прокладывает себе силой путь через Дунай
377	битва с готами при Салиции с неопределенным исходом
378	поражение и гибель Валента в битве с готами при Адрианополе
379	Феодосий провозглашен императором Востока
379—395	ПРАВЛЕНИЕ ФЕОДОСИЯ
382	готская война завершается поселением готов на римской территории. Алтарь Победы удален из здания сената в Риме
383	Магн Максим поднимает мятеж в Британии и вторгается в Галлию. Он наносит поражение Грациану и убивает его. На какое-то время Феодосий признает его императором
383—388	ПРАВЛЕНИЕ МАГНА МАКСИМА НАД БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ
387	Магн Максим вторгается на территорию Италии, однако ему не удается взять в плен Валентиниана II. Последний находит убежище у матери в Константинополе. Феодосий выдает за Валентиниана II свою сестру и убеждает его вести борьбу с Магном Максимом
388	Магн Максим терпит поражение и погибает
390	избиение зрителей колесничных состязаний в Фессалониках, за которое Феодосий позднее приносит покаяние
391	разрушение монахами Серапейона, древнего святилища Сераписа в Александрии. Феодосий вводит законодательные ограничения на отправление языческих ритуалов

392 Валентиниан II найден мертвым — возможно, покончив жизнь самоубийством. Его военачальник Арбогаст провозглашает императором сенатора Евгения. Последний предпринимает попытку добиться поддержки от язычников

394 Феодосий побеждает Арбогаста и Евгения в большой битве, происшедшей на реке Фригид

395 Феодосий умирает в Милане. Ему наследуют его сыновья: Гонорий — на Западе, Аркадий — на Востоке. Оба они юны, и реальная власть находится у других людей. В Западной империи ведущей фигурой является военачальник Стилихон. Орды гуннов совершают набеги на Персию и Восточную Римскую империю. Аларих поднимает готский мятеж на Балканах. Восточноримские войска во главе с Гайной поворачивают на Константинополь. Он организует убийство Руфина и на короткое время добивается господствующего положения при дворе Восточной Римской империи

395—408 ПРАВЛЕНИЕ АРКАДИЯ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

392—423 ПРАВЛЕНИЕ ГОНОРИЯ В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

396 Аларих устраивает крупномасштабные грабежи на территории Греции

397 операции Стилихона против Алариха, однако восточноримский император Аркадий и его двор отказываются смириться с господством Стилихона*. Аларих получает звание магистра пехоты от Аркадия. В Африке поднимает мятеж наместник Гильдон. Он не провозглашает себя императором, но желает перейти на сторону Аркадия

* У Голдсуорти сказано «его господства», т.е., выходит, Алариха, что противоречит смыслу. — *Примеч. пер.*

398	Гильдон разгромлен своим братом Масцезелом, который выступил на стороне Стилихона. Вскоре после возвращения в Италию Масцезел умирает или становится жертвой убийства
399	Гайна и другие оказывают давление, добиваясь казни препозита священной опочивальни Евтропия
400	Гайна бежит из Константинополя. Избиение готов при их уходе из города. Гайна разгромлен другим готским военачальником по имени Фравитта, который также будет казнен несколько месяцев спустя
401	Алариx вступает на территорию Западной Римской империи
402	Алариx вторгается в Италию, однако Стилихон дает ему несколько сражений, и готы в конце концов отступают
405	Алариха возводят в ранг магистра пехоты Западной Римской империи
406 (или 405)	вандалы, аланы и свевы пересекают Рейн в канун нового года и начинают набег на Галлию
406	Радагайс устраивает набег во главе значительных сил готов и переходит через Дунай, однако терпит поражение от Стилихона. Один за другим три узурпатора объявляют себя императорами в Британии. Последний из них, Константин III, высаживается в Галлии и вскоре устанавливает контроль над большею частью Западной Римской империи
406—411	ПРАВЛЕНИЕ КОНСТАНТИНА III
407	Алариx вновь вторгается в Италию
408	смерть Аркадия. Ему наследует его семилетний сын Феодосий II. Стилихон соглашается выплатить Алариху контрибуцию во избежание дальнейших набегов на Италию, однако это сильно

подрывает его авторитет. Он впадает в немилость у Гонория, и после мятежа в армии его арестовывают и казнят. Аларих вторгается в Италию

408—450 ПРАВЛЕНИЕ ФЕОДОСИЯ II В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

408—409 блокада Рима Аларихом

409 Аларих объявляет Приска Аттала императором, но через несколько месяцев без лишнего шума низлагает. Гонорий признает Константина III своим соправителем

410 Аларих разоряет Рим, но вскоре после того умирает, и ему наследует Атаульф. Британия восстает против Константина III

411 Геронтий поднимает восстание против Константина III в Испании и провозглашает своего сына Максима императором. Он подвергает осаде Константина III, но затем гибнет от рук собственных воинов, перешедших на сторону Констанция, военачальника Гонория. Констанций завершает разгром Константина III. В Галлии появляется другой узурпатор, Иовин. Поначалу он пользуется поддержкой, но затем его разбивают готы Атаульфа

413 Гераклий, наместник Африки, поднимает мятеж и вторгается в Италию, но затем терпит поражение и погибает

414 Атаульф совершает крупномасштабный набег на Южную Галлию и женится на Галле Плацидии. Аттал Приск вновь провозглашен императором

415 Атаульф убит, и главенство над готами переходит к Валлии. Он выдает Аттала Гонорию, который отправляет его в изгнание. Валлия и его воины сражаются в Испании на стороне императора

418	готы расселяются в Аквитании. Валлия умирает, ему наследует Теодорих I
421	военачальник Констанций принимает титул августа, но вскоре после этого умирает
422	Восточная Римская империя соглашается платить царю гуннов Руа за то, чтобы он не нападал на нее
423	кончина Гонория. Иоанн провозглашен императором в Риме
424	Феодосий II отказывается признать Иоанна и собирает армию, чтобы поддержать притязания Валентиниана III, сына Констанция и Галлы Плацидии
425	Иоанн разгромлен и убит. Аэций прибывает слишком поздно, чтобы принять участие в кампании вместе с гуннскими отрядами, которые он набрал. Ему дают назначение при новом режиме
425—455	ПРАВЛЕНИЕ ВАЛЕНТИНИАНА III
427	гражданская война между высшими военачальниками Запада, которые боролись за влияние на слабого императора. Феликс разгромлен Бонифацием
429	вандалы переправляются из Испании в Северную Африку
430	Аэций вытесняет и убивает Феликса
431	вандалы разоряют Гиппон Регий
432	Бонифаций высаживается с войсками в Италии и разбивает Аэция, который спасается бегством. Однако сам Бонифаций умирает от ран
433	Аэций возвращается и становится главнокомандующим войсками Западной Римской империи
434	Руа требует увеличения выплат в обмен на отказ от набегов на Западную Римскую империю

435	Аэций получает титул патриция. Восстание багаудов на северо-западе Галлии
436—437	победа Аэция и его союзников-гуннов над бургундами. Аквитанские готы нападают на город Нарбон
438	Феодосий II издает сборник законов, известный под названием кодекса Феодосия
439	взятие вандалами Карфагена
440	нападение вандалов на Сицилию. Племянники Руа Бледа и Аттила принуждают Западную Римскую империю к увеличению выплат дани гуннам
441	Западная и Восточная империи готовятся к совместной крупномасштабной экспедиции против вандалов, но ей не суждено когда-либо состояться. Свевы распространяют свой контроль над все большим числом территорий Испании
441—442	гунны совершают большой набег на Иллирик и Фракию
442	договор с вандалами, по условиям которого признается их власть над Северной Африкой
445	Бледа убит, Аттила становится единовластным правителем гуннов
447	Аттила начинает крупномасштабные набеги на Восточную Римскую империю, опустошает Фракию и даже угрожает Константинополю. Феодосий II отдает ему значительную часть территории, примыкающую к Дунаю, а также соглашается значительно повысить выплаты золотом
448	посольство к Аттиле, описанное Приском
450	смерть Феодосия II
450—457	ПРАВЛЕНИЕ МАРКИАНА В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
451	Аттила нападает на Западную Римскую империю, однако на Каталаунских полях он разбит Аэцием

452	Аттила нападает на Италию, разоряет несколько ее городов, но в конце концов отступает
453	смерть Аттилы
454	убийство Аэция Валентинианом III
455	Валентиниан III убит, императором провозглашает себя Петроний Максим. Его убивают в то время, когда вандалы врываются в Рим и подвергают его разграблению. В Галлии Авит объявлен императором при поддержке готов
456	Авит вторгается в Италию, но в конце концов терпит поражение
457	Авит отрекается от власти и становится епископом, но вскоре умирает. Майориан становится императором Запада при поддержке Восточной Римской империи. Маркиан умирает в конце этого года. Лев становится императором на Востоке при поддержке магистра пехоты Аспара
457—474	ПРАВЛЕНИЕ ЛЬВА В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
457—461	ПРАВЛЕНИЕ МАЙОРИАНА В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
460	Майориан готовится к вторжению в Африку из Испании
461	экспедиция Майориана терпит катастрофическое поражение у берегов Испании. В результате Рицимер отстраняет его от власти и предает казни, а императором провозглашает Либия Севера
461—465	ПРАВЛЕНИЕ ЛИБИЯ СЕВЕРА В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
463	восстание Эгидия во главе римской армии в Галлии
465	убийство Эгидия. Либий Север умирает, и в течение последующих двух лет престол Западной Римской империи остается незанятым

467 Лев отправляет одного из своих военачальников, Анфимия, чтобы тот стал императором на Западе. Рицимер принимает его в качестве правителя

467—472 ПРАВЛЕНИЕ АНФИМИЯ В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

468 вторая экспедиция против вандалов в Африку заканчивается катастрофой

471 Аспар убит по приказу Льва

472 гражданская война между Анфимием и Рицимером. Император разгромлен и казнен. Рицимер провозглашает императором Олибрия. Вскоре после этого Рицимер умирает, а через короткое время за ним следует и Олибрий

473 вместо Рицимера командующим становится бургундский вождь Гундобад. Он назначает императором Западной Римской империи Глицерия

473—474 ПРАВЛЕНИЕ ГЛИЦЕРИЯ В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

474 смерть Льва. Зенон становится императором на Востоке. Гундобад оставляет Глицерия и с головой уходит в бургундскую политику. Юлий Непот ведет армию из Далмации, чтобы низложить Глицерия, и становится императором сам

474—491 ПРАВЛЕНИЕ ЗЕНОНА В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

475 стоящая в Италии армия под командованием Ореста поднимает восстание и свергает Юлия Непота, который спасается бегством в Восточную империю. Орест провозглашает императором своего сына Ромула Августула. Василиск поднимает мятеж против Зенона и захватывает Константинополь

475—476 ПРАВЛЕНИЕ РОМУЛА АВГУСТУЛА

476	Одоакр поднимает на мятеж значительную часть войск в Италии, убивает Ореста и свергает Ромула Августула. Он отсылает императорские регалии в Константинополь. Зенон побеждает Василиска и предает его казни
479	узурпатор Маркиан восстает против Зенона, однако терпит поражение, становится священнослужителем и уходит в изгнание
480	смерть изгнанного Юлия Непота
481	смерть готского вождя Теодориха Страбона
484—488	мятеж против Зенона в Исаврии, в конечном счете подавленный
489	Теодорих и его остготы вторгаются в Италию
491	смерть Зенона. Ему на престоле Восточной Римской империи наследует Анастасий
491—518	ПРАВЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ АНАСТАСИЯ
493	Одоакр сдается Теодориху в Равенне. После кратковременного периода совместного правления Одоакра убивают
502	персы начинают крупное наступление на Восточную Римскую империю
505	римляне вынуждают персов заключить перемирие
518	смерть Анастасия. Ему наследует на престоле Восточной Римской империи Юстин I
518—527	ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНА I В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
527	смерть Юстина I, однако он уже успел сделать своим соправителем Юстиниана, который и наследует ему
527—565	ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНИАНА В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
528	Юстиниан выпускает первый вариант своего кодекса законов

530	Велизарий одерживает победу над персами при Даре
531	Велизарий терпит поражение от персов при Каллинике
532	крупное восстание цирковых партий в Константинополе едва не приводит к свержению Юстиниана. Волнения жестоко подавлены. С Персией подписано соглашение о «вечном мире»
533	Юстиниан выпускает «Дигесты». Велизарий вторгается в Северную Африку и быстро наносит поражение вандалам
534	Велизарий празднует триумф на победу в Африке
535	Велизарий вторгается на Сицилию
536	Велизарий вторгается в Италию и захватывает Рим
537	Велизарий осажден в Риме
539	остготы подвергают разграблению Милан
540	персидский царь Хосров нападает на Восточную Римскую империю и подвергает разграблению Антиохию
541	Велизарий отозван из Италии. Вскоре его отправляют воевать с персами
542	первая крупная вспышка эпидемии чумы в Восточной Римской империи
544—549	кампании Велизария в Италии
545	Юстиниан и Хосров заключают мир в Месопотамии, однако продолжается борьба на других фронтах
548	смерть императрицы Феодоры
550	начинается наступление против вестготов в Испании
552	победа Нарсеса над остготами в Италии при Тагинах
553	победа Нарсеса над остготами при Везувии
554	франкская армия вторгается в Италию и терпит поражение при Казилине

561—562	«Пятидесятилетний мир» между Восточной Римской империей и Персией
565	смерть Юстиниана, преемником которого становится его племянник Юстин II
565—578	ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНА II В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
568	лангобарды вторгаются в Италию
572	Юстин II нападает на Персию
573	взятие персами Дары. Юстин* сходит с ума. С этого времени его правление носит номинальный характер
574	Тиберий назначен цезарем и становится, по сути, единственным императором
574—582	ПРАВЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
578	смерть Юстина II
582	смерть Тиберия, преемником которого становится военачальник Маврикий
582—602	ПРАВЛЕНИЕ МАВРИКИЯ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
602	узурпатор Фока поднимает мятеж. Маврикий свергнут и убит
698—610	гражданская война. Против Фоки вспыхивает несколько восстаний, наиболее мощным из которых предводительствует Ираклий, командующий войсками в Африке. Фока терпит поражение
610—641	ПРАВЛЕНИЕ ИРАКЛИЯ В ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
632	смерть пророка Мухаммеда
636	римляне терпят тяжелое поражение от мусульманской арабской армии в битве при Ярмуке
638	арабы захватывают Иерусалим
640	арабы завоевывают Египет

* В английском тексте ошибочно говорится о Юстиниане. — *Примеч. пер.*

СЛОВАРЬ

Agentes in rebus: с IV века «агенты по делам» являлись представителями императора, в чью задачу входила доставка правительственной документации*. Поскольку это предполагало поездки и контакты со многими людьми, то они сообщали о деятельности других представителей имперской системы. Они специально занимались искоренением нелояльности. Их доклады были одним из средств, с помощью которых императоры узнавали о том, что происходит в отдаленных провинциях. Поскольку содержавшиеся в них обвинения весьма часто приводили к немилости или гибели чиновников и военных, этих агентов повсюду не любили и боялись.

Арианство — течение в христианстве, объявленное еретическим на Никейском соборе в 325 году. Однако оно продолжало распространяться, особенно в восточных провинциях, в течение всего IV столетия. Его основателем был Арий, который проповедовал в Антиохии и Александрии. Он утверждал, что Иисус не тождествен и не равен Богу-Отцу. По поводу того, как же обстоит на самом деле, сами арианe высказывали различные мнения. Общим их постулатом

* По-видимому, по-русски это лучше всего передать как «особо уполномоченный». — *Примеч. пер.*

было то, что Бог-Отец и Бог-Сын подобосущны (homoios). Арианское учение господствовало у таких племен, как готы и вандалы, в течение VI века.

Буцелларии (bucellarii): воины, которых оплачивали и снабжали их непосредственные командиры и которые составляли часть их челяди. Эти люди оставались частью регулярной армии, предполагалось, что они лояльны по отношению к императору. Их название происходило от сухарей (bucellatum), входивших в рацион солдат, и подчеркивало обязанность командиров кормить их. Такие части существовали в V и VI столетиях.

Викарий (vicarius): гражданский чиновник, правитель диоцеза.

Всадническое сословие (всадники): класс в римском обществе, находившийся на социальной лестнице непосредственно вслед за сословием сенаторов; его представители именовались всадниками, поскольку в армии республики они традиционно составляли кавалерию. В III веке количество всадников, занимавших крупные военные и гражданские посты, значительно возросло. В итоге всаднический статус стал автоматически связываться с занятием особых постов в империи, а сам класс разделился на несколько подгрупп, различавшихся по старшинству.

Денарий: основная серебряная монета в эпоху принципата. Это был «пенни» канонического английского перевода Библии, отсюда аббревиатура d для пенса во времена, предшествовавшие переходу на десятичную систему. Денарии перестали чеканить в III веке, однако многие денежные суммы по-прежнему исчислялись в этой единице.

Диоцез: сократив размеры отдельных провинций, Диоклетиан создал четырнадцать крупных образований, известных под названием диоцезов под руководством граждан-

ской администрации. За каждый из них отвечал викарий (vicarius), который, в свою очередь, подчинялся префекту претория.

Доминат: Август и его преемники известны под названием «принцепс» (princeps), или первый гражданин/магистрат. Со времен Диоклетиана императоры стали именоваться словом dominus, которое означает «господин» или «хозяин». Поэтому в науке принято называть период Поздней империи доминатом.

Донатисты: еретическая группа, получившая свое название от ее первого главы Доната. Раскол североафриканской церкви поначалу возник не из-за вопросов вероучения. Донатисты выступали против того, чтобы те, кто бежал или дискредитировал себя каким-либо иным образом во время гонений на христиан, возвратились и служили в качестве священников или епископов. В результате во многих североафриканских общинах существовали совершенно самостоятельные параллельные церковные организации.

«Единосущность» (homoousios**):** доктрина, согласно которой Иисус обладает «той же сущностью», что и Бог-Отец. Была принята в качестве ортодоксальной епископами на Никейском соборе. Несмотря на яростное противостояние части верующих, была в конце концов утверждена в качестве доктрины католической церкви.

Зороастризм: религия древней Персии, вероятно, зародившаяся около 1000 года до н.э. Возобновление и куда более широкое влияние зороастризма началось во времена правления основателя Сасанидской династии Ардашира в III веке; эти события ознаменовались строительством специально устроенных храмов, где поддерживался священный огонь.

Кандидаты (candidati): сорок candidati отбирались из scholae частей в императорскую гвардию. Они служили в качестве личных телохранителей императора. Их название происходит от их белой формы. (Во времена республики лица, добивавшиеся должностей, носили особую беленую тогу, откуда и берет начало слово «кандидат»*.)

Катафрактарий (cataphractarius): тяжеловооруженный кавалерист, зачастую ездивший на закованном в латы коне. Римляне впервые столкнулись с такими воинами, когда имели дело с армиями Востока, однако позднее сами стали использовать их.

Клибанарий (clibanarius): тяжеловооруженный кавалерист, чей конь также мог быть закован в латы. При этом остается неясным, синонимичен ли этот термин слову «катафракт». Название происходит от слова, означавшего печь для хлеба.

Когорта (cohors): — во времена принципата и легионеры, и солдаты вспомогательных войск делились на когорты. Она представляла собой базовую тактическую единицу армии. Обычно состояла из четырехсот восьмидесяти человек, однако первая когорта легиона и некоторые вспомогательные части насчитывали восемьсот человек. К IV столетию только некоторые части limitanei продолжали подразделяться на когорты. По-видимому, они были намного меньше, чем когорты более раннего времени.

Колон (colonus): колоны (coloni) были крестьянами-арендаторами. Диоклетиан прикрепил их к земле, на которой они работали, чтобы обеспечить регулярное взыскивание налогов. На их потомках лежали те же самые обязательства.

---

* Такая тога называлась на латинском candida. — *Примеч. пер.*

Комит (comes): офицеры в позднеримской армии, стоявшие рангом ниже магистров пехоты. Некоторые из них отвечали за определенные территории. Другие командовали частями comitatenses. В буквальном смысле под комитами подразумевалась «компания» императора. Это название использовалось применительно к различным должностям.

Комит доместиков (comes Domesticorum): с середины IV столетия носитель этого звания командовал гвардией императора, известной как protectores.

Консул (consul): два консула, занимавшие должность в течение года, были высшими выборными магистратами Римской республики, и год обозначался по их именам. Консулат сохранял свой престиж долгое время и после того, как реальная власть его обладателей уменьшилась. Императоры зачастую сами становились консулами. К V столетию императоры Восточной и Западной империй по обычаю назначали себя на эту должность.

Курия (curia): городской совет, состоявший из наиболее богатых членов общины. От его членов ожидали значительных трат за собственный счет на местные нужды. В эпоху Поздней империи для многих краев ее представляло немалую трудность найти достаточное число местных жителей, желавших и способных нести обязанности членов совета.

Легат: сенатор, представитель императора или лицо, его замещающее. В эпоху принципата наиболее важную роль играли два типа легатов: (1) legatus Augusti pro praetore, стоявшие во главе всех провинций империи — за исключением Египта, — где в качестве гарнизонов были расквартированы легионы; (2) Legatus legionis, командовавший легионом.

Легион: в эпоху принципата легион представлял собой крупное формирование, насчитывавшее примерно пять тысяч человек. В IV—V веках легионы продолжали существовать в составе и comitatenses, и limitanei, но, очевидно, численность их уменьшилась. Легионы comitatenses вряд ли насчитывали более тысячи человек; численность их вполне могла быть значительно меньше.

Манихейство: религия, основанная в III веке пророком Мани. Он много путешествовал и в том числе посетил Индию; его идеи носят следы влияния широкого круга различных верований, включая иудаизм, христианство и зороастризм. Мани учил о борьбе между Светом, или добром, и Тьмой, или злом. Мир был порождением Тьмы, удержавшей в себе частицы Света. Наиболее ревностные его последователи придерживались суровой аскезы, желая заслужить воздаяние. Поначалу хорошо принятый в Персии, Мани в конце концов был казнен царем Бахрамом I в 276 году. Диоклетиан, как и позднейшие императоры-христиане, подвергал гонениям его последователей.

Монтанисты: христианская секта с уклоном в иудаизм, появившаяся во II веке и впоследствии процветавшая, в особенности в Малой Азии. Первоначально вдохновителями этого течения явились две женщины-пророчицы, предрекавшие, что скоро совершится Второе пришествие. Секта также настаивала на обретении ритуальной чистоты посредством постов, исполнения епитимий и отречения от мирской жизни. Монтанистская церковь просуществовала до VIII века, сохранив собственную, особую иерархию.

Неоплатонизм: эта разновидность платонизма получила развитие в III веке. В основу его легло учение философа Плотина, однако неоплатонизм включал в себя идеи других

философских школ, а также новые понятия. Господствующая философская школа периода Поздней империи. Значительную роль в ней играл мистицизм.

Никейский символ веры: см. Единосущность.

Магистраты: в Римской республике избранные магистраты являлись старшими представителями исполнительной власти. Высшими среди них были двое консулов. Большинство постов продолжало существовать и при империи, но магистраты полностью утратили политическую независимость; зачастую их назначали императоры.

Numerus (мн. ч. numeri): наименования, дававшиеся нерегулярным пехотным отрядам ауксилиариев при принципате. Позднее это название также приняли некоторые кавалерийские соединения.

Патриций: хотя некогда патриции составляли особую элиту в составе сената, в V веке это слово использовалось в качестве титула обладавших большой властью полководцев (упомянем прежде всего Стилихона и Аэция).

Пилум: тяжелый дротик. Входил в стандартный набор вооружения римского легионера на протяжении большей части римской истории, но, по-видимому, вышел из употребления в III веке.

Препозит: командир соединения в римской армии периода Поздней империи. По-видимому, фактически синоним «трибуна» или «префекта».

Препозит священной опочивальни: евнух, старший чиновник, ведавший бытом императорского дворца. Временами эти люди становились весьма влиятельны. Теодорих, остготский король Италии, также имел в числе своих придворных такого чиновника.

Преторианская гвардия: вооруженная охрана императоров эпохи принципата, находившаяся под командованием трибунов. Всем корпусом командовали два префекта претория. Занимаемое ею положение сильнейшего вооруженного отряда в Риме обеспечивало ей немалую власть. Распущена Константином в 312 году после того, как преторианцы поддержали его соперника Максенция.

Префект претория: первоначально — командующие преторианской гвардией, в течение III века префекты претория трансформировались в нечто вроде крупных чиновников или великих визирей. К IV веку они перестали отвечать за военные дела и более не командовали войсками. Их количество также возросло; лица, занимавшие этот пост, как правило, контролировали ту или иную конкретную область империи. В подчинении у них находились викарии.

Примицерий нотариев (primicerius notariorum): старший нотарий, несший персональную ответственность за сообщения о назначениях и полномочиях. Первый вариант «Notitia Dignitatum» был подготовлен в его ведомстве.

Примицерий священной опочивальни (primicerius sacri cubiculi): второй по старшинству среди евнухов императорской опочивальни. Опять-таки близость к императору часто приводила к тому, что они становились весьма влиятельными лицами.

Принципат: Август утверждал, что является всего лишь принцепсом, первым магистратом/гражданином в государстве. Вследствие этого созданный им режим условно именуется принципатом. Он сформировался в конце I века до н.э. и потерпел крах в III веке.

Рескрипт: формальный ответ императора на петицию. Эти постановления имели юридический статус и были обязательны к исполнению.

Сенат: эта группа, состоявшая приблизительно из шестисот человек, встречи которой проходили в Риме, пользовалась значительным авторитетом даже после того, как утратила реальную политическую власть. Позднее в Константинополе появился собственный сенат.

Сенаторское сословие: в эпоху принципата принадлежность к сенаторскому сословию подразумевала наличие у гражданина значительных богатств, в том числе минимум каких-то земельных владений в Италии. Статус сохранялся за потомками того, кто заседал в сенате, распространяясь на его детей и внуков. Впоследствии сенаторский статус стал присваиваться при занятии высших имперских должностей.

Солид: эта золотая монета была введена в IV веке, отчасти потому, что налоговая система и другая финансовая деятельность в империи должна была базироваться на более стабильной золотой денежной единице. Фунт золота составлял семьдесят две таких монеты.

Спата: условное название длинных мечей, которыми пользовались римские кавалеристы, а в период Поздней античности также и многие пехотинцы.

Стоицизм: одна из главнейших философских школ, пользовавшихся популярностью в эпоху принципата. Основана философом Зеноном в конце IV века до н.э. Одним из выдающихся ее адептов был Марк Аврелий.

Схола: гвардейское кавалерийское соединение в позднеримской армии. В «Notitia Dignitatum» перечислены пять схол Западной империи и семь — Восточной.

Тетрархия: правление четырех императоров, введенное Диоклетианом. В число правителей входили два старших коллеги, носившие титул августа; каждый из них имел по

младшему помощнику, которые именовались цезарями. Все заявления и законы издавались от имени четырех императоров. В такой форме система правления просуществовала недолго.

Треценарий: младший офицер в позднеримской армии.

Федераты (foederati): варвары-союзники, обязанные нести военную службу в императорских войсках. Обычно служили в своих отрядах, иногда под командованием собственных военачальников, которым, как правило, присваивалось римское воинское звание.

Clarissimus: литературный перевод — «наиболее выдающийся», во времена принципата термин, означавший сенаторов. К IV веку он стал связываться со многими имперскими постами, как на гражданской службе, так и в армии.

Cohortales: члены штаба и чиновники провинциального наместника. Со времен Константина их должности стали наследственными.

Comitatenses: соединения «полевой армии» в IV, V и VI столетиях. Теоретически они находились в непосредственном подчинении императору или его военачальников. Они получали более высокое жалованье и имели больше привилегий, чем limitanei.

Cuneus: название, дававшееся некоторым кавалерийским частям армии позднеримской эпохи.

Dux (мн. ч. duces): старший офицер в позднеримской армии, руководивший определенной территорией и командовавший limitanei, которые размещались там.

Equites singulares Augusti: в течение трех столетий принципата — личная конная гвардия императора. Из ее представителей комплектовались элитные силы кавалерии, использовавшиеся для усиления преторианской гвардии. Вероятно, была упразднена, когда Константин упразднил преторианскую гвардию.

Honoratus: вышедший в отставку имперский чиновник, обычно имевший ранг clarissimus*. Такие люди пользовались значительными привилегиями.

Limitanei: класс войск, находившийся под командованием duces limitis. Дислоцировались в разных областях в соответствии с административным делением Поздней империи, обычно в приграничных. Воины получали меньшее жалованье по сравнению с comitatenses.

Magister officiorum: впервые упоминается в IV веке. Власть, находившаяся в распоряжении лиц, имевших этот ранг, постепенно возрастала, пока должность **magister officiorum** не стала одной из важнейших во всей имперской бюрократии и при дворе. Являясь представителем гражданской службы, **magister officiorum** также нес ответственность за государственные оружейные фабрики и в некоторой степени за схолы (scholae, кавалерийские соединения).

Magister militum: начиная с IV века и далее — крупнейшие военные должности; выше **magister militum** находился непосредственно император. Существовали варианты этого титула, в том числе **magister equitum** (т.е. магистр конницы), и **magister peditum** (т.е. магистр пехоты). В некоторых случаях титул также определял регион или сферу действий командующего. Не все **magistres** были равны между собой, но со временем структура этого ранга претерпевала изменения в деталях.

---

* Светлейший (*лат.*). — *Примеч. пер.*

Palatini: соединения, имевшие более высокий статус, нежели comitatenses; служба в них считалась более престижной. При этом palatini, также как и comitatenses, составляли часть полевой армии периода Поздней античности (IV—VI веков).

Protectores domestici: личные телохранители императора. По-видимому, появились по крайней мере во времена Диоклетиана. Отчасти этот отряд выполнял функции кадетского корпуса для офицерского состава, поскольку его членов часто назначали на командные посты в других войсках.

БИБЛИОГРАФИЯ

The Abinnaeus Archive: Papers of a Roman Officer in the Reign of Constantius II / Eds. H. Bell, V. Martin, E. Turner & D. van Berchem. Oxford, 1964

Adams J. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // Journal of Roman Studies. Vol. 89. 1999. P. 109—134

Alfoldy G. Noricum / Transl. A. Birley. London, 1974

Alfoldy G. The Crisis of the Third Century as Seen by Contemporaries // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 15. 1974. P. 89—111

Allen P. The Definition and Enforcement of Orthodoxy // The Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 811—834

Alston R. Soldier and Society in Roman Egypt. A Social History. London; New York, 1995

Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489—554. Cambridge, 1997

Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976 (BAR Supplementary Series, 15)

Austin N. Ammianus on Warfare: An Investigation into Ammianus' Military Knowledge (Collection Latomus 165). Bruxelles, 1979

Austin N., Rankov B. Exploratio: Military and Political Intelligence in the Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. New York, 1995

The Autobiographies of Edward Gibbon / Ed. J. Murray. London, 1896

Baatz D. Cuiculus — Zur Technik der Unterminierung antiker Wehrbauten // Schallmayer, E., Niederbieder, Postumus und der Limesfall. Stationen eines politischen Prozesses. Bericht des ersten Saalburgkolloquiums (Saalburg-Schriften 3). Bad Homburg, 1996. S. 84—89

Bagnall R., Frier B. The Demography of Roman Egypt. Cambridge, 1994

Balty J. Van Rengen W. Apamea in Syria: The Winter Quarters of Legio II Parthica. Roman Gravestones from the Military Cemetery Brussels, 1993

Banaji J. Agrarian Change in Late Antiquity: Gold, Labour, and Aristocratic Dominance. Oxford, 2001

Bar D. Was there a 3rd. C. Economic Crisis in Palestine // The Roman and Byzantine Near East. Vol. 3 (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series. Vol. 49). Ann Arbor, 2002. P. 43—54

Barbero A. The Day of the Barbarians: The First Battle in the Fall of the Roman Empire / Transl. J. Cullen. New York, 2007

Barnes T. Legislation Against the Early Christians // Journal of Roman Studies. Vol. 58 1968. P. 32—50

Barnes T. Constantine and Eusebius Cambridge (Mass.), 1981

Barnes T. The New Empire of Diocletian. Cambridge (Mass.), 1982

Barnes T. Constantine and the Christians of Persia // Journal of Roman Studies. Vol. 75. 1985. P. 126—136

Barnes T. Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge (Mass.), 1993

Barnes T. Ammianus and the Representation of Historical Reality (Cornell Studies in Classical Philology). Ithaca; London, 1998

Barnwell P. Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395—565. Chapel Hill, 1993

Beloch K. Die Bevolkerung de Griechisch-romischen Welt. Leipzig, 1886

Berchman R. Porphyry Against the Christians. Leiden, 2005

Birley A. The Economic Effects of Roman Frontier Policy // The Roman West in the Third Century / Eds. A. King & M. Henig. Part 1. Oxford, 1981 (BAR International Series, 109). P. 39—53

Birley A. Marcus Aurelius A Biography. New Haven, 1987

Birley A. Septimius Severus: The African Emperor. London, 1988

Birley A. The Roman Government of Britain. Oxford, 2005

Birley E. The Roman Army. Papers 1929—1986. Amsterdam, 1988

Bishop M., Coulston J. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. Oxford, 2006

Blockley R. East Roman Foreign Policy: Formation and Conduct from Diocletian to Anastasius. Liverpool, 1992

Blockley R. The Dynasty of Theodosius // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 111—137

Boak A. Manpower Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. Ann Arbor, 1955

Bowersock G. Julian the Apostate. London, 1978

Bowman A. Diocletian and the First Tetrarchy, A.D. 284—305 // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 67—89

Bradford Welles C. The Excavations at Dura-Europos: Final Report, VIII, Part 2: The Christian Building. New Haven, 1967

Brandon P. The Decline and Fall of the British Empire (1781—1997). London, 2007

Breeze D., Dobson B. Roman Officers and Frontiers (Mavors. Roman Army Researches, 10). Stuttgart, 1993

Bremmer J. The Vision of Constantine // Land of Dreams: Greek & Latin Studies in Honour of A.H.M. Kessels / Eds. A.P.M.H. Lardinois, M.G.M. van der Poel, and V.J.C. Hunink. Leiden, 2006. P. 57—79

Brown P.R.L. The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971

Brown P.R.L. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity // Journal of Roman Studies. Vol. 61. 1971. P. 80—101

Brown P.R.L. Asceticism: Pagan and Christian; Christianization and Religious Conflict // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 601—664

Bruun C. The Antonine Plague and the Third Century Crisis // Crises and the Roman Empire / Eds. O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 201—217

Burgess R. The Dark Ages Return to Fifth Century Britain: The Restored Gallic Chronicle Exploded // Britannia. Vol. 21. 1990. P. 185—195

Burgess R. The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 62. 2008. P. 5—51

Burns T. The Battle of Adrianople: A Reconsideration // Historia. Bd 22. 1973. P. 336—345

Burns T. Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375—425 A.D. Bloomington, 1995

Burns T. Rome and the Barbarians, 100 BC — AD 400. Baltimore, 2003

Bury J. History of the Later Roman Empire from the death of Theodosius I to the death of Justinian. Vol. 1—2. New York, 1958

The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian, and Sassanian Periods / Ed. E. Yarshater. Cambridge, 1983

Cameron A. Justin I and Justinian // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 63—85

Cameron A. The Reign of Constantine, A.D. 306—337 // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 90—109

Camp J. The Archaeology of Athens. New Haven; London, 2001

Campbell B. The Severan Dynasty // CAH 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 1—27

Campbell D. What Happened at Hatra? The Problems of the Severan Siege Operations // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. P. Freeman, D. Kennedy (BAR International Series, 297). Oxford, 1986. P. 51—58

Campbell J. The Emperor and the Roman Army, 31 BC — AD 235. Oxford, 1984

Campbell J. The Marriage of Soldiers Under the Empire // Journal of Roman Studies. Vol. 68. 1978. P. 153—166

Casey P. Carausius and Allectus: The British Usurpers. New Haven, 1994

Casey G. The Legions in the Later Roman Empire // The Second Augustan Legion and the Roman Military Machine / Ed. R. Brewer. Cardiff, 2002. P. 165—176

Chadwick H. Orthodoxy and Heresy from the Death of Constantine to the Eve of the First Council of Ephesus // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 561—600

Chadwick H. The Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great. Oxford, 2001

Charles-Edwards T. Law in the Western Kingdoms between the Fifth and the Seventh Century // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 260—287

Claridge A. Rome: Oxford Archaeological Guides. Oxford, 1998

Clarke G. Third-Century Christianity // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 589—671

Coello T. Unit Sizes in the Late Roman Army (BAR International Series, 645). Oxford, 1996

Collins R. The Western Kingdoms // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 112—134

Corbier M. Coinage and Taxation: the State's Point of View, A.D. 193—337 // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 327—392

Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government, AD 284—324. Oxford, 1996

Corcoran S. Before Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 35—58

Coterill J. Saxon Raiding and the Role of the Late Roman Coastal Forts of Britain // Britannia. Vol. 24. 1993. P. 227—239

Coulston J. Roman Archery Equipment // The Production and Distribution of Roman Military Equipment: Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar / Ed. M. Bishop (BAR International Series, 275). Oxford, 1985. P. 230—348

Cunliffe B. Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London, 1988

Curran J. From Jovian to Theodosius // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 78—110

Danzinger D., Purcell N. Hadrian's Empire. London, 2005

Dark K. A Sub-Roman Re-Defence of Hadrian's Wall? // Britannia. Vol. 23. 1992. P. 111—120

Dark K. Britain and the End of the Roman Empire. Stroud, 2000

Davies R.W. Service in the Roman Army / Ed. by D. Breeze, V.A. Maxfield. Edinbourgh, 1989

De Blois L. The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976

De Blois L. The Crisis of the Third Century A.D. in the Roman Empire: A Modern Myth? // The Transformation of Economic Life Under the Roman Empire. Network Impact of Empire, Nottingham, July 4—7, 2001 / Eds. L. de Blois & J. Rich. Amsterdam, 2002. P. 204—217

De Blois L. Monetary Politics, the Soldiers' Pay, and the Onset of Crisis in the First Half of the Third Century AD // The Roman Army and the Economy. Ed. P. Erdkamp. Amsterdam, 2002. P. 90—107

Delbruck H. Barbarian Invasions. History of the Art of War, II / Transl. Walter J. Renfroe Jr. Lincoln; London, 1980

Demandt A. Der Fall Roms: Die Auflosung der Romischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Munchen, 1984

Devijver H. The Equestrian Officers of the Roman Army. Vol. 1—2. Amsterdam, 1989, 1992

Diaconescu A. The Towns of Roman Dacia: An Overview of Recent Archaeological Research // *Hanson W., Haynes I.* Roman Dacia: The Making of a Provincial Society. Portsmouth, 2004 (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 56). P. 87—142

Dignas B., Winter E. Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rivals. Cambridge, 2007

Dixon K., Southern R. The Late Roman Army. London. New York, 1996

Dodds E. Pagan and Christian in an Age of Anxiety. Cambridge, 1965

Dodgeon M.H., Lieu S.N.C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, AD 226—363. A Documentary History. London; New York, 1991

Donner F. The Background to Islam // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 510—533

Drake H. The Impact of Constantine on Christianity // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 111—136

Drijvers J.W. Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. Leiden, 1992

Drinkwater J. The Gallic Empire (Historia Einzelschriften. Bd 52). Wiesbaden, 1987. P. 1—270

Drinkwater J. The Bacaudae of Fifth Century Gaul // Fifth Century Gaul / Ed. J. Drinkwater & H. Elton. Cambridge, 1992. P. 208—217

Drinkwater J. The Germanic Threat on the Rhine Frontier: A Romano-Gallic Artefact // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. R. Mathisen, H. Sivan. Aldershot, 1996. P. 20—30

Drinkwater J. Maximinus to Diocletian and the «Crisis» // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005

Drinkwater J. The Alamanni and Rome 213—496: Caracalla to Clovis. Oxford, 2007

Duncan-Jones R. Pay and Numbers in Diocletian's Army // Chiron. Bd. 8. 1978. P. 541—560

Duncan-Jones R. Money and Government in the Roman Empire. Cambridge, 1994

Duncan-Jones R. The Impact of the Antonine Plague // Journal of Roman Archeology. Vol. 9. 1996. P. 108—136

The Dura-Europos Synagogue: A Re-evaluation (1932—1972) / Ed. J. Gutmann (Religion and the Arts Series, 1). Missoula, 1973

Dyson S. Native Revolt Patterns in the Roman Empire // Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt. Tl. II. Bd 3. Berlin; New York, 1975. P. 38—175

Dyson S. The Creation of the Roman Frontier. Princeton, 1985

Edwards M. The Beginnings of Christianization // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 137—158

Elton H. Warfare in Roman Europe: AD 350—425. Oxford, 1996

Elton H. Warfare and the Military // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 325—346

Elton H. Military Forces // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Vol. II. Cambridge, 2007. P. 270—309

The Emperor Julian: Panegyric and Polemic / Eds. M. Morgan & S. Lieu. 2nd ed. Liverpool, 1989

Errington R. Roman Imperial Policy from Julian to Theodosius. Chapel Hill, 2006

Esmonde Cleary S. The Ending of Roman Britain, London, 1989

Evans J.A.S. The Age of Justinian. The Circumstances of Imperial Power. London; New York, 1996

Evans J.A.S. The Empress Theodora: Partner of Justinian. Austin, 2002

The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Fifth Season of Work, October 1931 — March 1932 / Ed. M. Rostovtzeff. New Haven, 1934

The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Sixth Season of Work, October 1932 — March 1933 / Eds. M. Rostovtzeff, A. Bellinger, C. Hopkins & C. Wells. New Haven, 1936

The Excavations at Dura-Europos: Final Report. Vol. VIII. Part 1, The Synagogue / Eds. A. Bellinger, F. Brown, A. Perkins & C. Wells. New Haven, 1956

The Excavations at Dura-Europos: Final Report. Vol. V. Part 1, Papyri / Ed. A. Perkins. New Haven, 1959

Fabech C. Booty Sacrifices in Southern Scandinavia — A History of Warfare and Ideology // *Bjorklund E.* Roman Reflections in Scandinavia. 1996. P. 135—138

The Fall of Rome: Can it Be Explained? / Ed. M. Chambers. New York, 1963

Faulkner N. The Decline and Fall of Roman Britain. 2nd ed. Stroud, 2004

Ferguson J. China and Rome // Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt. Tl. II. Bd 9. 2. Berlin; New York, 1978. P. 581—603

Fields N. The Hun: Scourge of God AD 375—565 (Osprey Warrior Series 111). Oxford; New York, 2006

Fink R. Roman Military Records on Papyrus. Cleveland, 1971

Foss C. Syria in Transition, AD 550—750: An Archaeological Approach // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 51. 1997. P. 189—269

Fowden G. Polytheist Religion and Philosophy // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 538—560

Frakes R. The Dynasty of Constantine down to 363 // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 91—107

Freeman C. The Closing of the Western Mind: The Rise of Faith and the Fall of Reason. New York, 2002

Frend W. Martyrdom and Persecution in the Early Church. Oxford, 1965

Frere S. Britannia. 3rd ed. London; New York 1987

Frier B. Roman Demography // Life, Death and Entertainment in the Roman Empire / Eds. D. Potter & D. Mattingly. Ann Arbor, 1999. P. 95—109

From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. T. Noble. London; New York, 2006

Frye R. The Sassanians // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 461—480

Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxford, 1970

Garnsey P., Humfress C. The Evolution of the Late Antique World. Cambridge, 2001

Ghirshman R. Arts of Mankind: Iran: Parthians and Sassanians. London, 1962

Gibbon, E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. I—III. London 1776—1781

Gilliam J. The Plague under Marcus Aurelius // American Journal of Philology. Vol. 82 1961. P. 225—251

Goffart W. Barbarians and Romans: The Techniques of Accommodation Revisited. Princeton, 1980

Goffart W. Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006

Goldsworthy A. The Roman Army at War, 100 BC — AD 200. Oxford, 1996

Goldsworthy A. The Complete Roman Army. London, 2003

Goldsworthy A. In the Name of Rome. The Men Who Won the Roman Empire. London, 2004

Goldsworthy A. Caesar: The Life of a Colossus. New Haven; London, 2006

Goldsworthy A. War: The Late Republic and Principate // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare / Ed. P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Vol. II. Cambridge, 2007. P. 76—121

Goodman M. (with the assistance of J. Sherwood) The Roman World 44 BC — AD 180. London, New York, 1997

Grainge G. The Roman Invasions of Britain. Stroud, 2005

Grant M. The Emperor Constantine. London, 1993

Gray P. The Legacy of Chalcedon: Christological Problems and Their Significance // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 215—238

Greatrex G. The *Nika* Riot: A Reappraisal // Journal of Hellenic Studies. Vol. 117. 1997. P. 60—86

Greatrex G. Rome and Persia at War, 502—532. Leeds, 1998

Greatrex G. The Gothic Arians after Theodosius (to Justinian) // Studia Patristica. Vol. 34. 2001. P. 73—81

Greatrex G. Byzantium and the East in the Sixth Century // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 477—509

Greatrex G. The Early Years of Justin in the Sources // Electrum. Vol. 12. 2007. P. 99—115

Greatrex G., Lieu S. (eds.) The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. Part 2 ad 363—630. London; New York, 2002

Greene K. The Archaeology of the Roman Economy. London, 1986

Greene K. Technology and Innovation in Context: The Roman Background to Medieval and Later Developments // Journal of Roman Archaeology. Vol. 7. 1994. P. 22—33

Grigg R. Inconsistency and Lassitude: The Shield Emblems of the «Notitia Dignitatum» // Journal of Roman Studies. Vol. 73 1983. P. 132—142

Haarer F. Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, 2006

Haldon J. The Byzantine Wars. Stroud, 2001

Halsall G. Warfare and Society in the Barbarian West, 450—900. London; New York, 2003

Halsall G. Barbarian Migrations and the Roman West, 376—568. Cambridge, 2007

Harries J. Sidonius Apollinarius and the Fall of Rome, AD 407—485. Oxford, 1994

Haywood J. Dark Age Naval Power: A Reassessment of Frankish and Anglo-Saxon Seafaring Activity. New York, 1991

Heather P.J. Goths and Romans, 332—489. Oxford, 1991

Heather P.J. The Goths. Oxford; Cambridge, 1996

Heather P. The Western Empire, 425—476 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 1—32

Heather P.J. The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005

Heather P.J. The Fall of the Roman Empire // Oxford Historian, 4 (May 2006). P. 17—20

Hedeager L. The Evolution of German society 1—400 AD // First Millennium Papers: Western Europe in the 1st Millennium / Ed. R. Jones, J. Bloemers, S. Dyson, M. Biddle. Colombia, 1988. P. 129—401

Hekster O. Commodus: An Emperor at Crossroads. Amsterdam, 2002

Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1934

Hodgson N., Bidwell P. Auxiliary Barracks in a New Light: Recent Discoveries on Hadrian's Wall // Britannia. Vol. 35. 2004. P. 121—157

Holden P. Mediterranean Plague in the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 134—160

Holden P., Purcell N. The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History. Oxford, 2000

Holum K. The Classical City in the Sixth Century: Survival and Transformation // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 87—112

Hopkins C. The Discovery of Dura Europos. New Haven; London, 1979

Hopkins K. Taxes and Trade in the Roman Empire (200 BC — AD 400) // Journal of Roman Studies. Vol. 70. 1980. P. 101—125

Hopkins K. Early Christian Number and its Implications // Journal of Early Christian Studies. Vol. 6. 1998. P. 184—226

Howard-Johnston J. The Two Great Powers in Late Antiquity: A Comparison // The Byzantine and Early Islamic Near East

III: States Resources and Armies / Ed. A. Cameron. Princeton, 1995. P. 157—226, перепечатано в книге: *Howard-Johnston A.* Early Rome, Sassanian Persia and the End of Antiquity. Aldershot, 2006

Howe L. The Praetorian Prefect from Commodus to Diocletian, AD 180—305. Chicago, 1942

Howgego C. Coin Circulation and the Integration of the Roman Economy // Journal of Roman Archaeology. Vol. 7. 1994. P. 6—21

Humfress C. Law and Legal Practice in the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge. 2005. P. 161—184

Humphries M. Italy, A.D. 425—605 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 525—551

Hunt D. The Successors of Constantine; Julian; The Church as a Public Institution // CAH. 2nd ed. Vol. XIII Cambridge, 1998. P. 1—77, 238—275

Hunt D. The Outsider Inside: Ammianus on the Rebellion of Silvanus // The Late Roman World and its Historian. Interpreting Ammianus Marcellinus / Eds. J. Drijvers & D. Hunt. London, 1999. P. 51—63

Ilkjoerm J. The Weapons' Sacrifice at Illerup Adal, Denmark // *Randsbourg K.* The Birth of Europe. Rome, 1989. P. 54—61

Images of Women in Antiquity / Eds. A. Cameron & A. Kuhrt. London, 1983

Isaac B. The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // Journal of Roman Studies. Vol. 78. 1988. P. 125—147

Isaac B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford, 1992

James S. Britain and the Late Roman Army // Military and Civilian in Roman Britain: Cultural Relationships in a Frontier Province / Eds. T. Blagg & A. King (BAR International Series, 136). Oxford, 1984. P. 161—186

James S. Excavations at Dura-Europos 1928—1937: Final Report, VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment. London, 2004

James S. The Deposition of Military Equipment During the Final Siege at Dura-Europos, With Particular Regard to the Tower 19 Countermine // Carnuntum Jahrbuch. 2005. P. 189—206

Jeffreys E., Jeffreys M., Scott R. et al. The Chronicle of John Malalas: A Translation. Melbourne, 1986

Johnson M. Architecture of Empire // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 278—297

Johnson S. The Roman Forts of the Saxon Shore. London, 1976

Johnson S. Later Roman Britain. London, 1980

Johnson S. Late Roman Fortifications. London, 1983

Jones A.H.M. The Later Roman Empire: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 1—3. Oxford, 1964

Jones M., Casey P. The Gallic Chronicle Exploded? // Britannia. Vol. 22. 1991. P. 212—215

Jones T., Ereira A. Terry Jones' Barbarians. London, 2006

Jongman W. Gibbon was Right: The Decline and Fall of the Roman Economy // Crises and the Roman Empire / Eds. O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 183—199

Kassai L. Horseback Archery. 2002

Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 2004

Kelly C. Bureaucracy and Government The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 183—204

Kennedy D. European soldiers and the Severan siege of Hatra // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. P. Freeman, D. Kennedy. Oxford, 1986. P. 397—409

Kulikowski M. Barbarians in Gaul, Usurpers in Britain // Britannia. Vol. 31. 2000. P. 325—345

Kulikowski M. The «Notitia Dignitatum» as a Historical Source // Historia. Bd 99. 2002. P. 358—377

Kulikowski M. Later Roman Spain and Its Cities. Baltimore, 2004

Kulikowski M. Rome's Gothic Wars. Baltimore, 2007

Lander J. Roman Stone Fortifications. Variation and Change from the First Century AD to the Fourth. Oxford, 1984 (BAR Int. Ser. 206)

Lane Fox R. Pagans and Christians Pagans and Christians in the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine. Harmondsworth, 1988

Lang J. Two Sides of a Coin // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. R. Mathisen, H. Sivan. Aldershot, 1996. P. 59—71

Le Bohec Y. The Imperial Roman Army. London, 1994

Le Bohec Y. L'armee Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006

Leadbetter B. The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy // Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. Lieu and D. Montserrat. London, 1998. P. 74—85

Lee A. The Army // CAH. 2nd ed. Vol. XIII. Cambridge, 1998. P. 213—237

Lee A. The Eastern Empire: Theodosius to Anastasius // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 33—62

Lee A. Traditional Religions // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 159—179

Lee A. War in Late Antiquity: A Social History. Malden, 2007

Lendon J.E. Soldiers and Ghosts. A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London, 2005

Lenski N. Initium mali Romano imperio: Contemporary reactions to the battle of Adrianople // Transactions of the American Philological Association. Vol. 127. 1997. P. 129—168

Lenski N. Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century AD. Berkeley, 2002

Lenski N. The Reign of Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Ed. N. Lenski. Cambridge, 2006. P. 59—90

Leveau P. The Barbegal Water Mill and its Environment: Archaeology and the Economic and Social History of Antiquity // Journal of Roman Archaeology. Vol. 9. 1996. P. 137—153

Levick B. Julia Domna: Syrian Empress. London; New York, 2007

Lewit T. Agricultural Production in the Roman Economy, AD 200—400 (BAR International Series, 568) Oxford, 1991

Liebeschuetz W. Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1990

Liebeschuetz W. Decline and Fall of the Roman City. Oxford, 2001

Liebeschuetz W. Cities, Taxes, and the Accommodation of the Barbarians: The Theories of Durliat and Goffart // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. T.F.X. Noble. London; New York, 2006. P. 309—323

Liebeschuetz W. Was there a Crisis of the Third Century? Crises and the Roman Empire / Eds. O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 11—20

Liebs D. Roman Law // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 238—259

Lieu S. Captives, Refugees and Exiles // The Defence of the Roman and Byzantine East / Ed. P. Freeman, D. Kennedy. Oxford, 1986. P. 475—505

Lieu S. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars, ad 226—363. London; New York, 1991

Lightfoot C.S. Armenia and the Eastern Marches // CAH. 2nd ed. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 481—497

Lillington-Martin C. Archaeological and Ancient Literary Evidence for a Battle Near Dara Gap, Turkey, AD 530: Topography, Texts, Trenches // The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest / Eds. A. Lewin & P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 299—311

Lindner R. Nomadism, Huns and Horses // Past and Present. Vol. 92. 1981. P. 1—19

Liverani M. The Garamantes: A Fresh Approach // Libyan Studies. Vol. 31. 2000. p. 17—28

Luttwak E. The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third. Baltimore; London, 1976

Maas M. Roman Questions, Byzantine Answers: Contours of the Age of Justinian The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 3—27

Mackensen M. Late Roman Fortifications and Building Programmes in the Province of Raetia: The Evidence of Recent Excavations and Some New Reflections // Roman Germany: Studies in Cultural Interaction / Eds. J. Creighton, R. Wilson (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 32). Portsmouth, 1999. P. 199—244

MacMullen R. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963

MacMullen R. Enemies of the Roman Order. London, 1967

MacMullen R. Roman Social Relations. 50 BC — AD 284. New Haven, 1974

MacMullen R. Roman Government's Response to Crisis, A.D. 235—337. New Haven; London, 1976

MacMullen R: How Big Was the Roman Imperial Army? // Klio. Bd 62. 1980. P. 451—460

MacMullen R. The Epigraphic Habit in the Roman Empire // American Journal of Philology. Vol. 103. 1982. P. 233—246

MacMullen R. Christianizing the Roman Empire AD 100—400. New Haven, 1984

MacMullen R. The Legion as Society // Historia. Vol. 33. 1984. P. 440—456

MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome. New Haven, 1988

Maenchen-Helfen O.J. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973

Man J. Attila: The Barbarian King Who Challenged Rome. New York, 2005

Mango C. Byzantium: The Empire of the New Rome. London, 1980

Manley J. AD 43: The Roman Invasion of Britain: A Reassessment. Stroud, 2002

Mann J. What was the «Notitia Dignitatum» for? // Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976 (BAR Supplementary Series, 15). P. 1—9

Maricq A. Res Gestae Divi Saporis // Syria. T. 35. 1958. P. 245—260

Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court: AD 364—425. Oxford, 1975

Matthews J. Mauretania in Ammianus and the «Notitia» // Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976 (BAR Supplementary Series, 15). P. 157—186

Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989

Mattingly D. Impact Beyond Empire: Rome and the Garamantes of the Sahara // The Transformation of Economic Life Under the Roman Empire. Network Impact of Empire, Nottingham, July 4—7, 2001 / Eds. L. de Blois & J. Rich. Amsterdam, 2002. P. 184—203

Mattingly D. An Imperial Possession: Britain in the Roman. Empire, 54 B.C. — A.D. 409. London, 2006

McGeorge P. Late Roman Warlords. Oxford, 2003

McLeod W. The Range of the Ancient Bow // Phoenix. Vol. 19. 1965. P. 1—14

McLynn N. Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, 1994

Meeks W. The First Urban Christians. The Social World of the Apostle Paul. New Haven; London, 1983

Millar F. Herennius Dexippus: The Greek World and the Third-Century Invasions // Journal of Roman Studies. Vol. 59. 1969. P. 12—29

Millar F. Paul of Samosata, Zenobia and Aurelian // JRS. Vol. 61. 1971. P. 1—17

Millar F. The Emperor in the Roman World, 31 BC — AD 337. Ithaca; New York, 1977

Millar F. The Roman Empire and Its Neighbours. 2nd ed. London, 1981

Millar F. Emperors, Frontiers and Foreign Relations // Britannia. Vol. 8. 1982. P. 1—23

Millar F. The Roman Near East, 31 BC — AD 337. Cambridge (Mass.), 1993

Millett M. Roman Britain. London, 1995

Mitchell S. Maximinus and the Christians in AD 312: A New Inscription // JRS. 78. 1988. P. 105—124

Mitchell S. Cremna in Pisidia: An Ancient City in Peace and War. London, 1995

Mitchell S. The Cities of Asia Minor in Constantine's Time // Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. Lieu and D. Montserrat. London, 1998. P. 52—73

Mitchell S. A History of the Later Roman Empire ad 284—641. Malden; Oxford, 2007

Moorhead J. Theodoric in Italy. Oxford, 1992

Moorhead J. Justinian. London, 1994

Moorhead J. The Roman Empire Divided 400—700. London; New York, 2001

Morris J. The Age of Arthur: A History of the British Isles from 350 to 650. London, 1973

Murdoch A. The Last Pagan: Julian the Apostate and the Death of the Ancient World. Stroud, 2003

Murphy C. Are We Rome? The Fall of an Empire and the Fate of America. New York, 2007

Musurillo H. Acts of the Christian Martyrs. Oxford, 1972

Nicasie H. Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998

«Notitia Dignitatum» / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876

Nylam E. Early Gladius Swords in Scandinavia // Acta Archaeologia. T. 34. 1963. P. 185

O'Flynn J. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983

Odahl C. Constantine and the Christian Empire. London; New York, 2004

Okamura L. Roman Withdrawals from Three Transfluvial Frontiers // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. R. Mathisen, H. Sivan. Aldershot, 1996. P. 11—30

Oost S. Galla Placidia Augusta: A Biographical Essay. Chicago, 1968

Parker A. Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman provinces. Oxford, 1992

Parker H.M.D. The Roman Legions. Oxford, 1928

Parkin T. Demography and Roman Society. Baltimore, 1992

Pearson A. The Roman Shore Forts. Coastal Defences of Southern Britain. Stroud, 2002

Pearson A. Piracy in Late Roman Britain: A Perspective from the Viking Age // Britannia. Vol. 37. 2006. P. 337—353

Perkins A. The Art of Dura Europos. Oxford, 1971

Petrikovits H. von. Fortifications in the North-Western Roman Empire from the Third to Fifth Centuries AD // JRS. Vol. 61. 1971. P. 178—218

Piganiol A. L'Empire Chretien (325—395). Paris, 1947

Pohl W. Justinian and the Barbarian Kingdoms // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 448—476

Pomeroy S. Coprynyms and the Exposure of Infants in Egypt // Images of Women in Antiquity / Eds. A. Cameron & A. Kuhrt. London, 1983. P. 207—222

Porter R. Gibbon: Making History. New York, 1988

Potter D. Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire: A Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle. Oxford, 1990

Potter D. The Roman Empire at Bay, AD 180—395. London; New York, 2004

Rathbone D. Villages, Land and Population in Graeco-Roman Egypt // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 36 1990. P. 103—142

Ratjar J. Die Legionen Mark Aurels im Vormarsch // Aus der Luft — Bilder unserer Geschichte: Luftbildarchaologie in Zentraleuropa / Hrsg. J. Oexle. Dresden, 1997. S. 59—68

Reece R. The Third Century: Crisis or Change? // The Roman West in the Third Century: Contributions from Archaeology and

History / Eds. A. King & M. Henig. Part I. Oxford, 1981 (BAR International Series, 109). P. 27—38

Rees R. Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh, 2004

Richardson J. The Romans in Spain. Oxford, 1996

Rives J. The Decree of Decius and the Religion of Empire // JRS. Vol. 89. 1999. P. 135—154

Rome the Cosmopolis / Eds. C. Edwards, G. Woolf. Cambridge, 2003

Roueche C. Asia Minor and Cyprus // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambdridge, 2000. P. 570—587

Saller R. Promotion and Patronage in Equestrian Careers // JRS. Vol. 70. 1980. P. 44—63

Saller R. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, 1982

Salway P. Roman Britain. Oxford, New York, 1998

Scheidel W. Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 21). Ann Arbor, 1996

Schonberger H. The Roman Frontier in Germany: An Archaeological Survey // JRS. Vol. 59. 1969. P. 144—197

Sherwin-White A.N. The Letters of Pliny: A Historical and Social Commentary. Oxford, 1966

Sherwin-White A. The Roman Citizenship. Oxford, 1973

Small Towns of Roman Britain / Eds. T. Rodwell & T. Rowley. Oxford, 1975 (BAR 15)

Snyder C. An Age of Tyrants: Britain and the Britons ad 400—600. University Park, 1998

Sotinel C. Emperors and Popes in the Sixth Century: The Western View // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 267—290

Speidel M. Riding for Caesar: The Roman Emperors' Horse Guard. Cambridge (Mass.), 1994

Stephenson I. Romano-Byzantine Infantry Equipment. Stroud, 2006

Stephenson I., Dixon K. Roman Cavalry Equipment. Charleston, 2003

Stoneman P. Palmyra and its Empire: Zenobia's Revolt Against Rome. Ann Arbor, 1992

Stuart Hay J. The Amazing Emperor Heliogabalus. London, 1911

Swift E. The End of the Western Roman Empire: An Archaeological Investigation. Stroud, 2000

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939

Syme R. Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971

Talbert R. The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984

Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord. T. 1—3. Paris, 1953—1958

Termin P. A Market Economy in the Early Roman Empire // JRS. Vol. 91. 200. P. 169—181

Thomas C. Saint Patrick and Fifth-Century Britain: An Historical Model Explored // The End of Roman Britain / Ed. P. Casey. London, 1979. P. 81—101

Thompson E. The Huns. Oxford; Maiden, 1996

Todd M. Roman Britain. 3rd ed. Oxford, 1999

Todd M. The Early Germans. 2nd ed. Oxford, 2004

Todd M. The Germanic Peoples and Germanic Society // CAH. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 440—460

Tomlin R. «Notitia Dignitatum omnium, tam civilium quam militarium» // Aspects of the «Notitia Dignitatum» / Eds. R. Goodburn & P. Bartholomew. Oxford, 1976 (BAR Supplementary Series, 15). P. 189—209

Tomlin R. Christianity and the Roman Army // Constantine: History, Historiography and Legend / Ed. S. Lieu and D. Montserrat. London, 1998. P. 21—51

Tougher S. Julian the Apostate. Edinburgh, 2007

Treadgold W. Byzantium and its Army, 284—1081. Stanford, 1995

Treadgold W. A History of Byzantine State and Society. Stanford, 1997

Turton G. The Syrian Princesses: The Women Who Ruled the Roman World. London, 1974

Vervaet F. The Reappearance of the Supra-Provincial Commands in the Late Second and Early Third Centuries CE: Constitutional and Historical Considerations // Crises and the Roman Empire / Eds. O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 125—139

Veyne P. Bread and Circuses. London, 1990

Wacher J. The Towns of Roman Britain. 2nd ed. London, 1995

Ward-Perkins B. Specialized Production and Exchange // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambdridge, 2000. P. 346—391

Walker S., Bierbrier M. Ancient Faces: Mummy Portraits from Roman Egypt. London, 1997

Ward-Perkins B. The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005

Watson A. Aurelian and the Third Century. London, 1999

Watson G.R. The Roman Soldier. London, 1969

Webster G. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. Norman, 1998

Weiss P. The Vision of Constantine // Journal of Roman Archaeology. Vol. 16. 2003. P. 237—259

Wells C. The German Policy of Augustus. An Examination of the Archeological Evidence. Oxford, 1972

Wells P. The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe. Princeton; New Jersey, 1999

Wheeler E. The Laxity of the Syrian Legions // The Roman Army in the East. Ed. D. Kennedy. Ann Arbor, 1996. P. 229—276

Whitby M. The Balkans and Greece, 420—602 // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 701—730

Whittaker M. Jews and Christians, Greco-Roman Views. Cambridge; New York, 1984

Whittaker C. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore, 1994

Whittaker C., Garnsey P. Rural Life in the Later Roman Empire // CAH. 2nd ed. XIII. Cambridge, 1998. P. 277—311

Wiesehofer J. Ancient Persia: From 550 BC to 650 AD. London, 1996

Wightman E. Gallia Belgica. Los Angeles; London, 1985

Wildberg C. Philosophy on the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. M. Maas. Cambridge, 2005. P. 316—340

Wilken R. The Christians as the Romans Saw Them. New Haven; London, 1984

Wilkes J. Provinces and Frontiers // CAH. Vol. XII. Cambridge, 2005. P. 212—268

Willems W. Romans and Batavians. A Regional Study in the Dutch Eastern River Area. Heerhugowaard, 1986

Williams S. Diocletian and the Roman Recovery. London, 1985

Williams S., Friell G. Theodosius: The Empire at Bay. London, 1994

Williams W. Caracalla and Rhetoricians: A Note of the *Cognitio de Cohairiensis* // Latomus. T. 33. 1974. P. 663—667

Wilson A. Machines, Power, and the Ancient Economy // Journal of Roman Studies. Vol. 92. 2002. P. 1—32

Witschel C. Re-evaluating the Roman West in the 3rd c. A.D. // Journal of Roman Archaeology. Vol. 17. 2004. P. 251—281

Wolfram H. The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997

Wood I. The End of Roman Britain: Continental Evidence and Parallels // Gildas: New Approaches. Eds. M. Lapidge & D. Dumville. Woodbridge, 1984. P. 1—25

Wood I. The Fall of the Western Empire and the End of Roman Britain // Britannia. Vol. 18. 1987. P. 251—262

Wood I. The North-Western Provinces // CAH. 2nd ed. Vol. XIV. Cambridge, 2000. P. 497—524

Woolf G. Roman Peace // War and Society in the Roman World. Eds. J. Rich & G. Shipley. London; New York, 1993. P. 171—194

Young G. Rome's Eastern Trade. International Commerce and Imperial Policy, 31 BC — AD 305. London; New York, 2001

Zahran Y. Philip the Arab: A Study in Prejudice. London, 2001

Zwalve W. «Callistus» Case: Some Legal Aspects of Roman Business Activities // The Transformation of Economic Life Under the Roman Empire. Network Impact of Empire, Nottingham, July 4—7, 2001 / Eds. L. de Blois & J. Rich. Amsterdam, 2002. P. 116—127

Сокращения

AE — Annee epigraphique
CAH — The Cambridge Ancient History
CIL — Corpus inscriptionum latinarum
IGLS — Inscriptions grecques et latines de la Syrie
ILS — Inscriptiones latinae selectae
JRS — Journal of Roman Studies
RIB — *Collingwood R.G., Wright R.P.* Roman Inscriptions of Britain. Oxford, 1965 (2nd ed. with addenda R.S.O. Tomlin — 1998)

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»

Приобретайте в Интернете на сайте:
www.ozon.ru

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

РЕГИОНЫ:

- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ»,3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»

Приобретайте в Интернете на сайте:
www.ozon.ru

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

16+

Голдсуорти Адриан

Падение Запада
Медленная смерть Римской империи

Научный редактор Н. Зайцева
Компьютерная верстка: С. Клещёв
Технический редактор Т. Полонская

Подписано в печать 06.09.13. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 46. Тираж 2000 экз. Заказ № 7805

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ»
127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д.16, стр.3

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Римская империя не пала в одночасье, под копьями варваров в 476 г. — окончательный коллапс знаменовал собой лишь финальную сцену многолетней трагедии.

По мнению Адриана Голдсуорти, первые признаки разложения империи появились уже при просвещенном правлении «императора-философа» Марка Аврелия.

Но почему процесс разрушения не остановился?

И что послужило причиной гибели государства — бездарность императоров, смена религии, всесильная коррупция, страх позднеримских правителей перед социальными реформами?

В поисках ответов на эти вопросы Адриан Голдсуорти привлекает самые современные находки исследователей истории позднего Рима — свидетельства как документальные, так и археологические.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-080843-4

